

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Кузнецов В. Русская Голгофа

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
1. Тяжкая утрата	
2. «Царь могучий, Царь Державный...» ..	
3. Император Николай Второй	
4. Всегда верная и любящая	
5. Вести из Ревеля	
6. На взлете	
7. За Веру, Царя и Отечество	
8. Братья и сестры	
9. Царская Ставка	
10. Царевны	
11. «Солнечный Луч»	
12. Наша надежда	
13. Человек Божий	
14. «Великая, бескровная»	
15. Отречение	
16. Разлука	
17. Откровения «доброхотов»	
18. Будни дворца	
19. «Подарок кайзера»	
20. Без Царя	
21. Из родного гнезда	
22. Рухнувшие надежды	

Web www.gumer.info

- [IBM System x Express](#)

С четырехъядерными процессорами Intel® Xeon®. Потребляют меньше.
www.ibm.com

- [Суперцены HP BladeSystem c3000](#)

Процветание и успех вашей компании с технологиями HP BladeSystem c3000
www.hp.ru

- [Проекты для финансирования!](#)

Рентабельные **проекты** реальных секторов экономики. Инвестиции и кредиты
www.kelis.ru

- [Книги "из интернета"...](#)

Книги авторов-дебютантов Дмитрия Глуховского Метро 2033 и Эдуарда

- [23. Наваждение.....](#)
- [24. «Мы из Кронштадта».....](#)
- [25. «Нечто страшное грядет».....](#)
- [26. Vive l'Empereur!.....](#)
- [27. Русская Голгофа.....](#)
- [28. Пророчества Дому Романовых.....](#)
- [29. Кто на новенького?.....](#)
- [30. Чудеса Царственных Мучеников.....](#)
- [31. «Не прикасайтесь к Помазаным Моим»....](#)
- [32. «Не прикасайтесь к Помазаным Моим» \(окончание\)...](#)
- [33. Возвращение в Петербург.....](#)
- [Послесловие.....](#)

[Литература.....](#)

Темы: (нет)[[Редактировать](#)]

www.newsland.ru

- [Страницы из книги сатаны](#)

Все подробности о кино на портале kinoafisha! Посмотри!

www.kinoafisha.msk.ru

- [GZT.RU: "Остаться в живых".](#)

Советы тем, кто хочет пережить кризис!

www.gzt.ru

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной Хронологический Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

4 904

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Кузнецов В. Русская Голгофа

ОГЛАВЛЕНИЕ

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, Императрица,
Четыре Великих Княжны.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 1907 по 1919 год в Гатчине (тогда она называлась Гатчино) жил в своем домике известный русский писатель А. И. Куприн. Чудом избежав расстрела большевиками, вместе с отступающей Белой армией он покинул этот город (и Россию) на долгие годы. Находясь в эмиграции, Александр Иванович с тоской вспоминал старое доброе время. В рассказе «Извозчик Петр», написанном за рубежом, он приводит разговор с «извозчиком»:

«— Много ли сегодня выездил?
— Брось, Александр Иванович. На керенки считать? А что мне с ними делать? Избу оклеивать ими или?
— Да ведь радовался ты, дурак, революции?
— Что и говорить, милый, все мы дураками были. Небось и ты? Да нет, ты послушай, барин, как я раньше жил. Послушай только!
Он бросает вожжи, поворачивается ко мне и начинает загибать черные (вижу, не глядя) корявые пальцы.
— Выезжаю я из Пижмы в город в восьмом часу утра. Овес со мной, собственный, не купленный. Положил гривенник. Ехать домой обедать в

Web www.gumer.info

- [Греция от туроператора "Mibs"](#)

Индивидуальные туры на все курорты. Экскурсии. Свой офис в Афинах.

www.mibs.ru

- [Ясновидение, сенсорика, магия.](#)

Энергетика, целительство, терапия кармы. 2-недельный экспресс-курс.

www.podgorny-school.ru

- [Метод В.М. Бронникова](#)

Развитие памяти, способности управления энергообменом в организме.

www.bronnikov.ru

- [Добро пожаловать в Тайланд!](#)

Курорты: Паттая, о.Пхукет, о. Самуи, Краби и др. Огромный выбор отелей!

Пижму пять верст мне не расчет. Обедаю в трактире у Веревкина. Первым делом — щи. С убоиной. Опять гривенник. Щи такие, что ложкой не проворотишь. Потом на пять копеек каши, пшенной или гречневой. Самое чистейшее подсолнечное масло. Хлеба сколько хочешь. Черный — бесплатно, ситного краюха — копейка. Считаешь? Потом чай. Пятачок пара. Кипятку — сколько хочешь. Ну, иногда мерзавца тяпнешь; или угостишь кого. Всего-навсего сколько? Тридцать копеек. Да еще шестерке на чай две копейки. И сыт, и пьян, и в тепле сижу. Это за тридцать копеек. А выезжу две с полтиной. Так мне, милый, денег некуда было девать. Никакой царь богаче меня не жил...

Замолкает. Против этой бытовой логики никак не попрешь.»

«Извозчик Петр» напомнил Александру Ивановичу о том, что тот сам радовался революции. Действительно, так оно и было. Куприн даже написал восторженный панегирик Александру Керенскому. Но жизнь показала, чего стоили эти «временщики».

Обращаясь к сестре милосердия, вместе с которой некогда работала в Царскосельском лазарете, Великая Княжна Татьяна Николаевна, вторая дочь Императора Николая II, в одном из писем из Тобольского заточения вспоминала: «Это было самое хорошее и любимое время». Юная Царевна тосковала о кораблях, о «Штандарте» — Императорской яхте, на которой Царские дети с ранних лет вместе с Августейшими родителями летом отправлялись в плавание по финским шхерам. Тосковали они и по любимому Царскому Селу, и по Гатчине, о которой спустя сорок лет писала их тетушка, Великая Княгиня Ольга Александровна: «Каждый уголок Гатчины напоминал о былом величии России под скипетром Романовых».

Увы, ни той Гатчины, ни того Царского Села, ни той России давно уже нет. Нет и Романовых, под чьим скипетром ковалось ее величие. Оттого так пронзительны строки Георгия Иванова, написавшего стихотворение, вынесенное в эпиграф. А в 1930 году, в минуту отчаяния, у поэта вырвались полные беспросветности слова:

Хорошо, что нет Царя,
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.
Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет

www.sun-express.ru

[Туры в Египет от Капитал Тур!](#)

Новый год в Хурагаде, Шарм Эль-Шейхе. Гарантия мест. Спецпредложения!

www.capital-tour.ru

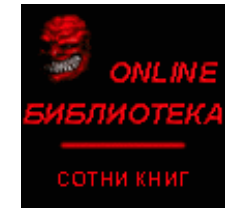
[Ясновидящая Юлия Агапова](#)

Снятие порчи. Результат сразу, без греха и вреда здоровью!

www.mag-agapova.ru

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

И не надо помогать._

Отчаяние — великий грех. Да, нынешняя жизнь трудна. Но среди темных туч появляются просветы. Возник интерес к прошлому. Издаётся литература (правда, ничтожными тиражами), о существовании которой многие из нас не знали еще несколько лет назад. Открываются и строятся храмы. В том числе и в деревнях. И те мужики, которых считают «пропащими», безвозмездно, так как у сельских священников нет денег, воздвигают и ремонтируют церкви. Мало-помалу народ возвращается к своим исконным корням. В храмах много молодежи — и девушек, и юношей. Поэтому обидно, когда вчерашние атеисты, начавшие щеголять церковными терминами, заявляют: «Россия — левая <т. е. бесовская> страна». Это ложь. Ф. М. Достоевский писал: «Главная школа христианства, которую прошел он <русский народ> — это века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных за всю историю, когда он, оставленный всеми, работающий на всех и вся, оставался с одним Христом-Утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки, и Который за то спас от отчаяния его душу!»

Оторванный было атеистами от православных корней, спустя несколько десятилетий русский народ начинает приходить в себя. Во многих пробуждается интерес к русской истории, в частности, истории жизни и гибели Царской Семьи. Далеко не все повторяют байку о том, что Царь был тиран и угнетатель. Русский народ добрый и простодушный. Именно такой Царь — добрый и простодушный — и был нужен ему. При Николае II Россия достигла наивысшего расцвета во всех областях — культуры, науки, промышленности, сельского хозяйства. В феврале 1917 года страна стояла *на пороге победы*. «Но никто — ни враги, ни союзники — этого не хотели, — говорил князь Алексей Щербатов, председатель Дворянского собрания Северной Америки, летом 1998 года. — Революция была самым выгодным инвестиционным проектом западных капиталистов»._

Опираясь на письменные свидетельства лиц, знавших Государя и Царскую Семью — преданных подруг Императрицы Ю. А. (Лили) Ден, А. А. Танеевой (Вырубовой), английского генерала Хенбери-Вильямса, в течение многих месяцев встречавшегося в Царской Ставке с Императором, Великой Княгини Ольги Александровны и других — мы попытались дополнить портрет Царской Семьи. Хочется надеяться, что нам удалось в какой-то мере передать те чувства любви, обожания и уважения к Царской Семье и Государю, которых они заслуживают.

За кротость, нравственную чистоту, любовь к простому народу Императора Николая II на него вылиты ушаты грязи — больше, чем на кого бы то ни было. Автор этих строк много месяцев провел над пыльными томами и подшивками газет и убедился, как предан был Царю народ, как боготворили его и офицеры, и солдаты, крестьяне и ремесленники — как православные, так и иноверцы. И Царь платил им любовью. И в страшную июльскую ночь 1918 года вместе с любимой Им Семейей и верными слугами отдал жизнь за этот

народ. Не их ли молитвенным заступничеством мы обязаны тому, что, несмотря на все свои прегрешения, еще существуем. Государя Императора нередко обвиняют в излишней мягкости и доброте. Но именно эти качества привлекали к нему многих русских воинов. В особенности тех, кому пришлось испытать тяготы плена а затем — изгнания. Штабс-капитан Эраст Николаевич Гиацинтов, вкусивший горький хлеб чужбины после эвакуации Белой армии из Крыма, вспоминал о встрече с Государем в день своего производства в офицеры:

«Помню, как сейчас, день 24 августа 1914 года, когда мы... поехали в Царское Село для производства в офицеры. Временно исполняющий должность начальника училища полковник Бутыркин приказал нам надеть отпускную форму. Так как Великий Князь Алексей Николаевич был зачислен в списки нашего училища и носил даже форму старшего портупей-юнкера, наши фельдфебеля 1-й и 2-й батарей вместе с начальником училища... поехали в Александровский дворец, где поднесли букеты Императрице и Великим княжнам... Вышел через некоторое время на крыльцо Екатерининского дворца Государь Император. Он произнес короткое слово, поздравил нас с производством в первый офицерский чин и заключил это словами: «Служите Мне и служите России». И на его чудных глазах появились слезы: он знал, что большинству из нас предстоит смерть на ратном поле».

И действительно, около 50 процентов однокашников Гиацинтова, «которые рвались на фронт как можно скорей, чтобы положить свою жизнь за нашего Царя, и за наше Отечество», были убиты или тяжело ранены и умерли от ран.

О расцвете Российской Империи при Императоре Николае II невольно свидетельствовал протопресвитер о. Шавельский, не испытывавший особой симпатии к Государю, так как был сторонником Великого Князя Николая Николаевича-младшего:

«После Русско-японской войны началось переселение крестьян из разных губерний Европейской России в Сибирь. Скоро Сибирь стала неузнаваема. В 1904 году... даже прилегающие к железной дороге места не были заселены... В августе 1913 года... везде виднелись обширные поля и сенокосы; уборка хлебов и сена всюду производилась машинами, поля обрабатывались пароконными плугами,— одноконных плугов не было видно... Прежние маленькие городишки теперь разрослись в большие города. Новониколаевск <в советское время Новосибирск>, в 1904 г. имевший... не более 15 тысяч жителей, в 1913 г. насчитывал 130 тысяч жителей... В Красноярске, Томске и Омске мне много рассказывали: об удивительных урожаях пшеницы — сам 40, о бесконечных богатейших пастбищах для скота, об обилии дичи в лесах, о кишевших рыбой Сибирских реках, о чудовищных минеральных богатствах

Алтая... Приблизительно в десяти километрах от Владивостока находится... Русский Остров, на котором в 1913 году квартировала 9 Сибирская стрелковая дивизия с 9 Сибирской артиллерийской бригадой... Когда подали огромную рыбу, командир полка пояснил мне: — Это рыба собственного улова... <Солдаты> в течение двух недель наловили что-то около 2.000 пудов рыбы...»

Читатели, очевидно, помнят о сообщениях в российской печати о том, что в наше время (конец XX века) на этом самом острове пухнут с голода молодые матросы.

В деле развития Сибири, Дальнего Востока, Туркестанского края огромную роль сыграл Император Николай II. С этим согласен даже о. Шавельский:

«Было бы большой несправедливостью не отдать должное и личности Императора Николая II, всегда и всей душой откликнувшегося на клонившиеся к народному благу разные реформы... Всякий начальник мог быть совершенно уверен в поддержке Императора... Государь неподдельно и безгранично любил Родину, не страшился новизны и очень ценил смелые порывы вперед своих сотрудников»._

Военный министр Великобритании в Великую войну Уинстон Черчилль воздал должное Николаю II: «...Тот строй, который в Нем воплощался, которым Он руководил, которому Своими личными свойствами Он <Царь> придавал жизненную искру — к этому моменту <февраль 1917 г.> выиграл войну для России»._

Однако Государь был предан теми, кто сам захотел воспользоваться плодами победы. Но не тут-то было...

«Нет греха большего, как сопротивление воле Помазанника Божия,— обращаясь к князю Жевахову, товарищу обер-прокурора Святейшего Синода, говорил в 1916 году оптинский старец иеросхимонах Анатолий (Потапов).— Береги Его, ибо Им держится земля Русская и Вера Православная. Но... — Отец Анатолий задумался, и слезы показались у него на глазах. — Судьба Царя — судьба России. Радоваться будет Царь, радоваться будет и Россия. Заплачет Царь, заплачет и Россия... Как человек с отрезанною головою уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим»._

Развязанный и поддержанный определенными кругами Гос. Думы бунт петроградской черни и распропагандированных запасных батальонов, любой ценой стремившихся остаться в тылу, предательство пяти Главнокомандующих фронтами и, в первую голову, Великого Князя Николая Николаевича, привели к вынужденному отречению от Престола Российского Государя Императора. И исход был predetermined: расстрел Царя и Его Семьи при попустительстве большинства народа — вот что навлекло на нас Божий гнев. Но, видно, мы до сих пор ничему не научились. Причины

нынешних своих успехов мы видим то в «черном четверге», то в «черном вторнике», то в «обвале рубля», то в повышении курса доллара и т. д. и т. п. Еще в конце 1917 года святейший Патриарх Тихон писал:

«Вся эта разруха и недостатки оттого, что без Бога строится ныне Русское государство... Забыли мы Господа! Бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, хлебу, к деньгам, упились вином свободы — и так, чтобы... другим не оставалось. Заботимся о том, что преходит,— прилежати же о душе, вещи бессмертной, совсем забываем... Успеха у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге...»_

Г.Иванов. Собр. соч. 3-х тт. Стихотворения. М.. Согласие. 1996. С.372.

А.Куприн. Эмигрантские произведения. М. Раритет. 1992. С.84-85.

Г.Иванов. "Сады" и "Розы". СПб: Логос. 1993. С. 93.

"АиФ-Петербург". 1998. № 29. С. 3.

Э.Н.Гиацинтов. Записки белого офицера. СПб. Интерполиграфцентр. 1992. С. 48.

Г.Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М.: Крутицкое патриаршее подворье. 1996. С. 35-42.

С.С.Ольденбург. Царствование Императора Николая II. СПб: Петрополь. 1991. Т.2. С. 255.

"Россия перед Вторым Пришествием". М.: Родник. 1994. С. 177.

Цитир. по: Р.Масси. Николай и Александра. Пер. с англ. и послесловие В. Кузнецова. М.: Пресса. 1996. С. 569.

Темы: (нет)[[Редактировать](#)]

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги](#): [Именной](#) [Хронологический](#) [Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Кузнецов В. Русская Голгофа

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

«Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к Себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3-го он причастился Св. Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часа стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама!»_

Такую запись сделал в дневнике, который вел с детских лет, молодой Император Николай II Александрович, 20 октября 1894 года. «Петербургская газета» от 21 октября поместила текст телеграммы Министра Императорского Двора: «Сегодня, 20 октября, в Ливадийском дворце, в Бозе почил Государь Император Александр III. Штандарт над дворцом приспущен. Раздавшиеся выстрелы из орудий повергли население в беспредельное горе. Его Величество утром сподобился принятия Святых Тайн у протопресвитера Янышева. Все время Государь находился в полном сознании. Государыня Императрица находилась безотлучно возле Августейшего Супруга. Государь скончался окруженный всем Своим Семейством. С прахом прощались Августейшие Дети и Родственники, чины Двора, свиты и служащие при Дворе. В пятом часу, на площадке против дворцовой церкви, принесена была

Web www.gumer.info

- [Проекты для финансирования!](#)

Рентабельные проекты реальных секторов экономики. Инвестиции и кредиты
www.kelis.ru

- [Ясновидение, сенсорика, магия.](#)

Энергетика, целительство, терапия кармы. 2-недельный экспресс-курс.
www.podgorny-school.ru

- [Метод В.М. Бронникова](#)

Развитие памяти, способности управления энергообменом в организме.
www.bronnikov.ru

- [Ясновидящая Юлия Агапова](#)

Снятие порчи. Результат сразу, без греха и вреда

присяга Государю Императору [Николаю II]. К присяге приводил придворный протопресвитер Янышев в сослужении духовенства. Первыми присягали Великие Князья, затем чины Двора, находившиеся в Ливадии войска, дворцовая полиция, собственный Его Величества конвой».

В том же номере газеты появилось и следующее сообщение:

«В пятницу 21 октября в 12 часов магометане столицы, во главе с попечителем Ахуном Боязитовым, в присутствии приходских попечителей, совершили молебствие. После молебствия был поставлен Алькоран и, по прочтении Ахуном Боязитовым клятвенного обещания на верноподданство Государю Императору и Наследнику престола, присутствующие были приведены к присяге. Обряд присяги окончился целованием Корана».

Пережить тяжелую потерю Николаю II помогла его невеста, принцесса Гессен-Дармштадтская Алиса (Аликс), будущая Императрица Всероссийская, любовь к которой он пронесет до своего смертного часа. Именно она останется самым верным и преданным другом Николая Александровича.

«И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 часов в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана, и после мы причастились вместе с ней, дорогой Мама и Эллой [Великой Княгиней Елизаветой Федоровной, старшей сестрой Аликс]», — записал Николай II 21 октября. Незадолго до своей кончины Александр III успел благословить на брак сына и его нареченную, к которой сразу же проникся симпатией. Несмотря на протесты со стороны Императрицы Марии Федоровны и врачей, преодолевая слабость, могучий Государь облачился в парадный мундир и перекрестил сына и невестку, припавших к ногам обессилевшего богатыря. Кто бы мог подумать, что пройдет всего тринадцать лет со дня его восхождения на престол, с того памятного дня, когда, став Императором, он подпишет манифест:

«Божию милостию

*Мы, АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ,
Император и Самодержец Всероссийский,
Царь Польский, Великий Князь Финляндский
и прочая, и прочая, и прочая*

*Объявляем всем верным Нашим Подданным:
Господу Богу угодно было в неисповедимых путях Своих поразить Россию роковым ударом и внезапно отозвать к Себе ее благодетеля Государя Императора Александра II-го. Он пал от святотатственной руки убийцы, неоднократно покушавшихся на Его драгоценную жизнь. Они посягали на сию столь драгоценную жизнь, потому что в ней видели оплот и залог величия России и благоденствия Русского народа. Смирясь пред таинственными велениями Божественного Промысла и вознося к Всевышнему мольбы об упокоении чистой души Родителя Нашего, Мы*

здоровью!

www.mag-agarova.ru

Приворот любой сложности.

Безвредный, мощный **приворот**, быстро и надежно. 30 лет успешной работы!

vedacentre.com

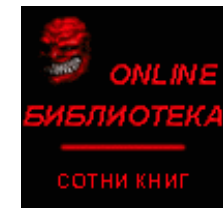
Мобильная связь на Украине

Звони дешевле!
Туристические сим-карты:
выгодная связь на Украине!

www.sim-travel.ru

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

вступаем на Прародительский Наш Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского.

Подъемлем тяжкое бремя Богом на Нас возлагаемое, с твердым упованием на Его Всемогущую помощь. Да благословит Он пути Наши ко благу возлюбленного нашего отечества и да направит силы Наши к устройению счастья всех наших верноподданных.

Повторяя данный Родителем нашим священный пред Господом Вседержителем обет посвятить по завету наших предков всю жизнь нашу попечениям о благоденствии, могуществе и славе России, мы призываем наших верноподданных соединить их мольбы с нашими мольбами пред Алтарем Всевышнего и повелеваем им учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Дан в С.-Петербурге в 1-ый день марта, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот восемьдесят первое, Царствования же Нашего в первое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДР»

Подобно своим предкам, Император Александр III мужественно нес крест Царского служения до могилы, завещав следовать по его стопам и своему сыну, Государю Императору Николаю II Александровичу. И свое тяжкое бремя, ставшее еще тяжелее, Николай II нес смело и терпеливо, памятуя наказ своего Державного Отца, который тот отдал ему незадолго до своей кончины:

«Тебе предстоит взять с плеч Моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы, так же, как нес его Я и как несли Наши предки. Я передаю тебе царство, Богом Мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекавшего кровью Отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал передо Мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество», зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую предсказывало Мне Мое собственное убеждение, Мой высший долг Государя и Моя совесть. Я избрал Мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо Моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность

России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего Царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней — держись независимой позиции. Помни — у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Прекрасные, мудрые слова. Но, увы, Александр III, рассчитывавший прожить долгую жизнь, мало сделал для того, чтобы своего Наследника подготовить к предстоящему ему Царскому служению. Поэтому неудивительно, что первые дни Николай II пребывал в некоторой растерянности. Даже самые близкие люди (кроме Государыни Александры Феодоровны) не могли понять и поддержать молодого Государя. Его родная сестра, Великая Княгиня Ольга Александровна, нашедшая немало слов осуждения в адрес покойной родительницы, Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, осудила и своего Державного брата. В своих мемуарах, продиктованных канадскому журналисту Йену Ворресу незадолго до ее смерти в 1960 году, она вспоминала: «После смерти Государя <Александра III> Ники подошел ко мне на веранде Ливадийского дворца и зарыдал».

Это душевное движение, вполне естественное в сыне, горячо любившем покойного отца, Ольга Александровна почему-то восприняла, как признак слабости. «Даже Алики <будущая Императрица Александра Феодоровна>, — продолжала Великая Княгиня, — не могла его утешить. Он был в отчаянии. Твердил, что не знает, что будет с нами. Что он совершенно не подготовлен управлять Империей». Обращает на себя внимание то, что многие страницы ее мемуаров словно списаны с «Книги воспоминаний» Великого Князя Александра Михайловича, в которой уйма явных ошибок и весьма спорных суждений. «Хотя я была совсем юной, — писала она, — я инстинктивно понимала, что одной чуткости и доброты, которыми был наделен мой брат, недостаточно, чтобы быть монархом. И в неподготовленности этой Ники был совершенно неповинен. Он был наделен умом, искренней религиозностью и мужеством, но был совершенным новичком в делах управления государством. Ники получил военное образование. Его бы следовало подготовить к выполнению государственных обязанностей, но этого не сделали. И повинен в этом был мой отец. Он даже не разрешал Ники присутствовать на заседаниях Государственного Совета вплоть до 1893 года. Почему, не могу объяснить. Но промах был допущен. Я знаю, Папа не любил,

чтобы государственные дела как-то мешали нашим семейным отношениям, но ведь Ники был его Наследником... Конечно, отец не мог предположить, что конец его наступит так рано...»

Тем большее уважение вызывает к себе молодой Император, который, в отличие от Великого Князя Константина Павловича, второго сына Императора Павла Первого (он не захотел унаследовать престол после кончины Александра I), не отказался от тяжелого бремени.

Силу он черпал в глубокой вере, в убежденности, что выполняет Божью волю. В упомянутой нами книге Александр Михайлович (Сандро), ее автор, сетовал, что Государь Николай II не опирался на помощь своих родственников, Великих Князей. Это не так. Те, кто мог ему помочь, помогали молодому Императору теми силами, какими они располагали. Но были и такие, как скажем, Великий Князь Алексей Александрович, генерал-адмирал, который, по собственному признанию, в морских дисциплинах не разбирался. Предполагалось, что бракосочетание состоится весной 1895 года, однако, не желая остаться без поддержки своей нареченной, молодой Император настоял на том, чтобы свадьба состоялась как можно раньше, пока «еще дорогой Папа под крышей дома». Но дяди Государя были за то, чтобы столь важное событие произошло в столице, а не в узком кругу родных в Ливадии. Неделю спустя, установив гроб с Царственными останками на шканцах под тентом из Андреевского флага на судне «Память Меркурия», из Ялты его доставили в Севастополь. Оттуда траурный поезд двинулся на север.

«Останавливались в Борках и Харькове для панихид...» (28 октября).

«Останавливались три раза: в Курске, Орле и Туле...» (29 октября 1894 г.) — отметил в дневнике Император Николай II.

Когда поезд с прахом Александра III ехал по Украине, к полотну железной дороги подходили тысячи крестьян, чтобы проститься с Царем.

Некогда идейный революционер, затем осознавший пагубность и преступность намерений нигилистов, Лев Тихомиров, получивший прощение у Государя Императора Александра III и вернувшийся из эмиграции с рядом своих сообщников, чтобы стать убежденным сторонником и теоретиком монархизма, писал в те дни:

«Никто не понял Императора, когда Он явился... Но Он Своими деяньями и Своей личностью принудил признать Себя. Он начал Свое служение с работы над самим Собой и выдержал самый тяжкий иску: победил в Себе все, что могло бы мешать Его исторической миссии. Пришлось... признать в Нем неутомимое трудолюбие, мужество, хладнокровие, независимость. Пришлось признать в Нем мудрость Правителя. Все трудности становились на Его царственном пути. Смута, измена, расстройство государственной казны, голод, мор, опасность, казалось, неминуемой войны... Все побеждал Он, все умиротворил, все благоустроил. Как Супруг, как Отец, как Патриарх Своего Царственного рода, во всем являлся Он высоким примером. Его твердость была такова, что исчезала даже мысль о сопротивлении Ему.

«Пока Я нужен России, до тех пор не умру», — говорил Он с глубокой верой в Промысел Божий. И вот сразу оборвались годы счастья. Смерть подходила к Нему шаг за шагом... Быть может, никогда еще ни о ком так не молилась Россия — и слышалось по всенародной молитве прошение, что уж если нужно наказать нас, то пусть лучше Бог пошлет другое бедствие, только не это».

Выраженные в статье Л. Тихомирова чувства испытывала вся Россия. 30 октября с Николаевского вокзала Москвы гроб с прахом Александра III повезли в Архангельский собор. Процессия растянулась на три версты. Опечаленный народ крестился, печально звонил колокол, звучали торжественные аккорды «Коль славен». Гимн этот исполняли хоры войск, стоявших шпалерами на пути траурного шествия. Раздавались похоронные марши. На 13 подушках сановники несли ордена и знаки отличия, на одиннадцати — Императорские регалии. Целую версту заняла духовная процессия с хоругвями. Священство было в белом облачении. Траурную колесницу под золотым балдахином везли 8 лошадей в черных пополах.

«Коль славен...»

Музыка Д. С. Бортнянского
Текст М. М. Хераскова

1. Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык;
Велик Он в небесах на троне,
В былинках на земли велик.
Везде Господь, везде Ты славен,
В нощи, во дни сияньем равен.
2. Тебя твой Агнец златорунный
В Себе изображает нам;
Псалтирю мы десятиструнной
Тебе приносим фимиам.
Прими от нас благодаренье,
Как благовонное куренье.
3. Ты солнцем смертных освещаешь,
Ты любишь, Боже, нас, как чад;
Ты нас трапезой насыщаешь
И зиждешь нам в Сионе град.
Ты грешных, Боже, посещаешь
И плотию Твоей питаешь.
4. О Боже, во Твое селенье

Да внидут наши голоса;
И взыдет наше умиление
К Тебе, как утрення роса!
Тебе в сердцах алтарь поставим,
Тебя, Господь, поем и славим.
(Исполняются строфы 1, 2, 4)

Государь, Великие Князья и принц Валлийский следовали за колесницей пешком. Государыня с Августейшими дочерьми и Высоконареченная Невеста Государя ехали в одной траурной карете, остальные Великие Княгини — в другой. Митрополит Сергей совершал каждение вокруг гроба. После того, как гроб внесли в собор, в преддверии его митрополит совершил панихиду. Государь и все присутствующие молились коленапреклоненно. Затем епископ Тихон отслужил панихиду на площади, заполненной народом, стоявшим на коленях.

Прежде, чем колесница достигла Кремля, было 10 остановок у храмов для литий. Гроб, оставленный на ночь в Архангельском соборе, после литии был водружен на колесницу и доставлен на станцию.

1 ноября в 10 часов утра траурный поезд прибыл в С.-Петербург. Встречал его почетный караул от Гвардейского Экипажа со знаменем и хором музыки. В одну линию с ним стояла рота Дворцовых Гренадер. У платформы выстроились 60 пажей со свечами в руках и шарфами черного и белого цвета через плечо.

У схода — колесница, запряженная восемью лошадьми. На пополах — герб Императора. Над золотым балдахином белые страусовые перья. На углах черного бархатного катафалка серебряные орлы.

Поезд останавливается. Слышится команда «на караул!» Величественные звуки «Коль славен» сменяются боем обтянутых крепом барабанов. Гудит колокол Исаакиевского собора, раздаются редкие выстрелы салюта орудий Петропавловской крепости. Минуты через три музыка смолкла, все обнажили головы. Перед гробом почившего в Бозе Родителя Государь преклонил колени. Митрополит совершил литию. «Вечная память» — раздаются слова. Гроб устанавливают на колесницу. По сторонам его следуют пажи со свечами в руках. Государь и принц Валлийский идут пешком за гробом, который сопровождают Великие Князья и свита. Государыня Императрица, королева Эллинов, Высоконареченная Невеста Государя, Великие Княгини и принцессы следуют в траурных каретах.

Шествие от вокзала до крепости продолжалось четыре часа. Дома были затянута трауром, горели фонари, обтянутые крепом. На зданиях — черные с белым флаги. Множество депутатов несли знамена и гербы, все иностранные ордена покойного Государя. Затем следовали высшие сановники и лица Империи, министры и члены Государственного Совета. Процессия была разделена на 12 отделений, во главе каждого церемониймейстер. Во всех отделениях было 156 разрядов или нумеров.

В конце 3-го отделения между знаменами и гербами двигались латники. Один ехал на коне: латы, наколенники, наручники, шлем со страусовыми перьями — все в золоте. В руках — обнаженный меч. Другой был пеший латник — печальный, весь в черном, с огромным, опущенным вниз обнаженным мечом, обвитым черным флером. Несли 52 знамени, за каждым вели лошадь, 12 гербов, включая Государственный. Депутации, сановники, министры несли государственные мечи и 57 иностранных орденов, а также 13 российских знаков отличия и орденов, за ними — Государственное знамя и 11 регалий, в том числе Государственную корону.

Затем следовала процессия духовенства. Несли хоругви, шли певчие, причетники, диаконы, священники со свечами в руках, все в белом. За ними архимандриты, преосвященные викарные епископы Никандр и Назарий, придворная певческая капелла, придворные псаломщики, протодиакон и протоиереи. В процессии находился отец Иоанн Кронштадтский, ныне причисленный к лику святых. Преосвященный Виссарион, епископ Костромской, и преосвященный Антоний, епископ Финляндский, следовали во главе духовенства вместе с митрополитом Палладием. За ним, перед колесницей, нес свечу Его Величества протопресвитер о. Янышев.

Траурная процессия останавливается у Знаменской церкви (нынче на ее месте надземный вестибюль станции метро «Площадь восстания»).

Следующая остановка для литии у Аничкова дворца. Над крышей Александринского театра поднимается дым курильниц. На паперти Казанского собора митрополит Палладий служит литию. Перед собором шпалерами выстроились студенты института гражданских инженеров, Императора Николая I, путей сообщения, технологического, горного и электротехнического.

Войдя в собор, Государь Император преклонил колени пред чудотворной иконой Казанской Божией Матери. Митрополит приветствовал Царя и благословил его иконой. Навстречу процессии у лютеранской церкви Петра и Павла вышли лютеранский епископ, суперинтендант и все пасторы. У голландской церкви стояли консул, пастор и члены колонии.

Начиная от Полицейского моста по правую сторону стояли кадеты, по левую — пехотные войска, Новочеркасский полк и стрелковая гвардейская бригада. На повороте с Невского к Николаевскому мосту расположилась батарея Михайловского Артиллерийского училища. У Исаакиевского собора траурная процессия остановилась, была отслужена лития. На Сенатской площади, где была установлена величественная траурная арка, выстроилось Константиновское Артиллерийское училище. На набережной — слушатели военных академий.

Николаевский мост освещен фонарями, окутанными флером. На Васильевском острове — шпалеры моряков, флотских и гвардейских экипажей. На фронтоне здания Академии Художеств громадная лира задрапирована трауром. У Румянцевского сквера стоят юнкера пехотных училищ, пажи, кадеты, воспитанники Морского кадетского корпуса, напротив

них — гимназисты, студенты университета. Расположившийся перед зданием Академии Наук оркестр пожарных команд играет «Коль славен», за отрядом пожарных расположились студенты, учащиеся школ, перед таможенными зданиями — фронт пограничной стражи.

На Новобиржевом мосту воздвигнута траурная арка. Процессия переходит на Петербургскую сторону. Там в строю студенты Военной Медицинской Академии, учащиеся высшей офицерской и артиллерийской школ. Далее — части 9-й гв. пехотной дивизии; в Александровском парке, у самой крепости стоит Л.-Гв. Преображенский полк.

В 2 часа дня траурная колесница подъезжает к Петропавловскому собору. Дворцовые Гренадеры снимают с колесницы гроб, передают его родственникам почившего Царя. Государь Император в голове, Великие Князья по бокам, министр Императорского Двора в ногах, вносят гроб в собор и ставят на катафалк. Митрополит в сослужении членов Святейшего Синода и придворного духовенства в присутствии 1000 человек совершает божественную литургию.

Уже с вечера проститься с прахом усопшего монарха в собор потянулись массы народа. Неделю стоял гроб в Петропавловском соборе. Нескончаемой вереницей шли сюда люди — петербуржцы и приезжие, простолюдины и знать, военные и штатские. Шли, чтобы отдать последний поклон почившему в Бозе Императору, для которого, по его словам, было важно «всегда иметь единой целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России». Наступило холодное утро 7 ноября 1894 года. Россия прощалась со своим Царем. Русский флот и армия — с Державным Предводителем.

В состав отряда для отдания воинских почестей своему Вождю под общим начальством командира гвардейского корпуса генерал-адъютанта Манзея были назначены части пехоты и артиллерии Петербургского гарнизона и ближайших окрестностей. Депутации от шефских частей, российских и иностранных, Шефом которых был почивший в Бозе Император, были построены в крепости от Невских ворот к собору. Было представлено и Александровское военное училище. Л.-Гв. Преображенский и Семеновский полки расположились на валах Петропавловской крепости; Л.-Гв. Московский Гренадерский и Финляндский полки, Павловское военное училище, Морской кадетский корпус, Гвардейский экипаж, сводный батальон 1, 7, 13 флотских экипажей, С.-Петербургское пехотное юнкерское училище, сводный батальон офицерской стрелковой школы и пограничной стражи — от Троицкой площади по Кронверкскому проспекту до Невы. Части гвардейской пехоты, 145-й пехотный Новочеркасский Императора Александра III полк, Пажеский корпус, инженерное училище и электротехническая школа разместились на Дворцовой набережной. Артиллерия была расположена в трех местах: Л.-Гв. 1-я артиллерийская бригада и Михайловское артиллерийское училище — на набережной у Летнего сада; Л.-Гв. 2-я и 23-я артиллерийская бригада, 5-я гв. батарея 2-й резервной арт. бригады и батарея офицерской артиллерийской школы — у здания Биржи и, наконец, вся гвардейская конная артиллерия

расположилась на Петербургской стороне по набережной у провиантских магазинов.

Внутри крепости был выставлен в почетный караул эскадрон Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка со штандартом и хором трубачей, расположившийся у входа в собор. У Петровских ворот размещены были назначенные для сопровождения регалий четыре взвода Л.-Гв. Конного полка при 4 трубачах и 24 унтер-офицерах того же полка.

Л.-Гв. Гренадерский полк занимал караулы у ворот крепости.

Все войска были в парадной форме, при шинелях.

В 10 1/2 часов утра в собор прибыли Государь Император Николай II Александрович, Государыня Императрица Мария Феодоровна, Высоконареченная Невеста Великая Княжна Александра Феодоровна, Великий Князь Михаил Александрович и Великая Княгиня Ольга Александровна. Государь Император был в форме Л.-Гв. Преображенского полка.

Их Величества и Их Высочества, в сопровождении всех Членов Императорской Фамилии, ожидавших уже приезда Государя Императора, вошли в собор, где были встречены высокопреосвященным Палладием, митрополитом С.-Петербургским и Ладожским и членами Святейшего Синода с крестом и святой водой. После того, как Их Величества заняли свои места, началась божественная литургия, отправлявшаяся митрополитом Палладием в сослужении членов Святейшего Синода и придворного духовенства; среди них находился и отец Иоанн Кронштадтский.

В собор прибыли Король Датский Христиан IX, отец Вдовствующей Государыни Императрицы, Король Греческий Георг, Король Сербский Александр I, Великий Герцог Гессенский, Великая Княгиня Анастасия Михайловна и другие иностранные владетельные особы.

Во время заупокойной литургии и отпевания у подножья катафалка с гробом Царя стояли на дежурстве командиры полков, в которых покойный Государь Император изволил быть шефом — как в русской, так и иностранных армиях — а также старшие офицеры французской и бельгийской делегацией. При пении «Со святыми упокой» и возгласении вечной памяти усопшего Императора Александра III Их Величества, члены и родственники Августейшей Семьи и все присутствующие опустили на колени.

По окончании отпевания Их Величества, члены Августейшей Семьи и иностранные августейшие особы в последний раз приложились к телу в Бозе почившего Императора. После того, как крышка гроба была прикреплена, Их Величества и Их Высочества еще раз преклонили колени. Затем Государь Император, Члены Императорской Фамилии и иностранные владетельные особы подняли гроб и, предшествуемые митрополитом и духовенством, при всеобщем молчании — слышалось лишь тихое пение: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!» — понесли его к могиле, устроенной в центральной части собора, рядом с могилой Императрицы Марии Александровны, Родительницы усопшего Государя.

Гроб с останками Императора Александра III был вставлен в медный ковчег. После этого его заперли двумя замками, ключи от которых были переданы на хранение министру Императорского Двора и коменданту крепости.

Когда гроб со священными останками был принят из рук Их Величеств и Их Высочеств нижними чинами роты Дворцовых Гренадер и те стали опускать его в могилу, стены собора вздрогнули. Послышались словно бы раскаты грома: это войска отдавали последние воинские почести своему незабвенному Державному Вождю.

По сигналу с крепости из всех орудий было сделано по 6 выстрелов; пехотой и артиллерией в строю стрельба производилась по-батальонно и по-батареино восемью отдельными очередями, соответственно расположению войск, в каждой по 6 залпов.

При опускании гроба Государь Император бросил на него горсть земли. Примеру его последовали остальные.

Затем Их Величества и Их Высочества изволили отбыть. При выходе Государя Императора из собора почетный караул отдал честь, штандарт склонился, трубачи заиграли «поход», а затем «Боже, Царя Храни».

Царские регалии повезли из Петропавловского собора в Зимний дворец. Открывали и замыкали шествие по два взвода Конной гвардии. По сторонам кареты, в которой везли регалии, следовали по два унтер-офицера. Над дворцом взвился Императорский штандарт.

В течение 17 часов в сутки открыт был доступ к могиле покойного Императора. Ежедневно поклониться Его праху приходило до 30 000 человек. Сокрушая «кумиров» и повсюду устанавливая собственные, советская власть снесла памятники всем Императорам, за исключением, пожалуй, памятников Петру I и немногих памятников Павлу I. Повезло и Александру III. Его памятник, многие годы хранившийся где-то на задворках Русского музея, уцелел. А к столетию со дня его смерти «узник Русского Музея» был выпущен на свободу. Пусть этот памятник (работы Паоло Трубецкого) «Державному Строителю Великого Сибирского пути» стоит не там, где был установлен впервые — перед Николаевским (ныне Московским) вокзалом на Знаменской площади, а в садике Мраморного дворца. Пусть он стоит на невысоком постаменте, а не на пятиметровом цоколе. Но мы можем положить к нему цветы и поклониться памяти Царя-Миротворца. Да и место для установки памятника выбрано удачно. Быть может, в мертвых ушах Императора все еще отдается эхо прощального салюта, прозвучавшего, когда гроб опускали в землю рядом с могилой его матери, Императрицы Марии Александровны.

Капитан I ранга Игорь Озимов, скончавшийся через сто лет после смерти Императора Александра III, еще в то время, когда на памятник Царю-Миротворцу можно было посмотреть лишь в щель в заборе, написал

стихотворение:

Памятник Александру Третьему

Другой, но тоже — всадник медный,
Судьба другая и напасть.
Его Демьян ославил Бедный,
И убрала подальше власть.
И на задворках, за забором,
Обшитый досками, как встарь,
Сидит в седле с немим укором
Уже полвека Русский Царь.
И противостоянье длится,
Он — не шемякинский урод,
И власть лукавая боится,
Чтоб увидал его народ.
А ну, как он поводья бросит
И кликнет воинство свое
И за развал державы спросит

Всех отступивших от нее.

Дневники Императора Николая II. М.: Орбита. 1992. С. 43
Цитир. по Р.Масси. Цит. пр. С. 567-568
“Коль славен”. Музыка Д. С. Бортнянского Текст Хераскова
И.Озимов. Белая лестница. М.: Типография "На Воробьевых горах". 1996. С.
21.

Глава вторая

«ЦАРЬ МОГУЧИЙ, ЦАРЬ ДЕРЖАВНЫЙ...»

Ровно сто лет спустя после кончины Царя-Миротворца в Петропавловском соборе состоялась панихида по Благовернейшему Самодержавнейшему Царю Александру III Александровичу. Панихида была совершена архиерейским чином преосвященнейшим Иоанном, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским при сослужении духовенства. На панихиде присутствовала вдова Тихона Николаевича Куликовского-Романова, племянника Царя Мученика Николая II Александровича, представители дворянства, казачества, купечества и иных сословий. В воскресенье 27 ноября 1994 года состоялось возложение венка к памятнику Государю Императору Александру III Александровичу от имени Ольги Николаевны Куликовской-Романовой. Перед собравшимися выступили

представители монархических организаций, дворянства, военные, ученые, литераторы. Отец Алексей Масюк и отец Владимир Сергиенко отслужили благодарственный акафист Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому, и была коленопреклоненно возглашена «Вечная память» Благочестивейшему Самодержавнейшему Государю Императору Александру III Александровичу. Собравшиеся исполнили народный гимн «Боже, Царя храни».

* * *

После кончины Государя Императора Александра III одна из петербургских газет писала:

«Все сословия, все классы населения были одинаково дороги сердцу почившего в Бозе Царя-Батюшки. Дворянство и крестьянство, купечество, служилый люд и доблестное наше воинство, словом — все классы и сословия, все без исключения верноподданные Царя-Батюшки не забудут Его безграничных отеческих забот и попечений. Достаточно вспомнить... новое законоположение об узаконении и усыновлении детей, учреждение Крестьянского поземельного банка и т. д. и т. п., чтобы убедиться, как горячо и близко к сердцу незабвенный Царь-Миротворец принимал нужды наиболее обиженной... судьбой части населения».

Александр III особенно заботился об «Их Величествах — Мужиках» (выражение самого Императора). Понижение выкупных платежей, обращение временно-обязанных крестьян в крестьян собственников, облегчение покупки крестьянами казенного леса, упрощение приобретения ими мелкой земельной собственности, ограничение эксплуатации ростовщиками сельского населения — все это было предпринято по указанию Монарха. Создание фабричных и податных инспекций, отмена телесных наказаний для ссыльных женщин, освобождение киргизов от крепостной зависимости свидетельствовали о заботе Государя о благе своих подданных.

В нынешнее время забвения исконных русских ценностей, время пренебрежения государственными интересами России как не вспомнить патриотизм Государя Императора. Газета «Биржевые Ведомости» отмечала:

«Величайшей заслугой Александра III будет то, что Он высоко поднял и держал знамя русской народности. Держал не только перед очами всего населения необозримой Своей империи. Перед твердой волей Его сдавались такие крепости, как полунемецкие твердыни Балтийского нашего поморья, так долго и так упорно не принимавшие русского стяга, свободно и широко развевающегося ныне в навсегда уже возвращенных России Юрьеве и Колывани. И в самой Русской земле смелее стали по Его почину говорить о русском духе и самостоятельных задачах русского народа... Народы и

правительства Запада давно уже поняли, что только могучая воля Северного Монарха является охраной и гарантией мира».

Основательное научное образование Великий Князь получил у знаменитых московских и петербургских профессоров. Один из них, Яков Карлович Грот, привил ему вкус и любовь к русскому языку и литературе. В своем к нему рескрипте Александр Александрович отмечал: «Неусыпным усердием к делу Вы заслужили признательность незабвенных наших Родителей». Получив специальные военные знания и всесторонне изучив морское дело, Великий Князь особо тяготел к русской истории, «преданиям старины глубокой». В письме к Лажечникову он указал:

«Мне приятно заявить, что «Последний Новик», «Ледяной Дом» и «Басурман», вместе с романами Загоскина, были в первые годы молодости любимым моим чтением и возбуждали во мне ощущения, о которых и теперь с удовольствием вспоминаю. Я всегда был того мнения, что писатель, оживляющий историю своего народа поэтическим представлением ее событий и деятелей в духе любви к родному краю, способствует к оживлению народного самосознания и оказывает немаловажную услугу не только литературе, но и целому обществу».

Следует отметить, что, став Императором, Александр Александрович покровительствовал литературе, искусству, в особенности, музыке и живописи. Он приобретал для своего кабинета, для Эрмитажа картины русских мастеров. Назначал пенсии писателям. В частности, им была назначена пенсия Ф. М. Достоевскому, А. Н. Островскому, журналисту Каткову, композитору П. И. Чайковскому. Среди государственных дел и забот Александр III находил время и для самых любимых своих занятий — историей и археологией России. Он был Августейшим Покровителем Московского Археологического Общества, Августейшим Председателем Императорского Русского Исторического Общества и содействовал обнаружению важных исторических документов. По инициативе Александра III был издан «Словарь всех замечательных русских деятелей». Родился Александр Александрович в Аничкове дворце 26 февраля 1845 года. Он был вторым сыном Императора Александра II. Воспитывался вместе со старшим братом Николаем, который скончался в Ницце в 1865 году. Ставшего Цесаревичем второго сына Император Александр II начинает приобщать к государственной деятельности. Наследник становится Атаманом казачьих войск. Он — канцлер Гельсингфорсского университета, а затем и член Государственного Совета. После бракосочетания с дочерью датского короля Христиана IX принцессой Марией-Софией-Фридерикой-Дагмар, в православии Марией Феодоровной, состоявшегося 28 октября 1866 года, Наследник Цесаревич и Великая Княгиня поселилась в Аничкове. Александр Александрович выполнял поручения Державного Родителя,

встречался с представителями различных слоев населения из разных местностей России. Во время недорода 1868 года Цесаревич, по повелению Государя, возглавил Комиссию для оказания помощи голодающим и много сделал для них в этой должности.

Венчание на Царство Государя Императора Александра III Александровича и Государыни Императрицы Марии Феодоровны происходило 15 мая 1883 года в Московском Успенском соборе.

Полковник Олленгрэн свидетельствовал:

«Все Романовы, у которых были русские мамки <кормилицы>, говорили по-русски с налетом простонародным. Так говорил и Александр Третий. Если он не следил за собой, то в его интонациях, как я понял впоследствии, было что-то от варламовской раскатитости. И я сам не раз слышал его: «чивой-то», Выбирались мамки из истовых крестьянских семей и, по окончании своей миссии, отправлялись обратно в свои деревни, но имели право приезда во дворец, во-первых, в день Ангела своего питомца, а во-вторых, к празднику Пасхи и на елку, в день Рождества.

Всех этих няnek поставляла ко Двору деревня, находившаяся около Ропши. Каждой кормилице полагалось: постройка избы в деревне, отличное жалованье и единовременное пособие по окончании службы. Работа была обременительная, и за все время пребывания во дворце мамка не имела права ни ездить домой, ни выходить в город.

Мамка Александра III была старенькая и дряхленькая, и под Рождественское дерево лез сам Император, чтобы найти ее подарки... Сжав губы, старуха решительно и властно вставала, уходила в дальние комнаты и возвращалась оттуда со стаканом воды в руках. На дне стакана лежал уголек. Набрав воды, брызгала своему бывшему питомцу в лицо и, пробормотав какую-то таинственную молитву, говорила:

— Теперь тебя ничто не возьмет: ни пуля, ни кинжал, ни злой глаз.

Эта мамка пользовалась в Аничкове дворце всеобщим уважением, и не было ничего такого, чего бы не сделал для нее Александр Александрович.

Говорили, что в Ливадии, на смертном одре, вспомнил он о ней и сказал:

— Эх, если бы жива была старая! Вспрыснула бы с уголька, и все как рукой бы сняло. А то профессора, аптека...

Будучи умеренным в своих потребностях (спал он по четыре часа в сутки, жил в небольших, скромно обставленных комнатах в Гатчинском дворце, спал на походной кровати, предпочитал простую крестьянскую пищу, просто одевался), Александр III и детей своих воспитывал в умеренности и скромности. Он значительно урезал расходы на многочисленную фамилию Романовых. По словам С. Ю. Витте, «он... понимал, что многочисленная Императорская семья... должна служить своей частной, общественной и государственной жизнью примером для его подданных».

Первой учительнице своих детей, бедной вдове офицера, Государь внушал:

«Ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости... не поощряйте лени... Мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доказчику — первый кнут. Это — самое мое первое требование».

Строг был Государь со своими министрами. По словам В. К. Александра Михайловича, «какой-то чрезмерно честолюбивый министр угрожал отставкой Самодержцу. В ответ на эти угрозы Царь взял его за шиворот и, тряся, как щенка, заметил:

— Придержите-ка ваш язык! Когда я захочу вас выбросить, вы услышите от меня об этом в очень определенных выражениях».

Император Александр Третий был очень остроумный человек. Многие из его резолюций сделались классическими. Известен случай, когда в каком-то волостном правлении один мужик наплевал на его портрет. Дела об оскорблении Величества разбирались в Окружных Судах, и приговор обязательно доводился до сведения Государя. Так было и в данном случае. Мужика-оскорбителя приговорили к шести месяцам тюрьмы и довели об этом до сведения Императора. Александр Третий гомерически расхохотался, и хохот его был слышен на весь дворец.

— Как! — воскликнул Государь. — Мужик наплевал на мой портрет, и я же за это буду кормить его шесть месяцев? Вы с ума сошли, господа. Пошлите его к чертовой матери и скажите, что я, в свою очередь, плевать на него хотел. И делу конец. Вот еще невидаль!

По какому-то политическому делу арестовали писательницу Цебрикову и сообщили об этом Государю. Александр Третий на бумаге изволил начертать следующую резолюцию:

— Отпустите старую дуру!

Весь Петербург, включая и ультрареволюционный, хохотал до слез. Карьера г-жи Цебриковой была перечеркнута, и Цебрикова с горя уехала в Ставрополь-Кавказский. Два года она не могла прийти в себя от «оскорбления», вызывая улыбки у всех, кто знал эту историю.

Любитель пошутить, Александр III подчас и сам становился объектом насмешек. Однажды во дворце бельгийского короля случился пожар, нанесший ему значительный ущерб. Зная о занятости супруга, Мария Федоровна напомнила ему, чтобы он направил письмо бельгийскому послу с выражением соболезнования по поводу несчастья. Царь написал такое письмо. На следующее утро во дворец явился посол Бельгии, находившийся в хороших отношениях с Императрицей. Послы были обязаны тотчас откликаться на письма монархов, что посол и сделал: ему следовало получить аудиенцию у русского Императора. Посол показал Марии Феодоровне письмо. Оно было адресовано *послу Нидерландов!*

Императрица расхохоталась. Она оценила деликатность бельгийского посла:

узнай чиновники посольства о промахе, допущенном русским Царем, они всюду бы об этом растрезвонили и сделали из Александра III посмешище. Мария Феодоровна посоветовала послу сжечь злополучное письмо, и ни на какую аудиенцию не являться. «Он сегодня же забудет про свое письмо», — заверила его русская Царица.

Государь любил ежегодные поездки вместе с супругой и детьми в гости к тестю — королю Дании Христиану IX — и теще — королеве Луизе. Обычно это происходило в Рождество, иногда — летом. В королевской резиденции — замке Фреденсборг — собиралась многочисленная родня датского короля. Родственники приезжали из Англии и Германии. Подчас за стол садились до восьмидесяти едоков. Однажды на судне «Пемброк Касл» в Копенгаген приплыли известный английский поэт лорд Теннисон и бывший британский премьер Гладстон. Во время трапезы русский Император признался знаменитому барду, что... хотел бы быть королем Дании. Слова эти прозвучали странно в устах самого могущественного монарха того времени. Но в России Александр III всегда помнил слова Победоносцева: «Страна эта, лежащая за стенами Царских дворцов — ледяная пустыня, по которой бродит Лихой Человек». И действительно, лихие люди окружали Царя и его Семью на каждом шагу, и лишь казаки конвоя, гвардейские части и дворцовая полиция преграждали им путь в Царские покои. В России Царь ощущал себя узником. Покидая ее, он словно бы вырывался из тюрьмы. Здесь, в Копенгагене, он и его близкие без всякой охраны разъезжали в коляске, а то и гуляли пешком по улицам, где их встречали добрые, простодушные, лишенные всякого подострастия люди. Между тем даже у себя в Гатчине Государь не чувствовал себя в полной безопасности. Об этом свидетельствует драматический эпизод.

Император, работавший допоздна с государственными бумагами, днем, естественно, испытывал потребность прикорнуть у себя в кабинете. Как-то раз, сказав жене, что пошел отдохнуть, Александр III прилег на кушетку. Полчаса спустя из кабинета донесся выстрел. Мария Феодоровна бросилась туда. Муж ее лежал на краю кушетки с выпученными глазами. В руках у него дымился револьвер. На полу растянулся молодой человек с разmozженной головой.

На расспросы жены Царь ответил: проснулся он оттого, что кто-то вцепился ему в горло. Открыв глаза, он увидел перед собой незнакомца. Достав из-под подушки револьвер, спрятанный туда по старой армейской привычке, он выстрелил в него в упор. Убитый оказался новым адъютантом, недавно появившимся во дворце. Было произведено дознание. Молодой человек принадлежал к старинному дворянскому роду, отличавшемуся преданностью Государям. В связях с революционерами не был заподозрен. Тайну происшедшего он унес с собой в могилу. Возможно, увидев искаженное лицо Императора, он вздумал расстегивать крючки воротника, сдавливавшего Государю шею. Император постоянно был на чеку, что и объясняет его мгновенную реакцию. Впрочем, и отпрыск старинного рода мог быть связан с

нигилистами. Разве злодейка Софья Перовская не была дворянкой? А Каракозов, из рук которого выбил пистолет, направленный на Государя Императора Александра Николаевича, его отца, крестьянин Комиссаров, не принадлежал к «благородному сословию»?

Да и два злоумышленника, которых успела во-время схватить полиция в очередную годовщину злодейского убийства Царя-Освободителя, были дворянами. После службы в Петропавловском соборе карета, в которой находилась Царская Семья, поворачивала с Невского на Большую Морскую, чтобы оттуда по Вознесенскому проспекту добраться до Балтийского вокзала. По обеим сторонам улицы стояли обыватели. За считанные минуты до проезда Царской Семьи полиция получила донесение, заставившее ее действовать быстро и решительно. Переодетые полицейские быстро отыскали в толпе двух студентов, державших под мышкой увесистые тома. У них тотчас изъяли «литературу». Внутри медицинских справочников находились несколько фунтов динамита Рыжеволосый лобастый студент оказался сыном потомственного дворянина, директора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова. Александра и его подельника судили и приговорили к повешению. Мать приговоренного не призывала сына к покаянию. Она лишь твердила: «Мужайся, Саша, мужайся!» Впрочем, у Александра III было много недоброжелателей, особенно, среди представителей национальных меньшинств — таких, как поляки, финны, прибалтийские немцы, евреи — а также сектантов. В глазах иных из них он был вторым Иваном Грозным. Ведь Царь пресек деятельность ростовщиков, запретил немецким помещикам скупать земли в Прибалтийском крае, отдавая их крестьянам — литовцам, русским, полякам.

Полковник Олленгрэн, один из сыновей первой учительницы Цесаревича Николая Александровича и его брата Георгия, который учился вместе с юными Великими князьями, рассказывал про Александра Третьего, тогда еще Наследника Престола:

«Это был на редкость веселый и простой человек: он с нами, детьми, играл в снежки, учил нас пилить дрова, помогал делать снежных баб, но за шалости крепко дирывал за уши».

Но из писем Александра Александровича к своим сыновьям, в частности, к Великому Князю Николаю Александровичу, будущему Императору, встает образ любящего, доброго отца:

«Ливадия. 8 Окт. 1876 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за твои письма и Жоржи тоже, я очень рад, когда их получаю. Теперь ты хорошо пишешь и можешь мне писать чернилами, а не карандашем. Сегодня у нас дурная погода и дождь. Музвка совсем не играет и только приходит в Воскресение за завтраком... Обнимаю вас, мои души, от всего сердца. Целуйте хорошенько Мама от меня и

Ксению, Христос с вами.
Твой Папа

Находясь на русско-турецкой войне, Александр Александрович, тогда еще Цесаревич, мыслями уносился в родную семью, в Аничков дворец, служивший ей резиденцией. Письма супруге, Цесаревне Марии Феодоровне, более откровенны: «...Интендантская часть отвратительна, и ничего не делается, чтобы поправить ее. Воровство и мошенничество страшное, и казну обкрадывают в огромных размерах...» Цесаревич резко критиковал главный штаб армии и Главнокомандующего — Великого Князя Николая Николаевича (Старшего). Нужно отметить, что, в отличие от других Великих Князей — Владимира Александровича, в частности, о которых ходили слухи о том, что они замешаны в какие-то аферы с поставками обуви и обмундирования, — о Цесаревиче *никто* не говорил дурного слова. Письма его полны заботы и любви к детям. Своими детьми он считал и солдат и просил юных Великих Князей молиться за них. Из Ставки Руцукского отряда, которым он командовал, Цесаревич писал:

2 Октября 1877 года. *Село Брестовец*

Благодарю вас, мои душки Ники и Жоржи, за ваши письма. Мне очень скучно и грустно без вас и я часто думаю о вас и душе Ксении. Как давно мы не видались и я думаю, вы меня совершенно уже забыли... Надеюсь, что лошадь, которую Володя подарил Ники, пришла. Я хочу тоже подарить Жоржи турецкую лошадь и пришлю ее в Царское Село. Теперь, наконец, у нас отличная погода и дождь перестал.

Как мне хочется скорее приехать к вам, назад домой. Целуйте от меня крепко Мама и *не забывайте* вашего Папа, *молитесь* за него и за всех наших *молодцев солдат*. Обнимаю и целую вас крепко, мои душки. Постоянно думаю и молюсь за вас!
Христос с вами, мои душки!
Ваш Папа

Село Брестовец. Болгария. 13 Декабря 1877 г.

Благодарю тебя, милый мой Ники, за твое письмо. Очень рад, что ты хорошо учишься и что тобой довольны. Мне страшно скучно без вас и так тянет домой, но нечего делать. Когда служишь, так думать о своих не приходится и надо исполнять свой долг! Благодарю милого Георгия за его последние письма и напишу ему, когда успею.

Теперь у нас тоже настоящая зима, снегу очень много и мороз сильный. У меня решительно ничего нет для вас на елку; Мама вам подарит от меня, а здесь ничего достать нельзя. Дай Бог до скорого свидания и чтобы можно было мне вас скорее обнять всех троих. Поцелуй крепко, крепко от меня

душку Мама, Георгия и Ксению. Христос с вами, мои душки!
Крепко целую тебя, милый мой Ники; не забывай своего Папа и молись за него.

Твой Папа

Летом Великий Князь Николай Александрович с братьями и сестрой Ксенией гостил в Дании, у родителей Марии Федоровны, или же в прибалтийском курорте Гапсаль (нынешнее название — Хаапсалу). Сам Цесаревич не каждый раз мог их сопровождать, но о детях помнил всегда:

Царское Село. 1880 г. 1 Июля

Благодарю тебя, милый Ники, за твое длинное и милое письмо, которое я получил сегодня вечером.

Мы отлично плавали на милой «Царевне», погода была отличная и только один день покачало да и то только несколько часов. В шкерах мы каждый день съезжали на острова, гуляли, ловили рыбу и я стрелял и убил одну тетерку.

Пришли в Петергоф 29-го Июня в 1 час дня; заехали с Мама в наш милый Коттедж, а потом отправились по жел. дороге в Царское Село.

Вчера вечером мы поехали в Красное Село и там ужинали у Дяди Владимира и ночевали в нашем домике. Сегодня утром был парад Кавалергардскому полку и завтрак всем офицерам у Ан-Папа [короля Христиана IX]. К обеду мы вернулись снова сюда и обедали у Ан-Папа... Жду с нетерпением нашего возвращения в милый и тихий Гапсаль и радуюсь вас всех увидеть. Целую крепко милых Георгия, Ксению и Мишу. Всем нашим мой поклон. Крепко целую тебя, душка Ники.

Твой Папа

Лето Царские дети проводили на юге, но осенью у них возобновлялись занятия. Родители же еще могли наслаждаться теплой осенью Крыма:

Ливадия. 1880 г. 28 Октября

Благодарю тебя, милый Ники, за твое милое письмо и радуюсь, что вы здоровы; надеюсь, что и уроки идут у вас хорошо и что вами довольны Григорий Григор. и учителя. Мама писала тебе, что в начале погода у нас была чудная, совершенно лето, а с 20 Октября совершенно испортилась, постоянный туман, дождь и солнца не видать, так досадно и скучно. Мы провели четыре дня на охоте, на горах и жили в маленьком монастыре в домике настоятеля. Убили 2 оленей, 7 коз и 1 зайца.

Ездим верхом почти каждый день, но постоянно нас мочит дождем или туманом и гор совсем не видать. Ксения страшно скучает без вас и говорит, что Миша совсем не интересный и играть с ним нельзя.

Со следующим фельдъегерем я напишу Георгию, а теперь целую вас крепко, мои душки. Мама, Ксения и Миша вас тоже целуют. Христос с вами!

Твой Папа

Вступив на престол после подготовленного и осуществленного врагами России убийства Александра II — «Царя кроткого, свободолюбивого, милосердного, правосудного», по выражению журналиста М. О. Меньшикова, новый Император в своем манифесте призвал «всех верных подданных наших служить Нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — в утверждении веры и нравственности, — к доброму воспитанию детей, — к истреблению неправды и хищения, — к водворению порядка и правды в действиях учреждений, дарованных России Благодетелем ее, Возлюбленным Нашим Родителем». Прозвучавшее на всю страну мощное царское слово прояснило сознание многих колебавшихся и пробудило силы в народе и властях для противодействия смуте и крамоле. Властям были предоставлены широкие полномочия для борьбы с врагами страны. Революционеры были арестованы, заключены или отправлены в ссылку, часть их скрылась за границей.

Александр III, не доверяя царедворцам, окружавшим убиенного Его Родителя, сместил многих сановников и всех министров (кроме Н. К. Гирса, министра иностранных дел). Был отправлен в отставку министр внутренних дел граф Лорис-Меликов, не сумевший обуздать революционеров и их пристанодержателей — либералов. На его место Царь поставил графа Н. П. Игнатьева, смененного затем графом Д. А. Толстым. На пост военного министра Государь назначил известного героя Восточной войны 1877—1878 годов, бывшего своего начальника штаба, генерала П. С. Ванновского — человека прямого, решительного и преданного. Морским министром стал адмирал Шестаков, высланный Александром II за резкую критику русского военного флота. Именно Александр III выдвинул С. Ю. Витте, прежде мало кому известного чиновника, назначив его товарищем (заместителем) министра. Министрам предоставлялись широкие полномочия, они имели все возможности проявлять инициативу. Что касается внешней политики, то Государь имел обыкновение говорить: «Сам Себе Я министр иностранных дел». Н. К. Гирс, знающий, осторожный политик, стал как бы его товарищем министра и следовал курсу, начертанному монархом. Хотя Гирс и боялся вспышек (впрочем, редких) монаршего гнева (в такие минуты, когда шеф шел на прием к Государю, помощник министра, Ламсдорф, опускался на колени и творил молитву: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!»), старик был искренне привязан к Царю. Узнав от Витте, что Император безнадежно болен, министр — на первый взгляд, сухарь, человек черствый — заплакал горькими слезами.

Внешняя политика Александра III подверглась тяжелому испытанию уже в первые годы его царствования. В 1884 году туркмены Мервского оазиса, соседствовавшего с Закаспийской областью Российской Империи, добровольно вступили в русское подданство. Опасаясь приближения русских

к британским владениям в Индии, англичане начали подстрекать афганского эмира, и тот занял своими войсками земли возле Кушки. Командир военного округа запросил у Государя инструкции. «*Выгнать и проучить как следует*», — телеграфировал из Гатчины Царь. Генерал Комаров со своими туркестанскими батальонами, во много раз уступавшими в численности афганцам, ударили по врагу. Афганцы бежали вместе с английскими инструкторами, потеряв до тысячи человек и побросав все пушки. Английское правительство потребовало извинений. На этом настаивал и Гирс. Вместо этого Император наградил генерала Комарова орденом Св. Георгия 3-й степени и одобрил его действия. Английское правительство пригрозило войной. В ответ Александр III приказал привести в боевую готовность Балтийский флот. Это был акт высочайшего мужества: русский флот был слабее британского в пять раз. Мир замер в ожидании... Англичане пошумели и... успокоились. Европа поняла: с молодым русским Монархом следует всерьез считаться.

Примечателен эпизод, приводимый В. К. Александром Михайловичем:

«На большом обеде в Зимнем дворце... посол начал обсуждать... балканский вопрос. Царь делал вид, что не замечает его раздраженного тона. Посол разгорячился и даже намекнул на возможность, что Австрия мобилизует два или три корпуса. Не изменяя своего полунасмешливого выражения, Император Александр III взял вилку, согнул ее петлей и бросил по направлению к прибору австрийского дипломата:

— Вот что Я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами, — спокойно сказал Царь».

С. Ю. Витте писал, что «лица, не знавшие Александра III, рисуют Его, как человека жестокого, ограниченного и тупого...» Опровергая это мнение, и поныне бытующее среди кругов образованщины, тот же Витте отмечал: «Император Александр III обладал благороднейшим...— царским сердцем... Как семьянин, Он был образцовым семьянином; как начальник, образцовым начальником, образцовым хозяином. Он каждую копейку русского народа, русского государства берег, как самый лучший хозяин. У Него слово никогда не расходилось с делом». Добавим, что Государь берег не только каждую копейку, но и каждую каплю русской крови. Александр III заявлял: «Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной... Всякий правитель... должен принимать все меры для того, чтобы избежать ужасов войны».

Возмущенный политикой Германии, созданной благодаря усилиям русских армий, проливших моря крови ради возникновения Пруссии, а затем и Германского государства,— Германии, предавшей своего старинного союзника — Россию — Александр III сблизился с Францией. Мир нужен был и Франции, и Германии, поэтому в Европе, с установлением союзнических отношений между Францией и Россией, установилось политическое

равновесие. Уже после кончины Александра III французская газета «Тан» писала:

«Он, будучи вершителем судеб Европы, первый подал руку Франции... Не в победах искал Он славы. Он пожелал стать и стал императором мира, что дало ему возможность прекратить революционную агитацию внутри Своей империи, поправить финансы, провести пути сообщения в самый центр Азии, даже до Берингова моря, поднять престиж России во всем мире... В Европе все продажно, все шатко. Там главный девиз: «Блаженны имущие». Александр III провозгласил другой, христианский принцип: «Блаженны миротворцы». Не давая Себя в обиду, Он употребил Свою силу на то, чтобы оградить других от обид».

Забываясь о благосостоянии русского народа, Александр III ввел меры, защищающие русских производителей и ограничивающие ввоз заморских товаров, запретил ростовщичество, прекратил спаивание русского народа шинкарями и откупщиками.

Сознавая, что мир можно сохранить лишь опираясь на сильную армию и флот, Государь Император, говоривший, что «у России нет друзей. Нашей огромности бояться», укреплял вооруженные силы Империи. Численность русской армии достигла 900 000 человек.

«Еще в царствование Александра II почти все отрасли военного дела подверглись коренным реформам, и русская армия, созданная на новых началах, с честью выдержала боевые испытания 1877—1878 годов. Но война показала и крупные недостатки, главным образом, организационного характера. Стало ясно, что Россия должна считаться с целой коалицией вооруженных соседей, поэтому необходимо, в случае нужды, значительно увеличить численность своих войск. Она показала недостаточность вооружения, недостаточный запас нижних чинов и офицерского состава, недостаточную развитость железнодорожной сети.

Император предпринял энергичные меры для устранения этих недостатков. По инициативе Государя Императора Александра III Александровича был сокращен военный бюджет, но не в ущерб боеспособности армии.

Уменьшился нестроевой ее состав, изменено обмундирование. Оно стало удобнее, проще, дешевле и в то же время обрело национальный характер: мундир и шинель русского покроя, широкие шаровары, высокие сапоги, круглая барашковая шапка или фуражка без козырька. Прежняя форма сохранилась лишь у гвардейских частей, у Павловского полка гвардейских кавалерийских полков, у Дворцовых Гренадер и казачьих частей.

Срок армейской службы был сокращен с 6 до 5 лет. Личное участие Александра III, в бытность его Цесаревичем, в русско-турецкой (Восточной) войне, где он совершил славный поход на Осман-Базар, Разград и Эска-Джуме, показало ему несовершенство военного устройства русской армии, и

он приступил к ее реформированию, став Императором. Увеличилась численность войск, построены крепости на западной границе Империи, введена воинская повинность на Кавказе, изменен план мобилизации, реорганизованы казачьи войска, восстановлены кадетские корпуса, — писала газета «Русский Инвалид».

Смолоду влюбленный во флот, Государь, принявший участие в 1877 году в создании Добровольческого флота, предпринял разумные меры по реформированию флота. Был улучшен личный состав его. По существу, флот был создан заново. Суда строились на русских верфях, из русских материалов, руками русских рабочих и под руководством русских инженеров. Дисциплина в русской армии — отношение старших к младшим и младших к старшим — основывалась не на страхе, а на любви к родине и готовности положить жизнь за Веру, Царя и Отечество. Еще в указе от 1-го января 1874 года отмечалось: «Обязанность защищать свое Отечество должна быть для всех сословий одинаково священной. Новейшие события показали, что сила государственности не в одной численности войска, а в нравственных и умственных его качествах, достигаемых лишь тогда, когда дело защиты Отечества стало общим делом народа, когда все, без различия званий и состояний, соединились в одно святое дело».

Преодолев, благодаря усилиям канцлера князя Горчакова, еще в 1879 г., запрет Западных держав иметь России военный флот на Черном море, Российская Империя укрепляла свое могущество на море. Многие сделано было в этом смысле Александром III. В его царствование спущены на воду 114 новых кораблей, в их числе 17 броненосцев и 10 броненосных крейсеров. В Либаве был построен военный порт, названный впоследствии портом Императора Александра III (отданного «реформаторами», как и портовые сооружения Таллина, ни за понюшку табаку «суверенным» прибалтийским сепаратистам). По тоннажу русский флот занял третье место (после Англии и Франции). В армию в Российской Империи зачислялся всего 31 % призывников: широкие льготы предоставлялись призывникам по семейному положению, а также врачам, учителям и некоторым другим категориям. Во Франции же зачислялось в армию свыше 70 % призывников. Помимо обучения воинскому ремеслу, в армии неграмотных учили читать и писать, всем давались основы общего образования.

Русские Цари понимали, сколь велика ответственность их перед Богом и народом и честно и бесстрашно несли свой крест. В этом им помогала искренняя и глубокая вера в Бога.

Горячо верующий человек, Александр III щедро жертвовал из личных средств на постройку и восстановление церквей. При нем началось усиленное строительство православных храмов, основывались вновь или восстанавливались монастыри. Храм Воскресения Христова («Спас на Крови») в С.-Петербурге, собор в Риге и храм во имя Св. равноапостольного князя Владимира в Киеве, Храм Христа Спасителя в Москве были

воздвигнуты в царствование Царя-Миротворца. Владимирской собор расписан внутри самыми знаменитыми русскими художниками, в частности, В. М. Васнецовым. Благодаря стараниям Императора Александра III был создан Исторический музей, реставрированы Успенский, Архангельский, Благовещенский соборы, Грановитая палата. Дело начального образования Государь отдал в руки Православной церкви. Количество церковно-приходских школ за 13 лет выросло с 4 000 до 31 000. Его единомышленником и сподвижником был обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. При Александре III было положено твердое начало по обеспечению всего духовенства жалованьем. Установлены новые оклады жалованья для войскового духовенства. Утвержден новый устав духовных консисторий. Увеличено жалованье преподавателям духовных учебных заведений. Созданы братства и общества распространения религиозно-нравственного просвещения. Издано много духовно-нравственных книг для народа, открыт ряд духовных народных библиотек. При семинариях учреждены кафедры по изучению раскола и сектанства. Увеличилось количество латышей, эстов, финнов, перешедших в православие — процесс этот начался еще при Александре II. Благодаря стараниям Александра III стала развиваться русская опера, которая вытеснила прежде господствовавшую итальянскую. Как отмечала военная газета «Русский Инвалид»,

«Покойный Государь неустанно заботился о благоустройстве Своей армии, и нет такой отрасли ее жизни и быта, в которой не остались бы следы Его участия и попечений... Он увеличил число казенных вакансий для детей офицеров в кадетских корпусах, облегчил службу солдат, улучшил положение сверхсрочнослужащих. Руководствуясь Своими высокими понятиями о доблести и чести офицерского звания, Он указал меры к возвышению нравственного уровня корпуса офицеров».

В самом конце царствования Александра III было учреждено министерство земледелия. Осуществилась мечта всей земледельческой России. Несколько важнейших дел, предпринятых Царем-Миротворцем — таких, как постройка Великого Сибирского пути, освоение Севера Европейской России, пересмотр судебных уставов Императора Александра III — предстояло завершить новому царствованию — царствованию Государя Императора Николая II. И граф Сергей Юльевич Витте, и Великая Княгиня Ольга Александровна, младшая дочь Императора, души не чаявшая в державном родителе, отмечали огромное трудолюбие Царя-Миротворца. «Думаю, Папа был самым трудолюбивым человеком на свете», — свидетельствовала Ольга Александровна.

И трудился он не для развлечения, а для блага русского народа.

* * *

В 1913 году в Петропавловской крепости находились 673 венка, 54 иконы и 25 лампад — дары усопшему в Бозе Императору Александру III от благодарной России и иностранных государств. На гробнице лежал фамильный, из кованого серебра трехстворчатый складень с ликом Христа Спасителя, по Его сторонам — Ангел Хранитель и св. Андрей Критский. На обороте надпись: «В память 17 октября 1887 года от семьи». На гробнице же находились две серебряных вызолоченных лампы. Одна, в виде Императорской короны, имела надпись: «На могилу Императора Александра III в вечную благодарную память от графа Иллариона Ивановича и графини Елизаветы Андреевны Воронцовых-Дашковых. 28 ноября 1894 года». Вторая лампада была изготовлена наподобие шапки Мономаха, украшенной искусственными самоцветами. На ней было выгравировано посвящение: «Возлюбленному и Незабвенному Державному Командиру и Шефу — Преображенцы».

В соборе находилось около 800 серебряных и золотых изделий — приношений от россиян и иностранцев. По Высочайшему повелению они были искусно размещены на стенах и колоннах собора. От имени французского военного министра на могилу Царя-Миротворца был принесен венок в виде щита, обитого черным бархатом высотой 2 метра с лавровыми, дубовыми и масличными ветвями из литого серебра. Обращал на себя внимание громадный серебряный венок с георгиевскими лентами от Киевского военного округа, а также венки от президента Франции Феликса Фора, персидского шаха и глав некоторых других государств. Осенью 1917 года «благочестивое» Временное правительство упаковало все эти сокровища в 32 ящика и отправило в Москву. Дальнейшая их судьба неизвестна. Захватившие 25 октября власть большевики принялись «углублять революцию», разрушать памятники Царям и Великим Князьям. На снимке Оцуа виден один из таких эпизодов. Такие же «шутники», сбросившие с постаamenta статую Петра I в Выборге, увидев, как отскочила голова русского Императора, весело смеялись. «Будет с тебя, старик!» «Постоял здесь, и довольно!» — кричали финны. В странах нынешней «Балтии» такая же судьба постигла и памятники «вождю мировой революции».

* * *

Слова Императора Александра III, обращенные к К. П. Победоносцеву (31 декабря 1881 года), словно адресованы нам, живущим в конце XX века:

«Так отчаянно тяжело бывает по временам, что если не верить в Бога и Его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, как пустить себе пулю в лоб. Но я не малодушен, а главное, верю в Бога и верю, что настанут, наконец, счастливые дни для нашей дорогой России... Часто, очень часто вспоминаю я слова Святого Евангелия: «да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте». Эти могучие слова действуют на меня

благодарно. С полным упованием на милость Божию, кончаю это письмо. Да будет воля Твоя, Господи!»

В.к. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник. 1991. С. 114.

"Морская газета". Кронштадт. 1994. 3 декабря.

Глава третья

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

Будущий Император Николай Александрович родился в Царском Селе 6(18) мая 1868 года. Его отец, Цесаревич Александр Александрович записал у себя в дневнике: «... Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была — это нельзя себе представить... Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно». Сбылись мечты молодых супругов: у них появился первенец. Нарекли его Николаем в память о прежнем Цесаревиче Николае, который на смертном одре завещал свою невесту Дагмар брату Александру, к которому переходил его титул Наследника престола. Родившийся в радости, младенец рос здоровым и веселым. Отличался спокойным нравом и почти никогда не плакал. По мере того, как он подрастал, становилось все более заметным его сходство с матерью, Цесаревной Марией Феодоровной. Вторым сыном, которого назвали Александром в честь деда, родился год спустя. Ребенок был крупный, крепкий и походил на отца. Счастьем родителей конца не было. Маленький Саша обещал стать богатырем, как отец. Но от родителя же он унаследовал некоторую рыхлость. В апреле 1870 года младенец простудился. Несмотря на старания лучших докторов — Раухфуса, лейб-медика Гирша и других — 20 апреля мальчик умер на руках у матери.

Чтобы утешить убитую горем мать, год спустя Бог послал ей еще одного сына — Георгия. И еще трое детей появилось у Августейшей четы: Ксения (25.03.1875 г.), Михаил (22.10.1878 г.) и последыш Ольга (01.06.1882 г.). Ольга была порфирородным младенцем, поскольку родилась у царствующих родителей. Самым любимым ребенком матери был ее первенец, получивший домашнее имя Ники. Любимцем отца был Михаил, или «Мишук». Поскольку Ники должен был стать Наследником престола, ему уделялось особое внимание. От всех детей требовали правдивости и честности. Лучшие учителя и наставники добросовестно занимались воспитанием Ники. Но самыми главными наставниками были мать и отец. Больше всего времени воспитанию детей уделяла Цесаревна.

С Царским Селом у Государя были связаны самые теплые воспоминания. Именно Царскосельский Александровский дворец стал для него и его семьи родным домом. Здесь выросли его дочери — милые, ласковые, красивые. Как и Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, который родился 30

июля/12 августа 1904 года в Нижнем дворце в Петергофе. Сам Государь родился в Александровском дворце. День его рождения, 6/19 мая 1868 года, совпал с днем святого праведного Иова Многострадального. Тезоименитство его отмечается 6/19 декабря. Крестили Царственного младенца в соборе Царскосельского дворца. Обстановка, в которой ребенок воспитывался, была простой и душевной.

* * *

Весной 1875 года в Зимнем дворце состоялось представление выпускниц Коломенской гимназии. Вместе с начальницей гимназии на приеме присутствовала и классная дама. Вернувшись с приема, где выпускницы и их начальницы представлялись Императрице Марии Александровне, классная дама стала рассказывать своим сослуживицам:

— Вдруг около меня появилась маленькая дамочка, очень хорошенькая, с сияющими, как звезды, глазами. И спросила по-русски, но с акцентом: «Как ваша фамилия?» Я ответила. Дамочка вынула записную книжечку и золотым карандашиком что-то отметила. Я потом узнала, что это Великая Княгиня Мария Феодоровна.

Знакомство это продолжилось. Полтора месяца спустя за Александрой Петровной Олленгрэн, вдовой капитана Олленгрэна, приехал лакей из дворца. Одолжив у начальницы платье, г-жа Олленгрэн, дрожа от страха, поехала в Аничков. Ей предложили заняться воспитанием и первоначальным образованием юных Великих Князей Николая и Георгия. Обещали 2000 рублей годового жалования, квартиру и готовый стол. Несмотря на бедность, вдова начала было отказываться (а ведь она лишь недавно стала получать в гимназии 30 рублей в месяц, живя до этого с четырьмя детьми и няней на 8 рублей). Она стала убеждать Цесаревну Марию Феодоровну, что не готова к такой великой задаче.

— Ваше Императорское Высочество, — взмолилась бедная женщина. — Ведь это же не обыкновенные дети, а Царственные. Тут нужна особая сноровка!..

— Какая такая «особая» сноровка? — раздался бас. Это был Цесаревич Александр Александрович, будущий Император Александр III. — Сноровка в том, чтобы выучить азбуку и таблице умножения, не особенно сложна. Цесаревич убедил Александру Петровну. Детей ее на свой счет он отдаст в учение, а младший, Володя, станет учиться вместе с Ники и Жоржиком. Именно Володе мы обязаны описанию юных лет Ники. Ники, как называли его близкие, обожал следить за полетом птиц. Полковник Олленгрэн вспоминал:

«Через многие десятки лет я и теперь не могу забыть его совершенно очаровательного личика, задумчивого и как-то мрачно тревожного, когда он поднимал верху свои нежные, невинные и какие-то святые глаза и смотрел,

как ласточки или какие-нибудь другие птицы вычерчивают в небе свой полет. Я это так любил, что иногда обращался с просьбой:

— Ники, посмотри на птиц!

И тогда он, конечно, не смотрел, а в смущенье делался обыкновенным мальчишкой и старался сделать мне салазки.

Он очень любил изображение Божией Матери, эту нежность руки, объявшей Младенца, и всегда завидовал брату, что его зовут Георгием, потому что у него такой красивый святой, убивающий змея и спасающий царскую дочь.

— Вот так и я спас бы нашу Ксеньюшку, если бы на нее напал змей, — говаривал часто маленький Великий Князь, — а то что же мой святой, старик и притом сердитый?..

Он обожал свою мать. Впрочем, обожал ее и я. Да и не знаю, кто ее не обожал? Вот это было божество в полном значении этого слова... Она часто снилась мне, всегда с черным веером, каких потом я никогда не видел. Иногда и теперь я вижу этот прекрасный, — уже в эмиграции вспоминал полковник, — раз в году повторяющийся сон, и все тот же страусовый веер, — и тогда я счастлив целую неделю, забывая и старость, и чужбину, и дикую уютную жизнь».

Полковник Олленгрэн, тогда Володя или, как он себя величал, Владимир Константинович, занимался вместе с Ники с 1876 по 1879 год. Все предметы, начиная с грамоты, преподавала его мать, вдова капитана, Александра Петровна, в девичестве Оконишникова — дочь адмирала, Георгиевского кавалера. Преподавание шло по программе для поступления в средние учебные заведения. Когда программа эта была выполнена, для дальнейших занятий был намечен генерал-адъютант Данилович и приглашена особая комиссия. Комиссия произвела экзамен Великому Князю Николаю Александровичу. О ее результатах было доложено Августейшим Родителям и новому воспитателю генерал-адъютанту Даниловичу. Экзамен прошел блестяще. Даниловичу было предложено пригласить преподавателей по своему усмотрению. Были приглашены гг. Коробкин (математика), Докучаев (русский язык), протопресвитер Бажанов (Закон Божий) и преподаватель географии и истории. Впоследствии были приглашены мсье Дюперрэ (французский язык) и герр Лякоста (немецкий язык).

После каждого учебного года Августейшие Родители дарили учительнице бриллиантовые броши. А по окончании начального образования своего старшего сына они подарили Александре Петровне большую бриллиантовую брошь с вензелями АМ и годами учебы: 1876—1879.

Полковник Олленгрэн вспоминал, как в Аничковском дворце, резиденции Великого Князя Александра Александровича, встречали Святую Пасху:

«В пятницу был вынос Плащаницы, на котором мы обязательно присутствовали. Чин выноса, торжественный и скорбный, поражал воображение Ники, он на весь день делался скорбным и подавленным и все

просил маму <Александру Петровну> рассказывать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. Глазенки его наливались слезами, и он часто говаривал, сжимая кулаки: «Эх, не было меня там, я бы показал им!» И ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем <Ники, Жоржик (Великий Князь Георгий Александрович) и Володя> разрабатывали планы спасения Христа. Особенно Ники ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.

Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Ники и, плача, скорбно сказал:

— Мне жалко, жалко Боженку. За что они Его так больно?

Подскочил и Жоржик, и тоже с вопросом:

— Плавда, за что?»

Ники был любимым внуком деда, умершего мученической смертью. Полковнику Олленгрэну, в детстве Володе, довелось встречаться с Императором Александром Вторым. Полковник вспоминал:

«Однажды приехал в Аничков дворец навестить своих внуков дедушка, Император Александр Второй. Боже! Какой это был дедушка и какое счастье было иметь такого дедушку! Во-первых, от него очаровательно пахло, как от цветка. Он был веселый и не надутый. В его глаза хотелось бесконечно смотреть. В этих глазах сидела такая улыбка, за которую можно было жизнь отдать. И как он умел играть, этот милый дедушка, и какой мастер был на самые забавные выдумки! Он играл в прятки и залезал под кровать. Он становился на четвереньки и был конем, а Жоржик — ездовым, и конь кричал:

— Держись тверже, опрокину!

Потом садился на стул, как-то отодвигал в сторону лампу, начинал по-особенному двигать пальцами, и по стенке начинал бегать то заяц, то горбатый монах. Мы смотрели разинув глаза и не дышали. Дедушка начинал учить нас складывать пальцы, но у нас не выходило, он вытирал с лица пот и говорил:

— Ну потом как-нибудь, в другой раз... Когда подрастете.

Он был счастлив с детьми, этот дедушка, как-то по-особенному и по-смешному умел щекотать нос и за ушами и подкидывал маленькую Ксению чуть не под потолок, и она, падая ему в руки, как-то вкусно всхлипывала, смеялась и кричала:

— Еще, еще!

Император в изнеможении бросался в кресла и, как после танцев, широко обмахивался платком, а потом опять набирался сил и искал свои перчатки... Император заводил два пальца в перчатку, и перчатка начинала тоненьким голосом разговаривать:

— А отчего у Жоржика вихор на затылке? А отчего у Ксеньюшки носик красненький?»

Уже будучи Императором, Николай II рассказывал своим дочерям о покушении на деда и его смерти. «Мой дед истекал кровью от страшных ран, полученных от взрыва... [Император] лежал на узкой походной кровати, на которой он всегда спал, — рассказывал Государь. — Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом... Мой отец подвел меня к постели. «Папа, — сказал он, повышая голос, — Ваш «Луч солнца» здесь». Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза моего деда открылись, Он старался улыбнуться... Он несомненно узнал меня. Протопресвитер Баженов подошел и причастил Его в последний раз. Мы все опустили на колени, и Император тихо скончался. Так Господу угодно было», — заключил Государь. В его словах не было ни возмущения, ни ненависти к убийцам. Покорность воле Божией была основной чертой, дававшей Николаю II силы переносить как тяготы Царского служения, так и невзгоды, выпавшие на его долю после низложения.

«Его вера в Божественную Мудрость, которая направляет события, давала Николаю II то совершенно сверхъестественное спокойствие, которое никогда не оставляло его», — свидетельствовала баронесса Буксгевден.

Всю жизнь Государь Николай Второй был милостив и благосклонен к семейству Олленгрэн. Выручал своего соученика Володю в тягчайших обстоятельствах его жизни. После окончания воспитательной работы в Аничкове дворце Александра Петровна была назначена начальницей Василеостровской женской гимназии и имела свободный, почти семейный доступ к Государю. Надо только было позвонить к обер-гофмаршалу, и Государь принимал ее по первой просьбе, и если ей нужно было подождать, то ждала она его не в приемной, а у него в кабинете, около его письменного стола...

За все 22 года работы ее как начальницы гимназии ни одно прошение об освобождении от платы не было представлено в Опекунский Совет. Памятуя приказ Царя, Александра Петровна никогда и никому не говорила, что средства дает Император.

Полковник Олленгрэн упоминает этот факт для того, чтобы подчеркнуть отношения Государя, бесконечно милостивые, к своей старой учительнице. «Это были чувства того, может быть, порядка, какие у Пушкина, например, были по отношению к Арине Родионовне», — отмечал полковник. Нужно сказать, что и облагодетельствованные Государем люди испытывали к нему чувство горячей признательности. Полковник, который про себя говорил: «Вся моя кровь и жизнь в его <Императора> распоряжении» приводит и слова своей матери:

«Ну, наморочила голову Ники так, что он будет аспирин принимать. Все торгуется, все хочет побольше дать. Не знает того, что людей баловать нельзя. Просишь пятьсот, а он смеется и пять тысяч пишет. «Ну, что вам, Диди, лишнего нолика жалко? Ведь нужно, может быть, людям». Да ведь мало ли что нужно? На всех не напасешься. А он: «Царь должен на всех

напасть». Прямо стыдно ходить: обираю его, как липку. А он еще полдюжины мадеры обещался прислать... По-моему, это он политику ведет: хочет, чтобы я Алешеньку учила... А я: «Нет, говорю, здоровье не то, печенка никудышная». Смеется, «в Карлсбад, говорит, пошлю вас, Диди, в починку отдам свою старуху милую». Ну прямо вот брошусь на колени и разревусь: «Бери все, здоровье, последние годы, последний отдых, последние силы...» И по старческим щекам текут мелкие матовые слезы.

Прочитав, что Николай Второй 2 марта 1917 года записал в своем дневнике: «Кругом измена и трусость, и обман», полковник Олленгрэн горько заплакал. «Но, — писал полковник, — ... этого нужно было ожидать:

*Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы...»*

Во время своего посещения Парижа в конце 1960-х годов писатель Владимир Алексеевич Солоухин побывал на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, расположенном рядом с Русским домом — пансионатом для престарелых эмигрантов. В 1927 году на кладбище появились первые русские могилы. Теперь их около двадцати тысяч. На надгробных плитах — знаменитые имена. Шаляпин, Бунин, Рахманинов, Набоков, Шмелев, Зайцев... Там лежат князья, дворяне, священники, офицеры... Среди надгробий Владимир Алексеевич нашел и могилу полковника Олленгрэна, о котором писал Илья Сургучев в «Детстве Императора Николая II».

С сочувствием к умученному Государю цитирует писатель Солоухин воспоминания полковника. Но и у него вырываются слова осуждения по адресу Императора, преданного не только генерал-адъютантами и большинством Великих Князей, но и народом. Было дико услышать из уст монархиста такую фразу: «Иногда говорят, что народ предал своего Царя, не бросился толпами, миллионами на его спасение. Но, проснувшись однажды утром, россияне были поставлены перед фактом, что Царя больше нет, что он сам добровольно отрекся от своего царствования, то есть от своего народа, оставив его голым и беззащитным на ледяном ветру истории». Неужели Владимир Алексеевич не знал тех обстоятельств, при которых произошло так называемое «отречение»? Что Император, оказавшийся в ловко расставленной ловушке, услышал слова угрозы в адрес Государыни и Детей, находившихся в руках изменников, готовых расправиться с Ними в случае отказа Царя отречься от престола?

Не верится, что такие слова мог произнести тот самый Солоухин, который в семидесятых годах имел мужество на упрек парторга: «зачем он носит на руке перстень с изображением «николашки» — с достоинством ответить: «Не николашки, а Их Императорского Величества Николая Александровича!»

Устами Бориса Годунова Пушкин сказал: «Живая власть для черни ненавистна, они любить умеют только мертвых».

Нынче у нас не любят и мертвых. Каждый год население России сокращается на миллион. Но нет покаяния в массе народа.

Уж если «монархист» Солоухин посмел бросить камень в Царя-Мученика, то чего же можно ждать от «подростков савенко», членов красного партизанского движения и других последователей екатеринбургских палачей, снова взорвавших памятник Государю Императору Николаю II. На этот раз накануне годовщины своего красного шабаша.

Нам говорят: «брита!» А мы: «стрижена!» Уже тонем, уже не можем ничего сказать, но над головой поднимаем пальцы: «стрижена!»

* * *

После Александры Петровны Олленгрэн воспитателем Наследника был назначен генерал Григорий Григорьевич Данилович, бывший директор 2-го кадетского корпуса. Он также преподавал Наследнику математику. Под руководством генерала находились два французских преподавателя: Арон-Дюперре и сменивший его Гюстав Лансон. Воспитан Цесаревич был превосходно, имел доброе сердце, честный характер и природный такт. В отличие от родителя, Императора Александра Александровича, имевшего богатырский рост, Николай Александрович был среднего роста, зато очень вынослив и физически силен. Позднее, когда Государь находился в заточении, солдаты охранники, сопровождавшие плененного Царя, сетовали: «Идет, как мотор <автомобиль>, за ним и не угонишься». У своего наставника, англичанина Хиса, Николай Александрович научился умению держать себя в руках, не давать волю гневливости, свойственной роду Романовых. Находясь в заточении у себя в Александровском дворце, Государыня Императрица сказала, обращаясь к Лили Ден: «Государя обвиняют в слабости, но это неправда. Самый сильный человек — это тот, кто умеет преодолеть самого себя». И добавила: «Жаль, что его не обвиняют в излишней доброте. По крайней мере, это было бы истиной».

Цесаревич Николай Александрович получил высшее юридическое и высшее военное образование. В числе его преподавателей были знаменитейшие профессора: К. П. Победоносцев, известный правовед; Н. Х. Бунге, бывший министр финансов, преподававший Наследнику политическую экономию; М. Н. Капустин, профессор Петербургского университета, преподававший право; Е. Е. Замысловский, генералы Г. А. Леер и М. И. Драгомиров. Программу обучения сына составил Александр III. Мертвым языкам в ней не было места. Зато большое внимание уделялось новым языкам, физике, географии, истории, математике. Большое место в программе обучения занимали физические упражнения, конный спорт, фехтование, бокс, конькобежный спорт, игра в мяч.

С отроческих лет Цесаревич отличался необыкновенной памятью и

способностями. Он проявлял кристальную честность, твердость убеждений и искреннюю религиозность. «Без Бога ни от порога». Таков был его девиз. Не любил лжи и лести, руководствуясь в этом наставлениями своих Державных родителей. Когда Цесаревич стал офицером, Императрица Мария Федоровна писала ему: «Ни на минуту не забывай, что глаза всех прикованы к тебе... Будь всегда вежлив и учтив с каждым, не выделяя никого, но в то же время не допускай панибратства и не слушай подхалимов». Опытный духовник привил Цесаревичу любовь к книгам религиозно-нравственного содержания.

Военную службу Наследник проходил как в пехоте, так в кавалерии и артиллерии. Сначала младший офицер, он затем стал батальонным командиром Л.-Гв. Преображенского полка. Цесаревич изучил строевую полевую службу, войсковой быт. Он сталкивался не только с офицерами, но и с нижними чинами. Служивший в одном полку с Цесаревичем генерал Зубов вспоминал:

«[Он] был подлинным отцом командиром, заботившимся о своих подчиненных, как офицерах, так и солдатах; о солдатах же в особенности, так как любил их всем своим русским сердцем. Его влекла к ним их бесхитростная простота, что было основной чертой его собственного характера. Наследник Цесаревич не только интересовался их питанием и условиями их казарменной жизни, но и их домашними делами, жизнью и нуждами их семей и помогал им в нужде».

Осенью 1909 года Императорская Семья находилась в Ливадии. В это время в Военном министерстве обсуждался вопрос об изменении обмундирования и снаряжения пехоты. Чтобы убедиться в их пригодности, Государь Император Николай II приказал принести ему комплект из 16-го Стрелкового Императора Александра III полка, расквартированного в Ореанде. Никому об этом не сказав, кроме министра Двора и Дворцового коменданта, Государь надел обмундирование пехотинца, ранец с полной укладкой, хлеба и воды, сколько положено солдату, и с ружьем на плече прошел 20 верст. Вернулся он по другой дороге, сделав свыше 40 верст, уже после захода солнца. Поход продолжался 8 с лишком часов. Ни плечи, ни спину ему не набило, и Царь признал снаряжение годным. Этот эпизод характерен для Императора, всегда заботившегося о нуждах простых солдат.

Командир полка, в форме которого совершил марш Государь, в виде милости испросил зачислить Николая II в первую роту и вызывать его как рядового на переключке. Государь согласился и заполнил солдатскую книжку, как и положено рядовому. В графе для имени он написал: «Николай Романов», для местожительства: «Царское Село». В графе о правах (сроке службы) Царь написал: «До гробовой доски». Звание рядового стрелка он ценил не менее, чем чин полковника, который был дарован ему покойным Александром III.

Любя все русское — русскую музыку, русскую литературу (его любимыми писателями были Толстой, Тургенев, Чехов, Лесков), Николай Александрович превосходно знал английский, французский, хорошо читал по-немецки и по-датски (это был родной язык его матери). Имел обыкновение, став Императором, читать домашним вслух. Читал он превосходно. Больше остальных он любил Гоголя. «Царь был большим знатоком родного языка, — свидетельствовал генерал А. А. Мосолов, — замечал малейшие ошибки в правописании, а главное, не терпел употребления иностранных слов... Сын был гораздо тоньше и культурнее отца <Императора Александра III>». За то, что Петр Первый «онемечивал» русский язык и быт, Николай Александрович не жаловал его. По случаю 200-летия Петербурга все газеты были полны славословий преобразованиям Петра. Генерал Мосолов в присутствии Николая II восторженно заговорил о Царе-реформаторе, надеясь найти поддержку у Государя. Но тот, после некоторой паузы, возразил:

— Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но... был бы неискренен, если бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западной культурой и попирание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но оно мне не симпатично.

Взойдя на престол, Николай II оказывал поддержку не только ученым, писателям, артистам, но и художникам. Зная о том, что С. И. Мамонов, несправедливо обвиненный в присвоении крупных сумм, посажен в тюрьму, Валентин Серов, писавший портрет Царя, напомнил ему, что меценат поддерживал художников. Государь ответил, что распоряжение об освобождении Саввы Ивановича уже отдано. Во время одного из сеансов В. Серов рассказал Императору о тяжелом финансовом положении журнала «Мир искусства». Хотя в придворных кругах журнал считался чересчур свободолобивым, Император выделил ему деньги, благодаря чему журнал смог продержаться еще четыре года.

По примеру своего родителя Николай Александрович вел самый скромный образ жизни. Разумеется, в молодости, став офицером, он был вынужден принимать участие в развлечениях офицерской молодежи. «Пробовал 6 сортов портвейна и слегка надрызгался», — записал он как-то у себя в дневнике. Но, как говорится, кто без греха, тот пусть первый бросит камень. Весной 1890 года Наследник познакомился с ученицей выпускного класса Императорского балетного училища Матильдой Кшесинской. «Положительно, Кшесинская 2-ая меня занимает», — записал Цесаревич.

Но на первом месте была служба, поручения Государя — Александра III, участие в заседаниях Государственного Совета и др.

Александр III понемногу приобщал старшего сына к государственной

деятельности. Впрочем, некоторые авторы отмечают в могучем Царе упадок энергии в последние годы его царствования. Об этом же говорила и его младшая дочь, Великая Княгиня Ольга Александровна, диктуя свои воспоминания Йену Ворресу, канадскому журналисту. (В конце 2000 г. он жил в Афинах — на своей исторической родине.)

В октябре 1890 года Цесаревич вместе с братом Георгием, в сопровождении князей Барятинского, Оболенского и Ухтомского отправились в Афины, где их встретил кузен, принц Греческий Георгий. Там они сели на фрегат «Память Азова» и отправились в девятимесячное плавание. Из Средиземного моря, пройдя Суэцким каналом, попали в Индию и Японию. Великие Князья были отправлены в плавание с двойкой целью. Александр III полагал, что старший сын расширит свой кругозор, научится дипломатическим тонкостям, завяжет государственные связи с владетельными особами Востока. Что же касается Великого Князя Георгия Александровича, у которого были слабые легкие, то Государь надеялся, что морской воздух и солнце помогут ему укрепить здоровье. Помимо множества впечатлений, Цесаревич привез из путешествия множество подарков, и поныне представляющих большую этнографическую и художественную ценность.

Увы, надежды на то, что путешествие укрепит здоровье Георгия Александровича, не оправдались. В Индии бедный юноша страдал от жары и от лихорадки, и Император приказал второму сыну вернуться на родину. Александр III внимательно следил за плаванием, о чем свидетельствуют его письма, адресованные старшему сыну:

Гатчина. 29 Октября 1890 г.

Мой милый Ники, очень, очень грустно было прощаться с тобою и знать, что на такое долго время мы будем в разлуке. Как грустно было возвращаться в Гатчину, как пусто было дома и как наша прогулка по парку с милым Вороном была невесела в этот день. Ворон всякий день гуляет с нами и иногда приходит к Мама и лежит в ее комнатах, но видимо, он скучает и не весел. Много думали мы о тебе, как было тебе тяжело в Вене, совсем одному и с тяжелыми любезностями Императора и Эрц Герцогов, хотя, действительно, по всему видно, что они старались быть чрезвычайно милы, но для начала, я думаю, это было тяжело и не весело... Сегодня в Воскресение после обедни представлялись люди вновь прибывшие в батальон от 3 Гвард. пехот. Див. из Варшавы и всех трех Гренадерских полков; отличный народ, а в особенности Эриванского полка все моей роты и огромного роста, чудный народ и Астраханские не большие люди, но все черномазые и замечательно красивый народ. Гуляли мы с Мама, Ксенией, беби Еленой Влад. и 3 Графинюшками Вор[онцовыми]. Миша с Владимировичами, Боба с Африканом отправились в охотн. слободку к собакам и, конечно, к лисицам и волкам. Обед был воскресный в арсенале до 35 человек. Продолжаю письмо сегодня 30 Окт. Владимир и Михень вернулись сегодня из Берлина и завтракали сегодня у нас. Собираемся завтра на охоту здесь же в

окрестностях, но, кажется, будет холодно, начинает морозить и барометр страшно полез подыматься. Кроме обыкновенных охотников прибавятся: Владимир, и я пригласил еще Кн. Шаховского, ком. яхты «Полярная звезда» и Кап. 1 ранга Елчанинова, оба хорошие охотники. Посылаю Жоржи еще ящик с нашими Петергофскими грибами для Кают-компании офицеров «Азова», надеюсь, что первые были уже съедены офицерством. Правда ли что их так плохо кормят на фрегате? Григорий Гр. очень недоволен, что Жоржи не осматривал достопримечательностей Греции и жаловался Мама. Мой искренний поклон В. Г. Басаргину, Кн. Барятинскому и Н. Н. Ломену. Сегодня больше писать не успею, ложусь спать раньше, завтра в 8 ч. уже выезжаем на охоту.

Крепко целую тебя и Жоржи, Христос с вами, мои милые! Всем Греческим мой поклон, а Т. Ольгу крепко обнимаю.

Твой Папа

И.Сургучев. Детство Императора Николая II. СПб.: Царское дело. 1999.

И. Сургучев. Там же. С. 124.

А.А.Мосолов. При дворе последнего Императора. Спб: Наука. 1992. С. 82-83. Там же. С. 81.

Император был очень внимателен к спутникам Великих Князей, помня, что в их руках находится благополучие и здоровье его сыновей. Он не забывал передавать поклоны и приветы Басаргину — контр-адмиралу, командиру эскадры Цесаревича; командиру фрегата «Память Азова» капитану 1 ранга Ломену; князю Барятинскому, руководителю путешествия. Зная, что сыновьям интересно знать о том, что происходит дома, Государь писал обо всех событиях, происходивших на родине и, в частности, в близкой их сердцу Гатчине. Театр, охота, армия — темы, близкие Цесаревичу, неизменно присутствуют в письмах Императора.

Гатчина. 18 Дек. 1890 г.

Мой милый Ники, мы были очень обрадованы вашей депешей из Бомбея о благополучном прибытии вашем и что переход был хороший. Я воображаю, как ты теперь доволен быть в Индии и как тебе должно казаться странным быть вдруг там посреди далеко нам не сочувствующей нации, в царстве красных мундиров и посреди далеко не верноподданных Императрицы Индии! Конечно, англичане тебя будут везде встречать с почетом и даже весьма любезно, но увлекаться этим не следует, и в Англии твоя поездка по Индии далеко многим не по нутру! У нас все, слава Богу, тихо и мирно. Вчера дети устроили нам сюрприз и сыграли на большом театре французскую пьесу и очень недурно и смешно. Участвовали: Миша, Вебу, Кирилл, Борис, Андрей, Елена и Алексей Мих. Зрители были все наши и приглашенные на воскресный обед, всего человек 40. Даже батюшка Янышев решил прийти

и сидел с очками и много смеялся.

В субботу 15 Дек. мы ездили на охоту на лосей около Лисино; было 10 штук в кругу и убито 5. Мне, конечно, как всегда не повезло, а Владимир убил двух старых быков с хорошими рогами, Алексей и Ванновский каждый — по одному молодому быку с маленькими рожками, а Воронцов — корову, уверяет, конечно, что нечаянно! День удался отличный, тихо и всего 5° мор. а то постоянно ветер и мороз от 10° до 17° а было и до 22°. Вообще зима наступила суровая, как давно я не помню, а снегу почти нет, в парке и лесу кое-как еще можно ехать в санях, а в Петербурге и до сих пор на колесах и страшно бойко.

Все части, праздновавшие 6 Дек. [день тезоименитства Цесаревича], были очень рады, что получили от тебя поздравление. За завтраком в Аничкове пили твое здоровье, но тебя очень не доставало, а в особенности дома в милой Гатчине! Твой Ворон с нами любезнее, но в коридоре навел на всех страх, потому что если кто вздумает его погладить или нечаянно толкнет, он на всех рычит и тот раз даже на Тетю Эллу заворчал и показал ей зубы, что ее весьма оскорбило.

Матросы устроили гору для Миши и беби, но не там, где обыкновенно, а спуск параллельно с паромом и въезжают на противоположный берег. За отсутствием снега гора просто полита водой и образовалась ледяная кора и весьма неровная, с толчками. Это письмо ты получишь уже в новый 1891 г. От всей души желаю вам обоим провести его счастливо, совершить путешествие благополучно и вернуться к нам здоровыми и довольными. Молю Господа от всего сердца благословить вас на всех путях ваших и сохранить вас теми же хорошими и добрыми сыновьями, какими вы были до сих пор. Очень, очень тяжело и грустно, что в эти дни вы будете так далеко от нас и в первый раз в разлуке!

Очень благодарю Жоржи за его длинное и интересное письмо с Нила. Теперь пора кончать; целую крепко Жоржи и Боровича. Искренний поклон Барятинскому, Басаргину, Ломену и всем спутникам. Когда увидишь адмирала Назимова, и ему передай мой поклон.

Крепко и от всей души целую тебя, милый Ники. Христос с вами, мои дорогие!
Твой Папа

И еще один очень важный вопрос беспокоил Императора — это здоровье второго сына, Георгия, которого домашние называли Жоржи:

14 Января 1891 г.

Милый Ники, мы до сих пор еще не получили ни одного письма от тебя про путешествие по Индии, так что совсем не знаем твоих впечатлений и никаких подробностей. В газетах кое-что есть, но все это так коротко и более рассуждений, чем описаний.

Ты можешь себе представить, в каком мы отчаянии, что бедный Жоржи не может продолжать плавание и что здоровье его все еще не поправляется. Как грустно и как ему и тебе должно быть печально расстаться и как это

должно было вас расстроить! Дай Бог только, чтобы он скорее мог вернуться домой и чтобы ему не нужно было еще таскаться за границей, это всего хуже и всего более нас беспокоит...

Продолжаю письмо сегодня *14 Января*. Наконец были в первый раз в опере, давали Ромео и Жюльет, пели оба брата Решке и англичанка Мельба, шло отлично, а Решке тенор — просто наслаждение, и поет и играет превосходно. Сегодня катались мы с Ксенией в санях с твоим кучером и лошадьми, он теперь дежурит по очереди с моими кучерами.

Сегодня больше писать не успею, так как хочу писать еще Жоржи да, кроме того, пишут тебе Мама и Ксения, так что боюсь надоесть с моим письмом. Поклон Барятинскому и всем спутникам. Боровича целую. Крепко целую тебя, милый Ники. Христос с тобою!

Твой Папа

20 января 1891 г.

Милый Ники, благодарю тебя очень за твое длинное и очень интересное письмо из Ажмира, все это так ново и необыкновенно, что должно вас всех сильно интересовать. В особенности я уверен, что ты наслаждаешься охотой, которая тоже не из банальных и вся обстановка так характерна. До сих пор мы не можем успокоиться об отъезде бедного Жоржи, так нас это расстроило, а в особенности, что нам пришлось согласиться на требования докторов, несмотря на то, что Жоржи было уже лучше и сам он просил нас оставить его еще на фрегате до прихода в Коломбо. Но положительно это было бы рискованно, так как лихорадка у него не прекращалась уже более 2-х месяцев. Мы посылаем к Жоржи в Афины доктора Алышевского, который специалист по грудным болезням и я его давно знаю как отличного доктора. Нет, к сожалению, никакого сомнения, что лихорадка происходит от бронхита, который тянется уже давно, а при таких условиях ему даже и вернуться к нам нельзя будет теперь, а придется ждать до наступления теплой погоды. Алышевский надеется, что если все пойдет хорошо, то Жоржи может поехать в Марте в Крым. Все это далеко не весело и делает эту зиму, и без того уже не веселую для нас без вас обоих, еще грустнее и тяжелее! А теперь еще балы, обеды, вечера! Ах, что за тоска! Теперь гостит у нас Эрц-Герцог Франц-Фердинанд Эсте [именно его убийство в июне 1914 года послужит поводом к началу первой мировой войны], он милый малый, простой и разговорчивый. Я его назначил шефом 26 Драгунского Бугского полка, так как он считается наследником Австрийским.

Все продолжают сходить с ума от братьев Решке и бедный Фигнер [любимый тенор Цесаревича] чувствует себя обиженным. Сегодня идет в первый раз Лоенгрин с обоими Решками и Мме Мельба. Мама поехала, а я остался дома, так как много дела, да еще и писать хотел тебе, а днем ты сам знаешь много ли у меня свободного времени.

Завтра Владимир везет Австрийца на охоту в Ящеру на медведей, чему он страшно рад. В Четверг 31 числа парад и завтрак в Зимнем Дв., а вечером

бал в Концертной зале. В Пятницу 1 Февр. второй парад с завтраком, а потом парадный обед в Аничкове для Австрийца и его отъезд в Москву.

Теперь у нас стоит чудная ясная и теплая погода как в Марте, и сегодня на солнце было 9° тепла! Просто чудеса, а за границей они все мерзнут страшно и везде сильные морозы, даже в Италии, Испании и снег в Алжире! Большой бал в Николаевской зале прошел благополучно, было более народу, чем когда-либо; приехало на бал более 2200 человек и к ужину пришлось ставить запасные столы. Наш оркестр играл дивно в полном составе 106 человек и произвел эффект. Много молодежи из вновь произведенных офицеров и много дебютанток... Падений, Слава Богу, не было, но во время вальса вылетела на середину залы большая юбка! Павел и Alix хотят тоже дать бал, это будет интересно, в первый раз у них танцуют. Твоя история с Губернатором Бомбея страшно смущает бедного Мориера и дошла до королевы и Bertie [будущего короля Эдуарда VII], которые тоже негодуют на бестактность своего милого Лорда!

Ты нам совсем не присылаешь никаких фотографий, снятых во время путешествия, а теперь именно интересно их иметь и мы видим только иногда в иллюстрациях некоторые. Тетя Ольга пишет, что ее Georgy посылает ей и она очень довольна и радуется их получать, а мы решительно ничего от тебя не имеем, а уже прошло более 3 месяцев, что вы путешествуете.

Ворон все толстеет, и глупые люди его целый день кормят так, что это не собака, а бочка какая-то. Я просил Тормейера [воспитателя Великого Князя Михаила Александровича] сказать наконец Арбузу, чтобы он так более его не кормил...

Крепко целую тебя, милый Ники, и еще раз благодарю за интересное письмо. Христос с тобою, мой милый!

Твой Папа

12 Февраля 1891 г. Милый Ники, давно мы не имели писем от тебя, почти месяц, так как твое последнее письмо получили 18 Января. Известия от вас вообще весьма скудные, так как корреспонденции Ухтомского очень лаконичны, а из местных газет часто искаженные, а за неимением других и их перепечатывают в наших газетах. Вчера получили известие о благополучном приезде Жоржи в Пирей после весьма бурного перехода из Порт Саида... На всем юге холода и северные ветры, а у нас чудная теплая погода с солнцем и тает, совершенно Март месяц, дороги портятся. Вчера Павел и Alix дали свой первый бал и очень удачно и бал был очень оживлен, танцевали до 4 ч. Я уехал домой до ужина, а Мама в 1/2 3. Мы дали на той неделе в Четверг наш третий бал, но на этот раз в Аничкове, танцевали до 3 1/4 ч. Могу себе представить, как вы рады были встретиться с Сандро и Сергеем и как весело проводите время. На-днях приехал сюда Henry, сын Шартрского, с путешественником по Тибету Mr Bonvalo; он все такой же неразговорчивый и неинтересный, как и прежде, на балах страшно скучает и зеваает и, по-видимому, мало чем интересуется, но больше все благодарит. Иностранцев наехало сюда на эту зиму масса, в особенности французов и

австрийцев, все это просится, конечно, на балы и очень довольны. Мама и Ксения тоже пишут тебе длинные письма, так что я не знаю, что писать, и боюсь, мы пишем все то же самое приблизительно, так что кончаю мое неинтересное письмо на этом. Мой искренний поклон Барятинскому, Басаргину и Назимову и всем проч. спутникам... Целую Боровича и крепко целую тебя, милый Ники. Христос с тобою, мой милый! Твой Папа С. Петербург. 14 Февраля 1891 г. Милый Ники, на другой день, что я тебе писал в последний раз, я получил твое длинное и интересное письмо из Бомбея, за которое от души благодарю. Все что вы видели и что делали, так интересно и ново и какие славные охоты и разнообразие дичи. Mr Heath [воспитатель Цесаревича и Великих Князей Георгия и Михаила Александровичей] страшно интересуется всем, что происходило в Индии, и спрашивает всякий раз, что мы с ним видимся, что нового и как тебе нравится Индия и англичане, которые при тебе. Morier тоже всякий раз интересуется узнать, как тебе понравилось в Индии...

Просто смешно, что делается с нашим климатом, настоящая весна, тепло, ясно и солнце греет. Снег на улицах быстро исчезает, а сегодня 18 Февр. феномен с утра до 3 ч. дня проливной дождь, а потом ясно и чистое небо с солнцем и почти 4° тепла; зато ветер сильный и minimum был не далеко тоже необыкновенный, а именно 719, этого я не видал никогда! На юге наоборот сильные морозы, в Елизаветграде, наприм., 23° морозу, в Киеве 17° мор. и т. д. Что всего досаднее, что в Греции холода ужасные, ветер и снег, так как что бедный Жоржи за всю неделю мог выйти гулять только раз. Известия от Альшевского успокоительны, но лихорадка все продолжается и он советует ехать на некоторое время в Алжир, и раньше лета, конечно, вернуться Жоржи в Россию будет трудно. Все это нас страшно расстраивает и печалит. Болезнь Жоржи все-таки гораздо серьезнее, чем мы предполагали, и Слава Богу, что он не продолжил путешествия, потому что болезнь легко могла принять хроническую форму, а тогда и годами трудно поправиться. Только что получили известие о прибытии твоем в Сингапур, Слава Богу, благополучно! ..

Вот новость, которая тебя удивит, я решился назначить Д. Сергея в Москву Генерал Губернатором вместо Долгорукого, выжившего за последнее время совершенно из ума. Сергей очень доволен, хотя и страшится немного этого назначения, но я уверен, что он справится и, конечно, будет стараться послужить с честью. Теперь пора кончать. Передай мой поклон Барят., Басаргину и Назимову. Целую гиппопотама Боровича и поклон всем проч. спутникам. Крепко целую тебя, милый Ники, и еще раз благодарю за письмо и фотографии. Христос с тобою, мой милый!
Твой Папа

По письмам Государя Императора Александра III мы можем судить о том, насколько добрый это был человек, как он был привязан ко всем, составлявшим часть его жизни — будь то члены его семьи или же прислуга.

С.Петербург. 5 Марта 1891 г.

Благодарю тебя, милый Ники, от души за письмо, только что полученное из Коломбо и за коллекцию фотографий, котрые нас очень интересуют. Письмо твое с описанием ловли слонов весьма занимательно и действительно это зрелище должно быть совершенно необыкновенно и вообще вся природа Цейлона должна быть восхитительна. Я воображаю вашу радость быть с Сандро и Сергеем вместе и как вы вдоволь наболтались за все это время и было о чем говорить после всего виденного и слышанного.

Слава Богу, от Жоржи из Алжира получаем хорошие вести и сам он теперь успокоился, серьезно лечится и примирился с судьбою, а в особенности что ему делает удовольствие это то, что он живет на «Корнилове» и даже отчасти служит, так как стоит дневную вахту и принимает участие в учениях. Масленица прошла бойко и балов было много, молодежь веселилась, да и не только одна молодежь, но мне было не весело и тяжело! Как раз в день

моего рождения умерла бедня старушка Кити, проживши в нашем доме 46 лет, из которых 22 года подряд нянчила нас шестерых. Нам всем братьям было очень грустно и мы проводили ее из Зимнего Дв. в Английскую церковь, потом поехали на Смоленское кладбище, где ее и схоронили!..

Вот уже и Великий пост, все мы по обыкновению говеем. Ты уже наверное слышал от Д. Сергея о его страшной радости по случаю перехода Т. Эллы в Православие. Да, это для всех нас громадная радость и утешение и торжество! Немки бесятся и приуныли. Это отрадное событие произойдет на 6 неделе в Вербную субботу в церкви Д. Сергея.

15 Марта Бог даст мы переберемся в нашу милую Гатчину, я, Миша и беби страшно радуемся. Погода стоит с середины Февраля теплая, мы уже давно ездим в колясках, но за городом много снега и ездят в санях. Мама и Ксения усердно хлыщят каждый день по Невскому и по Морской...

Теперь пора кончить, уже почти 3 ч. ночи! Поклон Бярятинскому, Басаргину, Назимову, Ломену и всем проч. Боровича обними. Крепко целую тебя, милый Ники. Христос с тобою на всех путях твоих!

Твой Папа

С.Петербург. 21 Марта 1891 г.

Мой милый Ники, все больше и больше становится невыносимо без вас обоих, это уж слишком долгое время 10 месяцев! Так пусто и скучно без вас, а в особенности дома. Слава Богу, известия от Жоржи более утешительные, и Алышевский на-днях в первый раз телеграфировал, что в правом легком

незначительное, но ясное улучшение, а то до сих пор было все то же, хотя и не хуже, но и не лучше. Сам Жоржи доволен, аппетит хорош и сон тоже. К сожалению и великому прискорбию, Алышевский уже теперь настаивает, чтобы Жоржи на зиму отправился в теплый климат.

Наше житье все то же, но, конечно, потише, так как мы в посту, но в Гатчину все-таки не удалось переехать пораньше, как мы с Мишей и не настаиваем, но женский элемент предпочитает Петербург, и мы должны подчиняться...
...Письмо это придет к тебе после Пасхи, надеюсь, что она будет веселая и радостная посреди наших дорогих моряков, хотя и на чужбине, но на родной почве. Мой сердечный поклон Барятинскому, Басаргину и Назимову. Боровича прижимаю в моих объятиях. Поклон всем прочим спутникам. Обнимаю тебя, милый Ники, от всей души, Христос с тобою, мой дорогой.
Твой Папа

Гатчина. 6 Апреля 1891 г.

Благодарю тебя, милый Ники, от всей души за твое последнее письмо из Сингапура и за чудный костяной омар, который замечательно аппетитен и хорошо сделан.

Какие грустные и тяжелые дни провели мы за это короткое время. Бедная Тетя Ольга [жена Великого Князя Михаила Николаевича], как скоро ее не стало, всего 4 дня была она больна и еще 25 Марта была у нас в Аничкове на Конногвардейском завтраке. 26 числа она уехала, 28 должна была остановиться в Харькове, 31 вечером ее уже не стало в живых! Она умерла в комнатах на станции ж. д. , при ней были только А. С. Озерова и Муханов. Д. Миша с сыновьями опоздали; Николай выехал днем раньше и все-таки приехал 7 часов после кончины матери. Бедный Д. Миша, просто жаль

смотреть на него, в таком он отчаянии и горе, да и все дети страшно ошеломлены этою незаменимою потерей, а тут еще этот несчастный идиот Миша [Великий князь Михаил Михайлович, по прозвищу «Миш-Миш»], который выдумал жениться без разрешения и благословения родителей. Эта весть ужасно огорчила Д. Мишу и жестоко отозвалась на здоровье бедной Т. Ольги, у которой и без того сердце было далеко не в порядке. Вчера мы встретили бедного Д. Мишу на станции в Тосне и вместе с его поездом прибыли в Петербург. От Николаевской станции похоронное шествие тронулось через Литейной мост в Крепость, погода была чудная, теплая и все были в мундирах. Вечером в 9 ч. снова были в Крепости на панихиде. Сегодня 5 числа в 10 1/2 началась обедня, потом отпевание и похороны, вся церемония кончилась в 12 3/4, а в 2 1/4 мы были уже обратно в Гатчине. Могила Т. Ольги около могилы Вячеслава. Анастасья, непонятно почему, опоздала приехать и будет только в Понедельник 8 числа. Бедные Сандро и Сергей, какой грустный конец их путешествия, и теперь они с почтовым пароходом из Бомбея возвращаются через Бриндизи в Петербург. Сегодня в 3 ч. буду смотреть здесь в Гатчине стрельбу из новых скорострельных малокалиберных винтовок с бездымным порохом. Участвуют роты: Измайловская, Павловская, моего стрелков. батальона и Самарского полка. Это будет весьма интересно, а для сравнения будут стрелять тоже из Берданок с старым порохом. Все эти роты всю зиму уже практиковались в Ораниенбауме при стрелковой школе...

К сожалению, подробности твоего путешествия доходят до нас теперь все позже благодаря расстоянию, и ждем с нетерпением описания вашего пребывания у Сиамского Короля, это должно быть было крайне интересно. Назимов аккуратно мне телеграфирует о выходе и приходе эскадры, и передай ему мою благодарность за это и поклон, а также Барятинскому и Басаргину. Завидую тебе, в особенности, что плаваешь с нашими моряками и на наших славных судах и такое долгое время! Поклон всем спутникам. Итак, это последнее письмо, посланное кругом морем, следующие будут уже через Сибирь. Целую тебя крепко, милый Ники, как хочется это сделать скорей наяву. Христос с тобой, мой дорогой.

Твой Папа

Жизнь сопряжена с утратами. Государь искренне сочувствует тем, кто потерял своих близких. Но надо думать о стране, об армии, ее укреплении. Гордость за свою армию, за свой флот сквозит чуть ли не в каждом письме Императора. И любовь эту он старается передать и своим детям.

Гатчина. 16 Апреля 1891 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за твое последнее письмо из Батавии и за аппетитную пепельницу из бронзы, которая мне очень понравилась. Мама и Ксения остались очень довольны своими подарками из Индии, которые ты им прислал.

Еле успели мы похоронить бедную Тетю Ольгу, как опять новая кончина бедного Дяди Низи [Великого Князя Николая Николаевича (Старшего)]... По случаю страстной недели и праздников похороны будут только в Пятницу на Святой. Старушка Гр. Блудова тоже скончалась. Умер и знаменитый Генерал-Фельдмаршал Гр. Мольтке. Умерла жена Кн. Ивана Михайловича Голицына. Умер мой бедный гардеробщик, толстый Брылов!..

В вербную Субботу 13 Апреля произошло присоединение Эллы к Православной вере. Служба и обедня были в церкви Сергея и за обедней Элла приобщалась...

Итак, даст Бог, это письмо придет к тебе, когда ты будешь снова на родной стороне, снова в дорогой нашей России. Мы с Мама от души будем благодарить Господа, когда узнаем, что ты вступил на родную землю, и что это уже начало конца твоего дальнего пути, столь видимо совершенного под Божиим благословением. Теперь кончаю, уже 3 часа ночи или скорее утра, так как уже рассветает. Поклон всем спутникам и Генер. Ад. Барону Корфу [приамурскому генерал-губернатору], а вместе с тем благодари от меня сердечно Назимова, Басаргина и Ломена за плавание и за их труды и хлопоты.

Обнимаю тебя, милый Ники, от всей души. Христос с тобою, мой дорогой!
Сердечно любящий тебя
Папа

Сколь высокого мнения о старшем сыне Николае был Государь мы видим из следующего письма:

С.Петербург. 1891 г. 25 Апреля
Христос воскрес!

Милый Ники, Слава Богу, ты теперь в Японии, т. е. в двух шагах от нашей границы и материка России; это отрадное чувство знать, что тебе теперь всего 4 или 5 днй хода до нашего далекого восточного военного порта, и ты уже на русской почве, и только одно громадное расстояние отделяет нас от тебя, но уже мы все на той же почве. Нелегкий путь предстоит тебе теперь через Сибирь и по громадности пути и по утомлению в приемах, встречах и постоянной официальности, но, надеюсь, ты все это перенесешь с свойственными тебе выдержкой и тактом и не будешь унывать духом и телом...

Бедный Жоржи все странствует на «Корнилове» по Средиземному морю в ожидании возможности вернуться в Россию, когда, наконец, погода потеплеет. Весна у нас, хотя и ясная и были довольно теплые дни, но вообще холодная. В прошлом году в это время было уже тепло и все в зелени, а теперь решительно ничего нет и даже травы зеленой почти не видать. Печально! На охоту ни разу не удалось еще поехать. Рыбу на озере ловил только раз, а то все холод и морозит. Теперь кончаю. Поклон Барятинскому и всем спутникам. Боровича целую. Крепко целую тебя, милый

Ники. Христос с тобою, мой дорогой!
Твой Папа

Во время пребывания в Японии японский полицейский — член националистической организации — напал на русского Цесаревича. Об этом событии и упоминает Александр III:

Гатчина. 6 Мая 1891 г.

От всей души благодарю Господа, милый, дорогой Ники, за Его великую милость, что Он сохранил Тебя нам на радость и утешение. До сих пор еще не верится, чтобы это была правда, что действительно ты был ранен, что это все не сон, не отвратительный кошмар. Никогда не забуду, когда получил первое сообщение об этом ужасном происшествии, из японской телеграммы я узнал, в чем дело, потому что твоя, хотя и была первая, но в ней не было подробностей, и мы не знали, в чем дело. Боже, что это был за день; ждали с нетерпением телеграммы Барятинского и получили ее только в 3 ч. дня, тогда как твою уже получили в 8 ч. утра. Только после телеграммы Барятинского мы немного успокоились и, действительно, видели, что все идет хорошо и что ты бодр и лихорадки нет. Как достаточно благодарить Господа, что Он тебя сохранил что ты мог уже через день вернуться на фрегат к эскадре и быть снова среди своих и дома! С каким нетерпением ждем мы первых писем от тебя и Барятинского с подробностями об этом происшествии, это ужасно, что кроме коротких, а иногда и не ясных телеграмм мы ничего раньше месяца не получим, а тут всякая мелочь, всякая подробность дорога и интересна. Что мы получили и продолжаем получать телеграммы, это ужасно и сочувствие огромное и искреннее, конечно, что касается до России. Что меня очень тронуло, это одна из первых телеграмм, которую я получил в тот же вечер поздно от Адмирала Лазарева и всех офицеров 8 Флотского Экипажа, которые узнали из прибавления к «Правит. Вестнику», напечатанного и разосланного в тот же вечер. Даже раньше некоторых членов семейства моряки уже мне телеграфировали и в таких теплых и искренних выражениях.

Я воображаю отчаяние Микадо и всех сановников японских, и как жаль для них, и все приготовления и празднества все пропало и ни к чему! Но Бог с ними со всеми, радуюсь и счастлив, что благодаря всему этому, ты можешь начать твое обратное путешествие скорее и раньше, Дай Бог, вернешься к нам! Что за радость будет снова быть всем вместе и дома, дожидаться этого не могу от нетерпения.

Ни о чем другом не могу сегодня писать, так мы за эти дни мучились и беспокоились. Следующее письмо, надеюсь, будет для тебя интереснее, а теперь от всей души обнимаю тебя, милый, дорогой Ники, и вместе с тобой еще и еще раз благодарю Господа, спасшего тебя и сохранившего тебя нам и России!

Сегодня день твоего рождения, а я так увлекся, что и не поздравил тебя, но

все письмо — поздравление и благодарение Всемогущего за все Его милости! Христос с тобою, мой дорогой Ники! (Истинно Он был с тобою!)
Твой Папа

Во время его пребывания в Японии Наследнику Цесаревичу оказывались особые почести со стороны буддийских священнослужителей. Когда Наследник русского Престола посещал буддийские храмы, они падали перед ним ниц, а когда Цесаревич поднимал их, то смотрели на него с каким-то благоговением.

Князь Ухтомский, соплаватель Цесаревича, писал об этом в своем двухтомном труде.

Николай Александрович пожелал посетить Киото — священную древнюю столицу Японии. Неподалеку от нее жил известный всей Японии монах-отшельник Теракуто. В штатском костюме, в сопровождении Георгия, принца Греческого, и маркиза Ито, служившего Царственному юноше переводчиком, Наследник пошел пешком к одной из рощ вблизи Киото, где жил затворник. Увидев распростертую фигуру монаха, Цесаревич бережно поднял его. В наступившем благоговейном молчании Теракуто заговорил, словно бы вглядываясь в даль времени:

— О ты, Небесный Избранник, о великий искупитель, мне ли проречь тайну земного бытия Твоего? Ты выше всех. Нет лукавства, ни лести в устах моих перед Всевышним. И вот тому знамение: опасность витает над Твоей главой, но смерть отступит и трость будет сильнее меча... и трость засияет блеском. Два венца суждены Тебе, Царевич: земной и небесный. Играют самоцветы на короне Твоей, Владыка могущественной Державы, но слава мира преходит и померкнут драгоценные камни на земном венце, сияние же венца небесного пребудет во веки. Наследие предков Твоих зовет Тебя к священному долгу. Их голос в Твоей крови. Они живы в Тебе, много из них великих и любимых, но из них всех Ты будешь величайшим и любимейшим. Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну Твою. Ты будешь бороться за ВСЕХ, а ВСЕ будут бороться против Тебя. На краю бездны цветут красивые цветы, но яд их тлетворен; дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушаются Отца. Блажен, кто кладет душу свою за други своя. Трижды блажен тот, кто положит ее за врагов своих. Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой. Случится так, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а Ты свят и бессмертен. Оружие Твое против злобы — кротость, против обиды — прощение. И друзья, и враги преклонятся пред Тобою, враги же народа Твоего истребятся. Вижу огненные языки над главой Твоей и Семейей Твоей. Это посвящение. Вижу бесчисленные священные огни в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и совершится искупление. Станешь Ты осиянной преградой злу в мире. Теракуто сказал Тебе, что было ему открыто из Книги Судеб. Здесь мудрость и часть тайны Создателя. Начало и конец. Смерть и бессмертие,

миг и вечность. Будь же благословен день и час, в который Ты пришел к старому Теракуто.

Старый буддийский монах коснулся земли и, пятась, исчез в чаше. Цесаревич стоял, не шевелясь и не произнося ни слова. Его спутники тоже. Затем, придя в себя, Николай Александрович обратился к ним с просьбой никому не рассказывать о встрече с отшельником.

Прошло несколько дней, и в городе Отсу произошло то самое покушение на жизнь Наследника русского престола, о котором писал Государь в своем письме. Фанатик-полицейский ударил его саблей по голове. Однако клинок лишь скользнул по черепу, не принеся вреда. Злодей взмахнул еще раз, но спутник Николая принц Греческий Георгий с силой ударил по сабле бамбуковой тростью и выбил саблю из рук. Все жители Отсу на коленях умоляли Цесаревича простить их за то, что в их городе произошло покушение на сына Русского Царя. Великодушный Царевич простил их. После возвращения Цесаревича Николая Александровича и принца Греческого в Петербург через Сибирь (там оба они присутствовали при закладке вокзала Уссурийского участка железной дороги во Владивостоке) Александр III попросил на время трость королевича. Вскоре он вернул ее принцу в оправе и усыпанную бриллиантами. Действительно, как и предсказал старый монах, трость была сильнее меча и засияла блеском. Некоторые историки утверждают, будто после покушения у Цесаревича укоренилось враждебное отношение к японцам, сохранившееся у него и после того, как он стал Царем. Дело обстояло иначе. «Это ничего,— сказал Цесаревич после покушения,— лишь бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие».

Поэт Майков по поводу спасения Царевича от гибели писал:

*«Царственный юноша, дважды спасенный!
Явлен двукратно Руси умиленной
Божия Промысла щит над тобой!
Вихрем промчалась весть громовая,
Скрытое пламя в сердцах подымая,
В общем порыве к молитве святой.
С этой молитвой всей Русской землей,
Всеми сердцами ты глубже усвоен.
Шествуй же в путь свой и бодр и спокоен,
Чист перед Богом и светел душой!»*

Узнав о покушении на сына, Александр III послал ему из Гатчинского дворца телеграмму: «Оставить дальнейшее путешествие тчк немедленно идти на Владивосток». Император, назначивший Цесаревича на должность Председателя Комитета по постройке Великого Сибирского пути, поручил

ему совершить закладку здания вокзала во Владивостоке после того, как была произведена в его присутствии закладка памятника адмиралу Г. И. Невельскому и сухого дока в порту. Еженедельник «Владивосток» (№ 21 от 26 мая 1891 г.) так описывал торжества по случаю начала Уссурийского участка пути:

«...По прибытии Его Высочества Государя Наследника Цесаревича началось молебствие... По окончании... Наследник Цесаревич и... греческий принц Георгий приложились к кресту и направились к месту земляных работ... Момент, когда Царственный Сын управлялся с рабочей тачкой, двигаясь с нею вперед и вываливая из нее землю как простой рабочий, был поистине торжественный: все смолкли... По окончании всей церемонии Е. И. В. Наследник Цесаревич и Е. К. В. греческий принц Георгий изволили сесть в вагон; туда же вошли приамурский генерал-губернатор, военный губернатор, адмиралы, генералы, свита и г. Урсати <строитель ж.-д. линии>... Раздался свисток...— и поезд тронулся, провожаемый оглушительным «ура» бежавшей за поездом публики».

Поскольку Цесаревич Николай Александрович был на несколько лет старше своей сестры Ольги, то она общалась, главным образом, с братом Михаилом. Но когда ей исполнилось лет десять или одиннадцать (в это время их семейство жило в Петергофе), Великая Княжна как-то особенно сблизилась с Ники, как называли его в семье. Ольга Александровна признавалась впоследствии:

«Я полюбила его всем сердцем. Он был добр и великодушен со всеми, с кем ему доводилось встречаться. Я никогда не видела, чтобы он старался вылезти вперед или сердился, когда проигрывал в какой-нибудь игре. И он искренне верил в Бога. В один жаркий летний день брат попросил меня сходить вместе с ним в дворцовую церковь. Зачем он хочет пойти туда, он мне не сказал, а расспрашивать его я не стала. Служба уже началась. Неожиданно разразилась страшная гроза. И вдруг, откуда ни возьмись, появился огненный шар. Скользя от одной иконы к другой на величественном иконостасе, он повис над головой Ники».

Цесаревич побледнел, но сохранил присутствие духа. В Стрельну часто приезжала Королева Эллинов Ольга Константиновна, у ее матери там был загородный дворец. Дети ее ехали в Александрию. Именно там завязалась дружба между принцем Греческим Георгием и Цесаревичем Николаем Александровичем. Принц Георгий по прозвищу «Атлет» сопровождал Цесаревича во время его путешествия по Дальнему Востоку. Он-то ударом своей трости и выбил саблю из рук злоумышленника в Отсу. Во время последней встречи с младшей сестрой (это произошло 28 октября 1916 года в Киеве) в ее лазарете Государь Император проявил свойственные

ему великодушие. Великая Княгиня вспоминала:

«У нас в палате лежал молодой раненый дезертир. Он был судим и приговорен к смертной казни. Его охраняли два часовых. Все мы жалели его: он казался нам совсем мальчиком. Врач доложил о нем Ники. Он сразу же направился в тот угол, где лежал раненый. Я последовала за братом и увидела, что бедняжка окаменел от страха. Положив руку на плечо юноши, Ники спокойно спросил, почему тот дезертировал. Запинаясь от волнения, бедный мальчик рассказал, что, после того, как у него кончились боеприпасы, он испугался и кинулся бежать. Затаив дыхание, мы ждали, что же будет дальше. Ники сказал юноше, что он свободен. Тот сполз с постели, упал на колени и, обхватив Ники за ноги, зарыдал, как малое дитя. Помнится, все мы тоже плакали. Затем в палате воцарилась тишина. Все солдаты смотрели на Государя. Сколько преданности было в их взглядах! Были забыты все трудности и невзгоды. Снова Царь и его подданные стали единым целым!»

Государь Император обладал даром расположить к себе. Находясь в его обществе, вы забывали, что перед вами Царь — настолько он был прост. Всякая заносчивость была ему чужда. Но в минуту гнева он наводил страх. Особенно приветлив он был с людьми простыми, крестьянами, солдатами, рабочими. Будучи Цесаревичем, он командовал батальоном Преображенского полка. Два раза в неделю, усадив вокруг большого круглого стола всех унтер-офицеров своего батальона, Николай Александрович в зимнее время занимался с ними, готовя их к полевым занятиям. Он обучал своих подчиненных полковому уставу, обороне и атаке, инженерному делу, работе с картами и планами. Такая добросовестность оказывала неизгладимое впечатление на унтер-офицерский и рядовой состав полка. И сам Цесаревич получал возможность поближе познакомиться с личной жизнью солдат, их настроениями, положением их семей. Лили Ден отмечала:

«Его Величество был удивительно похож на короля Георга V своей внешностью. Но у него были удивительные, незабываемые глаза. Глаза его двоюродного брата, хотя и красивые, лишены того особенного выражения, которое было свойственно Государю Императору. В них слились воедино грусть, доброта, смирение и трагизм. Казалось, Николай II предвидел трагическое будущее, но в то же время знал, что за брэнной земной жизнью придет иная жизнь. Он был поистине «Божий человек». Более высокой похвалы, достойной светлой памяти умученного Государя, мне не найти».

Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 500-501.

Й. Воррес. Последняя Великая княгиня. Пер. с англ. В.Кузнецова. М.: Терра. 1998. С.304.

Сколь опасно и тяжело служение Царское, Цесаревич убедился еще в отрочестве, когда на его глазах умер дед, Царь-Освободитель Александр II. Восьмое покушение на Царя оказалось последним. На набережной Екатерининского канала по знаку, поданному дворянкой (!) С. Перовской террорист бросил бомбу в карету, в которой ехал в Зимний дворец Царь. Рана оказалась смертельной, и в невыразимых мучениях Александр II скончался. Не были образцами преданности и высшие сановники. Не успело тело Государя Александра II остыть, как они потребовали... конституции. Но новый царь, Александр III, пресек все их преступные поползновения на самодержавную власть, завещанную ему покойным родителем.

17 октября 1888 г. было совершено покушение на всю Царскую Семью. Поезд, на котором ехал Император и его семейство, потерпел крушение. «Бог Один нас спас и проявил над нами чудо», — с благоговением перекрестившись, произнес Государь, увидев жуткую картину — искореженные вагоны, упавшие с высокой насыпи вниз. Лишь тот вагон, в котором находились Царь, его дети, супруга и слуги, оказался им как бы защитой. 6 ноября 1888 года Императрица писала своему брату, греческому королю Георгу I: «Мы вдруг почувствовали рядом с собой дыхание смерти, но и в тот же момент ощутили величие и силу Господа, когда Он простер над нами свою защитную руку... Это было такое чудесное чувство, которое я никогда не забуду, как и то чувство блаженства, которое я испытала, увидав, наконец, моего любимого Сашу и всех детей целыми и невредимыми, появлявшимися из руин друг за другом...»

В 1891—1892 гг. 23 губернии поразил недород. Александр III назначил Цесаревича председателем комиссии по борьбе с голодом. Все четыре миллиона золотых рублей, которые получил в наследство от бабушки Николай Александрович, он израсходовал на помощь голодающим. Некоторое время Цесаревич поддерживал близкие отношения с Матильдой Кшесинской, но, познакомившись с Алисой, принцессой Гессен-Дармштадтской, понял, что не может жить без нее. С танцовщицей они расстались. Вскоре «Маля» утешилась с Великими Князьями Сергеем Михайловичем и Борисом Владимировичем. Прожив с последним много лет, в 1921 году она обвенчалась с ним в православной церкви в Канне. Жизнь шла. Цесаревич потерял своего брата Георгия, который умер от чахотки в Аббас-тумане. А 20 октября 1894 года его постигло еще более тяжелое горе: в возрасте 49 лет скончался его богатырь-отец. Внезапная смерть Царя-Миротворца в Крыму вызвала слухи о том, что он был отравлен. Ничего определенного установить тогда не удалось. Но в конце 1950-х гг. в нью-йоркском издательстве «Бони и Аеврит» появилась книга Эдварда Салтуса «Императорская оргия». Магаданский историк С. Наумов приводит выдержки из книги:

«...В тайных синагогах возжигались свечи и произносилось великое заклинание... Иегове воссылались моления, чтобы он послал все несчастья Царю... В Ливадии Император заболел. Заболевание было легкое, простая простуда... В то время в Москве жил доктор-специалист... Захарьин. Он был вызван в Крым и, прибыв туда, поставил свой диагноз. ...Он прописал лекарство, которое он предусмотрительно взял с собой. Без колебаний Августейший пациент принял это лекарство. Захарьин следил за Царем... В комнату больного проникла... тень — смерть. Император, еще не зная об этом, но как будто что-то предчувствуя, кивнул Захарьину головой: «Кто вы такой?» Захарьин, наклонившись вперед, прошептал: «Я еврей». «Еврей? — простонал Император. — Презренный палач!» Тогда Захарьин обернулся к присутствующим и сказал: «Его Величество бредит». А затем, опять повернувшись к Царю, прошептал: «Вы приговорены к гибели». Чтобы победить страх, Император приподнялся на постели. Хотя голос его был все еще мощный, но яд был сильнее. Он опять откинулся назад. Заклинание действовало».

Весьма впечатляющая сцена. Правда, непонятно многое. Если яд действовал, то зачем заклинание понадобилось? И с чего это Захарьин оказался незнакомым Александру III? Ведь Государь заболел, как мы знаем, еще в Спале и в Ливадию приехал лечиться. Захарьин был не единственным лечащим врачом. Цесаревич Николай Александрович пишет в дневнике: «3-го октября <1894 г.> Понедельник. Сегодня подъехало еще двое эскулапов, Грубе и Захарьин; так что теперь их набралось в Ливадии пятеро, те двое, Лейден, Вельяминов и Попов».

Напрасно г-н Салтус передергивает карты!

Кончина Императора потрясла его сына. Высоконареченная невеста молодого Царя помогла ему перенести тяжкую утрату. Получившие благословение еще при жизни Государя Императора Александра III, через неделю после похорон влюбленные обручились браком.

Вечером того дня молодая Императрица записала в дневнике мужа:

«Наконец-то мы соединены, связаны узами на всю жизнь, и когда эта жизнь окончится, мы снова встретимся в мире ином и навечно останемся вместе».

Многое можно поставить в заслугу Царю-Миротворцу, но, к сожалению, задачу Царского служения своему сыну, Николаю Александровичу, он не облегчил. Последние три года своей жизни он почти не занимался его подготовкой к тяжелой работе монарха. Вера в Бога, в свой долг, как носителя самодержавной власти; поддержка любящей, преданной и умной, тактичной жены — вот что помогло молодому Царю в эти годы. У Государя был живой ум, он быстро схватывал суть проблемы, но никогда не прерывал докладчика или собеседника. Многие считали, что молодой Царь чересчур мягок. Однако под бархатной перчаткой у него скрывалась железная рука.

Вежливость, учтивость молодого Царя были восприняты либералами, мечтавшими, чтобы все было «как на западе», как незрелость и слабость. Но

в своей речи 17 января 1895 г., обращаясь к земским депутатам, Император нарушил их ожидания: «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель». Молодой Император полностью разделял воззрения своего учителя К. П. Победоносцева. Знаменитый правовед писал:

«Парламентаризм — великая ложь нашего времени. Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с той разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли, а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности». Еще более резкой и справедливой критике Константин Петрович подвергал прессу, которая, как мы попытаемся в дальнейшем показать, многое сделала, чтобы подорвать престиж Верховной власти. «Любой уличный проходимец... может, имея свои или достав... чужие деньги, основать газету... Опыт показывает, что самые ничтожные люди,— какой-нибудь бывший ростовщик, жид фактор, газетный разносчик, участник банды червонных валетов, могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников и пустить свое издание на рынок в качестве органа общественного мнения...»_

«Образованцы» того времени восприняли речь молодого Императора, как вызов себе. В то время, как свидетельствует В. В. Шульгин, «было выгодно, прибыльно и почетно быть левым... Очень легко было... «плавать» в качестве борца за «освободительное движение» (какое... как все убедились, несло не освобождение, а высший тип тирании)». Именно эти «образованцы» вкупе с частью дворянства, липли к днищу государственного корабля, наподобие моллюсков, которые замедляли его ход. Именно эти моллюски приведут к неудачной русско-японской войне.

Вступив в брак, Государь, как это бывает и в крестьянских семьях, стал полновластным хозяином. Неженатый мужчина в русских деревнях считается как бы неполноценным. Но Государю предстоял еще более важный акт. Им стало священное коронование. Ему предшествовал манифест:

«Божиею милостию

*Мы, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
Царь Польский, Великий Князь Финляндский
и прочая, и прочая, и прочая*

*Объявляем всем верным Нашим подданным: при помощи Божией
вознамерились Мы, в мае месяце сего года, в первопрестольном граде
Москве, по примеру Благочестивых Государей, Предков наших, возложить
на Себя Корону и воспринять, по установленному чину, Святое*

Миропомазание, приобщив к сему и Любезнейшую Супругу Нашу Государыню Императрицу Александру Феодоровну. Призываем всех верных наших подданных в предстоящий торжественный день Коронования разделить радость Нашу и вместе с нами вознести горячую молитву Подателю всех благ, да излиет на нас Дары Духа Своего Святаго, да укрепит Он Державу Нашу и да направит Он нас по стопам Незабвенного Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогого Отечества останутся для нас навсегда светлым примером.

Дан в Санкт-Петербурге, в 1-й день января, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот девяносто шестое, Царствования же Нашего во второе.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:
«НИКОЛАЙ»

За месяц с лишним до начала торжеств из Зимнего дворца в Петербурге в московскую Оружейную палату были перевезены Императорские регалии: усыпанная бриллиантами малая цепь ордена Св. Апостола Андрея Первозванного; большая цепь того же ордена, также усыпанная бриллиантами; Держава, Скипетр; малая Императорская Корона Государыни Императрицы; большая Корона Государя Императора. К торжествам Священного Коронования в Москву были вызваны представители дворянства, земства, городского населения, духовенства иноверных исповеданий, казачьих войск; областей, находящихся в управлении военного ведомства; Великого Княжества Финляндского. Эти представители приглашались для участия в церемониях — торжественного въезда в Москву Государя, торжества Священного Коронования и принятия поздравлений Их Императорскими Величествами.

Гости начали съезжаться в древнюю столицу задолго до торжеств. К приезду Императора в день его рождения — 6/19 мая 1896 года — Москва была украшена национальными флагами и цветными фонариками. Государь остановился вместе с Государыней в старинном Петровском подмосковном дворце. Все дома от Петровского дворца к Кремлю были украшены флагами, цветами, в окнах были установлены портреты Царя и Царицы. На перекрестках — триумфальные арки.

Первой приехала делегация от восточных патриархов — митрополиты Никомидийский Филофей и Анхиальский Василий, (представители Константинопольского патриархата) митрополит Киликийский Герман от Антиохийского патриархата и архиепископ Филадельфийский Дамиан — представитель Иерусалимского патриарха. Вслед за ними — эмир Бухарский и хан Хивинский, затем чрезвычайный посол Китайского Императора и чрезвычайный посол испанского короля...

7 мая в 9 часов вечера у Петровского дворца выступил грандиозный хор из тысячи человек, исполнявший классические хоровые произведения русских композиторов.

9 мая начался торжественный Царский въезд в Москву. День был солнечный. Впереди двигалась колонна конных частей во главе с московским полицмейстером и взводом жандармов. Чуть поотстав, шел Собственный Его Величества Конвой. Сотни кубанских и терских казаков в красных черкесках ехали на великолепных лошадях; за ними — лейб-казаки в алых мундирах и лейб-атаманцы в синих. Затем двигалась туземная кавалерия...

Следом за конной колонной шла пешая. За ними в коляске ехал главный церемониймейстер, придворные чины и кавалеры. Это отделение замыкал эскадрон кавалергардов и эскадрон Л.-Гв. Конного полка.

На крыльце Петровского дворца появился Император Николай II. Грянул пушечный выстрел, означавший начало движения.

Царь сел верхом на белую лошадь, подкованную серебряными гвоздями на серебряные же подковы. Раздался второй выстрел. Едва Царь выехал из ворот, раздался третий. Ударили колокола московских «сорока сороков», грянуло «ура». Вслед за Царем двинулась карета Императрицы Матери, за ней — карета молодой Императрицы. Следом — Великие Княжны и придворные дамы.

Красная площадь была заполнена крестьянскими старшинами и старостами с медалями на груди и на шее. От площади к воротам Кремля выстроились ряды преображенцев. Вдоль помостов — кавалергарды и конногвардейцы. Вдруг послышались слова команды. Преображенцы взяли «на караул», ударили барабаны, грянуло «ура».

На площади верхом на белой лошади появился Царь, в отдалении — свита. Подъехала карета Вдовствующей Императрицы. Как, должно быть, тяжело ей было вспоминать такую же церемонию, состоявшуюся 13 лет назад, когда она короновалась вместе с Императором Александром III.

Спешившись, Николай II помог родительнице выйти из кареты, а затем и молодой Императрице, которая приехала следом. Все трое в ряд пошли пешком к Успенскому собору. У подножья Красного крыльца остановились, затем стали подниматься. На верхней площадке Царь и обе Императрицы в пояс поклонились народу. Крики «ура» раздались с новой силой.

По традиции, коронавание происходило в Успенском соборе. Смысл таинства выразил митрополит Московский Сергей, встретивший Государя на паперти собора вместе с духовенством:

«Благочестивый Государь! Настоящее Твое шествие, соединенное с необыкновенным великолепием, имеет цель необычной важности. Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить здесь на себя Царский венец и воспринять священное миропомазание. Твой прародительский венец принадлежит Тебе Единому, как Царю Единодержавному... Как нет выше, так нет и труднее на земле Царской

власти, нет бремени тяжелее Царского служения. Чрез помазание видимое да подастся Тебе невидимая сила свыше действующая, к возвышению Твоих царских доблестей озаряющая Твою самодержавную деятельность ко благу и счастью Твоих верных подданных».

Следом за Императрицей Матерью в собор вошел Царь и молодая Царица. Все трое заняли свои места: Государь и Государыня Александра Федоровна на троне под балдахином напротив алтаря. На отдельном троне восседала Вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий обратился к Императору: «Како веруюши?»

Громким, отчетливым голосом Царь произнес «Символ Веры». Надев на себя порфиру и венец, взяв в руки державу и скипетр, он произнес коронационную молитву:

«Боже Отцов и Господи милости, Ты избрал мя еси Царя и Судию людям Твоим. Исповедаю неисследимое Твое о мне смотрение и благодаря Величеству Твоему поклоняюсь. Ты же, Владыко и Господи мой, не оставь мя в деле, на неже послал мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем... Да будет со мною преседящая Престолу Твоему премудрость. Посли ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима, и что есть право в заповедях Твоих. Буди сердце мое в руку Твою, еже вся устроиши к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово, милостью и щедротами едиnorodного Сына Твоего, с Ним же благословен еси, со пресвятым, и благим, и животворящим Твоим Духом, во веки аминь...»

Выслушав стоя литургию, Царь снял с себя корону. Юная Царица подошла к супругу, опустилась на колени. Коснувшись своей короной ее лба, Государь надел ей на голову малую корону, обнял и поцеловал молодую Императрицу. Грянули орудийные выстрелы. Вдовствующая Императрица обняла сына и невестку, за нею к ним стали подходить члены Императорской фамилии. Сняв оружие, Государь спустился с помоста и, Царскими воротами пройдя в алтарь, принял миропомазание.

От лица всего народа митрополит Палладий огласил молитву:

«Умудри убо и постави проходити великое к Тебе служение, даруй Ему разум и премудрость, во еже судити людям Твоим во правду... покажи Его врагом Победительна, злодеем Страшна, добрым Милостива и Благонадежна, согрей Его сердце к призрению нищих, к приятию странных, к заступлению нападствуемых...»

Хор грянул: «Тебе Бога хвалим».

Императрица Мать направилась во дворец. Император и молодая Императрица обошли другие соборы, затем, поднявшись на Красное

крыльцо, трижды поклонились народу.

В тот же день состоялся парадный обед в Грановитой Палате. «Там, на помосте, под парчовым балдахинном, — вспоминала свыше полувека спустя Великая княгиня Ольга Александровна, — был накрыт стол для торжественного обеда. По традиции Царь и Царица обедали одни. За ними наблюдал цвет русского дворянства. Один за другим поднимались со своих мест послы иностранных государств, провозглашая здравицу Царственной чете». К яствам на золотых блюдах Царская чета почти не прикасалась. За троном Царя с палашом наголо стоял барон фон Грюнвальд, командир Кавалергардского полка. Блюда с кушаньями подносили депутации от сословий.

Вечером была устроена грандиозная иллюминация. Когда Государыне подали букет, тотчас вспыхнули огнями башни Кремля, колокольня Ивана Великого, мосты через Москва-реку, ввысь взвились снопы ракет. Всеобщая радость была омрачена трагедией на Ходынском поле. Ольга Александровна вспоминала:

«Как и при Александре III, на Ходынском поле должна была состояться раздача населению и гостям Царских подарков. На окраине города обычно происходили учения артиллеристов и саперов. В празднестве на Ходынке должны были принять участие и крестьяне. Они тысячами направились на это поле, чтобы получить гостинец — украшенную Императорским гербом эмалированную кружку, наполненную конфетами, и бесплатный завтрак, как гости Императора, и остальную часть дня провести в танцах и песнях. В центре поля находились деревянные помосты, на которых были сложены груды ярких кружек с гербами. За порядком наблюдали сотня казаков и несколько десятков полицейских... Кто-то пустил слух, будто подарков всем не достанется. Люди, ближе всех стоявшие к оцеплению, двинулись к помостам. Казаки попытались было остановить их, но что может сделать горстка верховых под натиском полумиллионной толпы? В считанные минуты неуверенное движение превратилось в стремительный бег обезумевшей толпы. Задние ряды напирали на передних с такой силой, что те падали, и их затаптывали насмерть. Точное количество жертв неизвестно, но оно насчитывало тысячи. Утреннее майское солнце равнодушно взирало на сцену ужасного побоища».

(С.С.Ольденбург отмечает, что «погибших на месте и умерших в ближайшие дни оказалось 1282 человека, раненых — несколько сот».)

Власти растерялись и напрасно теряли время. В конце концов, было решено не посылать срочной депеши в Кремлевский дворец. Со всей Москвы пригнали фургоны и телеги, чтобы отвезти раненых в больницы, а убитых — в покойницкие... Катастрофа привела москвичей в уныние. Она имела много последствий. Враги Царской власти использовали ее в целях пропаганды. Во всем винили полицию, администрацию больниц и городскую управу.

Ольга Александровна впоследствии отмечала:

«Многие разногласия, возникшие среди членов Императорской фамилии, стали достоянием гласности. Молодые Великие Князья, в частности, Сандро, муж моей сестры Ксении, возложили вину за трагедию на дядю Сержа, Московского генерал-губернатора. Полагаю, что мои родичи были к нему несправедливы. Кроме того, дядя Серж сам был в таком отчаянии, что готов был тотчас же подать в отставку. Однако Ники отставки не принял. Своими попытками свалить вину на одного человека, да еще своего же сородича, мои кузены, по существу, поставили под удар все семейство, причем, именно тогда, когда было необходимо единство. После того, как Ники отказался отправить в отставку дядю Сержа, они набросились на него».

Против Великого Князя Сергея Александровича, Московского генерал-губернатора выступили Михайловичи, в особенности, «Сандро» и Николай Михайлович. Ненависть к нему они унаследовали от матери, Великой Княгини Ольги Федоровны, «главной сплетницы Империи». Именно она пустила ядовитую сплетню, будто бы Сергей Александрович — «голубой». Однако Государь заступился за своего дядю, и в трагедии на Ходынском поле никакой вины Великого Князя не нашел.

Русские социалисты, в то время скрывавшиеся в Швейцарии, обвинили Императора в равнодушии к страданиям своих подданных, поскольку вечером того же дня Государь и Императрица отправились на бал, который дал французский посол маркиз де Монтебелло. Великая Княгиня заявляла:

«Я знаю наверняка, что ни один из них не хотел идти к маркизу. Сделано это было лишь под мощным нажимом со стороны советников. Дело в том, что французское правительство истратило огромные средства на прием и приложило много трудов. Из Версаля и Фонтенебло для украшения бала были привезены бесценные гобелены и серебряная посуда. С юга Франции доставлены сто тысяч роз. Министры Ники настаивали на том, чтобы Императорская чета отправилась на прием с целью выразить дружественные намерения по отношению к Франции. Я знаю, что Ники и Алики весь день посещали в больницах раненых. Так же поступили Мама, тетя Элла, жена дяди Сержа, а также несколько других дам. Много ли людей знает или желает знать, что Ники потратил многие тысячи рублей в качестве пособий семьям убитых и пострадавших в Ходынской катастрофе? Позднее я от него узнала, что в то время сделать это было непросто: он не желал обременять Государственное казначейство и оплатил все расходы по проведению коронационных торжеств из собственных средств. Сделал он это так незаметно, что никто из нас — за исключением, разумеется, Алики — об этом и не подозревал».

В советское время трагедий было не меньше. Вспомним о многочисленных

(1500 чел.) жертвах во время похорон Сталина в марте 1953 года, когда толпа затаптывала насмерть тех, кто спотыкался и падал. А сколько народу было убито во время событий в Новочеркасске при недоброй памяти Никите Сергеевиче Хрущеве. Примеров «рукотворных» трагедий множество. В октябре 1993 года у Белого Дома, расстрелянного из танковых пушек по приказу «верховного главнокомандующего» и внутри него погибло две тысячи человек — взрослых, детей и женщин.

Первым движением души совестливого Государя было уйти в монастырь. Но дяди — Великие Князья отговорили его, тем более, что в трагедии вины Царя не было.

Тем временем жизнь брала свое. Празднества продолжались до 26 мая. Они завершились парадом все на том же Ходынском поле и большим обедом. Тем же летом Царская чета посетила Нижегородскую ярмарку. В середине августа нанесла визит дряхлому кайзеру Австро-Венгрии Францу-Иосифу, затем германскому кайзеру Вильгельму II. После чего путь их лежал в Данию, где гостила Вдовствующая Императрица, в Англию, чтобы повидаться с королевой Викторией.

23 сентября русская Августейшая чета прибыла во Францию. Париж встретил их как глав страны союзницы. Толпы кричали при виде русской четы и их младенца-дочери: «Да здравствует Император! Да здравствует Императрица! Да здравствует Великая Княжна!» и даже: «Да здравствует кормилица!» И тут коммерческая жилка парижан им не изменила. Окна по улице, по которой должна была проследовать Царственная чета, сдавались внаем по 5000 франков! Молодой Царь оказался достаточно тонким политиком и не позволил никому воспринять его приезд во Францию, как акт, направленный против Германии, опасавшейся сговора за ее спиной. Однако, как писал германский посол граф Мюнстер, «хотя слово союз не сказано, тем не менее, он все же существует». Крайние левые круги были возмущены приемом, который Франция — свободная страна, оказала «деспоту». Увы, чересчур тесная дружба с Францией, завязанная еще покойным Императором Александром III, дорого обойдется России, которая во время Великой войны 1914—1917 гг. прольет реки крови ради спасения «свободолюбивой союзницы», ее победы и собственной гибели. Приложит к этому руку и Англия, старинный недруг России.

На Россию смотрели в Европе косо, потому что промышленность и сельское хозяйство в Империи развивалось невиданными темпами. Годовой прирост в промышленности составлял 12 % и более. Темпы строительства железных дорог были выше, чем в остальных странах мира. Русский речной флот стал самым большим в мире. За 20 лет царствования Николая II население Российской Империи увеличилось на 50 миллионов человек, то есть на 40 %. Значительно повысился уровень благосостояния народа. Бюджет рос без введения новых налогов. Хотя лучшие писатели того времени — Ф. М. Достоевский, Фет, Тютчев, Майков, граф А. К. Толстой (не путать с «красным графом» А. Н. Толстым, не имевшим права на графский титул), Н. Лесков,

Писемский принадлежали к «консервативному лагерю», «русскоязычная» интеллигенция требовала политических и социальных перемен.

Поставщиками кадров такой интеллигенции были студенты, главным образом, их агрессивное меньшинство.

Когда началась русско-японская война, начатая вероломными японцами, то вся «прогрессивная интеллигенция», подстрекаемая наиболее оголтелыми представителями «малого народа», начала разнузданную кампанию, направленную против Царской власти и армии. Во многом на совести этих предателей и трагическая судьба русского флота в Цусимском бою, и неудачи русской армии. Известно, что во время этого боя снаряды, выпущенные русскими комендорами (морскими артиллеристами) не разрывались при попадании в цель, по существу, действуя как средневековые ядра. Недаром уже в японском плену простые русские парни — матросы, поняв предательскую роль большевиков и прочих революционеров, хотели расправиться с ними. Об этом свидетельствует Новиков-Прибой в «Цусиме». И лишь вооружившись ножами, кучка представителей «партии нового типа», повязанной кровью, сумела избежать праведного гнева матросов.

Один из авторов писал, будто бы, узнав о Цусимской трагедии, Царь как ни в чем не бывало продолжал играть в теннис. Младшая сестра Государя возмущалась:

«Это ложь! Как и тысячи других! Я это знаю, потому что сама оказалась в Александровском дворце, когда депеша была получена. Мы с Алики <Государыней Императрицей> находились у него в кабинете. Государь стал пепельно-бледен, задрожал и, чтобы не упасть, схватился за стул. Алики не выдержала и зарыдала. Весь дворец в тот день погрузился в траур».

Запись в дневнике Николая II от 19 мая 1905 г. гласит: «Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою. Сам Рождественский, раненый, взят в плен!! День стоял дивный, что прибавляло еще больше грусти на душе».

Враги России учетверили свои нападки на Царскую власть и на самого Носителя этой власти. 6 января 1905 года перед Зимним дворцом происходила церемония водосвятия. Во льду была проделана прорубь — Иордань — куда митрополит погрузил свой золотой крест и освятил воду. На льду был сооружен павильон для Императора, свиты и духовенства. После церемонии водосвятия раздался салют из орудий Петропавловской крепости и конной батареи с Васильевского острова. Террористам удалось зарядить орудия боевыми снарядами. Одним из снарядов был тяжело ранен городской, стоявший за Императором. Фамилия городского была... Романов. Второй ударил в Адмиралтейство. Третьим снарядом разбило окно во дворце. Но ни одна жилка не дрогнула на лице Государя Императора. Ольга Александровна свидетельствовала:

Цитир. по Р.Масси. Николай и Александра. С. 24.
С.С.Ольденбург. Цит. пр. т. I. С. 61.

«Это было характерно для Ники. Он не знал, что такое страх. Смерти он не боялся».

Три дня спустя революционеры предприняли еще более масштабную акцию. Толпы рабочих, предводительствуемые священником-социалистом Г. Гапоном, со всех сторон двинулись к Зимнему дворцу, чтобы передать петицию Царю. Впоследствии они ужаснулись, какие пункты, без их ведома, включили в петицию провокаторы-социалисты. Им объяснили, что Государя в Зимнем дворце нет, что он в Царском Селе. Но толпа продолжала двигаться. В толпе находились боевики, вооруженные револьверами и бомбами. Из подворотен, с деревьев Александровского сада они стали стрелять по солдатам и городовым. На Петроградской стороне начали громить оружейные лавки и арсеналы. Войскам пришлось стрелять. Из-за провокаторов погибло много народу, в том числе женщины и дети, которых зачем-то взяли с собой неумные родители. День этот был назван «Кровавым воскресеньем». Но мало кто знает, что организаторами этого «воскресенья» были провокаторы и агенты охраны, в их числе Азеф, Пинхус Рутенберг, Манасевич-Мануйлов вместе с Г. Гапоном и другими. Иностранные корреспонденты расписали мрачными красками и без того трагическое событие, но не упомянули, что по пути движения «мирной демонстрации» в полицию швыряли камни, автомобили переворачивали и калечили, что большинство обывателей спрятались дома, закрыв ставни и забаррикадировав двери.

В дневнике Государь записал: «9 января. Воскресенье. Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» Десять дней спустя Государь «принял депутацию рабочих от больших фабрик и заводов Петербурга». При встрече Император осуждал не рабочих, а провокаторов, подбивших их на мятежные действия. «Приглашая вас подавать Мне прошение о нуждах ваших, они [революционеры] поднимали вас на бунт против Меня и Моего правительства, — говорил Император рабочим. — ... Стачки и мятежные собрания только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и невинные жертвы. Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многого надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение... Мятежную толпою заявлять мне о своих нуждах — преступно... Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне и потому прощаю им вину их». Два месяца спустя в Москве бомбой был убит дядя Государя, Великий Князь Сергей Александрович. По всей России — от Белого моря до побережья

Крыма, от Прибалтийского края до Урала бушевали крестьянские восстания. Мужички жгли усадьбы, убивали, насиловали, грабили. Местные власти не смогли справиться с бунтовщиками, и на помощь им были призваны войска, которые еще не успели разложиться в результате революционной пропаганды. Но крамола начала проникать и в военную среду. Весной 1906 года на некоторых кораблях Черноморского флота произошли восстания. Они перекинулись и на Балтийский флот. В течение некоторого времени Кронштадт представлял собой осажденную крепость. Полагают, что виной тому стал Октябрьский манифест 17 октября 1904 года, дарованный стране по настоянию масона Великого Князя Николая Николаевича. Было решено, что дарование свобод выпустит накопившийся «пар», но он был воспринят, как слабость Царской власти.

Свой «вклад» в дело развала, дискредитации армии внесли и «образованцы» той поры. Так, поэт Константин Бальмонт, который был не настолько стар, чтобы уклоняться от военной службы, решил «развить военное дело», написав гнусный пасквиль, озаглавленный «Русскому офицеру». К сонму «образованцев» примкнуло «зеркало русской революции» — Л. Н. Толстой и писатель рангом поменьше — А. И. Куприн, напечатавший в венской газете Neue Freie Presse статью «Армия и революция в России» — гнусный памфлет на русское офицерство.

Дискредитация армии, а затем и ее ослабление — излюбленный прием врагов государства. Мы являемся свидетелями этого процесса в наши дни.

Дни кронштадского восстания вспоминает Великая Княгиня Ольга Александровна:

«Я гостила у своего брата <Императора> и Алики в Александрии. Стекла в окнах дворца дрожали от грохота канонады, доносившейся со стороны Кронштадта. То были поистине черные дни».

Но в жизни Государя Императора были и радостные события. За два года до мятежа матросов у Государя и Государыни родился долгожданный сын — Наследник Престола. Ольга Александровна вспоминала:

«Произошло это во время войны с Японией. Вся страна была в унынии: нашу армию в Манчжурии преследовали неудачи. И все же я помню, какие счастливые были лица у людей, когда они узнали о радостном событии. Знаете, моя невестка никогда не оставляла надежды, что у нее родится сын. И я уверена, что его принес святой Серафим».

Увидев недоуменное выражение на лице журналиста, которому она диктовала свои воспоминания, Великая Княгиня принялась объяснять, что она имела в виду. Летом 1903 года Николай II пригласил ее поехать вместе с ним и Императрицей в Саровскую обитель, находившуюся в Тамбовской губернии. Паломничество имело определенную цель. Дело в том, что

Святейший Синод, после нескольких лет колебаний, решил прославить старца Серафима, отшельника, жившего в XVIII веке, известного тем, что он обладал даром исцеления — как во время своей жизни, так и после кончины. Паломничества в Саров совершались в продолжение всего XIX столетия. Ольга Александровна рассказывала:

— У могилы преподобного и после его кончины продолжали совершаться чудеса. У моего прадеда, Николая I, была любимая дочь Мария. Однажды она тяжело заболела. Кто-то из знакомых, живший в Тамбовской губернии, прислал в Петербург шерстяной шарфик, который когда-то носил старец. Его надели на девочку, и когда она проснулась утром, жара как не бывало. Сиделки стали снимать с нее шарф, но девочка захотела оставить его у себя, сказав, что ночью она видела доброго старичка, который вошел к ней в комнату. «Шарф принадлежал ему, — сказал ребенок, — и он мне его подарил. Я хочу его сохранить».

Великую Княгиню не раз спрашивали, верит ли она в чудеса. Такой же вопрос задал и журналист. Она ответила:

— Верю ли я в чудеса? Как можно в них не верить? Я их видела в Сарове. Поездка в Саров была утомительной, главным образом, из-за жары. Выйдя из поезда, Августейшие паломники целый день тряслись в карете по пыльным, извилистым дорогам, которые вели к берегам Саровы... Поездка прерывалась несколько раз. В каждой деревне, попадавшейся им по пути, их встречал священник, благословлявший Императора. Государь тотчас же приказывал кучеру остановиться и выходил из кареты. — И вот он стоял, окруженный толпой паломников и прочего народа, и каждый старался приблизиться к нему, чтобы поцеловать ему руки, рукава одежды, плечи. Это было так трогательно, что у меня нет слов описать эту картину. Как всегда, мы ехали под охраной Лейб-казаков, но им не от кого было нас охранять. Для всего этого люда Ники был Царь Батюшка. В Сарове Августейших богомольцев отвели в покои настоятеля. А наутро Государь, Великий Князь Сергей Александрович и его двоюродные братья понесли мощи преподобного Серафима, извлеченные из скромной могилы на кладбище обители, в собор с золотым куполом, специально построенный, как вместилище мощей святого.

— На берегу узенькой речки я увидела первое чудо. Воды Саровы считались целебными, потому что в них часто купался преподобный старец. Я увидела крестьянку, которая несла свою полностью парализованную дочурку, а затем погрузила ее в реку. Немного спустя девочка своими ножками поднималась по травянистому берегу. Доктора, находившиеся в Сарове, подтвердили факт недуга и исцеления от него.

Государыня тоже купалась в Сарове и молилась у раки с мощами святого. Спустя год у нее родился сын».

В книге «Россия перед вторым Пришествием»_приводится отрывок из рукописной «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», принадлежащей перу протоиерея Стефана Лашевского (1899—1986):

«Во время прославления [Серафима Саровского] в Дивееве жила знаменитая на всю Россию Христа ради юродивая блаженная Паша Саровская. Государь был осведомлен не только о Дивееве, но и о Паше Саровской. Государь со всеми Великими Князьями и тремя Митрополитами проследовали из Сарова в Дивеево. В экипаже они все подъехали к келлии блаженной Паши. Матушка игуменья, конечно, знала об этом предполагавшемся визите и приказала вынести из келлии все стулья и постелить большой ковер. Их Величества, все князья и митрополиты едва смогли войти в эту келлию. Параскева Ивановна сидела как почти всегда на кровати, смотрела на Государя, а потом сказала: «Пусть только Царь с Царицей останутся». Государь посмотрел на всех и попросил оставить его и Государыню одних, — видимо, предстоял какой-то очень серьезный разговор. Все вышли и сели в свои экипажи, ожидая выхода Их Величеств. Матушка игуменья выходила из келлии последняя, но послушница оставалась. И вдруг матушка игуменья слышит, как Параскева Ивановна, обращаясь к Царствующим Особам, сказала: «Садитесь». Государь оглянулся и, увидев, что негде сесть, — смутился, а блаженная говорит им: «Садитесь на пол». Вспомним, что Государь был арестован на станции Дно! Великое смирение — Государь и Государыня опустились на ковер, иначе бы они не устояли от ужаса, который им говорила Параскева Ивановна. Она им сказала все, что потом исполнилось, т. е. гибель России, Династии, разгром Церкви и море крови. Их Величества ужасались; Государыня была близка к обмороку, наконец, она сказала: «Я вам не верю, это не может быть!» Это ведь было за год до рождения Наследника,, и они очень хотели иметь Наследника, и Параскева Ивановна достала с кровати кусок красной материи и говорит: «Это твоему сынишке на штанишки, и когда он родится, тогда поверишь тому, о чем я говорила вам». Государю было известно, что Елена Ивановна Мотовилова, жена Н. А. Мотовилова, «служки» отца Серафима Саровского, хранила письмо преподобного Серафима, адресованное Государю Императору («четвертому Государю, который приедет в Саров»). Это письмо преподобный написал, запечатал мягким хлебом и передал «службе» со словами: «Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская Фамилия, и Царь придет к ней. Пусть она Ему передаст».

По словам Н. Л. Чичаговой, дочери владыки Серафима (Чичагова),

«Государь принял письмо, с благоговением положил его в грудной карман, сказав, что будет читать письмо после... Когда Государь прочитал письмо, уже вернувшись в игуменский корпус, Он горько заплакал. Придворные

утешали Его, говоря, что хотя батюшка Серафим и святой, но может ошибаться, но Государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому неизвестно».

* * *

В своей книге «Распутин и евреи» Аарон Симанович приводит предсмертное письмо Григория Ефимовича Распутина. Но в книге о Гиббсе (кстати, автор ее, некто Тревин, весьма враждебно настроен к Царской Семье, в отличие от самого Сиднея Гиббса) приводится более полный текст письма Распутина. Достав из Библии сложенный вдвое лист бумаги, Император (дело было во время заточения в Тобольске) протянул его Гиббсу. Но, так как англичанин не сумел разобрать почерк старца, Государь прочитал его сам:

«Это последнее письмо, писанное мне Григорием Ефимовичем накануне своего убийства. Послушайте его, господин Гиббс: «Я пишу это письмо, последнее письмо, которое останется после меня в Санкт-Петербурге. Я предчувствую, что умру до 1 января <1917 года>. Я обращаюсь к русскому народу, к Папе, Маме и Детям, ко всей Русской земле, что им следует знать и понять. Если я буду убит обычными убийцами, особенно моими братьями — русскими крестьянами, то ты, Русский Царь, не должен бояться за Детей своих — они будут править в России еще сотни лет. Но если я буду убит боярами и дворянами, если они прольют мою кровь, и она останется на руках их, то двадцать пять лет им будет не отмыть моей крови со своих рук. Им придется бежать из России. Братья будут убивать братьев, все будут убивать друг друга и друг друга ненавидеть, и через двадцать пять лет ни одного дворянина в России не останется. Царь Земли Русской, если услышишь ты звон погребального колокола по убитому Григорию, то знай: если в моей смерти виновен кто-то из твоих родичей, то скажу тебе, что никто из твоей Семьи, никто из твоих Детей и Родных не проживет более двух лет. А если и проживет, то будет о смерти молить Бога, ибо увидит позор и срам Русской земли, пришествие антихриста, мор, нищету, порушенные храмы Божии, святыни оплеванные, где каждый станет мертвецом. Русский Царь, убит ты будешь русским народом, а сам народ проклят будет и станет орудием дьявола, убивая друг друга и множа смерть по миру. Три раза по двадцать пять лет будут разбойники черные, слуги антихристовы, истреблять народ русский и веру Православную. И погибнет земля Русская. И я гибну, погиб уже, и нет меня более среди живых. Молись, молись, будь сильным, думай о своей Благословенной Семье».

Каким мужеством, душевной твердостью и христианским смирением надо было обладать, зная о грядущих невзгодах, которые должны выпасть ему самому и России, чтобы продолжать бестрепетно и честно нести крест Царского служения.

Но смирение перед волей Всевышнего для Государя не означало отступление от своих прав, как самодержца. Даровав России Государственную Думу, чтобы иметь возможность узнать, каковы ее чаяния, потребности, Император вскоре убедился, что 1-ая Гос. Дума в большинстве своем представляет сброд, и разогнал ее. Ольга Александровна вспоминала:

«Вместе с Мама мы присутствовали на торжественном молебне по поводу открытия Первой Думы. Помню большую группу депутатов от крестьян и мастеровых. У крестьян был хмурый вид. Но рабочие выглядели и того хуже. Они с ненавистью смотрели на нас. Сколько грусти было в глазах Алики».

В письме к Императрице Матери Николай II возмущался 2-ой Думой, которая оказалась ничуть не лучше первой: «...Во многих местах уже настроение делается менее спокойным... Отовсюду мне посылают телеграммы и адреса с просьбой распустить ее <Думу>. Но это еще рано, нужно дать ей договориться до глупости и тогда — хлопнуть». Вскоре такой повод появился. Некто Зурабов с думской трибуны принялся оскорблять Императорскую армию чуть ли не в площадных выражениях и призвал к вооруженному восстанию. Дума была распущена.

На смену Витте (его в насмешку прозвали «графом полу-Сахалинским» за то, что в результате переговоров с Японией он согласился отдать японцам половину полуострова Сахалин), который из либералов в одночасье превратился в ультрареакционера, готового всех казнить направо и налево, пришел Столыпин. Тот проводил политику «кнута и пряника». Он смело ответил левым: «Не запугаете!» За короткий срок от пуль и бомб террористов погибло 1600 губернаторов, генералов и солдат, которых злодеи безнаказанно убивали из-за угла. Были введены военно-полевые суды. Расправа с убийцами была короткой: трое суток спустя после ареста они болтались под перекладной виселицы. 600 террористов к концу лета надели «столыпинский галстук». Как видно, число это было гораздо меньше количества их жертв.

Привыкшие к защите «общечеловеческих ценностей», революционеры попритихли. Затем началась охота за самим Столыпиным. После взрыва его дачи на Аптекарском острове в Петербурге 32 человека из числа посетителей и прислуги были ранены, 27 человек убиты. Сын его был легко ранен, дочери оторвало пятку. Но сам премьер остался жив. Выбравшись из-под обломков, Столыпин заявил: «И все-таки они не остановят реформы».

Великая Княгиня Ольга Александровна была уверена, что если бы на должность Председателя Совета Министров не был тогда назначен П. А. Столыпин, монархия пала бы. Он был либералом, но на пост премьера его назначил не кто иной, как сам Император. Несмотря на свои политические взгляды, Петр Аркадьевич понимал, что воплощение в жизнь либеральных идей без должной подготовки к ним населения России принесет

непредсказуемые результаты. Главную задачу он видел в проведении земельной реформы. А целью реформы было создание многочисленного класса мелких земельных собственников, кровно заинтересованных в стабильности Царской власти и назначаемого ею правительства. Сестра Царя свидетельствовала:

«Он мог быть и беспощадным. Он облагал налогами высшие классы. Если умирал глава семьи, владевший крупным имением, то Столыпин требовал раздела латифундии. Его ненавидели все крупные землевладельцы Империи. Даже некоторые члены Императорской Фамилии, в том числе мой кузен Николай [Великий Князь Николай Михайлович, либерал-историк, крупнейший землевладелец] были настроены враждебно по отношению к Столыпину и его политике. Но большинство из нас находились целиком на стороне Столыпина. Мы понимали, что премьер человек сильный и искренний. Он не преследовал никаких личных интересов. Единственное, что для него имело значение, это Россия. В некоторых книгах, прочитанных мною, утверждается, будто мой брат завидовал своему премьер-министру и делал все, что в его силах, чтобы повредить Столыпину. Это подлая ложь — как и многое остальное. Прекрасно помню, как Ники однажды сказал мне: «Иногда Столыпин начинает своевольничать, что меня раздражает, однако так продолжается недолго. Он лучший председатель совета министров, какой у меня когда-либо был».

Однако даже лучшие государственные умы, видно, обречены в России. Едва Столыпинские реформы начали приносить свои плоды, как пуля убийцы оборвала жизнь премьера. В киевском театре, где давали парадный спектакль — оперу Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» во время антракта в Столыпина выстрелил один из участников революционной группы и одновременно полицейский агент — Дмитрий (Мордка) Богров. Император вместе с двумя дочерьми находился в ложе напротив. Они увидели, как Столыпин, на кителе и на руке которого была кровь, медленно опустился в кресло. Затем повернулся к Царской ложе и перекрестил ее. Убийца был тут же схвачен и после суда повешен. Премьер-министра тотчас же отвезли в лечебницу, но через пять дней он умер. Ольга Александровна свидетельствовала:

— Никогда не забуду ужас и горе Ники. Когда Столыпин скончался, Ники находился в Чернигове. Он поспешил вернуться в Киев, поехал в лечебницу и у тела Столыпина опустился на колени. Те, кто заявляет, будто Ники испытал облегчение, узнав о смерти Столыпина, это люди гадкие, и у меня нет слов, чтобы сказать, что я о них думаю. Мой брат был очень сдержан, но он никогда не лицемерил. Он действительно был убит кончиной Столыпина. Я это знаю.

Однако и при Коковцове, сменившем Столыпина, и при других премьерах, которые пришли за ними, экономическая жизнь Российской Империи продолжала развиваться. Даже при наличии Государственной Думы Царская власть являла собой надежный тыл, давала уверенность в завтрашнем дне в отличие от власти президентов, которые, говоря словами одного из таких президентов, А. Ф. Керенского, «мелькают, как тени», не выполняя ни одного из своих предвыборных обещаний. Русские же Цари никогда не изменяли своему слову. Недаром за время царствования Николая II вклады в банки, принадлежащие государству, увеличились в семь раз. Вдвое вырос золотой запас Государственного Банка.

Император учел уроки русско-японской войны. Он возвысил офицеров, проявивших себя в боях с японцами, в их числе Н. О. Эссена. Этот блестящий флотоводец с немецкой фамилией и русской душой талантливо руководил Балтийским флотом. По словам контр-адмирала С. Н. Тимирева, он был «единственный». С его кончиной в 1915 году наступило время испытаний для флота. Последний командующий Балтийским флотом, вице-адмирал А. И. Непенин, был также выдвинут на командные должности по инициативе Государя Императора. По словам немецкого генерала фон Мольтке, «боевая готовность России... сделала совершенно исключительные успехи». Возродился русский флот, понесший тяжелые потери во время русско-японской войны (не без помощи партий, «приближавших, как могли, день победы» для японского микадо <императора>).

Николай II провел столько реформ по улучшению земельного устройства крестьян, сколько не проводилось за все время существования Государства Российского. Не было ни одного сословия, которому бы не оказывал покровительства Русский Царь. Как Православный Царь, он был защитником православной веры — не только в России, но и за ее пределами. Щедротами Белого Царя существовали церкви в Болгарии, Сербии, Черногории, Сирии, Палестины, Ливии, Ливана... Царь чтит прошлое России, поддерживал Церковь. За 20 лет его царствования было построено свыше 10 тысяч православных храмов и 250 монастырей. Но он пресекал нетерпимость в отношении других конфессий. Явление это объяснял П. С. Лопухин в 1939 году:

«Православный человек, с которым соприкасаются иные народы, носит в себе нечто для всех людей духовно привлекательное... В этой сущности Православия и православного человека и лежит основа русского империализма и умения присоединять к себе народы, не калеча их. Инородцы иногда, может быть, даже больше русских любили их идеалы, например, идею Белого Царя, идею, конечно, чисто святорусскую».

Уже после революции один палестинский араб свидетельствовал:

«Не думайте, что русский Царь был только русский. Нет, он был также

арабский. Царь — всемогущий покровитель и защитник Православного Востока. Пока Он жил, миллионы арабов жили в мире и безопасности. На Него с упованием взирали не только православные арабы, но и мусульмане, зная, что русский Царь является в большой мере и для них гарантией мирной и благоденственной жизни. Православные миссии на Востоке в пределах Сирии, Ливана и Палестины принимали на бесплатное обучение и содержание всех арабских детей, не спрашивая, какой они религии, чем привлекали симпатии всех людей. Единственной обязанностью со стороны учащихся было прилежное изучение русского языка и православного катехизиса».

Сам этот араб в одной из таких школ и учился. Когда же на Ближний Восток дошла весть, что Царя убили, то в названных трех странах начались массовые самоубийства. Арабы уже тогда считали, что со смертью Царя Николая кончилась человеческая история и что жизнь на земле потеряла свой смысл. Самоубийства постепенно достигли такой цифры, что правительства этих трех стран «вынуждены были обратиться к народонаселению с особыми предостережениями против «политического безумия». А те, кто самоубийством не кончили свою жизнь, те рвали себе волосы на голове, стонали, кричали и плакали на улицах и площадях. Арабский траур по смерти Царя Николая длился несколько лет...».

Последнее время в «Новой России» появляется много книг, посвященных русской истории. Роскошно изданных, с богатыми иллюстрациями, с изображениями Императорских регалий. Открываешь страницы, посвященные Императорской России, и убеждаешься, что они вышли из-под того же печатного станка, что и пресловутый «Краткий курс ВКП(б)». Ни в одной из них не сказано доброго слова в адрес Государя Императора Николая II. Невольно приходят в голову сравнения. Нередко упоминается с благоговением имя шведского дипломата Рауля Валленберга, который спас во время второй мировой войны жизнь 30 тысячам евреев. Ничего не скажешь, цифра значительная. И поступок благородный. Но никто из авторов вышеупомянутых работ не сказал о том, что во время первой мировой войны Николай II спас *сотни тысяч* армян. Видя, что они проигрывают войну, турки учинили резню армян (ведь русскими была отвоевана у Турции почти вся захваченная ею Армения). По одним данным было вырезано более миллиона армян, по русским источникам — восемьсот тысяч. Бойня началась 24 апреля 1915 года в Зайтуне. По повелению Государя Императора русскими войсками были предприняты решительные меры по спасению армян. Из миллиона шестисот пятидесяти одной души, составлявших армянское население Турции, были спасены *триста семьдесят пять тысяч*, то есть 23 %. Одна лишь эта цифра может оправдать первую мировую или, как ее тогда называли, Великую войну. Армянский автор Г. Тер-Маркариан писал:

«По личному приказанию Царя русско-турецкая граница были приоткрыта, и

громадные толпы измученных армянских беженцев были впущены на русскую землю. Сохранились рассказы очевидцев о душераздирающих сценах... безмерной радости страдальцев, падавших на русскую землю и неистово ее целовавших..., о матерях, целовавших сапоги русских казаков, бравших в седло по одному, по два армянских ребенка и спешно увозивших их подальше от этого ада..., об армянских священниках..., крестивших и благословлявших коленопреклоненную толпу...»

Голодных людей кормили из солдатских полевых кухонь, русские врачи и сестры милосердия оказывали им неотложную помощь, раздавали лекарства. В наше же время и русских беженцев встречают хуже чем чужих...

* * *

Конечно же, война не была нужна ни Германии, ни России. Но те, кто ее все-таки развязал, нашли слабые места и у Царя, и у кайзера Вильгельма II — честолюбивого, заносчивого, уверенного в своей непогрешимости настолько, что он даже подписывался «Вильгельм Великий». Благородство, готовность прийти на помощь слабому и обиженному, верность союзническому долгу, свойственные Государю Императору, были использованы против него же. Когда беспомощная Сербия, на которую обрушились тысячи австрийских снарядов, обратилась за защитой к Православному Царю, Николай II не смог остаться безучастным к страданиям православных сербов.

Все эти последние годы, видя, что Россию пытаются втянуть в конфликты, Николай II старался искать мирных путей их решения. Так, он повернулся лицом к Англии, хотя она и вела еще совсем недавно враждебную политику в отношении Российской Империи. О сближении двух держав мы узнаем из главы пятой.

Й.Воррес. Цитир. пр. С. 278.

“Россия перед вторым Пришествием”. М., 1994, с. 158—159

“Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря”. Ч. 2, 1903—1927

Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 532.

Й.Воррес. Цитир. пр. С. 280.

43 Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 721-722.

Темы: (нет) [\[Редактировать\]](#)

РЕЙТИНГ 25080106
mail.ru 17812
5437

Allbest.ru
ИЗБРАН *****

4904

REFER
КАТАЛОГ

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Кузнецов В. Русская Голгофа

[ОГЛАВЛЕНИЕ](#)

Глава четвертая

«ВСЕГДА ВЕРНАЯ И ЛЮБЯЩАЯ»

Во время поездки на родину, в Дармштадт, в 1870-х годах Государыня Императрица Мария Александровна, супруга Александра II, Царя-Освободителя, попросила принцессу Алису Гессенскую, дочь королевы Виктории, показать ей своих детей. Их было четверо: Эрнст-Людвиг и три дочери — Виктория, Елизавета и Ирэна. Четвертую, младшую дочку, Аликс, принцесса принесла на руках: та была еще младенцем. Обратившись к своей фрейлине, баронессе А. К. Пилар, Государыня проговорила:

— Поцелуйте у этой крошки ручку — это ваша будущая Императрица. Предсказание Царицы сбылось. Младенец женского пола, родившийся 25 мая (6 июня) 1872 года, крещенный по протестантскому обряду, получил имя Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса. Домашние ее звали Аликс. Девочку нарекли Алисой в честь матери, английской принцессы Алисы, третьей дочери из девяти детей британской королевы Виктории. Принцесса вышла замуж за Великого Герцога Гессенского Людвиг IV.

«Принцесса Аликс родилась милой, веселой крошкой, всегда смеющейся, на одной щечке — ямочка», — писала счастливая мать своей родительнице — королеве Виктории. Оттого-то она и дала малышке ласкательное имя — Солнышко. Крестными отцами Аликс стали будущий русский Царь Александр III и будущий английский король Эдуард VII. В 1878 году от дифтерита умерла четырехлетняя сестричка Аликс — Мэй. Маленький Эрни, которому не сообщили о смерти сестрички, то и дело спрашивал о ней, посылал ей книжки и подарки. Пытаясь утешить ребенка, мать склонилась к мальчику, и

Web www.gumer.info

[Проекты для финансирования!](#)

Рентабельные **проекты** реальных секторов экономики. Инвестиции и кредиты

www.kelis.ru

[Греция от туроператора "Mibs"](#)

Индивидуальные **туры** на все курорты. Экскурсии. Свой офис в Афинах.

www.mibs.ru

[Добро пожаловать в Тайланд!](#)

Курорты: Паттая, о.Пхукет, о. Самуи, Краби и др. Огромный выбор отелей!

www.sun-express.ru

[Туры в Египет от Капитал Тур!](#)

Новый год в Хурагаде, Шарм

тот поцеловал мать. По словам английского премьера Дизраели, это был «поцелуй смерти». Вскоре маленький Эрнст выздоровел, а мать, измученная ночными бдениями у постелей больных детей, заразилась дифтеритом, начала бредить. Ей виделась покойный отец, Фритти и Мэй. Они звали ее к себе. Утром 14 декабря принцесса Алиса скончалась. Ее похоронили в усыпальнице Старого замка. Со временем скульптор Йозеф Бем изваял прекрасное надгробие — принцесса Алиса держит на руках мертвую Мэй. Смерть родительницы (ей не было и тридцати шести) потрясла шестилетнюю Аликс. Всякий, кто видел портреты Государыни Императрицы Александры Феодоровны, заметил печать грусти на ее прекрасном лице. По-видимому, она осталась у ней с младенческой поры. Аликс подолгу гостила и, по существу, воспитывалась у бабушки — королевы Виктории. Королева, всю оставшуюся жизнь олакивавшая своего супруга, принца-консорта Альберта, настаивала на том, чтобы все ее близкие оплакивали тех, кто отошел в мир иной. Это наложило отпечаток на склад ума маленькой Аликс.

Вкусы и манеры у нее стали типично викторианскими. Будущая Императрица Всероссийская получила блестящее образование. Ей была присуждена ученая степень доктора философии. К пятнадцати годам Аликс превосходно знала историю, географию, английскую и немецкую литературу. От своей матери, принцессы Алисы, она унаследовала любовь к Англии, строгие принципы нравственности. Одевались и питались дети скромно. На завтрак овсяная каша, на обед вареное мясо с картофелем. Стол разнообразили рисовые пудинги и печеные яблоки. Спали дети принцессы Алисы и Людвига IV на походных солдатских койках — совсем, как дети Императора Александра III.

Благотворительная деятельность родителей — принцессы Алисы и Великого Герцога, основавших больницы, отделения Красного Креста и подобные им учреждения, очевидно, передалась по наследству и будущей русской Царице. После смерти матери и сестренки Мэй (выжили брат Эрнст, сестры Виктория, Ирэн, Элла и сама Аликс) девочка замкнулась в себе. Особенно застенчивой она становилась с незнакомыми людьми. Для развития ее характера и воззрений много сделала англичанка Маргарет Джексон, с которой Александра Феодоровна поддерживала отношения до конца жизни. После того, как внучка Аликс осиротела, королева Виктория стала ее покровительницей. В течение многих лет Granny (бабушка) составляла планы образования Аликс, решала, какие книги ей читать, какие музыкальные произведения исполнять на рояле, когда устраивать каникулы. И даже решила, за кого должна выйти замуж привлекательная, застенчивая внучка. Аликс должна была стать женой принца Эдди, затем герцогиней Кларенс и Эвондейл, принцессой Уэльской и, наконец, королевой Великобритании и императрицей Индии.

Королева Виктория прочила Аликс блестящее будущее. Если бы не личность принца Эдди. Сын распутного принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII, принц родился недоношенным. По этой причине у него наблюдалось

Эль-Шейхе. Гарантия мест.
Спецпредложения!

www.capital-tour.ru

[Ясновидение, сенсорика, магия.](#)

Энергетика, целительство, терапия кармы. 2-недельный экспресс-курс.

www.podgorny-school.ru

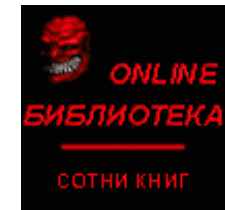
[Метод В.М. Бронникова](#)

Развитие памяти, способности управления энергообменом в организме.

www.bronnikov.ru

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

замедленное умственное развитие. Принц Эдди не умел вести себя в обществе и не блистал способностями. После службы на флоте он поступил в Кембриджский университет. Наставником его стал некий Джеймс Стивен — ученый, поэт, личность психически неуравновешенная и «голубой» ориентации. Чему он мог научить своего подопечного, можно только догадываться. Ходили слухи, правда, неподтвержденные, будто бы принц Эдди был тем самым «Джеком-Потрошителем», который наводил ужас на лондонских проституток.

Непутевый Эдди мог угрожать прочности британского престола. Королева Виктория решила, что ему нужна жена, которая окажет плодотворное влияние на него. С ее точки зрения, Аликс могла составить ему хорошую партию. Но Аликс решительно воспротивилась планам Granny. Никакие — даже самые блестящие — титулы не прельщали юную принцессу Гессенскую. Отвергла она и сватовство принца Макса Баденского. Полюбив же русского Цесаревича Николая Александровича, ни о ком другом Аликс не хотела и слышать. Королева Виктория, выступавшая против брака Аликс и русского Наследника, была, в конце концов, вынуждена смириться с ее выбором. Тем более, что к личности Цесаревича, любившего ее, королева относилась с симпатией.

Прекрасно изучившая принца Эдди Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, вышедшая замуж за Великого Князя Сергея Александровича, решительно осудила планы выдать Аликс за принца. Брату Эрнсту Элла писала:

«Я нахожу кошмарной мысль женить Эдди на Алики. Браков между близкими родственниками следует избегать. Но главное — это то, что он не очень здоров и очень глуп. Не дело, чтобы Аликс жила с таким мужем в Англии. Я хочу, чтобы она была так же счастлива, как мы трое [Великая Княгиня имела в виду свой брак и браки ее сестер]».

Своего будущего супруга двенадцатилетняя Аликс впервые увидела во время бракосочетания старшей сестры Эллы и Великого Князя Сергея Александровича, дяди Цесаревича Николая Александровича. Встречаясь во время поездок в гости к Элле, называвшейся отныне Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной, молодые люди убедились, что они созданы друг для друга. Аликс в 1889 году было 17 лет. Именно тогда Николай Александрович, которому исполнился 21 год, решил, что она должна стать его женой. Однако Александр III, ориентировавшийся на сближение России и Франции, воспротивился желанию сына, проточа ему в жены дочь графа Парижского, принцессу Елену из Орлеанского дома. Формальным поводом для отказа был юный возраст жениха и невесты. Если бы Царь пошел навстречу своему сыну, то, возможно, в его жизни, как и в жизни России, многое пошло бы по-другому. Ведь, став Цесаревичем, сам Александр Александрович женился на датской принцессе Дагмар, которая за пятнадцать лет (с 1866 года, года вступления в брак, до 1881 года, когда

после злодейского убийства Александра II ее супруг, Цесаревич, стал Императором, а она — Императрицей) успела изучить и русский язык, и нравы, царившие в русском высшем свете, — словом, освоилась в России. Если бы брак между Николаем Александровичем, тогда Наследником Цесаревичем, и любимой им Аликс, состоялся пятью годами раньше, то и Александра Феодоровна оказалась бы в гораздо более выгодном положении, чем это произошло после кончины Александра III в октябре 1894 года. Возможно, не было бы косых взглядов, которыми встретил ее холодный Петербург во время похорон Царя-Миротворца. Не было бы змеиного шепота кумушек: «она пришла к нам за гробом, она принесет нам несчастье». Впрочем, злые языки всегда найдут чем укорить тех, кто выше и благороднее их.

Своей настойчивостью Цесаревич преодолел упрямство отца, который все же согласился на брак сына и принцессы из «захудалого немецкого рода». Однако его родная мать, Императрица Мария Александровна, принадлежала к тому же роду, так что негоже было попрекать Аликс ее происхождением. Тем более, что в числе предков принцессы были Император Священной Римской Империи Карл Великий и королева Шотландская Мария Стюарт. Быть удостоенным любви столь прекрасной и возвышенной души было бы честью и счастьем для представителя *любого* владетельного дома. Саму же Аликс никакие титулы не прельщали. Ею двигало лишь чувство любви. Однако перед нею, как будущей русской Царицей, стояла проблема смены религии. Она была лютеранкой, и переход в православие казался ей отступничеством от веры отцов. Лишь через два года, после того, как ее старшая сестра, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, перешедшая в православие (хотя ей, как супруге Великого Князя Сергея Александровича, который не имел права на престолонаследие, делать это было необязательно), убедила Аликс, что обе религии весьма близки, юная принцесса согласилась переменить религию. Этому способствовали и глубокая религиозность, преданность русской истории, неразрывно связанной с православием, ее суженого, Цесаревича Николая Александровича. 1 марта 1891 года скончался отец Аликс, Великий герцог Гессенский Людвиг IV. Совсем молоденькая девушка почувствовала себя совершенно одинокой. Старшая сестра — в России. Там же и ее любимый Ники.

2-го апреля 1894 года в обществе дядей, Великих Князей, их супруг и свиты Цесаревич поехал в Кобург на свадьбу брата Аликс Эрнста и принцессы Виктории. Была и другая цель — сделать предложение Аликс. Главное препятствие — возражение Александра III против брака — было устранено. Осталось не менее важное препятствие — добиться согласия Аликс на перемену религии.

В дневнике Цесаревич записал: «5-го апреля. Вторник. ...[Аликс] замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно

желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она бедная много плакала». 6-го, 7-го апреля влюбленные почти не виделись. Зато 8-го для Цесаревича настал праздник: «Чудный, незабвенный день в моей жизни — день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс. После 10 часов она пришла к т. Михен [Михен или Михень — Мария Павловна-старшая, жена В.К. Владимира Александровича — В. К.] и, после разговора с ней, мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч; какую радостью удалось обрадовать дорогих Мама и Папа! Я целый день ходил как в дурмане... После завтрака пошли в церковь т. Мари и отслужили благодарственный молебен...»

Узнав, что принцесса Гессен-Дармштадтская согласилась стать женой Цесаревича, Император Александр III чрезвычайно обрадовался, о чем сообщил своему сыну в письме:

«Гатчина. 14 Апреля 1894 г.

Мой милый, дорогой Ники, ты можешь себе представить, с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу мы узнали о твоей помолвке! Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче твоей попытки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил и великая Ему благодарность за Его Милости. Если бы ты видел, с какой радостью и ликованием все приняли это известие; мы сейчас же начали получать массу телеграмм и завалены ими и до сих пор.

Сегодня Владимир и Михень первые передали нам некоторые подробности, потом твое письмо к Мама, так что наконец мы знаем, как все это происходило и через что ты прошел в эти дни. Но теперь я уверен, что ты вдвойне наслаждаешься, и все пройденное, хотя и забыто, но я уверен, принесло тебе пользу, доказавши, что не все достается так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю твою будущность и всю твою последующую семейную жизнь!

Не могу себе представить тебя женихом, так это странно и необычно! Как нам с Мама было тяжело не быть с тобой в такие минуты, не обнять тебя, не говорить с тобою, ничего не знать и ждать только письма с подробностями. Передай твоей милейшей невесте от меня, как я ее благодарю, что она наконец согласилась и как я желал бы ее расцеловать за ту радость, утешение и спокойствие, которые она нам дала, решившись согласиться быть твоей женой. Не пишу ей, так как это было бы повторение моего письма к тебе, но ты ей передай все это.

Обнимаю и поздравляю тебя, милый, дорогой Ники; мы счастливы твоим счастьем и да благословит Господь вашу будущую жизнь, как благословил ее начало!

Твой счастливый и крепко тебя любящий
Папа»

Дни до 20-го апреля были сплошным праздником для юных влюбленных.

Невеста подарила суженому кольцо. «В первый раз воздел его на перст!» — записал счастливый жених. 16-го из С.-Петербурга приехал фельдъегерь, который привез письма, орден и дорогой подарок от Императора и Императрицы, а также письмо к Аликс, в котором Мария Феодоровна просила нареченную своего сына называть ее не тетей, а мамой. Вдвоем влюбленные отвечали на многочисленные поздравительные телеграммы, ездили на шарабанчике в горы, поля, где собирали цветы. Все эти дни Аликс брала уроки русского языка, занималась с протопресвитером о. Иоанном Янышевым, приобщавшим ее к православию. Вместе с бабушкой, королевой Викторией, в сопровождении драгун Аликс уехала в Англию. Николай Александрович — в Россию. «В Гатчино прибыли в 4.20, — записал он 22-го апреля. — На станции вошли в вагон дорогие Папа и Мама, Ксения, Миша, Ольга и Сандро. Огромная радость снова увидеться и при таких счастливых обстоятельствах».

Целых полтора месяца продолжалась переписка между влюбленными, которые не могли дождаться новой встречи. Наконец, Император разрешает старшему сыну отправиться в Англию на Императорской яхте «Полярная Звезда». Едет он в сопровождении протопресвитера о. И. Янышева. Погода благоприятствовала путешественникам. «... Вот мы уже прошли половину Немецкого моря, а переход до сих пор можно назвать озерным — до того он был удачен. Итак, даст Бог, завтра увижу снова мою ненаглядную Аликс, — написал в дневнике Цесаревич 7-го июня. На следующий день «... В 10 1/2 вошли в Темзу и начали подниматься вверх без лоцмана... В половине второго пришли в Гревсенд, где [в]стали на бочку». На экстренном поезде Цесаревич помчался в Лондон, оттуда в Уолтон, где встретился с невестой, которая гостила у своей сестры в семье принца Баттенбергского. «Я очутился в объятиях моей нареченной, которая показалась мне еще более прекрасной и милой», — написал матери Цесаревич.

Целых три дня они провели в Уолтоне-на-Темзе. Гуляли, рвали цветы, катались на электрической шлюпке по реке. Сидели в саду под старым каштаном. Аликс вышивала, Николай читал вслух. Затем поехали в Виндзор к королеве Виктории. «Отправились в королевской коляске цугом». Почти все время им приходилось быть на людях. Лишь урывками удавалось побыть влюбленным вдвоем. Узнав, что ее суженый ведет дневник, Аликс делала в нем собственноручные записи по-немецки, а чаще по-английски, как бы вклиниваясь в текст дневника: «много поцелуев с любовью», «да благословит тебя Господь, мой Ангел». Ежедневно к 12 часам дня Аликс возвращалась в Виндзорский замок, где ее ждал о. Янышев, продолжавший занятия, чтобы подготовить Высоконареченную невесту Цесаревича к восприятию православия. Последние дни июля, наполненные счастьем, влюбленные провели в обществе королевы Виктории на острове Уайт, возле которого стояла Императорская яхта «Полярная Звезда». Дважды на яхте побывала и принцесса Аликс. И снова запись ее рукою: «Мой драгоценный, да благословит и защитит тебя Господь. Никогда не забывай ту, которая

жаждет и молит Бога лишь о том, чтобы сделать тебя счастливым!» «Есть дни и минуты, бросающие свой свет на долгие годы». «20 апреля. Пасхальная ночь! Неужели мы забудем ее, мой милый славный муженек!» Слова эти на немецком и английском, были, очевидно, вписаны позднее, когда оба вступили в брак.

Наполненные теплом, светом, счастьем, предвкушением новых радостей, дни, казалось, были дарованы молодым свыше, чтобы укрепить их чувства, вдохнуть в них силы перед грядущими испытаниями. Недаром, уже находясь в Тобольском заточении, Государыня вспоминала счастливые дни, проведенные в Англии.

Молодой, невинной девушке, очевидно, было больно услышать от суженого о связи, существовавшей в свое время между ним и балериной Кшесинской. Однако она оказалась достаточно мудрой и великодушной, чтобы его простить: «Мой дорогой мальчик, всегда постоянный, всегда преданный. Верь и надейся на свою девочку, которая не в силах выразить словами любовь, восхищение и уважение. Что прошло, то прошло и никогда не вернется, и мы сможем спокойно оглянуться назад. Все мы на этом свете подвергаемся искушениям, а в юности нам бывает трудно им противостоять. Но как только мы раскаиваемся и возвращаемся к добру и на путь истины, Господь прощает нас. «Если мы каемся в грехах наших, Господь нас милует и прощает». Господь прощает кающихся. Прости, что я так много пишу, мне хотелось бы, чтобы ты был во мне вполне уверен и знал, что я люблю тебя еще больше после того, что ты мне рассказал. Твое доверие ко мне меня глубоко тронуло, и я молю Господа быть всегда его достойной. Да благословит тебя Господь, бесценный Ники!» «Всегда верная и любящая, преданная, чистая и сильная, как смерть», — вписала она в дневник жениха. 12 июля 1894 года, в половине четвертого утра, яхта «Полярная Звезда» снялась с якоря, увозя Цесаревича от берегов Англии, где осталось самое для него любимое на свете существо — его нареченная.

И снова началась переписка между влюбленными. В сентябре Наследнику удалось на несколько дней вырваться в Дармштадт, но их безоблачное счастье затянули тучи. Александр III, по мнению многих, подорвавший здоровье во время железнодорожной катастрофы в Борках, когда он на собственных плечах удержал крышу вагона, чтобы дать возможность своим детям, супруге и слугам выбраться наружу, тяжело заболел. Из охотничьего дворца в Польше по совету врачей Царь переехал в Крым, который он всегда не любил: именно в Крыму он потерял многих друзей.

Аликс получила телеграмму, срочно вызывавшую ее в Ливадию. Со слезами на глазах, держа в дрожащих руках поднесенные ей бумаги, она направилась к вагону. В Берлине ее провожал Император Вильгельм II. 8-го октября на границе с Россией, в Александрове, ее встретила старшая сестра Элла — Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, которая получила телеграмму от Московского губернатора: «В минуту вступления Ее Великогерцогского Высочества на нашу родную русскую почву, Москва сердцем и мыслями,

вместе с Вашим Императорским Высочеством, встречает Вашу Августейшую Сестру. Горячие наши молитвы сопутствуют Вашим Высочествам туда, где ныне сосредоточены все надежды и сердца России».

Принцесса Гессенская Алиса ответила: «Глубоко тронута, что Москва вспомнила обо мне в минуту вступления моего на почву новой для меня, но уже давно дорогой Родины. Сестра и я от души благодарим древне-престольную столицу и не сомневаемся в горячности ее молитв о здоровье нашего возлюбленного Государя. Да поможет нам Бог. *Алиса*».

Из Александрова же принцесса направила длинную телеграмму Цесаревичу, суть которой сводилась к тому, что по приезде она желала бы миропомазаться.

Какое-то время здоровье Государя продолжало было улучшаться. Правда, несколько раз 9 октября у него из носа шла кровь. Затем ему стало хуже. Последние десять дней жизни Александра III принцесса Алиса вместе с сестрой жила в свитском доме. Каждый день с нареченным совершала прогулки по живописным окрестностям Ливадии. В Ореанде они оба присутствовали на литургиях, которые служил о. Иоанн Кронштадский. В свободное время Аликс вышивала воздухи для Святых Даров ко дню своего первого причастия. Если Государь, Государыня и жених встретили ее с любовью и радостью, то Двор отнесся к ее появлению прохладно. А. А. Танеева (Вырубова) впоследствии вспоминала:

«Окружающие встретили ее холодно, в особенности, княжна А. А. Оболенская и графиня Воронцова. Ей было тяжело и одиноко; не нравились ей шумные обеды наверху... собравшейся семьи, в такой момент, когда доживал свои последние дни и часы Государь».

Нужно сказать, что принцесса Алиса нашла пылкую сторонницу в лице младшей сестры Наследника, Великой Княжны Ольги Александровны. В своих мемуарах она писала:

«Я сразу же полюбила Алики. А какой радостью был ее приезд для Папа! Я помню, что он долго не отпускал ее из своей комнаты».

И юная Великая Княжна, и Высоконареченная Невеста черпали друг в друге поддержку. Они находились в сходном положении. Всеобщее внимание было приковано к Августейшему больному, его супруге, Императрице Марии Феодоровне. Ни до «немецкой принцессы», ни до 12-ти летней девочки никому, казалось, не было дела. Особенно возмутило Аликс то, что и к ее суженому, будущему Императору, относились без должного внимания. В дневнике жениха она записала: «Дорогое дитя! молись Богу. Он поможет тебе не падать духом. Он утешит тебя в твоём горе. Твое Солнышко молится за тебя и за любимого больного. Будь стойким и прикажи Лейдену и другому Г. приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. И если д-ру что-нибудь нужно, пусть приходит

прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты — любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви свою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!»

Несмотря на все старания врачей, на непрерывные молитвы о его исцелении, 20 октября Царь-Миротворец скончался. Если бы не приезд принца Уэльского, будущего короля английского Эдуарда VII, вместе с его супругой, сестрой Марии Феодоровны, растерянность, воцарившаяся в Ливадийском дворце, были бы невыносимы. Принц и принцесса Уэльские приехали через два дня после кончины Императора Александра III. Именно дядя Берти, как называли в Императорской семье принца, принялся наводить порядок и успокаивать расстроенных, вконец растерявшихся русских родственников. Служащие Двора, казалось, потеряли головы; прислуга лишь оплакивала усопшего в Бозе Державного хозяина. Императрица, убитая горем, не отдавала никаких распоряжений и, казалось, не желала, чтобы их отдавал кто-то другой. Принц Уэльский тотчас пресек нападки Великих Князей на молодого Императора, постарался приободрить молодого племянника, «привел в чувства» придворных. Много часов он потратил на то, чтобы нужными действиями и советами помочь приготовлениям к погребению Царя.

В первом своем манифесте молодой Император заявил:

«Богу Всевышнему угодно было в неисповедимых путях Своих прервать драгоценную жизнь горячо любимого Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болезнь не уступила ни лечению, ни благодатному климату Крыма, и 20 октября Он скончался в Ливадии, окруженный Августейшей Семейю Своей, на руках Ее Императорского Величества Государыни Императрицы и наших. Горе Нашего не выразить словами... и Мы верим, что не будет места в обширном государстве Нашем, где бы не пролились горячие слезы по Государе, безвременно отошедшем в вечность и оставившем родную землю, которую Он любил всей силой Своей русской души...

Но да будет святая воля Всевышнего и да укрепит Нас незыблемая вера в премудрость Небесного Промысла... Скорбь Наша — скорбь всего возлюбленного народа Нашего, и да не забудет он, что сила и крепость Святой Руси в ее единении с Нами и в беспредельной Нам преданности. Мы же, в этот скорбный, но торжественный час вступления Нашего на Прародительский Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского вспоминаем заветы усопшего Родителя Нашего и, проникшись ими, приемлем священный обет, пред лицом Всевышнего, всегда иметь единой целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных.

Всемогущий Бог, Ему же угодно было призвать Нас к сему великому

служению, да поможет Нам. Вознося горячие молитвы к Престолу Вседержителя об упокоении чистой души незабвенного Родителя Нашего, повелеваем всем Нашим подданным учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгию Александровичу, Которому быть и именоваться Наследником Цесаревичем, доколе Богу угодно будет благословить рождением сына предстоящий брак Наш с принцессою Алисою Гессен-Дармштадтскою».

Вторым манифестом Государь извещал подданных о принятии Святого Православия Высоконареченной Невестой:

«Совершилось Священное Мвропомазание над нареченной Невестой Нашей. Прияв имя Александры. она стала Дщерию Православной нашей Церкви, к великому утешению Нашему и всей России... Все верные подданные Наши соединятся с Нами в молитве, да ниспошлет Господь благословение на судьбы Наши и вверенного Нам волею Его народа. Возвещая всем верным Нашим подданным о сем желанном событии, повелеваем Высоконареченную Невесту Нашу, Ее Великогерцогское Высочество принцессу Алису именовать Благоверной Великой Княжной Александрой Феодоровной с титулом Императорского Высочества».

Занятый делами домашними и вопросами внутреннего устройства, уже 28 октября Николай II известил через дипломатических представителей за границей о своем намерении посвятить «все Свои заботы мирному развитию внутреннего благосостояния России и ни в чем не [уклониться] от вполне миролюбивой, твердой и прямотушной политики, мощно содействовавшей всеобщему успокоению».

Но молодому Государю еще предстояли тяжкие хлопоты и церемонии прощания с Державным Родителем, прах которого следовало перевезти из Ливадии в Санкт-Петербург.

После того, как траурный поезд прибыл в Москву, гроб с прахом Александра III отвезли в Архангельский собор. По распоряжению молодого Императора в память об усопшем в Бозе Государе в Москве и Петербурге беднякам раздавались бесплатные обеды. Сутки спустя, 31 октября, после литии, гроб поставили на колесницу и повезли на вокзал. И снова на страницах дневника Николай Александрович увидел слова ободрения, начертанные рукой его нареченной: «Господь ведет тебя, Свое дитя. Не страшись. Где бы ты ни был, повсюду рядом с тобой Ангел-Хранитель. Где ты — там твой Бог, где твой Бог, там твоя поддержка».

После похорон Александра III в Петропавловском соборе молодой Император, не желавший остаться без верного друга, не захотел отпустить Аликс в Дармштадт. Начались приготовления к свадьбе. Аликс жила у сестры, Эллы. Ее жених — у матери, Вдовствующей Императрицы, в Аничковом дворце. Встречались с ним лишь урывками. В нижнем этаже

дворца устраивалось гнездо для молодоженов. 14 ноября, в день рождения Марии Феодоровны, когда разрешалось некоторое послабление траура, в церкви Спаса Нерукотворенного Образа при Зимнем дворце состоялось бракосочетание Императора Николая II и Великой Княжны Александры Феодоровны. «Я надел гусарскую форму и в 11 1/2 поехал с Мишей [Великим Князем Михаилом Александровичем] в Зимний, — вспоминал молодой Государь. — По всему Невскому стояли войска для проезда Мама с Аликс. Пока совершался ее туалет в Малахитовой, мы все ждали в Арабской комнате. В 10 минут первого начался выход в Большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком. В Малахитовой нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мной в карету..., и мы поехали в Казанский собор. Народу на улицах была пропасть — едва могли проехать!»

Во время бракосочетания, помимо особ Императорской фамилии, присутствовали Датский король Христиан IX, Греческий король с королевой, Великая герцогиня Саксен-Кобург-Готская и принцесса Валлийская. Шаферами были Великие Князья Михаил Александрович, Кирилл Владимирович и принц Греческий Георг. Таинство брака совершали протопресвитер Иоанн Янышев, протоиерей Иоанн Кронштадтский и придворное духовенство. После церемонии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий вместе с членами Святейшего Синода и придворным духовенством совершили благодарственный молебен. Как только в храме зазвучали слова: «Тебе, Бога хвалим», раздался орудийный салют, прозвучавший с бастионов Петропавловской крепости. Был произведен триста один выстрел. После молебна митрополит Палладий благословил Августейших Новобрачных иконами.

«Свадьба наша, — вспоминала Государыня, — была как бы продолжением панихид, только что меня одели в белое платье».

Государь Император Николай Александрович оповестил своих подданных о радостном событии, которого так много лет ждал, манифестом:

«Благословением Божиим совершилось сегодня в соборной церкви Зимнего дворца, в присутствии духовных и светских особ, бракосочетание Наше с Возлюбленной Невестой Нашей Благоверной Великой Княжной Александрой Феодоровной, дочьрью Великого герцога Гессенского. Посреди глубокой скорби, коей преисполнены сердца Наши и всех верных сынов России, да будет день сей светлым праздником упований народных на продолжение к нам Милости Божией в наступившее новое царствование. Помышляя о судьбах его, сочли Мы за благо не отдалять совершение сердечного желанья Нашего, священного к Нам завета в Бозе почившего Родителя и радостных ожиданий всего народа, да укреплен будет таинством Святой Церкви благословенный Родителями Нашими брачный союз Наш.

Все верные подданные Наши соединятся с Нами в молитве, да ниспошлет

Господь благословение союзу Нашему и дарует Нам, во благо России, то же безмятежное счастье, коим благословен был в доме своем незабвенный Наш Родитель, к назиданию и утешению всего народа».

Желая поделиться своей радостью, молодой Император простил значительные долги крестьянства, а те, что относились к периоду до 1866 года, были прощены сполна. Получили послабление, а то и прощение содержащиеся в тюрьмах. Был создан особый фонд для вспомоществования нуждающимся ученым, литераторам, писателям и студентам.

Государь сохранил за собой пост Председателя Комитета по постройке Великого Сибирского пути, на который был назначен еще покойным Александром III.

В отличие от Императрицы Матери, хотя и выросшей в небогатой Дании, но, приехав в Россию, ставшей довольно расточительной, молодая Императрица, выросшая при бедном Дворе, сохранила свои воззрения, когда заняла высокое положение. Она разделяла взгляды супруга и избегала роскоши.

Первое время молодые жили в Аничкове дворце. Юная Царица прилежно занималась русским языком. Преподавала ей гоф-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер. 3 декабря Александра Феодоровна записала в дневнике молодого супруга: «Надобно учиться трудному искусству — ждать. Я сегодня хорошо училась, и Шнейдерлейн [уменьшительная форма от «Шнейдер» — В.К.] мною довольна».

У молодой четы не было даже своей столовой. Они завтракали и обедали вместе со всеми за столом, во главе которого восседала Императрица Мать. Впрочем, Мария Феодоровна разрешала приносить в комнаты молодоженов первый завтрак и чай. Юная Императрица подружилась с младшей сестрой супруга, Ольгой. Их связывало многое, в том числе любовь к музыке и живописи. Что же касается Вдовствующей Императрицы, то она, придя в себя после утраты Венценосного супруга, снова окунулась в светскую жизнь. В глазах высшего петербургского общества сравнение между Императрицей Матерью и молодой Императрицей было не в пользу Александры Феодоровны. Она была скромна, застенчива и не любила суетный свет. Образовались как бы два двора — двор старой и двор молодой Императрицы. Между ними происходили трения, и Мария Феодоровна, увы, делала мало, чтобы их сгладить. Ее чересчур деятельная натура, которую прежде сдерживала строгость супруга, теперь не знала границ. Доходило до того, что она сама выбирала наряды для невестки, которые, впрочем, та не носила, так как предпочитала платья строгого покроя. К юной Царице придирались по всякому поводу. Стоило ей улыбнуться, как злые языки заявляли, что она насмешница. Если у нее был озабоченный вид, то утверждали, что она бука.

Молодой Император, любивший мать и боготворивший молодую и

прекрасную жену, оказался между двух огней. Никто, кроме сестер Императора — Ксении и Ольги — не знал, какую огромную поддержку своему супругу оказывала Александра Феодоровна, которую они звали Алики. Не удивительно, что Государь называл ее Солнышком — детским ее именем. «Алики никогда не произносила ни одного лишнего слова и не допускала ни единой оплошности», — вспоминала впоследствии Ольга Александровна Летом молодая чета жила в Петергофе. Мария Феодоровна была в это время в Дании.

Отношения с матерью Император поддерживал с помощью переписки. Мария Феодоровна начинала письмо несколькими русскими фразами, затем переходила на французский. Почерк у нее был стремительный, как стрела. Очевидно, что и характер был такой же — огневой. Ведь Императрица Мать была еще не старой женщиной. «Состоявший при ней» князь Шервашидзе стал ее гражданским мужем. Брак они зарегистрировали после февральской революции.

В письме к матери от 16 сентября 1895 года Царь писал:

«Оба были в грустном настроении, покидая Петергоф, а главное наш маленький домик у моря, где мы так спокойно провели первое время вместе!» В это время в Александровском дворце, по указанию молодой Императрицы, происходил ремонт, переделка помещений. Приехав в Царское Село, Государь пишет родительнице: «...Но когда мы вошли в комнаты Аликс (которые совсем переделаны и ничего не напоминает прежнее отвратительное устройство их), печальное настроение прошло».

Молодая чета ждала своего первенца, и Царь писал матери:

«Боль в животе <Аликс> была довольно сильная, особенно, когда дитё прыгало внутри. Оно стало очень велико и прыгает и дерется внутри очень сильно» (28 сентября 1895 года).

2/16 ноября 1895 года родилась Великая Княжна Ольга Николаевна. Там же, в Царском Селе, родились и остальные дочери: Великие Княжны Татьяна Николаевна (29 мая/11 июня 1897 года), Мария Николаевна (14/27 июня 1899 года) и Анастасия Николаевна (5/18 июня 1901 года).

С Царским Селом у Августейшей Семьи будут связаны самые теплые воспоминания. Жила она главным образом в Александровском дворце. Многие о Царской Семье и, особенно, об Императрице мы узнаем из воспоминаний ее близких друзей А. А. Вырубовой, Ю. А. (Лили) Ден и немногих других лиц.

Анна Александровна Вырубова и Юлия Александровна Ден, хорошо знавшие Государыню, отмечали, что она была великолепной пианисткой и играла с удивительным подъемом, но ее крайняя застенчивость зачастую мешала ей проявлять свое искусство в присутствии посторонних. Лили Ден писала впоследствии:

«Государыня была более русской, чем большинство русских, и в большей степени православной, чем большинство православных. Ее любовь к Богу и

вера в Его милосердие были для Государыни важнее любви к мужу и детям, и она находила наивысшее утешение в религии еще в ту пору, когда ее окружали великолепие и блеск Царской власти. И в горькие годы заточения, на пути к Голгофе, Императрица черпала силы в своем религиозном чувстве. Если же она действительно встретила свою кончину в том страшном екатеринбургском подвале, то, я уверена, именно все та же горячая вера поддержала ее в смертный час. Ее Величество когда-то призналась мне, что не решалась выйти замуж за Государя до тех пор, пока не почувствовала, что не пойдет против своей совести, если примет его предложение, сказав с полной убежденностью: «Твоя страна будет моей страной, твой народ — моим народом, и твой Бог — моим Богом».

«Государя она полюбила на всю жизнь. Она сама призналась, что он был первой ее любовью, но чем больше становилась ее любовь, тем сильнее становился страх, что она может оказаться недостойной своего возлюбленного. Выйдя замуж, она всецело отдала себя России и сочла, что ее священный долг — заботиться о благе России. Однако Их Величества всегда были в большей степени супругами, чем Императором и Императрицей. Они жили счастливой семейной жизнью, у них были простые вкусы, они избегали посторонних взглядов, им претила всякая популярность. И вот это стремление к уединенной жизни послужило причиной возникновения многих клеветнических измышлений, объектом которых становилась Царская Семья... Меня иногда удивляло, почему она предпочитает друзей попроще, а не из более привилегированных кругов. Однажды я набралась смелости и задала ей такой вопрос. Она мне призналась (хотя я об этом догадывалась), что она болезненно застенчива и незнакомые лица чуть ли не пугают ее.

— Меня не заботит, богата та или иная особа или же бедна. Для меня друг, кем бы он ни был, всегда остается другом.

Действительно, этого у нее не отнять, Государыня поистине была верным другом, и дружбу, как и обязанности, которые она накладывала, ставила выше всяческих материальных выгод. Как женщина, она поступала правильно, а как Императрица, возможно, и нет».

Великосветская чернь никогда не пыталась понять подлинную натуру Императрицы. Ослепленные гордыней аристократы ополчались на нее, не зная никакого снисхождения. Лили Ден вспоминала:

«Ее Величество не переносила какой бы то ни было снобизм. Однажды во время японской войны она работала в одном из помещений Зимнего дворца. Окна его выходили на набережную Невы. Оттуда, где сидела Ее Величество, можно было наблюдать за солдатами и офицерами, проходившими мимо дворца. Неожиданно Государыня внимательно посмотрела в окно и сокрушенно покачала головой. На лице ее появилось выражение крайнего негодования. Кто-то из офицеров, находившихся во дворце, осмелился

спросить у нее, в чем дело. Ее Величество указала на набережную: — Посмотрите, — проговорила она. Выяснилось, что проходившие мимо одного из офицеров солдаты отдали ему честь, но тот им не ответил. — Почему же офицер не уважает солдат, рядом с которыми он может однажды пасть? Терпеть не могу таких снобов, — добавила она с холодком в голосе... Ее Величество вела довольно уединенную жизнь. Зачастую уединение это было вынужденным: у Ее Величества было слабое здоровье, но, хотя многие авторы утверждают, будто она страдала болезнью, унаследованной от отца, сама Императрица никогда мне об этом не говорила. Она страдала пороком сердца из-за частых родов, иногда ей становилось тяжело дышать. Но я не замечала в ней ни малейших признаков истерии. Иногда Ее Величество охватывал внезапный гнев, но она обычно умела сдерживать свои чувства. Кроме хрупкого здоровья, были и другие причины для того, чтобы она чуралась общества. Цесаревич и Их Высочества часто хворали, а Государыня, как преданная мать, непременно находилась рядом с детьми и выполняла обязанности сиделки. В Государыне было очень развито материнское чувство; она чувствовала себя счастливой, когда могла о ком-то заботиться. Если какое-то лицо завоевывало ее привязанность и доверие, то она начинала проявлять интерес к малейшим сторонам жизни этого человека. Ее склонность к оккультизму сильно преувеличена. Она была суеверной, но ее суеверия были вполне невинного свойства: она полагала, что в путешествии следует отправляться в ясную погоду; что когда дарят икону — это недобрый знак. Что же касается ее пристрастия к свастике, то оно объясняется следующим. В глазах Ее Величества она представляла собой как бы амулет, некий символ. По ее словам, древние считали свастику источником движения, эмблемой Божественного начала в природе».

Лили Ден вспоминает:

«Государыня была ранней пташкой. При ней состояло шесть горничных. Старшая из них, Мадлена Занотти, итальянка по происхождению, принадлежала к семье, исстари состоявшей на службе у Великих Герцогов Гессенских. Луиза Тутельберг, которую все звали «Тутель», стоявшая на втором месте, была родом из Прибалтийского края. В их распоряжении состояло еще четверо помощниц. Камеристки, в обязанности которых входило одевать и раздевать Императрицу, служили по три дня в неделю, однако ни одна из них ни разу не видела Ее Величество раздетой или принимающей ванну. Государыня поднималась с постели и принимала ванну без всякой посторонней помощи. Когда же ей требовалось привести в порядок свои волосы, поверх белья она набрасывала японское кимоно — шелковое или же ситцевое. Причесывалась и одевалась Ее Величество чрезвычайно скромно, в чем снова проявлялось влияние викторианской эпохи. То же можно было сказать и об убранстве ее спальни, где соблюдалась мода Виндзорского и Букингемского дворцов, восходившая к

1840 году. Ей претило все броское, театральное как при выборе белья, так и в убранстве спальни. Белье она носила из тонкого полотна, с чудными вышивками, но простого покроя. Ее рыжевато-золотистых волос никогда не касались щипцы для завивки, прическу она предпочитала самую простую и лишь для праздников и важных приемов изменяла своей привычке и позволяла себе более замысловатую прическу.

Опочивальня их Величеств представляла собой просторную комнату с двумя окнами, выходящими в парк. Находилась она на первом этаже: из-за слабого сердца Ее Величеству было трудно подниматься по лестнице. С помощью лифта, расположенного в коридоре, можно было попасть в детские, но во время революции водоснабжение было отключено, и лифт не работал. И тем не менее Ее Величество непременно навещала больных Великих Княжон. Я всякий раз сопровождала Государыню, поддерживая ее под руку, когда она с трудом преодолевала ступени. Я не могла сдерживать слезы, видя, как слаба Ее Величество, которая, тем не менее, была полна решимости не упустить ни единой возможности повидаться со своими любимыми чадами.

Большая двухспальная кровать светлого дерева стояла около окон, в простенке между которыми помещался туалетный столик Ее Величества. Справа от кровати в стене была пробита небольшая дверь, которая вела в крохотную молельню без окон, освещенную лампадами, где любила молиться Государыня. В молельне размещался столик и аналой, на котором лежало Священное Писание и образ Спасителя. Образ этот Ее Величество впоследствии подарила мне в память о тех днях, которые мы вместе прожили в Царском Селе. Это одно из самых больших моих сокровищ. Мебель в Императорской спальне была обита тканью с орнаментом из цветов, на полу — мохнатый ковер лилового цвета. Туалетная комната Его Величества отделялась от спальни коридором. Напротив нее находилась туалетная комната и ванная Государыни, где не было ни следа показной роскоши и «странных» затей, о которых твердили злые языки. Ванна была не из серебра и не из мрамора, а самая обыкновенная, старинная ванна, помещенная в нишу. Ее Величество, которой никогда не изменяло ее викторианское стремление к аккуратности, требовала, чтобы в дневное время ванна драпировалась занавеской из кретона. В туалетной комнате Ее Величества стоял камин. На тот случай, если понадобятся их услуги, горничные находились в соседней комнате. Здесь хранились платья Государыни. В комнате между этажами, в которой стояло множество больших шкафов, хозяйничали горничные, в обязанности которых входило глаженье и починка одежды Ее Величества.

Государыня предпочитала обувь с длинным заостренным носком. Она обычно носила замшевые, золотистого или белого цвета туфельки. Атласные туфли она никогда не надевала.

— Терпеть не могу атласных туфель, они меня раздражают, — признавалась Императрица. За исключением платьев, которые Ее Величество надевала в торжественных случаях, они у нее были совсем простого покроя. Она любила

носить блузки с юбкой...

Ее Величество обвиняли в пристрастии к драгоценностям. Ничего подобного я за ней не замечала. Правда, у нее было множество чудных самоцветов, но ее положение Императрицы Всероссийской давало ей право владеть ими. Перстни и браслеты она действительно любила и всегда носила перстень с крупной жемчужиной, а также крест, усыпанный драгоценными камнями. Некоторые авторы утверждают, будто бы крест был усыпан изумрудами. Я не согласна с этим. Я уверена, что это были сапфиры и, поскольку я видела этот крест каждый день, то думаю, что я права. У Ее Величества были мягкие, красивой формы руки. Руки, которые никогда не оставались без дела. Ногти она никогда не полировала, поскольку Его Величество терпеть не мог маникюренные ногти.

В девять утра Государыня завтракала вместе с Августейшим супругом. Завтрак был простой, а l'anglaise [по-английски]. После завтрака Ее Величество поднималась вверх к своим детям. Потом появлялась Анна Вырубова. Если было необходимо кого-то принять, то аудиенции давались утром. Однако в том случае, если Государыня оказывалась «свободной», то она отправлялась в училище для детских воспитательниц, организованное по английскому образцу. Она была твердо убеждена в необходимости таких воспитательниц и вкладывала всю душу в работу и надлежащее руководство этим учебным заведением.

Ленч был в час дня, а по воскресным дням — в половине первого; но если Государыня испытывала недомогание, что происходило с ней довольно часто, то ленч ей или подавали в лиловую гостиную или же она трапезовала вместе с Цесаревичем. После ленча Ее Величество прогуливалась, не то каталась в легкой открытой коляске. Чай подавали в пять часов. Иногда в промежутки между ленчем и чаем устраивались приемы. Вся Императорская Семья встречалась за чаем, происходившим совсем «по-семейному». Обедали в восемь. Постоянной столовой не было: Государь не любил обедать в каком-то одном помещении, поэтому обеденный стол несли в ту комнату, в которой ему в тот вечер хотелось пообедать. После обеда (обычно очень простого, без затей) Императорская Семья проводила остаток вечера вместе. Их Высочества, питавшие страсть к головоломкам, обычно ими и занимались. Иногда Его Величество читал вслух в то время, как дочери и их родительница работали. Эта дружная семья жила бесхитростной жизнью — жизнью, которой не одобрялась светская чернь.

Гостиная Ее Величества, известная, как «лиловый будуар Императрицы», представляла собой чудную комнату, где можно было наблюдать пристрастие ее хозяйки ко всем оттенкам лилового цвета. Весной и в зимнее время воздух в ней был напоен ароматом сирени и ландышей, которые корзинами ежедневно присылали во дворец с Ривьеры. Стены украшены великолепными картинами. Над кушеткой — огромная картина «Сон Пресвятой Богородицы», на другой стене полотно, изображающее св. Цецилию, напротив нее — портрет принцессы Алисы, Великой Герцогини

Гессен-Дармштадтской, матушки Ее Величества. Мебель лиловая с белым, множество уютных уголков. На большом столе множество семейных фотографий, на самом почетном месте — фотография королевы Виктории. Вторая гостиная представляла собой просторную комнату, где предметы убранства и обивка мебели были всех оттенков зеленого цвета. По желанию Ее Величества в одном углу были пристроены небольшая лесенка и антресоли, утопавшие весной в фиалках. В этой комнате висели портреты Их Величеств и несколько изысканных миниатюр Их Высочеств, выполненных Каульбахом. Особенно хорош был портрет Великой Княжны Марии Николаевны.

Книг было множество; Ее Величество очень много читала, но ее главным образом интересовала серьезная литература. Библию она знала от корки до корки. Библиотека находилась рядом с зеленой гостиной, где на круглом столике лежали книжные новинки и свежие номера журналов, заменявшиеся самыми последними, по мере их выхода в свет».

Не курившая до революции, Императрица в заточении приохотилась к папиросам: курение успокаивало ее издерганные нервы. Сколь чуждо российским подданным, в особенности интеллигенции и значительной части дворянства, было чувство государственности, видно из следующего факта. Если Королеву Victорию — даму немецкого происхождения, бывшую замужем за немецким принцем — никто не попрекал ее германскими корнями, то в России дело обстояло иначе. Едва во главе русской армии встал Государь Император и счастье повернулось лицом к русскому оружию, как начали говорить и о немецком происхождении, и о мнимых германских симпатиях Императрицы. В лазаретах Императрица разговаривала с дочерьми по-английски. Слышавшие это солдаты потом утверждали, что Царица говорит по-немецки. Поражения (их при Царе уже не было) приписывались «доброхотами» влиянию «немки». А в некоторых светских салонах ее язвительно называли «полковницей». Вот откуда корни заговора, направленного на дискредитацию Царского имени и Царской власти. Вот кто раздувал «искру, из которой разгорится пламя», на котором сгорят и многие из глупых мотыльков, взмахивавших крылышками над едва теплившимся поначалу огоньком.

Узнав об анонимных письмах в адрес Императрицы, обвинявших ее во «вмешательстве в русские дела», лежавшие в лазаретах офицеры, хорошо изучившие подлинную натуру Царицы, были страшно возмущены. Но Государыня была уверена, что против нее общество настраивали журналисты, падкие до сенсации, простой же люд всецело был на ее стороне. Пожалуй, за всю историю Государства Российского не было такой любящей и преданной друг другу Царской четы. О красоте Царицы рассказывает Лили Ден:

«Среди густой зелени неторопливым шагом выступала высокая, стройная

женщина. Это была Императрица! Сердце у меня забилося, я с восхищением смотрела на нее. Я даже не представляла себе, что она настолько прекрасна. Никогда не забуду ее красоту, открывшуюся мне в то июльское утро [1908 года], хотя гораздо глубже в мою память врезался иной образ Государыни, вынесшей множество невзгод и страданий — трогательный и святой образ.

Государыня была в белом. Шляпка драпирована белой вуалеткой. Нежное белое лицо; но когда она волновалась, щеки ее покрывались бледно-розовым румянцем. Рыжевато-золотистые волосы, синие глаза, наполненные печалью. Гибкий, тонкий, как тростинка, стан. Помню великолепные жемчуга. При каждом движении головы в бриллиантах ее серег вспыхивали разноцветные огни. На руке простой перстенок с эмблемой свастики — излюбленным ее символом возрождения — с которой впоследствии было связано множество всяких домыслов и предположений, будто Императрица была склонна к оккультизму. Эти досужие люди просто не понимали, что на самом деле значила для нее эта эмблема.

Государыня главным лицом считала Государя Императора. Только и было слышно от нее: «Так желает Его Величество», «Так сказал Его Величество»; она была очень нежна с ним; материнское чувство проявлялось даже в любви к своему супругу. Государыня очень заботилась об Императоре, возможно, это объяснялось тем, что он много страдал из-за любви к Ее Величеству».

Став с младенческих лет сиротой, Государыня заботилась о детях-сиротах. Создавала для них школы и приюты, дома для грудных детей. Не были оставлены ее заботами безработные, престарелые, душевнобольные. Ею создавались библиотеки, читальни, различные заведения, в которых могли трудиться инвалиды, способные работать.

Во время русско-японской войны Государыня превратила залы Зимнего дворца в мастерские, в которых работали сотни знатных дам и барышень. Она и сама вместе с Великими Княжнами — тогда совсем еще крошками — трудилась в этих мастерских. Этот пример оказался заразительным, и во всех частях России дамы и девушки своим рукоделием помогали армии. Одно лишь депо (склад) в Харбине получил из Зимнего дворца до 12 миллионов швейных изделий. Кроме того, по инициативе Императрицы было создано 70 походных госпиталей, более чем на миллион золотых рублей было приобретено хирургических инструментов и приспособлений, облегчавших страдания раненых.

По инициативе Государыни в России были учреждены работные дома, школы для сиделок, ортопедические клиники для больных детей. С целью возрождения вымирающих крестьянских ремесел Государыня Императрица основала школу, где молодые крестьянки и монахини обучались народному рукоделию и изобразительному искусству. Курс обучения был рассчитан на два года.

Получившая прекрасное образование, Императрица Александра Феодоровна мечтала усовершенствовать женское академическое образование. Однако аристократия, опекавшая частные учебные заведения, недовольная критикой непрактичной и устаревшей системы образования, отвергла предлагавшиеся Государыней планы реформ.

Во время русско-японской войны у Царственной Четы родился долгожданный, вымоленный у Бога Наследник Цесаревич. Как рассказывает игумен Серафим (Кузнецов), при крещении, когда Царственного младенца помазывали святым миром, он поднял ручку, как бы благословляя находившихся в храме.

Еще в младенческом возрасте выяснилось, что у Наследника болезнь кровеносных сосудов, унаследованная им от прабабки, английской королевы Виктории. Некоторые авторы называют ее гемофилией. Но если эта болезнь неизлечима, то возникает вопрос, отчего же нынешняя королева Англии, Елизавета II, не передала своему потомству эту болезнь. Не страдали ею ни Георг V, ни Эдуард VII, ни Георг VI. Правда, при ушибах ребенок мучился, и поэтому, узнав о том, что сибирский крестьянин Распутин наделен даром целителя, Императрица прибегала к его помощи. Но и значение Распутина в жизни Царской Семьи чересчур преувеличено. Об этом свидетельствует учитель французского языка Царских Детей Пьер Жильяр:

«У меня был длинный разговор с швейцарским посланником в Петрограде. Подробности... не оставили во мне ни малейшего сомнения насчет.. личности Распутина... Но я никогда до этой беседы не подозревал того значения, которое... придавали политической роли Распутина».

Странное дело, не правда ли? Много лет живший при Царской Семье учитель не подозревал значения сибирского крестьянина, но вдруг приехал из Швейцарии посланник и открыл ему глаза? Очевидно, Пьер Жильяр, понимая, что доводы его неубедительны, признавался: «Значение его сильно преувеличивали». Думается, не было бы Распутина, придумали бы что-то другое. Ведь задача врагов Царской Семьи и России состояла в том, чтобы развенчать ореол Царской власти и ее носителей. «Если бы не было Распутина, то противники Царской Семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь», — говорил лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин. Распутина уже не было в живых, но нападки врагов на Императрицу продолжались. Теперь ее обвиняли в германофильстве. Причем, те же самые люди, которые будут склоняться впоследствии к союзу с немцами, как, к примеру, «профессор исторической клеветы» Милюков.

Государыня возражала:

— С какой стати эти люди утверждают, будто я симпатизирую немцам? Двадцать лет я прожила в Германии, но двадцать лет и в России. Все мои интересы, будущее моего сына связаны с Россией. Следовательно, разве я

могу быть кем-то другой, а не русской?

Только русская Царица могла с такой самоотверженностью отдавать свое здоровье, помогая раненым в лазаретах. В 1915 году журнал «Русский паломник» писал: «Нельзя без волнения... читать о великодушной, самоотверженной деятельности Августейших сестер милосердия Государыни Императрицы Александры Федоровны, ее Августейших дочерей Великих Княжен Ольги Николаевны, Татианы Николаевны и Марии Николаевны. Ее Величество ежедневно посещает Царскосельский дворцовый лазарет, где изволит лично ухаживать за ранеными, ободряя и утешая их, причем изволит лично забинтовывать раны и делать перевязки, измерять температуру, пульс и дыхание. Великие Княжны работают в том же лазарете в качестве сестер милосердия... Искусно и осторожно, своими мягкими нежными руками Великие Княжны, так же, как и их Августейшая Мать, делают перевязки у раненых офицеров и солдат, которых до слез трогает такая заботливость»._ Любящая жена, преданный друг, заботливая мать — такой нам предстает Государыня. Без волнения нельзя читать строки из ее писем. Вот отрывок из одного из них, написанного в декабре 1914 года, когда Государь находился в Ставке:

«...Так тоскливо здесь без тебя, сокровище мое, горячо любимый мой! Постоянно жду, что откроется дверь и увижу тебя вернувшимся с прогулки... Бог да благословит и сохранит моего драгоценного Ники!... Навсегда твоя старая *Солнышко*».

Несмотря на недомогания, Государыня продолжала работать в лазарете: «Сердце все еще расширено, болит голова, но двигаюсь. Новость: сын Боткина, не желавший сдаться, был убит. Дети отправились в госпиталь поработать... Благословляю и обнимаю... *Аликс*». (Телеграмма № 60 от 15 декабря 1914 г.)

«Мой родной, бесценный,
...Отгадай, что я делала вчера вечером в постели? — Я откопала твои старые письма и перечла многие из них, — и те немногие, которые были написаны до нашей помолвки, — и все твои слова, исполненные горячей любви и нежности согрели мое больное сердце, и мне казалось, что я слышу твой голос...» (Ц. Село. 11 июня 1915 г.)

«Мой родной, любимый!
Не нахожу слов, чтобы выразить тебе все, чем наполнено сердце... Ты вынес один, с решимостью и стойкостью, тяжкую борьбу ради родины и престола... Бог помазал тебя на коронации, поставил тебя на твое место, и ты исполнил твой долг... И твой Солнечный Луч появится около тебя, чтобы тебе помочь — твой родной сын...» (Ц. Село. 22 августа 1915 г.)

«Мой горячо любимый.
Крепко целую тебя за твое дорогое письмо... Все время льет дождь, что

ужасно действует на настроение. У нас была операция и много тяжелых перевязок со стонами и со слезами... Прощай, мое дорогое сокровище. Бог да благословит и защитит тебя! Нежно целует тебя твоя старая *Детка*. (Ц. С. 16 августа 1916 г.)

Постепенно над головами Царственной Четы сгущаются тучи, о чем свидетельствует отрывок из письма:

«...По словам Сандро Л<ейхтенбергского>, Ник. Мих. <либерал-историк, Великий Князь> распространяет ужасные вещи, все возмущаются его рассказами в клубе, и он постоянно видаётся с Родз(янко) и компанией. Прости, что постоянно пишу тебе все о неприятностях, но голова устала от дел... 1000 нежных поцелуев и благословений. Навеки всецело *Твоя*». (Ц. Село. 9 ноября 1916 г.)

Великий Князь Николай Михайлович еще не знал, что, подкапываясь под Царскую власть, он роет и себе могилу. Когда его приговорили к смерти за принадлежность к Дому Романовых, Максим Горький походатайствовал перед «Ильичом» о снисхождении, сославшись на то, что Николай Михайлович известный историк. «Самый человечный человек» заявил: «Революции историки не нужны».

Когда началась «бескровная» февральская революция и Императора заставили отречься от престола, Государыня не стала его упрекать, а заявила, что как муж и отец ее детей он ей еще дороже, чем как Император. И в царскосельском заточении, и в сибирской ссылке, как Государыня, так и ее Семья несли свой крест страданий и унижений с истинно христианским смирением.

И об этой подвижнице «скверноподданные» пели: «За ерманскую Царицу пошлют парня на позицию». «Ерманская Царица», о которой пели неумные люди, близко к сердцу принимала нужды и страдания подданных.

«... Следовало бы сделать заранее большие запасы, так как у нас масса беженцев, которые будут страдать от голода и холода, — писала она Государю 27 августа 1915 года. — О, через какие мучения они проходят! Масса народу умирает по дороге, сбивается с пути, и всюду подбирают заблудившихся детей...»

Императрица посещала места скопления беженцев и, естественно, помогала беднякам. «...Мы поехали без предупреждения и осмотрели 5 мест, — один ночлежный дом, который стоял пустым — около Нарв. заст[авы], где женщины с детьми спят в двух лагерях; в соседнем доме помещаются мужчины... Там есть баня и столовая... Все целовали мне руки, но со многими я не могла объясниться, так как они польки или латышки... Рядом с пакгаузом выстроено прекрасное новое деревянное здание, с большой кухней, столовой, спальнями и ванными — поезда подходят прямо туда», — сообщает Государыня супругу (5 сентября 1915 г.).

И п о н ы н е т о и дело говорят недоброжелатели о вмешательстве Императрицы в дела управления. Как же обстояло дело?

«О, мой друг, я *так тронута*, что ты просишь моей помощи, я всегда готова все сделать для тебя, но не люблю вмешиваться непрошено...» — Об этом мы узнаем из письма Государыни в Царскую Ставку от 28 августа 1915 г. Императрица была убеждена: ее помощь угодна Богу.

«...Дружок, слушайся моих слов, — писала она супругу 9 сентября 1915 г. — это не моя мудрость, а особый инстинкт, данный мне Богом *п о м и м о м е н я*, чтобы помогать тебе».

С улучшением дел на фронте *усилились* нападки на Царскую власть в тылу. В Думе, в земских учреждениях. И не только в них.

Государыню беспокоили бунтарские настроения в Синоде и в правительстве. Удивительно ли, что приходилось менять чиновников, не оправдавших доверия Государя и Императрицы. Заботило Государыню и будущее России — дети:

«...За эти три месяца устроено множество яслей по всей России нашим обществом материнства и младенчества, — докладывала она супругу 11 сентября 1915 г. — Для меня большая радость, что все так горячо откликнулись и сознали важность этого вопроса, — особенно теперь нужно заботиться о каждом младенце, ввиду тяжелых потерь на войне...»

Сколько справедливости в суждениях Государыни, сколько пронизательности. Ее заботит Сазонов — этот «министр иностранных дел для иностранцев».

«Хотелось бы, чтобы ты нашел подходящего преемника Сазонову, не надо непременно дипломата! Необходимо, чтоб он уже теперь познакомился с делами и был настороже, чтоб на нас не напала позднее Англия и чтоб мы могли быть твердыми при окончательном обсуждении вопроса о мире... Он [Сазонов] такой трус перед Европой и парламентарист, а это было бы гибелью России. Ради Бэби мы должны быть твердыми, иначе его наследие будет ужасным, а он с его характером не будет подчиняться другим... Ты не можешь делать уступок, вроде ответственного министерства и т.д. и всего, чего они [думцы] хотят. Это должна быть *т в о я война, т в о й мир*, слава твоя и нашей страны, а во всяком случае не *Думы...*» — Так писала Императрица супругу в Царскую Ставку 17 марта 1916 года.

Тот факт, что Император был лишь благодарен супруге за ее «вмешательство» в государственные дела, подтверждается таким письмом: «...От всего сердца благодарю за твой добрый совет. Я всегда думал, что *продовольств*. вопрос лучше решить сразу... Теперь это сделано: помоги нам Бог!» (31 октября 1916 г.)

Несмотря на страдания и унижения, которые пришлось пройти Государыне после февральского переворота, она не переставала верить в русский народ. «Вот 11 человек верхом прошли, хорошие лица, мальчики еще... это уже давно не виданное зрелище. У охраны комиссара не бывают такие лица... Атмосфера электрическая кругом, чувствуется гроза, но Господь милостив... Хотя гроза приближается — на душе мирно — все по воле Божией», — писала в апреле 1918 года А. А. Вырубовой Императрица. Даже находясь в

заточении и стесненных материальных условиях Государыня не забывала о друзьях, отправляла им продукты, вещи, беспокоилась о судьбе знакомых и не знакомых ей людей.

Она не страшилась смерти. Страшилась лишь разлуки с любимой Семейей. Самозванные правители, отрешившие от власти Государя Императора, зачастую не знали, что с этой властью делать. Казалось бы, пусть они разбираются сами со своими проблемами. Но не таковы были Государь и Государыня. Они болели за Россию, за ее народ. Об этом свидетельствуют их письма к друзьям в России и за ее пределами. Вот выдержка из письма Государыни от 5 (18) июня 1917 года из Царскосельского заточения, адресованного Лили Ден:

«...О как я рада, что нового Командующего <Балтийского> флота назначили <адмирала Развозова>. Дай Бог, теперь лучше будет — настоящий моряк, и надеюсь, что ему удастся постепенно подтянуть дела. Сердце дочери и солдата ужасно болит, смотреть на многое — не могу привыкнуть и не хочу, такие чудо-богатыри, которые были — все с ними можно <было> делать — и как их испортили, именно, когда нужно начинать избавляться от врагов — а то сколько лет еще будем воевать. — Вы понимаете, как Он <Император> страдает, — читает <газетные сообщения>, а слезы все время на глазах... Столько у нас друзей там на фронтах — могу представить, как безумно больно и тяжело им... Сегодня молебен в 12 ч. для 16 л. Анаст<асии> — вот как время летит.

...Бог даст нам сил и терпения и не оставит нас. Прошло вот уже три месяца <после революции>! Народу обещали, что у него будет больше продовольствия и топлива, но все стало хуже и дороже. Они всех обманули... Но такова Божья воля... Лишь теперь я узнала, как Вы провели первые дни <в тюрьме>. Это ужасно, но Бог вознаградит Вас».

* * *

«Душка нежно любимая, — писала верной подруге Лили Ден Императрица 29 ноября 1917 года из Тобольска. — Очень, очень давно не имею от Вас вестей... Я хочу знать так много. Как граф Келлер? Видели ли Вы его в Харькове? Все происходящее так ужасно, что нет слов... но Бог милосерден... Крепко, крепко целую. Христос с Вами».

В письме от 2 марта 1918 года Государыня снова вспоминала о благородном графе Келлере, начальнике 3-го кавалерийского корпуса, который во время февральского переворота отказался отречься от Царя: «Если Вы увидите милого графа Келлера снова, передайте ему, что его бывший Шеф <Государыня имела в виду себя> шлет ему самый сердечный привет и постоянно молится за него... Надеемся исповедоваться на следующей неделе, если нам разрешат. С нетерпением жду эти великолепные богослужения — так хочется помолиться в храме.

Вспоминаю наш храм <Феодоровский Государев Собор в Царском Селе> и

мою маленькую моленную возле алтаря... Не беспокойтесь за нас, душка нежно любимая. — Вам всем плохо и Родине!!! Что больнее всего и сердце сжимается от боли — что в один год наделали. Господь допустил — значит, так и надо, чтобы поняли и глаза открыли на обман и ложь... Все больно — все чувства затоптаны ногами... Мы должны понять, что Бог превыше всего и хочет приблизить нас к Себе через наши страдания. Любите Его всей душой. Но моя Родина — Боже мой — как я люблю ее всем своим существом, и ее страдания вызывают во мне физическую боль... Нежно целую Вас и Тити <сына Лили Ден>. Христос с вами, мои души. Привет Маме и Бабушке. Дети Вас целуют и любят, а Он <Император> шлет наилучшие пожелания. Ваша старая Крестная».

Письма эти, отрывки из которых мы приводим, дошли до адресата — Юлии Александровны (Лили) Ден — лишь три года спустя, когда ни Императрицы, ни Царской Семьи и верных Ей слуг не было в живых.

В наши дни, когда все (или, во всяком случае, многие) красивые девушки мечтают или выйти замуж за иностранца или уехать на заработки за рубеж, вспоминается любовь Царицы к России и к русскому народу несмотря ни на что. Увидев после февральского переворота, каким унижениям подвергается Императрица и Ее Семья, Лили Ден воскликнула:

— Ненавижу Россию!

— Не смейте говорить этого, Лили! — возмутилась Императрица. —

Подобными словами Вы причиняете мне боль. Не надо осуждать людей. Они не ведают, что творят.

Уже находясь в заточении в Тобольске, под охраной, словно преступница, Императрица в разговоре с Е. С. Боткиным заявила:

— Я лучше буду поломойкой, но я останусь в России.

«Я думаю, что этого не скажет ни одна русская женщина, так как ни одна из них не обладает той горячей любовью и верой в русского человека, какими была проникнута Государыня Императрица, несмотря на то, что от нас — русских — Она ничего не видела, кроме насмешек и оскорблений, — писала дочь лейб-медика, умученного вместе с Царской Семьей. — Нет кар, которыми русский народ может искупить свой великий, несмываемый грех перед Царской Семьей...», — вырвалось у Татьяны Мельник-Боткиной.

В дни после убийства Распутина Лили Ден находилась в Александровском дворце. Она боялась, что должно произойти какое-то еще несчастье. Но была поражена тем, что Императрица не испытывает страха.

— Ваше Величество, Вы совсем не боитесь смерти. А я боюсь умереть — я ужасная трусиха.

— Неужели, Лили, Вы действительно боитесь смерти? — удивленно посмотрела на молодую женщину Государыня.

— Действительно, Ваше Величество.

— А я всегда смотрела на смерть, как на друга, как на избавление от земных страданий.

Преданная Царской Семье Лили (Юлия Александровна) Ден была

арестована вместе с Анной Вырубовой и не смогла разделить участь любимой ею больше жизни Императрицы. Слухи о гибели всей Семьи достигли ее уже в эмиграции, в Англии, куда муж Лили, командир крейсера «Варяг», был откомандирован.

Императрица была чрезвычайно одаренной натурой. Она была не только прекрасным музыкантом и певицей (по словам профессора Консерватории Ирецкой, своим голосом Императрица «могла бы зарабатывать хлеб»). Была она и художницей, превосходно разбиралась в живописи. Во время одного из сеансов работы В. Серова над портретом Николая II к супругу пришла Императрица. Произошел эпизод, который Грабарем и Теляковским был описан совершенно по-разному. Грабарь, со слов Серова, писал, будто бы Императрица указала художнику на замеченные ею погрешности в рисунке. Мастер протянул ей палитру и сказал:

— Так Вы, Ваше Величество, лучше уж сами и пишите...

«Царица вспылила, топнула ногой и, повернувшись на каблуках, надменной походкой двинулась к выходу», — писал Грабарь.

В дневнике Теляковского эпизод выглядит иначе.

«Императрица, когда показывали портреты, сделанные Серовым, просила некоторые детали рисунка дописать, — гласит запись. Серов согласился и когда пришел к барону [В.Б. Фредериксу, министру Императорского двора], то сказал — я уже согласился, хотя напрасно дописывать портреты, но, видя, что работа моя не нравится Императрице, я отказываюсь писать следующие портреты».

Как видим, ни о каком топоте ногой не было и речи. Версия Грабаря-Серова появилась в советское время, когда считалось хорошим тоном и прибыльным занятием набрасывать черные тона на портреты Августейших особ, в частности, Императрицы. Впрочем нынешнее время немногим отличается от советского. Как и нравы авторов.

Их симпатии, как и симпатии ряда зарубежных биографов Императрицы, на стороне палачей, а не их жертв.

Впрочем, у английской писательницы Э.Э.П.Тисдолл, автора книги *The Dowager Empress* («Вдовствующая Императрица»), где Мария Феодоровна изображена в радужных красках, а ее Августейшая невестка — в темных, пробудилась-таки совесть. По ее словам, после убийства Распутина «Императрица Алики [Александра Феодоровна] из занятой лишь самою собой неврастенички превратилась в героиню, каковой и оставалась до самой своей ужасной смерти в екатеринбургском подвале полтора года спустя».

Похвала сомнительная, но и на том спасибо. По словам Сиднея Гиббса, Императрица «была добрая и любила делать добрые дела».

Доброту, как отличительную черту Царицы-Мученицы отмечала и г-жа Битнер: «В ней [Императрице] самым характерным отличием была

величавость... Бывало, идет Государь, нисколько не меняешься. Идет она — обязательно подтянешься. Однако она вовсе не была гордячкой. Она не была и женщиной со злым характером. Она была добра и в душе смиренна».

Юлия Александровна Ден свидетельствовала:

«В трагические дни <переворота>, когда счастье отвернулось от Царской Семьи, никто из ее членов не сожалел об утраченном ими положении и престиже. Единственно, что их тревожило — это страх расстаться друг с другом. К ним можно было бы отнести слова, нацарапанные кем-то на стене старинной итальянской тюрьмы: «Лучше смерть, чем жизнь без тебя».

Если одним словом охарактеризовать сущность природы Императрицы — то это слово — Любовь. Любовь к России, несмотря на ее неблагодарность по отношению к Государю и Царской Семье. Любовь к Супругу, Дочерям, Сыну — Наследнику Цесаревичу. Который был для Государыни, как и всей Ее Семьи — Солнечным Лучом. Это понял английский поэт Освальд Норман, который посвятил Царице стихотворение, озаглавленное им

ЦАРСКОЕ СЕЛО

* * * *

Ее Императорскому Величеству

*убиенной Государыне Императрице Всероссийской
Александре Феодоровне*

Adieu, c'est pour un autre monde!_

Капризный Рок на трон Тебя вознес,
К ногам Твоим поверг он Царство
И дал взамен бессчетные мытарства,
Замест нектара — чашу горьких слез.
Не знала Ты, что минут годы счастья
И разобьется Твой державный челн
О скалы средь кровавых волн
В годину черную ненастья.
Как Ты сумела все это сносить,
Когда убийство коршуном кружило
И чернь Твою пролить алкала кровь?
К Престолу Божию молитвы возносить
Душе Твоей что придавало силы?
Святая вера: Бог — это Любовь.

(Перевод В. К..)

Многие образованные англичане помнили, что русская Императрица была любимой внучкой британской королевы Виктории, что связи между Россией и Великобританией не прерывались.

Дневник Императора Николая II. М.: Полистар. 1991. С. 46.

“Дневник Императора Николая II”. М. Орбита. С.40

Лили Ден. Подлинная Царица. Пер. с англ. В.Кузнецова. М.: Терра. 1998. С. 41-42.

Лили Ден. Цит. пр. С. 54.

Лили Ден. Цит. пр. С. 54.

Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь-Мученик. СПб:

Православный паломник. 1997. С. 154.

Пьер Жильяр. Император Николай II и Его Семья. М.: МАДА. 1991. С. 120-121

Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 203.

Платонов О.А. Николай II в секретной переписке. М.: Родник. 1996.

Лили Ден. Цит. пр. С. 159

Т. Мельник-Боткина. Воспоминания о Царской Семье до и после революции.

М.: Анкор 1993. С. 46

Цит. пр. С. 257

Л.Ден. Цит. пр. С. 151

"До встречи в мире ином " (франц.)

Глава пятая

ВЕСТИ ИЗ РЕВЕЛЯ

Частные лица и такие политики, которым было не по душе намечавшееся в 1908 году сближение России и Великобритании, относились к предстоящей встрече двух монархов — Николая II и Эдуарда VII — с неприязнью, к которой примешивалась тайная надежда, что из встречи ничего путного не выйдет — давно ли произошел досадный инцидент на Доггер-банке в Немецком море, когда японские миноносцы, затесавшиеся в гущу рыболовецких судов — главным образом, английских — попытались атаковать под покровом ночи русские броненосцы эскадры вице-адмирала Рожественского, но огнем орудий были отбиты а, возможно, потоплены. Уже после Великой и гражданской войн Клапье де Колонг, бывший начальник штаба эскадры вице-адмирала Рожественского писал в рижской газете «Сегодня» (№ 19), вспоминая о Гулльском инциденте:

«Эскадра встретила ночью у Доггер-Банки 2 японских миноносца, которые, прикрываясь темнотой и присутствием на этом месте флотилии английских рыбаков, пытались атаковать русские корабли, но были отбиты их огнем. — Опытный моряк, автор статьи продолжал: — Основания для этого вывода: 1) еще за месяц до Гулльского инцидента на восточном побережье Англии заканчивалась постройка двух миноносцев для Японии; 2) миноносцы, по

настоянию из Петербурга, покинули Англию; 3) в штаб эскадры Рождественского все время поступали донесения агентов тайной разведки о двух судах неизвестной национальности типа миноносцев, замеченных у норвежских берегов; 4) у мыса Скаген эскадру встретил транспорт «Балкан», возвращавшийся из плавания по Белому морю. Командир его, Качинский, доложил, что специально отклонился от своего курса, чтобы предупредить эскадру о двух миноносцах, не имевших флага и прятавшихся в фьордах».

Английская печать возмущалась: «Один из русских миноносцев до утра оставался на месте происшествия и не оказал никакой помощи тонущим рыбакам».

«В действительности, — указывает Клапье де Колонг, — все русские миноносцы находились за 200 миль от эскадры, о чем не преминул официально сообщить адмирал Рождественский.

Заподозрить же английских рыбаков в том, что они не сумели отличить миноносец от рыбацкого судна, немислимо. Следовательно, то был японский миноносец, который мог быть поврежден огнем русских кораблей».

Сколько шуму было поднято в прессе, особенно английской и, следовательно, прояпонской. Но «кто старое помянет, тому глаз вон». Доброжелатели и просто умные люди — как среди англичан, так и среди французов — теперь понимали, что Россия, которая развивается невиданными темпами, строит военные суда, согласно данным британской разведки, превосходящие по своим тактико-техническим данным все существующие корабли, — это держава, с которой стоит считаться. Тем более, в условиях все большей агрессивности Германии. Нет, пусть уж лучше дружат «дядюшка Берти» и «Ники», чем «кузен Вилли» и «кузен Ники». Дуэт кайзера и царя, возможно, поставил бы под угрозу само существование Британской Империи.

«Санкт-Петербургские ведомости» от 29 мая (9 июня) 1908 года сообщали: «*Киль*. После полудня сюда прибыла через канал английская королевская яхта «Виктория и Альберт». Принц Генрих с супругой и принц Сигизмунд Прусские посетили яхту и обменялись сердечными приветствиями с королем, королевой и принцессой Викторией. Через 3/4 часа они покинули яхту, которая в сопровождении 9 германских миноносцев направилась дальше, на пути в Ревель».

Сидней Гиббс еще не знал, что визит короля — полноватого, с небольшой бородкой, похожего на прелата, не чурающегося житейских радостей, внесет изменения в жизнь его, скромного учителя английского языка в Петербурге. Как верноподданный, он испытывал теплые чувства к королевской чете. Возможно, недостатки — некоторая легкомысленность монарха и деспотичность по отношению к домашним королевы — делали их более человечными, приземленными и оттого более близкими ему. Признаться, Сидней Гиббс, которого «правоведы» называли Сиднеем Ивановичем,

обожал принцессу Викторию. Домашние ее называли Торией. Милая, славная девочка, увы, не может постоять за себя. Несмотря на то, что у королевы сонм придворных дам, она то и дело посылает за дочерью. Когда же принцесса, оставив все свои дела, прибегает к родительнице, выясняется, что та совсем забыла, зачем звала дочь. Не желая отпускать дочь от себя, своенравная королева так и не даст возможность Тории выйти замуж. Англичанин внимательно изучал газету:

«*Ревель*. В расцвеченном флагами городе, в ожидании предстоящего свидания Монархов, царит необычайное оживление. Гостиницы переполнены. Гавань готовится принять праздничное убранство. Сотни флагов развеваются на коммерческих судах. На рейде пока военных судов нет. Броненосец «Александр Второй» и крейсер «Россия» ушли в Балтийский порт. В гавани — четыре миноносца. Погода великолепная».

«*Ревель*. Завтра утром ожидается прибытие Их Императорских Величеств. Государь Император, Государыни Императрицы, королева Эллинов, Августейшие Дети: Наследник Цесаревич и Великие Княжны, Великая Княгиня Ольга Александровна, Великий Князь Михаил Александрович и Принц Ольденбургский со свитой изволят прибыть в Новый порт и отсюда проследовать на Императорскую яхту, стоящую на рейде. В 11 часов утра предположена встреча венценосного гостя».

А вот и сообщение о приходе яхт:

«В 8 часов утра на рейд прибыли Императорские яхты «Штандарт», «Полярная Звезда» и «Царевна» и крейсер «Азия» в сопровождении 18 эскадренных миноносцев, 4 миноносцев типа «Циклон» и 4 номерных миноносцев».

Тут же сообщается и о реакции французов на статью, опубликованную в «России», где обстоятельно опровергается агрессивный характер русско-английского сближения. Французские политические деятели с сочувствием встретили ее появление.

* * *

Синие вагоны с золотыми орлами; черный, словно лакированный, паровоз с начищенными до блеска латунными деталями — таков был Императорский поезд, подошедший рано утром 27 мая к дебаркадеру Ревельского вокзала. Едва осмотревшись, Августейшие пассажиры пересели на экстренный поезд, доставивший их в Нижний Город. Пересев на катера, они отправились на Императорские яхты «Штандарт» и «Полярная Звезда». О важности предстоящей встречи можно было судить по тому, что, кроме лиц Свиты, Государя сопровождали председатель совета министров, министр иностранных дел, морской министр, директор канцелярии МИД, русский военный агент в Англии генерал Ермолов. Состоять при английском короле были назначены светлейший князь Голицын и Свиты Его Величества контр-адмирал Гейден. При ее величестве королеве Великобритании —

светлейший князь Горчаков и другие лица.

Строгий Ревель с его мрачной средневековой крепостью, сторожевыми башнями — Длинный Герман, Толстая Маргарита, Кик-ин-дэ-Кэк — древними церквами и соборами, казался веселым и нарядным. Повсюду развевались флаги — русские и английские. Суда в гавани были украшены флагами расцветивания. Солидные бюргеры, чопорные дворяне, исполненные чувства собственного достоинства коммерсанты и простой люд — все они так и светились от радости. Да и как было не радоваться. Золотое солнце плясало на ярко-голубом небе; легкий ветерок, веявший с моря, освежал взволнованные лица, шуршали волны, набегавшие на белый песок. Еще недавно с моря дул холодный ветер, небо было обложено тучами, сеял дождик. Нынче же стояла «Царская погода». Давно заметили, что повсюду, где появляется Государь, вместе со своей светлой улыбкой он приносит и солнечную погоду.

«За несколько дней до прибытия в Ревель Английского Короля в море был командирован <контр> адмирал Эссен со своим отрядом миноносцев, которым было приказано встретить и проводить к Ревелю английскую эскадру.

Накануне в восьмом часу утра с Ревельской брандвахты заметили в море дымки, показавшиеся позади о. Наргена. Это была английская эскадра, медленно подвигавшаяся к Ревелю, чтобы прибыть на Ревельский рейд в 11 часов утра.

Императорские яхты и другие военные суда, прибывшие в Ревель накануне, разместились на внешнем рейде в две колонны, носом в море и под прямым углом к гавани.

В левой колонне головным судном был «Штандарт», величественная двухтрубная яхта, на которой имел пребывание Государь Император, Государыня Императрица, Наследник Цесаревич и Августейшие Дочери. За «Штандартом», ближе к Ревелю, стоял крейсер «Алмаз», на котором прибыли из Санкт-Петербурга председатель Совета Министров Столыпин, морской министр Диков и министр иностранных дел Извольский. «Алмаз», как известно, пробился в Цусимском бою, совершив весь путь от Либавы, и благополучно прибыл во Владивосток.

Позади «Алмаза» выстроились крейсер пограничной стражи «Кондор», назначенный в распоряжение Прибалтийского генерал-губернатора, и три эсминца.

В правой колонне головным судном стояла красивая Императорская двухтрубная яхта «Полярная Звезда», на которой пребывают Их Величества Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, Королева Эллинов Ольга Константиновна, Их Высочества Великий Князь Михаил Александрович и Великая Княгиня Ольга Александровна с Августейшим Супругом Принцем Петром Александровичем Ольденбургским.

Позади «Полярной Звезды», ближе к гавани, стояли однотрубная яхта «Царевна» и три эсминца.

Впереди Императорских яхт, в качестве дозорного судна, далеко в море стоял миноносец «Войсковой». Никаких коммерческих пароходов, кроме одного временно задержанного, не было на внешнем рейде.

Выход из гавани на рейд сторожили крейсера пограничной стражи: «Беркут», «Страж», «Роксана» и посыльное судно «Азия». Кроме того, два миноносца держались в море для наблюдения за частными судами и два миноносца оставались в гавани. Всего в Ревеле находилось одиннадцать эсминцев. В 10 часов утра суда английской эскадры стали ясно вырисовываться на горизонте и, благодаря прекрасной солнечной погоде, можно было издали отличить по белым трубам две светлые королевские яхты и между ними два мрачных бронированных крейсера с четырьмя трубами на каждом: «Виктория и Альберт», «Минотавр», «Ахилл» и «Александра».

Впереди шел миноносец «Сибирский стрелок» под флагом начальника отряда <контр-> адмирала Эссена, который вел английскую эскадру к Ревелю. За английскими судами виднелись русские и английские миноносцы, шедшие в кильватерной колонне (один позади другого).

Когда английская эскадра стала приближаться, «Штандарт» произвел салют, приветствуя Короля Англии. Английские броненосцы ответили таким же салютом, приветствуя Русского Царя. На всех английских судах были подняты Русские Андреевские флаги, на русских судах — Английские военные флаги.

...На передней мачте «Штандарта» был поднят Русский Андреевский флаг, на задней — Английский Королевский Штандарт, изображавший гербы Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии. Государь был в форме Своего Шефского Шотландского драгунского полка и в ленте ордена Подвязки. Государь Император с «Штандарта» сошел на катер и в сопровождении князя Голицына, графа Гейдена, флаг-капитана Нилова и дежурного флигель-адъютанта направился для встречи Короля и Королевы. Раздался салют орудий.

Вслед за Государем на яхту «Виктория и Альберт» прибыла Государыня Императрица Мария Феодоровна, встреченная гимном и салютом. Государь и Эдуард VII облобызались.

Государь, Король, Королева и Принцесса Виктория в сопровождении свит последовали на яхту «Штандарт», а Государыня Императрица Мария Феодоровна отбыла на «Полярную Звезду». Когда Их Величества сошли с катера, рейд вновь огласился орудийной пальбой. Салютовали «Минотавр» и «Ахиллес». Прибыв к «Штандарту», Их Величества были встречены при звуках английского гимна Государыней Императрицей Александрой Феодоровной, Королевой Эллинов и Их Высочествами, а также пребывающими на рейде Председателем Совета Министров, министрами иностранных дел и морским и свитой. На грот-мачте взвился Королевский штандарт, раздался новый салют.

Среди присутствующих находились:

- английская придворная дама Ноллис,
- министр иностранных дел Извольский,
- главнокомандующий английским флотом адмирал Фишер,
- бывший посол в России Гардинг,
- оберкамергер Английской Королевы граф Гоу,
- Прибалтийский генерал-губернатор генерал Меллер-Закомельский,
- штабс-капитан Горчаков,
- капитан Фортескью,
- английский шталмейстер полковник Понсонби,
- английский военный агент в Санкт-Петербурге полковник Вандэм,
- фрейлина княгиня Оболенская,
- чиновник английского МИД граф Эррингтон,
- художник-маринист де Мартини, который сопровождал короля Эдуарда VII,
- эстляндский предводитель дворянства барон Деллингсгаузен».

Эти сведения мистер Гиббс нашел в «Ревельских известиях» от 28 мая. Приехав в Россию не на год и не на два, он старался быть в курсе всех важных событий, происходивших в Российской Империи.

«Их Величеств сопровождают: министр Императорского Двора (барон Фредерикс), свитные фрейлины: Государынь Императриц графиня О. Ф. Гейден, княжна Оболенская и Бюцова, Королевы Эллинов — Бальтацци, гофмаршал граф Бенкендорф, дворцовый комендант Дедюлин, начальник канцелярии Министерства Двора, начальник военно-походной канцелярии, флигель-адъютант Дрентельн, лейб-медик Боткин, состоящий при Государыне Императрице Марии Феодоровне генерал-майор Дашков и адъютант Великого Князя Михаила Александровича ротмистр Мордвинов. Также прибыли в Ревель председатель Совета Министров (Столыпин), морской министр (Диков), директор канцелярии МИД, русский военный агент в Англии генерал Ермолов, назначенные состоять при английском короле (светлейший князь Голицын и свиты Его Величества контр-адмирал Гейден) и при ее величестве королеве Великобритании — светлейший князь Горчаков и другие».

Чтобы представители печати — как русской, так и зарубежной — смогли освещать события, на двух портовых судах их перевезли на северный волнолом, отделяющий гавань от рейда. Волнолом представлял собой высокую стену, с которой открывается широкая панорама моря, рейда, лесистых берегов залива, островов Карлос, Вульф, Нарген, гавани и сбегающего к морю города.

Среди журналистов находился корреспондент лондонской газеты «Таймс» Роберт Вильтон. Он отмечал: «Впервые в истории русский и английский штандарты реяли рядом, так как это первый визит английского монарха в Россию». Эстонские журналисты дали обед вечером 29 мая в Екатерининском Салоне в честь коллег, прибывших в Ревель.

В «Санкт-Петербургских Ведомостях» от 29 мая (11 июня) 1908 года

появилось сообщение: «В понедельник, 26-го сего мая, Его Величеству Государю Императору имел счастье представляться свиты Его Величества генерал-майор граф Менгден». Без малого девять лет спустя, 1 марта 1917 года, бунтовщики и агитаторы пытались заставить благородного графа отречься от Императора. Граф Менгден отказался предать своего Царя и был поднят на штыки. Сидней Гиббс нашел еще одну корреспонденцию, озаглавленную «Свидание Монархов в Ревеле».

«*Ревель*. 28 мая. Сегодня утром на Императорской яхте «Штандарт» имели счастье представляться Государю Императору и Государыням Императрицам: депутация от дворянства, поднесшая Государыням Императрицам букеты цветов; депутация от города Ревеля, преподнесшая Государю Императору хлеб-соль и Государыням Императрицам букеты; депутация от податного управления, поднесшая Его Величеству хлеб-соль; депутация от русского населения города Ревеля, поднесшая Его Величеству хлеб-соль, и депутация от волостных старшин, поднесшая Его Величеству хлеб-соль на резном блюде местного изготовления и Государыням Императрицам — букеты из полевых цветов, а также эстляндский губернатор и вице-губернатор. Его Величество изволил обратиться к депутации от дворян со следующими словами:

«Благодарю вас за ваши приветственные слова, за службу и преданность, неоднократно доказанные эстляндским дворянством. От Имени Императрицы и Своего благодарю вас за прием и надеюсь, что не последний раз здесь видимся».

К депутации от города Государь Император изволил обратиться со словами: «Передайте благодарность населению города за радушный прием. Особенно порадовала Меня вчера детская встреча; Мне памятен еще 1904 год, когда Я был в Ревеле».

«*Ревель*. 28-го мая. В час дня состоялся Высочайший завтрак на яхте «Штандарт». За столом Высочайшие особы и приглашенные лица занимали места в следующем порядке. По правую руку Государя Императора — ее величество королева английская, Принц П. А. Ольденбургский, графиня д'Антриним и министр Императорского Двора; по левую — Государыня Императрица Мария Феодоровна, лорд Гамильтон, принцесса Виктория, председатель Совета Министров и другие лица. Напротив Государя Императора изволила занимать место Ее Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна. По правую руку Ее Величества места занимали: его величество король английский, Великая Княгиня Ольга Александровна, английский посол сэр Никольсон, фрейлина Королевы Эллинов госпожа Бальтацци и министр иностранных дел; по левую руку — сэр Гардинг и ее величество Королева Эллинов. Во время завтрака Его Величество Государь Император был назначен адмиралом английского

флота».

Дотошный мистер Гиббс, по своему обыкновению коллекционировавший памятки, вырезал и сохранил напечатанное в газете

«Меню завтрака на «Полярной Звезде»

в первый день торжественной встречи Монархов 27 мая (1908 г.)

Супы: «Принцесса» и «а-ла Тулуз».

Маленькие пирожки.

Омар холодный на шампанском.

Рулетт де-Желинотт с трюфелями.

Утка Нанта с горошком.

Персики а-ла-Ваниль и земляничное мороженое.

Сыр. Десерт».

«*Ревель*. 29 мая (11 июня). Вчера вечером на «Штандарте» состоялся парадный обед у Их Величеств в честь августейших английских гостей. Между Государынями Императрицами за Высочайшим столом сидел король, по левую руку Государыни Императрицы Марии Феодоровны — королева, Государь Император, Королева Эллинов, Великий Князь Михаил Александрович, Великая Княгиня Ольга Александровна, генерал-губернатор и особы русской и английской свиты; по правую руку Государыни Императрицы Александры Феодоровны сидели Принц Ольденбургский, принцесса Виктория, посол граф Бенкендорф и особы русской и английской свиты. Напротив Государыни Императрицы Марии Феодоровны сидел министр Императорского Двора, имея по правую руку сэра Чарльза Гардинга, графа Гоу, председателя Совета Министров, адмирала Фишера и других приглашенных лиц, а по левую руку — лорда Гамильтона, сэра Артура Никольсона, министра иностранных дел, генерала Френча, морского министра и других приглашенных лиц. Во время обеда Государь Император провозгласил на английском языке тост за здоровье августейших гостей, причем был исполнен английский гимн. Король отвечал тостом за здоровье Августейших Хозяев, причем был исполнен русский гимн».

Сидней Гиббс, коллекционировавший театральные билеты, меню торжественных обедов и другие памятки, впоследствии получил в подарок и это меню:

«Меню обеда на «Штандарте» 27 мая».

Супы: «Петр Великий». «Мария Луиза».

Маленькие пирожки.

Двинская стерлядь на шампанском.

Дикая козуля по обер-егермейстерски.

Гусиная печенка на портвейне.

Пунш на зеленом чае.

*Жаркое: пулярда и бекасы. Салат.
Спаржа. Соус мусслин.
Персики. Мороженое а-ла-Паризьен.
Дессерт».*

Меню завтрака и обеда были отпечатаны на белой бумаге, украшенной Гербом Государя Императора. Герб представлял собой следующее: на щите Государственный Двуглавый орел, охраняемый Архистратигом Михаилом и Архангелом Гавриилом; над ними сень, увенчанная Императорской короной, усыпанная Российскими орлами. Сень подбита горностаем, на ней надпись: «С нами Бог».

После стола Их Величества и августейшие гости выходили на балкон яхты и слушали пение соединенного хора местных певческих обществ: «Мдпnergесang», «Liedertafel», Estonia и «Гусли», окружавших Императорскую яхту на трех пароходах. Тут же на четвертом пароходе находились представители печати (преимущественно иностранной) в числе до тридцати человек. Певческими обществами до и после серенады были исполнены русский и английский гимны, на которые стоящие на рейде суда отвечали громовым «ура».

«Полярная Звезда» и некоторые русские и английские суда были иллюминированы, представляя огненные контуры и очертания судов. На прибрежных возвышенных скалистых берегах горели многочисленные огни. Все газеты привели текст речей, произнесенных английским королем и русским Императором во время обеда на яхте «Штандарт». Государь Император заявил:

«С чувством самого глубокого удовлетворения и удовольствия приветствую Ваше Величество и Ее Величество королеву в русских водах. Я убежден, что это свидание, являясь новым подтверждением многочисленных и прочных уз, соединяющих оба Наши Дома, будет иметь счастливым последствием еще более тесное сближение обеих наших стран и споспешествование поддержанию общего мира. В течение минувшего года нашим правительством было улажено, к общему удовольствию, несколько вопросов, одинаково важных для России и для Англии. Пью за здоровье Вашего Величества, Ее Величества королевы и за процветание королевской фамилии и британского народа».

В ответной речи король Эдуард VII сказал:

«Сердечнейшим образом благодарю Ваше Величество за радушный прием, оказанный Нам в Балтийских водах, и за дружелюбные слова, в которых Вы предложили Наше здоровье. Я сохраню самое счастливое воспоминание о приеме, который Я встречал, во время Моих прежних посещений России, со

стороны Вашего славного Деда, Вашего любимого Отца и Вас Самих, и настоящий случай новой встречи с Вашими Императорскими Величествами является для Меня источником искреннейшего удовлетворения. Я сердечнейшим образом присоединяюсь к каждому слову, которое упало с уст Вашего Величества, относительно соглашения, недавно заключенного между Нашими двумя правительствами. Я думаю, что оно послужит к еще большему укреплению уз, связующих народы наших двух стран, и Я уверен, что оно поведет к успешному и дружественному разрешению некоторых вопросов в будущем. Я убежден, что оно не только теснее сблизит Наши две страны, но будет также содействовать в значительной степени поддержке всеобщего мира. Я надеюсь, что за этим свиданием в скором времени последует другой случай встречи с Вашими Величествами. Я пью за здоровье Ваших Императорских Величеств, Государыни Императрицы Марии Федоровны и членов Императорской Семьи и особенно за благоденствие и счастье Вашей великой Империи».

Во время завтрака 27 мая Государь Император был назначен Адмиралом Английского флота.

От министра Двора из Ревеля была получена следующая телеграмма: «За сегодняшним обедом на яхте «Виктория и Альберт» Король Эдуард, подняв бокал за здоровье Государя Императора, выражал Его Величеству ту радость, которую ему доставило принятие Государем мундира Английского Адмирала.

Отвечая Королю, Государь Император в прочувствованных словах благодарил за оказанное Ему высокое внимание, просил с своей стороны Его Величество принять звание Адмирала Русского флота и пожелал Их Величествам Королю и Королеве благополучного плавания».

Корреспондент «Ревельских известий» рассказывал:

«Для русского общества «Гусли» был назначен пароход «Молодец», для эстонских обществ «Эстония» и «Лоотус» — пароход «Карлос», для немецких обществ «Мэннергезангферайн» и «Лидертафель» — пароход «Лот».

Хоры были смешанные, мужские и женские, и только от немецких обществ хоры были мужские. Дамы русского хора были в светлых нарядных платьях.

Многие дамы эстонского хора были в национальных эстонских костюмах, девушки с кокошниками, а замужние — в особых головных уборах.

Множество бус и лент довершали убранство красивого костюма.

Около 9 часов вечера с рейда донеслись салюты, сопровождавшие тосты за благоденствие и счастье Обоих Монархов и Их Великих Империй.

Пароходы с певческими обществами вышли в море. Их сопровождало судно «Могучий», предоставленное в распоряжение представителей печати. На этом судне находился начальник временного бюро печати в Ревеле делопроизводитель канцелярии Министерства Двора действительный статский советник Оприц, русские и иностранные корреспонденты и

фотографы».

Ночь выдалась тихая, светлая. Западную часть горизонта окрасила алая заря. На небе сверкал серебром полумесяц. В спокойных водах залива отражались огни иллюминации.

Государь Император и его Августейший гость выходили на палубу и поклонами благодарили исполнителей прекрасной серенады, находившихся на судах, окруживших яхты. Исполнялся русский гимн «Боже, Царя храни» и английский — «Боже, храни Короля!» Звучали русские, немецкие и эстонские песни. Празднество окончилось около 12 часов ночи.

В среду, 28 мая, серенада и пение повторились.

«29-го мая на Императорской яхте «Штандарт» в половине двенадцатого часа утра было совершено молебствие по случаю дня рождения Великой Княжны Татианы Николаевны. На богослужении присутствовали Государь Император, Государыни Императрицы, Великая Княгиня Ольга Александровна с Августейшим Супругом Принцем Ольденбургским, командир, офицеры и команда «Штандарта».

Исполняющий должность Эстляндского Губернатора полковник Коростовец имел счастье поднести Великой Княжне Татиане Николаевне по случаю дня Ее рождения букет.

В тот же день, в 3 часа дня, Государь в сопровождении флигель-капитана вице-адмирала Нилова посетил на ревальском рейде пришедший утром из Тулона вновь построенный крейсер «Адмирал Макаров». Его Величество, приняв рапорт от командира, вахтенного начальника и поздоровавшись с караулом, изволил подробно осмотреть крейсер. Затем Государь благодарил офицеров и команду за трудный и усиленный переход.

На крейсере Его Величество Государь Император изволил осматривать внутренние помещения, где был встречен священником с крестом и святой водою.

При отбытии Государя был произведен установленный салют.

Его Величество пожертвовал 4000 рублей на бедных города Ревеля», — отмечал ревальский корреспондент «С.-Петербургских Ведомостей».

Многие начальствующие и служащие лица были осчастливлены пожалованием Высочайших подарков. Регенты всех трех местных певческих обществ, певших серенады, Высочайше награждены золотыми часами с цепочками. Следующие четыре телефонистки, по две от каждой смены, получили золотые брошки с бриллиантами: Юлия Клейн, Наталья Галкина, Леонтина Иогансон, Эльфрида Патрик.

На рассвете 29 мая английская эскадра и английская королевская семья покинули Ревельский рейд. Тогда же из Ревеля в Петербург отбыла Королева Эллинов. Днем выехал в Гатчину Е. И. В. Великий Князь Михаил Александрович. Е. И. В. Мария Феодоровна и Великая Княгиня Ольга Александровна с принцем Ольденбургским на яхте «Полярная Звезда» ушли в море 30 мая.

30 мая 1908 года «Ревельские известия» писали:

«Все эти дни город был украшен флагами. Здание городской ратуши красиво убрано русскими и английскими флагами. Вход в ратушу задрапирован материей национальных цветов. Перед ратушей поставлены большие лавровые деревья. Над входом два щита, изображающие Русского Государственного орла и английский герб.

Вечером на берегу гавани в разных местах зажглась иллюминация. Над газовым заводом были зажжены две огромные буквы Н и Е — инициалы Государя и Короля.

Порядок в городе, гавани и Екатеринентале был все время образцовый.

Порядок в порту поддерживался морскими, жандармскими и полицейскими чинами. 8 флотских офицеров дежурили днем и ночью и наблюдали за всеми судами, которые входили и выходили из гавани. Во главе жандармской охраны находился полковник Мезенцев, морской — капитан 2-го ранга Дмитриев. Общее начальство над порядком и всей охраной в порту было вверено командиру порта контр-адмиралу Ирецкому.

Сегодня (30 мая), перед отходом «Штандарта» в море, контр-адмирал Ирецкий был вызван на Императорскую яхту, где Государю Императору благоугодно было пожаловать контр-адмиралу Ирецкому Свой портрет с Собственноручной надписью.

Его Величество Король Эдуард пожаловал контр-адмиралу Ирецкому золотую табакерку, осыпанную бриллиантами и рубинами, при Королевском рескрипте.

Государь Император изволили пожаловать два серебряных портсигара корпуса штурманов подполковнику Мейеру и лейтенанту Шевелеву, вводившим на ревельский рейд английскую эскадру. Четыре эсминца: «Внимательный» (командир капитан-лейтенант Кротков), «Выносливый» (капитан-лейтенант Лагоди), «Боевой» (старший лейтенант Ружик) и «Инженер механик Зверев» (старший лейтенант Глазенап) поддерживали постоянную охрану на рейде и в гавани. На обязанности миноносцев было встречать в море около банки Мидельгрунд (между о. Карлосом и о. Наргеном) все прибывающие частные суда и лайбы, вручать им портовые правила и провожать их до гавани, а также провожать все суда, выходящие из гавани в море.

В дни пребывания в Ревеле Августейших Особ все офицеры и Государь Император с «Штандарта» сошел на катер и в сопровождении князя Голицына, графа Гейдена, флаг-капитана Нилова и дежурного флигель-адъютанта направился для встречи Короля и Королевы. Раздался салют орудий.

Вслед за Государем на яхту «Виктория и Альберт» прибыла Государыня Императрица Мария Феодоровна, встреченная гимном и салютом. Государь и Эдуард VII облобызались.

Государь, Король, Королева и Принцесса Виктория в сопровождении свит

последовали на яхту «Штандарт», а Государыня Императрица Мария Феодоровна и Государыня Императрица Александра Феодоровна с Августейшими Детьми 30-го сего мая изволили на Императорской яхте «Штандарт» отбыть с ревельского рейда.
Подписал: министр Императорского Двора генерал-адъютант барон Фредерикс».

* * *

Сидней Иванович Гиббс, съездив летом 1908 года домой, в Англию, задолго до возобновления занятий в Императорском училище правоведения вернулся в Петербург. Хотя его и ценили, как опытного преподавателя, кое-кто из начальства посматривали на него косо. Мистер Гиббс понимал, в чем дело: некоторые родители его учеников жаловались на англичанина, недолюбливавшего ябедников. Среди учащихся других учебных заведений ходила ядовитая шутка: «Чижик-пыжик, где гулял, на кого ты настучал?» «Чижиками» юных правоведов звали за желтые отвороты их мундирчиков. Наушничество было такой же традицией среди правоведов, как «цуканье» — то есть издевательство старших юнкеров — «корнетов» над младшими — «зверьми» в Николаевском кавалерийском училище (почему-то одобрявшееся Великим Князем Константином Константиновичем); суровое равноправие среди «павлонов» — юнкеров всех курсов в Павловском военном пехотном училище и покровительственное отношение со стороны старших «гардов» в Морском Кадетском корпусе к их младшим товарищам. Разумеется, поломать устоявшиеся традиции Гиббсу было не под силу, но потакать кляузникам он не желал. Но именно эта его черта характера, среди прочих достоинств англичанина, и привлечет внимание лиц из окружения Императрицы Александры Феодоровны. После встречи с королем Эдуардом VII Императрица решила взять другого учителя английского языка своим детям. «Дядюшка Берти», сам не блиставший правильным произношением, заметил со свойственной ему прямолинейной грубостью, что Великие Княжны «щеголяют шотландским выговором»
Осенью Императорская яхта «Штандарт» вернулась из плавания по финским шхерам. Царские Дети, еще маленькие, очень любили вылазки на изрезанные фьордами, с песчаными отмелями берега, лесные прогулки вместе с Августейшим Родителем, купанья на прогревом солнцем мелководье.

Спустя несколько недель мистер Гиббс получил предложение заняться английским языком с Царскими Детьми. Знакомство с Царской Семьей перейдет в дружбу, а затем и горячую привязанность.

Глава шестая

НА ВЗЛЕТЕ

Как мы попытались показать выше, отношения между Англией и Россией к 1908 году улучшились настолько, что в июне 1908 года в Ревеле состоялась встреча Николая II и Эдуарда VII. Инициатива принадлежала лукавому «дядюшке Берти», который опасался усиления мощи германского Императорского флота. Однако и сам король был игрушкой в руках тех сил, которые давно стремились к мировому господству. Но на пути к этому господству стояли три державы: «Россия сильная верой, Германия крепкая государственным порядком, и Япония, несокрушимая национальным духом». Так отмечал в 1922 году игумен Серафим (Кузнецов). Помимо прочих причин, по которым в сентябре 1911 года был убит Столыпин, была и та, что он выступал против союза с Англией и Францией. Массонская твердыня — Англия испокон века стремилась покончить с православной, самодержавной Россией. Франция мечтала о реванше и хотела с помощью несметных полчищ русского Царя вернуть утраченные ею в 1870 году Эльзас и Лотарингию.

Первая мировая война могла разразиться еще в 1912 году, но тогда Государю Императору удалось избежать военного конфликта, в который ее намеревались втянуть участники войны на Балканах.

Шел двадцатый год царствования Императора Николая II. Россия достигла наивысшего уровня материального благополучия. Последние несколько лет Всевышний даровал ей обильные урожаи. «Дайте нам двадцать лет мира, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Эти слова Столыпина были известны не только друзьям, но и недругам русского государства и народа.

И уж они постараются лишить такой возможности государство и народ. Помогут в этом недостойном деле и русские либералы и «образованцы», ищущие ценности на Западе, а не в православной религии и истории собственной страны.

Напоминанием о крестовом походе «двунадесяти языков» против православной России была 100-я годовщина Бородинской битвы. В ознаменование памятного сражения, в котором и французы и русские показали чудеса храбрости и отваги, под Бородином были воссозданы знаменитые редуты, позиции французских и русских батарей, отмечены места и направления пехотных и кавалерийских атак. От полков, принимавших участие в грандиозном сражении, были выделены подразделения. Они выстроились на Бородинском поле, и Император Николай II, верхом на белом коне, объехал поле, отдавая честь войскам. Те громовым «ура» приветствовали Державного вождя. Оказалось, что жив участник битвы, бывший фельдфебель Войтинюк, которому исполнилось 122 года.

Император от души поздравил ветерана и обнял его.

Своей родительнице, Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне, 10 сентября 1912 года Государь писал: «Там все мы прониклись общим чувством благоговения к нашим предкам».

Торжества закончились в древней столице. Сто лет назад ее сожгли жители, чтобы не позволить наполеоновским войскам возможности укрепиться в ней и перезимовать. В Москве по случаю 100-й годовщины сражения устраивались приемы, парады, служились благодарственные молебны. Царская Семья также участвовала в церемониях. Император дал смотр войскам и учащимся военных заведений.

Особенно утомительными оказались торжества для Государыни Императрицы. Она с радостью поехала вместе со всей Семьей в Польшу, чтобы отдохнуть в охотничьих дворцах. Она еще не знала, сколько страданий ждет ее впереди. Именно в Спале получит тяжелую травму ее «Солнечный Луч», от которой он оправится лишь через много месяцев. За одиннадцать дней в золотистых волосах Государыни впервые появятся серебряные нити седины — следы мук ее.

1913 год был ознаменован 300-летней годовщиной царствования Дома Романовых. Император со свитой и младшей сестрой Ольгой Александровной совершил путешествие в сердце России, в частности, Кострому, древнюю вотчину бояр Романовых.

Великая Княгиня свидетельствовала:

«Повсюду, где бы мы ни появлялись, мы видели проявления преданности со стороны народа, доходившие до экстаза. Когда наш пароход плыл вниз по Волге, мы наблюдали толпы крестьян, вошедших по пояс в воду, чтобы получше разглядеть Царя. Я свидетельница того, как в ряде городов ремесленники и мастеровые падали на колени, чтобы поцеловать его тень. Громко звучали приветственные возгласы. При виде этих восторженных толп кто мог бы подумать, что не пройдет и четырех лет, как само имя Ники <Императора Николая II> будет смешано с грязью и станет предметом ненависти!»

В 1913 году было совершено крупнейшее географическое открытие в истории географических исследований. 21 августа участники Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана открыли обширный архипелаг, получивший название Земли Императора Николая II, остров Цесаревича Алексея и ряд других островов. Экспедиция была снаряжена Морским ведомством и возглавлялась в это время капитаном 2-го ранга Российского Императорского флота Борисом Андреевичем Вилькицким. Год спустя экспедиция обнаружила проход между Землей Императора Николая II и материком. После прихода к власти большевиков Земля не имела никакого названия, а в 1926 году была переименована в Северную Землю. Нужно сказать, что эпоха царствования Николая II была отмечена успехами не только в географии, но также в химии, медицине и других науках. В 1904 г. И.

П. Павлов за труды в области биологии получил Нобелевскую премию.
Развивались литература и искусство.
Генерал от инфантерии Н. А. Епанчин отмечал:

«...Современники Императора Николая II совершенно не обратили внимания на одну из блестящих сторон Его Царствования, а именно на постепенно возраставшее благосостояние России, достигшее к концу царствования крупного развития. Только после крушения Империи было обращено внимание на это выдающееся условие, как русскими, так и иностранными учеными. И не без основания полагают, что это экономическое благосостояние, значительно увеличившее силы России, было одной из причин Мировой войны, а именно, опасение наших «друзей» на Западе, особенно Германии, что через несколько лет Россия будет так могущественна, что одолеть ее будет трудно или, может быть, невозможно».

Между Германией и Россией действительно всегда существовала дружба, но и примеров враждебного отношения с ее стороны к Российской Империи было предостаточно. Александр II, которого обвиняли в германофильстве, решительно выступил против второго разгрома Пруссией Франции, намечавшегося на 1875 г. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Германия продолжала враждебную политику. В 1879 г. возник тайный австро-германский союз. Правда, во время русско-японской войны Германия поддерживала Россию. Немецкие пароходы снабжали углем русские суда. Противоречия между Германией и Россией не были непреодолимыми. Первую мировую войну развязали силы, враждебные и Германии, и России. Кто выиграл в результате войны, можно видеть на основании следующих цифр. Два миллиона лучших воинов России и пять миллионов раненых и искалеченных. Такова была ее плата за спасение Франции и Англии. В то время как англичане потеряли всего от 60 до 80 тысяч. Потери французов были гораздо значительнее, зато в результате победы над Германией и ее сателлитами бывшие союзники России выиграли многое. Франция вернула себе Эльзас и Лотарингию, получила Саарскую область, богатую углем. К Англии перешли Багдад, Иерусалим, Дамаск, Алеппо, Мосул, Аравия, Персия, весь Египет. Америка потеряла убитыми 60 тысяч и ранеными 150 тысяч, зато выкачала из Европы все золото и покончила с германской, русской и австро-венгерской монархиями. Россия же, которая понесла самые большие потери и сделала самый большой вклад в дело победы над государствами Центральной Европы, осталась «при своих интересах». И виной тому отнюдь не Государь Император, как пытаются уверить нас и «февралисты», и «октябристы» (а также их идейные подельники), а те, кто пошел на поводу у антирусских сил и вздумали присвоить себе победу: ведь до нее было подать рукой. Февральская революция послужила отмычкой, а уж ею воспользовались другие преступники, которые произвели очередной, октябрьский переворот.

Но до тех роковых событий оставалось еще без малого три года, поэтому нам не удалось устоять перед соблазном, чтобы взглянуть краешком глаза на ту Россию, какой она была до войны. Вернее, на ее правителей, отличающихся, как небо от земли, от тех, какие придут им на смену. Во время встречи в Берлине германского кайзера Вильгельма II и русского Императора Николая II в 1913 г. Великий Князь Гавриил Константинович имел возможность сравнить обоих монархов.

«[Германский] Император говорил очень много и очень громко, при этом стучал по столу рукой, унизанной кольцами. Его левая рука была сухая и маленькая, и из-за этого короче правой. Она тоже была в кольцах. Но Император так ловко ее держал, что этого недостатка почти не было заметно. Меня научили, что если Император будет пить за мое здоровье, я должен встать...

Мне не понравилось, как себя держал [германский] Император. Я невольно сравнивал его с нашим дорогим Государем, который был само благородство, спокойствие и достоинство. Вильгельм II скорее походил на фельдфебеля, вносил много шума, и в нем не было того, что называется породой. Также и утонченной воспитанности не замечалось в нем, а скорее, наоборот... Кроме того, он вообще производил несимпатичное впечатление, тогда как наш Государь был очень симпатичен, в нем было много обаяния, чего у Вильгельма совсем не было».

В день Крещения Господня 6 января 1914 года в Зимнем дворце состоялся последний в истории Российской Империи большой Высочайший выход и Крещенский парад. В залах дворца выстроились взводы от военно-учебных заведений и войсковых частей гарнизонов со знаменами и штандартами. Царское Семейство собралось во внутренних покоях Августейшей четы, в двух гостиных между кабинетом Государыни Императрицы и Малахитовой гостиной. Великий Князь Гавриил Константинович рассказывает:

«Вошли Государь и Государыня. Государь держал себя с большим достоинством и очень спокойно. Обе Царицы были в русских платьях, в сарафанах декольте, с длинными шлейфами и в кокошниках. На них были замечательные драгоценности. Императрицу Марию Феодоровну я представляю себе в серебряном платье, в колье из громадных бриллиантов и с бриллиантовой диадемой в виде лучей на кокошнике... Императрица Александра Феодоровна была писаная красавица, высокого роста, она держала голову немного набок. В ее улыбке было что-то грустное. Она была очень величественная, очень породистая. Редко можно встретить такую красивую и вместе с тем такую породистую женщину с такими изящными манерами. ... Когда входили Государь и Государыни, я испытывал трепет и волнение. Трудно передать эти чувства, они выходили из недр душевных и появлялись при виде Их Величеств...

Государь, входя из залы в залу, здоровался с выстроенными в них частями. Музыканты играли «Боже, Царя храни». Дивные звуки гимна плыли по залам и наполняли сердца благоговением и любовью к Царю. Незабываемые эти минуты неописуемо красивы и торжественны!»

Выступая на Вашингтонской конференции о морских сооружениях 9 ноября 1921 года, президент США Гардинг заявил:

«Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами не ново... Уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского [Николая II]».

Это ли не свидетельство миролюбия Николая II? И не его вина, что в июле началась драма, известная, как первая мировая война.

Ученые и политики продолжают изучать причины ее возникновения. Тут и борьба за раздел рынков, и агрессивность Австро-Венгрии и Германии и т. д. На наш взгляд, основной причиной была борьба влиятельных кругов — как стран Антанты, так и Центральных держав — с самодержавной Россией, которая все решительнее заявляла о себе. Отнюдь не борьба с «тиранией». Уже после первой мировой войны бывший член Государственной Думы барон А.Д. Мейендорф отмечал: «Российская Империя была самой демократической монархией в мире». При назначении на высшие государственные должности происхождение и расовая принадлежность играли весьма незначительную роль.

Весной 1914 года Морис Беринг, английский писатель и поэт, проживший в России несколько лет и хорошо ее изучивший, отмечал:

«Не было, пожалуй, еще никогда такого периода, когда Россия более процветала бы материально, чем настоящий момент... У случайного наблюдателя могло бы явиться искушение воскликнуть: да чего же большего еще может желать русский народ?» Английский писатель заметил, что недовольство распространено, главным образом, в высших классах. Широкие же массы населения страны, как и крестьянство, находятся «в лучшем экономическом положении, чем когда-либо».

Улучшилось не только экономическое благосостояние России, но и народное образование. К 1914 году расходы государства, земства и городов на нужды народного образования составили около 300 миллионов рублей, то есть почти *в восемь раз* превысили расходы на эти нужды в начале царствования Николая II (около 40 миллионов рублей). Ширилось кооперативное движение. Число сельских кооперативов за время с 1897 по 1914 год увеличилось в двенадцать раз. По словам кн. Е.Н. Трубецкого, «пугачевский» социализм отходил в прошлое, и в России создавалась основа «буржуазной демократии», опирающейся на крестьян-собственников.

Не видя никакого «гнета», «произвола» и наблюдая рост благосостояния

народных масс, «образованцы» разочаровались в своих идеалах. Стали возникать религиозные кружки студентов. В 1913 году русское студенчество впервые участвовало в работе всемирной организации христианской молодежи. Съезд этой организации состоялся в Соединенных Штатах. Пробудился интерес молодежи к различным видам спорта. Возникали футбольные, теннисные клубы, гимнастические общества для детей и подростков. В них входили «потешные», занимавшиеся допризывной военной подготовкой (название было заимствовано у первых товарищей игр Петра Первого). Соколы представляли собой славянскую спортивную организацию. Бой-скауты или разведчики были преемниками английской организации, созданной полковником Баден-Поуэллом.

При советской власти они превратятся в пионеров, чья символика и лозунг «Будь готов!» заимствованы у масонов.

В начале 1914 года В.Н. Коковцов, преемник П.А. Столыпина на посту премьер-министра, получил Высочайший рескрипт, извещавший его о том, что Государь вынужден расстаться с ним. Несмотря на то, что Император ценил премьера, по коренным вопросам они расходились. Так, Коковцов заботился не о борьбе с пьянством, а о пополнении государственной казны за счет продажи алкоголя. Государь писал, что «видел светлые проявления даровитого творчества и трудовой мощи; но рядом с этим с глубокой скорбью приходилось Мне видеть печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств — неизбежные последствия нетрезвой жизни». Император предполагал провести широкие реформы, направленные на борьбу с пьянством. С особым интересом он наблюдал за развитием спортивных организаций и намеревался создать особое ведомство физического воспитания. Выделял на нужды спорта средства из десятиmillionного фонда. Но В. Н. Коковцов не разделял планов Государя и указывал, что Государственная Дума едва ли захочет выделить кредиты на новое ведомство. Отрицательной была политика Государственной Думы и в отношении планов правительства по созданию министерства народного здравоохранения.

Назначенный на пост председателя Совета Министров И. Л. Горемыкин был исключительно лоялен по отношению к Государю, умел подчиняться его предначертаниям и выполнять их. Это было очень важно, когда следовало выполнять важные задачи. Благоприятные перемены происходили и в военном строительстве. Государю пришлось дважды преодолевать сопротивление думских деятелей, чтобы смог возродиться флот. Перемены эти были отмечены и за рубежом. Редактор издания «Экономист эропъен» Эдмон Тери, обследовавший экономику России по поручению двух французских министров, в начале 1914 года писал:

«Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 г. идти так же, как они шли с 1900 по 1912 г., Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом

отношении».

Этого Запад боялся пуще огня. В чем мы вскоре убедимся.

В.Кузнецов. "... Открыл новые земли, которые и описал". В сб.: "Уроки гнева и любви". СПб. 1999. Вып. 8. Кн.2. С. 4-63.

Н.А.Епанчин. На службе трех Императоров. М. : Наше Наследие. 1996. С. 243.

Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб: Логос. 1995. С. 142-143.

Глава седьмая

«ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО!»

Лето 1914 года выдалось поразительно жарким. От сильной жары самопроизвольно возникали лесные пожары. Со стороны лесных массивов в окрестностях Петергофа тянуло гарью. Лишь дожди, проливавшиеся порой, прекратили пожары. По обыкновению, Царская Семья весну провела в Ливадии. 25 мая, в Троицын день, праздновали день рождения Государыни Александры Федоровны. 29 мая исполнилось 17 лет Великой Княжне Татьяне Николаевне. На Императорской яхте «Штандарт» Царская Семья прибыла в Констанцу. Одной из целей визита было сближение с румынской королевской семьей. Наследник румынской короны Кароль просил руки Великой Княжны Ольги Николаевны. Но ей Кароль не пришелся по душе, и помолвка не состоялась. Вернувшись в Одессу на яхте, 2-го июня Семья поездом поехала домой, в Царское Село. 5-го июня, в день рождения Анастасии, самой младшей из Великих Княжон, которой исполнилось 13 лет, поезд прибыл в Царское, остановившись у дебаркадера Императорского железнодорожного павильона. В отсутствие Царской Семьи в апреле над парком пронесся ураган, который поломал много деревьев. 19 июня на Императорской Ферме состоялось заседание Совета Министров. Выстрел в Сараеве, сразивший эрц-герцога Франца-Фердинанда, хотя и не был никем воспринят, как повод для начала войны, тем не менее, встревожил некоторых политиков. Как оказалось, не зря. Прозвучавший 15 июня выстрел боснийца Гаврилы Принципа, который даже не был сербским подданным, послужил Австрии поводом предъявить ультиматум Сербии.

Однако подлинные враги эрц-герцога находились не в Белграде, а в Вене. Их не устраивало политическое кредо Франца-Фердинанда. Он откровенно заявлял, что его политика будет основываться на трех китах: «полное единение с Россией, союз трех империй — Австро-Венгрии, Германии и России — и укрепление всеобщего мира». Эрцгерцог полагал, что сближение с Россией необходимо Австрии, которая исторически и идеологически с нею связана. Как и в состав Российской Империи, в Австро-Венгрию входят многие славянские государства. Он желал восстановить Священный Союз, который помог бы оградить монархический принцип правления от происков

адептов «мировой революции». Что же касается балканского вопроса — постоянного источника распри между Австро-Венгрией и Россией — то Франц-Фердинанд был против насильственной экспансии в этом районе. Во время своего пребывания в Петербурге в 1891 году эрцгерцогу представилась возможность ознакомить Императора Александра Третьего со своими политическими воззрениями. Государь очень дружелюбно встретил своего австрийского гостя, в честь его устроил охоту на медведя. Между Августейшим хозяином и его гостем было какое-то сходство. Оба могучего роста, главная черта обоих — миролюбие.

Пять лет спустя, летом 1896 года Государь Император Николай Александрович и Ее Величество Александра Феодоровна, посетившие Австро-Венгрию, встретили не слишком радушный прием. Ничего положительного визит этот не дал. Граф Муравьев, русский министр иностранных дел, откровенно заявил другу эрцгерцога, что, хотя Россия искренно желает мира и добрососедских отношений с Австрией, при графе Голуховском — тогдашнем министре иностранных дел Австрии — это невозможно. Этого поляка в России называли «свинья Голуховский». Эрцгерцог знал, что Голуховский англофил. Сам же не скрывал неприязни к коварному Альбиону, который всегда выступал против Священного Союза и стремился вбить клин между Австрией и Россией. Именно Россия была для эрцгерцога образцом государства, где лишь монарх может крепкой рукой управлять многими народностями, входящими в состав империи. В год трехсотлетия Дома Романовых Франц-Фердинанд решительно заявил: «Я никогда не стану вести войну с Россией. Я готов принести много жертв, чтобы избежать такой войны. Возникни война между Россией и Австрией, то она закончится либо гибелью Дома Романовых, либо Дома Габсбургов, а скорее всего — падением обеих династий».

Несмотря на республиканский образ правления, Франция была дружественно расположена к России, но эрцгерцог видел в ней рассадник мирового воинствующего масонства и родину революций. К тому же, именно благодаря Франции Австрия лишилась своих лучших провинций в Северной Италии. Как политик, эрцгерцог был на голову выше многих своих соотечественников. В 1909 году он пророчески заявил: «Франция кокетничает с Россией и оказывает последней всяческую помощь, чтобы в удобный для нее момент доставить нам множество бед. Впрочем, и России тоже».

У эрцгерцога были враги не только в дипломатических, но и в военных кругах. Начальник австрийского генштаба Конрад фон Гетцендорф был ярким сторонником уничтожения Сербского королевства, за сохранение которого выступал Франц-Фердинанд. Он решительно заявил начштаба: «Войны с Россией необходимо избежать. Франция, в особенности, французские франкмасоны стремятся ввергнуть мир в войну, чтобы стереть с лица земли христианские монархии». Эрцгерцог очутился между молотом и наковальней. Кроме внешних врагов, у него оказалось и немало внутренних. В том числе и в союзной Австрии Германии. Узнав об убийстве Франца-Фердинанда, принц

Генрих Прусский, игравший в теннис, как ни в чем не бывало продолжал игру. Пал он от руки собственных подданных: террористы были гражданами Боснии и Герцеговины. Организаторы убийства хотели создать у мирового сообщества мнение, будто угнетаемые сербы решили свести счеты с поработителем. Между тем еще за год до убийства эрцгерцогу стала известна фраза одного видного швейцарского масона: «Эрцгерцог— выдающаяся личность, человек сильной воли. Жаль, что по дороге к трону он должен умереть».

Вовсе не террористы из «Черной руки» убили Франца-Фердинанда. Преступление было спланировано в Будапеште венгерскими масонами и готовилось с ведома известных австрийских кругов. Но и в семье австрийского императора враждебно относились к покойному эрцгерцогу. Правительственные круги с императором Францем-Иосифом во главе пытались в свое время склонить эрцгерцога к политическому браку. Одно время предполагалось сочетать его браком с дочерью будущего короля Англии Эдуарда VII. Но Франц-Фердинанд, знавший, что все европейские дворы тесно связаны родственными узами, считал, что от подобного брака пострадает наследственность. Он нашел жену по любви. Но даму, принадлежавшую к старинному богемскому дворянскому роду, император австрийский счел недостойной своего племянника. Однако, Франц-Фердинанд, как человек чести, дал слово графине Софье Хотек, обожавшей его, сочетаться с ней браком.

Брак оказался счастливым и продолжался четырнадцать лет. Несмотря на всяческие унижения, которыми подвергалась графиня, его супруга, эрцгерцог оказался рыцарем и не покинул любимую жену, подарившую ему троих детей. А намеки ему делались, и весьма прозрачные. Престарелый император долгое время был уверен, что то был лишь флирт с придворной дамой. А оказалось, что это была любовь на всю жизнь.

Вести жизнь частного лица, по примеру других членов австрийского императорского дома, он не захотел. Эрцгерцог рассчитывал в конечном счете занять австрийский трон. Но пуля убийцы помешала осуществлению его планов. Убийство племянника было последним звеном в череде несчастий, преследовавших австрийского кайзера. Кто не ведал о трагедии Франца-Иосифа. Его единственный сын, крон-принц Рудольф, который знал, что ему никогда не удастся жениться на возлюбленной, по их обоюдному согласию в местечке под названием Майерлинг сначала застрелил любимую женщину, а затем застрелился сам.

Несмотря на все старания Государя Императора Николая II сохранить добрососедские отношения с кузеном, кайзером Вильгельмом II, тот, скорее всего под натиском своего окружения, объявил России войну.

На яхте «Александрия» Царь, недавно вернувшийся из Дивеевской обители вместе с Государыней, прибыл в Петербург. Подписав манифест об объявлении войны Германии, прочитал его в Николаевской зале Зимнего дворца. Был отслужен молебен. Пели «Спаси, Господи, люди Твоя» и

«Многая лета». Выйдя на балкон, Царь звучным голосом обратился к толпе, заполнившей Дворцовую площадь. Толпа вздрогнула. Опустившись на колени, люди запели «Боже, Царя храни». Не скрывая слез, Государь и Императрица низко поклонились своим подданным. Зазвучал величественный гимн:

*Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя, Царя храни!..*

(Музыку написал композитор А. Ф. Львов, слова — В. А. Жуковский. Гимн он назвал «Молитвой русского народа».)

Напрасно Григорий Ефимович Распутин отговаривал Государя от войны. Весь народ готов встать грудью на защиту Руси! Ведь не Россия же первой объявила войну.

И все же из головы у Государя никак не выходили страшные строки, которые своим корявым почерком написал сибирский крестьянин.

Не в силах приехать в Петербург, поскольку лежал в Сибири в больнице после покушения на него, Григорий Ефимович написал Царю письмо на большом листе бумаги:

+

«Милый друг, еще раз скажу грозна туча над Рассеей. Беда горя много и просвету нету. Слез-то море и меры нет, а крови... Что скажу? Слов нету неопикуемый ужас. Знаю все от тебя войны хотят верно не зная, что ради гибели Божье тяжко наказание, когда ум отымет, тут начало конца. Ты Царь отец народа, не допусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Рассея? Подумать, так воистину не было от веку горшей страдалницы, вся тонет в крови. Велика погибель без конца печаль. *Григорий*».

Государь был связан обязательствами перед союзниками и не мог отвернуться от православной Сербии, воззавшей о помощи. Благородное движение души Царя поддержало большинство населения страны. Рабочие, которые еще несколько недель назад бастовали на заводах и строили баррикады на улицах Петербурга, пришли на Дворцовую площадь с портретами Государя, с национальными знаменами и пением национального гимна.

В «Летописи войны 1914 года» (№ 3) указывалось:

«Угрюмые финны всеподданейше просят своего Августейшего Повелителя разрешить им «ударить по немцу» и встать в ряды русской армии. Эти

просьбы настолько были часты и искренни, что на-днях воспоследовало Всемилостивейшее Высочайшее соизволение не только принимать финнов в ряды великой русской армии, но и оказывать им в этом патриотическом порыве всяческое содействие. Посмотришь на юг, и там уже «чеченец точит свой кинжал» для общего врага России. Рижская печать давно уже сообщает, что и на западе Руси латыши, литовцы и эсты до того рвутся на ратное дело, что освобождение от возможности попасть в ряды русского войска буквально считают для себя неутешным горем».

Вскоре стали известны исторические слова, произнесенные Государем перед военными.

«С спокойствием и достоинством встретила Наша Великая Матушка Русь известие об объявлении Нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия Мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца», — по окончании молебствия в Зимнем Дворце 20 июля 1914 года сказал Государь Император и дальше продолжал:

«Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Нашей.

И к вам, собравшимся здесь представителям дорогих Мне войск гвардии и Петроградского военного округа и в вашем лице обращаюсь ко всей единокровной, единокровной, крепкой, как стена гранитная, армии Моей и благословляю ее на труд ратный».

4 августа Царская Семья приехала в Москву. После молебна в Успенском соборе она отправилась в Чудов монастырь, затем в другие храмы.

5 августа 1914 года Государь Император обратился с речью к представителям дворянства, города, земства и купечества, собравшимся в Большом Кремлевском дворце:

«В час военной грозы, так внезапно и вопреки Моим намерениям надвинувшейся на миролюбивый народ Мой, Я, по обычаю Державных Предков, ищу укрепления душевных сил в молитве у святынь московских. В стенах древнего Московского Кремля в лице вашем, жители дорогой Мне Первопрестольной Москвы, Я приветствую весь верный Мне русский народ повсюду — и на местах, в Государственной Думе, и в Государственном Совете — единокровно откликнувшийся на Мой призыв встать дружно всей Россией, откинув распри, на защиту родной земли славянства. В могучем всеобщем порыве слились воедино все без различия племена и народности великой Империи Нашей, и вместе со Мною никогда не забудет эти исторических дней Россия. Такое единение Моих чувств и мыслей со всем Моим народом дает Мне глубокое утешение и спокойную уверенность в будущем. Отсюда, из сердца Русской Земли, Я шлю доблестным войскам Моим и мужественным иноземным союзникам, заодно с Нами поднявшимися за погрязшие начала мира и правды, горячий привет! С Нами Бог!»

После возвращения из Москвы 18 (31) августа Император повелел, чтобы

Санкт-Петербург впредь назывался Петроградом. Ряд высших чиновников выступили против переименования. По этому поводу министр земледелия Кривошеин говорил:

— Государь держится молодцом. Многие на него за Петроград нападают. Рухлов будто бы сказал: что же это Вы, Ваше Величество, — Петра Великого поправлять! — И знаете, как Государь ответил? Не рассердился, а отшутился: «Что же! Царь Петр требовал от своих генералов рапортов о викториях, а я рад был бы вестям о победах. Русский звук сердцу милее...»

Вначале Государь Император решил возложить Верховное Командование армией и флотом на себя, однако Совет Министров и Государственный Совет выступил против этого намерения Государя. Необходимо было сделать выбор между военным министром Сухомлиновым и командующим Петроградским военным округом Великим Князем Николаем Николаевичем (Младшим). Императором был издан

**«Именной Высочайший Указ
Правительствующему Сенату»**

1914 года Июля 20.

«Не признавая возможным, по причинам общегосударственного характера, стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали мы за благо Всемилоостивейше повелеть Нашему Генерал-Адъютанту, Главнокомандующему войсками гвардии и петроградского военного округа, генералу от кавалерии Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу быть Верховным Главнокомандующим».

На подлинном Собственной Его Императорского Величества
рукой подписано: «НИКОЛАЙ»

В С.-Петербурге.

20 Июля 1914 года.

*Скрепил Председатель Совета Министров
статс-секретарь Горемыкин»*

Существует мнение, будто бы в том случае, если бы Великий Князь оставался Верховным Главнокомандующим, то никакой февральской революции и не было бы. А между тем, если сравнить личность Государя и Великого Князя, то сравнение отнюдь не в пользу Николая Николаевича. Английский представитель в Ставке, генерал Хенбери-Вильямс в течение многих месяцев общался с Великим Князем, прежде чем познакомиться поближе с Императором, и симпатизировал Николаю Николаевичу. Тем более ценен его отзыв о Государе Императоре:

«Этот очерк, посвященный покойному Императору Николаю II и ряду лиц и событий, связанных с ним, написан отчасти в форме дневника, поскольку это позволяет передать верные впечатления, которые я получал время от времени в период военных лет, проведенный мною в штаб-квартире русской армии.

Пожалуй, я видел Императора чаще и узнал его ближе, чем многие другие лица, находившиеся за пределами непосредственного окружения Государя во время его пребывания в должности Верховного Главнокомандующего, когда, вследствие его продолжительных отлучек из столицы, мне приходилось становиться посредником и по другим, а не только военным вопросам.

Когда меня направили в Россию в начале августа 1914 года, я имел лишь смутное представление об этой стране и ее народе. Однако во мне жил интерес к ней, поскольку один из моих предков был там посланником и хорошим знакомым Императрицы Екатерины Великой. Прибыв в эту страну, я убедился, что его имя по-прежнему окружено ореолом некоей таинственности, восходящей к тем дням, когда Императрица в своих письмах обращалась к нему: «Мадам», а он к ней — «Месье».

Я предполагал, что на каждом шагу буду встречать препятствия, что увижу Императорскую семью подавленной заботами, тревогами и страхом за собственную жизнь от бомбы анархиста или ножа убийцы.

Но, познакомившись с Императором, Императрицей и их детьми, я убедился, что все обстоит совершенно иначе, чем я думал. Я увидел счастливую и дружную семью. В этой стране слишком часто упоминалось слово «революция», а ее пророки были чересчур многочисленны и кровожадны, но все почему-то полагали, что Империя просуществует до конца войны. Ее население и площадь были настолько велики, что в Англии многие говорили о «русском паровом катке».

Популярность и одушевление, охватившее народ, поддерживавший дело союзников, в отличие от минувшей — русско-японской войны — позволяли надеяться, что Россия сумеет успешно преодолеть тяжелые испытания, выпавшие на ее долю, покрыв себя славой и связав себя более прочными узами с теми из своих союзников, дружба с которыми не была прежде особенно тесной.

Возникновение Думы — то есть парламента — явилось шагом в нужном направлении и, хотя ее полномочия были ограниченными, появилась надежда, что положение улучшится и она станет ближе к аналогичным органам в иных странах.

Пьянство, которое было бичом в русско-японской войне, мешавшим успехам русских армий, стало недопустимым в мировой войне благодаря решительным и суровым мерам, принятым Императором, запретившим продажу водки. Меры эти оказались весьма полезными. Это подтвердили не только трезвое поведение солдат, но и рост вкладов в крестьянские банки, а ведь основным ядром армии были крестьяне.

Кроме того, Польша, на которую обрушились самые тяжелые удары военной судьбы, должна была получить самоуправление, которое эта несчастная страна так долго ждала. Таким образом, ее народ стал бы связан с Россией более прочной дружбой и вел бы более решительную борьбу с врагом, стоявшим у ее ворот.

Когда противники России опубликовали свои ультиматумы, военный министр России заверял широкие массы публики в том, что русская армия во всеоружии и готова к войне. Когда Верховным Главнокомандующим русской армией стал Великий Князь Николай Николаевич, население восприняло это назначение одобрительно. Правда, ходили слухи о германских симпатиях и интригах при дворе, но общее настроение было оптимистичным. Настроения были, можно сказать, «шапкозакидательскими». Все были убеждены, что война будет непродолжительной и веселой прогулкой.

Самоотверженные усилия Великого князя Николая Николаевича помочь союзникам даже ценой потерь со стороны русских войск, действовавших на северо-западном фронте, сделали русских еще более популярными на Западе. Однако неожиданно для всех, кроме узкого круга осведомленных лиц, стало известно о нехватке вооружения и боеприпасов, причем не из-за недостатка средств, что стало неожиданностью и для других союзников, а в результате коррупции.

И люди начали качать головой. Какой прок от парового катка, если для него нет топлива? Как водится, стали искать виноватого.

Пока положение начали исправлять, да еще и с задержками, неизбежными для такой страны, как Россия, в отличие от других стран, у злопыхателей нашлось достаточно времени для того, чтобы распускать клеветы и скандальные истории. Так возникли слухи о предательстве, о «германской партии» при дворе, о вредном влиянии Распутина. Оказалось, что во всем виноват министр, а затем — союзники. Недовольство начало приобретать угрожающие размеры.

В стране росла тревога, волнения. Первоначальные успехи сменились неудачами и отступлением, хотя ни Верховный Главнокомандующий, ни солдаты не были в этом виноваты.

Тогда в чем же дело? Все упиралось в административные вопросы. Под этим словом подразумевается снабжение боеприпасами, снаряжением, надлежащая эксплуатация шоссейных и железных дорог, а также коммуникации вообще.

Последние четыре фактора касались не только гражданского населения, но и армии. Вопрос усложнялся большим количеством беженцев, которые мешали действиям войск. Вопрос снабжения топливом и продовольствием — водораздел между довольством и недовольством, особенно, в условиях русской зимы — требовал, для своего решения, значительных усилий и работы слаженной, четкой системы.

Кому же следовало отдать при этом предпочтение — войскам или гражданскому населению? И в какой степени? Для решения проблемы была

нужна твердая рука. Следовало также учесть и наличие коррупции и противодействие властям. И когда человек, обладающий такими качествами, был найден, преданность своему делу и добросовестность столкнулись с предательством и интригами, которым способствовали враги и недовольные. Неудачи на фронте только поощряли противников власти. Но так продолжалось до тех пор, пока Император не возложил на себя обязанности Верховного Главнокомандующего. С его приходом на этот пост счастье, казалось, повернулось лицом к русской армии, но революция успела слишком глубоко пустить свои корни, а почва оказалась чересчур для этого благоприятной. Поэтому у Государя было мало надежды на успех. Коррупция и интриги процветают в каждой стране, даже в Англии, которая и в прошлом не отличалась неподкупностью чиновников. Что же касается России, то эти дурные стороны были особенно заметны. Если говорить о двух наших народах, то необходимо отметить их отличия. Русские, хотя во многих отношениях располагают к себе, — добрые люди, но обладают неустойчивым характером. Они очень быстро переходят от восторга к состоянию полной депрессии. Или наоборот. Правда, состояние депрессии, в котором они сейчас находятся, слишком продолжительно и глубоко.

Оценить их положительные качества можно лишь тогда, когда долго живешь среди них, хотя русские могут понравиться и при встрече с ними в какой-то другой стране. Повсюду я сталкивался с их гостеприимством, добротой, дружелюбием. Иногда мне кажется, что их искреннее желание угодить незнакомому человеку, доставить ему удовольствие восполняет слабых характерность и неуверенность в себе.

Во всяком случае, таково было мое впечатление о России до того, как большевики захватили власть.

Я не намерен ни соглашаться, ни спорить с теми, кто писал о покойном Императоре и осуждал его. Хочу лишь отметить, что авторами рассказов о Государе были в основном лица, которые не были так хорошо знакомы с ним, как я. По большей части эти авторы враждебно настроены к Императору. Один из его критиков, пробыв всего сутки в России, описал личность Государя. Судя по этому описанию, я решил, что упомянутый критик провел эти сутки в сточных канавах Петрограда, поскольку нигде иначе он не мог бы почерпнуть столь же несправедливую, сколь и лживую, к тому же еще и злонамеренную информацию. Причем, рассказ этот относится к дореволюционному периоду.

Если Император и совершал какие-то ошибки, то их причиной отнюдь не было равнодушие к собственной стране или союзническому долгу.

Думаю, что у каждого перед умственным взором возникают видения, которые проходят, «словно корабли в ночи». Для меня одним из самых трагичных воспоминаний стал образ покойного Императора Всероссийского и его близких.

Печальные эти воспоминания освещены неизменной добротой, которую

Государь проявлял ко мне в трудные для меня лично или моей страны минуты, его солнечной, жизнерадостной натурой, его неистребимым мужеством, которое не оставляло Государя даже в те минуты, когда все, казалось, складывается из рук вон плохо.

Верность союзническому долгу Царя сравнима лишь с его решимостью вести войну до конца.

«Забрасывать камнями» — не в моем характере. Я лишь честно расскажу, каким я его запомнил. Светлый образ Императора омрачается для меня его трагическим концом и запоздалым сожалением о том, что я мало что смог сделать для спасения Государя и его семьи, когда чаша весов еще могла склониться в другую сторону.

По ряду причин многие страницы моих воспоминаний не могли быть опубликованы, но те из них, которые приводятся в этой книге, выбраны отнюдь не для того, чтобы создать однобокий портрет монарха, не однажды подвергавшегося клевете, а чтобы отметить некоторые стороны его личности, на мой взгляд, представляющие интерес.

С самодержавием в России покончено. Мои воспоминания написаны вовсе не ради защиты Царского строя. А ради защиты личности Царя.

«Господин Критик» тотчас отзовется: «Конечно, все это очень хорошо, но в данном случае оба понятия так тесно связаны между собой, что трудно провести границу между ними». В известной степени это так, но до сих пор на весах богини правосудия гири установлены неточно.

Чтобы хоть как-то восстановить справедливость, я и решил написать свои воспоминания».

Этими словами Хенбери-Вильямс заканчивает предисловие к своей книге.

Несмотря на симпатии к Великому Князю, генерал признает, что в свою бытность Верховным Главнокомандующим Николай Николаевич старался держаться подальше от фронта. Был, по существу, трусоват.

В отличие от него (как впрочем, и от генералиссимуса И. В. Сталина, *ни разу* не побывавшего хотя бы вблизи от фронта) Император Николай II был человеком недюжинного мужества и храбрости. Он посещал фронтовые части в непосредственной близости от передовых, зачастую в сопровождении Цесаревича.

Это было не только в тот период, когда Император занимал должность Верховного Главнокомандующего, но и во время поездок «на Ставку» как в 1914, так и в 1915 году. Храбрость (впрочем, как и трусость) заразительны. Вот почему солдаты и матросы русской армии и флота проявляли чудеса стойкости и мужества. Каждый русский воин и подданный знал, что «за Богом молитва, за Царем служба не пропадет».

На Южном фронте произошла такая история. Русские разведчики должны были обследовать берег, занятый мадьярами. Стефан Веремчук, крестьянин деревни Бабалоки Княгининской волости Дубенского уезда Волынской губернии, тридцати лет от роду, перевозил на лодке разведчиков. После того,

как они выполнили задание, крестьянин вернулся назад. Заметив происходившее, мадьяры схватили его. До разведчиков стали доноситься жуткие крики:

— Ой, ратуйте, православные, я же вас звиручав. За вас, православные, за Царя муки принимаю.

Не в силах слышать полные страданий вопли, один из разведчиков обратился к офицеру:

— Дозвольте, Ваше Высокоблагородие, сплавать на тот берег. Мочи нет, как кричит, болезный.

Поручик покачал головой:

— Нельзя. В воде вас перебьют. Подождем, как стемнеет.

С трудом дождавшись темноты, разведчики вернулись на австрийский берег. Добрый их помощник уже не кричал. На теле его обнаружили следы пыток: сухожилия на руках и ногах подрезаны, кости перебиты, в боках множество ран.

— Царствие Небесное рабу Божию умученному Стефану,— истово перекрестился унтер-офицер.

Выяснилось, что у страдальца осталась семья. Слепая мать, Мария Веремчук, 62 года. Жена Иустиния, 28 лет. Трое детей — мал-мала меньше. Макар 7 лет, Леонтий 5 лет и Федор одного года и трех месяцев от роду. Главнокомандующий армиями фронта распорядился выдать семье Веремчука единовременное пособие в двести золотых рублей. Когда стало известно о кровавой расправе над беднягой, солдаты, пришедшие на подмогу разведчикам, разгромили вражеский гарнизон. Узнав о подвиге Стефана Веремчука, Государь повелел назначить пенсию матери и вдове погибшего. А малолетние сыновья, достигнув соответствующего возраста, будут определены на казенный счет в учебное заведение по усмотрению матери. Скорее всего, с тем, чтобы они получили сельскохозяйственное образование.

Начальник штаба предложил организовать подписку на сооружение часовни. Император согласился. Кроме того, он повелел настоятелям церквей объяснять мирянам значение подвига Стефана Веремчука, а также распространять описание его жизни как среди воинов, так и мирного населения Империи.

Великий князь Константин Константинович перед самым началом войны очутился в приграничных местах и видел толпы беженцев, уезжавших вглубь Империи. С большим волнением Великий Князь воскликнул: «Зачем же они бегут? Немцы не сделали бы им ничего дурного; ведь они же не варвары». Действительность опровергла его слова. Когда с началом войны Императрица Мария Феодоровна, гостившая в Дании, решила вернуться в Россию через Германию, ее не пропустили. Толпа на вокзале осыпала ее ругательствами, стала бить стекла в ее вагоне, и Императрице Матери пришлось вернуться назад, в Данию, чтобы оттуда поехать через Швецию и Финляндию в Россию.

В начале войны успех сопутствовал русским войскам. В Восточной Пруссии русские перешли границу и нагнали страху на пруссаков. Но из-за несогласованности, а, возможно, предательства, наступление окончилось поражением. Армия была еще не отобилизована, недоставало военного снаряжения. Немцы назвали разгром русских армий «победой под Танненбергом». «Все историки на всех языках говорят о Танненберге, но никто не говорит о русской победе под Гумбиненом, — писал генерал Н. Н. Головин в 1934 году, — слава русского оружия умышленно замалчивается». Виной тому было поведение тогдашнего Верховного, В. К. Николая Николаевича, не допускавшего, чтобы славили кого-то кроме него. Героем же дня тогда был генерал-лейтенант Н. А. Епанчин, командир III корпуса. Неудачным оказался план Великого князя разбить все армии на две равные части: одна против австрийцев, другая против немцев. Следовало сначала разбить слабейшего противника — австрийцев, а уж затем, собрав все силы в кулак, разбить немцев. Но у Великого князя не было твердо обозначенной цели. Он шел на поводу у союзников, которых интересовало одно — отвлечь от Франции как можно больше германских войск. Ходила мрачная шутка: «союзники готовы сражаться до последней капли... русской крови». Русские армии, разбитые в Восточной Пруссии, спасли Париж, до которого немцам было рукой подать.

Офицер-артиллерист Э. Н. Гиацинтов, уже в эмиграции, вспоминал:

«Весна 1915 года... нам, кроме огорчения, ничего не принесла... Снарядов у нас по-прежнему было очень мало, отпускали их, как в аптеке... и под давлением немецких войск нам пришлось продолжать отступление. Главкомандующим продолжал оставаться Великий Князь Николай Николаевич, который, как я считаю, — писал Гиацинтов, — был более французом, чем русским, — потому что он мог пожертвовать русскими войсками совершенно свободно только с одной целью, чтобы помочь французам и англичанам».

Государь Император старался не вмешиваться в управление войсками, отлично понимая необходимость единоначалия.

Но судьба армии, моральный дух ее войск всегда интересовали его. И Император часто бывал в войсках действующей армии.

Можно убедиться, насколько велико было моральное воздействие от присутствия на фронте Государя Императора.

Мы приводим отклики в русской прессе того времени, следившей за каждым шагом Державного вождя.

Особенно большую художественную и историческую ценность представляют собой выпуски Министерства Императорского Двора, озаглавленные «Государь Император в действующей армии». Текст был составлен генералом Дубенским.

Выпуски иллюстрировались художниками. Стоимость их была совсем

невелика — рубль двадцать копеек. Весь доход от продажи изданий поступал на нужды раненых и их семейств, о чем заботилась Государыня Императрица Александра Феодоровна.

Мы приводим выдержки из одного из таких выпусков:

«Отбытие Его Величества.

Государь Император отбыл в действующую армию 18 ноября 1914 года. В это время вся Россия жила в большом волнении, ожидая исхода происходивших серьезных боев. Германский император приказал своим войскам начать новое наступление на Варшаву. Германская армия под командованием фельдмаршала Гинденбурга развила свои операции на обширном фронте между Вислой и Вартой. Но немецкое наступление было отбито. Немцам были нанесены огромные потери, и часть их армии, окруженной русскими войсками, еле пробилась к северу к сильной крепости Торну.

В это тревожное время Государь направился в действующую армию. Его сопровождали: обер-гофмейстер Василий Долгоруков, генерал-адъютант граф Бенкендорф, флаг-капитан Его Величества генерал-адъютант Нилов, дворцовый комендант Свиты Его Величества генерал-майор Воейков, начальник военно-походной канцелярии Свиты Его Величества генерал-майор Орлов, флигель-адъютанты: граф Шереметев, Дрентельн, Саблин, лейб-хирург Федоров, генерал-майор Дубенский, командир 1-го железнодорожного полка генерал-майор Цабель, церемониймейстер барон Штакельберг и другие.

В Царской Ставке.

19 ноября Государь Император прибыл в Ставку. Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич встретил Его Величество на вокзале и вошел в вагон к Государю. До завтрака Государь выслушивал доклад Верховного Главнокомандующего о положении дел на фронтах. После завтрака Государь принимал доклады генералов Янушкевича и Данилова, а затем, после прогулки, у Его Величества опять состоялось совещание с Верховным Главнокомандующим. В эти дни продолжались ожесточенные бои между Вартой и Вислой. Видимо, германцы прилагали все усилия, чтобы прорваться к Варшаве. Серьезность положения чувствовалась и здесь, в Ставке. В тот же день, после 11 часов вечера, Государь Император, подробно ознакомившись с положением дел на западном театре, пожелал предпринять обширное путешествие через многие центральные и южные губернии на Кавказе.

[Описывая эту поездку, Государь сообщал Августейшей супруге:

«Мы едем по живописному краю, с красивыми высокими горами по одну сторону и степями — по другую... На каждой станции платформы набиты народом, особенно детьми, их целые тысячи... Мы катим вдоль берега Каспийского моря; глаза отдыхают, глядя на голубую даль: она напоминала

мне наше Черное море... Невдалеке горы, чудесно освещенные солнцем...»

Затем Императорский поезд ехал по Кубани:

«Великолепен и богат этот край казаков. Пропасть фруктов садов. Они [казаки] начинают богатеть, а главное, непостижимо чудовищное множество детей-младенцев. Все будущие подданные. Все это преисполняет меня радости и веры в Божье милосердие; я должен с доверием и спокойствием ожидать того, что припасено для России», — продолжал Государь.]

Путешествие Государя по России.

Всю ночь и утро навстречу Царскому поезду шли воинские поезда, направляющиеся на театр военных действий. Солдаты восторженными кликами «ура» приветствовали Державного Вождя русской армии. Они хотели, чтобы Государь слышал их радостные возгласы и почувствовал, что они, русские воины, с отвагой идут в бой. Первым городом, который посетил Его Величество, был древний Смоленск. В книге подробно описывается восторженная встреча Царя народом как в Смоленске, так и в других городах, которые Его Величество изволили посетить.

Государь поклонился святыням, принимал депутации, посещал лазареты, милостиво беседовал с ранеными, награждал отличившихся Георгиевскими медалями.

В Смоленске Государь милостиво разговаривал с мальчиком лет четырнадцати, «сыном 21-го Сибирского стрелкового полка» Сергеем Барамзиным, который был ранен и контужен за Вислой под Брезинами. Этот худенький бледный ребенок вел себя очень скромно и застенчиво, а между тем, по словам сестер милосердия, он много помогал солдатам и храбро держался в боях.

После Смоленска Его Величество посетил города Тулу, Орел, Курск, Харьков, Екатеринодар и 26-го ноября прибыл в Тифлис.

Царские слова о содержании пленных.

В Орле произошел следующий эпизод. Государю Императору доложили, что в одном госпитале среди раненых много австрийцев и немцев и что со многими приходится говорить по-немецки, так как они не понимают русского языка. Государь Император при этом разговоре заметил:

— Надеюсь, что не делается никаких различий в содержании раненых и мы не поступаем так, как наши противники.

Потом, немного помолчав, добавил:

— Да будет им за это стыдно!

Государь у раненых.

При проезде всех попутных городов, как мы уже выше говорили, Государь посещал раненых как офицеров, так и нижних чинов. Надо было видеть радость раненых, удостоившихся счастья беседовать с Царем, видеть его ласковую улыбку, слышать милостивые слова. При посещении офицерских лазаретов слышались слова Государя:

— Садитесь, вам будет удобнее.

— Не вставайте, не вставайте.

— Я вам приказываю сидеть.

Раненым солдатам Государь также ласково говорил:

— Садись на кровать, тебе легче будет.

И при этом клал Свою руку на плечо раненому. Слезы радости и счастья блестели на глазах раненых при посещении Царем их лазаретов.

В Харькове при посещении лазарета Государь сказал раненому, уряднику 2-го Сунженско-Владикавказского полка Московцу:

— Вчера я видел двух твоих однополчан... А не правда ли, ваш начальник дивизии всегда впереди, — замечает Государь, вспоминая генерала графа Келлера, который ныне уже ранен.

— Так точно, — улыбаясь, отвечает солдат, — они уж не отстанут.

На Кавказе.

Разноплеменное население Кавказа, узнав о приезде Великого Государя, сейчас же стали посылать своих выборных для выражения Ему своих чувств преданности и верности России.

Сразу рушилось то, о чем мечтали турки. Они думали, что мусульманское население Кавказа сразу встанет на сторону врагов России и облегчит им борьбу с русским солдатом. Турки мечтали о волнениях и мятежах в горных областях. Но это-то население и проявило тот необыкновенный подъем духа, в эпоху Великой войны, который привел к формированию целых шести полков исключительно из кавказских туземцев.

В конце подробно описывается восторженная встреча Царя кавказским населением в Дербенте, Тифлисе, Карсе, Сарыкамыше, Меджингерте и Владикавказе.

[В Своем дневнике Государь так описывает эти встречи:

«26-го ноября [1914 г.]. Среда. Встал чудным солнечным утром. Оба хребта гор видны были отчетливо справа и слева. Утром вошел в поезд ген.

Мышлаевский [помощник по военной части наместника на Кавказе], кот. я принял. В 11 час. прибыл в Тифлис. Граф Вор[онцов] был нездоров, и потому графиня встретила на станции с придворными дамами. Почетный караул от Тифлисского воен. уч. и начальство. Поехал с Бенкенд[орфом] в моторе; в одной черкеске было тепло. Народа на улицах была масса. Конвой Наместника сопровождал впереди и сзади. Посетил древний Сионский собор, Ванский армянский собор и Суннитскую и Шиитскую мечети. Там пришлось подыматься и спускаться по крутым извилистым улицам старого живописного Тифлиса. Порядок большой. Приехал во дворец после часа... Днем посетил три лазарета с ранеными: армянского благотворительного общ[ества], купеческого общ. и судебного ведомства...

27-го ноября. Четверг. Праздник Нижегородского полка провел в Тифлисе, а полк проводит его в Польше! В 10 час. начался большой прием военных, гражданских чинов, дворянства, городской думы, купечества и депутации крестьян Тифлисской губ. ... Принял двух раненых офиц[еров] — Нижегородцев и подп[оручика] кн. Туманова 4-го стр. И[мператорской] Ф[амилии] полка. После завтрака посетил больницу Арамянца — 180 раненых

и лазарет в зданиях не открытой губ. тюрьмы — свыше 600 раненых. Вернулся после 6 час. и пил чай и сидел с Воронцовыми. После обеда воспитанники гимназий прошли с фонарями и пропели гимн перед окнами дворца. Вечером читал бумаги...

1-го декабря. Понедельник. Самый знаменательный для меня день из всей поездки по Кавказу. В 9 час. прибыл в Сарыкамыш. Радость большая увидеть мою роту Кабардинского полка в поч[етном] кар[ауле]. Сел в мотор и поехал в церковь, а затем через два перевала на границу в с. Меджингерт. Тут были построены наиболее отличившиеся ниж[ние] чины всей армии в числе 1200 чел. Обходил их, разговаривал и раздавал им Георгиевские кресты и медали. Самое сильное впечатление своим боевым видом произвели пластуны! Совсем старые рисунки кавказской войны Хоршелъта. Вернулся в Сарыкамыш в 4 ч. и посетил три лазарета. Простился с ген. Мышлаевским, нач. штаба ген. Юденичем, другими лицами и с моей чудной Кабардинской ротой, в которой роздал 10 Георг. крестов...]

Какой бы город ни посещал Государь, он непременно посещал соборы, монастыри. «В Новочеркасск приехал к 10 час. Прямо в новый громадный собор...» «В 10 час. приехал в Воронеж, принял представляющихся и депутации и в 10 1/2 встретил дорогу Аликс с Ольгой и Татьяной... Поехали в собор, отстояли архиерейскую обедню, поклонились мощам свят. Митрофана и осмотрели небольшой лазарет тут же в монастыре...» «В 10 час. [7 декабря] прибыли в Тамбов. После встречи поехали в собор... Владыко Кирилл отлично и скоро отслужил литургию. Приложились к мощам св. Питирима и пошли к его колодцу. Заехали в военный лазарет и в поезд к завтраку. После завтрака посетили еще три лазарета...» О поездке Государя по Кавказу далее сообщалось:

Герой.

При посещении Сарыкамыша, обойдя выстроившийся караул роты Кабардинского Его Величества полка, Государь остановился перед знаменщиком, который был украшен тремя Георгиевскими крестами. Командир полка, полковник Барковский, доложил Его Величеству, что этот знаменщик, подпрапорщик Яковенко, был дважды контужен в бою, за выбытием офицеров командовал ротой и, несмотря на тяжелую контузию, оставался в строю почти всю ночь и пошел в лазарет только после настойчивого приказания командира батальона.

Государь лично навесил на грудь Яковенко Георгия 1-ой степени.

После того Государь спросил командира полка:

— Я думаю, что прибыли сюда не на несколько дней?

— Так точно, Ваше Императорское Величество, мы считаем Сарыкамыш как бы столицей...

Государь улыбнулся и направился далее.

Русские честно поступают.

В селении Меджингерт, находившемся на пути к передовым позициям, произошел случай, высоко характеризующий русского солдата.

Государь Император раздавал войскам боевые награды. Подойдя к правофланговому, Его Величество передал ему Георгиевский крест. — Покорнейше благодарю, Ваше Императорское Величество, — сказал тот. Когда же Государь начал передавать крест второму солдату, тот отчетливо произнес:

— Я, Ваше Императорское Величество, не участвовал в бою.

Государь быстро взглянул на рядового, немного помолчал и затем громко сказал:

— Молодец, наверно, скоро заслужишь. Хорошо, что по совести заявил Мне. И велел солдату оставить крест у себя. На всех этот случай произвел глубокое впечатление. Русский человек не мог обмануть Царя.

После этого Государь приказал солдатам говорить, участвовали ли они в боях.

... Русский народ везде один и тот же в своих чувствах к Монарху. В Москве какая-то старушка с костылем в руке, трясая подбородком, просила пропустить вперед:

— Пропустите, родимые, меня наперед; хочу перед смертью повидать Свет-Царя-Батюшку.

На земле донских казаков.

Возвращаясь с Кавказа, Государь посетил землю донских казаков.

Население края с восторгом встречало Царя.

— Теперь и помирать можно, Царя видели, — говорили, крестясь и плача, старики.

— Я счастлив, что в это грозное, знаменательное для России время я мог посетить старый Дон, — сказал Государь в ответ на речь генерала Покотило в Новочеркасске.

В дальнейшем пути Государь посетил Воронеж, Тамбов, Рязань и Москву.

Опять у раненых.

В Москве, в одном из лазаретов, Государь наградил медалью раненого солдата Шарахутдинова.

— Ваше Императорское Величество, — просит солдат. — Разрешите мне Вашу ручку поцеловать.

— Это не полагается, — отвечал Государь. Однако руку протянул.

Шарахутдинов покрывает руку Государя поцелуями. Когда Государь отошел, к солдату приблизились Великие Княжны Мария и Анастасия Николаевны.

Шарахутдинов обратился к ним с вопросом:

— А как будет имя Ваших Высочеств? Я так сразу признать не могу.

Великие Княжны ответили и расспросили солдата о том, где он ранен. Во время беседы подошла Государыня Императрица и, нагнувшись, передала солдату образок.

— Ты знаешь, кто с тобой говорит? — спросила Императрица.

— Не могу знать. А Вы кто будете?

— Я — Ее Мать, — отвечала Государыня, указывая на Великую Княжну Марию Николаевну.

— А, так Вы будете Государыня Императрица. Здравия желаю, Ваше Императорское Величество! Дозвольте мне Вашу ручку поцеловать. Государыня жалует Шарахутдинову Свою руку.

Ласково улыбаясь, Государыня отошла от солдата. Дворцовый комендант генерал Воейков, заметив, что Шарахутдинов держит образок в руках и целует его, произносит:

— Ты надень этот образок на шею.

— Никак нет. Я татарин. Мне Магомет запрещает носить образа. Я всю жизнь буду беречь образок, который дала мне Императрица, но по нашей вере надевать и носить его не могу.

Спустя немного времени, проходя мимо Шарахутдинова, Государь сказал ему:

— Прощай, желаю тебе скоро поправиться.

В лазарете Императорского Величества Великой Княгини Ольги Александровны в Новочеркасске Государь подходит к раненому кубанскому казаку Демьяну Сергееву, передает ему медаль и ласково говорит:

— Я недавно был на твоей родине, Кубани.

Казак радостно взглянул на Его Величество и, улыбаясь, сказал:

— Ну, что там, Ваше Императорское Величество?

— Ничего, — улынулся Государь. — Казаков там еще много. Очень хорошо Меня принимали.

— Ну, а то как же, Ваше Величество!

Улыбнувшись простым речам казака, Государь отошел. Государь второй раз посетил Ставку Верховного Главнокомандующего, посетил гвардейские части и 19 декабря вернулся в Царское Село».

И Императрица, и Царские Дети делали все, что могли, чтобы помочь сражающимся за Русь Святую русским (точнее, российским, так как, кроме русских, воевали за нее и татары, и кавказцы, и прибалтийские немцы) воинам.

Об этом свидетельствуют записи в дневнике княжны Гедройц, старшего врача одного из Царскосельских лазаретов.

Хирург княжна В. И. Гедройц, о которой часто (и не всегда благожелательно) упоминается в мемуарах А. А. Вырубовой, записала в своем дневнике 20 августа 1914 года:

«...Коллегия постановила для нужд военного времени занять хирургическое отделение госпиталя. ...Открыть его предполагалось в сентябре, и за такое короткое время если и удалось выполнить это задание, то только благодаря тому состоянию внутреннего подъема, который охватил, казалось, все слои населения. И в самом деле, какие-то незнакомые купцы с жирными животами приходили и привозили мед для раненых, жертвовали муку, папиросы, конфеты, белье; раненых еще не было, но пожертвования сыпались точно из рога изобилия.

Более 30 дачевладельцев предложили свои особняки и полное

оборудование для лазарета. Другие жертвовали деньгами, и в короткое время, при энергии Евгения Сергеевича Боткина, Сергея Николаевича Вильчковского и моей скромной помощи 30 лазаретов в Царском Селе были готовы к принятию раненых, а чтобы не томить их пересылкой через Петербург, был устроен Царскосельский эвакуационный пункт. ...С первых же дней началась подготовка санитарных поездов имени Императрицы и Великих Княжон, которые должны были привозить раненых прямым маршрутом в Царское с позиций. Поезда эти были обставлены просто, но снабжены всем необходимым; благодаря быстрой и целесообразной доставке раненых для операций спасли жизнь не одному из этих страдальцев. Все придворные автомобили и экипажи были отданы для перевозки раненых. ...Цветы из оранжерей, сладкое придворных кондитеров — все это направлялось в лазареты для раненых. Казалось, чугунная решетка Александровского дворца раскрылась, и дыхание народной жизни обожгло душу ее обитателей. И ежедневно черное ландо с тремя сестрами милосердия скользило по заросшим зеленью улицам мирного городка, останавливаясь то перед одним, то перед другим лазаретом».

О своей работе в лазарете Государыня регулярно сообщала Императору, то и дело выезжавшему в Ставку.

«Какие ужасные раны! — писала она Государю 21 октября 1914 года. — В первый раз побрила солдату ногу возле и кругом раны...» В тот же день, в другом письме она сообщает: «3 большие операции — одному раненому пришлось отрезать 3 пальца, так как начиналось заражение крови... Меня преследуют ужасные запахи от этих зараженных ран». «Княжна [Гедройц] осмотрела бедного мальчика и одного офицера 2-го стрелкового п., ноги которого уже стали темного цвета; опасаются, что придется прибегнуть к ампутации. Я вчера присутствовала при перевязке этого мальчика — ужасный вид, он прижался ко мне и держался спокойно, бедное дитя». 20 ноября она написала: «Сегодня утром мы присутствовали (я, по обыкновению, помогаю подавать инструменты, Ольга продевала нитки в иголки) при нашей первой большой ампутации (рука была отнята у самого плеча)».

Императрица не щадила себя, обрабатывая даже жуткие раны в пах. «Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами..., они едва ли останутся мужчинами в будущем, так все пронизано пулями, быть может, придется все отрезать, так все почернело, но я надеюсь спасти, — страшно смотреть, — я все промыла, почистила, помазала иодином, покрыла вазелином, подвязала, — все это вышло вполне удачно... Я сделала три подобных перевязки, — у одного была вставлена туда трубочка. Сердце кровью за них обливается, — не стану описывать других подробностей, так это грустно, но, будучи женой и матерью, я особенно сочувствую им. Молодую сестру (девушку) я выслала из комнаты...»

Со смертью Царица встречалась ежедневно. «Один солдат умер во время операции... гемораргия, — отметила она 25 ноября 1914 года. — Все держались стойко, никто не растерялся. Девочки (Ольга и Татьяна) тоже выказали мужество, хотя они, а также Аня Вырубова, никогда не видели смерти вблизи. Он умер в одну минуту... Как близка всегда смерть». В ноябре Государыня подружилась с одним юным офицером и часто рассказывала о нем в своих письмах мужу: «Мальчик просил меня приехать пораньше... Нахожу, что ему становится все хуже... по вечерам он в полубредовом состоянии — до того слаб. Он постепенно угаснет — надеюсь, только не в наше отсутствие».

Три месяца спустя юноша скончался, о чем Императрица написала супругу: «... Бог мирно и тихо взял его к Себе. Я, как всегда, побывала с ним утром, а также посидела около часу у него и днем. Он очень много говорил — все о своей службе на Кавказе — такой интересный и светлый, с большими лучистыми глазами... Ольга и я отправились взглянуть на него. Он там лежит так спокойно, весь покрытый моими цветами, которые я ему ежедневно приносила, с его милой тихой улыбкой, — лоб у него еще совсем теплый... Я вернулась в слезах домой. Старшая сестра также не может этого постигнуть. Он был совершенно спокоен, весел, говорил, что ему чуть-чуть не по себе, а когда сестра, вышедшая из комнаты, 10 минут спустя вернулась, то нашла его с остановившимся взглядом, совершенно посиневшего. Он два раза глубоко вздохнул, и все было кончено, — в полном спокойствии до самого конца. Он никогда не жаловался, никогда ни о чем не просил, сама кротость, как она говорит, — все его любили за его лучезарную улыбку. — Ты, любимый мой, можешь понять, каково ежедневно бывать там, постоянно стараться доставлять ему удовольствие, и вдруг все кончено... Прости, что так много пишу тебе о нем, но мое хождение туда и все это мне было таким утешением в твое отсутствие. Я чувствовала, что Бог дает мне возможность внести небольшой просвет в его одинокую жизнь. Такова жизнь! Еще одна благородная душа ушла из этой жизни, чтобы присоединиться к сияющим звездам там, наверху... Пусть не печалит тебя то, что я написала, — я как-то не могла больше выдержать».

И.И.Тхоржевский. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб. Алетейя. 1999. С.179.

Hanbury - Williams, Major General Sir John. The Emperor Nicholas As I Knew Him. London: Arthur L. Humphreys, 1922.

Э.Н.Гиацинтов. Цитир. пр. С. 94.

О.А.Платонов. Цитир. пр. С. 76-79.

Темы: (нет)[\[Редактировать\]](#)

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер - история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Кузнецов В. Русская Голгофа

[ОГЛАВЛЕНИЕ](#)

Глава восьмая

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

В своих мемуарах главный хирург Царскосельского лазарета княжна Гедройц часто упоминала «трех сестер милосердия». Под этими словами княжна подразумевала Государыню Императрицу и старших Царевен — Ольгу Николаевну и Татьяну Николаевну. Княжна писала:

«Мне часто приходилось ездить вместе и при всех осмотрах отмечать серьезное, вдумчивое отношение всех трех к делу милосердия. Оно было именно глубокое, они не играли в сестер, как это мне приходилось потом неоднократно видеть у многих светских дам, а именно были ими в лучшем значении этого слова».

Следует отметить, что внимательное отношение к раненым, существовавшее при Императоре, изменилось, как только к власти пришло «благоверное» Временное правительство.

Татьяна Мельник-Боткина, дочь умученного со всей Царской Семейей лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина, свидетельствовала:

«В начале революции много было говорено о том, как дорого стоил Императорский Двор. ...Но потом появился новый двор — двор Керенского, который тратил деньги раза в четыре больше прежнего двора... В великолепных экипажах, с коронами и английской упряжью, разъезжали грязные и затрепанные члены Совета солдатских и рабочих депутатов, а

Web www.gumer.info

- [Защита Вашего имущества.](#)

Страхование домов, квартир и дач. Понятные условия! Быстрое оформление
www.oranta-sk.ru

- [Юридическая консультация](#)

Квалифицированная, оперативная и эффективная правовая помощь.
www.vfla.ru

- [Страховой магазин "Неон-Авто".](#)

Полисы ОСАГО, **КАСКО** в **Москве**. Комплексное **страхование** юр. и физ. лиц.
www.neon-auto.com

- [Юридическое сопровождение!](#)

Сделки с любой недвижимостью. Работа с

физиономии Керенского и Штейнгеля [комиссара Екатерининского дворца] препротивно выглядывали из-за зеркальных окон автомобиля, за которыми привыкли мы видеть такие красивые и дорогие нам лица. Все Императорские оранжереи опустошались для стола Керенского, который, конечно, не только не думал, по примеру прежнего Двора, уделять что-нибудь в лазареты и раненым, но даже лишал их и сиротские приюты возможности получать молоко и сливки, т. к. продукты Императорской фермы также все поглощались им и каким-то веселым обществом, собиравшимся у Штейнгеля в Екатерининском дворце и у Керенского в Зимнем».

Со временем на смену «грязным и затрепанным членам» совдепов пришли холеные, сытые советские партийные и государственные деятели. Они не забывали о себе! Так, в декабре 1941 года, когда жители Питера, переименованного в Ленинград, умирали от голода тысячами и тысячами, Л. А. Жданов, местный вождь, получал для себя и своего «двора» все, что душе угодно. Ананасы, земляника (в зимнее-то время!) и всяческие деликатесы доставлялись ему самолетом.

Ученые подсчитали, что в Ленинграде за время блокады умерло не около миллиона душ, как до этого утверждалось, а раза в три больше (ведь, кроме жителей города, в нем скопились десятки, если не сотни тысяч жителей западных районов Ленинградской области и других областей, бежавших от нашествия).

А между тем после трех лет войны и семи месяцев разврата «керенщины» перед октябрьским переворотом 1917 года уровень жизни в Петрограде, судя по выкладкам, приведенным в книге американского социалиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», был примерно такой же, как в лучшие годы «застоя». Стоило, называется, огород городить... Ведь голод в России начался спустя считанные месяцы после прихода к власти «пролетариев всех стран».

Чувствуя ответственность за судьбы подданных, «Государыня, забыв свои недомогания, организовала... около 85 лазаретов в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Луге, Саблине и других местах, — свидетельствовала А. А. Вырубова. — Обслуживали эти лазареты около 20 санитарных поездов». Пройдя курсы сестер милосердия военного времени вместе с двумя старшими Царевнами, Государыня и Дети работали в лазаретах. Когда предстояла тяжелая операция, раненые умоляли Государыню побыть рядом: «с Царицей не так страшно». Умиравшие просили посидеть рядом. И, несмотря на усталость, Императрица целыми часами успокаивала их, чтобы облегчить беднякам последние минуты жизни. Жизни, которую они отдавали «за Веру, Царя и Отечество».

«Помяни, Господи, братьев наших плененных и избави я от всякого обстояния». Искренне верующая Императрица неизменно повторяла эти слова. «Петроградская газета» от 3 сентября 1915 г. сообщала: «Ее Императорское Величество Государыня Императрица Александра

жилищными сертификатами. ППА.

www.stroy-riely.ru

[Хочешь каско? Нужны деньги?](#)

Быстрый кредит до 25000 руб. Нужен только паспорт! Онлайн заявка.

domadengi.ru

[Автострахование ОСАГО, КАСКО!](#)

Оформление полисов ОСАГО, **КАСКО**. On-line заявка на **страхование**. Скидки

www.lumaxfinance.ru

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

Феодоровна, принимая близко к сердцу нужды наших воинов, сраженных на поле брани и взятых в плен, по большей части больных и раненых, и зная их острую нужду во всем самом необходимом, повелеть соизволила образовать под Своим Покровительством особый Комитет помощи русским военнопленным, томящимся в жестокой неволе во вражеских странах, и возложить на него непрременную заботу о привлечении пожертвований для снабжения наших военнопленных предметами первой необходимости и тем облегчить тяжелую их долю.

Соединитесь же, русские люди, на сей призыв Всемиловнейшей Царицы нашей и да не оскудеет помощь ваша русским пленным воинам в полной уверенности, что пожертвования Ваши будут доставлены по назначению, благодаря установленным обществом Красного Креста мероприятиям. Пожертвования деньгами, бельем, одеждой, обувью, чаем, сахаром, табаком, мылом, книгами и прочим принимаются в помещении Комитета по адресу: Невский, 57, ежедневно от 10 часов утра до 4 часов вечера». Упомянутая нами княжна В. И. Гедройц под псевдонимом «Сергей Гедройц» писала стихи. Одно из стихотворений, написанное через несколько лет после гибели Царской Семьи, посвящено «трем сестрам»:

Госпиталь

*Квадрат холодный и печальный
Среди раскинутых аллей,
Куда восток и север дальний
Слал с поля битв куски людей.
Где крики, стоны и проклятья
Наркоз спокойный прекращал,
И непонятные заклатья
Сестер улыбкой освещал.*

*Мельканье фонарей неясных,
Борьба любви и духов тьмы,
Где трех сестер, сестер прекрасных
Всегда привыкли видеть мы.
Молчат таинственные своды,
Внутри, как прежде, стон и кровь,
Но выжгли огненные годы —
Любовь.*

29.XII. 1925. Ц<арское> С<ело>.

Написано оно было в советское время, когда все боялись даже произносить вслух имена Царственных Мучеников, и оттого дорогого стоит.

Как это произойдет и во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

во время Великой войны, которую тогда называли Второй Отечественной, на войну убежали мальчишки. Об одном из них в номере от 8 мая 1915 года сообщала «Петроградская газета»:

«Тринадцатилетний герой с четырьмя Георгиями.

Через станцию В. проследовал санитарный поезд, в котором находился Василий Правдюк, 13 лет, награжденный Георгиями всех четырех степеней. Правдюк родом из Житомира. В начале войны бежал от родителей, но по просьбе родителей был возвращен домой. С разрешения военного начальства 12 августа (1914 г.) он отправился с полком на театр военных действий. Вначале он был в обозе, но затем был назначен разведчиком. Георгия 4-ой степени получил за то, что, убив неприятельского часового, узнал расположение неприятельского лагеря. 3-ей — взял в плен германского пехотинца. 2-ой — за предупреждение о приближении неприятельского эскадрона. 1-ой — за то, что из огня вынес командира полка. Недавно он был ранен в плечо, левую ногу и отправлен в Петроград».

За тем, что происходит в столице России, внимательно следили союзники.

Так, во французской газете «Матэн» помещена телеграмма бывшего французского министра иностранных дел г-на Жана Крюппи:

«Петроград. 12/25 августа [1915 г.]. Его Величество Государь Император соизволил принять меня в Александровском дворце в Царском Селе.

Кабинет Его Величества Государя Императора производит впечатление кабинета большого работника, каждый день многие часы отдающего этой всепоглощающей работе Властелина, много читающего и собственноручно отмечающего все депеши и доклады.

Его Величество Государь Император совсем не переменялся с тех пор, как Париж Его восторженно приветствовал [в 1896 году].

После XXI-летнего царствования у Государя в скромном офицерском мундире чрезвычайно моложавый вид. Простота Государя Императора необыкновенная, Его манера обращения мягкая и чарующая.

Но голос Государя Императора приобрел большую силу и твердость, когда Он заявил о Своей и всей России решимости продолжать войну до конца, до победоносного исхода, необходимости в интересах освобождения Европы и обеспечения торжества права.

— Крестьяне обращаются ко мне на «Ты»,— сказал Государь.— Каждый день Я получаю от них многочисленные адреса. «Иди вперед и будь тверд,— пишут они.— Мы все за Тобой»...

В то время, как Государь говорил о Франции, открылась дверь, и в комнату вошел прекрасный ребенок. Государь улыбался и представил меня Его Высочеству Наследнику Цесаревичу, который остался подле Отца. За этой картиной я угадывал простую и нежную семейную жизнь, которую ведут в Царском Селе.

Перед окончанием аудиенции Государь в самой дружелюбной форме вспоминает приезд в Петроград президента Раймона Пуанкарэ.

«Это был трагический момент, когда германцы в своей непомерной гордыне

готовились вызвать войну. В Моей памяти неизгладимо запечатлелись твердые мужественные слова, которые говорил Мне президент республики 12 июля, перед своим отъездом из России, — сказал Государь. — Франция, — добавил Государь, — может рассчитывать на Мою непоколебимую решимость продолжать войну до окончательной победы».

После неудач в начале войны Ставка, руководимая Великим князем Николаем Николаевичем, оправдывалась, во-первых, недостатком снарядов, во-вторых, шпионажем. Козлом отпущения явился военный министр Сухомлинов. По требованию Великого князя Сухомлинова сменили и отдали под суд. Чтобы сделать версию о германском шпионаже более убедительной, был обвинен в нем, а затем повешен жандармский полковник Мясоедов, хотя убедительных доказательств, кроме утечки информации, возможно, осуществленной преднамеренно германским штабом, не существовало. (Похожее произошло и в 1941 году в Советском Союзе, когда руководство страны, чтобы снять с себя ответственность за собственные политические и стратегические промахи, расправлялось с боевыми генералами направо и налево. Большую «помощь» в этом недобром деле оказал руководству Мехлис.)

Да и общественность в период начала первой мировой войны охотно набрасывалась на мнимых виновников неудач. Кое-кто главным виновником военных неудач считал Николая Николаевича. В вину ему ставили, с одной стороны, нерешительность, а с другой, такую строгость с начальствующими лицами, что у тех пропадала всякая инициатива. Были случаи самоубийств из-за обидных и грубых нареканий со стороны Великого Князя.

Знавший Великого Князя Николая Николаевича Гавриил Константинович, сын поэта «К. Р.», писал о нем: «[Николай Николаевич] совсем не был сильным, волевым человеком, только внешне казался таковым».

Смерть Мясоедова целиком на совести Великого Князя Николая Николаевича. Никаких доказательств предательства Мясоедова не было. С началом войны Мясоедов оказался в знакомых местах в Восточной Пруссии, где занимался войсковой разведкой. Приятель Гучкова, Ренненкампф, приставил к полковнику агентов. (До этого Мясоедов поссорился с Гучковым и даже вызвал его на дуэль.) В феврале 1915 года случилось несчастье — гибель в Августовских лесах XX корпуса. Стали искать виновных. В это время из немецкого плена вернулся некий поручик Колаковский. Он нес какую-то несурязицу, но в его показаниях было упомянуто имя Мясоедова (возможно, по чьей-то подсказке). Об этом доложили Великому Князю. Тот отдал распоряжение судить Мясоедова. Было арестовано 19 человек. Было начато дело о «шпионаже», который ничем не был подтвержден. Еще до суда В. К. Николай Николаевич отдал распоряжение о казни.

Голословно Мясоедову инкриминировалась передача «самых секретных сведений» германским агентам. Не было названо ни одного имени, не предъявлено ни одного доказательства. Подсудимый не признал себя виновным в шпионаже, однако был вынесен приговор «повесить». Приговор

должен был быть приведен в исполнение через два часа. Полковник Мясоедов сохранил присутствие духа, написал телеграмму жене и дочери: «Клянусь, что невиновен, умоляй Сухомлиновых спасти, просите Государя помиловать». Зайдя в туалет, он сломал пенсне и осколком стекла нанес глубокий порез в область сонной артерии, надеясь выиграть время. Но палачи, пренебрегая элементарными законами судопроизводства и гуманности, не стали возиться с раненым. Истекающего кровью полковника потащили к виселице и привели приговор в исполнение. И только тогда приговор послали на утверждение.

Драматическую эту историю не преминул обсосать В. Пикуль. Со вкусом, со злорадством он рассказал о расправе над невинным в своей «Нечистой силе». Мнимое предательство объяснялось просто.

Австрийский разведчик М. Ронге после войны признавался: «Нашу осведомленность русские приписывали предательству высших офицеров... Они не догадывались, что мы читали их шифры».

Протопресвитер о. Г. Шавельский всячески превозносил Великого Князя, в котором если и было великое, то его рост. Думается, «Николаше», как масону, была создана огромная реклама. Несмотря на все катастрофические неудачи на фронте, перед мнимым героем, Николаем Николаевичем, преклонялись. За что, спрашивается. «Недаром, — заявляет отец Георгий, — летом 1915 года, в самый разгар неудач на фронте, его <Н. Н.> слава испугала и царя, и царицу».

Конечно же, «святой отец» грешит против истины. Нужно было обладать недюжинным мужеством, чтобы во время отступления русской армии взять в свои руки Верховное командование. Именно такое мужество, а не зависть к «славе» Великого князя, Государь Император и проявил. Он мог оказаться чересчур деликатным, чтобы «посластить пилюлю» какому-нибудь министру, прежде чем его отправить в отставку. Когда же речь шла о подлинной храбрости и стойкости, то Государь неизменно оказывался на высоте положения.

Не таков был Николай Николаевич-младший. Он был наделен мстительным характером, жесток с подчиненными. Восхвалявший за какие-то достоинства Великого Князя, о. Шавельский признавал, что псарня в поместье «Николаши» поглощала до 60 тысяч в год, но на просветительские и иные неотложные народные нужды Николай Николаевич *не тратил ни копейки*. Все считали Великого Князя решительным. Но «его решительность пропадала там, где ему начинала угрожать серьезная опасность. Он до крайности оберегал свой покой и здоровье... Ни разу не выехал на фронт дальше ставок Главнокомандующих (фронтами)... При больших несчастьях он или впадал в панику или бросался плыть по течению».

О. Шавельский неоднократно заявлял о «верноподданстве» Великого Князя. Но разве может быть верноподданным лицо, которое осмеливается так говорить о собственной Государыне: «В ней все зло. Посадить бы ее в монастырь, и все пошло бы по-иному, и Государь стал бы иным. А так

приведет она всех к гибели».

У Императрицы было гораздо больше причин быть недовольной «Николашей». В письме из Царского Села от 29 января 1915 г. Государыня делилась с супругом своими мнениями и мыслями:

«...Я так рада, что ты так обстоятельно побеседовал с Н<иколашей> — Фредерикс прямо в отчаянии (и справедливо) от многих его неразумных приказов, только ухудшающих дело, и по поводу еще многого, о чем сейчас лучше не говорить, — он находится под влиянием других и старается взять на себя твою роль, что он не в праве делать — за исключением разве вопросов, касающихся войны. Этому следовало бы положить конец. Никто не имеет права перед Богом и людьми узурпировать твои права, как он это делает... Меня это ужасно оскорбляет. Никто не имеет права так злоупотреблять своими необычайными полномочиями».

Но Государь был из тех людей, который всюду вносит мир и добро своим появлением. «Я сделал визит Николаше, — пишет он из Барановичей. — ... Все замечают, что с ним произошла большая перемена с начала войны». К чему вносить раздор в Императорскую фамилию, одним из старейших членов которой является Великий Князь.

Тем более, что в тылу звучат голоса противников войны. В их числе и некогда благодетельствованный Царем бывший премьер граф С. Ю. Витте, оказавшийся не у дел. Тыловики жаловались, а на фронте продолжали сражаться. 22 января 1915 года Император выехал из Царского Села в Ставку. Генерал Дубенский рассказывает в своей хронике:

«В Ставке стояла белая зима с морозами, с ясным скрипучим снегом. Все занесено сугробами, и зимой Ставка казалась еще уединеннее. По-прежнему полное спокойствие и деловое настроение. Все упорно, напряженно работали.

Первый день пребывания в Ставке Его Величество посвятил выслушиванию докладов и разбору донесений о военных событиях.

В тот же день был принят Государем Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютант Иванов. Генерал-адъютант Иванов имел очень бодрый вид, и седеющая длинная борода, спокойная походка, простая речь так шли к этому чисто русскому человеку.

Вечером у Государя Императора состоялось заседание, на котором присутствовали Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич, генералы Янушкевич и Данилов.

24 января в субботу Его Величество присутствовали за всеобщей в походной церкви. Полумрак, мерцание лампад — все это так благоприятствовало молитвенному настроению, и под тихие гармоничные напевы церковных молитвословий ясно и светло становилось на душе.

После богослужения Государь обходил казачий полк и раздавал отличившимся в боях награды.

— За что ты получаешь второй Георгиевский крест? — спрашивает Государь у урядника 5-й сотни Семена Вуколова Маслова, у которого на груди уже был

один серебряный крест.

— За атаку на эскадрон тринадцатого уланского прусского полка, — отвечает Маслов.

— Как это было?

И Маслов простым языком рассказывает Его Величеству о славном деле казаков...

Вечером 25 января Царский поезд отбыл в Ровно.

В Ровно

Здесь, в лазарете Евгеньевской общины с начала войны самоотверженно работает по уходу за ранеными Августейшая Сестра Государя Великая Княгиня Ольга Александровна в качестве рядовой сестры милосердия. В простом костюме сестры милосердия — сером платье и белом переднике с красным крестом Великая Княгиня как бы не чувствует усталости и утомления за долгие месяцы лазаретной работы. Веселый, бодрый вид, приветливая улыбка, добрые ласковые глаза не оставляют этой чудной русской женщины, особенно когда Она разговаривает со Своими ранеными. Его Величество в сопровождении Своей Августейшей Сестры обходит лазарет. Несмотря на тяжелые формы ранения, очень многие раненые заявляют Государю желание вновь по выздоровлению идти на войну в свою часть.

— Я так и приказал, чтобы всех вылечившихся отправить в свои части, — успокаивает их Государь.

Большое впечатление производит тяжело раненый Сезин. Он был совсем бледный, почти прозрачный, маленький. Нога у него ампутирована.

— Ты у меня как воробушек, — сказала ему Великая Княгиня.

Слабым, но бодрым голосом он сообщал подробности своей службы.

— Мы своей охотой за реку Сан ходили, выбили «его». Узнали, где батарея стоит. Вернулись благополучно, а дней через пять в простой перестрелке мне ногу поранило... Антонов огонь приключился, теперь отрезали — так, значит, надо было, без этого нельзя. Воевать надо: на то мы и солдаты. Теперь хорошо — Государя вижу.

Государь обошел всех раненых и многих наградил медалями за храбрость.

В Киеве и Полтаве

Восторженно встречали Царя киевляне. Кроме местных жителей, сюда собрались массы окрестных крестьян. На одной стороне улицы стоял народ, а на другой были расположены войска.

После приема депутатов Государь отбыл в Софийский собор, затем посетил Покровский монастырь, молился на могиле основоположницы монастыря Великой Княгини Александры Петровны, посетил лазареты, обласкал и награждал раненых.

Затем Его Величество посетил Киевское военное училище, Киево-Печерскую лавру. Из Киева Государь проследовал в Полтаву.

При посещении крестьянского лазарета, милостиво беседуя с одним раненым, Государь, видя, что лучи солнца падают на больного, участливо

спросил:

— А что, тебе не мешает солнце? Не больно глазам?..

Обходя шеренгу офицеров, Государь часто указывал, что не следует торопиться уезжать в свои части, раз больной не совсем оправился:

— Не делайте этого, — говорил Государь. — Вы повредите себе и не поможете своей части.

В Севастополе и Екатеринославе

Из Полтавы Его Величество изволил проследовать в Севастополь, желая видеть боевую работу нашего флота.

Здесь Государь Император произвел смотр Черноморского флота, посетил батареи крепости.

Из Севастополя Государь отбыл в Екатеринослав; здесь в течение двух часов Он находился среди рабочих, счастливых тем, что им довелось работать на глазах Великого русского Царя. Из Екатеринослава Государь возвратился в Царское Село.

В Гельсингфорсе

28 января Государь Император отбыл в Гельсингфорс, где произвел смотр эскадре судов Балтийского флота.

Осмотрев госпитальное судно «Ариадна», Государь Император вспомнил, что встретившего Его крестом и окропившего святой водой священника о. Круглова Он видел на «Палладе» (недавно погибшей).

Глубоко тронутый вниманием Государя, отец Круглов имел высокую честь ответить, что это было 4 июля 1913 года в Ревеле.

Снова в Ставке

28 февраля Государь Император снова отбыл в Ставку.

Дни перед этим отъездом были несколько тревожны: у Гродно, Осовца и Прасныша шли упорные бои с германцами. Светский Петроград тихо грустил о потерях в гвардии, которая дралась с необычайным героизмом и доблестью. Настроение общества было, однако, спокойное, уверенное...

В Ставке Государь изволил принять французского боевого генерала По. В Ставке шла обычная трудовая жизнь.

Прогулки Государя были единственным Его отдыхом после напряженных занятий. Его Величество с палкой в руке совершал прогулки по 10—12 верст. С первых чисел марта Государь совершал прогулки без шинели. 11 марта Государь возвратился в Царское Село.

На Галицийском фронте

Проведя дни Святой Пасхи в кругу Своей Августейшей Семьи, Государь Император 4 апреля снова отправился в действующую армию.

После посещения Ставки Его Величество проследовал на Галицийский фронт, посетил города Броды, Львов, Комарно, Самбор, Хиров, Перемышль, Здолбуново.

По пути Государя встречали большие партии австрийских пленных. Его восторженно приветствовали местные галицийские крестьяне. Государь осматривал братские могилы павших русских воинов, посещал лазареты,

милостиво беседовал с ранеными.

В Самборе Государь был встречен командующим армией генералом Брусиловым. Этого героя — стройного, седого, с небольшими усами, за галицийские победы знает теперь вся Россия. Государь обнял генерала Брусилова и трижды расцеловал его. Генерал Брусилов поцеловал руку Государя.

Здороваясь с ротой стрелков, только что вернувшейся из боя, Государь сказал:

— Здорово, мои железные стрелки!

После осмотра корпуса другого героя нынешней войны, генерала Ирманова, автомобиль Государя, врезавшись в песок, остановился. Верховный Главнокомандующий махнул рукой, и сотни солдат бросились на помощь.

— Тише, тише, ребята, под колеса можете попасть, зашибить вас может, осторожнее, — ласково говорил им Государь.

— Ничего, Ваше Императорское Величество, Бог даст, не зашибет, бояться нечего. Очень рады, что видим Тебя, кормильца нашего. Родимый Ты наш! Бог привел помочь Вашему Величеству. Мы бы Тебя, Батюшка, на руках вынесли.

Некоторые солдаты лезли к автомобилю, ловили руку Царя, гладили, целовали ее. У многих текли слезы по лицу.

На Государя случай этот произвел большое впечатление, и через некоторое время, уже в Ставке, Он вспоминал одушевление солдат и показал, как солдаты брали Его руку, как гладили ее.

В Одессе

14 апреля Государь выехал в Одессу. Здесь Его Величество осматривал войска и вызвал перед фронтом гвардейских моряков, участников боев на Висле, Бзуре и других местах, наградил их Георгиевскими крестами. Государь навесил моряку Георгиевский крест. Морской офицер, стоявший рядом, хотел поправить ленточку у креста, и вдруг послышался голос матроса:

— Ваше Высокоблагородие, оставьте, не троньте. Сам Государь Император навесил».

Свидетелем эпизода, когда солдаты на руках вытащили автомобиль, в котором находился Царь, был Великий Князь Николай Николаевич. Эпизод растрогал его. В нем пока жила любовь к своему Государю. Великий Князь, тогда еще Верховный Главнокомандующий, 7 января 1915 года издал приказ № 13:

«Наши противники за последнее время стали прибегать к различного рода прокламациям и обращениям к войскам и населению района военных действий, призывающим к прекращению борьбы и к миру. Австрийцы перешли в этом отношении все пределы наглости, гнусности и высшей преступности. Из австрийской армии нарочно назначенные нижние чины разбрасывают среди наших войск прокламации, в которых обнаглелые

враги дерзают обращаться якобы от Имени Священной Особы Государя Императора и как бы за Его подписью к вам, доблестные сыны Святой Руси.

Всякий верноподданный знает, что в России все беспрекословно повинуются от Верховного Главнокомандующего до каждого солдата единой священной и державной воле Помазанника Божия, нашего горячо обожаемого Государя Императора, который един властен вести и прекратить войну. Наш враг, не рассчитывая более на силу своего оружия и на успех на поле брани, задумал гнуснейший подлог, совершая тем самым преступное дело. Знайте, русские чудо-богатыри, что только полное нравственное разложение и окончательное сознание невозможности дольше бороться в честном бою оружием могли побудить врагов наших на такое неслыханное низкое преступление. Твердо верю, что с Божией помощью наша победоносная армия своими подвигами в предстоящих боях сумеет дать должный ответ недостойному противнику.

Повелеваю всех лиц, захваченных с подобными прокламациями, предавать немедленно полевому суду для суждения со всей строгостью законов военного времени, как государственных преступников».

«Генерал-Адъютант Николай».

* * *

В конце августа 1915 года, после того, как Великий Князь Николай Николаевич, сменивший Государем на посту Верховного Главнокомандующего, покинул Ставку, немцы, сосредоточившие крупные силы северо-западнее Вильно, прорвали фронт русской армии. Казалось, предсказания недругов сбудутся и смена командования окажется роковой. В Ставке пали было духом, но Государь оставался невозмутим и уверен в своих силах. Его спокойствие и уверенность, казалось, передались и остальным. «Ни шагу назад!» — таков был Царский приказ. И он был выполнен. Не в двух шагах от Москвы, как это случилось осенью 1914 года, а гораздо западнее.

Войсками генерала Эверта немецкий прорыв был ликвидирован. А в октябре русские войска одержали победу над австрийцами. Фронт стабилизировался. Отступление, продолжавшееся при Николае Николаевиче с мая по август, окончилось.

Вернувшись на несколько дней в Царское Село, Государь Император решил взять с собой в Ставку Цесаревича. Он был уверен, что появление Наследника перед фронтовыми частями укрепит их дух. Как ни тяжело было Императрице лишиться общества сына, она согласилась с супругом. Смену Верховного Командования фронтовики приветствовали. Это подтверждает в своих воспоминаниях боевой офицер Эраст Николаевич Гиацинтов (он был первым мужем известной русской, а затем советской артистки С. В. Гиацинтовой):

«...Наша дивизия продолжала отступать вместе со всей Русской армией. Конца-края, казалось, этому не было. Не помню — не то в августе, не то в сентябре <23 августа 1915 г.— В. К.> получили приказ о том, что Государь Император принял на себя верховное командование всей русской армией, а Великого князя Николая Николаевича отослали на Кавказ наместником Государя на Турецкий фронт (Кавказский). Нужно подчеркнуть, что Государь принял на себя эту тяжелую обязанность Главнокомандующего всей Русской армией не в момент побед, когда бы он мог украсить свою голову лавровым венком, а как раз в самое тяжелое время, когда не было ни снарядов, ни пополнений хорошо обученных. Кадровая армия к концу, или вернее, к осени 1915 года превратилась совершенно во что-то другое... В пехоте нередко были случаи, когда не только ротами, но и батальонами приходилось командовать прапорщикам, которые не имели достаточной военной подготовки и выпускались в офицеры после 4-месячного курса. Это, конечно, не способствовало боевому духу. И вот в такое время Государь взвалил на свои плечи эту непосильную ношу. И... произошло в полном смысле этого слова чудо! Мы вдруг остановились и встали уже на зимние позиции. Стали поступать снаряды, винтовочные, пулеметные патроны в достаточном количестве, и наш фронт ожил... К нам стало поступать в большом количестве военное снаряжение и пополнение людьми. Возвращались офицеры после излечения от ран. И фронт, вернее, армия приобрела свою боеспособность. Совершенно непонятно, почему петербургские круги, Дума и все прочие либеральные элементы так восстали против принятия на себя Государем главного командования армией. Для нас, фронтовиков, это было совершенно непонятно. Мы это приняли как должное: Государь должен командовать нами, а не какой-нибудь Великий Князь, хотя бы он и принял на себя пост Верховного Главнокомандующего. Армия окрепла, остановилась на своем месте, окопалась, и начался 1916 год. Снарядов у нас было хоть отбавляй. Мы были готовы совершить окончательное наступление и сокрушить Германскую империю».

Год спустя Император вспомнит о судьбоносных днях, когда он принял решение возглавить армию и сменить Великого Князя Николая Николаевича, направив его на Кавказ в качестве своего наместника. В письме к Императрице Царь признавался:

«Ц. Ставка. 8 августа 1916 г.

Моя любимая!

Очень благодарю за дорогое короткое письмо. Я думал с особою нежностью о тебе вчера вечером и сегодня утром, когда ты причащалась в нашей уютной пещерной церкви.— Кажется, будто прошел год с тех пор, как мы причащались вместе в те тяжелые дни, перед моим отъездом сюда! Я так хорошо помню, что когда я стоял против большого образа Спасителя, наверху в большой церкви, какой-то внутренний голос, казалось, убеждал

меня прийти к определенному решению и немедленно написать о моем решении *Ник[олаше]*, независимо от того, что мне говорил наш Друг. Прошу тебя, поблагодари Его за присланные мне два цветка. М-г Гиббс приехал, но гораздо позже, чем мы ожидали. Бэби, кажется, рад его видеть. Пока до 15 — на фронтах затишье, хотя в Буковине бои еще продолжаются. На Кавказе развивается сильное наступление в центре нашего фронта... Сегодня идет дождь, но очень тепло. — Храни Господь, моя милая женушка, тебя и девочек!
Попроси Татьяну прислать мне теперь же один из моих серебряных портсигаров!
Целую нежно.
Навеки твой старый
Ники.»

Мы приводим газетную хронику дальнейших событий, связанных с пребыванием Царя и Наследника в прифронтной полосе.
«Государь Император с Наследником Цесаревичем на южном фронте.
Телеграмма Министра Императорского Двора
11-го октября Государь Император с Наследником Цесаревичем отбыл из Царского Села на южный фронт. В месте расположения штаба Главнокомандующего фронтом Государь Император, приняв рапорт от генерал-адъютанта Иванова, проследовал далее в Императорском поезде для посещения армий, входящих в состав южного фронта. Его Величество сопровождал Главнокомандующий генерал-адъютант Иванов. 12-го октября Императорский поезд имел остановку на три часа на одной из станций Юго-Западной железной дороги. Здесь Его Величество был встречен командующим армией генерал-адъютантом Брусиловым. Приняв на станции почетный караул, Государь с Наследником Цесаревичем в сопровождении генерал-адъютантов Иванова и Брусилова, Великого князя Дмитрия Павловича, Министра Императорского Двора и командующего Императорской главной квартирой генерал-адъютанта графа Фредерикса и свиты проследовал в автомобиле к одной из выступающих в бой пехотных бригад, в состав которой входят также артиллерия и кавалерия. Государь, выйдя из автомобиля, обходил вместе с Наследником Цесаревичем фронт, здороваясь с частями. Пропустив затем бригаду церемониальным маршем, Государь Император еще раз обходил войска вместе с Наследником Цесаревичем и благодарил их за службу, выразив уверенность, что они поддержат честь и славу русской армии перед врагом». Убедившись, что Император настроен решительно, что никаких надежд на замирение нет, враги Царской власти начали «подбирать ключи», чтобы проникнуть в русскую крепость изнутри. Думается, не было совпадением, что именно 23 августа в швейцарской деревне Циммервальд состоялась конференция левых партий. Пораженцы типа Ленина приобрели вес. Но, если целью пролетариата, по мнению участников конференции, был мир, то

Ленин требовал «империалистическую войну превратить в гражданскую», т. е. братоубийственную.

25 августа была подписана программа так называемого «прогрессивного блока» Государственной Думы. В него вошли даже такие «монархисты», как В. В. Шульгин. Блок объединяло недовольство существующей властью. Задолго до выступления Ллойд-Джорджа, который будет радоваться падению русской исторической власти — монархии — депутат Шингарев говорил: «После севастопольского грома пало русское рабство... Эта война приведет к тому, что в муках родится свобода страны, и она освободится от старых форм и органов власти».

Но пока армия сражалась, вдохновленная присутствием в Царской Ставке и в прифронтовой полосе своего Державного вождя. Читаем:

«Перед фронтом был вызван конный отряд одной из кавалерийских дивизий. Его Величество лично вручил боевые награды наиболее отличившимся в делах против неприятеля.

Перед своим отбытием Государь Император милостиво беседовал с находившимися здесь сестрами милосердия, работающими вблизи передовых позиций и пожаловал их Георгиевскими медалями.

С места смотра при кликах «ура» Его Величество с Наследником Цесаревичем проехал на главный перевязочный пункт, где посетил раненых во втором и пятом хирургических летучих отрядах Красного Креста и раздал раненым знаки отличия.

Учитель французского языка Царских Детей Пьер Жильяр в своих мемуарах вспоминает:

«Мы въехали в густой лес и вскоре заметили небольшое здание... Государь, сопровождаемый Алексеем Николаевичем, вошел в дом, подходил ко всем раненым и с большой добротой с ними беседовал. Его внезапное посещение в столь поздний час и так близко от линии фронта вызвало изумление, выразившееся на всех лицах. Один из солдат, которого только что вновь уложили в постель после перевязки, пристально смотрел на Государя и, когда последний нагнулся над ним, он приподнял единственную свою здоровую руку, чтобы дотронуться до его одежды и убедиться, что перед ним действительно Царь, а не видение. Алексей Николаевич стоял немного позади своего отца, глубоко потрясенный стонами, которые он слышал, и страданиями, которые угадывал вокруг себя».

Всеобщее внимание было приковано к Царской Ставке. Одни с надеждой ожидали перемен в лучшую сторону: страна устала от отступления своей армии, и важный вид бывшего Верховного давно уже не вызывал во многих ничего, кроме насмешливых замечаний в его адрес. Другие, главным образом, сослуживцы и сторонники «Николаши» (семейное прозвище Великого Князя) ожидали дальнейшего отступления, если не разгрома русских войск.

Побывавший в Ставке корреспондент «Петроградской газеты» рассказывает о том,

«Как живет и работает Царская Ставка».

В одном из городов Белоруссии разместилась Ставка. Его Величество занимает небольшой двухэтажный дом и живет собственно только в двух комнатах второго этажа этого дома. Одна комната — Царский кабинет, другая — спальня Государя Императора. Тут же, во втором этаже, помещается Министр Двора граф Фредерикс и дворцовый комендант генерал Воейков. У каждого из них по комнате. Внизу, в первом этаже, помещаются: флаг-капитан, генерал-адъютант Нилов, в должности гофмаршала князь Долгоруков, лейб-хирург Федоров и военно-походная канцелярия при доме Его Величества, где квартирует и флигель-адъютант Дрентельн. Самое небольшое и необходимое количество слуг: камердинер Государя, несколько лакеев, скороход — вот и все.

Недалеко от этого дома, тут же, около городского небольшого садика, в казенных зданиях и провинциальных гостиницах живет остальная, крайне небольшая свита Государя Императора, Великий Князь Кирилл Владимирович, походный атаман Борис Владимирович, Дмитрий Павлович, командир Конвоя Его Величества граф Граббе, флигель-адъютант Саблин и другие лица, сопровождающие Его Величество. Конечно, ни о какой роскоши не приходится говорить, вспоминая о Царской Ставке. Жизнь здесь трудовая, тихая, простая, без всякой тени каких-либо удовольствий и развлечений; все с утра до вечера работают.

Вот порядок дня в Ставке Его Величества. В начале 10 часа утра Государь в защитной рубашке с ременным поясом, в высоких сапогах, быстро выходит из Своего дома и ровной легкой походкой направляется к штабу. За ним следуют дежурный флигель-адъютант, конвойный урядник. Штаб недалеко, рядом с Царским домом, и Государь сейчас же проходит в подъезд штаба. Там Его Величество вместе с генералом Алексеевым разбирает донесения, поступившие за ночь и утром с громадного фронта нашей действующей армии, и Сам лично узнает о всем том, что произошло в боевых столкновениях наших войск. Целые картины, вся обстановка столкновения миллионов народа проходят перед глазами Государя. Царь не только выслушивает доклад Своего начальника штаба, но непосредственно, по телеграммам получает впечатление о действиях Своих армий. Рядом с Царем, тут же около карт, которые лежат на столах и висят на стенах, находится начальник штаба, генерал М. В. Алексеев.

Проходят часы, и в напряженных трудах, обсуждая самые сложные и неожиданные события войны, Государь и начальник штаба продолжают работу. Только около 12 с половиной Государь покидает штаб и идет в Свой дом. В это время здесь в зале собираются уже лица, приглашенные к Высочайшему завтраку. Кроме 10-12 человек, обычно присутствующих за столом Государя, к завтраку приглашаются военные агенты союзных армий:

английской, французской, бельгийской, сербской, черногорской, итальянской, японской, высшие чины штаба Верховного Главнокомандующего и несколько других лиц. Завтрак тянется недолго, завтрак простой и, конечно, никаких вин не стоит на столе. За завтраком Государь беседует с присутствующими, а по окончании завтрака всегда приветливо обходит приглашенных лиц. Для каждого русский Царь найдет что сказать, и всякий, кто удостоился чести быть на Царской трапезе, уходит обласканный.

Во втором часу дня Государь проходит к Себе в кабинет, где опять погружается в дела и доклады. Только в середине дня часа на полтора-два Его Величество выезжает из дома на моторах и где-нибудь верстах в 20 за городом, в сопровождении лиц ближайшей Свиты, совершает прогулку. Затем опять Царственный труженик за столом, опять идут доклады, доклады без конца. Опять Государев ум, Государево сердце переживает все то, о чем ему доносят правительственные лица изнутри России и о чем телеграф сообщает с фронтов. В половине восьмого обычно бывает Высочайший обед. К нему, так же, как к завтраку, приглашаются, помимо лиц, постоянно находящихся при Государе, должностные лица. Обед простой, из трех блюд. В тот же день Государь Император с Наследником Цесаревичем отбыл в Императорском поезде для дальнейшего следования».

После того, как Государь сообщил военному министру А. А. Поливанову, «любимцу Думы», о своем намерении возглавить армию, тот доложил об этом членам кабинета. Несмотря на то, что все были недовольны «стилем работы» Ставки под водительством Великого князя, решение Императора «верные слуги» встретили в штыки. Пошли разговоры о том, что в случае дальнейших поражений армия и страна будут во всем винить Царя. А. А. Поливанов говорил: «Подумать жутко... если Государю Императору пришлось бы от своего имени отдать приказ об эвакуации Петрограда или, не дай Бог, Москвы». Именно это проделают в 1918 году новые хозяева генерала — большевики, которые оставят Петроград и сбегут в Москву. Зато председатель Совета Министров, зная, что все попытки отговорить Государя будут безрезультатны, заявил: «Его убеждение сложилось давно. Он не раз говорил мне, что никогда не простит себе, что во время русско-японской войны Он не встал во главе действующей армии. По Его словам, долг Царского служения повелевает Монарху быть в момент опасности вместе с войском, деля и радость, и горе... Когда на фронте почти катастрофа, [Его Величество] считает священной обязанностью Русского Царя быть среди войска и с ним либо победить, либо погибнуть...» Спустя три недели после того, как Император занял пост Верховного Главнокомандующего, наступление врага было остановлено. За пятнадцать месяцев пребывания Государя в должности Верховного Главнокомандующего не было уступлено врагу *ни пяди* земли. На Волыни, в Галиции и на Буковине было отвоевано около 30 тысяч квадратных километров. Была отбита у турок почти вся Армения.

Скучая в Царской Ставке по семье, с которой прежде редко расставался, Государь послал за сыном, и тот стал жить с отцом в Могилеве, куда еще при Николае Николаевиче была переведена Ставка. Императору хотелось приучить Наследника, которого в основном окружали любящие его сестры и Императрица, к мужскому обществу, к военной атмосфере, начать приобщать мальчика к отцовским заботам и делам. По словам Императрицы, Государь не желал повторять ошибку своего покойного родителя, слишком поздно вздумавшего привлечь сына к государственной деятельности. Кроме того, как справедливо полагал Император, присутствие Наследника вблизи передовых позиций еще больше укрепит мораль русских войск, сражавшихся за Веру, Царя и Отечество.

Да и самому Наследнику хотелось побывать в Ставке. «Милый Беби опять начал потихоньку говорить о том, не возьмешь ли Ты его в Ставку, и в то же время ему грустно со мной расставаться», — писала супругу Государыня в сентябре 1915 года. «Одиночество стало в тягость Государю, — свидетельствовал и Жильяр. — Он был лишен лучшего Своего утешения — Семьи. Императрица это поняла, и было решено, что Наследник поедет с Отцом. Это была первая Ее разлука с Ребенком. Императрица просила меня при отъезде каждый день давать ей знать об Алексее Николаевиче. Я свято исполнил этот приказ».

1 октября 1915 года Наследник вместе с Государем уехал в Царскую Ставку. На нем была форма одной из его шефских частей. В числе таких частей были Л.-Гв. Атаманский, Л.-Гв. Финляндский, 51-ый пехотный Литовский и 12-ый Восточно-Сибирский стрелковый полк. Наследник Цесаревич был также шефом Ташкентского Кадетского Корпуса и Всех Казачьих Войск Атаманом. В августе 1916 года Государь Император назначил Наследника шефом 1-го Волгского полка Терского казачьего войска.

Видя своего Державного Вождя и Наследника в непосредственной близости от неприятельских окопов, войска испытывали высокий душевный подъем. Иногда в Царскую Ставку на несколько дней приезжала Государыня Императрица в сопровождении Великих Княжен, своих дочерей, и А. А. Танеевой (Вырубовой). Жили они в Царском поезде. Вернувшись в Царское Село, Императрица с нетерпением ждала от супруга писем, в которых тот подробно рассказывал о сыне, его здоровья, занятиях, играх. Зимой 1915 года ребенок захворал. А. А. Танеева (Вырубова) вспоминает:

«В середине декабря 1915 года Император вновь поехал в Ставку, взяв Алексея Николаевича с собой. В расстоянии нескольких часов пути от Царского Села у Алексея Николаевича началось кровоизлияние носом. Доктор Деревенко, который постоянно его сопровождал, старался остановить кровь, но ничего не помогало, и положение становилось настолько грозным, что Деревенко решил просить Государя вернуть поезд обратно... Какие мучительные часы провела Императрица, ожидая их возвращения... Императрица стояла на коленях около кровати [сына], ломая себе голову, что

дальше предпринять. Дома я получила от нее записку с приказанием вызвать Григория Ефимовича. Распутин приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу. По их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил Наследника, сказав родителям, что серьезного нет ничего и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось. Государь на следующий день уехал в Ставку. Доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло».

До самого лета 1916 года Цесаревичу пришлось оставаться в Царском Селе. Вернувшись в Царскую Ставку, в Могилев, он получил повышение — чин ефрейтора.

Вместе с Алексеем Николаевичем в Могилев приехали и три его наставника: Петров, преподававший ему русский язык и литературу, Пьер Жильяр и Сидней Гиббс. Оба учителя иностранных языков поочередно, через день, выполняли обязанности гувернера. Окончательно поправившись, мальчуган обратился к ним с просьбой затеять с ним игры. А. А. Танеева (Вырубова) свидетельствовала:

«Перед отъездом в армию Государь с Семей причастился Св. Тайн в Феодоровском соборе; я приходила поздравлять Его после обедни, когда Они пили всей семьей чай в зеленой гостиной Императрицы».
«В октябре [1915 г.] Государь вернулся ненадолго в Царское Село и, уезжая, увез с Собой Наследника... Это был первый случай, что Государыня с ним рассталась. Она очень по нем тосковала, — и Алексей Николаевич ежедневно писал Матери большим детским почерком. В 9 часов вечера она ходила наверх в его комнату молиться, — в тот час, когда он ложился спать».

В Могилеве Наследник освободился от своей прежней застенчивости. В разговорах со своими наставниками он признавался, что в Ставке ему живется гораздо веселее, чем в Царском Селе. Обедали его учителя вместе с Наследником, но завтракали обязательно в обществе Государя и Его свиты. Меньше двух дюжин человек за столом никогда не сидело. Но подчас за Царским столом собиралось и десятков шесть человек, а то и больше. Иногда классная комната превращалась в приемную Императора. В классную заглядывали Великие Князья, в их числе дядя Наследника, Михаил Александрович, чтобы повидаться с Алексеем Николаевичем. А уж о русских и иностранных генералах, которых в губернаторском доме бывало множество, и говорить нечего.

«Душу поднимающее настроение овладело мною после смотра этого славного [21-го армейского] корпуса — оно проникло и в Алексея», — вспоминал о смотре войск под Режицей Император 2-го октября 1915 года. Иногда Государь приглашал в свой кабинет учителя английского языка и сына, которые занимались там, не мешая Императору работать. Если к Государю приходили посетители, мистер Гиббс и Алексей Николаевич через

боковую дверь удалялись в соседнюю комнату.

По обычаю, заведенному еще в Царском Селе, Наследник перед сном читал вечерние молитвы вместе с матерью. Обычай оставался неизменным и в Царской Ставке: перед тем, как сыну лечь в постель, Государь заходил к нему и молился вместе с ним. Иногда порядок этот нарушался: это случалось, когда у Императора было слишком много посетителей.

По утрам Государь уходил в здание Ставки, где работал вместе со своим начальником штаба генералом М. В. Алексеевым. Со вступлением Императора в должность Верховного Главнокомандующего, вопреки опасениям многих, в том числе начальника английской военной миссии генерала Хенбери-Вильямса, обстановка как на фронте, так и в тылу, резко улучшилась. Улучшились и отношения между военными и гражданскими властями.

«Мы относились трагически к перемене командования, — признавался 28 октября 1915 года гр. Д. А. Олсуфьев. — Все мы ошибались. Государь видел дальше. Перемена повела к лучшему... Война пошла лучше. Прекратился наплыв беженцев, не будет взята Москва, и это бесконечно важнее, чем кто будет министром и когда будет созвана Дума».

Авторитет и доброжелательность Государя были важным фактором для деятельности Царской Ставки. Все отмечали феноменальную память Царя.

Подчас какой-нибудь офицер, прибывший в Ставку с докладом и затем приглашенный на завтрак, терялся, видя незнакомые лица вокруг себя.

Появлялся Государь. Заметив и узнав новичка, он обращался к нему по имени-отчеству — Николай Николаевич, Иван Степанович или как-то иначе — и принимался расспрашивать о делах в полку, о полковых офицерах, при этом вспоминая такие подробности, словно их прежняя встреча произошла накануне, а не много месяцев, а то и лет тому назад.

Царские дети такой памятью не обладали. Наследник в свободное от уроков время катался на моторе, играл с учителями в лесу.

Государыня Императрица, скучавшая по сыну, навещала в Царскую Ставку. 3 (16) октября 1916 года «прибыл поезд дорогой Аликс с дочерьми», — как отметил в дневнике Государь. Прихворнувший накануне Наследник на следующий день поправился. 5-го октября прибыла депутация от 1-го Волгского полка, которая поднесла своему Августейшему шефу — Цесаревичу — синюю черкеску и оружие. Осень была холодная, но когда сын был здоров, Государь гулял с ним в садике. После пятимесячного пребывания Государя в Ставке 19 октября он уехал в родное Царское Село. До переворота оставалось около четырех месяцев. Появились первые признаки беды: утром 7 октября 1916 года в Севастопольской бухте взорвались пороховые погреба на линкоре «Императрица Мария» — крупнейшем на Черном море. Корабль перевернулся и затонул, унеся с собой множество жизней моряков. Без сомнения, это была диверсия. Вернувшись с Наследником в Царское, учителя продолжали с ним занятия. Арифметика с 9 до 10 часов, история с 11 до 12, английский с 12 до часу дня.

С 10 до 11 часов обычно устраивалась прогулка. После завтрака был отдых. Затем игры в парке с 3 до 5 часов. С 5 до 6 часов снова английский. Вместе с наставниками Цесаревич сопровождал Государыню, трудившуюся в лазарете. Бывало, что Алексей Николаевич наблюдал операции и очень жалел раненых. Ему ли было не знать, что такое страдание. Сколько усилий потребовалось от Государя, чтобы сломить сопротивление министров, опасавшихся, что дела на фронте пойдут хуже. О том, что, вопреки опасениям министров, с прибытием Государя Императора в Ставку в качестве Верховного Главнокомандующего, положение на фронте улучшилось, свидетельствует письмо Императора от 9 сентября 1915 г. из Могилева, адресованное Государыне:

«Дорогая моя, возлюбленное Солнышко, Спасибо, спасибо за твои милые длинные письма... Поведение некоторых министров продолжает изумлять меня!.. Они боялись закрыть Думу — это было сделано! Я уехал сюда и сменил Н<иколашу>, вопреки их советам; люди приняли этот шаг как нечто естественное и поняли его, как мы. Доказательство — куча телеграмм, которые я получаю со всех сторон — в самых трогательных выражениях... Здесь я могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца... Это мне официально говорили все депутации, которые принимал на днях, и так это повсюду в России. Единственное исключение составляют Петроград и Москва — две крошечные точки на карте нашего отечества!... <Шавельский> сообщил мне массу утешительных вещей — разумеется, и печальных — но бодрый дух царит над всем... Всегда твой *Нику*».

Корреспондент «Петроградской газеты» писал:

«*Государь Император на Южном фронте*».

13 октября в 9 часов утра Царский поезд прибыл на станцию Б. Государь Император с Наследником Цесаревичем, Великим князем Дмитрием Павловичем, генерал-адъютант Иванов и вся Свита пересели в автомобили, чтобы следовать к войскам генерала Щербачева. До места смотра было верст двадцать. Дорога шла по холмистой местности, среди черноземных полей, засеянных свекловицей. Навстречу попадались селения не разрушенные, совершенно малороссийского типа, в селениях почти везде остались жители. По шоссе опять тянулись военные обозы, грузовики, какие-то войсковые команды. Было видно, что позиции недалеко... Генерал Щербачев собрал войска на обширном возвышенном поле. Здесь были представители почти всех полков, входящих в состав его армии. Особенность этого Царского смотра армии генерала Щербачева состояла в том, что все люди были боевые солдаты, все офицеры и генералы были боевые военачальники.

Государь Император с Наследником Цесаревичем, генералами Ивановым,

Щербачевым и Свитой обошел по фронту представлявшие войска. Невольно бросался в глаза бодрый геройский вид представителей тех частей, которые так победоносно дрались в Галиции и совершили столько славных дел.

Когда затем войска проходили мимо Государя, Его Величество часто обращался к Наследнику, стоявшему рядом, и рассказывал ему о славном прошлом боевых частей. И при виде этих молодцов, спокойнее становилось на душе и росла глубокая уверенность, что несмотря на временные наши неудачи мы все же сломим немцев.

По окончании смотра Государь вышел с Наследником на середину построения войск и обратился к ним с речью, в которой благодарил славных представителей героических частей и просил передать Его сердечный привет и Царское спасибо их товарищам.

Снова единодушное «ура!» понеслось в ответ на милостивые слова Государя. Когда все смолкло, Государь вновь обратился к войскам со следующими словами:

— В воздаяние ваших героических славных подвигов награждаю командующего армией орденом Святого Георгия 3-й степени.

Генерал Щербачев с глубоким волнением принял орден из рук Государя, причем Его Величество поцеловал командующего армией, а генерал Щербачев поцеловал руку Царя. С помощью генерал-адъютанта Иванова генерал Щербачев повесил себе на шею драгоценную награду, полученную от Самого Царя почти на поле брани. С волнением внимательно смотрели на этот редкий случай награды все окружающие и войска. Генерал Щербачев командовал:

— Слушай, на караул! — Войска взяли на караул, а вновь награжденный командующий армией произнес:

— Во славу нашего Державного Вождя ура!

И опять несмолкаемое «ура» стало перекатываться по рядам войск.

Высокий, стройный генерал Щербачев молодецкато держался перед Его Величеством. Звонкий громкий голос командующего армией, когда он провозглашал «ура» Державному Вождю, звучно пронесся по рядам. Все невольно посмотрели на Государя, Цесаревича и стоявшего перед ними генерала Щербачева.

Затем Государь стал обходить офицеров, беседовал с ними, рассматривал вместе с генералом Щербачевым, Ивановым и начальником штаба карту расположения наших и австрийских войск, а затем, сев в автомобиль, отбыл к армии генерала Лечицкого. Государь с Наследником и самой ближайшей Свитой посетили П. Полк.

Он расположился для смотра около леса, всего в 5 верстах от передовой линии. Место это было совсем недавно обстреляно неприятельской тяжелой артиллерией. Отдаленный гул выстрелов был слышен даже во время Царского смотра. Автомобили были оставлены в лесу, и Государь с Наследником и Свитой прошли пешком к месту смотра. Полк представился в

прекрасном боевом виде. Государь похвалил людей, поблагодарил полк за героическую службу и пожелал дальнейших успехов в боях. Отсюда Царский поезд проследовал верст за 50 к армии генерала Лечицкого, где собрались части войск пехоты, кавалерии, артиллерии. Особенно много было конных частей и среди них известная дикая туземная дивизия. Горцы на красивых конях производили какое-то особенное впечатление своей лихостью. Государь поблагодарил этих обитателей Кавказа за службу, и те на их непонятном языке приветствовали Царя».

* * *

Дикая дивизия, упоминаемая выше, заслуживает особого рассказа. Бардом этой туземной дивизии был писатель Н. Н. Брешко-Брешковский, сын «бабушки русской революции». Из-за ссылки матери-революционерки он вырос в семье дяди на Волыни. С 1920 года живя в эмиграции, он написал и опубликовал свыше 30 романов. В 1943 году погиб во время бомбежки в Берлине. Послушаем его рассказ о легендарной кавалерии.

«Русская, так называемая регулярная конница всегда стояла на большой высоте. Но в то же время необъятная Империя обладала еще и прирожденной конницей, единственной в мире по числу всадников, по боевым качествам своим.

Это — двенадцать казачьих войск, горские народы Северного Кавказа и степные наездники Туркестана. Ни горцы, ни среднеазиатские народы не отбывали воинской повинности, но при любви тех и других к оружию и к лошадям,.. при восточном тяготении к чинам, отличиям, повышению и наградам... можно было создать несколько чудесных кавалерийских дивизий из мусульман Кавказа и Туркестана. Можно было бы, но к этому не прибегали. Почему?.. На мусульман всегда можно было вернее положиться, чем на христианские народы, влившиеся в состав Российского Царства. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трону... Только когда вспыхнула Великая война, решено было создать туземную конную Кавказскую дивизию.

С горячим, полным воинственного пыла энтузиазмом отозвались народы Кавказа на зов своего Царя. Цвет горской молодежи поспешил в ряды шести полков дивизии: Ингушского, Черкесского, Татарского, Кабардинского, Дагестанского, Чеченского. Джигитам не надо было казенных коней — они пришли со своими; не надо было обмундирования — они были одеты в свои живописные черкески. Осталось толькошить погоны. У каждого всадника висел на поясе свой кинжал, а с боку своя шашка. Только и было у них казенного, что винтовки. Жалованья полагалось всаднику двадцать рублей в месяц. Чтобы поднять и без того приподнятый дух горцев, во главе дивизии был поставлен брат Государя — Великий Князь Михаил Александрович, высокий, стройный, сам лихой спортсмен и конник. Такой кавалерийской

дивизии никогда еще не было и никогда, вероятно, не будет. Спешно понадобился офицерский состав, и в дивизию хлынули все те, кто еще перед войной вышел в запас или даже в полную отставку. Главное ядро, конечно, кавалеристы, но, прельщаемые экзотикой, красивой кавказской формой, а также обаятельной личностью царственного командира, в эту конную дивизию пошли артиллеристы, пехотинцы и даже моряки, пришедшие с пулеметной командой матросов Балтийского флота... Вообще Дикая дивизия совмещала несовместимое. Офицеры ее переливались, как цветами радуги, по крайней мере, двумя десятками национальностей. Были французы — принц Наполеон Мюрат и полковник Бертрэн; были двое итальянских маркизов — братья Альбици; был поляк — князь Станислав Радзивилл и был персидский принц Фазула Мирза. А сколько еще было представителей русской знати, грузинских, армянских и горских князей, а также финских, шведских и прибалтийских баронов! По блеску громких имен Дикая дивизия могла соперничать с любой гвардейской частью, и многие офицеры в черкесах могли увидеть свои имена на страницах Готского альманаха.

Дивизия была сформирована на Северном Кавказе, и там же в четыре месяца ее обучили и бросили на австрийский фронт. Она еще только двигалась на запад эшелон за эшелон, а уже далеко впереди этих эшелонов неслась легенда. Неслась через проволочные заграждения и окопы. Неслась по венгерской равнине к Будапешту и к Вене...

Легенда о кровожадности всадников не только поддерживалась, а и муссировалась австрийским командованием, чтобы внушить волю к сопротивляемости мозаичным, разноплеменным войскам его апостольского величества императора Франца-Иосифа. И когда эта «человеческая мозаика» начала сдаваться в плен, высшее командование наводило армию воззваниями: «Эти азиатские дикари вырезают поголовно всех пленных». Воззвание успеха не имело. Ему никто не верил. Австрийцы, чехи, румыны, итальянцы, русины, далматинцы, сербы, хорваты батальонами, полками, дивизиями под звуки полковых маршей, с развернутыми знаменами переходили к русским».

* * *

Корреспондент «Петроградской газеты» продолжал:

«Войска генерала Лечицкого, подобно другим армиям нашего Южного фронта, стяжали себе громкую славу в галицийских боях. Это те полки, которые и теперь так радуют Россию своими удачными делами.

Государь в ласковых сердечных словах благодарил войска за их славную героическую службу.

Уже начинало темнеть, когда Царские автомобили двинулись в обратный путь. Поздно вечером Государь прибыл на станцию В.

Здесь находится питательный пункт княгини Волконской, который Его

Величество совсем неожиданно посетил. Лишь только прибыл Государь с Наследником на пункт, поднялось волнение и оживление, всех охватила радость. Все наперерыв старались услужить Дорогим Гостям. Угощали Государя и Цесаревича сыром, маслом, ветчиной; кто варил кофе, кто подносил чай. Его Величество, оживленный, веселый и приветливый, сел за простой деревянный стол, за которым питательный пункт во время войны накормил двести шестьдесят тысяч человек. Теперь за этим столом сидел и принимал хлеб-соль Русский Царь с Царевичем. Вся Свита, Великий Князь Дмитрий Павлович, сопровождавший Государя и бывший в этот день дежурным флигель-адъютантом, расположились тут же. Как-то не верилось, что так просто и по-военному, в чисто боевой обстановке совершает свой исторический объезд армии Русский Император...

Скоро подали Царский поезд. Его Величество милостиво простился со всеми. Крики «ура» и возгласы радости раздавались в ночной тишине. Наследник — оживленный, веселый — следовал за Государем. Поезд отбыл обратно в Ставку.

Эта поездка по частям войск Южного фронта произвела на Государя самое лучшее впечатление. Повсюду по войскам разнеслась весть, что сам Державный Вождь с Царевичем посетил армию. Установилась незримая тесная связь Царя с той живой силой русского народа, которая так горячо отстаивает жизнь и счастье России.

Приезд в Ревель.

28 октября в 9 часов утра Государь Император с Наследником Цесаревичем прибыл в Ревель. На станции Государя Императора встретил морской министр генерал-адъютант Григорович и рапортовавшие Его Величеству командующий Балтийским флотом вице-адмирал Канин, комендант морской крепости Императора Петра Великого вице-адмирал Герасимов и эстляндский губернатор генерал-майор Коростовец.

Посещение крепости Императора Петра Великого

Пропустив почетный караул, Государь Император с Наследником Цесаревичем отбыл в автомобиле на полигон морской крепости Императора Петра Великого, где осмотрел части гарнизона крепости и крепостные сооружения. Затем Его Величество проследовал на одну из фортовых групп, где обходил один из полков и артиллерию.

Посещение порта и транспорта «Европа»

По возвращении на станцию в 1-м часу дня в Императорском поезде состоялся завтрак, к которому были приглашены высшие начальствующие лица флота и армии, губернатор и эстляндский предводитель дворянства в должности гофмейстера Деллинггаузен.

После завтрака Государь Император с Наследником Цесаревичем проследовал в порт. Здесь Его Величество обходил, здороваясь, молодых солдат приморского фронта крепости и взшел затем на транспорт «Европа», где были построены офицеры и команды русских и английских подводных лодок. Его Величество лично удостоил награждением ордена Святого

Георгия 4-ой степени двух командиров английских подводных лодок и Георгиевскими крестами нижних чинов.

Обозрение подводных лодок.

После сего Государь Император с Наследником Цесаревичем посетил расположение английских подводных лодок и, спустившись вниз, подробно их обозревал.

[Письмо лейтенанта-командера Кроми, награжденного Государем Георгиевским крестом, в ноябре 1915 года, было помещено в газете «Таймс»:

«В среду прибыл Царь, осматривал укрепления и подводные лодки. Я имел счастье быть награжденным лично Им орденом Святого Георгия 4-ой степени, то есть русским крестом Виктории, и это лучший военный орден, который я имею. Пять человек из моей команды также получили военные кресты.

Император был очень любезен и обходителен и сказал, что наша работа («Ундине») отмечена всей его страной. В тот же вечер мы обедали вместе с Великими Князьями в роскошно отделанном поезде. Нас сидело за столом 28 человек, и слева от нас было служебное помещение для адъютантов. Почти все говорили по-английски, и я слышал много лестных отзывов о нас».]

Своими впечатлениями от поездки в Ревель Государь делился с Императрицей: «Мне так приятно было побывать на борту [подводной лодки] и поговорить с английскими офицерами и матросами. На палубе я их всех благодарил и награждал некоторых орденом за их последние подвиги («Принц Адальберт» и «Ундина»). Наши ужасно хвалят их, и они стали большими друзьями — настоящими товарищами!»

Хотя Наследник Цесаревич был еще ребенком, он добросовестно относился к предметным урокам — ознакомлением с различными видами военной техники. Он отчетливо понимал значение субмарин и усиление роли подводных сил флота. Рассказывая о сыне, о котором Государыня с нетерпением ждала вестей, Император писал: «Алексей лазил всюду и забирался во всякую дыру, в которую только можно было, — я даже подслушал, как он непринужденно беседовал с одним лейтенантом, спрашивая его о разных предметах!»

Уроки английского языка, которые давал Царским Детям, в том числе и Наследнику, мистер Гиббс, оказались весьма кстати.

Отчет о поездке Государя и Цесаревича по стране продолжается ниже:
«Посещение судостроительных заводов.

При осмотре подводных лодок Государь Император с Наследником Цесаревичем отбыл на Ревельский завод Русско-Балтийского судостроительного и механического общества. На заводе Государь Император обозревал работу в турбинной мастерской.

Рабочие завода радостно приветствовали Государя Императора и Наследника Цесаревича кликами «ура». Возвратясь с завода в город,

Государь Император проследовал через территорию другого судостроительного завода акционерного общества Беккер.

По пути следования стояло рабочее заводское население, встречавшее кликами «ура» Государя Императора и Наследника Цесаревича.

Посещение раненых.

В городе Государь Император посетил раненых и больных воинов, размещенных во временном морском госпитале в здании эстонского театра.

Проезд в Ригу.

29 октября Государь Император с Наследником Цесаревичем прибыл в Ригу. Императорский поезд прошел на левый берег Риги, где имел остановку в первом часу дня. На платформе был построен для встречи почетный караул от одной из боевых кавалерийских частей, с Георгиевским штандартом и хором трубачей, с Георгиевскими трубами на правом фланге. Здесь же встречал Государя Императора командир корпуса и начальник Рижского укрепленного района генерал Радко Дмитриев.

Государь Император вышел из вагона с Наследником Цесаревичем в сопровождении командующего армией генерала Горбатовского, который был принят Его Величеством на станции Венден и следовал далее в Императорском поезде...

Приняв на левом фланге ординарцев, Государь Император с Наследником Цесаревичем отбыл в автомобиле через город на поле, где были построены представители от частей одного из славных боевых корпусов, обороняющих Ригу. Его Величество с Наследником Цесаревичем обходил фронт, здороваясь с войсками под звуки встречи и гимна и клики «ура!»

Милостивые слова стрелкам.

В милостивых выражениях Государь Император благодарил войска за геройскую службу. Стрелкам Его Величество сказал следующее:

— Я счастлив видеть доблестных представителей славных сибирских полков, которые уже в двух кампаниях так отличились. Рад, что мог с Наследником посетить вас и поблагодарить за доблестную и геройскую службу ваших полков. Передайте им Мой привет и надежду на победу над Нашим сильным врагом.

Осмотр дивизии в Витебске.

30-го октября Государь Император с Наследником Цесаревичем смотрел одну из пехотных дивизий, находившихся на отдыхе близ города Витебска.

Императорский поезд имел остановку в 2 часа дня на станции Витебск. Государь Император, приняв рапорт от главного начальника Двинского военного округа генерала Зуева и губернатора шталмейстера Арцимовича, проследовал с Наследником Цесаревичем к дивизии, расположенной за городом. По обходе фронта дивизия прошла церемониальным маршем.

Милостивые слова солдатам.

Когда войска вновь построились, Государь Император, выйдя с Наследником Цесаревичем перед серединой построения, обратился к ним со следующими милостивыми словами:

— Я был рад возможности посетить славную дивизию с ее артиллерией после ее отдыха и порадовался молодцеватому виду, с которым она Мне сегодня представилась. В лице тех героев, которые остались в строю от прежних боев и сражений, выражаю вам Мое самое горячее спасибо. Дай вам Бог дальнейших успехов и окончательной победы над нашими врагами и спасибо вам за вашу героическую службу.

В Витебском соборе.

При кликах «ура» Государь Император отбыл с места смотра и, следуя обратно через город к станции, посетил собор. В храме Его Величество и Наследника Цесаревича встретил с крестом и святой водой епископ Полоцкий и Витебский Кириан. Преосвященный Кириан благословил Государя Императора иконой Святого Николая Чудотворца и имел счастье представить Его Величеству денежное пожертвование в 10 000 рублей на нужды войны, собранное епархией.

Государь Император, поблагодарил за пожертвование, отбыл на вокзал, радостно приветствуемый населением и войсками, стоявшими по пути шпалерами.

В пятом часу Императорский поезд отошел для дальнейшего следования.

Прибытие Государя Императора и Наследника Цесаревича в Одессу.

«7-го ноября Государь Император с Наследником Цесаревичем прибыл в 11 часов в Одессу. Его Величество, приняв рапорты от высших военно-начальствующих лиц и градоначальника, обходил с Наследником Цесаревичем фронт почетного караула, здороваясь. За Государем Императором следовали: Великие князья Кирилл Владимирович и Борис Владимирович, встречавшие Его на станции, министр Императорского Двора граф Фредерикс и лица Государевой Свиты.

Дежурным флигель-адъютантом при Его Величестве был Великий Князь Дмитрий Павлович. На левом фланге почетного караула Его Величеству имели счастье представиться начальники отдельных воинских частей.

Пропустив караул церемониальным маршем, Государь Император с Наследником Цесаревичем отбыл в открытом автомобиле в город.

По пути следования стояли шпалерами, начиная от станции, военные учебные заведения и войска с хорами музыки, исполнявшими гимн. При кликах «ура» Государь Император с Наследником Цесаревичем проследовал в Кафедральный собор. В храме Его Величество был встречен архиепископом Херсонским и Одесским Назарием. Собор был полон молящимися: среди них были воспитанницы женских учебных заведений. Государь Император, приняв после молебствия от архиепископа Назария в благословение икону Касперовской Божией Матери, отбыл с Наследником Цесаревичем в порт. Здесь Его Величество с Наследником Цесаревичем посетил крейсер «Прут» (бывшее турецкое военное судно «Меджидие», затонувшее в марте этого года на минном заграждении близ Одессы). Затем Государь Император посетил раненых на госпитальном судне «Экватор». После сего Государь Император с Наследником Цесаревичем проследовал

на корабль — морской приют, на котором обучаются малолетние дети. Приют находится в ведомстве учреждения Императрицы Матери. Его Величество был встречен здесь попечителем приюта контр-адмиралом Акимовым и попечительницей приюта супругой градоначальника госпожой Сосновской. Обласкав детей милостивым вниманием, Государь Император с Наследником Цесаревичем посетили транспортное судно «Руслан» и отбыли затем на станцию в Императорский поезд, где состоялся завтрак, к которому были приглашены высшие военные и гражданские власти.

В 3-м часу дня Государь Император с Наследником Цесаревичем проследовал в лагерное расположение одесского гарнизона, где соизволил осмотреть находящиеся в Одессе войска. в тот же день Государь Император с Наследником Цесаревичем отбыл из Одессы».

Одесса. Градоначальник объявил: «Его Величество Государь Император соизволил повелеть мне передать населению города Одессы Высочайшую благодарность за образцовый порядок и горячий прием при посещении Его Величеством города. О таковой Высочайшей милости счастлив объявить во всеобщее сведение». (Пта).

Государыня сообщала супругу: «...Только что был у меня князь Голицын со своим докладом о наших пленных. Мы посылаем 4 раза в неделю по несколько вагонов, нагруженных различными вещами. Как Синод скупится! Я просила Волжина послать побольше священников и церквей в Германию и Австрию, а Синод захотел, чтобы платили мы. ...Их монастыри, особенно московские, очень богаты, но они и не думают помогать...

Да благословит тебя Бог! Навсегда твоя старая Женушка».

Читая письмо Императрицы Государю из Царского Села от 5 ноября 1915 года, вспоминается отношение И. В. Сталина к советским военнопленным. В ответ на обращение Международного Красного Креста, предлагавшего помощь русским, находившимся в лагерях, он ответил: «У нас нет пленных, у нас есть изменники». Тем самым военнопленные лишались всякой надежды на помощь и обрекались на голодную смерть.

В письме Государыне из Ставки, датированном 12 ноября 1915 года, Император, в частности, писал: «...На пути в Херсон мы встретили много поездов с молодыми солдатами, которых мы смотрели на станциях, где останавливались... Алексей удивительно хорошо перенес все тяготы этой недели, только иногда у него случались небольшие кровотечения из носа. Все время он находился в великолепном расположении духа. Со стариком [графом Фредериксом] все благополучно».

Вот еще доказательство того, что Наследник вовсе не был таким уж беспомощным калекой, каким его пытались изобразить Пьер Жильяр и другие авторы.

25-го октября 1915 года в жизни Императора произошло памятное событие, о чем он записал в дневнике: «Незабвенный для меня день получения Георгиевского Креста 4-й степ. Утром как всегда поехали к обедне и завтракали с Георгием Мих. В 2 часа принял Толю Барятинского,

приехавшего по поручению Н. И. Иванова с письменным изложением ходатайства Георгиевской Думы Юго-Западного фронта о том, чтобы я возложил на себя дорогой белый крест! Целый день после этого ходил как в чаду. Погулял с Мари и Анастасией... Георгий вернулся, чтобы поздравить меня. Все наши люди трогательно радовались и целовали в плечо...» Радость Государя разделяла и его супруга, писавшая 25 ноября 1915 года из Царского села в Могилев, куда вновь уехали Император и Наследник: «Теперь могу и тебя поздравить, мой ангел, от всей души — ты заслужил этот крест всем твоим тяжким трудом и тем великим подъемом духа, который ты приносил войскам».

О важном событии писала «Петроградская газета» от 28 ноября:

«Георгиевский праздник в Царской Ставке.»

На состоявшемся в присутствии Его Величества и Наследника Цесаревича 26 ноября в Царской Ставке параде Георгиевских кавалеров Государю Императору благоугодно было обратиться к офицерам со следующими Высочайшими словами:

— Я рад и счастлив, что мог с Наследником Цесаревичем провести второй Георгиевский праздник во время войны, вместе с вами, представителями нашей славной армии. В вашем лице выражаю всем остальным Георгиевским кавалерам Мою самую глубокую сердечную благодарность за неимоверно трудную и ревностную службу вашу, несомую во время войны. Желая вам полного успеха и разгромления наших врагов, в чем да поможет нам Господь Бог.

Нижним чинам Его Величество сказал следующее:

— И вам, молодцам-богатырям Моей могучей славной победоносной армии, от всего Моего любящего сердца выражаю Мое спасибо. Дай Бог нам дальнейших успехов на благо Родины, уверен, что с помощью Божией и полагаясь на вашу доблесть, усердие и храбрость, нам удастся изгнать врагов из пределов России, уверен также, что остальные ваши товарищи помогут Мне в этом деле. Сердечное спасибо вам за боевую службу.

Обращаясь к особому батальону, Государь изволил сказать:

— Рад видеть у Себя на Ставке таких молодцов, как вы, и выражаю вам Мое спасибо за вашу храбрую боевую службу. Уверен, что послужите по примеру ваших предков во славу всех ваших доблестных частей.

Слова Его Величества были покрыты кликами «ура».

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Алексеев провозгласил «ура» Государю Императору, Державному Вождю русской армии и Георгиевскому кавалеру. Вновь площадь огласилась кликами «ура». Государь Император проследовал затем в помещение штаба для обычных занятий, меж тем все Георгиевские кавалеры прошли в церковь штаба, где слушали обедню, по окончании которой нижние чины были отведены на обед в помещение дежурного генерала, а офицерские чины были приглашены к Высочайшему завтраку. Государь Император после

доклада в штабе проследовал с Наследником Цесаревичем к нижним чинам. Войдя в столовую, Государь Император изволил обратиться к Георгиевским кавалерам со следующими милостивыми словами:

— За дальнейшую боевую славу нашей грозной, славной и могучей армии, за ваше дорогое Мне здоровье и за здоровье всех Георгиевских кавалеров «ура». Еще раз от всего сердца выражаю вам Мое сердечное спасибо за вашу боевую службу. Дай вам Бог дальнейших успехов и окончательной победы над нашими врагами. Прощайте, молодцы.

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего провозгласил «ура» за драгоценное здоровье Его Императорского Величества Георгиевского кавалера. При проявлениях энтузиазма Государь Император отбыл из столовой.

Во время Высочайшего завтрака Его Величество провозгласил тост за Георгиевских кавалеров, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев провозгласил тост за здоровье Его Величества.

После завтрака Государь Император продолжительное время беседовал с приглашенными, расспрашивая их о боевой службе».

Печать не оставляла без внимания и события, происходившие на море: «...Дамское морское общество принимает пожертвования в пользу семей нижних чинов, погибших в летних боях в Рижском заливе. Штаб командующего всегда немедленно высылает нам записки всех погибших нижних чинов... В эту войну наше общество помогло семьям всех погибших, начиная с крейсера «Паллада».

Выслано пособие семьям «Енисейца», посланы пособия 125 нуждающимся семьям. Теперь дело стоит за помощью экипажу «Сивуча». Как доблестно умирал «Сивуч», не прекращавший безнадежной борьбы и перед самым погружением в море расстрелявший два неприятельских миноносца!

Адмирал Эссен, перед которым мы в долгу, своим великим трудолюбием, умением и настойчивостью не только разбил планы немцев, мечтавших господствовать на Балтийском море, но почти смел с моря их флот, во много раз сильнейший».

В то время корреспонденты газет, особенно, те, что писали репортажи с фронта, старались поднимать дух войск и гражданского населения. Поэтому грустные стороны войны не находили отражения в их репортажах. Но Император хотел показать Наследнику, что война — это не только смотры, но и страдания, и потери.

30 октября Император вместе с Цесаревичем, после смотра частей под командованием генерала Щербачева в Тирасполе распорядился через командиров полков поднять руку всем, кто воевал с самого начала. «Только несколько рук поднялось над этой тысячной толпой; были целые роты, в которых никто не шевельнулся, — свидетельствует Пьер Жильяр, присутствовавший при смотре. — Этот случай произвел очень глубокое впечатление на Алексея Николаевича; в первый раз жизнь столь непосредственно показала ему весь ужас войны».

Первый же свой смотр войскам в качестве Верховного Главнокомандующего Государь провел в Режице, куда были отведены для отдыха войска, участвовавшие в кровопролитных боях в Галиции и на Карпатах. По окончании смотра Государь расспрашивал солдат о боях, в которых им пришлось побывать. Пьер Жильяр вспоминал:

«Алексей Николаевич неотступно следовал за отцом, слушая с жадным интересом рассказы воинов, не раз сталкивавшихся лицом к лицу со смертью. ...Присутствие Наследника рядом с Государем возбуждало любопытство в солдатах. Когда он отошел, было слышно, как они шепотом обмениваются впечатлениями... Но больше всего их поразило, что Цесаревич был в простой солдатской форме, ничем не отличавшейся от той, которую носила команда солдатских детей».

При виде Царского сына солдаты вспоминали собственных ребятишек и думали о том, что они сражаются, не только выполняя приказ начальника, но и защищая свой дом и детей.

Яд вражеской пропаганды не успел проникнуть в их простые души.

Т.Е.Мельник-Боткина. Цитир. пр. С. 66.

А.А.Вырубова. Фрейлина Ее Величества. М.: Советский писатель. 1991. С.148.

В.Кобылин. Анатомия измены. СПб: Царское дело. 1998. С. 416.

Г.Шавельский. Цитир. пр. Т. 1. С. 137-138.

Э.Н.Гиацинтов. Цитир. пр. С. 56.

П.Жильяр. Цитир. пр. С. 142.

С.С.Ольденбург. Цитир.пр. С.559.

А.А.Вырубова. Цитир.пр. С. 190.

Н.Н.Брешко-Брешковский. Дикая дивизия. Роман. Екатеринбург: Посылторг. 1994. С. 11-13.

П.Жильяр. Цитир. пр. С. 136.

Глава девятая

ЦАРСКАЯ СТАВКА

Ряд историков, особенно зарубежных, непомерно выпячивают роль Великого Князя Николая Николаевича. Не потому, что он «блестяще» руководил армией, а, думается, по той причине, что он был масоном и, следовательно, противником русской Царской власти.

Офицерская же масса — речь идет не о тыловиках, штабистах, которые в свое время составляли окружение Великого Князя — была иного мнения.

Выразителем ее мнений был Эраст Николаевич Гиацинтов. В мемуарах, появившихся в печати в конце 1990-х гг. благодаря усилиям питерского журналиста и историка В. Г. Бортневского, увы, ныне покойного, офицер-фронтвик писал:

«К концу декабря <1914> или, может быть, даже в начале января 1915 года мы остановились на позиции на реке Ниде, севернее Барановичей. Барановичи — местечко, в котором располагалась Ставка Великого князя Николая Николаевича, так называемого Верховного Главнокомандующего русскими армиями — что было неправильно, так как Верховным мог быть только Государь, и никакой Великий Князь не мог претендовать на это звание. К Великому князю Николаю Николаевичу я всегда чувствовал большую антипатию. Очень высокого роста, носящий всегда форму Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка, с большим плюмажем на меховой шапке, он был необыкновенно груб, резок и очень строг. Это был совершеннейший антипод Великого князя Константина Константиновича, которого мы, юнкера, кадеты и офицеры, обожали в полном смысле этого слова. У Великого князя Николая Николаевича все черты характера были совершенно противоположные. Во-первых, нужно сказать, что он был большой интриган. Он не очень почтительно относился к Государю и хотел играть роль и как будто даже претендовал на то, что он может заменить Государя и быть Николаем III. Не знаю, насколько это верно, но твердо убежден и знаю по источникам, которые я теперь прочел, — заявляет Эраст Николаевич, — что он участвовал в заговоре дворцового переворота вместе с нашими левыми деятелями, среди которых главную роль играли Гучков, Милюков, Керенский, князь Львов и, к сожалению, наш генералитет, включая даже генерал-адъютанта Алексеева, хитрого, косоглазого генерала, очень умного, хорошего стратега, но абсолютно не верноподданного».

С тех пор, как Государь подписал Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату, коим повелел генерал-адъютанту, главнокомандующему войсками гвардии и Петроградского военного округа генералу от кавалерии Великому Князю Николаю Николаевичу быть Верховным Главнокомандующим, прошел год. Государь издал

«Приказ Армии и Флоту
23-го августа 1915 года

Сего числа Я принял на СЕБЯ предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердою верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрадим земли Русской.

«НИКОЛАЙ».

Что же заставило Государя Императора пойти на столь решительный шаг и принять на себя, и без того обремененного грузом Царского служения, такую ответственность, да еще в период самых тяжких испытаний для русской армии? «Император,— по свидетельству А. А. Вырубовой,— становился все

более и более недовольным действиями на фронте Великого Князя Николая Николаевича». Государь сетовал, что армию гонят вперед, не закрепляя позиций и не имея достаточного количества боеприпасов. Результатом безответственной политики Великого Князя явилось отступление русских войск. К концу июня 1915 года ими была оставлена почти вся Галиция. На севере немцы углубились в Курляндию. 22 июля была оставлена Варшава. Ковно был взят немцами штурмом. Чересчур поспешно, не эвакуировав крупных интендантских запасов, были взорваны форты Бреста. И после таких провалов Великого Князя протопресвитер о. Г. Шавельский смеет заявлять, что якобы «за последнее царствование в России не было человека, имя которого было бы окружено таким ореолом, и который во всей стране... пользовался бы большей известностью, чем этот Великий Князь». Но тот же о. Шавельский, преданный ...нет, не Государю Императору, а Великому Князю, признает, что Великий Князь отличался малодушием. Об этом свидетельствует следующий факт. «После сдачи немцам Ковно, он упал на кровать и, заливаясь слезами, восклицал:

— Ужас! Ковно отдано без бою... Комендант бросил крепость и куда-то уехал... крепостные войска бежали... армия отступает... При таком положении что можно дальше сделать?!.. Ужас, ужас!..»

Но Ковно не было последним пунктом, оставленным русскими войсками летом 1915 года. Пала Варшава, ряд других пунктов. Вовсе не зависть к «славе» Великого Князя, как утверждает Шавельский, двигала Государем, решившимся сменить Николая Николаевича на посту Верховного Главнокомандующего.

О причине снятия его с поста Государь писал Великому Князю: «Дорогой Николаша! Вот уже год, что идет война, сопровождаемая множеством жертв, неудач и несчастий. За все ошибки я прощаю тебя: один Бог без греха. Но теперь я решил взять управление армией в свои руки. Начальником моего штаба будет генерал Алексеев. Тебя назначаю на место престарелого графа Воронцова-Дашкова. Ты отправишься на Кавказ и можешь отдохнуть в Боржоме, а Георгий вернется в Ставку. Янушкевич и Данилов получат назначения после моего прибытия в Могилев. В помощь тебе даю князя Орлова, которого ты любишь и ценишь. Надеюсь, что он будет для тебя полезен. Верь, что моя любовь к тебе не ослабела и доверие не изменилось. Твой Ники».

Письмо это было *частное*. Приводя его в своих мемуарах, одновременно соболезнуя Великому князю по поводу того, что «Государь так жестоко карает» бывшего Верховного, Г.Шавельский умалчивает о причинах снятия «Николаши» с высокого поста и не приводит Царский рескрипт, в коем, щадя самолюбие Великого князя, Император высоко отзывается о его деятельности. Восполним упущение автора мемуаров и приведем этот документ:

*Высочайший рескрипт, данный на имя Верховного Главнокомандующего
Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича.*

«Ваше Императорское Высочество! Вслед за открытием военных действий причины общегосударственного характера не дали Мне возможности последовать душевному Моему влечению и тогда же Лично встать во главе армии, почему Я возложил Верховное Командование всеми сухопутными и морскими силами на Ваше Императорское Высочество.

На глазах всей России Вашим Императорским Высочеством проявлена на войне непоколебимая доблесть, вызвавшая глубокое доверие и молитвенные пожелания Мои и всех русских людей, неизменно сопутствовавшие Вашему Имени при неизбежных превратностях боевого счастья.

Возложенное на Меня свыше бремя Царского служения Родине повелевает Мне ныне, когда враг углубился в пределы Империи, принять на Себя Верховное Командование действующими войсками и разделить боевую страду Моей армии и вместе с нею отстоять от покушений врага Русскую Землю.

Пути Промысла Божьего неисповедимы, но Мой долг и желание Мое укрепляют Меня в этом решении из соображений пользы Государственной. Усилившееся вторжение неприятеля с Западного фронта ставит превыше всего теснейшее сосредоточение всей военной и всей гражданской власти, а равно объединение боевого командования с направлением деятельности всех частей Государственного управления, отвлекая тем внимание от нашего Южного фронта.

Признавая, при сложившейся обстановке, необходимость Мне Вашей помощи и советов по Нашему Южному фронту, назначаю Ваше Императорское Высочество Наместником Моим на Кавказе и Главнокомандующим доблестною Кавказскою армиею, выражая Вашему Императорскому Высочеству за все Ваши боевые труды глубокую благодарность Мою и Родины.

Пребываю к Вам неизменно благосклонный.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:
*«и искренно и сердечно Вас любящий
НИКОЛАЙ».*

Ставка. 23-го августа 1915 года.

Недовольство политикой Великого Князя накапливалось у Государя и Государыни давно. Великодушный Государь перестал доверять «Николаше». «Верноподданный» Великий Князь, без ведома Государя, вызывал министров в Ставку, давая им те или иные приказания. В результате в стране возникло как бы двоевластие. «Мы, министры, попали в страшное положение перед Ставкой,— сетовал С. В. Рухлов, министр путей сообщения. — ...Такая

неестественная ситуация возникла оттого, что, планируя работу Ставки, исходили из факта, что с самого начала войны Верховное командование примет на себя Император». Великий Князь не пресекал слухи, будто бы он станет Императором Николаем III.

Вдовствующая Императрица пыталась отговорить сына возглавить армию. Тщетно Государь объяснял ей, что если дела пойдут так же, как это происходило до сих пор, то армии грозит полный разгром. В беседе с А.А. Вырубовой Царь признавался, что разговор с Императрицей Матерью оказался тяжелее, чем с министрами.

Государь отмел все возражения. Он видел, что необходимо его личное вмешательство в дела руководства армией. Что нужно положить конец промахам (или преступлениям?), которые совершались если не по инициативе Великого князя, то с его ведома. Отметим некоторые из таких «промахов». А. А. Вырубова отмечала:

«Все, кто носил в это время немецкие фамилии, подозревались в шпионаже <эту тактику у него заимствуют революционеры в феврале 1917 года>. Так, граф Фредерикс <министр Императорского Двора> и Б. В. Штюрмер <премьер>, не говорившие по-немецки, выставлялись первыми шпионами; но больше всего страдали балтийские бароны; многих из них без причин отправляли в Сибирь по приказанию Великого Князя Николая Николаевича, в то время как сыновья их и братья сражались в русской армии. В тяжелую минуту Государь мог бы скорее опереться на них, чем на русское дворянство, которое почти все оказалось не на высоте своего долга. Может быть, шпионами были скорее те, кто больше всего кричал об измене и чернил имя русской Государыни!»_

В постигших русскую армию неудачах фронтовики обвиняли Ставку и военного министра, Ставка — военного министра и фронт, военный министр обвинял в неудачах Великого Князя Николая Николаевича. Но первые, вторые и третьи нашли козла отпущения — евреев.

С первых дней войны начались разговоры о том, как «евреи-солдаты перебежали к неприятелю или удирали с фронта; как мирные жители-евреи сигнализировали неприятелю, при наступлениях противника выдавали <русских> солдат, офицеров... В Галиции ненависть к евреям подогревалась еще теми притеснениями, какие терпело в период австрийского владычества местное русское население от евреев-панов <арендаторов>... Там с евреями особенно не церемонились».

Выступая против огульного обвинения всех евреев, о. Шавельский признавал: «При наступлениях они часто бывали позади, при отступлениях оказывались впереди. Паника в боевых частях не раз была обязана им... Не могла не казаться подозрительной и поразительная осведомленность евреев о ходе дел на фронте... В еврейском местечке Барановичах, рядом со Ставкой, события на фронте подчас становились известными раньше, чем

узнавал о них сам Верховный со своим начальником штаба».

По инициативе единомышленника Великого Князя, начальника штаба генерала Н. Н. Янушкевича, было предпринято массовое выселение евреев из Галиции и русских областей, примыкающих к району военных действий. Штабом Великого Князя было установлено, что среди еврейского населения имеется множество шпионов, доставлявших нужные сведения неприятелю либо поджидавших прихода неприятельских войск, чтобы передать им данные о численности и вооружении русских войск.

В июне 1915 года в Барановичи приехал д-р Мазе, главный московский раввин, чтобы убедить о. Шавельского, главного пресвитера русской армии и флота, повлиять на Великого Князя Николая Николаевича сменить гнев на милость в отношении еврейского населения.

Одним из аргументов, которые привел д-р Мазе, был следующий:

— Поймите, победа немцев евреям невыгодна, ибо при владычестве немцев, более чем русские ловких в торговле, евреям труднее было бы жить, чем при владычестве русских.

Однако о. Шавельского д-ру Мазе убедить не удалось.

Выселение в глубь России десятков и десятков тысяч евреев, враждебно настроенных к Царской власти, продолжалось, хотя в большинстве своем в шпионской деятельности они не были замешаны. Шаг этот был нецелесообразным, если не пагубным. Ведь таким образом тысячи агитаторов против Царского правительства оказались в самом сердце России. Не менее вредной была политика Ставки при Великом Князе и относительно эвакуации населения других народностей. Посевы и деревни, оставляемые жителями, сжигались русскими войсками; скот уничтожался. Политика эта подвергалась резкой критике со стороны Совета Министров, но лишь с приходом Государя на пост Верховного Главнокомандующего положение изменилось. Иностранная печать, в том числе и «союзная», выставляла «Великого Князя... патриотом, а Государя орудием германского влияния, — отмечала Вырубова. — Но как только Помазанник Божий встал во главе своей Армии, счастье вернулось к русскому оружию и отступление прекратилось».

В своем дневнике Великий Князь Андрей Владимирович отмечал:

«Смена штаба вызвала общее облегчение в обществе. Большинство приветствовало эту перемену и мало обратило внимания на смещение Николая Николаевича... В армии даже все это вызвало взрыв общего энтузиазма и радости. Вера в своего Царя и в Благодать Божию над Ним создала благоприятную атмосферу». А спустя месяц обстановка в Ставке улучшилась еще в большей степени. Прежде существовала нервозность. Одним своим присутствием Государь вносил спокойствие и уверенность. «Он со всеми говорит, всех обласкает, для каждого у него есть доброе слово», — свидетельствовал Великий Князь Андрей Владимирович. Но, хотя Николай Николаевич со своим штабом был отправлен на Кавказ, тлетворное его влияние сохранилось. В штабах фронта преступно-безответственные

личности распространяли слухи, будто Государыня служит причиной всяческих неурядиц. Именно в нее-то и целили враги Царя и России. Один немецкий дипломат признался: «Нас нисколько не интересует... желает ли русский Император заключить сепаратный мир — нам важно, чтобы верили этому слуху, который ослабляет положение России и союзников».

После того, как Царь стал Верховным Главнокомандующим, в стране, взбудораженной отступлением 1915 года, воцарилось спокойствие. Экономическая жизнь была здоровой, повышение заработной платы с лихвой компенсировало некоторый рост цен. Строились новые огромные казенные заводы, переоборудовались старые. На заводах союзников были размещены большие заказы, за которые казна платила золотом.

Спускались на воду могучие корабли, а также самые быстроходные в мире эсминцы типа «Новик». Успешно действовал Черноморский флот. Ворота Балтики были прочно заперты для германских судов.

С именем «матроса-балтийца» в нашем сознании прочно связан образ громилы в перстнях, перепоюсанного пулеметными лентами, получившего от Троцкого эпитет «слава и гордость нашей революции». Но это произошло позднее, после умелой работы германских наймитов. А при Царе матросы были самыми стойкими бойцами — на море и на суше. Известны случаи, когда комендоры (морские артиллеристы) отказывались покинуть тонущий корабль и били по врагу из орудий, стоя по колени в воде.

О подвиге матроса-электрика Балтийского флота Петра Семенищева (крестьянина Вятской губернии) 6 сентября 1915 года сообщал «Кронштадский Вестник».

Этот матрос служил в Морском полку Особого Назначения на сухопутном фронте военных действий. В декабре 1914 года он был послан в город Сандомир, незадолго до этого взятый русскими.

«Во время работ морской партии по снятию минных заграждений, поставленных австрийцами на реке Висле, одна из неприятельских мин, сорвавшись с якоря, поплыла по течению. Понимая, что мина может взорваться при столкновении с первым же судном или мостовым устоем, Семенищев бросился в ледяную воду реки. Ухватив мину зубами, рискуя быть разорванным на части, он начал буксировать ее к берегу. К счастью, все обошлось благополучно, мина была уничтожена. За этот подвиг Семенищев был награжден Георгиевским крестом 4-ой степени.

16 июля 1915 года в передовом окопе, перед которыми минерами Морского полка ставились фугасы, Семенищев увидел австрийских разведчиков, которые подошли к фугасам. Их было 8 человек. Вооруженный лишь австрийской винтовкой с пятью патронами и без штыка, Семенищев убил двоих из них, остальных обратил в бегство, но при этом и сам получил семь штыковых ран и два удара прикладом по голове.

Семенищев был эвакуирован в Москву. Через месяц он разыскал Морской полк и явился к командиру.

Его Императорское Величество, узнав о подвиге Семенищева, пожелал его

видеть и, осчастливив его милостивыми расспросами, собственноручно наградил его Георгиевским крестом 2-ой степени».

В отличие от Великого Князя Константина Константиновича, не считавшего немцем «варварами», многие русские — и миряне, и духовные лица — убедились в их «культурности».

«Кронштадтский Вестник» сообщал 15 августа 1915 года:

«Протоиерей Н. М. Семеновский, настоятель Калишского собора, подвергся оскорблениям со стороны немцев, сидел в тюрьме и убедился в предательстве местных иудеев. Когда русских пленных переводили в Скольненище, а затем в Познань, местные немцы и иудеи кричали: «русские свиньи», плевали в них и пытались побить камнями. Голодные пленные солдаты рылись в помойках в поисках остатков пищи».

Впоследствии настоятелю отдали ключи от храма, богослужение совершать разрешили, но запретили упоминать в молитвах имя Государя Императора. (Так же поступили в марте 1917 года и высшие иерархи русской православной церкви.)

Однако протоиерей Н. М. Семеновский заявил, что никакие смертные муки не заставят его не произносить молитвы за Государя. Тогда немецкий комендант разрешил упоминание, но при условии молитвы и за кайзера Вильгельма — «державного обладателя страны сей». Но настоятель рассказывал: «Я это не произносил и за Вильгельма не молился». Как вели себя «культурные» немцы, не считавшие себя «свиньями», свидетельствуют следующие факты.

Придя в собор, настоятель увидел, что двери в храме разломаны, на полу окурки, собачьи следы. Царские врата раскрыты, на престоле груды книг, нот. Священные сосуды, потир, дискос, звездница, лжица и другие предметы украдены. Похищены также антиминс, Евангелие и запрестольный крест. Кружки для сбора денег вскрыты, деньги взяты. Храм пришлось очищать от скверны. Звонить в колокол разрешалось лишь в течение пяти минут. Якобы для того, чтобы не беспокоить больных и раненых немцев.

Между тем сами немцы в дни своих немецких праздников звонили не переставая. Когда русские войска оставили Варшаву, в колокольне собрался целый оркестр. Он играл похоронный марш России, и колокола, не смолкая, гудели целый день.

Калиш словно вымер. Улицы переименованы. «Варшавская» стала «Гинденбургской». 28 августа настоятеля обменяли на немецкого пастора. Через Швецию и Финляндию протоиерей Семеновский вернулся в Россию. Не менее «культурными» проявили себя и союзники немцев — австрийцы, брататься с которыми призывали большевики и иные враги России.

Нескольким русским героям удалось вырваться из австрийского плена. Они рассказали о смельчаке Николае Алексееве, рядовом 82-го Дагестанского полка. Вместе с другими пленными австрийцы заставляли его рыть окопы и строить укрепления. Он отказался. За это австрийцы подвергли его

истязаниям. Поставив русского солдата спиной к дереву на несколько кирпичей, они связали ему ноги бечевкой, подвесив на гвозде, затем кирпичи выбили из-под ног. Австрийский офицер, размахивая револьвером у него перед носом, угрожал Алексееву смертью. После этого солдата, проявившего неустранимость и высокое понимание долга, посадили в тюрьму.

Потом Алексеева увезли в лагерь для военнопленных. Дальнейшая судьба его неизвестна. О героическом поведении в плену солдата было доложено Его Величеству Государю Императору.

Его Величеству благоугодно было повелеть сообщить на родину Алексеева о его подвиге и принять меры к выяснению его судьбы. Николай Алексеев был родом из Казанской губернии Цивильского уезда Тебердинской волости, деревня Старый Кармалов.

Иначе вели себя в светских салонах. Будущий участник убийства Григория Ефимовича Распутина Великий Князь Дмитрий Павлович, обращаясь к французскому послу, спросил его, верно ли, что «союзные правительства накануне вмешательства, чтобы не допустить Государя принять командование».

Но, в отличие от Великого Князя, у Мориса Палеолога нашлось достаточно порядочности, чтобы объяснить «русскому патриоту», что это внутренний вопрос, решение которого зависит от Государя.

В плен было взято около 2 миллионов неприятельских солдат. К концу 1916 года резко увеличилось производство вооружения и боеприпасов: винтовок — вдвое, пулеметов — вшестеро, снарядов в 9 и 16 раз, в зависимости от калибра; тяжелых орудий — вчетверо, аэропланов — втрое. Кроме того, начиная с конца 1915 года, Россия стала получать в огромных количествах военное снаряжение из-за границы. Была проделана огромная работа по строительству железных дорог. Так, Мурманская железная дорога была построена всего за 20 месяцев, хотя длина ее составила 1050 километров. Государь самолично разрабатывал крупномасштабную десантную операцию на фланге германских армий, примыкающем к Балтийскому морю.

Но чем больше усилий прилагал Царь для достижения победы над врагом, тем упорней становилось противодействие его внутренних и внешних врагов, начиная с «прогрессивного блока» в Думе и кончая вражеской агентурой, щедро финансируемой, как Германским Имперским Банком, так и международной закулисой. Представители некоторых думских фракций собирались у М. В. Родзянко «по вопросам, вызванным переживаемым моментом». В Москве, под председательством князя Г. Е. Львова, Земский и городской союз начал свои тайные совещания «с целью спасения родины» путем переворота. Брожение в умах коснулось даже войск фронта, чему способствовало появление в рядах офицерства множества прапорщиков, окончивших ускоренные курсы военных училищ, и разложение среди части офицеров Генерального штаба, немало «потрудившегося» над тем, чтобы войска гвардии, представлявшей собой самый верный оплот Престола,

перебрасывались с одного участка фронта на другой и участвовали в наиболее кровопролитных боях.

* * *

Узнав о том, что в прифронтовую полосу прибывает Государь Император и Цесаревич, к полотну железной дороги толпами прибывали крестьяне, радостно приветствовали их и низко кланялись. Они душой чувствовали, что они за народ, за крестьянство. Недаром Григорий Ефимович Распутин — такой же, как они, простой мужик, бывает у Царя, дает ему советы, и Царь к ним прислушивается.

Взяв в свои руки командование армией, Государь отнял у врага надежду на замирение. Немцы, в частности, кайзер Вильгельм, знали, что русский Царь — человек чести и слова и союзникам не изменит. Поэтому враги Царской власти предприняли все возможное, чтобы скомпрометировать русского Императора. Немецкий «агитпроп» устами своих ставленников сочинял всякие небылицы, частушки, которые распевали не нюхавшие пороха новобранцы. Когда же Государь был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, который он высоко ценил, продажные «фольклористы» сочинили кое-что «почище»: «Царь-то с «Егорием», а Царица с Григорием».

Новый, 1916 год, он встретил в Ставке.

1-го декабря 1915 года Царь издал приказ:

«Минул 1915 год, полный самоотверженных подвигов МОИХ войск. В тяжелой борьбе с врагом, сильным числом и богатым всеми средствами, они истомили его и своей грудью, как непреодолимым щитом Родины, остановили вражеское нашествие.

В преддверии Нового 1916 года Я шлю МОЙ привет вам, МОИ доблестные воины. Сердцем и мыслью Я с вами в боях и окопах, призывая помощь Всевышнего на ваши труды, доблесть и мужество. Помните, что без решительной борьбы над врагом наша дорогая Россия не может обеспечить себе самостоятельной жизни и права на пользование своим трудом, на развитие своих богатств. Проникнитесь поэтому сознанием, что без победы не может быть и не будет мира. Каких бы трудов и жертв нам ни стоило это, мы должны дать России победу.

В недавние дни Я приветствовал некоторые полки на прославленных сентябрьскими боями полях Молодечно и Вилейки. Я сердцем чувствовал горячее стремление и готовность всех и каждого до конца исполнить свой святой долг защиты Родины.

Я вступаю в Новый Год с твердою верою в милость Божию, в духовную мощь и непоколебимую твердость и верность всего русского народа и военную доблесть Моих Армии и Флота.

На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукой написано: **«НИКОЛАЙ»**.

Подобно античному герою, Антею, который получал новые силы, стоило ему коснуться Матери-Земли, русский Царь черпал из источника, который называется «Православие, Самодержавие, Народность». Но, увы, как и Антей, Царь оказался оторванным от народа. «Черные сотни» спасли русское самодержавие в 1905 году, когда простые русские люди, «вооруженные» лишь Царскими портретами, трехцветными флагами и любовью и преданностью Царю, смяли толпы вооруженных револьверами и бомбами бунтовщиков. Так было в Киеве, когда в больницах оказалось 200 человек русских и всего 70 «жертв погромов». Последней каплей, переполнившей чашу терпения русских, был эпизод в Киевской Городской Думе. О нем сообщала газета «Киевлянин» № 311 за 1905 год. Эпизод произошел 18 октября 1905 года. «Бунтовщики сорвали портрет Государя Николая Александровича, прорвали дыру в полотне, и один из студентов с рыжей, носатой физиономией еврейского типа, просунув голову, кричал: «Долой Николашку! Теперь я могу быть царем!» Толпа кричала «ура». Начали рвать портреты покойных Государей и разбили доску мраморную». В 1905 году удалось вытащить из рамы носатую физиономию, но в 1917 году — нет. Потому что, как вспоминал один из носатых, «в 1905 году мы сделали ставку на солдат — и проиграли, а в 1917 году — на генералов, и выиграли».

* * *

Во второй половине 1915 года русская армия не только перестала отступать, но и перешла в наступление в районе Тарнополя и Трембовли. Первые же успехи подняли дух российского воинства. Боевые действия англо-французских войск, принесшие им успех в районе Шампани и Арраса (в этой связи произошел обмен поздравительными телеграммами между русским Императором и французским президентом Пуанкарэ), хотя и не облегчили положение русской армии, но ослабили натиск германцев на восток. В конце января 1916 года Государь посетил Северный и Западный фронты. После того, как Царский поезд остановился неподалеку от Двинска (нынешний Даугавпилс), Государь, пропустив церемониальным маршем почетный караул, вместе с генералами Плеве, Гурко и другими военачальниками в открытом автомобиле отправился к месту смотра, расположенному в нескольких верстах от станции. Там Государь сел верхом на коня (наездник он был великолепный) и проехал между рядами полков, останавливаясь у каждого из них. Поблагодарив за верную службу кавалерийские и артиллерийские части, Император направился к сводному пехотному полку, где были представлены офицеры и нижние чины от всех пехотных частей, действовавших в одной из армий фронта. Побеседовав с офицерами, Император обратился к полку со следующими словами: «Я счастлив, что мог прибыть сюда и увидеть представителей вашей доблестной армии и выразить в вашем лице, господа офицеры, и вы,

молодцы, Мое душевное и горячее спасибо всем вашим доблестным частям за их неустанно преданную, тяжелую славную боевую службу Родине и Мне. Горжусь, что нахожусь во главе одной из таких армий, которую составляете вы, молодцы; от всей души желаю вам дальнейших подвигов и окончательной победы над нашим дерзким и упорным врагом. Дай вам Бог здоровья и всякого успеха в предстоящих трудах ваших. Уверен, что никто не посрамит Земли Русской. Передайте всем товарищам вашим Мое сердечное спасибо и надежду их повидать».

Когда стихло «ура», сопровождавшее Царские слова, генерал Гурко сказал: «Во свидетельстве нашей готовности отдать все наши силы за Царя и Родину и во славу Государя Императора — Самодержца всей православной Руси, наше русское громовое «ура». При кликах войск Государь Император оставил место смотра и возвратился к часу дня в поезд. Его Величеству угодно было пригласить к Себе на завтрак генерала Плеве, генерала Гурко, начальников дивизий и бригад и командиров отдельных частей. За завтраком Государь Император милостиво беседовал с приглашенными, расспрашивая их о походной жизни. После завтрака Императорский поезд отбыл для дальнейшего следования. 30-го и 31-го января Государь Император смотрел кавалерийские части на Западном фронте. И здесь та же картина радостной встречи войсками своего Верховного Вождя. Его Величество в сопровождении главнокомандующего армиями, генерал-адъютанта Эверта и командующего армией генерала Литвинова, сначала объезжал кавалерию, а потом пропускал всю массу конницы мимо Себя...

«Эскадрон за эскадронам стройными рядами проходила наша конница,— вспоминал очевидец,— слыша себе Царское спасибо, и надо было видеть, в каком блестящем порядке представились на этом грандиозном Царском смотре и всадники, и кони, несмотря на трудности походной жизни в течение вот уже 18 месяцев».

Чтобы внести успокоение, среди членов Думы, Император, который прибыл с фронта в Петроград, 9 февраля присутствовал на молебне в церкви Таврического дворца. Затем обратился к депутатам: «Счастлив находиться... посреди Моего народа, избранниками которого вы являетесь... Твердо верую, что все вы... внесете в основу вашей работы весь свой опыт, все свое знание местных условий и всю свою горячую любовь к нашему Отечеству... От всей души желаю Государственной Думе... всяческого успеха».

Так называемые «общественные организации» приносили мало пользы.

Правый депутат Н.Е.Марков резко осудил их: «Все эти общественные военно-промышленные комитеты ничего до сих пор не сделали: ни одного ружья, ни одной пушки».

Свое отношение к думцам образно выразил Григорий Ефимович Распутин: «Дума — это собачья свадьба. Свои собаки дерутся, а вместе ходят и чужих не подпускают! Вот что — гнать ее надо, эту Думу!»

Не надолго приехав в Царское Село, Государь уже день спустя отправился в Ставку. В это время немцы начали беспрецедентный штурм Вердена,

смешав с землей французские укрепления. Чтобы ослабить их натиск, русские войска начали наступление в районе Вильно. Наступление шло медленно, немцы ожесточенно сопротивлялись. К тому же, была весенняя распутица. Наступление замерло, но дело было сделано.

Наследник Цесаревич, несколько месяцев остававшийся в Царском Селе, 17 мая (1916 года) в сопровождении наставников приехал к Отцу в Ставку. Две недели спустя началось знаменитое Брусиловское наступление.

30 сентября в Царскую Ставку прибыла сербская военная миссия. С миссией прибыл сербский посланник Сполайкович и генерального штаба полковник Айваз-Оглы. Генерал Юришич, первый адъютант Короля, по поручению последнего вручил Государю Императору звезду ордена Карагеоргия 1-ой степени с мечами и золотую медаль «За храбрость» Наследнику Цесаревичу, чему тот несказанно обрадовался.

6 ноября, в день храмового праздника Морского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Корпуса, юный Августейший Шеф послал первую свою телеграмму Морскому Корпусу: «Сердечно поздравляю Мое Морское училище с праздником и желаю ему дальнейшего процветания на пользу и славу нашего родного флота. Алексей».

Видя, что под водительством Государя армия готова и дальше одерживать победы, тем более, что дни, когда артиллерия оставалась без снарядов, а войска — без пулеметов, патронов и даже винтовок, ушли в прошлое, враги Государя засуетились. Пустивший корни заговор, признаки которого были замечены еще при смене Верховного Командования в лице Великого Князя, разрастался. Причина была одна: как «великокняжеская фронда», так и «Прогрессивный блок», поддерживаемый мнимыми «союзниками», опасались, что после победы России в войне под командованием Государя Императора авторитет его будет настолько высок, что ни о какой смене власти не может быть и речи. И «профессор исторической клеветы» Милюков, и пустобрех мнимый монархист Пуришкевич, и будущий «Главноуговаривающий» Александр Федорович Керенский — все они с думской трибуны обрушивались на Царскую власть. Несмотря на предупреждения честных людей. В декабре 1916 года журналист П. Ф. Булацель обличал разрушителей: «...Вы с думской кафедры призываете безнаказанно к революции, но вы не предвидите, что ужасы французской революции побледнеют перед ужасами той революции, которую вы хотите создать в России... Вы готовите могилу не только «старому режиму», но и бессознательно готовите могилы себе и миллионам ни в чем не повинных людей. Вы создадите такие погромы, такие варфоломеевские ночи, от которых содрогнутся даже одержимые революционной манией демагоги бунта, социал-демократии и трудовиков!»

И действительно, год с лишним спустя в Севастополе матросы устроили «Еремеевскую ночь» (испорченное «Варфоломеевская ночь»), убив сотни офицеров и «буржуев».

Удар, обрушившийся на Распутина, на самом деле был направлен на

Государя и Императрицу. И пришелся он на день после знаменитого приказа Императора, который, хотя и подчеркивал неизменную верность союзническому долгу, подтвердил приверженность Государя принципам Царского служения. Приводим приказ полностью:

«Приказ Государя Императора по армии и флоту

12-го декабря 1916 года

Среди глубокого мира, более двух лет тому назад, Германия, втайне издавна подготавливавшаяся к порабощению всех народов Европы, внезапно напала на Россию и ее верную союзницу Францию, что вынудило Англию присоединиться к нам и принять участие в борьбе. Проявленное Германией полное пренебрежение к основам международного права, выразившееся в нарушении нейтралитета Бельгии, и безжалостная жестокость германцев в отношении мирного населения в захваченных ими областях понемногу объединили против Германии и ее союзницы Австрии все великие державы Европы.

Под натиском германских войск, до чрезвычайности сильных своими техническими средствами, Россия, равно как и Франция, вынуждены были в первый год войны уступить врагу часть своих пределов, но эта временная неудача не сломила духа ни наших верных союзников, ни вас, доблестные войска Мои. А тем временем, путем напряжения всех сил государства, разница в наших и германских технических средствах постепенно сглаживалась. Но еще задолго до этого времени, еще с осени минувшего 1915 года враг наш уже не мог овладеть ни единой пядью Русской Земли, а весной и летом текущего года испытал ряд жестоких поражений и перешел на всем нашем фронте от нападения к обороне. Силы его, видимо, истощаются, а мощь России и ее доблестных союзников продолжает неуклонно расти. Германия чувствует, что близок час ее окончательного поражения, близок час возмездия за все содеянные ею правонарушения и жестокости.

И вот подобно тому, как во время превосходства в своих боевых силах над силами своих соседей Германия внезапно объявила им войну, так теперь, чувствуя свое ослабление, она внезапно предлагает объединившимся против нее в одно неразрывное целое союзным державам вступить в переговоры о мире. Естественно, желает она начать эти переговоры до полного выяснения ее слабости. При этом она стремится для создания ложного представления о крепости ее армий использовать свой временный успех над Румынией, не успевшей еще приобрести боевого опыта в современном ведении войны.

Но если Германия имела возможность объявить войну и напасть на Россию и ее союзницу Францию в наиболее неблагоприятное для них время, то ныне окрепшие за время войны союзницы, среди коих теперь находится

могущественнейшая Англия и благородная Италия, в свою очередь имеют возможность приступить к мирным переговорам в то время, которое они сочтут для себя благоприятным. Время это еще не наступило, враг еще не изгнан из захваченных им областей.

Достижение Россией созданных войной задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех ее ныне разрозненных областей еще не обеспечено. Заключить ныне мир значило бы не использовать плодов Русских войск и флота. Труды эти, а тем более священная память погибших на полях доблестных сынов России, не допускают и мысли о мире до окончательной победы над врагом, дерзнувшим мыслить, что если от него зависело начать войну, то от него же зависит в любое время ее окончить.

Я не сомневаюсь, что всякий верный сын Святой Руси, как с оружием в руках вступивший в ряды славных Моих войск, так равно и работающий внутри страны на усиление ее боевой мощи или творящий свой мирный труд, проникнут сознанием, что мир может быть дан врагу лишь после изгнания его из наших пределов, только тогда, когда окончательно сломленный, он даст нам и нашим верным союзникам прочные доказательства невозможности повторения предательского нападения и твердую уверенность, что самой силой вещей он вынужден будет к сохранению тех обязательств, которые он на себя примет по мирному договору.

Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, и Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный ваших геройских подвигов, славные войска Мои, мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память.

На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукою написано: « НИКОЛАЙ ».

Английские газеты «Таймс» и «Дейли Кроникл» живо откликнулись на приказ русского Императора. Союзники вздохнули облегченно: разговоры о сепаратном мире, который распространяли «доброхоты», оказались ни на чем не основанными. Приказ Императора одобрила и русская печать, которая еще не вся успела перекинуться на сторону врагов Царской власти. Вот что сообщалось в обзоре прессы:

«Ответ на немецкий мир»

Приказ Государя Императора армии и флоту, как грозный ответ врагу на его происки о преждевременном мире вызвал единодушный отклик в печати всей России. Приволжские газеты в один голос признают, что голос Монарха и на этот раз, как вчера, слился воедино с кровным желанием в народе.

В Харькове горнопромышленники юга России, углепромышленники и

биржевые промышленники Высочайший приказ армии и флоту понимали, как достойнейший ответ Монарха на германское предложение, и встречен он с чувством исключительной радости. Особенное внимание промышленных кругов привлекают слова приказа о поставленных войной задачах — обладание Царьградом и проливами. Высочайшие слова отражают давние желания южных промышленников, стремящихся найти выход из Донецкого бассейна и черноземного, хлеборобного юга в Средиземное море для создания новых хлебных и угольных рынков.

«Русская Жизнь» пишет: «Раскатами грома должно пронестись слово Государя по великой России... Слово Государя армии и флоту должно положить конец тем темным слухам, какие распускались разного рода подозрительными миролюбцами, нанятыми на немецкие деньги. С крестом в груди и мечом в руках, наша армия, предводительствуемая Государем, должна довести войну до победоносного конца. Такова непреклонная воля Вождя».

В том же обзоре было помещено и сообщение об отклике на приказ сербского правительства:

«*Корфу*. 16-го. Обращение сербов к Государю Императору»

По поводу Высочайшего приказа по армии и флоту о продолжении войны до полной победы над врагом сербский народ через свою печать откликнулся следующим обращением к Русскому Царю:

«Николаю Второму.— Бездонное славянское взбушевалось море... И, кидаясь в хмурые небеса кровавою пеной, у подножья Всевышнего нестрашима наша родная стихия восклицает: «Боже, Царя храни!»

И всенародным, решительным гневом вместе пылая, несокрушимой армии залпы орудий гремят: «Сильный, Державный, царствуй на славу!..» Чьи это стоны? Не пересыхающих ли ручьев славянских: Моравы, Соги, Савы и Вардара? Нет, это не стоны. Это эхо рвущихся у Битоля оков...

Приближенный Тобой к величайшим тайнам объединения, триединый народ — словенец, серб и хорват — Тебе гимн поет.

Это дети Югославии, своими кандалами темницу родины ломая, приветствуют Тебя, Император: «Царствуй, на страх врагам, Царь православный!»

Приводим сообщение, опубликованное в «Кронштадтском Вестнике» от 21 декабря 1916 года:

«*Прибытие Государя Императора*»

Его Величество Государь Император с Наследником Цесаревичем и Великим Князем Алексеем Николаевичем 19-го сего декабря изволили прибыть из действующей армии в Царское Село.

Подписал: министр Императорского Двора, генерал-адъютант граф Фредерикс».

Больше Цесаревичу в Ставку поехать не доведется никогда. Вместе с Августейшими родителями и сестрами он станет узником.

16 декабря 1916 года Лили Ден, находясь в Царском Селе, уведомила Императрицу, что назавтра намерена встретиться с Григорием Ефимовичем. Около пяти часов вечера на следующий день, когда она готова была выйти из дома, Лили позвонили из Александровского дворца. У аппарата была Государыня. Она отсоветовала Лили ехать к Распутину. Выяснилось, что накануне вечером он исчез. Она попросила Лили, жившую в Петрограде, приехать в Александровский дворец. Не теряя времени, Лили Ден села на поезд. Возле станции ее уже ждала карета с Императорским гербом. Лили Ден рассказывает:

«Государыня находилась в лиловой гостиной. Меня охватило предчувствие беды, но усилением воли я попыталась его подавить в себе. Еще никогда в гостиной Ее Величества не было так тепло и по-домашнему уютно. Воздух был напоен ароматом цветом и запахом пылающих дров. Государыня лежала на кушетке, рядом с нею сидели Великие Княжны. На скамеечке возле кушетки присела заплаканная Анна Вырубова. Ее Величество была очень бледна, в глазах тревога. Их Высочества молчали... Императрица и мысли не допускала, что их Друга нет в живых. Она утешала Анну, продолжавшую плакать, затем обратилась ко мне: — Сегодня вы переночуете в домике Анны. А завтра я прошу вас принимать посетителей вместо меня. Мне советуют самой этого не делать».

Лили Ден ответила, что будет счастлива оказать Ее Величеству любую услугу. После ужина она отправилась в дом Анны Александровны. Выяснилось, что он занят агентами полиции. Они объяснили свое присутствие тем, что раскрыт заговор с целью убить Императрицу и Анну Вырубову. Решив не поддаваться панике, Лили ушла в спальню. Ее охватило тревожное чувство. Неожиданно с грохотом упала икона, сбив при падении портрет Распутина, висевший на стене. Молодой женщине стало жутко. Уж не дурное ли это предзнаменование? Жив ли Григорий Ефимович? Несколько часов она лежала с открытыми глазами. Уснула лишь под утро. Разбудил ее топот бесчисленного множества ног. Казалось, огромная толпа направляется к Царскому дворцу. Следовательно, в Питере начался мятеж, и волна его докатилась до Царского Села, решила молодая женщина. Охваченная ужасом и тревогой за любимую ею Семью, она вскочила с постели. Она кинулась в столовую. Но там было тихо: полицейские офицеры спали прямо на полу. При появлении Юлии Александровны они проснулись. На вопрос, что произошло, она ответила: — А разве вы не слышите этот топот, грохот сапог огромной толпы? Открыв окна и ставни, офицеры прислушались. Все было тихо. — У Вас, видно, нервы расшалились, мадам,— сочувственно произнес один из полицейских чинов: на улице стояла полнейшая тишина.

Бывают минуты, когда человек, даже не обладающий такими выдающимися способностями, какими был наделен Григорий Ефимович Распутин, предсказавший и собственную гибель, и ужасные бедствия, которые обрушились на Россию, как бы предвидит грядущие события.

Автор этих строк, тогда ребенок, еще до начала Великой Отечественной войны, в снах видел толпы народа, скопившиеся на платформе станции Колпино, где мы тогда жили. Чтобы куда-то ехать. Явственно видел огромный двухмоторный самолет, как бы повисший над нашим домом. Оттуда из огромного рупора что-то кричали. Полгода спустя — тогда только что началась блокада, в кольце которой оказался и город Колпино — я вышел из нашего дома на Финляндской и увидел на собой совершенно такой же самолет, который медленно плыл над домом, над соседним заводом. С него сбрасывали тучи листовок, призывавших бойцов и командиров Красной армии сдаваться в плен. Содержание их было для меня непонятно: «Мир измученной Родине». «Сами напали на нас, — думалось мне, — да еще и требуют мира». Другая листовка была для меня еще непонятнее: «Бей жида-политрука, рожка просит кирпича!» Мой папа, о котором мы ничего не знали около трех месяцев, ушел с ополчением на фронт. Он был политруком, так как в этой же должности служил в городской пожарной команде. Родился он в деревне Заречье в Костромской области, никаким «жидом» не был. Ни единой строчки от него с фронта мы так и не получили. Осенью 41-го он погиб...

На следующий день верная подруга спозанок прибыла в Александровский дворец. Но Государыня была уже на ногах. Она сказала Лили Ден, что у нее дурное предчувствие. Два дня спустя из-под льда на окраине Петрограда извлекли тело Григория Ефимовича.

Выяснилось, что, предательски заманив к себе во дворец этого крестьянина, князь Юсупов при помощи «монархиста» Пуришкевича и Великого князя Дмитрия Павловича, убили своего гостя.

Впоследствии Юсупова спросили, не испытывает ли он угрызений совести: как-никак, человека убил.

— Нисколько, — ответил князь-палач. — Я собаку убил.

Уж не за это ли будут убивать, «как собак», и князей, и Великих Князей (к сожалению, не тех, кого следовало бы) во время «великой бескровной» и во время не менее «великой» октябрьской революций.

Государыня очень страдала, узнав об убийстве сибирского старца. Ведь, по ее мнению, лишь Распутин мог уберечь от болезни ее сына. Поняла она также, что следующей жертвой может быть сама.

Великий Князь Дмитрий несколько раз пытался получить аудиенцию у Государыни, но ему было отказано.

В народе говорили: «В кои-то веки наш брат-мужик дошел до Царя, но тут бере его и убили».

Через сутки после убийства Распутина в Царское Село приехал Государь. Он отправил Дмитрия Павловича в Персию, князя Юсупова — в его имение,

Пуришкевич остался безнаказанным. Но год спустя он умрет от тифа.

В своих мемуарах, изданных уже после революции, генерал А. А. Мосолов, один из приближенных Императора, очевидно, опасаясь уцелевших Великих Князей, утверждал, будто бы никакого великокняжеского заговора в конце 1916 и начале 1917 гг. не существовало. Между тем Гавриил Константинович, единственный оставшийся в живых из сыновей Великого князя Константина Константиновича, скончавшегося в 1915 году, рассказывает, что 29 декабря 1916 года все члены Императорской фамилии, находившиеся в Петрограде, собрались у Марии Павловны, которая была, по существу, душой заговора и составили письмо Государю Императору:

«Ваше Императорское Величество!

Мы все, чьи подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы Великого князя Дмитрия Павловича. Мы знаем, что Вы — бывший его опекун и Верховный попечитель — знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к Вам, Государь, и к нашей родине. Мы умоляем Ваше Императорское Величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья Великого князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском. Вашему Императорскому Величеству должно быть известно, в каких тяжких условиях находятся наши войска в Персии ввиду отсутствия жилищ и эпидемий и других бичей человечества. Пребывание там Великого князя Дмитрия Павловича будет равносильно его полной гибели, и в сердце Вашего Императорского Величества, верно, проснется жалость к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас, и для которого Вы были добры, как отец. Да внушит Господь Бог Вашему Императорскому Величеству переменить свое решение и положить гнев на милость.

Вашего Императорского Величества горячо преданные и сердечно любящие

Ольга (Королева Эллинов)

Мария (Вел. кн. Мария Павловна)

Кирилл

Виктория

Борис

Андрей

Павел

Мария (Вел. кн. Мария Павловна младшая)

Елисавета (Вел. кн. Елизавета Маврикиевна)

Иоанн

Елена

Гавриил

Константин

Игорь

Николай Михайлович
Сергей Михайлович
29 декабря 1916 года»

Император вернул петицию «доброхотам» со следующей резолюцией:

«Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне. Николай».

В отличие от большинства членов Императорской фамилии Великая Княгиня Ольга Александровна была возмущена убийством. «Участие в злодеянии двух членов нашего семейства лишь свидетельствовало об ужасающем падении нравов в высших кругах общества», — незадолго до своей смерти в 1960 году говорила она.

О том, что Царь был удручен убийством Григория Ефимовича Распутина, гласит запись в его дневнике от 21-го декабря 1916 г.: «...Присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек. извергами в доме Ф. Юсупова, кот. стоял уже опущенным в могилу».

Весь январь и почти весь февраль 1917 года Император находился в Царском Селе, работал с картами, готовясь к весеннему наступлению русской армии. Запись от 20-го февраля гласит: «После десятиминутной прогулки принял Григоровича и полк. Данильченко, командира запасного батальона Измайловского полка».

Государь и не подозревал, что адмирал Григорович, его морской министр, знал о заговоре против Царя. С возникновением «временного правительства», когда морских офицеров будут убивать в Кронштадте, Выборге, Гельсингфорсе, адмирал будет прятаться в здании Главного штаба *и пальцем о палец* не ударит, чтобы прийти им на помощь.

Вскоре после отъезда Императора в Ставку Лили Ден, почти ни на минуту не отходившая от Государыни, узнала по телефону от своей тетушки, графини Коцебу-Пилар, что ей необходимо приехать в Петроград. Графиня сообщила племяннице, что накануне была в гостях у Коцебу.

— Рассказывают ужасные вещи, Лили, — воскликнула графиня при встрече.

— Ты должна предупредить Ее Величество. Среди гостей было много офицеров, и они открыто заявляли, что Его Величество больше не вернется из Ставки. Что ты намерена предпринять? Ведь ты постоянно общаешься с Ее Величеством. Она не должна оставаться в неведении.

— Этому рассказу она не поверит, — возразила Лили.

— Тем не менее, твой долг — передать ей то, что я тебе сказала.

Как Лили Ден и ожидала, Императрица отнеслась с недоверием к известию.

— Это злые сплетни, и только. Впрочем, раз ты так встревожена, вызови Дворцового коменданта и расскажи ему все.

Лили так и сделала. Генерал Гротен, помощник Дворцового коменданта, сердито закричал:

— И охота вам слушать бабьи сказки! За версту видно, что это ложь.

Впрочем, я непременно свяжусь со Ставкой Его Величества.

Неизвестно, связался генерал Гротен со Ставкой или нет. НО ТРИ ДНЯ СПУСТЯ ПРОИЗОШЕЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ.

Э.Н.Гиацинтов. Цитир. пр. С. 51.

Г.Шавельский. Цитир. пр. Т.1. С. 305.

А.А.Вырубова. Цитир. пр. С. 160.

Г.Шавельский. Цитир. пр. Т.1. С. 271-272.

В.В.Шульгин. Что нам в них не нравится... М.: Русская книга. 1994. С. 381-382.

Глава десятая

ЦАРЕВНЫ

«Дети были главною радостью Царской четы», — свидетельствует бывший начальник канцелярии Министра Двора генерал А. А. Мосолов. Царские дети были очень дружны. И дочери, и сын, Наследник Алексей Николаевич, обожали своих Августейших родителей. В своих потребностях они были неприхотливы. Спали на жестких постелях с волосяными подушками. Развлечения у них были самые немудреные. Однажды, во время маневров войск Московского военного округа, когда Царская Семья жила в поезде, Великая Княгиня Ольга Александровна, их тетушка, придумала такую затею. Взяв серебряные подносы, девочки скатывались на них с высокой песчаной насыпи. Кому-то из детей, а, возможно, и самой Ольге Александровне, пришла в голову мысль затеять состязания — кто первым спустится с насыпи. Генерал-адъютант Струков заявил, что первым спустится он. Ему не поверили. Когда по команде все устремились вниз, генерал, при парадной форме, с орденской лентой и саблей, усыпанной бриллиантами (за взятие Андрианополя), прыгнул вниз с трехсаженной высоты, рискуя сломать себе ноги. Дети аплодисментами встретили победителя.

Когда Наследник, родившийся в 1904 году, подросток, цирк Чинизелли подарил ему старого ослика Ваньку, знавшего много трюков. Цесаревич катался на ослике, запряженном в коляску или санки. У него было множество самых дорогих игрушек, но, разумеется, дороже всего было для него общество детей, его ровесников. «Императрица... редко приглашала к нему его двоюродных братьев, резвых и грубых мальчиков, — писала в воспоминаниях А. А. Вырубова. — В играх принимали участие сыновья матроса Деревенько, два маленьких мальчика, и сын доктора Деревенко, Коля. Последние годы приезжали маленькие кадеты играть с Наследником». От этих-то кадетов Цесаревич и заразится корью в роковом феврале 1917 года.

О том, какой любовью пользовались Царевны и Цесаревич со стороны простого люда, свидетельствует следующий эпизод.

Однажды во дворец приехали из Сибири старик крестьянин с женой.

Оказалось, что они привезли с собой ручного соболя, которого старик поймал в тайге. Денег, которых, как они рассчитывали, должно было хватить до Питера и обратно, хватило лишь до Москвы. Старики хотели было идти в Петербург пешком, чтобы подарить соболя Царским детям, но в Москве какой-то добрый человек купил им билеты до столицы. Сначала в Зимний дворец их не пустили, но после того, как местный губернатор прислал телеграмму, в которой благожелательно отозвался о сибиряках, начальник канцелярии доложил о них Императрице. Та повелела прислать обоих стариков во дворец, так как Великие Княжны и Цесаревич ждут — не дождутся, чтобы посмотреть на ручного зверька. Более часа оставались старики с Царскими детьми и Императрицей. Императрица была очень ласкова с гостями из Сибири. Но старик-охотник не мог уехать, не повидав Государя. На следующий день Царь прибыл во дворец и встретил гостей. Пока дети играли со зверьком, Царь расспрашивал охотника и его жену об охоте, о жизни в Сибири. Два часа продолжался разговор Императора с гостями. Ему было любопытно узнать и о тамошнем быте, и о повадках зверей. Поняв, что дети не смогут ухаживать за соболем, Царь решил отдать зверька охотнику.

— Смотри за ним, это уже мой соболь. Скажи Мосолову, пусть министр наградит тебя за подарок. С Богом и доброго пути!

Царь приказал заплатить старику несколько сотен рублей за соболя, жене его подарил брошь, а самому охотнику — часы с Императорским гербом. Кроме того, щедро оплатил дорогу в Сибирь. Великие Княжны очень жалели, что им пришлось расстаться с живой игрушкой, но «Папа сказал, что это так нужно».

Не следует полагать, что жизнь Царских детей была сплошным развлечением. Еда у них была простой, пирожных и иных лакомств к чаю не подавалось. «Пока дети были маленькие, — вспоминала А. А. Вырубова, — они в белых платьицах и кушаках играли на ковре с игрушками, которые сохранялись в высокой корзине в кабинете Государыни; позже они приходили с работами. Императрица не позволяла им сидеть сложа руки».

У Ольги Николаевны, старшей из Великих Княжон, были красивые светлые волосы, лицо — широким овалом, чисто русское, не особенно правильное, но ее замечательно нежный цвет лица и удивительно выразительные и добрые глаза, при милой улыбке, придавали ей много свежести и прелести. Такой ее запомнил генерал А. А. Мосолов.

Татьяна была выше, тоньше и стройнее сестры, лицо у нее более продолговатое, и вся фигура — породистее и аристократичнее, волосы немного темнее, чем у старшей. На взгляд генерала, Татьяна Николаевна была самую красивую из четырех сестер. Как ему представлялось, она имела более скрытный характер, но, может быть, с более глубокими, чем у

ее сестер, душевными качествами.

Старших Царевен их родители называли «Большие», а младших — «Маленькие». Мария Николаевна была крепко сложенным подростком с веселым русским лицом и необычайно сильной. Гоф-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, погибшая в Перми вместе с юной графиней Н. В. Гендриковой от рук палачей из ЧК, находила, что у Ольги Николаевны характер был ровный, хороший. Мария Николаевна была добра по натуре, но ей свойственно было некоторое упрямство. У младшей, Анастасии Николаевны, было не столь правильное, как у ее сестер, но очень живое и выразительное лицо. Она была смелее их и очень остроумна.

29 мая (11 июня) 1917 года Император записал: «Дорогой Татьяне минуло 20 лет... В 12 час. был молебен...» Хотя приказ Керенского, доставленный во дворец «революционным генералом» Корниловым гласил, что аресту подлежат «бывший Император и бывшая Императрица», в действительности вся Семья Государя, а также их верные слуги оказались пленниками «благоверного» временного правительства.

Сестры, придумавшие себе коллективное имя — ОТМА (Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия) называли Татьяну «гувернанткой». Организованная, наделенная сильной волей, с твердыми принципами, которым она следовала неукоснительно, Татьяна Николаевна, хотя и была моложе Ольги, играла ведущую роль. С красивыми каштановыми волосами, прекрасными чертами лица, унаследованными от Государыни, именно она принимала все решения за сестер и брата. Один из офицеров конвоя, уже в Тобольской ссылке, свидетельствовал: «Вы сразу понимали, что перед вами Царская дочь». Но никто из Детей не был в обиде на сестру. Напротив, они всем сердцем были привязаны друг к другу.

«Великие Княжны выросли простые, ласковые, образованные девушки, ни в чем не выказывая своего положения в обращении с другими», — вспоминала в 1922 году А. А. Танеева (Вырубова). И все Царские Дети обожали своих Родителей. Татьяна была особенно привязана к матери, Ольга — к отцу. С. Я. Офросимова, простая жительница Царского Села, передает свои детские впечатления:

«...По дорожке Царскосельского парка идет Государь с Великими Княжнами... Лицо Государя оживлено, на нем нет обычной грусти. Он идет легким и бодрым шагом в кругу своих дочерей. Все они красивы, сильны и молоды; от них веет здоровьем и жизнью. Они... перегоняют друг друга, слишком тесно окружают Отца... Великая Княжна Ольга Николаевна идет с Ним под руку, крепко прижавшись к Его плечу, и с любовью смотрит Ему в лицо. Она что-то слушает и смеется. Великая Княжна Татьяна Николаевна идет под руку с другой стороны и тоже крепко сжимает руку Отца и что-то быстро-быстро говорит. Младшие Княжны то забегают вперед, то идут позади... Его синие добрые глаза словно говорят всем: «Посмотрите, какие у меня славные дочери. Они не только мои, но и ваши: они — русские». ...Великие Княжны

воспитывались в строгом патриархальном духе, в глубокой религиозности. Это и воспитало в них ту веру, ту силу духа и смирения, которые помогли им безропотно и светло вынести тяжелые дни заточения и принять мученическую смерть...

В моем воображении я снова вижу их <Великих Княжон> сидящими напротив меня, как и в то далекое время.

Наискось от меня сидит Великая Княжна Ольга Николаевна. К ней меня влечет неодолимая сила — сила ее обаяния. Я почти не могу работать, когда она сидит так близко от меня, и все смотрю на ее обворожительное личико. Я только тогда смущенно опускаю глаза на работу, когда мой взгляд встречается с ее умными, добрыми и ласковыми глазами, я смущаюсь и теряюсь, когда она приветливо со мной заговаривает.

...Ее нельзя назвать красивой, но все ее существо дышит такую женственностью, такую юностью, что она кажется более чем красивой. Чем больше глядишь на нее, тем милевиднее и прелестнее становится ее лицо. Оно озарено внутренним светом, оно становится прекрасным от каждой светлой улыбки, от ее манеры смеяться, закинув головку слегка назад, так что виден весь ровный, жемчужный ряд белоснежных зубов. Умело и ловко спорится работа в ее необыкновенно красивых и нежных руках. Вся она, хрупкая и нежная, как-то особенно заботливо и с любовью склоняется над простой солдатской рубашкой, которую шьет... Невольно вспоминаются слова, сказанные мне одним из ее учителей: «У Ольги Николаевны хрустальная душа».

Направо от меня сидит Великая Княжна Татьяна Николаевна. Она Великая Княжна с головы до ног, так она аристократична и царственна. Лицо ее матово-бледно; только чуть-чуть розовеют щеки, точно из-под ее тонкой кожи пробивается розовый атлас. Профиль ее безупречно красив, он словно выточен из мрамора резцом большого художника. Своеобразие и оригинальность придают ее лицу далеко расставленные друг от друга глаза. Ей больше, чем сестрам, идет косынка сестры милосердия и красный крест на груди. Она реже смеется, чем сестры. Лицо ее иногда имеет сосредоточенное и строгое выражение. В эти минуты она похожа на мать. На бледных чертах ее лица следы напряженной мысли и подчас даже грусти. Я без слов чувствую, что она какая-то особенная, иная, чем сестры, несмотря на общую с ними доброту и приветливость. Я чувствую, что в ней свой целый замкнутый и своеобразный мир.

Рядом с нею сидит Великая Княжна Мария Николаевна. Ее смело можно назвать русской красавицей. Высокая, полная, с соболиными бровями, с ярким румянцем на открытом русском лице, она особенно мила русскому сердцу. Смотришь на нее и невольно представляешь ее одетой в русский боярский сарафан; вокруг ее рук чудятся белоснежные, кисейные рукава, на высоко вздымающейся груди — самоцветные камни, а над высоким белым челом — кокошник с самокатным жемчугом. Ее глаза освещают все лицо особенным лучистым блеском; они так сини, что по временам кажутся

черными, длинные ресницы бросают тень на яркий румянец ее нежных щек. Она весела и жива, но еще не проснулась для жизни; в ней, верно, таятся необъятные силы настоящей русской женщины.

Напротив меня сидит Великая Княжна Анастасия Николаевна. Ее хорошенькое личико полно живости и лукавства. Ее быстрые глазки всегда сверкают неудержимым весельем и задором, они неустанно зорко высматривают, где бы ей нашалить. Они ничего не пропускают из происходящего вокруг, они все подмечают, а острый, подчас беспощадный язычок рассказывает о всем виденном. Всюду, где она появляется, загорается неудержимая жизнь и звучит веселый смех. При ней «даже раненые пляшут», по собственному ее выражению. Как ей не сидится за шитьем; но бледные, тонкие руки Татьяны Николаевны быстро вяжут рукавицу, Ольга Николаевна еще ниже склонила головку над шитьем, а Мария Николаевна выбирает себе новую работу. Надо сидеть и работать... И ее быстрая ручка берет первую попавшуюся детскую рубашонку».

С. Я. Офросимова вместе с Великими Княжнами работала в одном из залов Екатерининского дворца в Царском Селе, превращенном в склад, где дамы и девушки работали над упаковкой бинтов, приготовлением корпии. Почти ежедневно в складе работали и Царские Дочери. Госпоже С. Я. Офросимовой мы обязаны портретами Царских Детей. Именно ей мы обязаны и глубоким пониманием внутренней сущности Царских Детей, проживших такую короткую жизнь и не успевших ни проявить всех своих душевных качеств, ни пожить радостями молодости.

«На долю их выпало совсем иное... Они выпили до дна всю чашу страдания, выпили кротко и смиренно, укрепляясь духом в своем заточении. Так же как и в дни своего величия, они разливали вокруг себя лишь свет и любовь, всем находили они ласковое слово и не забыли тех, к кому были привязаны и кто им остался верен. Даже в заточении находили они свои радости и облегчали муки безграничной любовью друг к другу. Вера в Бога и в торжество добра, любовь к родине, всепрощение и любовь ко всему миру Божьему не меркли, но росли в их сердцах в ужасные дни испытаний. Они умерли в радости, как могут умереть только истинные христиане-мученики».

* * *

Дети, как называла Великих Княжон А. А. Танеева и Ю. А. (Лили) Ден (самые близкие подруги Государыни и Царских Детей) целиком разделяли взгляды Августейших родителей, которые не любили ничего показного, кричащего, стремились держаться подальше от «ликующих, праздно болтающих». Они наслаждались самыми простыми радостями — общением с природой, друг с другом, с простонародьем, которое по своему укладу жизни ближе всего к

земле, к деревенскому восприятию мира.

Популярная исполнительница народных песен Надежда Плевицкая, выступавшая не раз в присутствии Государя, вспоминала, как по воскресеньям во дворец Великой Княгини Ольги Александровны, расположенный на Сергиевской улице (в советское время улица Чайковского), в котором в настоящее время находится Санкт-Петербургское отделение Торгово-Промышленной палаты, приезжали дочери Государя. Ольга Александровна устраивала для своих племянниц немудреные развлечения. «Царевны были прелестны всей свежестью... и простотой. Ольга Николаевна вспыхивала, как зорька, а у меньшей Царевны, Анастасии, все время шалили глаза», — вспоминала певица.

В своей книге «Подлинная Царица», вышедшей на английском языке в Лондоне в 1922 году, Лили Ден (она была не намного старше Ольги Николаевны) много страниц посвящает Великим Княжнам и Цесаревичу. Живя рядом со дворцом и часто общаясь с Царской Семьей и Детьми, она всем сердцем привязалась к ним. Лили Ден писала:

«Жили мы тогда счастливой жизнью. Великие Княжны на глазах превращались из девочек в цветущих, очаровательных девушек. Нельзя сказать, чтобы они были похожи друг на друга внешне, каждая из Их Высочеств обладала характерной для нее внешностью. Но все они были наделены милым нравом. Не могу себе даже представить, что нашлись нелюди, которые, говорят, стреляли и наносили удары штыком этим беспомощным созданиям в Екатеринбургском доме смерти. Не только их красота, но и их приветливость должны были бы послужить им защитой. Однако, если правда, что они погибли, то лучшей эпитафией им будут эти бессмертные слова: «Милы и прекрасны они были при жизни, и смерть не смогла разлучить их».

Великая Княжна Ольга Николаевна была самой старшей из четырех сестер-красавиц. Это было милое существо, и всякий, кто видел ее впервые, тотчас влюблялся в нее. В детстве она была некрасивой, но в пятнадцать лет как-то сразу похорошела. Немного выше среднего роста, свежее лицо, темно-синие глаза, пышные светло-русые волосы, красивые руки и ноги. К жизни Ольга Николаевна относилась серьезно, была наделена умом и покладистым характером. На мой взгляд, это была волевая натура, одно время ее прочили в невесты румынскому кронпринцу Каролю. Однако Ее Высочество не любила наследного принца, да и тому больше нравилась Великая Княжна Мария Николаевна, поэтому помолвка не состоялась. Все сестры любили друг друга и страстно обожали своего маленького брата. В одной книге, недавно изданной в Англии, Великие Княжны изображены этакими Золушками, которых постоянно затирали в Царской Семье, все внимание уделяя Цесаревичу. Это ложь. Действительно, Ее Величество страстно желала сына, и появление на свет четырех дочерей одна за другой было для нее, в известной степени, разочарованием, однако она любила своих

девочек, они были неразлучными ее спутницами, а их простое, но довольно строгое воспитание отнюдь не превращало их в Золушек.

Великая Княжна Татьяна Николаевна была такой же обаятельной, как и ее старшая сестра, но по-своему. Ее часто называли гордячкой, но я не знала никого, кому бы чувство гордыни было менее свойственно, чем ей. С ней произошло то же самое, что и с Ее Величеством. Застенчивость и сдержанность ее приписывали высокомерию, но, стоило вам познакомиться с нею поближе и добиться ее привязанности, как сдержанность исчезала, и вам предстала подлинная Татьяна Николаевна. Она была наделена поэтической натурой, стремилась к идеалу и жаждала большой дружбы. Его Величество горячо любил вторую свою дочь, и сестры шутили, дескать, если надо обратиться с какой-то просьбой, то «Татьяна должна попросить Папа, чтобы он нам это разрешил». Очень высокая, тонкая, как тростинка, она была наделена изящным профилем камеи, синими глазами и каштановыми волосами. Она была свежа, хрупка и чиста, как роза.

Все Великие Княжны были бесхитростными, невинными созданиями. Ничего нечистого, дурного в их жизнь не допускалось. Ее Величество очень строго следила за выбором книг, которые они читали. В основном, это были книги английских авторов. Их Высочества не имели ни малейшего представления о безобразных сторонах жизни, хотя, увы!, им суждено было увидеть самое гадкое, что в ней существует, и столкнуться с самыми низменными чертами человеческой природы.

Когда я впервые познакомилась с Великой Княжной Марией Николаевной, она была еще совсем ребенком, но во время революции мы привязались друг к другу и почти все время проводили вместе. Девочка была просто золото, обладала недюжинной внутренней силой, но до наступления тех кошмарных дней я даже не подозревала, насколько она самоотверженна. Она тоже была поразительно красива. Была наделена типично романовской внешностью: темно-синие глаза, опущенные длинными ресницами, копна темно-каштановых волос. Мария Николаевна отличалась некоторой полнотой, что было поводом для шуток со стороны Ее Величества. Она была не такой живой, как ее сестры, но зато имела твердые убеждения. Она всегда знала, чего хочет и зачем.

Самая младшая из Великих Княжон, Анастасия Николаевна, казалось, была не из плоти и крови, а из ртути; она была чрезвычайно остроумна и обладала несомненным даром мима. Во всем умела находить забавную сторону и была сама не своя до всяческих розыгрышей. Думаю, из нее получилась бы великолепная комедийная актриса. Это был настоящий сорванец, но сказать, чтобы она отставала в своем развитии, как однажды заявил месье Жильяр, наставник Цесаревича, я бы не посмела. Во время революции Анастасии исполнилось всего шестнадцать — не ахти какой преклонный возраст, в конце-то концов! Она была хорошенькой, но лицо у нее было смышленное, и в глазах светился недюжинный ум.

Всем Великим княжнам была совершенно чужда гордыня, и когда во время

войны они ухаживали за ранеными, их знали, как сестер Романовых, которые отзывались на свои номера: Романова первая, вторая, третья и четвертая. Их Высочества занимали две спальни; в одной из них жили Ольга и Татьяна, в другой — Мария и Анастасия Николаевны. Это были просторные, светлые комнаты, с украшениями и мебелью зеленого и белого цвета. Сестры спали на походных кроватях — так было заведено еще в царствование Императора Александра III, который полагал, что Царские дочери не должны спать на более удобных кроватях, до тех пор, пока не выйдут замуж. В углах комнат висели образа, обстановку составляли красивые туалетные столики, кушетки с вышитыми вручную подушками. Их Высочества питали пристрастие к картинам и фотографиям. На стенах было развешено множество снимков, сделанных ими самими, которые главным образом изображали виды близкого их сердцу Крыма.

Просторная комната, разделенная портьерой, служила Их Высочествам туалетной и ванной. Половина ее была заставлена шкафчиками и комодами, во второй половине стояла массивная серебряная ванна. Вкусы Великих Княжон несколько отличались от непритязательных вкусов Ее Величества и, принимая вечером ванну, Царевны добавляли в воду духи и, для ее смягчения, миндальные отруби. Как и их Августейшая родительница, они обожали парфюмерию, непременно фирмы Коти. Татьяна предпочитала «Jasmin de Corse» («Корсиканский жасмин» — франц.); Ольга — «Rose The» («Чайная Роза» — франц.); Мария Николаевна то и дело меняла духи, но очень часто останавливалась, в конечном счете, на «Сирени», а неизменными духами Анастасии Николаевны были «Фиалка».

Горничные Их Высочеств представляли собой нечто среднее между камеристками, служанками и нянями. Все это были девушки из хороших семей. Самой любимой из них была мадемуазель Теглева (Впоследствии она выйдет замуж за П.Жильера), которую обычно называли Шурой, двух других звали Елизавета и Нюра. Ее Величество, верная своему викторианскому воспитанию, очень хотела, чтобы девушки носили чепцы, однако, они почтительно, но твердо отказались выполнить такого рода пожелание Государыни. Их Высочества любили своих горничных и часто помогали им убирать комнаты и стелить постели. В отличие от родительницы, они, как и большинство русских девушек, имели собственные пристрастия в одежде, но Ее Величество, не желая баловать дочерей, сама выбирала и заказывала им платья. В детстве девочки одевались одинаково, но затем две старшие Великие Княжны стали носить похожие платья, а младших одевали под стать их сестрам. Единственная вольность, которую допускала Императрица в одежде Их Высочеств, это парадные мундиры с юбками, соответствовавшие форме полков, шефами которых они были. Великие Княжны очень гордились и своими мундирами, и полками своего имени. Всегда присутствовали на парадах, надев форму своих полков, что неизменно доставляло им огромное удовольствие.

Их Высочества никогда не кичились своим происхождением. Со

свойственной им учтивостью они неизменно пропускали меня вперед, выходя из какого-то помещения. При этом не было ни церемонности, ни суеты; это были славные, милые девочки, и я любила их всех. Их Высочества поднимались рано и вскоре принимались за уроки. После утренних уроков они гуляли с Его Величеством. В перерыв между ленчем и чаем они вновь отправлялись с отцом на прогулку. Разговаривали они по-русски, по-английски, немного по-французски. По-немецки они не разговаривали никогда. Хотя они хорошо танцевали, возможность для этого предоставлялась им редко. Разве только когда Императорская Семья отправлялась в Крым, где княгиня Мария Барятинская устраивала для них танцевальные вечера.

Движущим стимулом в жизни этих очаровательных существ была любовь к семье. Ни о чем другом, как о домашнем очаге, они и не думали. Объектами их привязанности были родители, брат и немногие друзья. На первом месте у них стояли Их Величества. Первое, что неизменно спрашивали Дети, как мы их называли, это: «А Папа это понравится?» «Как ты полагаешь, Мама это одобрит?»

* * *

«Забыв присягу в верности и звание флигель-адъютанта, которое он [Великий Князь Кирилл Владимирович] получил от Императора, он пошел сегодня в четыре часа преклониться пред властью народа... И все, офицеры и солдаты, заявляли о своей преданности новой власти, которой они даже названия не знают... Во время сообщения об этом позорном эпизоде я думаю о честных швейцарцах, которые были перебиты на ступенях Тюильрийского дворца 10 августа 1792 года. Между тем, Людовик XVI не был их национальным государем и, приветствуя его, они не называли его «Царь-Батюшка», — писал Морис Палеолог, французский посол, о начале февральского переворота.

Таким честным швейцарцем можно считать и Пьера Жильяра — наставника Наследника Цесаревича и учителя французского языка Царским Детям, оставшегося преданным Государю Императору и Его Семье. Верным Царской Семье остался и англичанин Сидней Гиббс, учитель английского языка Великих Княжен и Цесаревича.

В Александровском дворце он появился осенью 1908 года и десять лет служил верой и правдой Августейшим хозяевам.

Именно Сиднею Гиббсу и Пьеру Жильяру — людям беспристрастным и честным — мы обязаны представлению о том, какими были в последние месяцы жизни Царственные Мученики. Сидней Гиббс вспоминал:

«Государю тогда было 50 лет. Чрезвычайно честный, жизнелюбивый, добрый и сострадательный по натуре, горячий патриот. Он превосходно говорил и писал по-английски и по-немецки, обладал исключительной памятью.

Императрице Александре Феодоровне исполнилось 45 лет. Она сохранила следы былой красоты и изящества. У нее были чудные добрые серые глаза... Не будучи высокомерной в обычном смысле этого слова, Государыня никогда не забывала своего положения. Вид у нее был царственный, но в ее присутствии я чувствовал себя просто, без стеснения... Ее религиозность, присущая православным верующим, была совершенно искренней и не носила каких бы то ни было следов истеричности. (Слова Гиббса опровергают клеветническое утверждение Великого князя Александра Михайловича — «Сандро»: «Ее религиозность получила истерический характер».) Более напористая и энергичная по натуре, чем Царь, Императрица никогда не перечила Супругу. Я ни разу не видел, чтобы они ссорились. Великой Княжне Ольге Александровне в Тобольске исполнилось 22 года. Белолицая, с золотисто-русыми волосами и прекрасными голубыми глазами. После болезни она сильно похудела. Неиспорченная по природе, скромная, добрая, открытая, подчас она могла вспылить, быть резкой... Своими моральными принципами напоминала Отца, которого боготворила. Ее отличала особая религиозность».

«Великой Княжне Татьяне Николаевне, высокой, изящной девушке было двадцать лет,— вспоминал Гиббс.— Такой худенькой и стройной девушки трудно было сыскать. Кожей она была смуглее своих сестер. Татьяна казалась со стороны высокомерной и замкнутой. У нее была обязательная натура, задумчивая. Проникнуть в ее мысли было трудно, хотя она более решительно, чем остальные сестры, отстаивала свое мнение. Несмотря на то, что исполнительское мастерство ее, как пианистки, было выше, чем у остальных Великих Княжон, игра ее отмечалась некоторой сухостью. Зато она великолепно рисовала и вышивала. На мой взгляд, Государыня любила ее больше, чем остальных дочерей. Любой поблажки или поощрения можно было добиться лишь через Татьяну Николаевну».

По словам Гиббса, Великая Княжна Ольга Николаевна унаследовала от Государя лучшие стороны его души: простоту, доброту, скромность, непоколебимую честность, неистребимую любовь к Родине, а от Императрицы — горячее религиозное чувство, самообладание и крепость духа. Она и слышать не хотела, чтобы выйти замуж за иностранного принца: «Я не хочу покидать Россию. Я русская и хочу остаться русской». Третья дочь Августейшей четы, Мария Николаевна, как показалось Гиббсу, была крепкой, веселой и — чуточку — с ленцой.

В октябре 1898 года Государь писал родительнице, находившейся в заграничном путешествии: «Теперь я в состоянии Тебе сказать, дорогая Мама, что, с Божией милостью, мы ожидаем в будущем Мае нового счастья в Семье. Все это время, с тех пор, как я вернулся... моя милая Аликс себя чувствовала нехорошо, ее тошнило и пр.» Месяц спустя Император сообщал Марии Федоровне: «Противное чувство прошло — она <Императрица Александра Феодоровна> очень мало ходит и, когда тепло, лежит на кушетке

на балконе. По вечерам она лежит в постели, и я ей читаю, мы уже окончили «Войну и мир»».

В мае 1899 года родилась Великая Княжна Мария Николаевна — по мнению многих, самая красивая, типично русская, добродушная, веселая, с ровным характером, приветливая девушка. Она любила и умела поговорить с каждым, в особенности с простым народом. У нее было всегда много общих тем с ними... Она была очень сильная... Имела способности к рисованию и рукоделию». На картине К. Е. Маковского (1905 год) Великая Княжна в кресле, с куклой в руках. Белое платье, светлые волосы, ясные серые глаза, приветливая улыбка на нежных губах. Впоследствии волосы девочки потемнеют, сама она чуточку пополнеет, нальется силой и здоровьем. Как рассказывал Гиббс, проказливая, шустрая Анастасия оказалась весьма способной к языкам, хотя и приступила к занятиям позже своих сестер. Цесаревича Гиббс первое время видел лишь изредка. Младшие Царские дети доставляли немало хлопот своему учителю. Правда, шаловливая Анастасия, как убедился Гиббс, была девочкой добросердечной. Из всех племянниц Ольги Александровны Великая Княжна Анастасия Николаевна была ее самой любимой. Но у Великой Княгини было предчувствие, что ребенок долго не проживет. По меньшей мере дважды девочка оказывалась на краю могилы. В первый раз это произошло во время прогулки в Царскосельском парке вместе с Государыней. По непонятной причине лошади понесли. На счастье Императрицы и ее младшей дочери навстречу им выехал верхом граф Илья Воронцов. Соскочив с коня, он повис на поводьях и остановил коляску буквально в двух шагах от озера. Если бы не его храбрость и находчивость, быть беде.

Во второй раз девочка едва не погибла в Черном море. В 1906 году в Ливадии Государь и четыре его дочерей купались неподалеку от берега. Внезапно их накрыло огромной приливной волной, которая, откатываясь, увлекает с собой все, что только можно. Царь и трое девочек выплыли, но Анастасии не было видно. Государь нырнул в воду и, отыскав младшую дочь, схватил малышку за длинные волосы и вытащил ее на поверхность, после чего поплыл с нею к берегу.

И все же Анастасии нравилось море. Она обожала плавания на Императорской яхте «Штандарт». Во время плавания проказница садилась в ногах дивана, на котором лежал отец, а вечером, когда при закате солнца спускали флаг и стреляла пушка, она делала вид, что страшно боится и забивалась в самый дальний угол, затыкая уши и выглядывая из своего убежища деланно испуганными глазами. «Брызжущей энергией, шаловливой, звонко хохочущей — такой она запомнилась мне», — рассказывала много лет спустя Ольга Александровна, ее тетушка.

* * *

13 июня 1914 года Императорская яхта «Штандарт» покинула Ялту и на

следующий день вошла в гавань Констанцы — крупного румынского порта на Черном море. На набережной выстроился караул; батарея, возвышавшаяся над портом, произвела салют. Суда, находившиеся на рейде, были украшены флагами расцвечивания.

В начале июня Великая Княжна Ольга Николаевна спросила у Пьера Жильяра, учителя французского языка:

— Скажите, мсье Жильяр, правду. Зачем мы едем в Румынию?

Швейцарец, знавший истинную причину предполагавшегося визита Царской Семьи в Румынию, замялся.

— Полагаю, что это визит вежливости в ответ на посещение русских вод румынским королем.

— Понимаю, вы не желаете сказать мне настоящую причину. Все ее вокруг меня знают, и вы знаете.

Действительно, среди придворных разнесся слух о том, что предстоит обручение Великой Княжны с принцем Румынским Каролом. Увидев, что Пьер Жильяр кивнул головой, Ольга Николаевна, волнуясь, воскликнула:

— Ну, так знайте! Если я этого не захочу, то ничего и не будет. Папа обещал не принуждать меня.

— Но Вы будете иметь возможность приезжать сюда когда Вам будет угодно.

— И все равно я стану чужой в своей стране. А я русская и хочу остаться русской!

Днем 14 июня Их Величества угощали чаем румынского короля Кароля, королеву Елизавету, принцев и принцесс. До этого в местном соборе был отслужен молебен. Вечером, после военного парада, состоялся парадный обед. Ольга Николаевна сидела рядом с принцем Каролом и со свойственной ей приветливостью отвечала на его вопросы. Однако три ее сестры видели, что Ольге с ним неинтересно. И действительно, визит окончился ничем: принц Кароль Ольге Николаевне «не показался».

Зато ее брат, Цесаревич Алексей, нашел себе пару по душе. Принцесса Илеана, которая была на три года моложе его, — хорошенькая, веселая щебетунья, с первого взгляда влюбилась в пригожего и доброго русского Царевича. Узнай она про его болезнь, она все равно вышла бы за него замуж. Впоследствии, подросши, красавица принцесса вышла замуж за австрийского эрцгерцога, но затем развелась. Еще совсем молодая, принцесса Илеана приняла монашеский постриг, основала монастырь. Скончалась она в 1989 году. Как знать, возможно, она не смогла забыть тот день, когда, взяв за руку Алешу, она заглядывала в его синие глаза. И свое замужество сочла предательством памяти умученного Цесаревича.

Цесаревич, как и остальные Царские дети, любил переписываться с отцом, когда тот уезжал в Ставку. Порой мальчик подписывался в шутку «Пока холостой, неженатый Алексей». Увы, шутка оказалась мрачной действительностью.

Ни Цесаревичу, ни четверем его прекрасным сестрам не довелось ни познать радостей супружеской любви, ни поддержать на руках собственного ребенка.

С началом Великой войны жизнь Царской Семьи стала еще скромнее, чем была до этого. Были уменьшены столовые расходы. Государыня заявила, что ни себе, ни Великим Княжнам не сошьет ни одного нового платья. И сама Императрица, и ее дочери ходили в платьях сестер милосердия, причем зачастую в чиненых-перечиненых и старых башмаках, чтобы не тратить на них деньги. Личные же средства шли на благотворительные цели. Во всех дворцах Ее Величество открыла склады, снабжавшие армию бельем и перевязочными средствами.

После того, как Государыня и ее старшие дочери окончили курсы сестер милосердия, они работали в лазаретах наравне с «настоящими» сестрами. Работа хирургической сестры оказалась слишком тяжелой для Ольги Николаевны, поэтому она оставила ее, но лазарета не бросила, а стала ухаживать за ранеными и больными. Обе сестры вставали в 7 часов утра, отправлялись на занятия, затем на перевязки. Позавтракав, объезжали лазареты. Да и вечером не оставались без дела — занимались рукоделием или чтением.

«Так проходили [их] будни, — вспоминала Татьяна Мельник-Боткина. — Праздники же отличались только тем, что вместо утреннего посещения лазарета Их Величества и Их Высочества ездили к обедне в Феодоровский Государев собор». Собор этот, построенный незадолго до первой мировой войны, в начале 1934 года перестал существовать и был разграблен. В конце войны был разбит советскими орудиями и несколько десятилетний лежал в руинах. После больших реставрационных работ (не завершенных и поныне) храм (нижний, пещерный во имя св. Серафима Саровского) в 1991 году был открыт.

В верхнем храме имеется икона Феодоровской Божией Матери, чудесным образом обретенная. Неподалеку от Павловска у железной дороги в начале 1990-х гг. ее нашел один царскосел. Он был атеистом, но отнес икону в Софийский собор. Некоторое время спустя икона промыслительно оказалась в Феодоровском Государеве соборе. Царскосел стал горячо верующим. Во время Великой войны при Феодоровском Государеве соборе был создан лазарет № 17 имени Великих Княжен Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. Ктитор собора, полковник Д. Н. Ломан был начальником лазарета. Он устраивал концерты для больных и раненых в царскосельских лазаретах. В числе санитаров лазарета № 17 был Сергей Есенин, призванный на воинскую службу 25 марта 1915 года. В день тезоименитства Императрицы Матери Марии Федоровны и ее внучки Великой Княжны Марии Николаевны, 22 июля 1916 года, в лазарете № 17 состоялся концерт. Есенин, уже известный к тому времени поэт, прочитал приветствие Великим Княжнам, а вслед за тем — стихотворение, озаглавленное «Царевнам». Его оригинал был обнаружен в архиве Александровского дворца — прежней

резиденции Императора Николая II — бывшим сотрудником детскосельских дворцов-музеев Иконниковым:

В багровом зареве закат
шипуч и пенен,
Березки белые горят
в своих венцах.
Приветствует мой стих
младых Царевен
И кротость юную
в их ласковых сердцах.
Где тени бледные
и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать
за нас,
Протягивают Царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.
На ложе белом, в ярком
блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что Им
сжимает грудь.
Все ближе тянет Их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет
печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За Их судьбу.
19—22 VII — 16

Есенин немало постарался, чтобы ему разрешили посвятить сборник стихов Государыне. Сборник был уже набран, когда произошел февральский переворот. Автор кинулся в типографию, чтобы изъять посвящение и ряд стихотворений, обращенных к Государыне и Великим Княжнам. Однако несколько экземпляров корректуры букинистам удалось раздобыть у наборщиков. Так стало известно о первоначальных замыслах поэта.

* * *

Царские дочери, обожаемые своими Родителями, отвечали им тем же и делили с ними не только радости, но и заботы. С началом войны 1914 года старшие Великие Княжны, вместе с Государыней окончившие курсы сестер милосердия, все свои силы отдавали уходу за ранеными. Царская чета, как и многие светские дамы, отдали свои лучшие дворцы и особняки под

лазареты. Младшие Великие Княжны шили белье для раненых, посещали лазареты их имени. Старшие Великие Княжны создали специальные комитеты, в которых, по словам генерала А. А. Мосолова, очень разумно и толково работали и председательствовали. Ольгинский комитет предназначался для помощи семьям фронтовиков и увечных воинов, Татьянинский комитет — для помощи беженцам. Этот комитет оказал помощь трем с половиной миллионам беженцев. В газетах того времени печаталось обращение:

«От Ее Императорского Высочества Великой Княжны

Татианы Николаевны

Война разорила и рассеяла миллионы наших мирных жителей: несчастные беженцы — бездомные и голодные — ищут пропитание.

Правительство, общественные и национальные установления, частные благотворители и Мой Комитет помогают беженцам, но нужда их так громадна, что покрыть ее под силу лишь всему народу.

Прошу вас, добрые люди, согрейте беженца духовно и телесно и утешьте его сознанием, что понято вами безысходное горе его.

Вспомните завет Господень: «Алкал Я и вы дали Мне есть; жаждал и вы напоили Меня; был странником и вы приняли Меня» (Матф. XXV, 35).

9 ноября 1915 г.

Царское Село. ТАТИАНА».

Спустя годы после революции и братоубийственной гражданской войны солдаты и офицеры, которым довелось лежать в Царских лазаретах, с любовью и благодарностью вспоминали заботливые руки, участливые взгляды Великих Княжен и Государыни, работавших сестрами милосердия. Великую Княжну Ольгу Николаевну раненые боготворили. О Татьяне Николаевне говорили, что она — прирожденная сестра милосердия, что все ее перевязки сделаны твердой, но нежной рукой. Некоторые полагали, что она чуть суховата. Но Лили Ден опровергает это мнение. В марте 1917 года, когда по приказу Керенского ее и А. А. Вырубову удалили из Александровского дворца, чтобы посадить в тюрьму, «нам предстояло сказать друг другу последнее «прости», — рассказывала Лили Ден. — Я пыталась сохранить присутствие духа. Наступила тишина, нарушаемая лишь приглушенными рыданиями Великой Княжны Татьяны Николаевны. Ольга Николаевна и Ее Величество были спокойны. Но Татьяна Николаевна, которую многие историки называют гордой, замкнутой, всецело отдалась своему горю. Мы прильнули друг к другу, но наши безутешные слезы не могли тронуть холодные, как мрамор ступеней, сердца тюремщиков». Все заботы Царской Семьи о русском народе, о русском воинстве были забыты после февраля 1917 года. Сколько тоски и грусти в словах Татьяны

Николаевны, заключенной вместе со своими близкими в нескольких комнатах Александровского дворца: «Ах, как я Вам позавидовала, — писала она 17 июля 1917 года З. С. Толстой, сестре поэта С. С. Бехтеева, «Царского гусяря», — прочитав, что Вы видели дредноут «Александр II» и «Прут». Вот этого нам страшно недостает, ни моря, ни кораблей! Мы так к этому привыкли, проводя раньше почти все лето на воде, в шхерах; по-моему, лучше ничего нет; это было самое хорошее и любимое время — ведь девять лет подряд плавали... теперь так странно три года быть тут без воды». Несмотря на перемену в их жизни в связи с переворотом, были у Царских Детей и Семьи и небольшие радости, в особенности, после того, как их перевезли в Тобольск. Чтение книг, прогулки. Самое главное — возможность посещать храм, какой они не имели в Царском. Правда, потом их этой возможности лишили. Чтобы разнообразить монотонность жизни, они сочиняли и ставили домашние спектакли. Великие Княжны и Ее Величество вязали чулки, вышивали для местных церквей венки, покровы. Им разрешали переписываться с родственниками, друзьями, бывшими ранеными, лежавшими некогда в Царскосельских лазаретах.

«Вспоминаю часто милый лазарет и вас всех. Всего хорошего. Храни Вас Господь... Крепко и нежно Вас целую. Привет всем, кто помнит. Ваша Татьяна». — Это письмо от 1/14 мая 1918 года, отрывок из которого приводится, было адресовано Вере Ивановне Чеботаревой, старшей сестре Собственного Ее Величества лазарета в Царском Селе. Письмо не застало адресата: в апреле 1918 года Вера Ивановна, работавшая в войсковых лазаретах, умерла от тифа в Новочеркасске.

Царские Дочери любили свою тетушку, Великую Княгиню Елизавету Федоровну, настоятельницу Марфо-Мариинской обители в Москве. Они внимательно слушали ее беседы. От нее они усвоили мысль, что на земле нет ничего прочного, учились у нее (и у собственной родительницы) милосердию и состраданию к ближним. Царевны часто посещали детские приюты. Бедные сироты с нетерпением ждали прихода Великих Княжон, приносивших с собой столько ласки и света. Они бросались обнимать Царевен, целовать им руки, ощущая в Царских дочерях искреннюю любовь к обделенным судьбой детям.

Увы, вся их доброта, все труды на благо раненых, беженцев, сирот, людей, обездоленных жизнью, были преданы забвению.

Последние месяцы жизни всей Царской Семьи были днями нравственных пыток, унижений, страданий. Красноармейцы повсюду писали непристойности, пели похабные песни, воровали у Великих Княжон, Цесаревича и их родителей мелкие вещи. Однако, видя кротость и душевное благородство Царской Семьи грубые, жестокие «солдаты революции» изменились и сами. Вот почему русская охрана «дома особого назначения» была заменена на чекистов — профессиональных палачей во главе с Юровским. «Этот тип нам нравится все менее!» — отметил 28 июня 1918 г. Государь в дневнике. Это была его предпоследняя запись...

А.А.Мосолов. Цитир. пр. С.111.

С.Я.Оффросимова. Царская Семья (Из детских воспоминаний). Журнал "Бежин луг". М. 1995. № 1. С. 146-147.

Л . Ден. Цитир. пр. С. 49.

Т.Е.Мельник-Боткина. Цитир. пр. С. 35.

Темы: (нет)[\[Редактировать\]](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной Хронологический Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Кузнецов В. Русская Голгофа

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава одиннадцатая **«СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ»**

30 июля 1904 года в Петергофе родился Наследник Престола. Предсказание, полученное Царственной Четой в Дивеевской обители, сбылось. Крестили порфирородного младенца в церкви Большого Петергофского дворца 10 августа. Его восприемниками были король Английский, король Датский, император Германский, некоторые Великие Князья.

«Императрица и я решили дать Наследнику имя Алексей; надо же нарушить эту линию Александров и Николаев», — по словам генерала Рауха, сказал ему Император. Полагают, что Наследник получил имя Алексей не только в память Царя Алексея Михайловича, но и в память преп. Серафима Саровского, в миру Алексея.

Когда новорожденного Цесаревича помазывали святым миром, Августейший младенец поднял свою ручку как бы благословляя всех, кто находился в храме. Невольно вспоминается Григорий Ефимович Распутин, помогавший Цесаревичу при приступах гемофилии. После того, как его извлекли из воды, полицейские чины увидели, что сибирский крестьянин, которому удалось освободить руку (его утопили еще живым), поднял руку ввысь, соединив пальцы в крестном знамени.

Пьер Жильяр, учитель французского языка Царских детей, рассказывает:

«Я впервые увидел Наследника Цесаревича, когда Ему было полтора года. Мы кончали урок, когда Императрица вошла в комнату с Наследником на руках... Царевич был действительно чудесный мальчик с красивыми белокурыми локонами и большими серо-синими глазами, оттененными

Web www.gumer.info

- [Деньги от А до Я:](#)

онлайн переводы между Альфа-Банком и Яндекс. Деньгами

www.alfabank.ru

- [Метод академика Бронникова](#)

Развитие прямого видения мозгом с закрытыми глазами.

www.bronnikov.ru

- [Застраховал машину?](#)

Прими участие в конкурсе среди водителей. Приз: поездка в Испанию!

www.championsdrinkresponsibly.com

- [Защита Вашего имущества.](#)

Страхование домов, квартир и дач. Понятные условия! Быстрое оформление

длинными ресницами. У Него был свежий цвет лица здорового ребенка, и когда Он улыбался, две ямочки показывались на Его щечках. Он смотрел на меня серьезно и застенчиво...»

«Первый день именин нашего Сокровища, — записал 5-го декабря 1904 года Государь. — Приняли депутацию моего Московского полка, которая поднесла икону Алексею. Получили много поздравительных телеграмм». 24 декабря того же года зажглась первая в жизни Цесаревича елка. «В 3 часа была елка наверху», — записал в дневнике Царь.

Внешностью Алексей Николаевич напоминал свою сестру, Великую Княжну Татьяну. У него были такие же тонкие черты лица, такие же большие синие глаза. Наследник обожал своих сестер, и те ему платили взаимностью и души в нем не чаяли. У него был идеальный слух, он виртуозно играл. В отличие от своих сестер, не на рояле, а на балалайке. Он был прост, сердечен в обращении, но никогда не забывал свое положение, как Наследника Престола. Генерал Сухомлинов наблюдал такой эпизод. Увлеченный возней с сестрами, Алексей, которому тогда было всего шесть лет, узнал, что в Александровский дворец пришли офицеры одного из его подшефных полков. Прекратив игру, Царственный отрок с важным видом произнес: «Девицы, уйдите, у Наследника будет прием». Но лучшими его друзьями были сыновья боцмана Деревенько, приставленного к нему в «няньки», и Коля — сынишка доктора Деревенко.

К простым русским людям лежала душа Цесаревича, именно им-то мы и обязаны рассказам о том, каким был Царственный младенец, а затем отрок. Жительница Царского Села С. Я. Обросимова вспоминает, каким она увидела маленького Алексея:

«Мне смеется прелестное личико Царевича, искрятся тем же детским любопытством большие лучистые глаза, и маленькая пухленькая ручка чинно прикладывается к матросской шапочке, на которой золотыми буквами написано: «Штандартъ».

Генерал П. Н. Краснов, замечательный писатель, который подарил нам ряд прекрасных книг, в том числе книгу «Павлоны» о Павловском военном училище, свидетельствует о любви к Наследнику Цесаревичу простых русских людей, надевших военную форму. В январе 1907 года, когда Алексею было два с половиной года, Император решил показать Его Л.-Гв. Атаманскому полку, Августейшим Шефом которого Царственный ребенок являлся.

«Государь взял на руки Наследника и медленно пошел с Ним вдоль фронта казаков. Я стоял, — вспоминает генерал, — во фланге своей 3-й сотни и оттуда заметил, что шашки в руках 1-й и 2-й сотен качались. Досада сжала мое сердце: «Неужели устали? Этакие бабы! Разморились!» Государь

www.oranta-sk.ru

• [Юридическая консультация](#)

Квалифицированная, оперативная и эффективная правовая помощь.

www.vfla.ru

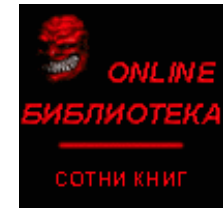
• [Страховой магазин "Неон-Авто"](#)

Полисы ОСАГО, КАСКО в **Москве**. Комплексное страхование юр. и физ. лиц.

www.neon-auto.com

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

подошел к флангу моей сотни и смотрел в глаза казакам, наблюдая, чтоб у меня-то, в моей штандартной вымуштрованной сотне не было шатания шашек. Нагнулся наш серебряный штандарт с черным двуглавым орлом, и по лицу бородача красавца вахмистра потекли произвольные слезы. И по мере того, как Государь шел с Наследником вдоль фронта, плакали казаки, и качались шашки в грубых мозолистых руках, и остановить это качание я не мог и не хотел»._

Живой, непоседливый ребенок, маленький Алексей часто падал, получая при этом ушибы. Его укладывали в постель, и когда к нему приходил Государь, мальчуган просил рассказать о тех полках, Шефом которых Наследник являлся и по которым он скучал, когда болел. Как и Державный Родитель, Алексей Николаевич был влюблен в армию и любил слушать рассказы отца об истории знакомых ему полков и о сражениях, в которых те участвовали. Госпожа С. Я. Офросимова, о которой мы упоминали, рассказывает:

«Наследник Цесаревич имел очень мягкое и доброе сердце. Он был горячо привязан не только к близким Ему лицам, но и к окружающим Его простым служащим. Никто из них не видел от Него заносчивости и резкого обращения... С интересом и глубоким вниманием вглядывался Он в жизнь простых людей, и часто у Него вырывалось восклицание: «Когда Я буду Царем, не будет бедных и несчастных. Я хочу, чтобы все были счастливы».

Все наставники Наследника отмечали способности ребенка, его пытливость и благородство характера. Когда Царский поезд возвращался из Ливадии, к Императору подошел один из железнодорожных служащих. У него была большая семья, и жалованья было недостаточно, чтобы прокормить ее. Внимательно выслушав чиновника, Государь ласково произнес: «С этого дня Вы будете получать от Меня еще тридцать рублей в месяц». Стоявший рядом с отцом Цесаревич, тогда еще совсем малыш, внимательно слушавший разговор чиновника с Императором, положил ручку на рукав железнодорожника и произнес: «А от меня будете получать сорок». Хотя начиная с 17 февраля 1907 года Цесаревич числился кадетом 1-го кадетского корпуса, занимаясь он дома с учителями. Русский язык преподавал господин П. Петров, французский — месье Жильяр, швейцарец, затем с ним стал заниматься английским языком мистер Гиббс. Хотя и не сразу, но отношения между учителями и их Царственным учеником наладились и стали сердечными. Один из них рассказывал о своем ученике: «В душе этого Ребенка не заложено ни одной скверной или порочной черты; душа Его самая добрая почва для всех добрых семян; если сумеют их насадить и взрастить, то Русская Земля получит не только прекрасного и умного Государя, но и прекрасного человека». Следует заметить, что при всей своей доброте, мальчик не терпел, когда к нему, как Наследнику Престола, относились с недостаточным уважением.

Однажды Алексей Николаевич вошел в кабинет Государя Императора. В это время Царь разговаривал с одним из министров. Тот, лишь чуть приподнявшись со стула, протянул Цесаревичу руку. Но Цесаревич в свою очередь руки не подал, а лишь остановился. Министр поднялся во весь рост, и тогда Наследник пожал ему руку. Перекинувшись парой фраз с Императором, Цесаревич медленно вышел из кабинета. Государь долго смотрел сыну вслед. Наконец, с грустью, к которой примешивалось и почтение, произнес, обращаясь к сановнику: «Да, с Ним вам не так легко будет справиться, как со Мною». Напрасно читатель подумает, будто мягкость и вежливость Государя были признаком его слабости. О. Шавельский, протопресвитер армии и флота, весьма недоброжелательно относившийся к Государю, признавался в мемуарах, что Великие Князья почему-то боялись Государя.

Даже из рассказов недоброжелателей — таких, как бывший воспитанник школы юнг при Гвардейском экипаже Григорий Пиньковский — встает образ великодушного, благородного ребенка. С Наследником, которому тогда еще не было и трех лет, Пиньковский познакомился в 1907 году на борту «Штандарта». Во время перехода в Гельсингфорс юнги затеяли на верхней палубе чехарду. Цесаревич, успевший привязаться к подростку, попросил его через лейтенанта Саблина прийти к нему. Наследник смотрел на море через детскую подзорную трубу и предложил юнге:

— Пинькоськи, хочешь посмотреть? Видишь, там что-то плывет?

«Пинькоськи» ничего не видит, а только слышит смех своих сверстников, развлекающихся на палубе. «Внезапная злоба накатывает на меня, — вспоминает хам. — Не сознавая, что делаю, несколько раз шлепаю Наследника по щекам. <Спрашивается — за что?> Он недоуменно смотрит на меня широко раскрытыми глазами, на которые навертываются слезы. — Миленький Алешенька, Ваше Высочество, я нечаянно, простите меня, — бормочу я.

Словно почувствовав неладное, к нам подходят Вишнякова <няня Цесаревича> и за ней Саблин.

— Что с Вами, Ваше Высочество? — Вишнякова смотрит на Наследника. — Отчего Вы покраснели?

Алексей смотрит на меня, на мою испуганную физиономию. Ведь, скажи он правду... я представляю, что со мной будет... Но этот мальчуган, до которого никто пальцем дотронуться не смел, тяжело вдохнул и, обмахиваясь ладошкой, коротко ответил:

— Жарко.

Няня ведет наследника в тень, что под навесом. Саблин, словно чувствуя неладное, буквально сверлит меня взглядом».

За Григорием Пиньковским — этим подростком с нагловатым лицом, вместе с остальными юнгами жившим в кубрике яхты «Штандарт» — наблюдал «дядька» Цесаревича, один из матросов «Штандарта», Андрей Еремеевич Деревенько. Как и большинство матросов Гвардейского экипажа, к которому

были причислены не только такие прославленные боевые корабли, как «Варяг», броненосец «Император Александр II», крейсера «Алмаз», «Олег», «Аврора» и другие, но и Императорские яхты «Штандарт», «Полярная Звезда», «Александрия», «Царевна», «Онега», «Стрела» и «Марево», он был выходцем из крестьян. Цесаревич любил этого рослого круглолицего моряка и продолжал называть его «Диной»: фамилию «Деревенько» вначале ему было трудно произнести, и он придумал короткую формулу: «Дина». Деревенько, которому было поручено не спускать глаз с Наследника, тем более, на борту корабля (мало ли что может случиться: оступится, поскользнется, заиграется малыш), был свидетелем эпизода с начала и до конца. Когда юнга, набегавшись на руках и сделав несколько сальто, чтобы как-то замоливать свой грех перед ребенком, несправедливо обиженным им, кинулся к своим приятелям, среди которых был и его старший брат, Петр, боцман ловко схватил его за ворот матросской рубахи.

— Ты что это делаешь, паценок? Зачем Царское дитё обидел?

— Никого я не обижал, господин унтер-офицер!

— За что ты его по щекам отхлестал, сучье твоё семя?

— Виноват, господин унтер-офицер! — поняв, что Деревенько и в самом деле все видел, заскулил юнга.

— То-то и есть, что виноват! Твое счастье, что больше никто твою подлость не заметил.— Больно дернув подростка за ухо, Деревенько дал ему еще хорошую затрещину, наказав напоследок, прежде чем отпустить: — Если ты или твои дружки хотя бы косо взглянете на Наследника или, не дай Бог, обидите его, отведаете моего линька. А ну, брысь отсюда, пока не передумал да не доложил по начальству про твою подлость.

— Не докладывайте, дяденька!

— Леший тебе дяденька.

— Виноват, господин унтер-офицер! — поправился подросток.

— Да уж не стану докладывать, не то и тебя с братцем, и твоего папаню с маманей отправят назад в вашу Хохляндию.

Семья Пиньковских и в самом деле была родом с Украины, с Полтавщины. Но в 1900 году старшего Пиньковского, Георгиевского кавалера, депешей вызвали в Петербург, где зачислили в роту дворцовых гренадер. Вся семья погрузилась на чугунку, как называли в ту пору железную дорогу, и прибыла в столицу Российской Империи. Пиньковским предоставили казенную квартиру, харчи и назначили жалованье. В обязанности Пиньковского-старшего входила охрана памятников усопших в Бозе Императоров. Уходя на дежурство, гренадер облачался в парадную форму: расшитый золотом мундир, штаны с генеральскими лампасами, на голове — высокая медвежья шапка с двуглавым Императорским орлом, на плече — винтовка с примкнутым штыком. У младшего Пиньковского, Григория, как оказалось, был хороший голос. Слушая малороссийские песни, которые распевал мальчуган, сосед Пиньковских, в прошлом регент церковного хора, велел матери Григория одеть мальчугана почище и повел его на прослушивание в

Императорскую придворную хоровую капеллу. Голосовые данные у него оказались одними из лучших, но раньше восьми лет в капеллу не принимали. К тому же, мальчуган почти не умел ни писать, ни читать. Однако в список кандидатов его включили; надо было ждать, когда Григорий достигнет нужного возраста.

В 1903 году Грише исполнилось восемь, но вместо лучшего в Империи хора отец отдал его в школу юнг при флотском Гвардейском экипаже, где уже учился его старший брат Петр.

Григорий Пиньковский окажется смышленным пареньком. Он пробьет себе дорогу известным способом — охаивать «царское» прошлое. Прежде всего, в автобиографии написал, что его крестил «пьяный поп». Откуда ему было знать? Не постеснялся Гриша охаять и родного отца.

«...На прощание батя дал им (начальству) мудрый совет: «Почаще бейте, поменьше жрать давайте, тогда из него будет толк»... При школе юнгов был старый фельдфебель Нечаев. Вот он и стал для меня и папой, и мамой. С той поры я и очутился «в царском плену»...

В строевых ротах новобранцев избивали до полусмерти. Мало-мальски непокорных загоняли в трюмы. Некоторые не выдерживали непосильного режима, кончали жизнь самоубийством». И все в таком же духе.

Писал он это для того, чтобы разжалобить советское начальство. Оно и действительно сжалилось над бедным Пиньковским. Сделало его киноактером «на подхвате». И фамилию красивую дало: «Светлани».

Так что не зря старую жизнь охаивал.

Все в его рассказе ложь. И никто его голодом морить не посмел бы, тем более, в школе юнг при Гвардейском экипаже.

О преданности матросов Гвардейского флотского экипажа своему Царю свидетельствует следующий эпизод, рассказанный Э. Н. Гиацинтовым:

«На Екатерингофском проспекте помещался Гвардейский флотский экипаж, и к этому экипажу пришла большая демонстрация, они стали уговаривать матросов идти вместе с ними. Никакой стрельбы не было, но внезапно открылись двери казармы и оттуда вышли гвардейцы. Они были необычайно высокого роста — в этот полк собирали именно высоких людей. И голыми руками они повергли демонстрантов в бегство».

В русской армии, не говоря о флоте, кормили отменно: давали мясо, которое многие крестьяне не ели дома: нарежешь буренку — без молока останешься. А в гвардии, тем более, в Гвардейском экипаже, не только кормили отлично и одевали лучше остальных моряков, но и жалованье было побольше, и казармы почище и попросторней. Одна беда: в ином русском живет пушкинская старуха, которой все мало. И вот, общаясь со знатью, некоторые моряки забывали о заповедях Евангельских, начинали завидовать и тому, что кое-кто живет во дворцах да особняках, ест на злате-серебре, в шелках-бархатах ходит и спит на пуховых перинах.

Знали бы завистники, что Царские дети очень скромны и просты. Великие Княжны спали на жестких тюфяках, положенных на походные кровати, под головой — волосяная подушка. Пища у них была простой. Родительница — Императрица Александра Феодоровна не позволяла им сидеть без дела, и они были постоянно заняты — или рукоделием, или уроками. Правда, у Наследника были известные привилегии. На «Штандарте» у него были две каюты, где было полно игрушек. Самой любимой его забавой было пускать мыльные пузыри. В Александровском дворце у него чего только не было: железная дорога со станционными зданиями и будками стрелочников, поезда с дымящимися локомотивами и сигнальными устройствами, шлагбаумами и вагончиками, где сидели куклы вместо пассажиров, целые батальоны оловянных солдатиков, миниатюрные города с церквами и колокольнями, плавающие модели судов, игрушечные фабрики с игрушечными рабочими, шахты с горными выработками, поднимающимися и опускающимися клетями. Стоило нажать на кнопку, как рабочие начинали двигаться, броненосцы плавать в бассейне, колокола звонить, а солдаты маршировать.

Даже после революции матросы, служившие на «Штандарте», сохранили теплые воспоминания о Державных владельцах яхты. Об одном из них, некоем Крандиенко, ставшем комендантом дома предварительного заключения при революционном трибунале рассказывал А. И. Куприн. По словам коменданта, он дружил с боцманом Деревенько, «дядькой» Цесаревича. От Деревенько он узнал, что однажды Государь нашлепал маленького Наследника за то, что тот, не слушаясь увещеваний дядьки и вопреки запрещению доктора, лазил по деревьям. Мальчик держался молодцом: закусил нижнюю губу и не пикнул. Потом подошел к моряку и сказал, протягивая ручонку: «Прости меня, Деревенько».

Когда Цесаревичу исполнилось семь лет, с ним произошел следующий эпизод. Во время пребывания Императорской Семьи в Ливадии к Высочайшему завтраку во дворец по очереди приглашались офицеры Черноморского флота. Приглашенные рассаживались за столом согласно заранее разложенным карточкам, на которых указывались чин и фамилия приглашенного. Увидев на приборе капитана 2 ранга П. А. Геринга карточку с указанием: «Капитан 2 ранга», Наследник попросил у офицера карандаш и великодушно произвел его в следующий чин. Он зачеркнул цифру «2», заменив ее цифрой «3». И подписался: «Алексей».

Заметив это, Император подошел к гостю и с улыбкой заметил: «Алексей, вероятно, хотел произвести вас в следующий чин, а на самом деле вышло наоборот!»

Откуда было знать ребенку, что «3» меньше чем «2»?

* * *

«Когда я умру, поставьте мне в парке маленький памятник», — попросил Цесаревич в Спале во время самого ужасного за всю его короткую жизнь

приступа гемофилии. По мнению многих, поправился он после телеграммы Григория Ефимовича Распутина.

Прошло 80 с лишним лет со дня Екатеринбургского злодеяния, и памятник стоит. В парке Александрии, в садике, окружающем «Коттедж», летнюю резиденцию Императрицы Марии Феодоровны. Наследник в матросской рубашке. Он стоит, опершись обеими руками о пенек, к которому прислонился. Глаза его обращены на северо-восток, в сторону Нижнего дворца, в котором он родился 30 июля 1904 года.

«Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В 1 1/4 дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем», — написал в дневнике Государь Император. В честь рождения порфирородного младенца, Наследника Русского Престола, ударили пушки. В ответ раздались залпы орудий Кронштадтских фортов, эхом откликнулись батареи Петропавловской крепости. Прозвучало 300 залпов.

Там, куда смотрит Наследник, осталась лишь груда развалин. Еще в послевоенные годы над низменным берегом Финского залива возвышалось поврежденное здание Нижнего дворца, которое еще можно было восстановить. Вместо этого его разрушили. Чтобы стереть память о Цесаревиче Мученике. Правда, сохранилось название улицы, выходящей на Ораниенбаумское шоссе. Влюбленная в свою профессию госпожа Агапова — экскурсовод по «Коттеджу», старожил здешних мест — вспоминала, как отец заклинал ее не проговориться, в чью честь улица названа Алексеевской (иначе, мол, переименуют в какую-нибудь Комсомольскую).

Нижний дворец разрушили якобы после того, как один из пионеров, живших в «Коттедже», — «обкомовский сын» — упал с башенки, куда имели обыкновение залезать проказливые подростки.

Лицо Цесаревича печально. Скульптор, видно, хотел показать болезненное состояние ребенка. Многие старались уверить читателей, что Царственный младенец, а затем отрок был инвалидом. Но чем больше знакомишься со свидетельствами людей, *доброжелательно* относившихся к Царской Семье, а не стремившихся искать в ней изъяны, тем больше убеждаешься, что Алексей Николаевич жил полнокровной жизнью, жизнью ребенка своего возраста. Один из наставников Цесаревича описывал его внешность так: «Это был красивый синеглазый мальчик с золотистыми вьющимися волосами, которые с возрастом потемнели и выпрямились». С младенчества это был жизнерадостный, полный жизненной энергии ребенок, приносивший радость своим Августейшим родителям. И родителям хотелось поделиться этой радостью с друзьями.

Начальник канцелярии министерства Императорского Двора, генерал А. А. Мосолов вспоминал один такой эпизод:

«— Вы, кажется, еще не видели Цесаревича во всей его красе? — спросил Император. — Пойдемте, я вам его покажу.

Мы вошли. Наследник полоскался в ванночке... Мальчика вынули из ванны и, без особых затруднений, обтерли. Тогда Царь снял с ребенка простыню, поставил ножками на руку, другой держа его под мышками, и показал мне во весь рост. Действительно, это был чудно сложенный ребенок... На следующий день Государь сказал Императрице в моем присутствии: «А мы вчера с Мосоловым делали смотрины Цесаревичу».

Унаследовав от Императрицы тяжелый, но *не смертельный* недуг — гемофилию, который был передан ей бабушкой, королевой Англии Викторией, после особенно тяжелых ушибов бедный ребенок много страдал, но с возрастом это происходило все реже. А, достигнув половой зрелости, больные гемофилией практически перестают испытывать недомогания. К примеру, племянник Императрицы Александры Федоровны дожил до 56 лет. Болезнь давала себя знать лишь тогда, когда ребенок получал травмы. Самую опасную травму Алексей Николаевич получил осенью 1912 года в Спале — прежнем месте охоты польских королей, о котором мы уже упоминали. Садясь в лодку, он прыгнул с берега и ударился внутренней стороной бедра об уключину. Возникла гематома — внутреннее кровоизлияние. Ни один из врачей, в том числе и вызванных из Петербурга, не мог облегчить страдания ребенка. День и ночь он кричал от боли. Одиннадцать суток Государыня не раздевалась и почти не отдыхала, просиживая у кровати любимого больного. Император, который особенно переживал болезнь Цесаревича, рассказывал в письме к своей матери, находившейся за границей:

«Дни от 6-го до 10-го Окт. были самые тяжелые. Несчастный Маленький страдал ужасно, боли схватывали его спазмами и повторялись почти каждые два часа... Спать он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: «Господи, помилуй!»». Государь и Императрица были уверены, что ребенок умирает. Было опубликовано официальное сообщение о тяжелой болезни Наследника. Во всех частях Империи подданные горячо молились об исцелении страдальца. В Спале в саду был натянут тент и там установлен походный алтарь.

«Все наши люди, казаки, солдаты и др. были такие трогательные: ...они попросили священника Александра Васильева..., законоучителя наших детей, отслужить молебен о здравии на открытом воздухе, — писал Император. — Они просили его служить, пока Алексею не стало лучше». Императрица приказала Вырубовой послать телеграмму Распутину, находившемуся в это время в Сибири, в селе Покровское. Тот сразу же откликнулся:

«Бог воззрил на твои слезы. Не печалься. Твой сын будет жить. Пусть доктора его не мучат». Сутки спустя кровотечение у Наследника прекратилось. Помогла ли тут телеграмма Распутина или же горячие молитвы русских людей, решайте сами. Государь писал родительнице: «10-го Окт. мы решили причастить его утром, и сейчас же ему сделалось

лучше, темп. спала с 39.5 до 38.2, боли почти прошли, и он заснул первым спокойным сном».

Преданный Царской Семье лейб-медик Е. С. Боткин писал родным о тех днях:

«Спала. 9 октября 1912 г. ...Ясно представляю, что должны Вы были почувствовать, увидав в газетах мое имя под бюллетенем о состоянии здоровья нашего ненаглядного Алексея Николаевича... Я не в силах передать Вам, что я переживаю... Я ничего не в состоянии делать, кроме как ходить около Него... Ни о чем не в состоянии думать, кроме как о Нем, о Его Родителях... Молитесь, мои детки, молитесь ежедневно, горячо за нашего драгоценного Наследника...»

«Спала. 14 октября 1912 г. ...Ему лучше, нашему бесценному больному. Бог услышал горячие молитвы, столькими к Нему возносимые, и Наследнику положительно стало получше, слава Тебе Господи. Но что это были за дни... Как годы легли они на душу... И сейчас она еще не может вполне расправиться, — так долго бедному Наследнику еще нужно будет поправляться и столько еще случайностей может быть на пути...»

«Спала. 19 октября 1912 г. ...Нашему драгоценному больному, слава Богу, значительно лучше... Но писать я все-таки еще не успеваю: целый день около Него. По ночам тоже еще дежуриим...»

«Спала. 22 октября 1912 г. ...Нашему драгоценному Наследнику правда и несомненно значительно лучше, но Он еще требует большого ухода, и я целый день около Него, за очень малыми исключениями (трапезы и т. п.), и каждую ночь дежурил — ту или иную половину. Теперь мне будут давать через две ночи в третью отдых. Сегодня дежурил первую половину, иззяб, как всегда, и совершенно не в силах был писать, а, благо, наш золотой больной спал, сам уселся в кресло и вздремнул...»_

Наследник долгое время вынужден был ходить со специальным приспособлением, которое позволяло корректировать травмированную ногу. Чтобы излечить хромоту, ребенок принимал грязевые ванны. Так продолжалось в течение года. Через какое-то время мальчуган медленно пошел на поправку. К началу войны он достаточно окреп и вместе с Державным отцом совершал смотры войскам на фронте. А после того, как Государь стал Верховным Главнокомандующим русской армии, подолгу оставался у него в Царской Ставке в Могилеве.

В Ставке он подружился с иностранными офицерами — представителями союзных армий. Один из них, английский генерал Хенбери-Вильямс написал книгу «Император Николай II, каким я его знал».

Книга вышла в свет после революции и гражданской войны, когда английское общество, «не замечавшее» кровавых преступлений большевиков, продолжало нападать на умученных Государя и Императрицу. Поэтому, несмотря на нотки осуждения в адрес бывшего союзника Великобритании, звучащие в некоторых местах книги, следует отметить доброжелательный

тон и объективность ряда высказываний генерала.
Вот что он писал о Цесаревиче:

«Царевич

Когда я впервые увидел Алексея Николаевича в 1915 году, ему было около одиннадцати лет.

Наслышавшись рассказов о нем, я ожидал увидеть очень слабого и не слишком шустрого мальчика. Он действительно был хрупкого сложения, поскольку был поражен болезнью, полное исцеление от которой, как говорят, невозможно. Однако, в те периоды, когда Наследник был здоров, он был жизнерадостным и проказливым, как и любой мальчуган его возраста.

При нашем первом знакомстве ребенок смущался, неожиданно очутившись в обществе множества незнакомых людей, приехавших в Ставку — не только его земляков, но и иностранцев, представителей союзных держав.

Робость эта вскоре исчезла, и он вскоре стал нашим общим баловнем, если только можно избаловать такого славного и веселого ребенка, каким был Царевич.

Во время первой нашей встречи вместе со своим отцом, Императором, он обошел нас, вставших в круг в вестибюле губернаторского дома в Могилеве, ставшего резиденцией Императора, и с каждым поздоровался за руку.

Во время трапезы Алексей Николаевич сидел рядом с Государем, напротив меня, я же сидел около графа Фредерикса, который, как правило, устраивался напротив Императора. Царевич носил защитную форму, высокие русские сапоги, гордый тем, что похож на заправского солдата. Он обладал превосходными манерами и свободно говорил на нескольких языках. Со временем его робость прошла, и он стал обращаться с нами, как со старинными друзьями. Всякий раз, здороваясь, Царевич для каждого из нас придумывал какую-нибудь шутку. Подойдя ко мне, он имел обыкновение проверять, все ли пуговицы на моем френче застегнуты. Естественно, я старался оставлять одну или две пуговицы незастегнутыми. В этом случае Царевич останавливался и замечал мне, что я «снова неаккуратен». Тяжело вздохнув при виде такой неряшливости с моей стороны, он застегивал мои пуговицы, чтобы навести порядок.

После этого Алексей Николаевич приглашал нас в небольшую спальню, в то время как остальная компания оставалась в столовой, где принималась за закуски, которые, по русскому обычаю, предшествовали трапезе. В маленькой комнате Царевича происходили всевозможные игры, как правило, заканчивавшиеся игрой в футбол; причем в качестве мяча использовалось все, что попадет под руку. Очень часто предметом шуток становился бельгийский генерал, которого Царевич называл «папаша де Рикель», — господин довольно толстый. «Папашу Рикеля» он обожал. Преданный Царевичу наставник подчас приходил в отчаяние. Как правило, дело кончалось тем, что приходилось вмешиваться Императору, но к этому времени проказник успевал спрятаться за портьеру.

После этого с лукавым блеском глаз Царевич выходил из своего укрытия и чинно направлялся в столовую, чтобы занять место за столом. И снова принимался за шалости — обстреливал меня хлебными шариками, называя это игрой в поло. Забава была весьма рискованной, так как угрожала целостности Императорского фарфора и хрустала. Если же рядом с Царевичем оказывался незнакомец, то он с тем же обаянием и учтивостью, которые были свойственны Императору, его отцу, принимался непринужденно беседовать с ним и задавать толковые вопросы. Но как только мы переходили в прихожую, то возобновлялись игры, проходившие так бурно, что Императору или наставнику Царевича приходилось его утихомиривать.

Нагорный, рослый матрос — «нянька» Алексея Николаевича — всегда был рядом, готовый прийти на помощь. Веселый моряк обожал своего юного повелителя. (Личность его, несомненно, знакома широкой публике по многочисленным фотографиям, на которых он снят вместе с Царевичем. Сообщают, что он был убит в Екатеринбурге в начале июня 1918 года. Можно с уверенностью сказать, что он принадлежал к числу тех людей, кто остается верным своему долгу и своим хозяевам до конца. Тело его было обнаружено на месте казни два месяца спустя.)

Во второй половине дня Император брал своего сына на реку, где тот катался с отцом на лодке или играл в песке, строил крепости и развлекался как всякий ребенок его возраста.

Военная форма очень шла ему, особенно ловко сидела на нем казачья форма.

Не раз Царевич сопровождал Императора в поездках на фронт, где его принимали восторженно, как и везде.

Алексей Николаевич очень любил животных. Главными его любимцами были спаниель и большой серый кот, с которым он сфотографировался в Ставке. Иногда он страдал от приступов болезни. Было трогательно наблюдать за тем, с каким сочувствием относились все, кто находился в Ставке, к этому жизнерадостному и веселому мальчугану, обычно такому здоровому. Спал он вместе со своим отцом в Ставке. Всегда сопровождал его на церковные службы и, придя в храм, часто оглядывался с целью убедиться, что все его «союзные» друзья в сборе. Заметив нас, он нам подмигивал.

По словам наставника Царевича, 15 ноября Государь сделал смотры частям войск генерала Щербачева. По окончании смотра Император приказал через командиров полков, чтобы все, кто воевал с начала кампании, подняли руку. Над тысячной толпой поднялось всего лишь несколько рук.

Конечно же, здоровье мальчика было предметом постоянной заботы Императора. Разумеется, зимой ему лучше было бы находиться дома, а не в Ставке, где ребенок его возраста неизбежно подвергался бы эмоциональным воздействиям. В конце концов вопрос этот был решен. Императрица разрывалась между тревогой за сына и желанием, чтобы он находился с отцом, которого так радовали приезды в Ставку Царевича. Алексей

Николаевич уехал все-таки в Царское Село, где, ко всему, можно было продолжить образование.

Царевич был достаточно умен и наблюдателен, чтобы осознать значение революции и отречения Государя, но, возможно, юный возраст, а также любовь и преданность окружающих его близких людей смягчили для него удар — свержение Царской власти. Его занятия, похоже, продолжались до последних дней, несмотря на неудобства и лишения, подрывавшие и без того слабое здоровье отрока, к которым он, разумеется, совершенно не привык. О трагическом же конце столь короткой жизни Цесаревича — столь жестоком и безжалостном — лучше не вспоминать.

Правда, останься Царевич в живых, то вряд ли у него хватило бы физических сил править страной, если бы ему довелось занять Престол».

Иного мнения о его здоровье была приближенная Государыни, Юлия Александровна (Лили) Ден, гораздо лучше изучившая Цесаревича. Она свидетельствовала: «Правда, Цесаревич страдал наследственным недугом..., но в остальном это был нормальный, здоровый ребенок, а к тому времени, когда произошла революция, он по настоящему окреп и гораздо реже жаловался на болезнь».

Друзья-кадеты Цесаревича рассказали ему об одном бесшабашном их сверстнике, имевшем обыкновение говорить: «Не боюсь никого, кроме Бога одного». Богобоязненным ребенком рос и сам Наследник.

С. Я. Обросимова вспоминает, что во время церковной службы в Феодоровском Государеве соборе

«[Цесаревич] подходил к кресту чинно и робко, с бледным личиком, отражавшим трепет свечей, с детскими ручонками, сложенными на белой матросской рубашке. Великие Княжны, одна за другой, склоняли головки, целуя крест и руку священника, который целовал Их в лоб».

Цесаревич был не прочь пошалить, но шалости его никогда не были злыми. Петр Васильевич Петров, преподававший Великим Княжнам и Наследнику русский язык, был глуховат. Однако, как свидетельствует генерал от инфантерии Епанчин, бывший директор Пажеского корпуса, «Цесаревич никогда не подтрунивал над ним». П. В. Петров был особенно высокого мнения об Алексее Николаевиче. Наследник престола обожал мать, любил сестер, но наивысшим авторитетом для него был отец — Государь Император. В Могилеве Алексей Николаевич подружился с мальчиками его возраста из простых семей.

«Летом 1916 года,— писал о. Г. Шавельский, — Цесаревич проводил военные учения со своей ротой, составленной из его сверстников — местных гимназистов. Утром перед выходом Августейшего родителя к чаю Цесаревич становился с ружьем у входа в палатку, отдавал честь входившему Государю и оставался на часах, пока тот пил чай. Когда Император выходил из

палатки, Наследник отдавал честь и затем покидал свой пост». У Цесаревича было золотое сердце. Познакомившись в Могилеве с гимназистом Шурой Котовичем, скромным и воспитанным мальчиком, Алексей Николаевич узнал, что мальчик утром и вечером ходит в церковь и молится о здоровьи больной матери. Поэтому не решился пригласить его к себе: «Может быть, ему нужно быть около больной матери?»

Привязанный узами любви к собственной родительнице, Наследник понимал, как тяжело видеть свою маму больной.

20 декабря 1916 года Наследник находился в кабинете Государя в Могилеве. В этот день генерал Хенбери-Вильямс получил известие о том, что его сын, воевавший во Франции, умер от ран. В соседнюю комнату, где генерал оставался один со своим горем, вошел Цесаревич. Сев рядом с англичанином, ребенок произнес: «Папа велел мне посидеть с вами. Он подумал, что Вам сегодня будет одиноко».

Император и сам нашел нужные слова утешения для английского атташе. На имя генерала пришла телеграмма и из Царского Села: «Примите мои искренние соболезнования в связи с постигшим Вас большим горем. Да поможет Вам Господь перенести это тяжкое испытание. Передайте мои слова сочувствия и поддержки Вашей бедной жене. — *Александра*».

Цесаревичу было у кого учиться доброте и состраданию.

Все, кто сталкивался с Наследником, отмечали его скромность, великодушие и любовь к простому люду. Недаром в день рождения Цесаревича ему в 1916 году посвятили много стихов. Вот одно из стихотворений. Оно написано г-ном Копыткиным.

*«Дитя, когда б не власть Господня,
Повергли б мы у Царских ног,
Тебе из белых роз сегодня
Благоухающий венок.
Но розы белые с любовью
Ко дню Народных Именин
Окроплены священной кровью
В грозу години всех годин.
Пожди, Дитя, Твой Ангел белый
Есть Ангел мира и любви.
Взирай на будущее смело.
Отрады детские лови...
Ты этот День проводишь свято,
Благословенное Дитя,
У сердца Русского солдата
Вблизи Державного Вождя.
А в праздник будущего года
Ты жди от нас цветы побед:*

*И лавры сербского народа,
И закарпатский златоцвет.
Русь будет счастлива и рада
Тогда сложить у Царских Ног
Из заповедного Царьграда
Благоухающий венок».*

* * *

Прошел всего один год. 30 июля 1917 года, находясь в Царскосельском заточении, Государь записал в дневнике:
«Сегодня дорогому Алексею минуло 13 лет. Да даст ему Господь здоровье, терпение, крепость духа и тела в нынешние тяжелые времена! Ходили к обедне, а после завтрака к молебну, к которому принесли икону Знаменской Божьей Матери. Как-то особенно тепло было молиться Ее святому лику вместе со всеми нашими людьми. Ее принесли и унесли через сад стрелки 3-го полка».

Предсказание поэта сбылось. Без малого год спустя Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич был удостоен венца, но мученического, вместе со своими любимыми Родителями и Сестрами. Стихотворение, написанное английским поэтом Морисом Берингом, посвященное его Августейшему Родителю, вполне применимо и к Цесаревичу:

*«Короны, очага и имени лишен,
Дороже Царского, венцом Он наделен.
Тому виной — невзгоды и страданья,
Что возвышают бранные созданья...»*

День, последовавший за днем рождения Цесаревича, оказался последним днем пребывания Императорской Семьи в Царском Селе.

«Погода стояла чудная, — записал Государь в дневнике 31 июля. — Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда [в ссылку], кот[орый] все время откладывался».

И в последние дни пребывания в Царском Селе Государь и Его близкие заботились о тех, кто остается во дворце, чтобы обеспечить их топливом на зиму.

Видя, как прилежно работает Царь над устройством огорода, некоторые революционные солдаты неодобрительно отзывались: «Этак он себе и всю Россию отвоюет».

Пренебрежительное отношение к труду, начало которому положили «работники ножа и топора», живо и в «новой России». Недаром такой популярностью у нас пользуются всякие лотереи, шоу, вроде «Поля чудес (в Стране Дураков)», где можно выиграть что-нибудь *этакое*... Не прилагая для

этого никаких усилий.

* * *

Юлия Александровна Ден, рожденная Смольская, супруга Карла Акимовича Дена, одного из офицеров яхты «Штандарт», в 1916 году назначенного командиром легендарного крейсера «Варяг», которого Царское правительство выкупило у японцев, в течение последних десяти лет жизни Царственных страдальцев почти каждый день видела их. Она была участницей детских игр: на ее глазах росли Великие Княжны и Наследник Цесаревич. Поэтому свидетельства фрейлины нам особенно важны. В своей книге «Подлинная Царица», вышедшей в Англии в 1922 году и переизданной фирмой «Ройял Дайджест» в 1995 году тиражом всего 200 экземпляров, она пишет:

«Цесаревич, дарованный Императорской чете в ответ на горячие молитвы, один из самых трогательных персонажей в трагедии Царской Семьи, родился в 1904 году. Это был крепкий малыш, весивший одиннадцать фунтов (около 5 килограммов), когда появился на свет. Многие из рассказов о слабости его здоровья, ставших известными миру, значительно искажают действительность, в особенности, история о том, будто бы нигилисты изувечили ребенка на борту Императорской яхты. Никакому увечью он не подвергался. Правда, Цесаревич страдал непрочностью кровеносных сосудов, что впервые проявилось после несчастного случая в Спале, когда он упал и ударился внутренней частью бедра об уключину... Я знаю, что он хворал в Тобольске и Екатеринбурге, но стоит ли этому удивляться! Подобно своей сестре Татьяне, мальчик был застенчив, но, стоило ему кого-то узнать поближе и полюбить, застенчивости этой в нем как не бывало».

Подчас мальчуган забывал, что существуют границы и в шалостях. Как вспоминал Пьер Жильяр, Цесаревич играл в парке во время пребывания Государя в Царском Селе. Подбежав к младшей из сестер, Алексей Николаевич с размаху запустил в нее сзади большим комком снега. Наблюдавший со стороны за этой сценой, Император подозвал сына к себе и стал строго отчитывать его:

— Стыдно тебе, Алексей! Ты ведешь себя, как немец. Нападать сзади на человека беззащитного — гадко, подло. Предоставь это немцам!

Но вернемся к воспоминаниям Лили Ден:

«В матери он души не чаял. Государыня отвечала взаимностью. В ее глазах, рождение в семье царствующего Императора Наследника явилось результатом долгих часов, проведенных в жаркой молитве, символом Божия благословения, апофеозом супружеского счастья. Конечно же, если она и проявляла излишнюю заботу о нем, то поступала лишь таким же образом, как

это делали, делают и будут делать все матери до самого скончания века. Разумеется, между матерью и сыном существовала нежная привязанность: родительница была для мальчика воплощением красоты и любви. Мне вспоминается один характерный пример этой трогательной преданности. Мы с мужем как-то обедали вместе с Императорской Семейей, — продолжает г-жа Ден. — После обеда Его Величество предложил нам подняться вместе с ним в спальню Цесаревича, поскольку Государыня имела обыкновение приходить к сыну, чтобы пожелать ему покойной ночи и послушать его молитвы на сон грядущий. Было трогательно наблюдать ребенка и его мать, слушать немудреные молитвы, но когда Императрица поднялась, чтобы уйти, внезапно мы оказались в темноте: Наследник выключил электрическую лампу, висевшую у него над постелью.

— Зачем ты это сделал, Бэби?—спросила Ее Величество.

— Ах, мамочка, мне только тогда светло, когда ты со мной. А когда ты уходишь, меня обступает темнота.

Наследник обожал отца, и самая большая мечта Государя в «счастливые дни» заключалась в том, чтобы самому заняться воспитанием сына. По ряду причин тогда это было невозможно, и первыми наставниками Алексея Николаевича стали мистер Гиббс и месье Жильяр. Впоследствии обстоятельства изменились, и Государю удалось осуществить свое желание. Он давал уроки Цесаревичу в мрачном доме в Тобольске. Уроки продолжались и в нищете и убожестве Екатеринбургского заточения. Но, пожалуй, самым важным уроком, который извлекли Наследник и остальные члены Царской Семейи, был урок Веры; именно вера в Бога поддерживала их и давала им силы в ту пору, когда они лишились своего достояния, когда друзья покинули их, а сами они оказались преданными той самой страной, важнее которой для них не существовало на свете ничего.

У Цесаревича было много друзей — всех возрастов и всех сословий — которые играли с ним. В их числе находились два мальчика — сыновья матроса Деревенько, служившего ему, двое крестьянских мальчиков, к которым он был очень привязан, и мой «Тити», который носился сломя голову вместе с Наследником, переворачивая все вверх дном и получая от этого огромное удовольствие. Наследник Престола был столь же учтив, как и его сестры...

Животных Наследник обожал. Его спаниель Джой, на свое счастье, обрел дом в Англии. Главным любимцем Наследника в Царском Селе был некрасивый, песочного цвета с белыми пятнами, котенок, которого он однажды привез из Царской Ставки. Котенка он назвал Зубровкой и в знак особой привязанности надел на него ошейник с колокольчиком. Зубровка не был особым почитателем дворцов. Он то и дело дрался с бульдогом Великой княжны Татианы Николаевны, которого звали Артипо, и опрокидывал на пол все семейные фотографии в будуаре Ее Величества. Но Зубровка пользовался привилегиями своего положения. Что с ним стало, когда Императорскую Семейю отправили в Тобольск, неизвестно.

Животных обожали все Царские дети. Артипо, бульдог Татианы Николаевны, спал у них в комнате к досаде Ольги Николаевны, которой мешал своим храпом. Любимцем Великой княжны Марии Николаевны был сиамский кот, а за год до революции Анна Вырубова подарила Анастасии Николаевне собачку породы пекинес.

Это крохотное создание окончило свои дни трагично. Любопытно отметить: многие считали Джемми несчастливой собакой, но это было такое милое животное. Ножки у Джемми были настолько короткие, что она не могла ни подниматься, ни спускаться по лестнице. Великая Княжна Анастасия всегда носила ее на руках, и Джемми отвечала собачьей преданностью своей хозяйке и ее сестрам.

Джемми вместе с Царской Семейей отправилась в Тобольск, а затем Екатеринбург, где и разделила судьбу хозяев. Согласно одному из рассказов, труп собачки был обнаружен вмерзшим в лед в верхней части заброшенной штольни; другой автор утверждает, что Джемми защищала своих друзей в Екатеринбургском подвале, смело бросалась на убийц и охраняла потерявшую сознание Великую княжну Татьяну Николаевну, пока их обеих не застрелили. Говорят, что скелет Джемми обнаружили в кустах и опознали собачку по размерам и пулевому отверстию в черепе.

Если бы это славное существо могло говорить, то, верно, призналось бы, что не желает лучшей судьбы, чем погибнуть вместе с дорогими ему людьми, некогда одарявшими его любовью и лаской».

* * *

Хотя Императрица и скучала без супруга и сына, уехавших в Ставку, она сознавала, что пребывание Цесаревича рядом с отцом поддержит не только Государя, но и войска, любившие Царственного отрока. 2 октября 1915 года Царица писала Государю: «...Надеюсь, тебе легче будет, пока наш Солнечный Луч [Наследник] с тобою. Он внесет оживление в твоё жилище и утешит тебя. Как он был счастлив поехать...! Очень надеюсь, что тебе завтра удастся осмотреть войска! ...Да поможет тебе Господь! Крепко, нежно целую. Твоя Желушка».

Пребыванием Цесаревича в Ставке интересовались и в тылу.

Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 184.

Светлый Отрок. М.: Диалог. 1990. С. 7.

"Общая газета". 1998. № 28. С. 26.

Э.Н.Гиацинтов. Цитир. пр. С. 26.

А.А.Мосолов. При дворе последнего Императора. СПб. Наука. 1992. С. 79.

Т.Е.Мельник-Боткина. Цитир. пр. С. 109-110.

Г.Шавельский. Цитир. пр. Т.1. С. 365.

Дневники Императора Николая II. С. 646.

Л.Ден. Цитир. пр. С. 49.

Л.Ден. Цитир. пр. С. 52.

Глава двенадцатая **НАША НАДЕЖДА**

В газете «Русское Чтение» генерал Д. Дубенский дает интересное описание пребывания Наследника Цесаревича в Царской Ставке в октябре 1915 года. «Как известно из официальных сообщений, Государь Император с Наследником Цесаревичем прибыли в Царскую Ставку 3 октября в субботу в 10 часов утра. Государь Император поместился в своих обычных двух комнатах. Цесаревич расположился тут же с Отцом. В одной из комнат были поставлены две походных кровати для Государя и Цесаревича. Как только прибыл Государь в Свою Ставку, так жизнь потекла обычным, спокойным и деловым порядком. С утра Его Величество посещал штаб, где вместе с генералом Алексеевым обсуждал события войны и давал указания по всему обширному фронту, затем день проходил, кроме отдыха на прогулке и непродолжительных завтрака и обеда, в постоянных занятиях. Наследник вставал в девятом часу, быстро одевался, пил чай и немедленно затем выходил на прогулку в садик, который находится близ дома, где имеет пребывание Государь Император. Цесаревич очень оживленно гуляет, бегаёт по садику, играет со Своей собачкой, которая не отстаёт от Своего Царственного Хозяина. После прогулки, которая продолжается около часа, Цесаревич идёт в дом, и здесь во все дни пребывания Великого Князя Алексея Николаевича происходили регулярные занятия с гувернером г. Жильяр. Так в занятиях проходит время до завтрака, обычно бывающего в половине часу дня. Почти всегда Цесаревич завтракает с Государем Императором. На завтраке бывает много приглашенных лиц. Без всякого преувеличения можно сказать, что присутствие Наследника Цесаревича среди лиц, приглашенных к Высочайшему завтраку, вносило большое оживление и невольно все с каким-то особенным и радостным чувством смотрели на этого чудного красивого Царевича, Который с таким приветливым лицом так весело беседовал со многими. За завтраком Наследник сидел по левую сторону Государя Императора. Цесаревич все время беседовал и с Государем, и со Своими соседями. После завтрака, когда Его Величество отправлялся на прогулку, Цесаревич всегда сопровождал Отца. Где-нибудь автомобили останавливались, и Государь, Наследник и лица Свиты выходили из моторов, и в течение часа происходила Царская прогулка. Цесаревич резвился здесь, бегал по берегу какой-нибудь речки, подбирая камни, играл с собакой, катался на лодке. Первые дни октября стояла чудная погода, и прогулки эти были очень приятны и доставляли, видимо, большое удовольствие Цесаревичу. Обедал Наследник большей частью один, в седьмом часу, до Высочайшего

обеда. В десятом часу Наследник уходил спать.

В день Тезоименитства Его Высочества 5 октября служба отличалась особой торжественностью, причем пел превосходный хор певчих штаба Верховного Главнокомандующего.

Самые поездки по войскам произвели на Цесаревича глубокое впечатление. Был такой случай. Государь возвратил чины одному из офицеров, разжалованному за личный проступок, не касающийся служебной деятельности этого офицера. [В ответ на оскорбление офицер ударил по щеке обидчика. своего начальника. За пощечину полагалась смертная казнь, но ее заменили разжалованием в солдаты.] Несколько месяцев тому назад офицер этот, в то время полковник, был разжалован в рядовые и отправлен в один из действующих полков. Виновник перенес тяжелое наказание очень доблестно, спокойно и совершил целый ряд выдающихся подвигов. Когда на одном из смотров Его Величеству доложили об этом, Государь Император наградил отличившегося Георгиевским крестом, а затем вернул ему прежний чин полковника.

Этот случай, видимо, произвел особое впечатление на Цесаревича; он часто вспоминал о нем, и это событие останется у него в памяти на всю жизнь. При самых поездках по фронту Цесаревич постоянно выражал необыкновенное внимание к тем картинам, которые представлялись Его юному взору. Следуя по рядам войск за Государем, Цесаревич с необычным вниманием следил за всем происходящим. Часто чудное личико Цесаревича, заметив что-либо среди солдат, долго оглядывалось назад. Много неувядаемых картин запало в душу будущего Русского Императора. Наследнику двенадцатый год. Это тот возраст, когда впечатления необычно остры, и безошибочно можно сказать, что то, что увидел Великий Князь Алексей Николаевич, вероятно, навсегда осталось в Его душе и памяти.

Вероятно, потом Он будет часто говорить: «Это было тогда, когда Я видел войска с Моим Отцом во время великой войны с немцами».

Образ русского солдата, офицера, генерала, которые с таким восторгом смотрели на Императора Николая II и Его Сына, не забудется, не может забыться Наследником Цесаревичем. Если после 15 месяцев страды нашей борьбы с врагом русские войска были в таком доблестном виде на всех фронтах, то можно ли сомневаться в том, что может еще сделать русская армия.

Да, впечатления у Русского Царевича от Его первого посещения наших боевых войск вместе со Своим Отцом, Государем Императором, конечно, будут неизгладимы».

Русская печать следила за каждым шагом Цесаревича. В газетах появилось сообщение: «*Вручение Наследнику Цесаревичу Сербской медали «За храбрость»*».

«30 сентября 1916 г. в Царскую Ставку прибыла особая сербская военная миссия в составе первого адъютанта Короля и командовавшего до сего времени армией генерала Юришича, первого адъютанта Наследника,

исполняющего обязанности маршала двора его Королевского величества, полковника и майора Янковича. С миссией прибыл сербский посланник г. Сполайкович и генерального штаба полковник Айваз Оглы. Чины миссии с посланником были приняты Его Величеством в восемь часов вечера. При приеме присутствовал сербский военный агент, полковник Лонткиевич. Генерал Юришич имел честь передать Государю Императору Звезду ордена Карагеоргия первой степени с мечами и для Наследника Цесаревича Золотую медаль «За храбрость».

По окончании приема чины миссии и посланник были приглашены к Высочайшему обеду».

Вера в Бога укрепляла Государя в Его трудах на благо Отечества. Об искренней религиозности Императора свидетельствует о. Г. Шавельский: «Во все праздничные и воскресные дни и накануне их Государь посещал штабную церковь. Пропуски в этом отношении были чрезвычайно редки... — Как-то тяжело бывает на душе, когда не сходишь в праздник в церковь,— часто говорил он.

Государь выслушивал богослужение всегда со вниманием, стоя прямо, не облокачиваясь и никогда не приседая на стул. Очень часто осенял себя крестным знаменем, а во время пения «Тебе поем» и «Отче наш» на литургии, «Слава в вышних Богу» на всенощной становился на колени, иногда кладя истовые земные поклоны».

* * *

Никогда прежде не расстававшаяся с сыном Императрица скучала и, чтобы утишить тоску, писала в Ставку каждый день. «...Доброе утро, мои дорогие, как вы спали? — мысленно беседовала с сыном и мужем Государыня <2 октября 1915 года>. Я неважно, — впрочем, как и всегда. — Так было странно прочесть в газетах, что ты и Бэби [Наследник] выехали на фронт... У тебя было столько тяжелой работы здесь, что я рада за тебя, что это более или менее кончилось, и ты сегодня увидишь войска! Ах, как мое сердце дочери и жены солдата радуется за тебя! Хотелось бы быть с тобою и видеть лица этих славных молодцов, когда они увидят того, за кем и за кого они идут в бой! Надеюсь, что ты возьмешь Алексея с собой, — впечатление останется на всю жизнь у него и у них!»

Об интересе, которое вызывало пребывание в Ставке Наследника, свидетельствует статья в «Кронштадтском Вестнике» от 7 ноября 1915 г., озаглавленная «Наша надежда»:

«...После обедни Государь вместе с Наследником и свитой пошел домой пешком. Улыбка, взгляд, походка юного Наследника, его привычка помахивать левой рукой — все это напоминало манеры Государя, от которого ребенок их перенял.

Несмотря на военное время и частые поездки с Державным родителем по фронтам, Цесаревич продолжает учиться. Программа его занятий

приближена к программе кадетского корпуса. Кстати, он кадет 1-го корпуса. И все-таки науки гуманитарные ему ближе, чем специальные. Любит слушать, когда ему читают. Особенно, когда это исторические книги. Любимые его герои — царь Алексей Михайлович, Петр I и Суворов. «Завещание» знаменитого полководца висит у Цесаревича в классной комнате. Он знает его наизусть. Много он помнит и из суворовской «Науки побеждать». Любит стихи, часто поет «Было дело под Полтавой».

В Могилеве, в Царской Ставке, у Наследника целое потешное войско. Он солдат. Со своей буйной ватагой ровесников он штурмует крепость, роет траншеи, берет в плен неприятеля. Роль неприятеля исполняют его наставники. Уйдя куда-нибудь в лес, Наследник играет в излюбленные «казаки-разбойники». Подросток ловкий, жизнерадостный. Разговаривает он как заправский командир: речь у него твердая, уверенная. Он то разведчик, то «атаман». Но при всей своей воинственности Наследник наделен душой, отзывчивой к страданиям ближнего. Он не забывает прочитанное им некогда изречение Тита: «Тот день для меня пропал, когда я не сделал ни одного доброго дела». Его наставники — учитель французского языка Пьер Жильяр, английского — Сидней Гиббс и старший наставник Петр Васильевич Петров — свидетели примеров доброты их Августейшего воспитанника. Окруженный взрослыми людьми — сослуживцами Отца, Верховного Главнокомандующего — а также иностранными агентами [атташе], он, бывает, шалит с ними, словно с однолетками. Но у него пылкий ум, и вопросы, которые он задает убежденными сединами собеседникам, подчас ставят их в тупик.

В классной комнате, где проходят занятия с наставниками, атмосфера доброжелательства. Учителя прощают ребенку его привычку оставлять на уроки свою собаку по кличке Джой и кота, привезенного не так давно из Пензы. Из любви к науке «Котик» — так его зовут — присутствует на всех уроках своего юного хозяина. После занятий игра в горелки с друзьями. Он не выбирает их по происхождению. Как правило, это дети простолюдинов. Узнав, что их родители в чем-то нуждаются, Наследник часто говорит гувернеру: «Я попрошу Папу помочь им». И в храм, и из храма Отец с Наследником ходят вместе. В религии ребенок черпает ясность взглядов, простоту в отношениях со всеми людьми.

Кроме ровесников, у Цесаревича есть еще два друга — это его «дядька», кондуктор «Штандарта» Деревенько и доктор по фамилии Деревенко. Сходство фамилий поразило ребенка.

Однажды во время его болезни профессор, лечивший Наследника, сообщил мальчику:

— Завтра у Вас появится новый доктор — молодой, не то, что я, старая развалина.

— А как звать этого доктора?

— Его фамилия Деревенко.

— Не может быть! — воскликнул Цесаревич.

— Почему же не может быть? — пожал плечами профессор.

— Но ведь Деревенько — это мой дядька.

— Тот Деревенько, а этот — Деревенко. Без мягкого знака.

— Без мягкого знака? Очень интересно. Тогда я попрошу, чтобы ему прибавили мягкий знак».

У Деревенько, боцмана со «Штандарта» было двое детей. С ними Алексей Николаевич был очень дружен. За них и других своих товарищей Наследник часто заступался и любил им дарить часы.

Никакой заносчивости у него не было. Однажды, тогда еще совсем малыш, Цесаревич спросил мальчугана своих лет:

— Кем бы ты хотел быть?

— Шофером, — ответил тот.

— Возьми меня к себе в помощники, — робко попросил Наследник».

Не меньший интерес к личности Наследника, будущего своего союзника, проявляли и французские журналисты.

Во французском журнале «Иллюстрасьон» от 21 октября 1916 года была помещена статья «Наследник Цесаревич в Царской Ставке».

«Печать неоднократно посвящала целые столбцы описаниям Царской Ставки, но редко касалась того, что составляло всю прелесть жизни в Ставке, а именно, присутствие Наследника Цесаревича, всегда веселого и радостного и как бы озаряющего светом суровую походную жизнь.

По примеру древних воинственных династий Царская Семья разделила свой труд: ее женские представительницы у изголовья раненых, мужчины — во главе сражающихся. Молодой Наследник Цесаревич, несмотря на свой юный возраст, всеми силами стремится быть достойным своего почетного места рядом с Отцом. Увезти его оттуда, хотя бы на несколько дней, почти невозможно. Еще недавно он стоически скрывал простуду, боясь, что его увезут в Царское Село. С тех пор, как он познакомился с сильными ощущениями, вызываемыми войною, домашняя атмосфера ему кажется бесцветною, и он тяготится покоем детской комнаты.

Наследник Цесаревич всеми силами души откликается на трагедию, разыгрывающуюся на пространстве от Балтийского моря до Дуная. Он страстно следит за ее развитием, проводя целые часы перед картами, украшенными маленькими флажками. Хотя он еще совсем ребенок, события с каждым днем кладут все сильнее свой отпечаток на его развивающуюся душу. Наследник Цесаревич только и думает и говорит, что о войне, и любимый его герой — генерал-адъютант Брусиллов.

Но больше всего Наследник любит простого солдата, как бы инстинктивно видя в нем самый надежный залог победы. Хотя Наследник Цесаревич и числится поручиком гвардии, Атаманом казаков и Шефом нескольких полков, он всегда ходит в мундире рядового солдата. Эта простота, присущая, верно, всей Царской Семье, замечается и во всех мелочах жизни Наследника в Ставке. Апартаменты как Государя, так и Наследника, состоят из двух комнат: рабочего кабинета, очень просто обставленного, и общей спальни, в

которой находятся две походные кровати и висит несколько фотографий. Государь довольствуется удобствами, которыми пользуется в походе обер-офицер Генерального Штаба.

Утро Цесаревич посвящает работе под руководством трех преподавателей, являющихся с педагогической точки зрения как бы символом Тройственного Согласия. Имена их — господа Жильяр, Петров и Гиббс.

После завтрака несколько часов посвящается катанию на лодке — Государь отлично умеет грести — и прогулкам по окрестностям, которые являются единственным развлечением Монарха-Солдата, всегда сопровождаемого Его сыном.

В последнее время Наследник Цесаревич имеет двух товарищей, которых он, случайно встретив, сам себе избрал, не считаясь с их общественным положением и руководствуясь лишь личной симпатией.

Если бы он не пользовался уже и теперь большой популярностью, подобный образ действий привел бы на его сторону все сердца».

* * *

Чем лучше шли дела на фронте, тем больше активизировалась деятельность не только левых партий, «прогрессивного блока» Думы, но и враждебно настроенных к Государю и Государыне великокняжеских дворов. Козлом отпущения был выбран Григорий Ефимович Распутин, которого преступники «благородного звания» убили в ночь на 17/30 декабря. 19 декабря Император вместе с Цесаревичем приехали в Царское Село.

Английский генерал Хенбери-Вильямс записал в своем дневнике:

«30 декабря 1916 года <по старому стилю это было 17 декабря>. Нынче вечером у меня в номере (гостиницы «Астория») находился Чарли Бэрн, мой старинный друг, встреча с которым меня очень порадовала. В это время мне позвонил Вильтон, [петроградский] корреспондент «Таймс»:

— Они таки добрались до него, генерал.

Я понял, о чем идет речь. Вильтон имел в виду убийство Распутина».

Г.Шавельский. Цитир. пр. Т.1. С. 356.

Глава тринадцатая **ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ**

31-го октября 1905 года Государь записал в дневнике: «...Обедали Николаша, Петюша, Милица и Стана. Они остались до 11 час.»

Именно во время этого обеда «черногорки», как называла Императрица Александра Феодоровна Анастасию Николаевну и Милицу Николаевну, дочерей черногорского князя Негоша, которые были замужем за братьями

Великими Князьями Николаем и Петром Михайловичами, прожужжали Царице все уши про «сибирского чудотворца». На следующий день в дневнике появилась запись: «...Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губ.» Знакомству с Царской Семейю Распутин был обязан В.К. Николаю Николаевичу, чью любимую собаку, считавшуюся неизлечимо больной, он вылечил. Григорий Ефимович с детства отличался способностью врачевать животных. Стоило ему положить ладонь на больное место и произнести несколько успокаивающих слов, как лошадь (или корова) исцелялась. Вопреки утверждениям «биографов» старца, родился он в семье крепкого мужика, сельского старосты (а не конокрада и пьяницы!). Из пяти детей Ефима Распутина в живых остался один Григорий. Брат Миша, который был на два года старше его, утонул на глазах Гриши в десятилетнем возрасте. Когда Григорий подрос, он стал лечить и людей. «Бог помогал», — говорил он при этом. Читать и писать его не учили (грамоту он освоил, да и то с трудом, уже взрослым), но он обладал выдающейся памятью и мог цитировать огромные куски из Священного Писания, выслушав его лишь один раз. Первыми словами из Писания, которые поразили его и врезались в память были следующие:

«Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, оно там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть». С ранних лет он ощущал внутри себя свет. А однажды во время пахоты ему наяву привиделся образ Казанской Божией Матери. Он упал на колени, не почувствовав, что в кровь разбил о камни колени. Однако молитвенником он стал не сразу. Сначала жил в миру. Были и гулянки, и пьянки. Но после женитьбы Григорий остепенился. Первенец его прожил всего несколько месяцев. Григорий воспринял это как наказание за то, что он тешил плоть. Хотя у него уже было два сына и две дочери, Григорий ушел в Верхотурский монастырь. А оттуда — странствовать. Ходил пешком и всегда босой. Питался скудно, носил тяжелые вериги. Встречался со старцами и бывал на радениях хлыстов, но сам хлыстом не был. Все даже враги Распутина, признавали его замечательный ум, необыкновенную пронизательность взгляда. «Он умен, — говорила о нем З. Гиппиус. — В соединении получается какая-то гениальная «сметка». Приехав в Петербург, Распутин решил послушать проповедь знаменитого о. Иоанна Кронштадтского. Всю службу он простоял на коленях. О. Иоанн заметил его и сказал: «В тебе горит искра Божия». Со временем священник познакомил сибирского крестьянина с епископом Саратовским Гермогеном, проповедником монахом Илиодором и духовником Царской Семейи архимандритом Феофаном. Они были поражены глубокой и искренней религиозностью Григория Ефимовича.

Возможно, Распутин и не был ангелом во плоти, каким его изображает О. А. Платонов, современный московский писатель, но то, что он обладал даром исцеления, подтверждают лица, лично знавшие сибирского крестьянина.

Лили Ден была знакома с ним с 1910 по 1916 год, поэтому ее свидетельства должны для нас иметь несомненный вес. В Петербург Распутин пришел пешком, как паломник. Его искренняя набожность и твердость в вопросах веры произвели на епископа Гермогена и архимандрита Феофана, ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии, столь глубокое впечатление, что они рассказали о нем Великим княгиням-«черногоркам», которые в то время находились в хороших отношениях с Ее Величеством. И Лили Ден, и лейб-медик Е. С. Боткин были уверены в том, что Распутин, сам того не ведая, стал орудием в руках врагов Царской власти. Весьма вероятно, что масон Николай Николаевич, познакомив Государя со «старцем», имел далеко идущие планы а, возможно, и инструкции от своего руководства. Как-то зимой маленький сын Лили Ден серьезно захворал. Анна Вырубова посоветовала ей обратиться за помощью к Григорию Ефимовичу. Войдя в спальню больного ребенка, Распутин, пристально посмотрев на спящего, опустился на колени и стал молиться. Коснувшись пальцами крыльев носа малыша, он разбудил его. Мальчуган без страха посмотрел на незнакомого бородатого мужика и назвал его «дедушкой». Тот стал его расспрашивать, что у него болит. Затем обратился к Лили Ден: «Завтра твое дитё поправится. Если что не так, дай знать».

Едва он ушел, малыш уснул. Наутро температура спала, и вскоре, к удивлению доктора, ребенок поправился. С тех пор, всякий раз, как Григорий Ефимович появлялся в Александровском дворце, Лили непременно навещала его. В детстве Цесаревич страдал гемофилией. Во время приступов недуга Распутин оказывал ребенку немедленную и ощутимую помощь. Это обстоятельство и явилось причиной сближения Царской Семьи с сибирским старцем.

Никакой материальной выгоды визиты эти Распутину не приносили. Он даже однажды пожаловался Лили, что расходы на извозчика ему никогда не оплачивают.

По словам Лили Ден, Григорий Ефимович предчувствовал, что умрет насильственной смертью. Он часто говорил с глубоким убеждением: «Пока я жив, все будет путем. Но после моей смерти потекут реки крови. Только с «Папой» и «Мамой» (так он называл Царственную Четву) ничего не случится». О своей скорой гибели Григорий Ефимович говорил и одной из своих почитательниц:

«Знаешь ли, что я вскоре умру в ужасных страданиях. Но что же делать? Бог предназначил мне высокий подвиг погибнуть для спасения моих дорогих Государей и святой Руси...»

В Распутине было много хорошего. Однажды, увидев Лили Ден, которая прогуливалась по Малой Морской с сослуживцем своего мужа, Григорий Ефимович строго ее отчитал: «Пошто со своим законным мужем не гуляешь? На барынек распутных походить охота?»

Мнимое его политическое влияние на Государя и Государыню отрицала и Великая Княгиня Ольга Александровна. «Для Ники [Государя] и Алики

[Императрицы] Распутин был глубоко религиозным человеком, наделенным даром исцеления». Отец Иоанн Кронштадтский, впоследствии причисленный к лику святых, встретившись с крестьянином, сказал ему: «Странствуй, брат, тебе много дал Бог, помогай людям, будь моей правой рукой...» Несмотря на теплый прием в Петербурге в 1904 году, Распутин отправился в новое паломничество.

Впоследствии, когда Распутина приглашали во дворец, Царевны были рады его приходу, потому что они знали, сколь велика его помощь их маленькому брату. Ольгу Александровну возмущали разговоры в свете о том, будто бы Ее Величество осыпает Распутина деньгами. Утверждение это было ни на чем не основано. Великая Княгиня знала, что сорить деньгами было чуждо природе Государыни. В знак благодарности за помощь Алексею Николаевичу она подарила ему несколько рубах, шелковый пояс, который сама вышила, и золотой наперсный крест. В отличие от светской черни и досужих журналистов, Великая Княгиня понимала, что дружба Царской Семьи с Распутиным — их личное дело и никто не вправе вмешиваться в эти отношения. Ни свет, ни простые люди не могли или не хотели понять, что недуг Цесаревича, доставлявший ему немало страданий в младенческие годы, был главной причиной веры Царской Семьи в возможности сибирского крестьянина. О том, что он убежден в силе молитвы и несомненно наделен даром целителя, младшая сестра Государя знала не понаслышке. Первый кризис произошел, когда Алексею Николаевичу было всего три года. Ребенок непоседливый, живой, играя в Царскосельском парке, он упал. Несколько часов спустя корчился от невыносимой боли: произошло внутреннее кровоизлияние. Ольга Александровна, приехавшая в Царское Село, видела, как страдает ребенок: вокруг глаз темные круги, ножка распухла. От докторов проку не было. Тогда Государыня отправила телеграмму Распутину. Приехав поздно вечером во дворец, тот даже не прикоснулся к ребенку. Лишь стоял в ногах постели и молился. Проснувшись утром, ребенок был здоров и весел. Жар словно рукой сняло, от опухоли на ножке не осталось и следа. Распутин действительно был против войны с Германией, но война была все-таки объявлена — в ответ на объявление войны России немцами. Следовательно, политическое влияние Распутина было ничтожным. Уже после революции некая дама призналась: «Я теперь понимаю, что мы своими неумеренными разговорами оказали... услугу революционерам». Злые языки твердили о пристрастии Императорского двора к немцам, о стремлении Ее Величества заключить сепаратный мир с немцами. Теперь нам известно и о сговоре большевиков с немцами, и о громадных деньгах, которые шли из-за рубежа на оплату черной работы внутренних врагов. Но и сейчас продолжают разговоры, давно срежиссированные и оплаченные врагами Царской власти и России. Недалеко от недругов ушли как светские круги, так и великокняжеская камарилья. В 1916 году Великие Князья зачастили в Царское Село и принялись наперебой давать советы Государю, — советы, которых у них никто не спрашивал. По словам Ольги

Александровны, эти родственники Царя не стеснялись в выражениях и порой закатывали сцены. Некоторые даже заявляли, что Государыню следует отправить в монастырь. Созрел заговор, в котором были замешаны многие высокопоставленные лица, с целью ликвидации старца. Исполнителями были гомосексуалисты В.К. Дмитрий Павлович и князь Феликс Юсупов, зять Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, по словам Матрены Распутиной, дочери старца, вовлеченной в заговор против сибирского крестьянина.

Уговорив Распутина помочь его жене Ирине Александровне, страдавшей головными болями, в ночь на 19 декабря 1916 года Феликс Юсупов привез его к себе во дворец. Там его напоили отравленной мадерой, накормили отравленными пирожками. Видя, что яд не действует, голубой князь выстрелил в гостя. Достав кинжал, преступники — в их числе были депутат Думы Пуришкевич, капитан Сухотин и доктор Лазоверт — оскопили Григория Ефимовича. Но он был все еще жив и попытался убежать. Вдогонку ему выстрелил Пуришкевич. После этого старца завернули в ковер и отвезли к реке. Отыскав полынью, сбросили туда свою жертву.

Убивая Распутина, юсуповы, дмитрии павловичи и пуришкевичи в действительности метили в Государыню.

— Чего они хотели добиться? — сорок три года спустя возмущалась Великая Княгиня Ольга Александровна. — ...Мерзкое это убийство было тягчайшим преступлением, направленным против того, кому они присягали — я имею в виду Ники [Государя]!

Великосветскую и великокняжескую чернь бесило, что Царская Семья предпочитала дружбу с простым крестьянином общению с манерными, себялюбивыми аристократами. Она видела в Распутине представителя крестьянства, испокон веков преданного Царям. В ответ на упреки в том, что Государыня дружит с простым мужиком, Александра Феодоровна возражала: «Наш Господь Иисус Христос не выбирал Себе учеников из числа представителей знатных иудейских семейств. Все Его ученики, кроме Св. Апостола Луки, были людьми низкого происхождения».

«Совершенно напрасно полагают, будто бы Ники и Алики считали Распутина святым», — говорила Ольга Александровна. Действительно, он бывал во дворце. Преувеличивая его значение при дворе, многие пытались добиться при его помощи собственных честолюбивых целей. Распутина осаждали просьбами, щедро одаряли, но для себя он ничего не оставлял. Он много помогал беднякам. Ольга Александровна ни разу не слышала, чтобы он чего-то просил у Царя и Царицы для себя. Правда, за других хлопотал. По словам Великой Княгини, Распутин мог бы без труда сколотить себе целое состояние, но когда он умер, то после него осталась Библия, кое-что из одежды и некоторые предметы, которые Государыня ему подарила для его личных нужд. Даже мебель в его квартире в доме № 64 по Гороховой в Петрограде старцу не принадлежала.

Великие Князья возмущались тем, что ими пренебрегали. Но простой

крестьянин часто давал ценные практические советы, чего нельзя было сказать о Великих Князьях. Николай Михайлович злословил в адрес Царской Семьи. Его брат, «Сандро», ушел от него недалеко. Дмитрий Павлович в основном бездельничал, а затем и принял участие в подлом преступлении. Павел Александрович, командовавший Гвардией, начальником был никудашным. О зловещей же роли Николая Николаевича уже упоминалось. Еще в 1877 году генерал-адъютант М. Д. Скобелев так охарактеризовал В. К. Николая Николаевича-младшего: «Если он долго проживет, для всех станет очевидным его стремление сесть на Русский Престол. Это будет самый опасный человек для царствующего Императора». По мнению Матрены Распутиной, Николай Николаевич невзлюбил Распутина из-за того, что тот в свое время пытался лечить Великого Князя от жажды крови и знал о его тайне.

И Царская чета, и Их дети симпатизировали Распутину. В его обществе они вели себя как с близким другом. Великой Княгине Ольге Александровне однажды довелось наблюдать, как молятся Цесаревич и старец:

«Мы с Ники и Алики пошли следом за Распутиным и маленьким Алексеем в его спальню. Воцарилась тишина, словно в храме. Электричество в комнате Наследника не было включено, горели лишь свечи перед чудными образами. Ребенок, не шевелясь, стоял рядом с крестьянином, склонившим голову. Я поняла, что Григорий Ефимович молится. Зрелище это произвело на меня сильное впечатление. Я поняла также, что вместе с крестьянином молится и мой маленький племянник».

Привыкшая к светскому обществу, которое сама же нередко осуждала, Ольга Александровна нашла Распутина несколько примитивным. Голос у него был низким и грубоватым. Вести с ним разговор было невозможно: он то и дело перескакивал с одного предмета на другой. То, что он постоянно цитировал Священное Писание, не удивило ее ничуть. Хорошо изучив крестьян, с которыми часто встречалась, она убедилась, что многие из них помнят наизусть целые главы из Библии. На наш взгляд, Великая Княгиня была чересчур поглощена мирскими заботами, поэтому духовные проблемы ее не трогали. Напротив, Государь и Императрица были искренне религиозны, поэтому набожность сибирского крестьянина и его простота им были по душе. Что бы ни случилось в Александровском дворце, злопыхатели относили это на счет Распутина. Кто-то пустил слух, будто Распутин изнасиловал одну из нянь. Было произведено дознание. Оказалось, что няню застали в постели... но в обществе казака из Собственного Его Величества конвоя. Няню тотчас уволили.

«Темные силы», о которых вещали с думской трибуны лжемонархисты и шибко-патриоты, воплощал не Распутин и близкие к нему по монархическим воззрениям люди, а дмитрии павловичи, юсуповы и пуришкевичи, предательски убившие пришедшего к ним в гости сибиряка. Даже если

предположить, что Распутин принес какой-то вред (что весьма сомнительно), то добрых дел за ним водилось гораздо больше. Из разговоров с односельчанами Распутина писатель О. А. Платонов узнал, что тот помогал им деньгами и всем, чем мог. Давал на свадьбу, на постройку дома. Жертвовал на общественные нужды для своего села по сто, триста, а то и пятьсот рублей (по тем временам деньги немалые). Одному покупал лошадь, другому корову. Следственной комиссией Временного правительства, после февральской революции, было установлено, что семья Распутина после его убийства осталась без копейки. Поэтому Царь в начале 1917 года перевел в Тюменский банк пособие для семейства Григория Ефимовича в 150 тысяч рублей.

В защиту Распутина и его дружбы с Царской Семьей выступала и Лили Ден. Что же касается использования его имени против Царя и Царицы, то, по ее мнению,

«Распутин стал, сам того не ведая, орудием в руках революционеров. Если бы в период с 1910 по 1916 был жив Иоанн Кронштадский, то из него бы сделали второго Распутина. Революционерам надо было найти какое-то лицо, чье имя можно было бы связать с именем Императрицы — имя, связь которого с Царской Семьей подорвала бы престиж Их Величеств среди высших слоев общества и в то же время скомпрометировала бы и свела на нет преклонение перед Царским именем массы крестьян. Один из депутатов Государственной Думы как-то прервал оратора-революционера, громившего Распутина, такими словами:

— Если вы так настроены против Распутина, то почему же вы его не убьете?
— Убить Распутина? — был ответ. — Да ни за что. Ведь в нем наше спасение».

За 2 дня до отъезда в Ставку, Государь встретился с Григорием Ефимовичем Распутиным. По словам А. А. Вырубовой, старец сказал, что не надо заключать сейчас мира, так как та страна победит, которая проявит больше терпения. «Царь сказал, как всегда: «Григорий, перекрести нас всех». «Сегодня Ты благослови меня», — ответил Григорий Ефимович, что Государь и сделал», — вспоминала Вырубова. Оказалось, что это была последняя встреча Царя и верного крестьянина. 4 декабря Государь отбыл в Ставку, и Государыня написала ему вслед:

«Царское Село

4 декабря 1916 г.

Прощай, бесценный и ненаглядный мой!... Я убеждена, что близятся великие и прекрасные дни твоего царствования и существования России... Покажи всем, что ты властелин и твоя воля будет исполнена... Их следует научить повиновению... Ты мне невыразимо дорог, супруг мой любимый! Я разделяю твои горести и радости и готова за тебя умереть. Благослови, Боже, тебя и

мое сокровище Бэби. Крепко вас целую. В минуту грусти пойдешь в комнату Бэби и спокойно посиди там немножко с милыми людьми, его окружающими. Поцелуй любимую детку — у тебя на душе станет теплее и спокойнее. Всю мою любовь отдаю тебе, солнце жизни моей.— Спи спокойно, душой и сердцем я с тобой, мои молитвы витают над тобой. Бог и Святая Дева никогда не покинут тебя!
Навеки всецело
Твоя».

Каждая армия настолько прочна, насколько прочен ее тыл. Вот почему атаки клеветников были направлены на Императрицу, которая и была надежным тылом Государя. Императрица, Семья, в особенности, Цесаревич составляли этот тыл. Здоровье же Наследника было заботой Г. Е. Распутина. Это понимал даже простой офицер-фронтовик:

«Наследник престола Цесаревич Алексей Николаевич был болен гемофилией... Началась [она] от английской королевы Виктории... Каждый раз, когда Наследнику становилось плохо, и он делал себе какой-либо ушиб, получалось внутреннее кровоизлияние, и это доставляло ему невероятные страдания. Никакие специалисты — ни русские, ни заграничные — не могли его излечить и не могли прекратить его боли. Но стоило появиться Распутину во дворце или даже просто ответить на телеграмму телеграммой, как Наследнику становилось лучше... Не понимаю, как можно обвинять Императрицу и Царя в привязанности к Распутину. Все слухи о том, что Распутин имел какое-то влияние на государственные дела — это все, по моему, вздор, распространявшийся левыми».

Французский посол Морис Палеолог писал своему правительству 25 ноября 1915 года: «У Цесаревича, сопровождавшего своего Отца во время поездки по Галиции, появилось сильное кровотечение носом. Кровотечение было настолько сильно и изнурительно для больного, что однажды подумали, что Царевич кончается... <Императрица> немедленно обратилась к Распутину. Он тотчас погрузился в молитву, после чего уверенно сказал Государыне: «Благодари Бога! Он еще раз даровал жизнь Твоему Сыну!» ... В конце ночи состояние Цесаревича внезапно изменилось к лучшему, жар начал спадать. Как Мать могла не верить в силу молитвы Распутина?»
Вот еще один пример помощи старца. Ребенок недомогает. Мечется, не может заснуть. И на этот раз врачи бессильны. Из дворца звонят Распутину. «Что? Алеша не спит? Ушко болит? Давайте Его к телефону...» В телефонной трубке слышен ласковый голос сибирского крестьянина: «Ты что, Алешенька, полуночникаешь? Болит? Ничего не болит, и сейчас ложись! Ушко не болит. Не болит — говорю я Тебе. Спи сейчас! Спи, говорю Тебе. Слышишь: спи!..» Через четверть часа звонок из дворца: у Наследника ухо не болит. Он спокойно заснул...

И каждый раз, когда Ребенок страдает, простой мужик прикосновением грубой руки своей, ласковым словом, шуткой, телеграммой с каракулями успокаивает Больного и Его Родителей.

Что же Мать могла питать к такому человеку, явно помогающему Ее больному Сыну, кроме благодарности и веры в него... А он твердил одно: «Верь в действенность молитв! Верь в силу моего посредничества, и Твой Сын будет жив». И Она поверила и верила... — писал Н. В. Борзов.

С гибелью верного крестьянина Государыня утратила предстателя перед Господом.

Находившемуся в Царской Ставке Государю Императрица писала 17 декабря 1916 года: «...Дорогой мой! Мы сидим все вместе — ты можешь представить наши чувства, мысли — наш Друг исчез. Вчера А.[ня] видела его, и он ей сказал, что Феликс просил его приехать к нему ночью, что за ним заедет автомобиль, чтоб он мог повидать Ирину. Автомобиль заехал за ним (военный автомобиль) с двумя штатскими, и он уехал. Сегодня ночью огромный скандал в Юсуповском доме — большое собрание, Дмитрий, Пуришкевич и т. д. — все пьяные. Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что наш Друг убит. Полиция приступила к розыску, и тогда следователь вошел в Юсуповский дом — он не смел этого сделать раньше, так как там находился Дмитрий. Градоначальник послал за Дмитрием. Феликс намеревался сегодня ночью выехать в Крым, я попросила Калинина его задержать.

Наш Друг эти дни был в хорошем настроении, но нервен... Феликс утверждает, будто он не являлся в дом и никогда не звал его [Распутина]. Это, по-видимому, была западня. Я все еще полагаюсь на Божье милосердие... Я не могу и не хочу верить, что его убили. Да смилуется над нами Бог!.. Приезжай немедленно — никто не посмеет ее [Вырубову] тронуть или что-либо ей сделать, когда ты будешь здесь. Феликс последнее время часто ездил к нему [Распутину] *Благословляю и целую. Солнышко*».

Государь ответил супруге телеграммой из Орши:

«Только сейчас прочел твое письмо. Возмущен и потрясен. В молитвах и мыслях вместе с вами. Приеду завтра в 5 час.»

В своих мемуарах один из убийц Распутина, Ф. Юсупов, рассказывал о злодеянии так, как будто он совершил подвиг...

И вот Распутина не стало. Мрачные предсказания его очень скоро начали сбываться. Те, кто радовались убийству Григория Ефимовича и ставили свечи перед иконой св. князя Дмитрия, вскоре убедились, что радуются собственной близкой гибели. Как писала Т. Боткина-Мельник, «даже противники [Распутина], прежде говорившие:

«Вот бы кто-нибудь догадался его прикончить», — теперь пожалели о случившемся».

22 февраля 1917 года Государь уехал в Ставку, в которой не был уже два

месяца. После его отъезда начались уличные беспорядки, организованные, главным образом, левыми партиями, германскими агитаторами, участниками масонских организаций.

Государыня писала из Царского Села 24 февраля Императору:

«...Вчера были беспорядки на В<асильевском> острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли <булочную> Филиппова и против них вызвали казаков... Я надеюсь, что Кедринского <Керенского> из Думы повесят за его ужасную речь [в которой будущий Главноуговаривающий призывал к расправе над Царем] — это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером». Но уже через день письмо Императрицы становится иным. В нем звучит тревога: «(Княжевич) рассказывал мне много о беспорядках в городе (я думаю, больше 200000 человек). ...Ходили на могилу нашего Друга <Г. Е. Распутина>... В городе дела вчера были плохи. Произведены аресты 120-130 человек».

А спустя несколько дней, оказавшись в ловушке, устроенной предателями-генералами, Государь был вынужден отречься от престола.

Хотя армия была на стороне Государя, он не мог обратиться к ней через головы генералов. Н. Э. Гиацинтов вспоминал:

«В феврале месяце (1917 г.) разнеслась весть о революции в Петербурге. О том, что войска принимали участие в этом восстании, мы даже и помыслить себе не могли. Сначала к этому отнеслись несколько недоверчиво и думали, что найдутся генералы, которые в скором времени приведут в христианскую веру всех этих господ бунтующих. В самом начале марта (кажется, 3-го или 4-го) дошло до батареи известие о том, что Государь Император отрекся от престола за себя и за сына и передал престол своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу. И тут же был прочитан приказ о том, что и Михаил Александрович отрекся от престола, и мы ждем некоего Учредительного собрания, которое установит форму правления в России.

Для нас, фронтовиков и кадровых офицеров, это было то, что называется «как снег на голову». Никто никогда не думал, что Россия может сделаться какой-то республикой и что возможны такие вещи. Увы, это оказалось возможным благодаря тому, что Государя окружали не генерал-адъютанты, а генерал-предатели во главе с Алексеевым, начальником штаба Государя. Алексеев, правда, был болен и находился в Крыму, но имел там совещание с левонастроенными кадетскими деятелями или даже социалистами, которые уговаривали его принять участие в этом заговоре. То же самое относится и к Великому Князю Николаю Николаевичу, к которому ездил делегация на Кавказ с предложением вступить на престол и устранить так или иначе, не останавливаясь даже перед убийством законного русского Царя... Генерал Корнилов... сразу после революции был назначен командующим войсками Петроградского округа и арестовал Императрицу и ее детей. И они оказались, совершенно невинные дети, под арестом разнужданной толпы

распоясавшихся солдат-тыловиков, которым главный стимул революции был «не идти на фронт», не подвергать свою драгоценную жизнь опасности, а «служить революции».

* * *

Прошло уже без малого три месяца со дня убийства сибирского крестьянина. Многие представители знати и офицерства пали от рук «освобожденных» солдат и матросов. Казалось, строй себе «новую жизнь». Но не тут-то было. Свободная (от совести и рамок приличия) пресса продолжала печатать и перепечатывать материалы о Распутине. Ведь они затрагивали Императорскую Семью. «Петроградская газета» от 11 марта 1917 года поместила статью

«Дело о Распутине»

19 декабря 1916 г. в 12 часов 30 минут пополудни судебный следователь по важнейшим делам петроградского окружного суда В. Н. Середа прибыл на место обнаружения неизвестного мужчины в пределах 4-го участка Петроградской части для осмотра местонахождения трупа, его примет и наружных повреждений.

По указанию присутствовавших чинов полиции, следователь спустился на лед Малой Невки, где саженьях в 12 от левого берега лежал в салазках труп мужчины на спине, с признаками насильственных повреждений на голове и груди.

Наружным осмотром установлено, сообщает «Русское Слово»: труп мужчины около 50 лет на вид. Труп одет в две рубахи: верхняя — голубого (бирюзового) цвета (с вышивкой — васильки, синие колосья); из-под цветной рубахи выглядывает нижняя, белая; ноги обуты в сапоги с высокими мягкими голенищами.

На шее обнаружена большая золотая цепочка, причем, одно звено разогнуто. Лицо покрыто кровью ниже лба. На белой рубахе на уровне правой сосковой линии пятна крови.

Под рубахой были нательный крест и браслет цепочкой с брелоком из золота и платины. Родные Григория Распутина, две его дочери и племянница, признали в убитом своего отца и дядю.

28 декабря судебный следователь Ставровский, по предложению прокурорского надзора, изъял из вещественных доказательств по делу об убийстве Распутина крест, цепочку, браслет и вышитую шелковую рубаху. Все эти вещи были препровождены в Царское Село в распоряжении Александры Федоровны.

* * *

Лабораторным исследованием снега в саду (Юсуповского дворца)

обнаружено присутствие в нем человеческой крови. Следы крови найдены и на Петровском мосту, где также обнаружена галоша-бот, в которой родные Распутина признали галошу, принадлежавшую Распутину.

Заключение следователя Ставровского

Данным <расследованием> в достаточной мере установлено, что убийство Распутина совершено в доме № 94 или в садике дома № 92 по набережной реки Мойки, причем имеются указания на возможность причастия к этому делу, помимо князя Юсупова, и других лиц, в том числе великого князя Дмитрия Павловича.

Следствие началось 19 декабря 1916 г. (1 января 1917 г.). Кончилось 16 февраля (1 марта) 1917 г.

* * *

Александра Федоровна у трупа Распутина

На Александру Федоровну убийство Распутина произвело такое же впечатление, как если бы были убиты ее сын или дочь. Она требовала суровых мер для виновников, кто бы они ни были, и полного расследования дела.

Извлеченный из воды труп Распутина ночью был отвезен на Чесменскую богадельню, находящуюся между Царским Селом и Петроградом. Она выразила желание видеть труп Распутина и приезжала сюда в ночь на 20 декабря в сопровождении своей верной фрейлины А. А. Вырубовой. После визита Александры Федоровны в часовню тело (Распутина) было набальзамировано, положено в металлический гроб и отправлено в Царское Село».

* * *

А. А. Танеевой (Вырубовой) мы обязаны ее свидетельствами о даре предвидения и умении читать в сердцах людей, которыми был наделен старец. Анна Александровна вспоминала: «Хронически обиженная «ближайшая» свита распускала небывалые слухи о влиянии Распутина, обо мне, раньше ген. Орлове; и вторили этим слухам, подливая масло в огонь, «обиженные» на Ее Величество Вел. Княгини Стана и Милица Н<иколаевны> за то, что поняв их игру, Ее Величество после дружбы их отстранила. Вел. Кн. Черногорки стали заклятые враги Государыни... Гирс говорил моему отцу в Петергофе, что он должен бы обратить внимание Государыни или Государя на Вел. Княгинь, которые хуже заговорщиков против Государыни: «одна умна и зла, другая глупа и зла».

Незадолго до железнодорожной катастрофы Распутин сказал, что Вырубовой «предстоит тяжелое испытание».

«Помню, как Головины, — рассказывает приближенная Государыни, — которые всегда были очень дружны с Феликсом Юсуповым, года за два до

его <Распутина> убийства рассказывали Распутину, что Феликс поступил в тайное английское общество. «Теперь он убьет меня», — сокрушенно сказал Гр. Еф.»

Анна Александровна, по ее словам, снам значенья не придавала, но два сна ее настолько поразили, что она их описала:

«Один, когда я заболела корью во Дворце <в марте 1917 года, то есть когда Распутина в живых уже не было>. Будто иду по городу Тобольску, по дощатой мостовой (только в Тобольске видела подобную), встречаю Гр. Еф. сердитого, испугалась его виду, он сказал: «Пойди и скажи Папе и Маме, что я пришел с ними проститься», — будто я возразила, что идти далеко. «Они в Тобольске», — ответил он, указывая на синий Царский поезд. Второй, в день моего освобождения из крепости 16 июня 1917 г. Вижу Гр. Еф. идет ко мне в камеру со словами: «Я вернулся к тебе из города левитов по молитвам твоих родителей», дал мне нарядное платье и много бриллиантов, сказав: «Ты исполнила свой долг на земле». Наследник во время своей болезни утверждал матери и мне, что Гр. Еф. входит к нему в детскую крестить его и «тогда мне лучше».

Ряд авторов упрекают Государя Императора в том, что он не наказал, и сурово, убийц Распутина. «Разве можно назвать возмездием... высылку Юсупова в свое имение и перевод Дмитрия Павловича на Кавказ? — возмущается один наш современник. — А Пуришкевича и других участников [злодеяния] вообще не тронули». О. А. Платонов вторит А. А. Вырубовой, которая писала: «Их Величества не сразу решили сказать [Цесаревичу] об убийстве Распутина, когда же потихоньку ему сообщили, Алексей Николаевич расплакался, уткнув голову в руки. Затем, повернувшись к отцу, он воскликнул гневно: «Неужели, Папа, ты их хорошенько не накажешь? Ведь убийцу Столыпина повесили!» Государь ничего не ответил ему». А как иначе? Это ребенок в пылу обиды и гнева мог потребовать скорой расправы над обидчиками, но не зрелый мужчина. Тем более, Государь. И Платонов, и Вырубова забывают, что убийцу Столыпина, Мордку Богрова, повесили после долгого расследования и суда. Следствие же по делу об убийстве Распутина окончилось, как отмечено в «Петроградской газете» от 11 марта 1917 года, накануне бунта, 16 февраля (1 марта). Через неделю началась «великая и бескровная».

А дело было достаточно сложным. Даже в таком вопросе, как похороны Распутина, извлечение его гроба из могилы и уничтожение трупа старца, много неясного и неопределенного, о чем свидетельствуют корреспонденты петроградских газет и репортеры полицейской хроники. Ссылаясь на Мориса Палеолога, американский писатель Роберт Масси пишет: «Прежде чем крышка гроба была заколочена, Императрица положила на грудь Распутину икону с именами ее самой, мужа, сына и дочерей и вложила в руки письмо. Текст его был таков: «Мой дорогой мученик, дай мне твое благословение,

чтоб оно постоянно было со мной на скорбном пути, который остается мне пройти здесь на земле. И помяни нас на небесах в твоих святых молитвах. *Александра*».

Между тем Лили Ден, которую «цитирует» Масси, была участницей похорон и видела, что икону в гроб положила «послушница» Акилина Лаптинская, агент «февралистов», но никакого письма положено не было. Она писала:

«Судя по книгам и рассказам репортеров, не соответствующим действительности, Григория Ефимовича похоронили глубокой ночью тайком в парке Царского Села. Ничего подобного. Похороны Распутина состоялись в 8 часов утра 22 декабря... Священник из лазарета Анны Вырубовой прочитал отходную молитву. После того, как Их Величества бросили на крышку гроба по горсти земли, ...мы бросили цветы на гроб. После того, как были произнесены последние слова молитвы, Императорская Семья покинула часовню».

Репортер, присутствовавший при вскрытии могилы Распутина вскоре после отречения Государя, свидетельствует: «...Один из солдат при нас просунул руку в отверстие крышки гроба и вытащил деревянную икону. На обратной стороне иконы оказались сделанные химическим карандашом собственноручные надписи:

Александра
Ольга
Татiana
Мария
Анастасия

В левом углу дата: «11 декабря 1916 года. Новгород». В правом углу еще одна надпись, также карандашом, но более мелко: «Анна». По-видимому, это та самая икона, которую привезла с собой Александра Феодоровна из своей поездки в Новгород. Икону эту она хотела подарить Распутину. Подпись «Анна» принадлежит фрейлине Анне Вырубовой».

О паломничестве Государыни и Великих Княжон в Новгород сообщала пресса, в том числе «Кронштадтский Вестник» от 12 декабря 1916 г.:

«Августейшая Семья в Новгороде»

11 декабря 1916 г. Ее Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна с Августейшими Дочерьми Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татианой Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной в половине десятого изволили посетить Новгород. С вокзала Государыня Императрица с Великими Княжнами проследовала в Софийский собор».

Что же касается дальнейшей судьбы извлеченного из земли с шуточками и непристойностями гроба с телом Распутина, то она не вполне ясна. Вот что писал корреспондент «Петроградской газеты» 11 марта 1917 года:

«По срочному предложению председателя совета министров князя Львова, тело Распутина было перевезено из Царского Села в Петроград. Не доезжая Петрограда у платформы «Воздухоплавательный парк» поезд с телом Распутина был остановлен. Солдаты вынесли гроб, который был перевезен к ограде близ находящегося Волкова кладбища. Здесь тело Распутина было погребено, и место захоронения тщательно скрыто».

Но в той же «Петроградской газете» появилась и иная версия перезахоронения трупа Распутина:

«8-го марта вечером капитаном Климовым была обнаружена могила старца Григория Распутина-Новых. Немедленно на могилу был командирован взвод солдат. Загрели о мерзлую землю лопаты. Работа шла дружно. Не прошло и четверти часа, как гроб был освобожден от земли. Восемь человек рослых артиллеристов спустились в люк строящегося храма, и дружными усилиями тяжелый свинцовый гроб был извлечен из темной могилы [Спрашивается, зачем?]. Грузовой автомобиль ждал тяжелую ношу. Загрохотал автомобиль по Царскому Селу, направляясь к городской ратуше. Навстречу вышел комендант Царского Села подполковник Мацнев в сопровождении офицеров. Наполовину развалившаяся крышка гроба была снята, и перед присутствующими предстал одетый в роскошную шелковую рубаху старец. Осмотром было установлено, что покойник именно старец Григорий Распутин. После осмотра гроб был закрыт и запечатан сургучной печатью. По приказанию коменданта автомобиль с гробом отправлен на железнодорожную станцию.

До соответствующих распоряжений вагон стоит в настоящее время на запасных товарных путях в полуверсте от станции Царское Село. Вагон охраняется усиленным нарядом воинских частей».

«Эх, вы, Аники-воины, со стариками (мертвецами), бабами вам только воевать!» — напрашивается фраза.

А между тем свое участие в постыдном деянии корреспондент описывает, прибегая к литературным красотам:

«...Проезжаю мимо красивых дворцовых построек в древнерусском стиле. Тут и конюшни, и фермы, и музеи, и даже зверинец. Въехали в красивую аллею. Бесконечной лентой вьется дорога среди густого хвойного леса. Недаром она называется Царской дорогой. Дальше ехать нельзя. Иду пешком под гору и наконец выхожу на берег небольшой реки».

Ждешь такого же красивого продолжения. Но увы! Навстречу журналисту идут толпы штатских и военных.

— Откуда?

— С могилы Распутина.

На опушке парка — строящаяся часовня. Возле алтаря яма — пустая могила Распутина. На свежееобструганных бревнах — непристойные надписи, рисунки. Все похохатывают, подло пересмеиваются.

Но что же произошло с гробом, находившимся в одном из товарных вагонов? 9 марта из Петрограда было отправлено в Царское Село 10 легких автомобилей и один грузовой автомобиль конюшенного ведомства. В 2 часа ночи эта экспедиция прибыла к месту, где стоял товарный вагон с вырытым из могилы гробом Распутина, упакованным в большой деревянный ящик. Ящик был установлен на грузовик и доставлен в Петроград. 10 марта грузовик стоял в музее конюшенного ведомства, где находятся старинные придворные кареты. (Теперь это здание в аварийном состоянии. Музея там и след простыл, зато множество крупных и мелких предприятий и лавок, мало заботящихся о сохранности старинных строений.)

В 8 часов вечера 10 марта грузовой автомобиль в сопровождении легкового автомобиля, в котором были служащие конюшенного ведомства, направился через Троицкий мост по Каменноостровскому проспекту на Выборгское шоссе. Вблизи Пискаревки в лесу было выбрано место для перезахоронения трупа Распутина.

Студенты политехнического института, заметив грузовик с большим деревянным ящиком и сопровождающую его легковую машину, донесли о своих подозрениях коменданту института. Недалеко от выбранного для перезахоронения гроба места грузовик и легковой автомобиль застряли в сугробах снега. Служащие конюшенного ведомства и шоферы сняли ящик с грузовика и на руках потащили вглубь леса, чтобы на время спрятать его в снегу. Но не тут-то было. Из «политеха» прибыло шестеро милиционеров, на помощь к ним прискакал отряд конной полиции. Люди, занимавшиеся ящиком, были задержаны и доставлены к коменданту института. Было решено сжечь труп Распутина в лесу. На грузовике института привезли дрова и два пуда керосина. Служащие конюшенного ведомства и милиционеры срубили несколько сосен, разбили ящик, в котором находился свинцовый гроб. Распутин был одет в парчевую рубаху, плисовые шаровары, сапог на ногах не было. Лицо густо заросло бородой. Запаха разложения не чувствовалось: труп был забальзамирован. Осквернители могилы бросили труп несчастного старца в огонь. Через четыре часа от него остались только кости. Их зарыли в яму, которая была затем плотно утоптана и завалена снегом. Куски свинца от гроба были доставлены петроградскому общественному градоначальнику вместе с рапортом о сожжении трупа Распутина.

Которому рассказу верить? Последнему? Или тому, где повествуется о

погребении Распутина на Волковом кладбище? А может быть, лучше осведомлен французский посол Морис Палеолог, который записал в своем дневнике:

«Вчера вечером <9/12 марта 1917 г.> гроб Распутина был тайно вынесен из склепа в часовне, где он был погребен в Царском Селе и доставлен в Парголово лес, верстах в 15 к северу от Петрограда. Там, среди прогалины, несколько солдат, под командой саперного офицера, устроили большой костер из сосновых ветвей. Отбив крышку гроба, они вытащили из него труп при помощи жердей, так как не решались прикоснуться к нему руками из-за его разложения, и не без труда втащили его на кучу дров. Затем, полив его керосином, зажгли. Сожжение продолжалось больше десяти часов, до самой зари. Несмотря на нестерпимо холодный ветер, несмотря на... клубы едкого и зловонного дыма, вырывавшиеся из пылавшего костра, несколько сот мужиков всю ночь теснились вокруг костра, онемевшие, неподвижные, глядя с растерянным изумлением на... пламя, медленно пожиравшее старца-мученика, друга Царя и Царицы, «Божьего человека».

Пожалуй, человек, которого сожгли в Парголово лесу, был не Распутин, а кто-то другой. Ведь Распутина убили зимой, всего три месяца назад. Труп его был забальзамирован, но даже если бы он не был забальзамирован, то в мерзлой земле он не смог бы разложиться, тем более, за столь короткий срок. Кого же сожгли в Пискаревке и кого похоронили на Волковом кладбище, знают только «режиссеры» этих представлений.

* * *

Но на этом история со старцем не заканчивается.

Поистине, неисповедимы пути Господни. Епископ Гермоген, в свое время ополчившийся на Григория Ефимовича Распутина, в 1918 году был в Тобольске, ставшем местом заточения Царственных Узников и их слуг. Вспоминая, что привело его к охлаждению, а затем и разрыву с сибирским крестьянином, в котором он поначалу видел человека, способного укрепить ослабевшие связи между Царем и его народом, епископ признавался в беседе с Б. Н. Соловьевым, зятем Григория Ефимовича:

«Самовольное отступление Григория от нашей программы, его нападки на аристократию и на таких людей, как Великий Князь Николай Николаевич, которых я всегда считал опорой трона, заставило вначале отвернуться от него, а потом начать кампанию против него. В азарте этой борьбы я многого не замечал. Я не видел, что моя борьба усиливает вредные элементы среди оппозиции Государственной Думы. Я не видел это подлинно презренное существо — Илиодора! В результате я отправлен в ссылку в Жировицкий

монастырь, где я обрел возможность спокойно размышлять и с ужасом увидел: борясь за Трон, я своей борьбой только скомпрометировал его лишний раз! И вот пришел 1916 год, и Григорий убит!»

Епископ в декабре 1916 года служил обедню в Николо-Угрешском монастыре. После службы он пошел к себе в келлию. На пути ему встретился отец гостинник с корреспонденцией и газетами, которые епископ выписывал для себя. Отослав келейника на монастырскую кухню, он принялся читать. В глаза ему бросилось сообщение о смерти Григория Ефимовича. У него мелькнула мысль: «Вот он гнал меня, но кара Божия обрушилась на него, и он убит!»

Неожиданно за спиной епископа Гермогена послышался громкий голос Распутина:

— Чему радовался? Не радоваться надо, а плакать надо! Посмотри, что надвигается!

Епископ обомлел от ужаса. Попытался оглянуться, но у него не было сил. Он словно остолбенел. Придя в себя, перекрестился и оглянулся вокруг себя. Никого! Заглянул в прихожую: никого! Пришел келейник с едой, предварительно постучав в дверь с молитвой: «Господи Иисусе!» «Аминь!» — отозвался епископ и стал расспрашивать келейника, не встретил ли он кого-нибудь по дороге и не разговаривал ли с кем-нибудь. Тот ответил отрицательно.

С трудом дождавшись вечерни, епископ отслужил панихиду по невинно убиенному рабу Божию Григорию и духовно с ним примирился.

18 января 1918 года по благословению Патриарха Тихона по всей России двинулись ходы. Накануне к Владыке Гермогену пришли комиссары и предупредили, чтобы никакого крестного хода не было. На следующий день в Тобольском Кремле епископ служил обедню и молебен. Несмотря на то, что безбожные власти запретили крестный ход, загудели колокола, и из собора вышел Владыка Гермоген и духовенство, неся хоругви и кресты. Следом двинулся православный люд. Шли вокруг Кремля, звучало пение «Спаси Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое...»

Из губернаторского дома, где содержались Царственные узники, был хорошо виден Тобольский Кремль. На том месте стены Кремля, откуда виднелся губернаторский дом, крестный ход остановился. Приблизившись к краю стены с деревянным крестом в руках, епископ Гермоген высоко поднял крест и благословил им Царственных Узников. Он отделился от остальных верующих, словно бы принимая на себя тяжесть Креста и обрекая себя на крестные муки...

На страстной неделе Владыку арестовали и отправили в Екатеринбург вместе с членом Московского Собора Минятовым, братом Владыки протоиереем Ефремом Долгановым и священником Михаилом Макаровым... 16 июня 1918 года всех их вывели на палубу парохода, заставили раздеться и, связав им руки, сбросили в реку Туру. Епископ Гермоген не переставал

молиться. Комиссар ударил Владыку по лицу, заставив его замолчать. К рукам Владыки привязали двухпудовый камень и бросили в реку Туру напротив села Покровского. Тело Владыки извлекли из воды односельчанин Григорий Ефимович и похоронили его около церкви. За благословением на строительство этого храма Григорий Ефимович ездил в С.-Петербург, где и познакомился с епископом Гермогеном. Впоследствии прах Владыки был перенесен с подобающими почестями в Тобольск в пещеру, где прежде находились мощи св. Иоанна Тобольского.

В мартовские дни 1917 года на кухню Тобольского губернатора Н. А. Ордовского-Танаевского глубокой ночью пришли 25 человек, занесенных снегом, все с ружьями. Полуодетая кухарка прибежала к губернатору в спальню, чтобы позвать его.

Прочтя краткие молитвы, губернатор вышел к гостям со словами:

— Гости дорогие, что заставило вас в бурю, в метель идти ко мне?

Муллы из близлежащих сел и татарские старшины обратились к нему с вопросом:

— Ваше Превосходительство, правду ли говорят, что нет больше Царя на Руси, что Царя, Царицу и Детей в Царском Селе арестовали? А вместо Государя какое-то Временное правительство? Нас послали к вам. Собирайте Тобольскую губернию, везите нас поездами, лошадьми выручать Царя-Батюшку и Его Семью.

Губернатор рассказал, что случилось, что клятвопреступники заставили Государя отречься от Престола. Мусульмане опустили головы.

— Значит, погибла Русь. Прогневали мы Всевышнего.

Губернатор поклонился депутатам, обещал доложить Государю о том, что тоболяки остались верными Ему.

— Только нельзя исполнить то, что вы задумали. Ведь у нас ни пушек, ни снарядов. А железные дороги в руках изменников. До Царя три тысячи верст. Как только узнают о восстании, убьют не только Царя, Царицу и Детей Царских, но и всю Императорскую Фамилию. Уцелеют лишь те из них, кто готовили против Царя заговор.

Свою преданность татары проявили и тогда, когда Царственные Узники оказались в Тобольске. В один из праздников местные татары, предводительствуемые муллой, собрались перед домом губернатора, ставшим узилищем для Царской Семьи, и под открытым небом совершили молебствие о здравии Августейших пленников.

В Тобольске, где Августейших узников охраняли молитвы благочестивых христиан, епископа Гермогена, правоверных мусульман, сохранивших верность Белому Царю, они жили как бы под невидимым покровом. Иначе обстояло дело в «столице красного Урала» — Екатеринбурге. Уральские рабочие, да и крестьяне были поражены язвой злонамеренности и стяжательства. Ведь именно местные так охотно шли в охрану Царской Семьи.

Несколько лет назад автору этих строк довелось посмотреть любительский

фильм, в котором были показаны современные екатеринбуржцы. На вокзале сидели подростки с лицами преступников. У таких руках не дрогнула бы, доведись им жить восемьдесят лет назад. Оператор установил скрытую камеру, направленную на крест, установленный неподалеку от разрушенного новыми большевиками дома купца Ипатьева, в подвале которого была умучена Царская Семья с верными Ее слугами. Были люди, подходившие к кресту с благоговением. Они творили поклоны, клали цветы. Подходили и новобрачные, чтобы получить благословение от Царственных Мучеников, явивших собой пример супружеской любви и верности. Но были и другие. Подростки, норовившие сделать какую-нибудь пакость. Подошла довольно прилично одетая (в красное пальто) пожилая женщина. Покопавшись в охапке цветов, положенных совестливыми екатеринбуржцами или приезжими к подножью креста, она отобрала те, которые ей показались посвежее, и, обремененная какими-то сумками, как ни в чем не бывало, не спеша, пошла прочь. И долго, долго, мелькало ее красное пальто... Впрочем, екатеринбуржец екатеринбуржцу рознь. Многие сожалеют о том, что в сентябре 1977 года был разрушен Ипатьевский дом — молчаливый свидетель Екатеринбургского злодеяния. 21 сентября того года появилось решение горисполкома г. Свердловска, где первым секретарем обкома был Б. Н. Ельцин. Решение за № 351 гласило: «О сносе Управлением благоустройства города жилого дома № 49 по ул. К. Либкнехта». В нем говорилось что дом (это и был Ипатьевский дом) случайно попал в «зону строительства дороги и расширения улицы». Разумеется, тов. Букин, зам. председателя Свердловского горисполкома, не осмелился бы принять самостоятельное решение о сносе дома. Он получил указание от первого секретаря обкома. «В 1977 году, когда сносили дом Ипатьева, — вспоминает 67-летняя пенсионерка, — я стояла в двадцати метрах от работающего бульдозера и плакала. Для меня этот дом был памятником невинно убиенным». Пенсионерка обвинила в сносе дома Б. Н. Ельцина. На наш взгляд, более взвешенное мнение о том, что произошло, высказал один из операторов местного телевидения: «Что вы все пристали к Ельцину? Представьте себя на его месте — если бы вам позвонил Андропов и отдал распоряжение <о сносе>? Виноват не Ельцин, а сама система». Одни возмущаются, а другие делают дело. На месте трагедии установлен мраморный крест. У его подножья, выполненного из черного, желтого и белого мрамора (цвета Государственного флага Императорской России) высечена надпись: «Склонись, Россия, на колени, к подножью Царского креста». От имени тех, кто участвовал в установке мраморного креста, строитель Сергей Петрович (не назвавший своей фамилии) сказал: «Мы работаем бесплатно, монахи приносят только еду, да машины из Нижнего Тагила привозят мрамор и оборудование. Мы хотим, чтобы осталась людям память об убитых».

Строители, в их числе Сергей Петрович, 15 июля 1998 года установили

мемориальную доску со словами: «Царю-Мученику Николаю II, Его Августейшей Семье и верным Слугам Их с покаянием от Русского народа».

Л.Ден. Цитир. пр. С .60.

Э.Н.Гиацинтов. Цитир.пр. С. 52.

"Светлый Отрок". С. 31.

Условное имя Протопопова. – Прим. Авт.

Э.Н.Гиацинтов. Цитир. пр.С. 59.

О. А. Платонов. Терновый венец России. Заговор цареубийц. М.: Родник. 1996. С. 253.

Р.Масси. Цитир. пр. С. 399.

Л.Ден. Цитир.пр. С. 78-79.

М.Палеолог. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат. 1991. С. 390.

"Экспресс-газета". СПб. 1998. № 28. С. 11.

Глава четырнадцатая **«ВЕЛИКАЯ, БЕСКРОВНАЯ»**

«Русская революция началась задолго до 17-го года. Она началась после того как русские войска вступили во Францию, которая тогда недавно пережила свою революцию, в результате которой были казнены король и королева. Русские офицеры были заражены якобинским духом, то есть духом, когда монархия казалась абсолютно не нужной, а нужно было учредить республику со всеми ее прекрасными качествами. И, вернувшись из Франции в Россию в 1814 году, после того, как был совершенно уничтожен Наполеон, Император французский, многие русские офицеры под влиянием пропаганды французских революционеров привезли в Россию идеи, которые совершенно не подходили к русскому укладу жизни. Нужно сказать, что в этом участвовали представители русской аристократии. Очень много титулованных. И они же в 1825 году, после смерти Императора Александра I и вступления на престол Николая I, подняли в Петербурге восстание декабристов. Благодаря твердости и неустрашимости молодого вступившего на престол Николая I этот бунт был сравнительно легко подавлен с очень незначительным количеством жертв. Нужно сказать, что в программе декабристов было уничтожение всей Императорской фамилии. Ну, конечно, в самых республиканских и демократических странах карается покушение или убийство главы правительства смертной казнью. Декабристское восстание было подавлено, <пятеро участников> его были повешены, а остальные были сосланы на каторгу. Каторга для них была, можно сказать, пикник... Они жили со своими женами... кормили их прекрасно. И... работали они очень мало, так что каторжные работы для них были не особенно тяжелы. ... Караульный офицер обращался к декабристам, окруженным женами и членами их семейств, которые были совершенно вольные, и упрашивал их

хоть немножко поработать, хотя бы для видимости. Ну, вот так декабристы жили, и потом их простили, и все они вернулись в Россию, но многие были лишены титулов и дворянского звания и жили в России без права проживания в столице... Восстание было подавлено, но оставило глубокие следы в русском обществе..., — отмечал Э. Н. Гиацинтов. — Некто Загорский был в генеральском чине, имел много орденов... Этот самый Загорский, обласканный милостями Государя, превратился, сохраняя свою должность, в ярого революционера... <Семья Гиацинтовых> продолжала быть с ними знакомой до тех пор, пока не было получено известие о гибели 2-й Тихоокеанской эскадры, на которой офицером был Борис Гиацинтов. Загорские осмелились поздравить с гибелью эскадры его родителей! После чего всякое знакомство с ними было прекращено».

Аристократы оказались в одном лагере с бунтующей чернью! Неизвестно, по своей ли инициативе или же по чьей-то подсказке, Великий Князь Михаил Александрович в феврале 1917 года побывал у Августейшего брата и сообщил ему, что в Ставке ропщут на долгое отсутствие Государя. Но на фронте царило затишье. Зато здесь, в Питере, обстановка обострялась. Преступно-бунтарскую речь произнес Керенский, призывавший к устранению носителя Верховной власти. Государь рискнул и в 2 часа 22 февраля поехал в Ставку, рассчитывая тотчас вернуться. Прежде чем поехать на станцию, «простился со всем своим милым семейством и поехал с Аликс к Знамению».

В этой последней поездке в Ставку Государя сопровождали:

1. Министр Императорского двора генерал-адъютант граф Владимир Борисович Фредерикс.
 2. Флаг-капитан генерал-адъютант Константин Дмитриевич Нилов.
 3. Дворцовый комендант генерал-майор Владимир Николаевич Воейков.
 4. Гофмаршал генерал-майор князь Василий Александрович Долгоруков.
 5. Начальник военно-походной канцелярии генерал-майор Кирилл Анатольевич Нарышкин.
 6. Командир Собственного Его Величества Конвоя генерал-майор граф Александр Николаевич Граббе.
 7. Генерал-майор Дмитрий Николаевич Дубенский.
 8. Командир Собственного Его Величества железнодорожного полка генерал-майор Сергей Александрович Цабель.
 9. Лейб-хирург Его Величества профессор Сергей Петрович Федоров.
 10. Церемониймейстер барон Рудольф Александрович Штакельберг.
 11. Флигель-адъютант полковник герцог Николай Николаевич Лейхтенбергский.
 12. Флигель-адъютант полковник Александр Александрович Мордвинов.
- Кроме того, Государя сопровождали офицеры Собственного Его Величества конвоя, Собственного железнодорожного полка, Сводного Его Величества полка, ряд чиновников Министерства двора, нижних чинов и прислуги.

Едва проводив супруга, Государыня Императрица уже скучала по нему:

«Царское Село.

22 февраля 1917 г.

№ 644.

Мой драгоценный! С тоской и глубокой тревогой я отпустила тебя одного без нашего милого, нежного Бэби. Какое ужасное время мы теперь переживаем! — Еще тяжелее переносить его в разлуке — нельзя приласкать тебя, когда ты выглядишь таким усталым, измученным. Бог послал тебе воистину страшно тяжелый крест. Мне так страстно хотелось бы помочь тебе нести это бремя! Ты мужествен и терпелив — я всей душой чувствую и страдаю с тобой, гораздо больше, чем могу выразить словами. Что я могу сделать? Только молиться и молиться! Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя — так Он еще ближе к нам. Но все же как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос! Бог поможет, я верю, и ниспошлет великую награду за все, что ты терпишь. Но как долго еще ждать! Кажется, дела поправляются. Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Ты никогда не упустил случая показать любовь и доброту,— дай им теперь почувствовать порой твой кулак. Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: «нам нужен кнут»! Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, жестокость даже и — горячая любовь. С тех пор как они стали теперь «чувствовать» тебя и Калинина, они начали успокаиваться. Они должны научиться бояться тебя — любви одной мало. Ребенок, обожающий своего отца, все же должен бояться разгневать, огорчить или ослушаться его! Надо играть поводами: ослабить их, подтянуть, но пусть всегда чувствуется властная рука. Тогда доброта больше будет цениться, мягкость одну они не понимают», — писала Государыня, умевшая «найти основное звено, чтобы вытащить всю цепь». Она продолжала:

«Удивительны людские сердца! И, странно сказать, у людей из высшего общества они не мягки и не отзывчивы. В обращении с ними нужна решительность, особенно теперь... Мне грустно, что мы были не одни во время последнего нашего завтрака, но твои тоже хотели тебя видеть. Надеюсь, что никаких трений или затруднений у тебя с Алексеевым не будет и что ты очень скоро сможешь вернуться. Это во мне говорит не одно только эгоистическое желание. Я знаю слишком хорошо, как «ревущие толпы» ведут себя, когда ты близко. Они еще боятся тебя и должны бояться еще больше, так что, где бы ты ни был, их должен охватывать все тот же трепет. И для министров ты тоже такая сила и руководитель! Вернись скорее — ты видишь, я прошу тебя не за себя и даже не ради Бэби — об этом ты сам всегда помнишь. Я понимаю, куда призывает долг, — как раз теперь ты гораздо нужнее здесь, чем там. Так что, как только уладишь дела, пожалуйста, вернись домой дней через

десять, пока все не устроится здесь, как надо. Твоя жена — твой оплот — неизменно на страже в тылу. Правда, она немного может сделать, но все хорошие люди знают, что она всегда твоя стойкая опора. Глаза мои болят от слез. Со станции я поеду прямо к Знаменью — именно потому, что бывала с тобой там раньше, это успокоит и укрепит меня, и я помолюсь за тебя, мой ангел. О, Боже, как я люблю тебя! Все больше и больше, глубоко, как море, с безмерной нежностью. Спи спокойно, не кашляй — пусть перемена воздуха поможет тебе совсем оправиться. Да хранят тебя светлые ангелы, Христос да будет с тобой, и Пречистая Дева да не оставит тебя!.. Прощай, моя любовь, возвращайся скорее к твоему старому Солнышку.»

Чуя, что хозяина нет дома, волки выбирают момент, чтобы разорить хлев и прирезать животину. Питерские волки уже скалили зубы, но в швейцарских горах скрывался еще более беспощадный волк.

* * *

«Нам надо войти в союз со всеми ворами и разбойниками русской земли», — вещал революционер М. Бакунин.

Это в прозе. Что же касается любителей поэзии, то другой дворянин, о котором один из умных людей заявил: «французские сапожники хотят стать дворянами, а русские дворяне хотят стать сапожниками», признавался:

«Есть к массам у меня любовь
И в сердце злора Робеспьера.
Я гильотину ввел бы вновь,
Вот исправительная мера».

Слова эти принадлежат одному из деятелей «русского освободительного движения», другу Герцена — Огареву.

По словам Бонч-Бруевича, для Ленина, «самого человеческого человека», образцом для подражания был С. Г. Нечаев, создатель преступной подпольной организации «Народная расправа». На вопрос, кого надо убить из Царского Дома, предтеча ленинцев сказал: «Всю Большую Ектению» (всех членов Царствующего Дома, упоминаемых в Ектении).

— Весь Дом Романовых — ведь это же просто до гениальности! — одобрительно воскликнул Ленин, сам гений злодейства.

Пока же гений скрывался в Швейцарии вместе с Надеждой Константиновной Крупской. И ждал своего часа.

Загреть жар чужими руками он умел...

* * *

Александр III наказывал своему сыну: «...Прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед». И Государь покровительствовал Церкви.

Кто как не Православная церковь и ее иерархи должны были поддержать Государя? Но что же говорит о. Георгий Шавельский, протопресвитер Русской армии и флота? Тот самый о. Шавельский, который свидетельствовал: «Как редко кто, он <Государь> умел быть добрым, ласковым и приветливым». И не раз проявлял свою щедрость и великодушие по отношению к протопресвитеру.

Как только над головой Государя начали сгущаться тучи, духовный пастырь заговорил по-иному. «Все усиливавшееся недоверие к слабовольному, всецело подчинившемуся своей доминирующей супруге царю, и возмущение против «распутинствовавшей» царицы не только в петроградских и московских высших кругах, но и в народе, и в армии, и даже в самой царской Ставке подрывали авторитет царской четы, подтачивали устои трона».

Конечно же, не дружба Царской Семьи с Григорием Ефимовичем Распутиным подрывала устои трона, а клевета тех, кто связал свою судьбу не с Царской властью, а с ее разрушителями.

На чью мельницу лили воду «царские» генералы, можно судить по письму Императрицы от 15 декабря 1916 г.:

«...Почему генералы не позволяют посылать в армию «Р<усское> знамя» (небольшая патриотическая газета)? Дубровин находит, что это позор (я согласна), — а читать всякие прокламации им можно? Наши начальники, право, идиоты.

Новый клуб, устроенный Треповым (для офицеров etc.), не очень хорош, я разузнала о нем. Офицеры нашего сводн. полка ходят туда, и все они встречаются там с Родзянко, манифестируя и приветствуя его там, — в высшей степени бестактно...»

Сказано слишком мягко. Выказывать явное предпочтение председателю Государственной Думы, враждебно настроенной к Государю, было не бестактностью, а изменой.

А разве не измена — гнусные разговоры об Императрице? К сожалению, Император не сумел своевременно пресечь клеветнические разговоры, на что Государыня сетовала в письме 16 декабря:

«Н. П. <Саблин>... наслушался Петр<оградских> ужасов и в бешенстве от того, что никто не защищает меня, что все могут говорить, писать, намекать на скверные вещи про свою Государыню, и никто не заступает, не делает выговоров, не наказывает, не ссылает, не штрафует этих типов. Только кн. В<асильчикова> пострадала, остальные все, Милюков и т. д. остаются на свободе. Да, не порадуешься на людей — трусы!.. Мой муженек должен был бы немножко заступиться за меня, так как многие думают, что тебе это безразлично и что ты прячешься за меня...»

Думается, активность Гос. Думы и ориентировавшихся на нее генералов объяснялась намерением Государя распустить на время, а, возможно и на

более длительный срок — до конца войны — Думу, ставшую трибуной для враждебных Императрице, а, следовательно, и Государю кругов. Разумеется, Государь не всегда следовал советам супруги, не желая восстанавливать против себя всех. Он не сердился на нее за некоторые резкие высказывания .

«Моя дорогая! — писал Император в ответ. — Нет, я не сержусь... Я отлично понимаю твоё желание помочь мне!.. Удивительно, как много иностранных офицеров приезжает в Россию каждые две недели!»

[По-видимому, о предполагавшемся неблагоприятном для Государя развитии событий иностранцы были оповещены своими спецслужбами.]

«Да благословит Бог тебя, моя дорогая женушка, и девочек!

Нежный привет и поцелуи шлет тебе твой «бедный слабовольный муженек»

Ники».

Письмо это от 16 декабря Государь заканчивает на шуточной ноте. Но уже на следующий день голос его звучит твердо:

«Как ты можешь думать, что генералы на военном совете станут обсуждать политические вопросы? Послушал бы я, как кто-нибудь из них затронул бы такую тему в моем присутствии!»

Государь еще не знал, что руками его же собственных родственников нанесен удар по Его Семье. Был убит Распутин.

* * *

Что за «скверноподданные» были у русского Царя, видно из мемуаров М. Палеолога: «[Министр иностранных дел] Сазонов уважает [Великую Княгиню] Марию Павловну и симпатизирует ей. Он находит у нее решительность, энергию, ясность мысли... Как-то раз Сазонов мне даже сказал: «Вот кому бы быть у нас царицей! Сначала она, пожалуй, была бы посредственна в этой роли, но затем она вошла бы во вкус, освоилась бы с новыми обязанностями и постепенно стала бы совершенствоваться».

Все же Морис Палеолог был честным автором, и он отмечал: «Вера в царя, в его справедливость, в его доброту все еще живет в сердцах крестьян. И этим объясняется *всегдашний успех* (Курсив наш. — В. К.) Николая II, когда он непосредственно обращается к крестьянам, солдатам или к рабочим», — записал в своем дневнике французский посол 29 мая 1916 г. — И в то же время народ убежден больше, чем когда-либо, что бюрократия и чиновники извращают или не выполняют благую волю царя. Никогда так часто не повторялись русские поговорки:

«Жалует царь, да не милует псарь». «Царь-то сказал: да, но его собачка тьякнула: нет».

* * *

В Могилев оба поезда — свитский и Императорский — прибыли 24 февраля

вечером. Государя встречали начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев и высшие командные лица. Император и сопровождавшие его лица отправились в бывший губернаторский дом резиденцию Государя. У подъезда стояли одетые в дубленые полушубки часовые Георгиевского батальона. В садике между дворцом и управлением дежурного генерала дежурила дворцовая полиция. На крыше дома генерал-квартирмейстера четко вырисовывались зачехленные пулеметы. Они были установлены там на случай налета германской авиации. Возле них виднелись фигуры часовых в папах и постовых шинелях.

Гарнизон Царской Ставки состоял из надежных частей. В него входили:

1. Георгиевский батальон, составленный из раненых георгиевских кавалеров. Командовал им боевой командир, тоже георгиевский кавалер, генерал-майор Пожарский. Солдаты и офицеры батальона были одеты в красивую форму с георгиевскими цветами.

2. Очередная сотня Собственного Его Величества конвоя. Казаки-конвойцы стояли на внутренних постах в резиденции Государя. В Ставке постоянно находился командир конвоя граф А. Н. Граббе, граф Никитин и очередные дежурные офицеры дежурной сотни. Всех, кто их видел, в особенности иностранцев, кавказские казаки поражали и нарядной формой, и своей красивой внешностью.

3. Одна дежурная рота Сводного Его Величества полка. Эта часть отличалась превосходной выправкой и очень добросовестно несла службу. Командир полка генерал-майор Ресин постоянно находился в Царском Селе, командовали же ротой очередной откомандированный из Царского старший полковой штаб-офицер и офицеры дежурной роты.

4. Несколько команд Собственного Его Величества железнодорожного полка, обслуживавших Императорские поезда как во время движения, так и в Ставке.

5. Противозащитная батарея.

6. Автомобильная рота, обслуживавшая огромный гараж Ставки. Ротой умело командовал капитан Вреден.

Все части и команды были удобно размещены в казармах, и их личный состав гордился тем, что они служат при Государе Императоре.

Едва Государь покинул Царское Село, начались «хлебные бунты». Пока Император находился вблизи столицы, недруги не решались выступить против Царской власти, зная об огромном обаянии личности Императора, способного одним своим появлением парализовать волю революционеров. О силе воздействия Государя на окружающих свидетельствует не светский хлыщ, и не парламентский краснбай, а офицер-фронтовик:

«Наше обожание Государя Императора <Николая II> — это был не фетишизм или, как принято теперь называть, культ личности. Это —

совершенно что-то особенное, которое я передать не могу. То же самое я видел и у взрослых людей, которые имели счастье представляться Государю. Таким взволнованным вернулся и мой отец, — вспоминал, уже в эмиграции, полковник Гиацинтов, — когда он представлялся Государю по случаю, кажется, производства в тайные советники или получения какого-то ордена — я не помню. У него были в тот вечер особые глаза. И то же самое я наблюдал у всех, даже левонастроенных людей, которые соприкасались или имели счастье видеть Государя Императора. Лучше всего сказано это Львом Николаевичем Толстым в романе его «Война и мир», где он описывает чувства Пети Ростова при встрече его с Александром I. Лучше, конечно, рассказать об обуревающих нас <юнкеров> чувствах, чем это сделал Толстой, нельзя».

«Кот из дому — мыши в пляс», — гласит поговорка. Уже 24 февраля в Петрограде произошло первое столкновение бунтовщиков с полицией. На Невском были убиты люди — как из числа демонстрантов, так и со стороны правительственных войск. Неблаговидную роль сыграли «донцы-молодцы», братавшиеся с бунтовщиками. А последние из-за угла убивали городских. Бунт против Государя Императора возглавила Государственная (ставшая антигосударственной) Дума. Именно по ее указанию были припрятаны запасы муки, что привело к нехватке хлеба. Тем более, что многие покупали хлеб в избыточном количестве, «на черный день». В письме от 26 февраля Государыня писала супругу из Царского Села: «...Необходимо ввести карточную систему на хлеб (как это теперь в каждой стране), ведь так устроили уже с сахаром, и все спокойны и получают достаточно. У нас же — идиоты».

На следующий день Император писал из Ставки: «Нежно благодарю за твое милое письмо. Это будет моим последним. Как счастлив я при мысли, что увидимся через 2 дня! У меня много дела, и потому письмо мое кратко. После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. ... Беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я слышал. Удивляюсь, что делает Павел [Великий Князь Павел Александрович, генерал-инспектор войск гвардии]? Он должен был бы держать их в руках». Сам в высокой степени человек благородный, Император и не подозревал, что Алексееву, которому он всецело доверял, было *давно* известно о планах заговорщиков совершить переворот. 25 февраля Император издал указ о перерыве занятий Думы до апреля. Однако 27 февраля приказу Императора Дума не подчинилась и организовала временный комитет.

Председатель Думы Родзянко направил главнокомандующим армиями, флота и начальнику штаба Верховного Главнокомандующего телеграммы следующего содержания: «Временный комитет членов Государственной

Думы сообщает вашему высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров, правительственная власть перешла в настоящее время к временному комитету Государственной Думы».

1 марта совет рабочих депутатов, не без участия Керенского и Гучкова, издал преступный приказ № 1, разрушивший дисциплину в армии и приведший к многочисленным жертвам среди офицерства.

Присяга на верность службы Царю и Отечеству гласила:

«РОССИЙСКАЯ ВОИНСКАЯ ПРИСЯГА

Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

Его Императорского Величества государства и земель Его врагов телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

Об ущербе же Его Императорского Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальником во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды против службы от присяги не поступать, от команды и знамени, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду и во всем так себя вести и поступать как честному, верному, послушному, храброму и расторопному офицеру (солдату), надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий.

В заключение сей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.»

Еще до отречения Государя был разослан адресованный Главнокомандующим фронтами, в том числе и Великому Князю Николаю Николаевичу, циркуляр Родзянко. Это был документ, свидетельствовавший об измене председателя Думы Государю. Но бунтарское заявление Родзянко не встретило противодействия ни со стороны Главнокомандующих, ни со стороны А. В. Колчака и А. И. Непенина. А ведь их приласкал и назначил на

высокие должности Император. У этих борцов «за равноправие евреев и конституцию» хозяевами были масонские ложи, а не Царь, который всего полгода назад подписал

*«Именной Высочайший указ
Правительствующему Сенату
1916 года 6 сентября*

Нашему вице-адмиралу Непенину Всемилостивейше повелеваем быть командующим флотом Балтийского моря.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

Узнав о мятеже в Петрограде, измене конвоя и Великого Князя Кирилла Владимировича, покинувшего с батальоном Гвардейского Экипажа больных Царских детей и Императрицу, остававшихся в Александровском дворце, 28 февраля Государь отправил генерал-адъютанта Н. И. Иванова с войсками в Петроград навести там порядок. Сам же поехал в Царское Село. На станции Малая Вишера его поезд задержали под тем предлогом, что впереди разобран путь. Пришлось ехать в Псков, где находилась штаб-квартира главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Рузского, как выяснилось, активного участника заговора. Вместо того, чтобы помочь Государю провести спешные преобразования согласно программе, разработанной в Ставке 27 февраля (речь шла о даровании «ответственного министерства»), тот, обращаясь к свите Государя, желчно сказал: — Теперь уже поздно. Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Государственной Думой... Меня не слушали... — Вы видите, мы стоим над пропастью. Только на вас и надежда, — увещевали его свитские. В ответ они услышали циничное: — Теперь надо сдаваться на милость победителя. Под «победителем» он подразумевал Госдуму, которая сама была пешкой в игре совдепа и левых сил. Что произошло далее, видно из следующей записи:

«Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц.-дем. партия в лице рабочего комитета, — записал в дневнике 2-го марта Император. — Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг.

Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот. я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»

Почему Государя не выпускали из Пскова, ясно: приехав в Ставку до отречения, он мог бы опереться на верные ему войска. Расчет предателей был точен. Однажды дав слово, Царь не мог изменить ему. Но неужели Государя окружали одни лишь предатели? Нет. Были и верные своему Царю генералы. Узнав из телеграфных сообщений об отречении Государя, генерал-лейтенант граф Федор Артурович Келлер, командир 3-го конного корпуса, собрал представителей от каждого эскадрона гусар и драгун и от каждой казачьей сотни, которые входили в его корпус. Обращаясь к кавалеристам, он сказал: «Я не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал Царю: «3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя». Телеграмму эту Государь получил лишь после своего ареста. В ответ на призыв генерал-лейтенанта барона К. Маннергейма, начальника 12-й кавалерийской дивизии, «пожертвовать личными убеждениями для блага армии» граф Келлер твердо заявил: «Я христианин. И думаю, что грешно менять присягу».

Верным присяге, данной своему Царю, оставался двадцатитысячный гарнизон Гатчины, не допуская к себе агитаторов. Лица, самочинно распорядившиеся в МПС (бубликовы и другие предатели), дрожали от мысли, что генерал-адъютант Иванов, отправленный Государем на усмирение мятежа в столицу и стоявший на станции Семрино с Георгиевским батальоном, прорвется к Гатчине и встанет во главе гарнизона... 2 марта по распоряжению захвативших в МПС власть изменников были повалены товарные поезда, преградившие путь эшелону. «Заслуга Лебедева [осуществившего диверсию], должна быть занесена в скрижали истории. «Пахло виселицей», — вспоминал, уже находясь в эмиграции, один из предателей-железнодорожников.

Отказался изменить Императору и Свиты Его Величества генерал-майор граф Георгий Георгиевич Менгден, бывший командир Кавалергардского полка, заведовавший пунктом слабосильных лошадей, расположенным в Луге. Команду пункта составляли кирасиры, гусары и кавалергарды, выписанные из лазаретов после ранений и болезней. 1-го марта предатели и провокаторы хотели заставить графа отречься от Царя. «Я присягал Государю и Ему не изменю», — заявил рыцарь. Графа Менгдена вытащили на улицу и там закололи штыками. Конно-гренадер полковник Николай Николаевич Эгерштрот и лейб-гусар поручик граф Владимир Константинович Клейнмихель, жившие отдельно от остальных офицеров, были вытащены солдатней из дома и заколоты рядом с телом графа Менгдена. Остальных

офицеров взяли к себе в казарму кавалергарды и не выдавали толпе. Унтер-офицер Гапионк твердо заявил бунтовщикам: «Вместе с нашими офицерами служили, вместе и помирать будем!» И мятежники отступили. Увы, «соавторами» «великой и бескровной» были многие высшие военачальники Русской Императорской армии. Одно из немногих исключений составлял генерал-адъютант Николай Иудович Иванов. По словам протопресвитера армии о. Георгия Шавельского — ярого сторонника В. К. Николая Николаевича, масона, Иванов родился в Сибири в семье ссыльного каторжника. Сын каторжника оказался благороднее Великих Князей и генерал-адъютантов, предавших Царя. Не был образцом преданности Государю и его памяти и сам о. Шавельский. Вот что он пишет о Царе — главе Русской Православной церкви: «Когда... стало известно, что 23 февраля [1917 г.] Государь возвращается в Ставку, чины Ставки, особенно старшие, совсем не обрадовались, — приходилось слышать: «Чего едет? Сидел бы лучше там! Так спокойно было, когда его тут не было».

Ложь духовного лица о всеобщем враждебном отношении к Верховному Главнокомандующему опровергает историограф генерал Д. Н. Дубенский: «После слов генерал-адъютанта Рузского: «Теперь надо сдаваться на милость победителя [т.е. Думы] начались возражения, негодования... просьбы помочь Царю в эти минуты и не губить отечества... После разговора с Рузским мы стояли... как в воду опущенные... Надежда, что ближайший главнокомандующий Северного фронта поддержит своего Императора, очевидно, не осуществится. С цинизмом и грубой определенностью сказанная Рузским фраза: «Надо сдаваться на милость победителя» все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот. Прошло менее двух суток, т. е. 28 февраля и день 1 марта, как Государь выехал из Ставки [в Царское Село], и там остался Его генерал-адъютант начальник штаба Алексеев, и он знал, зачем едет Царь в столицу, и оказывается, что все уже сейчас предрешено и другой генерал-адъютант, Рузский, признает «победителей» и советует сдаваться на их милость.

Чувство глубочайшего негодования, оскорбления испытывали все. Более быстрой, более сознательной предательской измены своему Государю представить себе трудно... Ведь Государь очутился отрезанным от всех. Вблизи находились только войска Северного фронта под командой того же генерала Рузского, признающего «победителей».

Генерал-адъютант К. Д. Нилов был особенно возбужден, и когда я вошел к нему в купэ, он, задыхаясь, говорил, что этого предателя Рузского надо арестовать и убить, что погибнет Государь и вся Россия... «Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь... Царь не может согласиться на оставление трона. Это погубит всю Россию, всех нас, весь народ. Государь обязан противодействовать этой подлой измене Ставки и всех предателей генерал-адъютантов... Есть верные

люди, войска и не все предатели в России»...

При <...> первом продолжительном свидании Рузского с Государем <...> определилось создавшееся положение. Рузский в настойчивой, даже резкой форме доказывал, что для спокойствия России, для удачного продолжения войны Государь должен передать престол Наследнику при регенстве брата своего Великого Князя Михаила Александровича. <...> Рузский повторил то, что сказал ранее... — «о сдаче на милость победителя» и о недопустимости борьбы, которая, по его словам, была бесполезна, так как и высшее командование <...> против Императора. Государь редко перебивал Рузского. Он слушал внимательно, видимо сдерживал себя. Его Величество указал, между прочим, что он обо всем переговорил перед своим отъездом из Ставки с генералом Алексеевым, послал Иванова в Петроград. «Когда же мог произойти весь этот переворот?» — сказал Государь. Рузский ответил, что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, т. е. после отъезда Государя из Ставки...»

«Перед Царем, — продолжает генерал Дубенский, — встала картина полного разрушения его власти и престижа, полная его обособленность, и у него пропала всякая уверенность в поддержке со стороны армии, если главы ее в несколько дней перешли на сторону врагов Императора».

«Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественных сил просят оставить трон и передать его сыну и брату..., то я готов это сделать, готов даже не царство, но и жизнь отдать за родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает», — говорил Государь.

<...> Неужели же я нахожусь в древнем Пскове вместе с Государем Императором и присутствую при обсуждении вопроса об оставлении Царем Российского престола в дни величайшей войны с немцами после того, как этот Царь, ставши предводителем Русской армии, накануне перехода в наступление и вся страна и весь народ уверены, что мы разобьем врага? Два с половиной года я ежедневно вижу Государя, и все мы, стоящие около него, понимаем, какой это искренний, чуждый малейшей позы, простой, добрый и умный человек. Он не только знает Россию <...> Он всю свою жизнь ей служил <...> без отдыха, забывая свои интересы <...>

Как случилось, что Царь ушел, и вся громадная Россия переходит во власть ничтожных людей, ничем себя не заявивших, кроме упорной, безумной интриги против главы государства в разгар войны, когда чувствовался уже перелом в нашу сторону?» — задавал себе вопрос генерал. И сам себе отвечал: — «И верилось мне в возможность таких речей, о которых шел слух среди лиц, стремившихся к перевороту: «Только теперь возможно свержение Царя, а потом, после победы над немцами, о перевороте в России не придется думать, и власть Государя надолго упрочится у нас».

Изменники решили вырвать победу из рук Помазанника Божия, присвоив ее себе. Но Бог поругаем не бывает. Они не только не добились победы, но даже не сохранили своей власти, а многие и жизни.

Год с небольшим спустя умер М. Алексеев. В апреле 1918 года разорвало на части снарядом Л. Корнилова. В том же 1918 году зарублен красными кавказцами генерал Рузский, брошенный затем в могилу, вырытую им же самим. Причетником в одном из сербских храмов бездарно окончил свои дни Родзянко.

Вскоре после «великой и бескровной» Л. Г. Корнилов стал главнокомандующим Петроградским военным округом, проявив полную солидарность с проводниками идей III интернационала. Бывший царский генерал собственноручно приколот Георгиевский крест к груди унтер-офицера Волынского полка Кирпичникова за его «подвиг»: 27 февраля унтер предательски, в спину выстрелил и убил начальника учебной команды полка штабс-капитана Лашкевича. Впрочем, предательство Кирпичникова не осталось безнаказанным. По приказу генерала Кутепова во время гражданской войны убийца был расстрелян. Несостоявшийся диктатор России — генерал Корнилов — после отречения Государя заявил, находясь в Ставке: «Русскому солдату нужно все простить, поняв его восторг по случаю падения царизма и самодержавия».

Вот что гласит запись в камер-фурьерском журнале:

«8 марта 1917 г. По решению Временного Правительства

Главномандующий войсками Петроградского военного округа в 8 часов 45 минут отбыл в Царское Село для приведения в исполнение указа об аресте бывшей императрицы Александры Феодоровны.

В 11 часов утра Главномандующий генерал-лейтенант Корнилов, в сопровождении начальника Царскосельского гарнизона полковника Кобылинского, Царскосельского коменданта подполковника Мацнева и некоторых чинов штаба прибыл в Александровский Царско-Сельский дворец и прочел бывшей государыне Александре Феодоровне, которая приняла его в присутствии графа Бенкендорфа и графа Апраксина, постановление Временного Правительства об ее аресте».

Увы, не были образцами преданности своему монарху и высшие морские начальники — такие, как Командующий флотом Черного моря адмирал Колчак и Командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А. И. Непенин. По словам Мельгунова, «Непенин имел какое-то отношение к намечавшемуся перевороту». Ренгартен, капитан 1-го ранга, которого цитирует Мельгунов, сказал «Непенину, что он принадлежит к числу тех..., которые могли бы указать монарху на опасность положения. Адмирал..., подумав, ответил, что прямой, открытый путь невозможен. Известно, что не было, чтобы монарх, проигравший [?] большую национальную войну, оставался на троне. В заключение адмирал сказал...: «Думано об этом, много думано...»

О намерениях Непенина предать своего Государя можно судить и по словам его биографа, контр-адмирала Б. П. Дудорова: «Предстоящее оперативное вскрытие этого нарыва [т. е. революция] принесет с собой благоприятный переворот к оздоровлению страны, а с этим и подчиненного ему

[Балтийского] флота», полагал А. И. Непенин.

Но одними из первых жертв «оперативного вскрытия» пали сами его вдохновители. В тот же день, когда Непенин отдал приказ № 260, в котором приветствовал предательское Временное правительство, он был убит. Не монархистами, а его же идейными сообщниками. К сожалению, погибло и много верных присяге офицеров и кондукторов.

Так, 28 февраля на крейсере «Аврора», стоявшем на Неве, был убит его командир, участник Цусимского сражения капитан 1-го ранга М. И. Никольский. Это сделали матросы, подстрекаемые бунтовщиками, проникшими с берега на корабль, хотевшими поднять вместо Андреевского флага красную тряпку — «символ измены, убийств и предательства». Доблестный офицер не позволил им сделать этого и погиб.

Заводилами «углубления революции» были, как правило, призванные из запаса матросы, успевшие побывать в тюрьме и на каторге за былые «подвиги». Уйма таких «ценных кадров» скопилась в Кронштадте. Они-то и разлагали остальных матросов. Вот почему особенно много жертв в феврале и марте 1917 года было в Кронштадте.

1-го марта, как вспоминает один из очевидцев, толпа матросов с винтовками и красными флагами стали обходить корабли, пришвартовавшиеся кормой к стенке. Начатая на берегу расправа над офицерами и унтер-офицерами продолжалась на кораблях. «Матросы» обходили каюты, грабили все, что попадалось под руку: обручальные кольца, часы, деньги. Группу арестованных привели на Якорную площадь, подгоняя их ударами прикладов. Там им показали убитого адмирала Вирена и многих других. Затем, припугнув расстрелом, повели в следственную тюрьму, где уже находились другие офицеры. Матросы, служившие на кораблях, узнав о расправах над офицерами, приходили в тюрьму освобождать своих командиров.

Иную картину рисует кронштадтский старожил Юзеф Шапель со слов своих родителей:

«Матушка... рассказала нам о массовых казнях в овраге видных военачальников. Обреченных на казнь вели через всю Якорную площадь... Они шли молча..., поравнявшись с Морским собором, снимали фуражки и осеняли себя крестным знаменем. На краю оврага четверо матросов сбрасывали каждого офицера вниз, стреляя в него...»_

Много офицеров погибло в Свеаборге и Гельсингфорсе. Вице-адмирал Непенин, которому доложили, что на линкоре «Император Павел I» и на «Андрее Первозванном» подняты красные флаги и слышна ружейная стрельба: это матросы убивали своих офицеров, ничего не предпринял, чтобы подавить бунт. Единственной силой, способной подавить мятеж, была 1-я бригада линейных кораблей. Однако Непенин, обвинявший Государя в «слабоволии», напыщенно произнес: «Нет, я русской крови не пролью».

И жертвой этого заигрывания с мятежниками пал, как нам известно, сам вице-адмирал.

Лейтенант Павлов, служивший в Гельсингфорсе, уже в эмиграции писал:

«В этот день [4 марта 1917 г.] в море шпалами накрест были сложены трупы более ста убитых офицеров. Большинство из них были специалисты, товарищи, знакомые, друзья — партнеры в теннис, на бильярде, в шахматы. Откуда было их взять? Кем заменить? Было ясно: в первую голову с флотом Балтики для Германии было кончено».

В «Воспоминаниях офицера», опубликованных за рубежом, контр-адмирал С. Н. Тимирев свидетельствует:

«Достаточно было первого толчка — известия о свержении старой власти, — и Кронштадт оказался во власти разнузданной толпы, которая, даже не прикрываясь никакими лозунгами, приступила к убийствам и грабежам... Большая часть представителей власти и порядка была зверски убита... Все главные начальники, не успевшие скрыться, подверглись сначала издевательствам, пыткам, а затем были убиты. Так погибли Вирен, Бутаков (начальник штаба), Рейн (начальник Минно-Учебного отряда), генерал-майор Н. И. Стронский (командир Экипажа), капитан 1-го ранга К. И. Степанов, Пекарский, Повалишин (командир «Александра II»), Басов (командир «Верного»), Сохачевский, старший лейтенант Ивков, Будкевич, Михаил Висковатов и многие другие. Случайно уцелевшие были заключены по тюрьмам. Затем образовалась власть черни, подонков общества, которые, по своим «лозунгам», ближе всего подходили к будущим большевикам. Эта власть вначале не признавала над собой никакой власти — ни Временного правительства, ни Советов рабочих и солдатских депутатов».

Но ни этой книги, ни других материалов, свидетельствующих о верности морских офицеров и гардемарин Царю, на книжных полках магазинов вы не найдете. Красные архивариусы стоят на страже интересов своих поделщиков. «Держать и не пущать» — их девиз и поныне. Автору этих строк удалось прочитать рассказ одного из «гардов» о том, как *в течение недели* гардемарины Морского Кадетского корпуса одними винтовками отбивались от предателей-матросов и солдат, после чего уехали на юг, чтобы там продолжать борьбу с бунтовщиками.

Сделать выписки или снять копию с этого материала автору этих строк не удалось: недреманное око красно-желтой цензуры помешало его «преступным» замыслам: инструкция Троцкого о революционной пропаганде от апреля 1918 года действует и поныне, в конце 20-го века.

Зато издаются и переиздаются книги советских и постсоветских писателей. Это «Капитальный ремонт» Соболева, бывшего царского офицера, ставшего ярым противником царского флота и его Державного Вождя. В изображении

Соболева офицеры — предатели, преступники, подонки, которые то и дело угнетают мудрых и расторопных матросов. В рамках программы «К 300-летию Российского флота» (а это был Российский *Императорский* флот!) огромными тиражами издана и «Цусима» Новикова-Прибоя — еще во время русско-японской войны, вероломно начатой японцами, состоявшего в членах РСДРП — одной из партий, которые «приближали, как могли» день победы — сначала для микадо (японского императора), а затем и кайзера. В рамках той же программы печатаются псевдоисторические романы Пикуля — большевицкого пропагандиста-недоучки (с первого курса училища его выгнали за неуспеваемость). В своем «Моонзунде» этот писатель-большевик смеет обвинять морских офицеров в предательстве флоту и Родине. А ведь именно ревматросы и ревсолдаты, вдохновляемые эсдеками и эсерами, развалили флот. Пресловутая же Моонзундская операция провалилась в результате того, что береговые батареи, команды которых были разложены большевиками, сдались немцам, *не произведя ни одного выстрела*. Именно офицеры, а не матросы, разучившиеся служить, выполняли на кораблях все обязанности, вплоть до матросских. Подлинную картину событий в Моонзунде нарисовали их участники — уцелевшие офицеры, уехавшие за границу, скрываясь от расправы.

Кто из авторов написал о роли Государя в деле возрождения русского флота после Цусимы, о воспитании им целой плеяды флотоводцев? Кто рассказал о разработке Государем ряда военных операций во время Великой войны? Многим ли из нас известно, что Николаем II была разработана широкомасштабная операция по высадке десанта в Померании? В случае ее успеха операция эта способствовала бы резкому перелому а, возможно, и скорому окончанию войны. Однако флотские высшие чины, чаще всего руководствовавшиеся указаниями масонских лож, а не распоряжениями своего Государя, помешали ее осуществлению.

«Душа, честь Российского флота, его традиции не погибнут, доколе будет жива память о них и — мы твердо верим в это — возродятся в скором времени на обновленном Российском флоте под старым Андреевским флагом», — мечтал еще в 1929 году капитан 2-го ранга Б. В. Карпов, как и многие тысячи русских офицеров, матросов и солдат, оказавшийся после братоубийственной гражданской войны за пределами Родины.

Действительно, древний Андреевский флаг вновь развеивается на (уцелевших) российских кораблях. Однако в остальном на флоте (как и в армии), если что и изменилось, то лишь в худшую сторону. По-прежнему корабли, как и высшие учебные заведения носят имена истребителей русского офицерства — Ленина, Дзержинского, Фрунзе и прочих. Не существует ни надежного финансирования (свидетельством тому — трагедия АПЛ «Курск»), ни даже доктрины — ни морской, ни военной.

Отступив от своего Царя — Помазанника Божия — не отступились ли мы и от Господа? «Кровь Их Величеств все еще лежит на этой стране [Франции] — писал Николаю II кайзер Вильгельм II в 1895 году. — Посмотри на нее, была

ли она с тех пор когда-либо счастлива и спокойна? Не шла ли она от кровопролития к кровопролитию?»

Все, о чем писал кайзер, может быть отнесено и к России.

* * *

«Коленопреклоненно» умолявший Государя отречься Великий Князь Николай Николаевич *слукавил*: он утаил от Царя заверение генерала Н. Н. Юденича, командующего Кавказским фронтом, о том, что Кавказская армия всецело на стороне Государя Императора. Если бы об этом стало известно Николаю II, а затем и Главнокомандующим фронтами, то те, возможно, подумали бы, прежде чем решиться на измену. Дворцовый комендант, В. Н. Воейков вспоминает: «О кругозоре Великих Князей можно судить по вопросам, которые они задавали тому же М. В. Родзянко: «Когда же произойдет революция?» Играя в революцию совместно с представителями общественной оппозиции, некоторые Великие Князья широко открывали им двери своих дворцов: они в большинстве случаев совершенно не понимали, до чего доведет их эта игра». А игра эта, как мы знаем, для многих из Великих Князей оказалась трагичной.

Император Николай II долго сопротивлялся требованиям своих родственников и «прогрессистов» допустить к власти «министерство, ответственное перед палатами». Он упорно не желал отречься. «Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, Я готов на это. Но Я опасуюсь, что народ этого не поймет. Мне не простят Старообрядцы, что Я изменил клятве в день Священного Коронования; Меня обвинят казаки, что Я бросил фронт», — говорил Государь, прочтя телеграмму Родзянко, сообщавшего Императору о том, что был вынужден назначить новое правительство.

Но Император был живой человек, семьянин, дети и жена которого, остававшиеся в Царском Селе, могли пасть жертвами изменников. Видя, что его ближайшее окружение осудило его и принесло в жертву так называемой «общественности» — то есть врагам Царской власти — Николай II понял: несмотря на то, что он — Верховный Главнокомандующий, рассчитывать ему не на кого. Понял, что все его усилия привести Россию к победе, а русский народ к процветанию, напрасны. А. А. Танеева (Вырубова) вспоминала слова Государя после отречения, к которому его принудили клятвopеступники:

«Если бы вся Россия на коленях просила его вернуться на престол, он бы никогда не вернулся. Слезы звучали в его голосе, когда он говорил о своих друзьях и родных, которым он больше всех доверял и которые оказались соучастниками в низвержении его с престола. Он показал мне телеграммы... генералов, членов его семьи, в том числе и Николая Николаевича: все просили Его Величество на коленях, для спасения России отречься от престола. Но отречься в пользу кого? В пользу слабой и равнодушной Думы?

Нет, в собственную пользу!»

Конечно же, вырвавшиеся в минуту горькой, смертельной обиды слова были не свойственны великодушной натуре Императора. После того, как власть в России захватили «пассажиры запломбированного вагона», Николай Александрович, по словам Пьера Жильяра, очень сокрушался, что дал себя уговорить отречься от престола, что жертва его оказалась напрасной. Однако и после разврата керенщины, екатеринбургского злодеяния и кровавой вакханалии интернационала звучат голоса, будто бы в февралемарте 1917 года был совершен не великий общерусский грех против Государя и Династии Романовых, в котором в особенности были замешаны круги командования армией и флотом и пресловутая «общественность», а «великая и бескровная».

Бывший царский морской офицер А. Д. Бубнов (в июле 1917 года произведенный «февралистами» в контр-адмиралы), который находился при Ставке — сначала В. К. Николая Николаевича, а затем — Государя — изрекает:

«В то время, как верховное командование (сначала в лице В. К. Николая Николаевича, а затем в лице ген. Алексеева...) стремилось добиться победы, верховное управление страной, в лице престола и правительства, вели ее пагубной внутренней политикой к гибели... Прогрессивно настроенные слои общества устремили свои взоры на Ставку, а все, что было сосредоточено в «темных силах», ...тесным кольцом охватило правительственные сферы и престол».

Мы уже знаем о вредоносной политике Великого Князя. Вспомним роль «прогрессивно настроенных слоев общества», чаяния которых выражала Гос. Дума. А. Д. Бубнову, как морскому офицеру и чиновнику, следовало бы знать о подрывной работе таких думских депутатов, как Милюков, Челноков и Шингарев. «Образованцы» начала века или отрицали необходимость восстановления Балтийского флота после Цусимской трагедии, или же откладывали программу его восстановления в долгий ящик. В 1908 году Морское министерство потребовало кредиты на постройку четырех дредноутов, но Гос. Дума отклонила бюджет. Год спустя повторилось то же самое. Государственный Совет восстановил кредит в соответствии со ст. 13 сметных правил, что вызвало бурю негодования думских «доброхотов». Вопреки усилиям кадетов — тогдашних «интернационалистов» — в декабре 1914 года все-таки вступили в строй линкоры «Севастополь», «Гангут», «Полтава» и «Петропавловск». Корабли эти были последним словом кораблестроительного искусства. Во многих отношениях они превосходили зарубежные суда такого же класса. Они оснащались трехорудийными башнями для ведения навесного огня, а система непотопляемости, использовавшаяся на русских дредноутах, на кораблях британского флота

была введена лишь *десяток лет спустя*.

По вине ряда депутатов Гос. Думы было потеряно пять лет, и в начале первой мировой (Великой) войны положение Балтийского флота оказалось достаточно тяжелым. Если бы не смелая инициатива адмирала Н. О. Эссена, на свой страх и риск распорядившегося до начала военных действий тайно выставить минные поля, Балтийский флот, возможно, постигла бы катастрофа.

Катастрофа наступила лишь через два с половиной года: внутренний враг оказался опаснее врага внешнего...

* * *

«...С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданейше присоединяюсь к ходатайствам Главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, сформулированного Председателем Государственной Думы [об отречении Государя в пользу сына]. Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей Родины.

2-го марта 1917 г. № 260

Вице-адмирал Непенин».

Эта телеграмма, адресованная Императору, перевесила чашу весов. Видя, что опереться ему не на кого: все главнокомандующие фронтами, как и командующие Балтийским и Черноморским флотом переметнулись на сторону мятежной Государственной Думы и умоляют его отречься, Государь смирился перед неизбежным.

Но если цитируемая выше телеграмма приводится в каждой работе, посвященной февральскому перевороту, то менее известен следующий приказ некогда обласканного Государем флотоводца (выражение «флотоводец» в данном случае условно, так как Непенин до своего назначения не командовал даже кораблем I-го ранга):

«Приказ

Командующего Флотом Балтийского моря

посыльное судно «Кречет»

4-го марта 1917 года № 302 / оп

Приветствуя и всецело поддерживая новый строй Свободной России я предлагаю всем г.г. офицерам во имя блага нашей Великой Родины, сохраняя дальнейшее полное спокойствие, вступать в открытую и тесную связь с подчиненными им командами, ибо только при обоюдном доверии и связи мы можем сохранить наш флот сплоченным и сильным на глазах врага — немца. Из личных моих разговоров с офицерами и депутатами команд я выяснил, что наши офицеры и матросы все, как один человек, желают довести войну до победного конца.

Считаю абсолютно недопустимым пролитие драгоценной русской крови. От имени нового правительства Великой и Свободной России еще раз призываю офицеров к спокойствию и единению с командой и категорически воспрещаю пролитие крови, ибо жизнь каждого офицера, матроса и солдата особенно нужна России для победоносной войны с внешним врагом. Вице-адмирал Непенин».

Призыв «к спокойствию и единению с командой» исходил от того самого Непенина, на чьих глазах (он находился на «Кречете», вмерзшем в лед неподалеку от других кораблей, на которых вспыхнул бунт) матросы ударами кувалды убивали своих офицеров. В Петрограде, свидетельствовал Б. В. Бьерклунд, «жертвами революции были полицейские и верные своему долгу офицеры, в громадном количестве убитые в первые и последующие дни на территории бывшей Российской Империи, [которые] вошли первыми в синодик миллионов уничтоженных, убитых, потопленных и погибших от голода на воле и в лагерях, который повлекла за собой «великая и бескровная».

В Ревеле — западной базе Балтийского флота — февральские события протекали без особых эксцессов. Об этом свидетельствует В. А. Белли (1887—1981), бывший царский офицер, перешедший на сторону «февралистов», а затем и «октябристов», при которых он и сделал карьеру. По словам Белли, объяснялось это тем, что соединения и корабли — 1 бригада крейсеров, часть Минной дивизии, Дивизия подводных лодок, малые корабли, зимовавшие в Ревеле — несли на себе основное бремя боевых действий на море. Офицерский состав этих кораблей трудился бок о бок с матросами, и дисциплина была здесь сознательной, а не основанной на муштре. На наш взгляд, в отличие от Кронштадта, где было велико влияние пораженцев-большевиков, в Ревеле были сильны антигерманские настроения. Местное население было лояльно к русскому правительству, оно не забыло многовекового гнета Ливонского ордена и выдавало русским военным властям немецкую агентуру.

Зато, как отмечал В. А. Белли, «ни для кого не были тайной немецкие симпатии населения Великого княжества Финляндского, рассчитывавшего на получение в результате победы Германии полной независимости страны. Революционно-политическая работа врага имела целью моральное разложение не только населения, но и воинских и морских частей на территории и в портах Финляндии». Как нам кажется, цитируемые нами воспоминания верного слуги красных хозяев не были опубликованы потому, что любому, кто ознакомился бы с ними, стало бы понятно, что именно большевики были той агентурой, которая вносила разложение в ряды русских солдат и матросов.

Революция 1905 года провалилась оттого, что части армии и флот в подавляющем большинстве остались верными престолу. Революционеры всех мастей учли свои промахи и направили удар по престижу Царской

власти. Особенно злобным нападкам подвергалась Государыня Императрица.

После того, как Царская власть была свергнута, на очереди оказалось офицерство. Темная солдатская и матросская масса, подстрекаемая вражеской агентурой в лице пропагандистов и агитаторов, принялась расправляться со своими начальниками.

Происходило это главным образом в тыловых частях, а не на кораблях. Оставшиеся в живых офицеры, как вспоминает еще один «февралист», Н. А. Монастырев, служивший на Черном море, были объявлены «врагами народа», ответственными за развязывание войны, за что они должны были поплатиться. Строгие и авторитетные уничтожались или под разными предлогами удалялись с кораблей и заменялись слабыми и безвольными офицерами, которые шли на поводу у матросов, заискивали перед ними и служили мишенями для гнусных шуток и издевательств.

Помимо Андреевского флага на мачтах кораблей развевались красные флаги большевиков и черные — анархистов. А на Черном море на некоторых кораблях реяли мазепинские желто-блакитные полотнища «самостийников» — совсем как в наше время.

Почему же «февралистам» понадобилось отречение Царя? Ведь с занятием Государем поста Верховного Главнокомандующего положение на фронте резко изменилось *в лучшую сторону*. Об этом свидетельствует генерал-лейтенант П. К. Кондзеровский, дежурный генерал при Верховном Главнокомандующем.

«Дело было в первых числах сентября 1915 года. Вести со всех фронтов поступали неутешительные. Наши войска, оставив в командование в. к. Николая Николаевича Варшаву, Ковно, Гродно, отходили вглубь России. Начались бои у Вильно и определился прорыв нашего фронта у Молодечно конной массой германской кавалерии. В Ставке волновались. Ходили слухи, что Могилев не безопасен от налета. Шепотом говорили о необходимости перенести Ставку ближе к Москве, в Калугу... К ночи 2 сентября слухи стали особенно напряженными. 3 сентября, в девятом часу утра, еще до обычного доклада генерала Алексеева Его Величеству, я пришел к начальнику штаба, дабы выяснить события на фронте. Генерал Алексеев сидел в своем кабинете за огромным столом, окруженный картами, бумагами. Вид у него был расстроенный, тревожный. На мой вопрос, в каком состоянии находятся наши армии за эти дни и справедлива ли тревога, охватившая Ставку, Михаил Васильевич схватил себя за голову и голосом полного отчаяния ответил: «Какие у нас армии? Войска наши погибли на полях Галиции и Польши. Все лучшее перебито. У нас в полках остались теперь сотни, а в ротах десятки людей. У нас иногда нет патронов, снарядов... Я не знаю, что мы будем делать, как сдержать напор и где остановимся. Я нахожу, что наше положение никогда не было так плохо. Вот я все сейчас доложу Его Величеству».

Видимо, человек находился в полном ужасе от событий и не владел собою. Я ушел от Алексеева смущенный и с большой тревогой в душе.

В половине первого я снова увидел генерал Алексеева на Высочайшем завтраке. Он совершенно переменялся, смотрел бодро, говорил оживленно, и пропала та тревога, которую я видел несколько часов назад. Я задал ему вопрос, что вероятно с фронта получены лучшие вести, и он стал бодрее смотреть на будущее.

«Нет, известий новых не получено, но после доклада Его Величеству о положении на фронте я получил от Государя определенные указания, — [отвечал генерал Алексеев]. — Он повелел дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу назад. Надо задержаться и укрепиться. А прорыв Вильно-Молодечно приказано ликвидировать войсками генерала Эверта. Я теперь уже привожу в исполнение приказ Государя, Бог даст, справимся». Передо мной стоял другой человек. Вместо нервного, растерянного генерала Алексеева находился спокойный, уверенный начальник штаба Верховного, приводящий в исполнение волю Главнокомандующего, Русского Императора. Результат этого распоряжения Государя был, как известно, громаден. Военная история оценит блестящие наши контратаки у Молодечно, Вильно и все последующие события. Только после этой удачной сентябрьской операции мы получили возможность, не опасаясь наступления вражеских сил, готовиться к новой борьбе...

Вот первый пример распоряжения Государя, как Верховного Главнокомандующего.

Результаты этого мужественного, спокойного указания и за ним полутораговой работы дали бы России величественные победы, если бы не измена и предательство, погубившие Царя, Его армию и всю нашу Родину».

Увы, армия и флот поддались посулам тех, кто твердили им о «тяготах» Царской власти и обещали свободу. Свободу, которая, в конечном счете, оказалась свободой грабить, убивать, предавать...

Вправе ли мы укорять Государя за отречение, если еще до его отречения батальон Гвардейского экипажа покинул Дворец, где находились больные Дети Государя и Императрица? Это послужило сигналом к измене и других воинских частей, расквартированных в Царском Селе. По свидетельству генерала Воейкова, «те, кто еще недавно восторженно приветствовали Ее Величество, начали 1 марта уходить, а уже 2 марта стали по Дворцу бродить кучками совершенно распропагандированные солдаты... Верной осталась личная прислуга Императрицы и Августейших Дочерей, за исключением дядьки Цесаревича — боцмана Деревенько. [Второй дядька, помощник боцмана Климентий Григорьевич Нагорный, остался с Наследником и в Екатеринбурге пал от рук красных палачей. Причислен к лику святых Русской Православной Церковью за Рубежом.] Ответом было чисто христианская незлобивость Императрицы: «Мы не должны винить ни русский народ, ни

солдат — они обмануты».

* * *

Когда члены Думы подъехали в автомобиле к великолепному дворцу Кирилла Владимировича на улице Глинки, тот обращался к толпе, собравшейся у подъезда:

— Все мы русские люди. Нам всем надо заботиться о том, чтобы не было прежнего беспорядка и кровопролития. Все мы желаем образования настоящего русского правительства.

Неподалеку громили винный погреб. Кто-то пустил слух, будто оттуда стреляли. Студенты с повязками на рукавах и солдаты принялись было наводить порядок, но потом солдаты, орудуя прикладами, сами ворвались в погреб и принялись пьянствовать.

— Господа! Господа! — воскликнул рыжий студент в пенсне.— Нельзя пить! Нельзя! Соблюдайте революционный порядок!

— Чего разорался, шкубент! — окрысился на молодого человека кривоногий солдат в расстегнутой шинели и заломленной на затылок папаче.— Коли мы господа, так нам все дозволено!

— А что, шкубент дело говорит, — поддержал добровольного стража порядка бородач солдат. — Будем пить — пропадем. Возьмут нас всех. А там и на виселицу вздернут. Присягу-то мы нарушили, против начальства пошли. Против Государя Ампиатора.

— Кому нас брать-то? — возразил мастеровой в кожанке и финской шапке. — Казаки-то за нас. Видал, как они за городовыми гоняются?

Поневоле соглашаешься с сыном «бабушки русской революции» Н. Н. Брешко-Брешковским, который устами одного из своих персонажей сказал:

«Если бы конвой Государя состоял не из казаков, а из горцев-мусульман, как это было при Александре II, конвой не допустил бы отречения... Отречение было вырвано у Государя силой или почти силой, а поэтому надо было аннулировать это отречение тоже силой! Туземцы конвоя не приняли бы это пассивно. Они по-своему расправились бы и с теми, кто приехал «отрекать» Государя, да заодно и с теми генерал-адъютантами, которых он осыпал милостями и которые отблагодарили его, участвуя в заговоре против него».

— Что же, по-вашему, Алексеева и Рузского следовало повесить? — спросил своего сослуживца русский офицер.

— Тут же, перед поездом на фонарных... столбах! — ... горячо подхватил Баранов. — Изменники, изменники с генерал-адъютантскими вензелями! Разве все загадочное поведение Алексеева в Ставке не измена? Разве поведение Рузского в Пскове не измена? А как он осмелился кричать на Государя и, вырвав у него вместе с приехавшими депутатами Думы отречение, воспротивился вернуть, когда спохватившийся Государь потребовал (его) назад? Это не измена? Помните, по воле Государя нашей

дивизии было приказано грузиться, чтобы идти на Петроград и не допускать никаких мятежных выступлений? И уж будьте спокойны, революции не было бы. И что же? В самый последний момент приказ был отменен, и мы остались на фронте. Туземцы в Петербурге — это не входило в планы Алексеевых и Рузских. А получилось вот что!

[Офицер] показал вниз на площадь с загаженным фонтаном посредине. Площадь была запружена скучающими, одуревшими от праздности и безделья русскими солдатами. Всклопоченные, немытые, в расстегнутых гимнастерках, с нацепленными куда попало красными бантами, они давно утратили не только воинский, но и человеческий вид. Это была толпа, лущившая семечки, готовая митинговать, грабить, насильничать, только не подчиняться своим офицерам и не воевать»._

Помимо Дикой Дивизии Государь своевременно приказал отправить в Петроград до 40 000 войск. Чтобы обеспечить их доставку по железной дороге, по заявлению генерала Алексеева, он принимает на себя «через товарища [заместителя] министра путей сообщения», генерала Кислякова, управление всеми железными дорогами. Но Кисляков был предателем и убедил Алексеева отменить свое распоряжение. Революционеры назначили на место министра путей сообщения инженера Бубликова, который стал распоряжаться всеми перевозками. «И после сего куска вошел в него [Иуду] сатана. Тогда Иисус сказал ему, что делаешь, делай скорее» (Иоанн, 13, 27). И Алексеев последовал примеру своего исторического прототипа. Как свидетельствовал генерал Дубенский, даже после того, как Рузский уговаривал Государя отречься, как солдаты псковского гарнизона, так и офицеры, приезжавшие из Петрограда, были против бунта. Офицеры искренне желали, чтобы Государь проехал к войскам гвардии. «Там совсем другое», — говорили они. Но беда была в том, что Император находился в изоляции, окруженный людьми Рузского. Он даже не мог пользоваться ни телеграфом, ни телефоном. А тем временем адская мельница продолжала работать. За ночь Рузский, Родзянко и Алексеев, находившиеся, соответственно, в Пскове, Петрограде и Могилеве, успели сговориться. В Ставке директор политической канцелярии при Верховном Главнокомандующем Н. Н. Базили, по поручению Алексеева, в эту ночь с 1 по 2 марта выработывал манифест об отречении от престола Императора Николая II. Окончательный текст, отредактированный Алексеевым, был передан в Псков Рузскому. Пока Государем не было принято окончательное решение об отречении, свитские надеялись, что этого не произойдет. Но Государь знал о положительном отношении как свиты, так и чинов Ставки к изменению строя, к необходимости замены самодержавной власти конституционным строем, потому-то и среди свитских чувствовал себя в изоляции. Правда, генерал-адъютант Нилов не разделял такие взгляды. Не верил он в то, что Михаил Александрович, которого прочили в «конституционные монархи», останется на престоле.

— Давно идет ясная борьба за свержение Государя, огромная масонская партия захватила власть, и с ней можно только открыто бороться, а не входить в компромиссы, — убежденно говорил флаг-капитан.

Государь испытывал горькую обиду из-за того, что его считали помехой счастью России. И это после всех его трудов! Как плохо было на фронте осенью 1915 как твердо стоит армия накануне весеннего наступления! Лейб-хирург профессор Федоров, много лет лечивший Цесаревича, близко к сердцу принимал грядущие перемены и поэтому счел своим долгом пойти к Государю в его вагон и указать ему на опасность, которую представит для России отречение от престола. Он подчеркивал, что передача престола Наследнику не спасет страну. Хотя Алексей Николаевич может прожить долго, по науке он неизлечим. К сожалению, разговор этот привел к тому, что Государь решил отречься не только за себя, но и за сына.

— Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним, — объяснил свое решение Николай II.

Во время продолжительного разговора с Рузским последний привел результаты телеграфного опроса Главнокомандующих фронтами, призывавших Государя отречься.

Часов около трех дня граф Фредерикс вошел в вагон свиты и сказал по-французски: «Все кончено. Государь отказался от престола за себя и за наследника Алексея Николаевича в пользу брата своего Михаила Александровича и послал через Рузского об этом телеграмму».

При этих словах ужас охватил свитских, и они в один голос воскликнули, обращаясь к дворцовому коменданту:

— Владимир Николаевич, ступайте сейчас же, сию же минуту к Его Величеству и просите его остановить, вернуть эту телеграмму!

Вскоре генерал Воейков вернулся и сказал генералу Нарышкину, чтобы тот немедленно шел к генерал-адъютанту Рузскому и передал ему повеление Государя вернуть телеграмму. Нарышкин тотчас же отправился в вагон Рузского, стоявший на соседнем пути. Через полчаса он вернулся, заявив, что Рузский телеграмму ему не отдал, сказав, что лично даст объяснение по этому поводу Государю.

Около 10 часов вечера подошел поезд с депутатами — вернее, это был один вагон с паровозом. Депутаты — Гучков и Шульгин — направились в вагон Государя. Тот встретил их приветливо и лично подтвердил акт отречения, сказав, что отказывается от престола за себя и за сына ввиду его болезненного состояния.

— Надеюсь, вы понимаете чувства отца, — добавил он.

Поздно ночью в пятницу 3 марта Государь отбыл в Могилев. В этот же день днем он отправил телеграмму своему брату, Великому Князю Михаилу, в которой просил его простить, что принужден передать ему тяжкое бремя правления Россией. Тогда же им была послана телеграмма в Киев Императрице Матери Марии Федоровне с просьбой приехать на свидание в Могилев.

Все время, пока Император находился в своей бывшей Ставке, он вместе с матерью ежедневно совершал прогулки в автомобиле по окрестностям Могилева. Обыватели, завидев их, низко кланялись. Хотя Государь уже не был Верховным Главнокомандующим, в начале 10-го утра 4 марта он в последний раз принимал доклад генерала Алексеева о положении на фронтах. Вскоре «косоглазый друг», с подачи временного правительства, сообщил Императору: «Ваше Величество должны себя считать как бы арестованным». Ничего не ответив, Государь побледнел и отвернулся от своего бывшего начштаба. Мог ли он предположить, что, добровольно согласившись оставить престол, будет, «в знак благодарности», арестован.

* * *

Около 12 часов дня 9 марта поезд с Государем и лицами свиты прибыл к Императорскому павильону железнодорожной ветки в Царском Селе. (В начале 1990-х гг. железнодорожные пути были сняты. Сам павильон представляет собой жалкий вид — развалины развалин.) На платформе Императора встретили полковник Кобылинский и прапорщик Вачнадзе. Полковник впоследствии рассказывал:

«Государь вышел из вагона и очень быстро... прошел по перрону и сел в автомобиль. С ним был гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков... В поезде с Государем ехало много лиц. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, как удирал тогда генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цабель. Сцена эта была весьма некрасивая».

Когда автомобиль Государя подъехал к воротам Александровского дворца, они оказались закрытыми. Часовой у ворот ждал указаний дежурного офицера. Тот, с папиросой во рту и держа руки в карманах, крикнул: «Открыть ворота бывшему Царю». Проходя мимо дежурного и остальных офицеров, украшенных красными бантами, Император отдал честь. Те даже не подумали ответить. Навстречу супругу направилась Императрица. Встретились они в детской комнате. «С улыбочкой они обнялись, поцеловались и пошли к детям», — рассказывал камердинер Императрицы Волков. А.А. Вырубова же описывает их встречу иначе: «Александра Феодоровна радостная выбежала навстречу Царю. Когда они остались в детской вдвоем, Государь, всеми оставленный и со всех сторон окруженный изменой, не мог не дать волю своему горю». Ведь никто — ни Иван Грозный, ни Петр Первый, ни Александр III — Царь-Миротворец — не могли бы ничего поделать со страной, о которой сказал

ПОЭТ:

«Быть Царевой ты не захотела –
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развеи да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам,
Смердам — честь, изменникам — ключи.
Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище,
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба».

Так определил тогдашнее состояние России поэт Максимилиан Волошин. Не читал ли он в душе Царя, когда писал:

«Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя,—
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!»_

Ведь Государь, горячо любивший Россию и отдавший за нее жизнь, понимал, что никому, кроме тех, кто горячо ей предан, она, эта «гулящая, хмельная» Русь не нужна. Так родители души не чают в ребенке, родившемся ущербным или калеккой, и любят его больше всех на свете.

Впрочем, это не относится к «новой России», где женщины, как правило, не желают рожать, убивают младенцев в своем чреве, а то и в колыбели. А некоторые бросают не только больных, но и *здоровых* детей, отрекаясь от своего будущего. Отдают своих детей в детдом (подчас и не бедные люди), а вместо них... заводят собак.

Э.Н.Гиацинтов. Цитир. пр. С. 27-28.

О.А. Платонов. Николай II в секретной переписке. С. 648-649.

Г.Шавельский. Цитир. пр. Т. 1. С. 10.

Э.Н.Гиацинтов. Цитир. пр. С. 38.

А.Кручинин. Христианский рыцарь. "Военная быль". 1993, № 3. С. 18-25.

В.Н.Звегинцов. Кавалергарды в Великую и гражданскую войну 1914-1920 гг..

Париж: Танаис, 1966. С. 100.

"Русская летопись". Париж: 1921. Кн. 3. С. 49-86.

"Уроки гнева и любви". СПб: 1999. Вып. 8. Кн. 2. С. 78.

А.Д.Бубнов. В Царской Ставке. СПб: Облик, 1995. С. 9.

"Андреевский флаг". СПб: 1992, № 23.

Н.А.Монастырев. Гибель Царского флота. СПб: Облик, 1995. С. 83.

Н.Н.Брешко-Брешковский. Цитир. пр. С. 80-81.

М.Волошин. Пути России. М.: Современник. 1992. С. 22.

Темы: (нет) [\[Редактировать\]](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги](#): [Именной](#) [Хронологический](#) [Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Кузнецов В. Русская Голгофа

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава пятнадцатая **ОТРЕЧЕНИЕ**

«Пришла беда — отворяй ворота» — гласит пословица. У Императрицы изболелась душа. Что с Государем, она не знала. Наверняка, случилось недоброе. Ко всему, заболели дети. Последней — Мария. Наверное, когда они с ней вдвоем обходили войска, защищающие дворец. В Петрограде бунт, толпы мятежников бродят по городу. В такую-то погоду. Из темных туч сыпала ледяная крупа, аллеи парка занесло снегом. Откуда-то издалека доносились выстрелы. Поскорее бы приехал Государь! Вечером 28 февраля по просьбе Императрицы во дворец прибыл Великий Князь Павел Александрович, командовавший гвардией. Ничего утешительного он не сообщил. В ответ на вопрос, можно ли рассчитывать на поддержку гвардейских частей, он подавленным голосом ответил, что почти вся гвардия на фронте.

Приближалась уже ночь, но Императорский поезд так и не прибыл. А завтра — 1 марта. «Бойся Мартовских Ид!» — вспомнились слова античного поэта. В ночь с одиннадцатого на двенадцатое марта 1801 года был задушен злодеями Император Павел Первый. Первого марта, спустя 80 лет, был смертельно ранен освобожденным рабом Царь Освободитель. Но день 1 марта миновал, и ничего страшного не случилось. Но 2 марта батальон Гвардейского Экипажа покинул дворец. Не подчинившись предательскому приказу Великого Князя Кирилла, офицеры Экипажа остались во дворце. Государыня решила послать в Ставку двух офицеров Сводно-гвардейского полка с письмом к Государю. Пока она писала, во дворец прибыл Павел Александрович.

Web www.gumer.info

- [Ясновидящая Юлия Агапова](#)

Снятие порчи. Результат сразу, без греха и вреда здоровью!

www.mag-agapova.ru

- [Приворот любой сложности.](#)

Безвредный, мощный **приворот**, быстро и надежно. 30 лет успешной работы!

vedacentre.com

- [Ясновидение, сенсорика, магия.](#)

Энергетика, целительство, терапия кармы. 2-недельный экспресс-курс.

www.podgorny-school.ru

- [Метод В.М. Бронникова](#)

Развитие памяти, способности управления энергообменом в организме.

Верная Лили Ден, ради Ее Величества оставшаяся в Царском Селе, слышала громкие голоса, доносившиеся из красной гостиной. Не выдержав, Великая Княжна Мария Николаевна, тоже больная, заявила молодой женщине:

— Не могу слышать, когда Мама волнуется. Пойду к себе. — И ушла.

В этот момент дверь красной гостиной отворилась. На Государыне лица не было.

Спотыкаясь, с глазами, полными слез, она подошла к письменному столу в простенке между окнами. Взяв Лили за руки, Ее Величество с мукой в голосе проговорила по-французски:

— Отрекся! Бедный... Совсем один... Господи, сколько ему пришлось пережить! И меня нет рядом, чтобы утешить его. Боже, как это невыносимо.

Лили Ден, забыв об этикете, обняла Государыню за плечи и стала с ней прохаживаться. Не зная, как утешить Ее Величество, она воскликнула:

— Не надо так убиваться, Ваше Величество. Ведь Государь жив!

Словно окрыленная надеждой, Государыня заплаканными глазами посмотрела на верную Лили:

— Да, да. Вы правы, Лили. Действительно, главное — Государь *жив*. Когда он вернется, все встанет на свои места.

Больше всего Ее Величество убило известие о том, что Государь отрекся в пользу Цесаревича.

— Теперь моего мальчика отберут у меня! — страдальческим голосом проговорила Императрица. — Говорят, что будет назначен регент.

* * *

Утро 4 марта принесло новые, тоже невеселые известия. Родзянко, прибывший во дворец, заявил Императрице, что ей следует готовиться к отъезду. В ответ на возражение Ее Величества, что дети больны, что путешествие для них равносильно смерти, Родзянко с насмешливой улыбкой заявил:

— Когда дом горит, самое лучшее — покинуть его.

Он забыл сказать, что именно родзянки и прочие «думские дьяки» подожгли этот дом.

Узнав об отречении Государя, во дворец прибыла графиня Гендрикова. Она ездила в Петроград, чтобы навестить больную родственницу.

— Настенька, дитя мое! — обрадованно воскликнула Ее Величество. Еще одно верное сердце было рядом.

В воскресенье, 4 марта, по распоряжению Государыни, был совершен молебен. Из церкви Знамения Божией Матери принесли чудотворную икону. Крестный ход прошествовал по всему дворцу. Следом за священниками двигалась и Ее Величество. Ввысь поднимался благовонный дым ладана, золотые с лазурью ризы Божией Матери с Богомладенцем на руках сверкнули словно солнечный луч. Солнечный Луч! Так называла своего

www.bronnikov.ru

Проекты для финансирования!

Рентабельные проекты реальных секторов экономики. Инвестиции и кредиты

www.kelis.ru

VTB24 - растущий доход

Ставка растет ежегодно и по мере накопления средств.

www.vtb24.ru

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

возлюбленного сына Государыня Императрица. Его не отберут. Это стало понятно, когда она прочла манифест, кем-то доставленный во дворец. Он гласил следующее:

*«Божией милостью Мы, Николай Второй,
Император Всероссийский, Царь Польский,
Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая
объявляем всем Нашим верноподданным:*

В дни великой борьбы съ внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нам отечества требуют доведения войны во что-бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия Наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России, почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть.

Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа въ законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины, призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

«НИКОЛАЙ».

Псков. 2 Марта 1917 года 15 часов.

Министр Императорского Двора Генерал-адъютант граф Фредерикс».

Следовательно, ее мальчика у нее не отберут. До Государыни давно доходили слухи о том, будто Вдовствующая Императрица хотела бы видеть

на месте Ники Михаила. Что же, пусть воспользуется такой возможностью. Пусть попробует, что это за мед — управлять мятежным и неблагодарным народом. Словно для того, чтобы подтвердить эти слова, раздались громкие грубые голоса. У дверей одной из комнат солдаты Сводно-пехотного полка меняли караул. Но что это были за солдаты: папахи набекрень, шинели расстегнуты.

Видела солдат «свободной России» и Лили Ден. Ожидая худшее, она посоветовала Государыне сжечь свои дневники и дневники покойной княжны Орбелиани. В них содержались описания разных лиц и событий, связанных с жизнью двора. «Сыновья свободы» могли превратно истолковать эти сведения и использовать их в своих интересах.

Скрывать от детей факт отречения Государя не было смысла, так как Мария Николаевна случайно услышала слова родительницы, и Ее Величество в осторожных выражениях рассказала им о том, что их отец отошел от дел. После завтрака Ее Величество сидела вместе с Лили в лиловой гостиной. Неожиданно вошел старый слуга — камердинер Государыни Волков, лицо бледное, руки трясутся. Забыв от этикетки, он воскликнул:

— Государь на проводе.

Словно шестнадцатилетняя девочка, Государыня вспыхнула и выбежала из гостиной.

— Я рассчитывал тотчас приехать к вам, но меня пока не отпускают, — говорил Государь. — Но очень скоро я буду с вами. Из Киева едет на Ставку Мама.

Выяснилось, что телеграммы, которые отправляла одна за другой Государыня, Его Величество получил лишь после отречения.

— Ты знаешь? — спросил Император. Он имел в виду манифест об отречении.

— Да, — ответила Ее Величество. Кругом чужие люди — чужие уши. Они не должны знать, каким ударом был для нее этот акт. Великая Княжна Мария Николаевна рассказывала о тех днях: «Мама убивалась». Ее Величество сознавала, что никто, кроме Государя не мог руководить Россией. Великий Князь Михаил Александрович? Но, сильный физически — он, подобно отцу, Императору Александру III — мог разорвать колоду карт — Михаил Александрович обладал слабым характером и питал отвращение к власти. Так что масонам, собравшимся в квартире князя П. Путятина в доме 12 по Миллионной улице, не пришлось долго уговаривать Великого Князя отречься. В результате появился следующий документ:

«Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля Великого Народа нашего,

которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа, Михаил.

3 марта 1917 г. Петроград».

«Все конечно, лгали Государю, когда говорили о Регенте, отречении в пользу сына и т. д. В душе все понимали, что они «предатели не только Государя, но и Монархии», а все разговоры Милюкова и Гучкова [угovarивавших Великого Князя возложить на себя корону], это только пустые фразы. Заговор желал другого, заговору нужно было уничтожить Монархию... Дом Романовых начался царем Михаилом и кончился не царствовавшим Императором Михаилом...»

Так писал В. Кобылин.

Государыне же и Ее Семье предстояло испытать чашу страданий, познать и минуты семейного счастья, утешения в молитве, и минуты горечи и разочарований. Продолжавшая любить русский народ, она видела со стороны его и черную неблагодарность, и примеры мужества и благородства. Проявляли душевную низость Великие Князья и примеры мужества и возвышенной природы простые солдаты и офицеры.

Когда во дворец приехал генерал Корнилов, чтобы арестовать Государыню и Ее Семью, охрана дворца не впускала его и прибывший с ним отряд. Зная, что Государь должен вернуться из Могилева, солдаты Сводно-пехотного полка готовили ему торжественную встречу. Увидев чужих солдат, направляющихся во дворец, они выкатили пулемет, и только по настоянию Императрицы, заявившей, что она не желает видеть сцены, разыгравшейся на мраморных ступенях дворца французского короля во время французской революции, солдаты сдали свои посты новой охране.

И поныне осуждают Государя Императора Николая II за вынужденное отречение. В числе «судей» и «внук юриста» кинонатуралист Невзоров, с экрана на всю страну оскорбивший память Царя-Мученика и Его Семьи, и ныне покойный митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Некоторые же критики Царя заявляют, что Николай II должен был принять мученический венец тогда же, 2 марта. Это, мол, освободило бы Его от личной вины за то, что произошло с Россией. Отречение, а затем и страдания Царя и Его Семьи и всего русского народа были попусшением Божьим за апостасию (безверие) и отступничество широких слоев народа.

Еще в 1905 году св. Иоанн Кронштадтский вступился за Государя:

«Царь у нас праведной и благочестивой жизни. Богом послан Ему тяжелый крест страданий, как Своему Избраннику и любимому чаду, как сказано Тайновидцем Судеб Божиих: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Апок. 3, 19). Если не будет покаяния у русского народа, конец миру близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких самозванных правителей, которые залиют всю землю кровью и слезами».

После того, как было создано Временное правительство, оно разослало повсюду тексты новой «присяги», которые следовало подписать. Офицеры одного из лазаретов Государыни не хотели подписывать, но Императрица уговорила их сделать это, чтобы не навлекать на себя гнев новоявленных «хозяев положения».

Визит «революционного генерала» Корнилова во дворец с целью объявить Государыню и Ее Семью арестованными, принес Ее Величеству немало горьких минут. Очевидцем происходившего была верная Лили Ден. Она вспоминает:

«Генерал сообщил Императрице, что дворцовая охрана будет заменена революционными солдатами. Нужды в Сводно-пехотном полку и Собственном Его Величества Конвое больше не было, по дворцу слонялись мятежники, которые всюду совали свой нос. Когда офицеры Сводно-пехотного полка пришли попрощаться с Ее Величеством, многие из них не выдержали и разрыдались. Впоследствии Государыня призналась мне, что и для нее минута расставания была мучительной. Офицеры попросили у Государыни платок на память о ней и Великих княжнах... Они намеревались разорвать этот платок на кусочки и распределить их между собой. Но затем, к их большой радости, мы раздали им несколько носовых платков с инициалами.

То был тяжелый день. Много офицеров приехало из Петрограда, чтобы попрощаться с Царской Семьей. Уехали Танеевы: Государыня настояла на том, чтобы они отправились во Дворец Великого князя Михаила Александровича, где можно было рассчитывать на некоторую безопасность. Наконец Государыня решила сообщить дочерям об отречении их отца. Она не могла допустить, чтобы они услышали это печальное известие от самого Императора. Она поднялась к ним в комнаты и долгое время оставалась с ними одна. Анастасия Николаевна, похоже, догадывалась, что произошло неладное... После того, как Государыня вышла от них, она очень спокойно проговорила, глядя на меня:

— Мама нам все рассказала, Лили. Но раз Папа приедет к нам, все остальное не имеет значения. Ведь вы все это время знали, что происходит, как вы могли скрыть это от нас? Ведь вы всегда такая нервная... Как вам

удалось остаться спокойной?

Я поцеловала девочку и сказала, что мужеством обязана Ее Величеству. Она являла собой такой пример отваги, что я не могла не последовать ему. Когда Государыня сообщила роковую новость Цесаревичу, между ними произошел такой диалог:

— Больше я никогда не поеду с Папа на Ставку? — спросил мальчик.

— Нет, мой голубчик, никогда, — ответила ему мать.

— Неужели я не увижу ни свои полки, ни своих солдат? — озабоченно проговорил Алексей Николаевич.

— Боюсь, что нет.

— О Господи! А яхта, а все мои друзья на ее борту — неужели мы больше никогда не отправимся в плавание на ней? — чуть ли не со слезами на глазах продолжал допытываться мальчуган.

— Да... Мы никогда больше не увидим «Штандарт»... Он теперь не принадлежит нам...»

При этих словах у Государыни сжалось сердце. Она знала, как Дети любят свою яхту. Лучшие минуты жизни они провели в плаваниях на ней. Как любят море. Особенно Алексей. Давно ли праздновал храмовый праздник Морской Корпус, получивший название Морское Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Училище.

Государыня понимала, каким тяжелым ударом окажется это известие для ребенка. Она знала, как он обожает море и корабли. Ведь он был шефом не только ряда пехотных и казачьих полков, но и Морского корпуса. Он знал и почитал все традиции Корпуса. Дисциплина, военная выправка, вежливость, благородство, товарищество, уважение и почтение к старшим, аккуратность и опрятность, добросовестность к делу и службе — главные качества, отличавшие гардемарин — все это находило отклик как в душе Цесаревича, так и самой Императрицы. Носительницей традиций и обычаев Корпуса была старшая гардемаринская рота. Ее авторитет был непререкаем. Именно она задавала тон всему Корпусу. В отличие от Кавалерийского училища и некоторых других военных учебных заведений в Корпусе никогда не было «цуканья» — то есть унижения старшими младших. Зато и младшие нигде не относились с таким почтением к старшим «гардам». Во всех случаях жизни вне Корпуса старшие покровительствовали младшим. При расчете в ресторане старший из присутствующих платит за всех остальных. Во время учебного плавания на военных судах корабельные гардемаринки приглашают на обед кого-нибудь из офицеров корабля. Став офицерами, моряки никогда не отдают честь дамам, а всегда снимают перед ними фуражку...

Ни Императрица, ни Дети, ни Цесаревич и в дурном сне не могли себе представить, что очень скоро их любимый «Штандарт» превратится в большевицкий штаб, и некогда надраенные, чистые палубы, по которым они гуляли, будут захлаплены и загажены. А его помещения станут темницей для Анны Александровны Вырубовой.

Тяжелее всего для Царицы была разлука с Государем, о судьбе которого она не знала столько дней. А еще — разлука с задушевными, преданными подругами — Анной Вырубовой и Лили Ден, которых арестовали и увезли. Арестовали за верность Императорской Семье. А Анну — еще и за преданность Григорию Ефимовичу, который отдал жизнь за Царя, как некогда отдал свою жизнь другой крестьянин — Иван Сусанин. Спустя некоторое время, по указанию Керенского, Лили Ден освободили, но Анну, словно какую-то преступницу, поместили в каземат Трубецкого бастиона. До Государыни доходили сведения о том, как жестоко обходились с ней разбойники в солдатской форме. Голод, побои, унижения — чего только не пришлось вытерпеть бедной женщине. Как пытали несчастного Белецкого, бывшего Товарища (заместителя) Министра Внутренних Дел! Как мучили несчастного старика Штюрмера, обвиненного *предателями* в предательстве! Ф. Винберг впоследствии напишет:

«Больной, истощенный старик... попал в сырую, холодную камеру Трубецкого бастиона, где... он был обречен... на мучительную, долгую агонию... Люди, одетые в мундиры бывших доблестных русских воинов... превращенные в «сознательных товарищей», ...стали подходить к Штюрмеру и мочиться на его лицо».

Несчастный старик уже умирал, но ни жене, ни его друзьям не разрешили с ним попрощаться. Таково было мурло «великой и бескровной».

"Русская Летопись". Париж: 1922. Кн. 3. С. 145.

В.Кобылин. Цитир. пр. С. 327.

1. Л. Ден. Цитир. пр. С. 117.

В.Кобылин. Цитир. пр. С. 355-356.

Глава шестнадцатая

РАЗЛУКА

«Слепые поводыри слепых». Такое определение приходит на ум, когда вспоминается сцена «отречения» Государя Императора. Генерал Рузский обманывал Главнокомандующих фронтами, заявляя, что единственный выход — это «сдаться на милость победителя», то есть Думы. Он был уверен, что хозяином положения является монархическая Дума, опирающаяся на петроградский гарнизон. В конце концов, Государь согласился на создание «ответственного министерства», хотя и не видел никого из общественных деятелей, которые смогли бы управлять Россией. Ведь именно «ответственного министерства» требовали думцы. Родзянко в свою очередь обманывал Рузского, заявив, что «раздаются грозные требования в пользу сына [Цесаревича] при регентстве Михаила Александровича». То есть, «ответственное министерство» уже не нужно. Но и председателя Думы Родзянко обманывали ловкачи из Совета рабочих и солдатских депутатов, который, никого не спросив, «образовали» Нахамкес

и Ко.

Совдеп стремился к единовластию, и никакие регенты ему были не нужны. Однако трусливый Родзянко не признался, что он лишь пешка в руках Совдепа. Прекрасно сознавая, что это никакая не революция, а государственная измена, за которую можно попасть на виселицу, как только в столице будет наведен порядок, Совдеп и сам трусил.

«Прекратите отправку войск с фронта!» — голосом Родзянко вопили кукловоды-левые. Но не менее трусливый Рузский уже предупредил пожелание изменников и *своей властью* прекратил отправку войск в подкрепление генерал-адъютанту Н. И. Иванову и обманным путем, якобы от имени Государя, вернул в район Двинска отправленные с Северного фронта эшелоны. Таким образом изменником стал и Рузский.

Но ведь в Ставке остались не только предатели генералы, но и верные Государю войска. Поэтому Николай Александрович решил поехать из Пскова в Могилев и попрощаться с ними. «Хозяева положения» разрешили ему это.

* * *

3 марта на одной из станций «свитский» поезд остановился. Из вагона вышел генерал-майор Д. Н. Дубенский. В зале первого класса вокзала, совершенно пустом, к нему подошел мужчина лет за сорок. Судя по одежде, это был купец или зажиточный крестьянин. Он поклонился генералу и негромко спросил:

— Позвольте узнать, неужели это Государя повезли?

Генерал ответил, что действительно Государь поехал в Могилев в Ставку, чтобы попрощаться с ее служащими.

— Да ведь у нас здесь читали, что Его отрешила Дума и теперь сама страной хочет управлять.

Дубенский объяснил, как сумел, что произошло. Что, дескать Государь, не желая воевать против собственного народа, уступил требованиям Главнокомандующих фронтами отречься от престола.

— Как же это так? — с сомнением покачал головой мужчина.— Не спросясь народа, сразу Царя Русского, Помазанника Божия, отменить и заменить новым? Уж не Николай ли Николаевич метит на Его место? Он только ростом-то и вышел...— И, не закончив фразу, мужчина покачал головой и пошел прочь.

«Поистине, глас народа — глас Божий», — подумал генерал. Как до такой простой мысли не могли додуматься эти думские «дьяки», эти генерал-адъютанты, так бездумно примкнувшие к мнению «Николаши», как называл Государь долговязого Великого Князя. Вот где корень зла!

Отрекаясь от престола в пользу брата, Великого Князя Михаила Александровича, Государь не хотел, чтобы Цесаревич, оторванный от родителей — а уж его непременно от них изолируют — был лишен родительской заботы и ласки. Многие ли смогут понять особенности его

недуга? Кто сумеет его поддержать духовно? Но Император все-таки переступил через свои собственные чувства и решил пойти на невыносимую жертву. После встречи с Императрицей Матерью Император подошел к своему бывшему начальнику штаба М. Алексееву и протянул ему телеграмму. Отчетливым почерком Государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на Престол сына своего, Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича. Алексеев унес телеграмму. То, что он ее, оказывается, не послал, не вина Государя. Предав отца, Алексеев предал и его сына, Наследника.

Если бы Государь не написал телеграмму, то, действительно, передача наследия брату, а не сы--ну, законному наследнику Престола, явилась бы формальным нарушением Основных законов Российской Империи. Понял ли Великий Князь Михаил Александрович это, когда, в свою очередь, отрекался от Престола, не имеет значения. Как сказал один из иерархов церкви, даже если бы Россию возглавил Архангел, мы бы оборвали ему крылья. Ибо, отступив от Помазанника Божия, Россия как бы отступила от Бога.

Верный камердинер Государя Чемодуров видел, как горячо и долго молился Император в ночь с 1 на 2 марта 1917 года, прежде чем уступить предателям, настаивавшим на его отречении от Престола. Не в ответ ли на горячие мольбы Государя бремя Царской власти в России взяла на себя Божия Мать. Ведь именно 2 (15) марта 1917 года в подмосковном селе Коломенское явила себя Державная икона Божией матери. Известие об этом облетело всю Россию.

Несколько дней, которые Государь провел в Могилеве после своего отречения, он находился в обществе Императрицы Матери. Проезжая по улицам Могилева, Государь и его родительница на каждом шагу видели знаки преданности, поэтому красные флаги, развешенные на улицах революционерами, выглядели нелепо и неуместно.

Наступило утро 6 марта. В большом зале управления дежурного генерала собрались служащие Ставки, еще совсем недавно называвшейся Царской. Тут же находились Великие Князья Сергей и Александр Михайловичи, походный атаман Борис Владимирович, свита Императора, генералы, офицеры и гражданские чины. Были представлены разные части войск, составлявших гарнизон Могилева.

Твердым шагом вошел Государь. Остановившись в центре зала, он заговорил. Он благодарил за службу чинов Ставки и высказал уверенность, что Россия вместе с союзниками победит упорного врага. Он никого не винил, заявил, что Ставку ему суждено оставить волей Божией.

Все — от писаря до генерала — знали, что со дня на день начнется наступление. Наступление, на подготовку которого столько трудов положил Государь. Почему же его заставляют уйти от дел именно теперь? Все также знали, что Государь вновь назначил на пост Верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича. Но уверенности в том, что тот сумеет заменить Государя, не было.

В ответ на речь Государя взволнованным голосом говорил генерал Алексеев. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что бывший начальник штаба предал его так же, как «Николаша» и другие родственники, успевшие присягнуть самозваному временному правительству, Государь обнял генерала. Лицо Алексеева было в слезах. То ли он жалел о своем предательстве, то ли о том, что, скорее всего, это последняя их встреча, но Алексеев плакал, не скрывая слез. Следом за ним заплакали и многие офицеры.

«Начались истерики, и весь зал пришел в полное волнение, которое охватывает близких при прощании с дорогим, любимым, но уже не живым человеком», — вспоминал один из генералов, присутствовавших при этом. Овладев собою, Государь направился к команде нижних чинов и поздоровался с ними, услышав в ответ: «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству».

Государь, приложив руку к козырьку, шел мимо рядов казаков и солдат и вглядывался в их бесконечно родные лица. Что он думал при этом, что испытывал? Ведь это те же люди, которые бежали за царским автомобилем в Киеве, в Одессе, Новочеркасске, Владикавказе. При виде смуглых, типично кавказских лиц, не вспоминал ли он посещение Тифлиса, когда царский автомобиль с трудом мог двигаться по улицам? Или он думал о том, какая судьба ждет Россию, ее армию? Возможно, он мыслями уносился в Царское Село, где остались его беззащитные дети и Государыня? Неужели им придется расстаться с Россией, без которой никто из его Семьи не может жить? Неужели действительно правы иностранные агенты [военные атташе], которые полагают, что смута, затеянная во время войны, ни к чему хорошему не приведет.

На следующий день выяснилось, что опасения иностранцев не беспочвенны. На улицах Могилева появились подозрительного вида штатские, которые начали мутить воду и будоражить до этого спокойную солдатскую массу. Стало известно из газет, что генерал Алексеев поддержал Временное правительство, что правой рукой новоявленного военного министра Гучкова является генерал Поливанов, бывший царский военный министр. Что из того, что главнокомандующие фронтами предали своего Государя? Ведь простой солдат не виноват. Нужно воздать должное безымянным героям, безропотно сложившим свои головы ради победы. И вечером 7 марта Государь написал свой последний, прощальный приказ по армии. Приказ этот генерал Алексеев по прямому проводу протелеграфировал в Петроград, поэтому документ приобрел следующий вид:

«Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего

8-го Марта 1917 года, № 371.

Отрекшийся от Престола Император Николай II, перед своим отъездом из района действующей армии, обратился к войскам со следующим прощальным словом:

«В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведет Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

«НИКОЛАЙ»

8-го Марта 1917 года.

Ставка.

*Подписал: Начальник Штаба,
Генерал Алексеев».*

Но самозванное правительство, которое, с одной стороны, хотело бы убедить войска, что их недавний Верховный Главнокомандующий призывает к послушанию новым властям, с другой стороны, опасалось своих подлинных хозяев — совдепы. Таким образом голос благородного Императора войска не услышали: приказ опубликован не был. И напрасно. Возможно, призыв Государя, любившего Родину и армию больше всего на свете (как и свою Семью, если не больше), слушаться своих начальников удержал бы их на фронте, заразил бы той верой в победу, которой было исполнено сердце их Державного вождя.

Но произошло иначе. Могли ли солдаты верить военачальникам, которые предали Государя? Да и сами генералы не верили в успех. Один из них, уже в эмиграции, вспоминал:

«Не верили в славное будущее революционного переворота ни старшие чины в Ставке..., [ни] вся армия, ее солдатская масса, которая без Царя просто стала постепенно расходиться по домам... Никому, кроме Императора, русский солдат служить не захотел». А как же гражданская война, скажет образованный читатель? А сколько бывших солдат Императорской армии воевали на стороне красных? Да, много. Много солдат, а еще больше (в пропорциональном отношении) офицеров участвовало на

стороне красных. Солдаты, бывшие крестьяне, поверили посулам революционеров о том, что вся земля окажется в их руках, и стали драться за землю, отобранную у помещиков. Сжигали поместья, убивали помещиков и их семьи и сами стали участниками преступления. Что и требовалось революционерам, которым на крестьян (впрочем, как и на остальной народ) было наплевать. Так массы крестьянства стали пушечным мясом Третьего интернационала, которое не жалели и не жалеют новоявленные вожди русского народа.

* * *

Свыше восьмидесяти лет прошло с «проклятых дней февраля». Редкая книга, изданная в СССР, за рубежом и в «новой России» не называет Царя «кровавым», царствование Его — неудачным, а Его самого — бездарным. Что же было на самом деле? Думается, от власти Государя отстранили за то, что Россию Он привел к процветанию, а весной 1917 года — к победе, которая была не за горами. Государь сделал все, чтобы облегчить задачу и самозваному временному правительству, которое убеждало русский народ и себя в том, что оно-то и является выразителем его чаяний. На следующий день после прощального приказа Государя «благочестивое» Временное правительство арестовало Государя Императора и Его Семью. Чего оно добилось этим?

«Достаточно было одного дня после ухода от власти «безвольного» и «пассивного» Русского Царя, — писал в книге «Крушение Великой России и Дома Романовых» Н. И. Назанский, — чтобы заколебалось могучее здание государства и победившее ничтожество почувствовало себя над бездной, в которую скоро пало, увлекая за собой Россию».

8 (21) марта в Могилев прибыли четыре комиссара «временного правительства», чтобы препроводить Государя в Царское Село. Позавтракав в последний раз с Императрицей Матерью, Николай Александрович нежно попрощался с Ней и направился в свой вагон. Императорский поезд тронулся, навсегда увозя Императора из Ставки. С Марией Феодоровной, Вдовствующей Императрицей, ни Государю, ни Его Семье встретиться больше не доведется никогда.

Тем временем адская мельница продолжала свою работу, о чем свидетельствовала «Петроградская газета»:

«Телеграмма генерала Алексеева из Ставки»

Генерал Алексеев прислал из Ставки председателю совета министров и военному министру следующую телеграмму:

«9-го марта все чины могилевского гарнизона и вверенного мне штаба приняли присягу на верность Отечеству и новому государственному строю. Считаю долгом доложить, что все чины гарнизона и штаба готовы искренно приложить все силы и умение, дабы совместной работой в правительстве

служить на благо дорогой России и, прежде всего, достигнуть главной цели — победить ненавистного нашего врага. Выражаю твердую веру, что с помощью Божиею новое правительство, ответственное перед всей Россией, внесет успокоение стране, наладит могучую работу тыла и окажет армии мощную поддержку, дабы обеспечить ей возможность скорей достигнуть окончательного часа победы.

Подписал: Алексеев»

Зловеще звучит следующее сообщение газеты:

«Совет рабочих депутатов об аресте Николая II»

«Вчера (10 марта 1917 г.) состоялось заседание совета рабочих и солдатских депутатов в зале Михайловского театра.

Первым был выслушан доклад Н.Д.Соколова от исполнительного комитета об аресте отрекшегося императора. Докладчик довел до сведения совета рабочих и солдатских депутатов о том, что Временное правительство намеревается отправить низложенного царя в Англию и уже вступило по этому поводу в переговоры с английским правительством.

Исполнительный комитет узнал об этом случайно и признал, что такими действиями Временное правительство нарушает договор, заключенный им с исполнительным комитетом.

Для того, чтобы не допустить отъезд царя из России, исполнительный комитет распорядился отправить в Царское Село свою комиссию вместе с военными частями, которые окружили царскосельский дворец. Сделав это, исполнительный комитет вступил в переговоры с временным правительством, которому пришлось санкционировать решение исполнительного комитета».

Это сообщение опровергает утверждение современного американского писателя Р. Масси, будто бы, арестовав Императора и Его Семью, Временное правительство заботилось о его безопасности. Если оно согласилось с исполкомом в том, что не следует допустить выезда Царской Семьи за границу, оно как бы одобряло дальнейшие шаги немецких ставленников.

Преступники имеют обыкновение сваливать свою вину на других. Об этом свидетельствовал Роберт Вильтон, петроградский корреспондент лондонской газеты «Таймс» 4 (17) марта 1917 года:

«Петроград. Четверг. Утро.

Нынешним утром город совершенно спокоен. Сильны антигерманские настроения. Население охотится за высокопоставленными лицами с пронемецкими симпатиями или немецкими именами.

Престарелый граф Фредерикс, чей дом был разграблен вчера, был обнаружен скрывающимся и доставлен в Думу.

Солдаты и обыватели давно охотились за княгиней Клейнмихель, которая подозревается в том, что она немецкая шпионка. Ее нашли укрывающейся в китайском посольстве.

Вчера из окна своей квартиры стрелял по солдатам барон Штакельберг. Его вытащили из дома, притащили на набережную и тотчас казнили... Благодаря решительной и организованной помощи Преображенского полка <командиром одного из батальонов которого в бытность свою Наследником Цесаревичем был Государь>, страна была освобождена от цепей старого режима, не будучи ввергнутой в пучину гражданской войны».

(Текст отречения по-английски был опубликован в «Таймс» 19 марта на с. 10.)

"Россия перед Вторым Пришествием". С. 219.

"Русская Летопись". Париж. Кн. 3. 1922. С. 87-88.

Глава семнадцатая

ОТКРОВЕНИЯ «ДОБРОХОТОВ»

Сидней Гиббс, всего несколько месяцев назад приобретший «Новую школу языков» Притчарда, расположенную в красивом, украшенном лепниной доме № 96 по Невскому проспекту, был занят по уши. Из-за поездок в Царскую Ставку, где он занимался английским языком с Наследником, в Питере у него накопился ряд неотложных дел. Хотя помощники англичанина были людьми надежными и порядочными, некоторые вопросы следовало решать ему самому. Уладить ли вопрос с преподавателями, решить ли вопрос о денежных компенсациях в связи с некоторым падением уровня жизни — все это ждало его попечения.

Но сердцем он рвался в Царское Село, где ему всегда были рады — и Великие Княжны, в особенности, шаловливая Анастасия Николаевна, и Наследник, с которым он особенно подружился во время пребывания на Царской Ставке, как, следом за Государем, любил говорить и Алексей Николаевич. Неизменно приветливо встречала англичанина и Государыня Императрица. В последнее время она немного сдала, в роскошных золотисторыжеватых волосах ее появились седые пряди. Подлое убийство Григория Ефимовича Распутина, к которому вся Семья, в том числе и Дети, были привязаны, нанесло Императрице ощутимый удар. Особенно же ее угнетало то обстоятельство, что в действительности удар был направлен на нее самое. Английское общество Петрограда представляло собой сплоченный кружок, поэтому все его члены хорошо знали друг друга и информировали обо всем, что представляло общий для них интерес. Как к генералу Хенбери-Вильямсу, так и к Роберту Вильтону, корреспонденту «Таймс», Сидней Гиббс относился с должным уважением. Но как, оказывается, можно ошибиться в человеке. Гиббс был неприятно поражен, когда Вильтон, первым узнававший обо всех важных событиях, со злорадством в голосе сообщил по телефону:

«Добрались, таки, до него». Гиббс понял, о ком идет речь. Новый, 1917 год, начался для него с разговоров о смерти Распутина. Вильтон успел обзвонить всех членов английского общества Петрограда.

Министр внутренних дел Царского правительства предупредил Императрицу о том, что раскрыт заговор против нее и Анны Вырубовой. Некий господин являлся во дворец 22 раза с целью увидеться с Государыней Императрицей. Ему, естественно, было отказано. Предложение госпожи Ден передать его прошение через нее господин отклонил.

В ту ночь был предательски убит Григорий Распутин. Сидней Гиббс не разделял отношения как светской черни, так и обывателей к Распутину, как представителю «темных сил». Для него это был простой русский крестьянин, очень умный, хотя и себе на уме, преданный Царю и Его Семье. Добрый и щедрый. Деньги, которые ему давали за разные услуги состоятельные люди, он отдавал беднякам, обращавшимся к нему за помощью. Без сомнения, Распутин был наделен даром прорицателя. Он предчувствовал и свою смерть. Проезжая на санях в обществе своих почитательниц мимо Петропавловской крепости, старец пророчествовал: «Я вижу много замученных. Не отдельных людей, а толпы. Я вижу тучи трупов; среди них несколько Великих Князей и сотни графов. Нева будет красна от крови». Неужели предсказание отца Григория сбудется?

Обстановка в Петрограде, еще недавно спокойная, накаляется. По всему городу остановились трамваи. Рабочие, видно, действовавшие по определенному плану, поднимались в вагоны, отбирали у вагоновожатых ключи. Но и интеллигенция, и состоятельные горожане были настроены враждебно по отношению к Царской власти. Этого Гиббс не мог понять. С плакатами «Долой самодержавие» по Невскому шли не только рабочие и солдаты, но и так называемая «чистая публика». Как человек, наблюдающий русскую жизнь как бы со стороны, так как он являлся подданным его величества Короля Георга V, Сидней Гиббс четко просматривал в действиях недовольных работу германской пропаганды. Без Царя армия развалится, и гуннам [немцам] будет очень просто захватить и Петроград и даже Москву. А затем — диктовать собственные условия мира. Напор германских войск на французов и англичан возрастет неимоверно. И неизвестно, чем дело кончится.

В понедельник 27 февраля по старому стилю, все еще принятому в России, происходит немыслимое ни в одном цивилизованном государстве, каковым намерена стать и Россия. Из тюрем освобождены как политические (их единицы), так и уголовные (их подавляющее большинство) преступники. Естественным следствием этой акции стал пожар в Окружном суде.

Революционеры замечают следы. Стало известно, что многие из них, в том числе редактор большевицкой «Правды», были осведомителями Охранного отделения. Хрусталева-Носарь, уже с полгода просидевший в Петропавловской крепости, по всем сведениям, сумасшедший, после того,

как его выпустили, воскликнул, обращаясь к своим освободителям: «Товарищи, идите в Окружной суд, сожгите их гадкие дела, там есть и мое». Сказано — сделано. В войсках, расквартированных в Петрограде, восстание. Убиты офицеры, командиры полков и генералы. Приняв японского посла за офицера, убили и его. Стало известно, что толпа матросов, приехавших из Кронштадта, идя по набережным, сбрасывала на лед всех, кто им не понравится или смело посмотрит в глаза.

Появился и «манифест» Цека эсдеков — явных агентов германского генштаба: «Надо войти в сношения с пролетариатом воюющих стран против своих угнетателей и поработителей... для немедленного прекращения человеческой бойни, которая навязана поработленным народам». Копию «манифеста» Гиббс сохранил на память.

На Среднем проспекте Васильевского острова и на соседних с ним линиях вывешены красные флаги: белая и синяя полоса оторваны, остался узкий красный лоскуток. Зловещее предзнаменование: от русского общества и страны останется лишь одна треть. Дворник у ворот горюет: «Кругом одни солдаты, нет у них старших. Ни к чему хорошему это не приведет».

Из Ораниенбаума прибыли пулеметные полки — Первый пулеметный запасной, Второй пулеметный и другие части. К ним присоединились артиллерийские части и броневики — так называли команды бронемашин. — Не туда едете, братцы! — крикнул им солдат на костыле. — Немец-то под Двинском!

В ответ солдаты тупо улыбались. Один, до которого дошел оскорбительный смысл реплики, ответил, зло щерясь:

— Молчи, дядя, в тряпочку, а то и вторую ногу сломаем!

Несколько рот Измайловского полка, конная артиллерия и часть правительства укрепились в зданиях Адмиралтейства. Однако гарнизон Петропавловской крепости, переметнувшийся на сторону мятежников, пригрозил обстрелять Адмиралтейство из крепостных орудий, и солдаты сдались. Министры сумели скрыться. Арестованы директор Морского Кадетского корпуса адмирал Карцев, министр Щегловитов. Немцы на Двине, у Риги, в каких-то двадцати переходах от Петрограда, а в столице — разговоры об изъятии земель у землевладельцев, об отмене всех чинов, привилегий, об отмене дисциплины в войсках.

Сидней Гиббс вспомнил цитату из Евангелия от Марка: «Если царство разделится само в себе, не может устоять дом тот» (Марк, 3, 24, 25). Учитель английского языка попытался восстановить ход событий.

Бунт начался с того, что лавочники припрятали хлеб. Самозванное Временное правительство прежде всего ввело карточки на хлеб. Страшные вести из Кронштадта. Офицеров убивают. Убит адмирал Вирен и ряд других начальствующих лиц. Накупив уйму газет, Гиббс стал искать сообщений о судьбе Государя, ехавшего к Своей Семье в Царское. Выяснилось, что у Наследника корь, температура поднялась до 39,0 С. Он заразился от кадет, приехавших к нему, по обыкновению, в гости поиграть. Бедный ребенок!

Вслед за ним захворали и три Великие Княжны. Лишь Мария Николаевна еще держится, помогает Государыне. Запасные батальоны Павловского, Преображенского и других гвардейских полков примкнули к волынцам, поднявшим руку на своих офицеров. Затем сработал «принцип домино». Поезд Государя задержали. Он повелел повернуть поезд в сторону Пскова, полагая, что Рузский поддержит его. Рузский, как выяснилось, вместе с другими главнокомандующими фронтами готовил отречение Государя. «Почин» в этом недостойном деле, как и следовало ожидать, принадлежал Великому Князю Николаю Николаевичу. Увы, и другие Романовы оказались не на высоте. Великий Князь Кирилл дважды нарушил клятву Царю. Более того, в «Петроградской газете» от 9 марта 1917 года была опубликована беседа корреспондента газеты А. Тонского с Великим Князем Кириллом Владимировичем под заголовком «Характеристика свергнутого императора как монарха, главнокомандующего и семьянина»:

Экс-император в качестве семьянина.

Могу вам сказать, что бывший император был редкий в наши дни семьянин. Его отношение к Александре Феодоровне и детям носило чисто патриархальный характер. С этой точки зрения бывший монарх не заслужил никаких упреков. Его забота и любовь к семье не имели никаких границ. Вот почему, мне кажется, он так слепо доверял своей супруге. Совершенно неверны слухи, одно время довольно распространенные в обществе, относительно испортившихся отношений между Николаем Александровичем и Александрой Феодоровной. Они ни на чем не были основаны. Наоборот, в качестве одного из ближайших их родственников, заявляю, что со дня их свадьбы его чувство любви к бывшей императрице росло. Также безгранично Николай любил своих детей.

Николай — император

Я уже сказал, что любовь к супруге вызвала слепое доверие к ней. Александра же Феодоровна, как человек сильной воли и определенного взгляда на Россию, буквально захватила всю власть в свои руки. Без ее ведома ни один план, ни одно намерение не получало санкции. Мы, члены и ближайшие родственники этой семьи, подчас собирались и говорили между собой о растущем в стране недовольстве и неминуемой в государстве революции. Для нас она была вполне ясна. Но всякий раз, когда мы предупреждали Николая относительно грозящей родине и династии опасности, он нам, мило улыбаясь, говорил: — Я лучше вас знаю народ и страну, где я царствую уже двадцать с лишком лет.

Недавние события, которые мы предвидели — говорю это без всякой рисовки — показали, кто из нас был дальновиднее. Желая быть точным, я, — продолжал Кирилл Владимирович, — сошлюсь на два события, мало известные широкой публике.

Во второй половине прошлого года, ценя высокие личные качества, широкий ум, знания и популярность бывшего главы морского ведомства адмирала И. К. Григоровича, Николай поручил ему составить список совета министров, а ему, адмиралу, самому занять пост председателя того же состава.

Адмирал Григорович привез в Могилев список, в состав которого вошли некоторые министры нынешнего правительства, как, например, князь Г. А. Львов и А. И. Гучков. Узнав об этом «ужасном» составе правительства, Александра Феодоровна сделала все, чтобы помешать его утверждению, и она добилась своей цели. Так рухнула в то время благая идея.

Между тем, получи этот проект тогда осуществление, страна бы избежала только что пережитого переворота, все без различия классы населения удовлетворились бы, а сам Николай приобрел бы популярность, которой ему так сильно недоставало.

Второй пример. После убийства Распутина, в котором, кстати, Дмитрий Павлович не принимал непосредственного участия, Александра Феодоровна, не имея на то никакого права, приказала арестовать и отправить Дмитрия Павловича на персидский фронт, зная наперед, что она со стороны мужа не встретит никаких к тому препятствий.

Казалось бы, раньше, чем применить к Дмитрию Павловичу такое ужасное наказание, следовало бы Николаю позвать обвиняемого, расспросить его обо всем и только тогда применить то либо иное наказание. Если Дмитрий Павлович в чем-нибудь и виноват, то разве в том, что он знал о покушении на того мужика, который везде и всюду ронял достоинство не только семьи бывшего императора, но и всех нас. С пьяных глаз Распутин распускал такие слухи, от которых мы все приходили в ужас.

И вот невинный молодой Дмитрий Павлович без допроса, без суда и следствия был схвачен у себя дома, на Невском, и по приказанию Александры Феодоровны отправлен в Персию.

Мы, видевшие все ужасное зло, не раз задавались вопросом: не является ли экс-императрица агентом и союзником Вильгельма? Но всякий раз старались от себя гнать такую ужасную мысль. Вот Распутин, тот, конечно, был способен предать себя немцам и сообщать им все, что здесь происходило. Недаром же в Германии были великолепно осведомлены обо всем, включая даже и планы действий царствовавшей семьи. Все это заставляло думать, что власть всецело перешла в руки Александры Феодоровны, этого злого гения России и собственной семьи. За могучей спиной властолюбивой женщины совершенно стусевалась непривлекательная личность бывшего императора.

Теперь перейду к вопросу о том, почему и как Николай принял верховное командование в армии.

Николай — Верховный Главнокомандующий

Единственной причиной решения принять на себя обязанности бывшего верховного главнокомандующего была боязнь со стороны Николая популярности в действующей армии Николая Николаевича. Все мы знали и

знаем, насколько бывший царь мог оказаться на высоте верховного главнокомандующего и исправлять все то, что привело к отступлению из Галиции, сдаче Варшавы и Литвы.

Но, повторяю, опасность перед лишением трона и растущей в армии популярности Николая Николаевича заставила бывшего царя против воли своего предшественника на посту главнокомандующего удалить Николая Николаевича и встать самому во главе действующей армии...»

Сиднея Гиббса возмутила явная ложь Великого Князя. И Варшаву, и Литву отдали при Николае Николаевиче. Именно сдача польской столицы заставила Императора сменить его на посту Верховного Главнокомандующего. «Мели Емеля — твоя неделя», — вслух произнес англичанин.

«...Николай полагал, что его «популярность» в армии подымет ее дух. Но напрасно... «Популярность» эта была подтверждена событиями, показавшими, на чьей стороне армия.

За последнее время упорно говорили, что Николая спаивают. Возможно, что это и было так, но во время одного из разговоров с экс-царем я услышал от него следующую фразу:

— С началом войны я бросил пить».

Сидней Гиббс, только что пришедший с улицы, где стояла по-зимнему холодная погода, прихлебывал крепкий чай. При этих «откровениях» Великого Князя честный англичанин едва не поперхнулся. Уж он-то знал, что за обедом Государь Император выпивал рюмку портвейна, не более того. Для чего же потребовалось Великому Князю клеветать на своего двоюродного брата? Уж не затем ли, чтобы окончательно его скомпрометировать. Похоже, весь этот переворот — дело рук таких вот «скверноподданных». Но плодами своего предательства им едва ли придется воспользоваться.

Англичанин решил до конца дочитать «показания» Великого Князя:

«Новые перспективы»

Но прочь недавнее мрачное прошлое. Забудем то, что принадлежит уже истории и перейдем к радостному и светлому будущему. Будем откровенны. Все, что произошло в последние дни, объясняется только тем, что все, начиная с нас, великих князей, и кончая дворниками, наглядно видели, куда Николай, подпавший под влияние супруги, в единении с ней, ведет Россию. Вот почему, без всякого сговора, без всякой агитации, все добивались того, чтобы избавиться от подобных правителей.

Скажу без всякой лести, что нынешнее правительство заслуживает поддержку всех слоев общества, без различия их политических воззрений. С другой стороны, весь мир должен преклониться перед величием русского народа, сумевшего в одну неделю совершить почти бескровно величайший

переворот, от которого можно ожидать самые благие последствия. Не мы, русские, должны воздвигнуть памятник свободы, а весь мир должен, оценив все значение великого переворота, построить памятник неоцененной до сих пор России.

Арест Николая

— Как вы оцениваете арест Николая? — спросил А. Тонский Кирилл Владимировича. Тот ответил:

— Могу вам сказать, что исключительные обстоятельства требуют исключительных мероприятий. Вот почему лишение Николая и его супруги свободы оправдывается событиями, происходящими в России. Наконец, правительство имело, по-видимому, достаточно поводов, чтобы решиться на эту меру.

Как бы то ни было, но мне кажется, что никто из нас, принадлежащих к семье бывшего Императора, не должен теперь оставаться на занимаемых ими постах».

Сидней Гиббс, последние десять лет живший бок о бок с Царской Семейей, знал, что Великий Князь не лукавил, когда говорил корреспонденту «Петроградской газеты» о той любви, которая царила между Августейшими супругами и детьми. Все же остальное — ложь и клевета. Причем, клевета *преступная*. Недаром Морис Палеолог, французский посол, превосходно изучивший историю собственной страны, писал: «Кто знает, не послужит ли скоро эта коварная инсинуация основанием для страшного обвинения против несчастной царицы». Он имел в виду слова Кирилла: «Не является ли экс-императрица агентом и союзником Вильгельма». Подобные мысли возникали и у графа Бенкендорфа и его пасынка князя Василия Долгорукова, хорошо изучивших благородные натуры своих Августейших хозяев. Единственной нитью, связывавшей узников с внешним миром, были, по существу, газеты, которые оба штудировали от начала до конца. В газетах было столько грязи, что граф готов был подвесить журналистов за их длинные и ядовитые языки.

* * *

С того времени, как Лили Ден, покинув Петроград, приехала в Александровский дворец, чтобы остаться с обожаемой Императрицей и ее Семейей, прошло всего лишь несколько дней. Арестованную вместе с Анной Вырубовой приближенную к Царской Семейей повезли в дом предварительного заключения с вокзала. В окно закрытой кареты, в которую их поместили, обе женщины внимательно разглядывали улицы и людей. Лили пришла в ужас. Она не узнавала Петроград. Куда подевался его мирный, благовоспитанный облик! Теперь он походил на забулдыгу, только что вышедшего из запоя. Повсюду красные тряпки. Возле булочных — длинные хвосты явно раздраженных обывателей. Забыв о своем бедственном положении, Анна

Александровна наивно обрадовалась:

— Видите, Лили? После революции стало ничуть не лучше.

Показав глазами на охранников, Лили Ден дала ей знак замолчать. Карета застряла в куче грязного снега. Едва выбравшись, застряла в другой: улицы давно не расчищались дворниками.

Ни одного городского на улицах. Закон и порядок перестали существовать. На углах улиц собирались группами странного вида личности, слонявшиеся без дела. Так вот почему Петроград приобрел местечковый вид! — догадалась Лили Ден.

«Народ Мой глуп — не знает Меня... Между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей... И народ Мой любит это... Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их; ибо они слов Моих не слушали и закон Мой отвергли. (Иер. 4, 22; 5, 26; 6, 19)».

Такого же мнения о столице, какое сложилось у Лили Ден, были и те, кто давно не бывал в Петрограде.

Получив отпуск, Эраст Николаевич Гиацинтов с фронта поехал в Москву, где повидал родных и откуда направился в Петроград. Боевой офицер свидетельствовал:

«На меня Петербург произвел в это посещение ужасающее впечатление. Невский, блистательный Невский проспект был заплеван семечками... Вместо бравых городских в черных шинелях с красными шнурами для револьверов стояли какие-то «милостивые государи» в обмотках, распоясанные, нечесанные и производили удручающее впечатление».

* * *

О том, что происходит в стенах Александровского дворца, Сидней Гиббс мог узнавать лишь из газет. «Петроградская газета» сообщала:

«Бывшая резиденция бывшего царя превратилась в его почетную темницу. И не он один является узником в Александровском царскосельском дворце. Не говоря уже об Александре Феодоровне, и сын низложенного монарха Алексей, и все дочери его фактически лишены свободы. Правда, они в настоящее время больны, но по выздоровлении вряд ли представится возможным предоставить сейчас же полную свободу им, лицам, связанным столь близкими узами крови с низложенной царской четой. По крайней мере, граждане и военные в Царском Селе категорически заявляют:

— Мы считаем опасным для дела свободы и борьбы с внешними врагами беспрепятственное разгуливание по России и за границей членов семьи Николая Романова. Народ, столько вытерпевший от тирании, имеет право быть осторожным... Восставший народ отнесся к Николаю II великодушнее,

чем он относился к народу.

Во дворце семье Романовых отведено несколько комнат, в которых они полные хозяева. Они лишены только права пользоваться телеграфом и телефоном, у которых поставлен караул. Точно так же запрещено царю и его жене выходить из отведенных им комнат в другие, посылать без особого контроля охраны письма и записки, а также принимать тех или иных лиц без разрешения. Глубокая тишина, изредка нарушаемая тихим говором или размеренными шагами Николая, стоит в занятой им половине. Низложенный царь целыми часами ходит взад и вперед в полной задумчивости. Два-три раза в день он выходит в сад, где под бдительным надзором часовых прогуливается по расчищенной от снега тропинке. Он очень бледен, брови нахмурены, но в общем заметно, что <он> освоился уже с своим положением и гораздо меньше нервничает, чем в первые дни своего пребывания в Александровском дворце.

Изредка Николай Романов пытается вступить в разговор с чинами караула.

Он обратился к часовому с красной ленточкой в петлице:

— Что это за ленточка?

— Знак народной победы, господин полковник! — отчеканил солдат сводно-гвардейского батальона <который совсем недавно охранял Государя и его семью от злоумышленников>.

Низложенный монарх сжал губы и заметным усилием воли потушил сверкающий в глазах гневный огонек».

«Еще бы Государю было не гневаться: он желал помочь России избежать междоусобной войны, а его добрые намерения рассматривают, как капитуляцию перед противником», — подумал англичанин. Репортер продолжал:

«Александра Феодоровна с переворотом мирится менее, чем ее муж. Она часто громко рыдает, и врачу то и дело приходится принимать меры против сильных истерических припадков.

Изредка слышатся ее довольно резкие «выговоры» на английском языке супругу, которого, как говорят, она упрекает в слишком поспешном отречении от престола.

А между тем в день прибытия бывшего царя Александра Феодоровна с горьким плачем бросилась к нему на грудь и говорила:

— Прости меня! Я виновата в том, что случилось...

— Нет, это моя вина, — успокаивал ее Николай.

Теперь она, по-видимому, склонна во всем винить кого угодно, но только не себя. Сын Николая, как и дочери, поправляется от болезни. Алексей еще не отдает себе полного отчета в происшедшем, так как родители, щадя его слабое здоровье, стараются не огорчать сына заявлением, что царствовать ему уже не придется. Но многое его наводит на мысль, что случилось что-то непоправимо роковое. Он то и дело задает вопросы:

— Почему к нам не приезжают ни министры, ни генералы? Отчего у нас так тихо? Скоро ли мы опять поедем на войну?

Ответы его не удовлетворяют, и он часто раздражается. В юном бывшем цесаревиче чувствуется деспотическая жилка. Когда у Вырубовой нечаянно вырвалась в разговоре фраза: «Караульный начальник не разрешает», Алексей раздраженно крикнул:

— Пусть только посмеет! Я его прикажу расстрелять.

К счастью для России, юнец с такими многообещающими задатками на трон не сядет... Все население этой местности и весь гарнизон счастливы, как и вся Россия, одержанной над одряхлевшим самодержавием блестящей победой.

В Царском Селе хоронили одного преданного слугу Николая, гоф-курьера В. В. Шалберова. В день прибытия Николая Романова кто-то пришел к Шалберову и выпалил:

— Царя привезли арестованным, под конвоем!

Воспитанный в трепете и благоговении, он был так потрясен этой вестью, что тут же скончался от разрыва сердца.

Но великий русский народ, слава Богу, не мыслит, и не чувствует, как гоф-курьер!»

Увы вам бедные русские люди! Вам следовало бы позавидовать скоропостижной смерти Шалберова. Они еще не ведают, на какие беды они обрекли себя, отрекшись от своего Императора. Ибо не Император отрекся от престола, а изменники отреклись от Царя, клятвопреступно нарушив всенародную клятву 1613 года.

Обер-гофмейстер граф Бенкендорф, хорошо изучивший Наследника, был возмущен клеветой, воздвигнутой щелкопером на Царственного отрока. Он знал, что ребенок очень умен, наделен сильным характером и добрым, любящим сердцем. Если бы Господь даровал ему долгую жизнь и избавил его от недуга, который обычно проходит с возрастом, то Цесаревич сыграл бы важную роль в деле возрождения многострадальной Родины. Ведь он законный Наследник Престола, характер его сложился в горниле невзгод, выпавших на долю его родителей. Лишь бы удалось вырвать его из лап фанатиков. Но на все воля Божья.

— Валя, не следует передавать Государю все газеты, которые приносят во дворец, — обратился к князю Долгорукову престарелый обергофмаршал. На многое у них были общие взгляды, хотя в деталях они могли и расходиться.

— Ваше сиятельство, — согласился князь.— Я уже успел просмотреть газеты. Полагаю, что нужно передавать Государю те, в которых содержится информация, пусть даже не всегда ему приятная. А вот такие, с позволения сказать, «материалы» — видеть ни к чему ни Государю, ни Ее Величеству. Вы только взгляните, что позволяет себе «Петроградская газета»:

«...В один прекрасный день в Царскосельский дворец в покои Александры была доставлена большая бочка.

Гришка, находившийся в это время при Александре, объяснил ей, что бочка доставлена по его, Гришкину, приказу.

В том, что произошло дальше, Гришка не стеснялся сам под пьяную руку рассказывать своим друзьям.

Гришка сказал бывшей царице:

— В этом бочонке, Шурочка, понимаешь, вино, да такое, что ежели ты, значит, будешь давать его пить Николаю, то он все тебе будет делать. Ну, на манер, знаешь, приворотного камня. У нас на деревне и все так... Чтоб мил-дружка привязать, надо такого дурмана дать... Ен (Николай) не помрет, а так, знаешь, добрей станет: что ни скажешь, все сделает...

«Шурочка» с минуту подумала и сказала:

— Ладно, Гриша, дадим Николаю... Пусть попивает на здоровье.

Пил или не пил Николай II тот дурман, но факт тот, что он стал еще послушнее, и царица была бесконечно признательна милому Грише».

— Ваше сиятельство, — пожал плечами князь, — заметка настолько глупая, что никто не поверит. «Бочка доставлена в покои». Ну, что за глупость! Да еще и неостроумная!

— Так ведь и «революция» построена на лжи и глупости, — возразил граф Бенкендорф. — И еще — на преступлении. Против народа и армии.

После своего отречения Император стал официально называться «гражданин Романов». Часто его называли (особенно военные чины) полковником Романовым. Прежде избегавший бесед на политические темы, Государь теперь нередко обсуждал военную и политическую ситуацию с оставшимися во дворце графом Бенкендорфом и его пасынком князем Долгоруковым. Однако, по укоренившейся привычке, граф и князь часто беседовали одни. Так было и на этот раз.

Печать после переворота, по выражению князя, страдала «недержанием речи». При этом Василий Александрович ставил ударение на последний слог. Однако в паутине лжи и сплетен можно было найти и правду.

— Валя, вот свидетельство того, что русской армии больше не существует.

Недаром Государыня Императрица, узнав об отречении Государя Императора, сказала: «Теперь для России все кончено».

— О чем вы, ваше сиятельство? — спросил князь Долгоруков у графа Бенкендорфа.

— Ты еще не читал «Декларацию прав солдата-гражданина»? Бывший военный министр Поливанов, говорят, ее составил.

— Поражаюсь пронизательности Ее Величества, — прервал графа князь Долгоруков, по привычке грассируя. — Ведь она давно предостерегала Государя от того, чтобы доверять этому генералу.

— Да, — кивнул головой обергофмейстер. — Только предатель Государя и России способен на такое. «Общие права солдат» — гласит постановление общего собрания совета солдатских депутатов. Но мне доподлинно известно, что документ действительно разработан Поливановым. Солдаты пользуются всеми правами граждан. Каждый солдат имеет право быть членом любой

политической, национальной, религиозной, экономической или профсоюзной организации общества или союза. Каждый солдат имеет право свободно и открыто высказывать и исповедовать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

— Одни права и никаких обязанностей, — пожал плечами Долгоруков. — Впрочем, какие могут быть обязанности у тех, кто изменил присяге, изменил Государю.

— Напрасно ты, Валя осуждаешь солдата, — возразил старик. — Во всем виновны изменники-генералы. А солдат — это серая скотинка. Куда ему прикажут, туда и пойдет. Прикажут — в штыки, прикажут — на собрание. — Генералы — генералами, — покачал головой князь, — но не обошлось и без солдат запасных батальонов, скопившихся в Петрограде. Разве не волынцы выступили против верных Государю частей? Неохота им было на фронт отправляться, вот они начали бузу.

— Вся беда в том, что эти солдаты давно были распропагандированы революционерами всех мастей — красной, черной и желтой. Да и какие это преображенцы? Какие это семеновцы? В эти полки всегда направляли крестьянских парней. А «поливановский» набор — из городского сброда, который давно развращен и распропагандирован.

— Увы, настоящая гвардия — цвет русского офицерства и нижние чины давно погибли на полях сражений Великой войны. И во многом в том повинна политика господ из Генерального штаба.

— Да, разыграно словно по нотам. Тут и союзники руку приложили. Мистер Бьюкенен давно вел подрывную работу против Государя. Его Величество даже пригрозил в свое время, что потребует от британского правительства отозвать посланника. Ты, знаешь, чем это пахло? Разрывом дипломатических отношений с Англией, то есть объявлением войны Англии. — Даже так?

— Хотя Государь и в лайковых перчатках, но рука у него стальная. Он умеет быть жестким. Сэр Джордж мигом поджал хвост. Однако подлую свою работу не прекратил. В лице толстяка Родзянко он нашел верного союзника. На совещании союзников было решено закончить войну в нынешнем, 1917 году. Сам Родзянко признался, что если Россия победит с Государем во главе армии, то власть его станет настолько прочна, что ни о каком перевороте не может быть и речи.

— Вот оно что! — воскликнул Долгоруков. — Не быть тому! Вырвать победу из рук Государя? Из рук Помазанника Божия? Не будет им никакой победы! — с волнением в голосе продолжал князь.

— Эти клятвopеступники отвернулись и от Бога! — произнес граф Бенкендорф, которому передалось возбуждение пасынка. — В этой гнусной «Декларации» говорится, что обязательная общая молитва отменяется. Наравне с прочими ограничениями свободы религий.

— Какие еще ограничения? — продолжал возмущаться Долгоруков. — В армии большинство православных. Кто когда ограничивал свободу религий?

Никто не мешал мусульманам отправлять свой намаз. Знаю, кто воду мутит. Знаю, кто желает всех обратить в свою веру.

— Кому же будут провозглашать на молитвах здравицу?

— Как кому? — невесело усмехнулся князь. — Известное дело, кому — «благоверному» временному правительству. Ведь так теперь звучит новая формула.

— Увы, иерархи церкви тоже предали Государя, — печально проговорил Бенкендорф. — Этого великого заступника Православной веры. Ведь его иждивением существовали церкви и в Сербии, и в Болгарии, и в Ливане, и в Палестине.

— Но разве арабы — не мусульмане? — невольно смутился князь.

— Большинство — да, мусульмане, — кивнул Бенкендорф. — Но много и православных арабов. Ведь в странах Ближнего Востока по указанию Государя были созданы школы для бедных арабских детей. Учили их, поили кормили на Государев счет. Единственное условие, чтобы дети изучали русский язык и православный катехизис. Многие по доброй воле принимали христианство. Увы, не православные, а католические священники пригрозили своей пастве отлучением от церкви тем, кто станет бунтовать против Государя.

— Какой стыд! А православные пастыри поддержали бунтовщиков! Да еще и всенародно признались в своем предательстве. Ты это еще не видел? И князь Долгоруков показал отчиму номер «Петроградской газеты» от 10 марта, где было опубликовано

«Послание Святейшего Синода»

Божией милостью Святейшего правительствующего Синода верным чадам Православной Российской Церкви

Благодать вам и мир да умножатся (2 Петр. 1, 2)

Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу Великую Родину счастьем и славой на ее новом пути.

Возлюбленные чада святой Православной Церкви.

Временное правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением.

Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных Россиею на защиту от врага, ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо Родины, доверьтесь Временному Правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и

повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы.

Святейший Синод усердно молит Всемилостивого Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Правительства, да дает ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного устройства.

Смиренный Владимир митрополит киевский

Смиренный Макарий митрополит московский

Смиренный Сергей архиепископ финляндский

Смиренный Тихон архиепископ литовский

Смиренный Арсений архиепископ новгородский

Смиренный Михаил архиепископ гродненский

Смиренный Иоаким архиепископ нижегородский

Смиренный Василий архиепископ черниговский

Протопресвитер Александр Дернов».

— Теперь в молитвах поминают не «благочестивейшего, самодержавнейшего великого Государя нашего», а «благоверное Временное правительство», — заметил граф. — Тут уж ничего не попишешь.

— И вы, ваше сиятельство, их не осуждаете? — удивился князь Долгоруков, перескакивавший с «ты» на «вы».

— Сожалею, но не осуждаю. Зато осуждаю наших союзников. Разве не с одобрения английского посла появляются в печати корреспонденции мистера Вильтона. Послушай, что он пишет.

«Наконец-то пресса свободна. После недельного перерыва возобновился выход ежедневных газет. Продавцов газет осаждают. Свои газеты издают социалисты и солдаты. Тон новой, неподцензурной печати неизменно патриотичен. Характерной чертой основных газет является упор на необходимости продолжать войну, верности по отношению к союзникам».

— Ну, как же, им нужен «русский паровой каток»! — усмехнулся князь. — Да только пар-то из катка выпущен...

— Никак не оставят Государыню в покое, — возмущался старик. —

Императрица, дескать, была настроена против союзников и прогермански.

«Монархическая» Англия дышит ненавистью к русскому монарху. А вот республиканская Франция ведет себя лояльно. Надо показать это Государю. Ему будет любопытно узнать мнение французов о том, что произошло:

«Царское Село. 16 марта 1917 г. Из «Журналь де Деба» № 77 (18.03.17):

«...Нужно радоваться, что он <Государь> убедился в том, что сопротивляться не надо. Он уберег этим Россию от революционных беспорядков, последствий которых, в разгар общеевропейского кризиса, невозможно было бы учесть. Как ни больно ему было расстаться с властью, которой он считал

себя как бы священным носителем и которую он проявлял по велениям своей совести, чтобы передать ее неподточенной своему преемнику, он должен был признать себя человеком другого века. Если у него сохранились еще иллюзии относительно чувств тех элементов, которые считались до сих пор столпами империи и самодержавия, он должен был потерять их в течение последних дней... Манифест, которым он слагает с себя верховную власть, являет собой благородство и высоту мысли, достойные восхищения. В нем нет ни тени горечи, ни упреков, ни сожаления. Николай II проявляет полное самопожертвование. В самых энергичных выражениях он желает России осуществления ее главных целей. Тем образом, каким он сходит с престола, Николай II оказывает своей стране последнюю услугу — самую большую, которую он мог оказать в настоящей критической обстановке. Очень жаль, что Государь, одаренный такой благородной душой, поставил себя в положение, которое не позволило ему продолжать править... О. Г. <Огюст Гавен> «

Ознакомившись с материалом, Император сказал Пьеру Жильяру, который дал газету Великой Княжне Татьяне Николаевне, что с удовольствием прочитал статью, автор которой старается быть справедливым по отношению к русскому Царю. Он добавил, что тон ее сильно расходится с тоном английских газет, обвиняющих Императора во всех грехах — мыслимых и немыслимых.

Получив «Петроградскую газету» с перепечатанной в ней статьей «О. Г.», Государь поблагодарил графа, но не сказал, что успел прочесть ее по-французски. Мсье Жильяр дал ее ему несколько дней назад.

Э.Н.Гиацинтов. Цитир. пр. С. 60.

Глава восемнадцатая **БУДНИ ДВОРЦА**

Хотя общий настрой печати был враждебным по отношению к Царю и Его Семье, находились и порядочные журналисты. Так, «Петроградская газета» писала:

«9-го марта в царскосельском Александровском дворце стало известно о прибытии бывшего императора с поездом в 11 часов 35 минут. Обер-гофмейстер граф Бенкендорф попросил дежурного офицера сделать распоряжение о присылке автомобиля к Царскому павильону Александровской ветки, куда в Царское Село должен прибыть бывший государь. У вокзала в ожидании стояла толпа. Царило гробовое молчание. Бывший государь был встречен на вокзале начальником царскосельского гарнизона и прапорщиком Вахнадзе. Бывший император вместе с князем Долгоруковым сел в автомобиль и отбыл в Александровский дворец. Бывший

император был одет в черкеску Терского казачьего войска (дикая дивизия) с башлыком на плечах.

Энергично пожав руку встретившего его графа Бенкендорфа, Николай почти вбежал на ступеньки лестницы...

Во время прогулки низложенный император одиноко ходил по заснеженным дорожкам сада. Перед этим он послал в караульное помещение своего камердинера, который передал собственноручно написанную телеграмму своей матери, Марии Федоровне:

«Приехал благополучно. Не беспокойся. У Марии тоже корь. Всех нашел в хорошем состоянии. Мысленно с тобой. Николай».

* * *

Чуть ли не в каждом номере петроградских газет печатались и свидетельства «борцов против самодержавия». Одним из таких «борцов» был Великий Князь Николай Михайлович, двоюродный дядя Государя — либерал-историк, который за свой либерализм будет расстрелян большевиками менее чем через два года после отречения Царя. Его частное письмо к Государю стало достоянием «общественности»:

«Великий Князь Николай Михайлович — бывшему царю»

«Ты неоднократно выражал Твою волю «довести войну до победного конца». Уверен ли Ты, что при настоящих тыловых условиях это исполнимо? Осведомлен ли Ты о внутреннем положении не только внутри Империи, но и на окраинах (Сибирь, Туркестан, Кавказ)? Говорят ли Тебе всю правду или многое скрывают? Где кроется корень зла? Разреши в кратких словах разъяснить Тебе суть дела.

Пока производимый Тобою выбор министров при том же сотрудничестве был известен только ограниченному кругу лиц,— дела могли еще идти; но раз способ стал известен всем и каждому и об этих методах распространилось во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немислимо.

Неоднократно Ты мне сказывал, что Тебе некому верить, что Тебя обманывают. Если это так, то то же явление должно повторяться и с Твоей супругой, горячо Тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному сплошному обману окружающей Ее среды. Ты веришь Александре Феодоровне. Оно и понятно. Но что исходит из Ее уст, есть результат ловких подтасовок, а не действительной правды. Если Ты не властен отстранить от Нее эти влияния, то, по крайней мере, огради Себя от постоянных систематических вмешательств этих нашептываний через любимую Тобой Супругу. Если Твои убеждения не действуют, а я уверен, что Ты уже неоднократно боролся с этими явлениями, постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой. Твои первые порывы и решения всегда замечательно верны и попадают в точку. Но, как только являются другие влияния, Ты начинаешь колебаться и последующие Твои

решения уже не те. Если бы Тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось утраченное Тобой доверие громадного большинства Твоих подданных. Все последующее быстро наладится само собой; Ты найдешь людей, которые, при изменившихся условиях, согласятся работать под Твоим личным руководством. Когда время настанет, а оно уже не за горами, Ты сам с высоты Престола можешь даровать желанную ответственность министров перед Тобой и законодательными учреждениями. Это делается просто, само собой, без напора извне и не так, как совершился достопамятный акт 17 октября 1905 года.

Я долго колебался открыть Тебе истину, но после того, как Твоя матушка и Твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, накануне эры покушений. Поверь мне, если я так напираю на Твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, которых у меня нет, в чем Ты уже убедился и Ее Величество тоже, а только ради надежды и упования спасти Тебя, Твой престол и нашу дорогую Родину от самых тяжких и непоправимых последствий».

Письмо это в свое время попало в руки Государыни. Прочтя его, Императрица написала супругу, находившемуся в Ставке: «Я прочла письмо Николая с полным отвращением.. Это, выходит, почти государственная измена».

«Ответственность перед Императором и законодательными учреждениями» — это поведение слуги двух господ. Ничего более безответственного, чем так называемые законодательные учреждения, то есть Государственная Дума, трудно представить.

Каким контрастом по отношению к откровениям либерала-историка, о котором «Ильич» вскоре скажет: «Революция не нуждается в историках», является статья французского журналиста, перепечатанная «Петроградской газетой»:

«Жертва Царя»

Париж, (4) 17 марта 1917 г. Комментируя манифест об отречении, «Либерте» называет его посланием, исполненным несравненного чувства достоинства и благородства...»

Не только Сиднею Гиббсу было любопытно узнать о Царской Семье, пленниках Царского Села, но и ее друзьям. И они ловили каждую строчку о ней.

«Узник Царского Села». Такую статью поместила «Петроградская газета» в своем номере от 4 июня 1917 года:

«Пошел четвертый месяц, как бывший царь Николай Романов и его семья находятся под арестом в Александровском дворце в Царском Селе. Все они проживают в левом крыле. В помещениях, расположенных в правом крыле,

находятся состоявший в свите бывшего царя князь Долгоруков, граф Бенкендорф, Нарышкина и Гендрикова, а также учитель бывшего наследника Деревенко...»

— Что за чепуха! — заметил князь Долгоруков, прочитав эти строки.— Уж не боцман ли Деревенько возведен этими горе-журналистами в ранг учителя?

«...Ежедневно царскосельских узников в Александровском дворце охраняет 178 человек солдат при трех офицерах. Караульные солдаты стоят у всех подъездов, ведущих в помещения бывшего царя, Александры Феодоровны и находящейся во дворце бывшей свиты царя.

Такая же охрана стоит также и у помещений, где находятся в заключении все слуги бывшего царя. Их несколько сот человек. Свидание с ними также не разрешается, и передача им вещей производится также с разрешения дежурного офицера. Через кухонный подъезд доставляется во дворец провизия и все необходимое. Здесь все время находится дежурный офицер. Телефонное сообщение с обитателями дворца прекращено и только оставлено несколько телефонов для нужд охраны.

Встает бывший царь в 9 часов утра и выходит в общую столовую, где пьет чай вместе с семьей. Все это происходит в присутствии караульных солдат. Ежедневно Николаю Романову, с разрешения караульного офицера, даются для прочтения газеты.

Обед бывшего царя и его семьи состоит из нескольких блюд, приготовляемых находящимся в заключении дворцовым поваром.

Ежедневно Николай Романов, Александра Феодоровна и их дети совершают прогулки по парку. За ними наблюдают дежурный офицер и солдаты.

Большей частью прогулки происходят с 3 до 5 часов дня. Вместе с бывшим царем гуляют генерал Долгоруков и граф Бенкендорф.

Вместе с наследником находится всегда его постоянный спутник Деревенько.

Бывший царь любит физический труд. Зимой он колет лед, [в] весенние месяцы поливает цветы и расчищает дорожки. Караульные солдаты поражаются, с каким прилежанием работает в саду дворцового парка бывший царь. Иногда в работах участвует Татиана. Александра Феодоровна сильно осунулась и во время прогулок ходит, опустив голову.

Мы покинули Царское Село, вынеся впечатление, что охрана бывшего царя находится в очень надежных руках и что члены бывшей царской семьи лишены возможности куда-либо скрыться».

Ознакомившись с корреспонденцией, подписанной псевдонимом «Б. Ц-к», граф Бенкендорф, привыкший к развязному тону «свободной прессы», не выдержал:

— Ну, и подлецы! В том числе и этот «Бецик». Да как они смеют писать о Государе, словно это уголовный преступник! Впрочем, это еще ягодки. На пятки эсерам, кадетам и прочим октябристам насаждают откровенные

ставленники немцев.

— Вы о эсдеках, ваше сиятельство? — спросил князь Долгоруков.

— Не вполне. Эсдеки грызутся между собой, и верх взяла наиболее радикальная их фракция. Они называют себя большевиками. Верховодит ими некто Ульянов-Ленин, еврей по материнской линии. Худо-бедно, но русская армия, оставшаяся без Державного вождя, все-таки воюет. Вильгельма это не устраивает. Его генштабисты убедили кайзера выделить круглую сумму из имперского банка, чтобы свалить нынешнее правительство Кирбиса-Керенского и на его место поставить Ульянова-Ленина. В запломбированном вагоне этого главного большевика вывезли из Швейцарии вместе с кагалом его сородичей. Он твердо обещает прекратить войну с Германией и Австрией и войну «империалистическую» превратить в гражданскую. Лозунги его лживы, но действенны. «Мир народам!» «Земля крестьянам!» «Фабрики рабочим!» И очень многие простаки попались на удочку. Они поддерживают большевиков с их погромными лозунгами.

— Неужели Керенский и его коллеги по временному правительству не понимают, что Ленин угроза для них же самих?

— Это одна шайка-лейка, поверь, Валя. Я, как ты знаешь, тертый калач и насмотрелся на таких молодчиков. Делают вид, будто у каждого своя программа, а на самом деле цель у них одна. Совдеп — вот кто их истинный хозяин. Ведь Кирбис-Керенский был выдвинут от совдепа. Цель у него с Ульяновым одна — окончательно развалить армию, разложить народ, и без того разложившийся после свержения «царизма», то есть единственного строя, который веками признавал русский народ — как дворяне, так и простолюдины.

— Да, ваше сиятельство. Я был свидетелем того, как боготворили Государя фронтовики — и офицеры, и генералы. Почему же он не оперся на народ, простого солдата?

— Мы еще не в состоянии оценить все величие шага, сделанного Императором. Конечно, стоило бы ему бросить клич, и десятки, сотни тысяч вступили бы на его защиту. Но тогда пролилась бы кровь. Кровь русских людей. Началась бы братоубийственная война. Государь решил пожертвовать собой, лишь бы спасти армию от междоусобицы.

— Но ведь междоусобицы разгораются повсюду, — возразил князь Долгоруков. — Разве Император Александр III не предупреждал о том, что может произойти, если рухнет самодержавие? Разве не говорил он Наследнику Цесаревичу: «Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц».

— То, что сейчас происходит — не вина Государя, — заявил обергофмаршал. — Не дай мне Бог осуждать покойного Государя-Миротворца. Но ведь многие узлы, которые приходилось распутывать Императору Николаю Александровичу, были завязаны в царствование покойного его родителя. Если сильно сжимать пружину, она в конце концов распрямится. Я старик и знаю подоплеку многого. Кстати, и Император

Александр Александрович не обладал полнотой власти. Он даже не смог настоять на том, чтобы был поднят затонувший в Ревельской гавани броненосец «Русалка». Это было необходимо для проверки тяжелых обвинений в адрес морского министерства и судостроителей, допустивших якобы ряд грубых, даже преступных ошибок. Государь Николай Александрович никогда не кланялся иудеям. А его родитель это делал. Он узнал, что революционную подрывную деятельность проводят не кто иной, как иудеи. Через графа Витте, человека своего в иудейских кругах Европы и Америки, он попытался откупиться от них.

— И что, не удалось? — заинтересовался князь Долгоруков.

— Какое там! — махнул рукой Бенкендорф. — След привел от французских Ротшильдов к английским, а те заявили, что всем заправляет американский банкир Яков Шифф. Так тот и слушать не захотел посланца Витте. Заявил, что Романовы приговорены ихним кагалом. Этот самый Шифф, кстати сказать, финансировал и финансирует большевиков и прочую нечисть. Он уверен, что денежки его окупятся сторицей.

— Неужели нет надежды на спасение Государя и его семьи?

— Боюсь оказаться пророком, Валя, но пожалуй, что нет.

— Но ведь его величество Георг V — двоюродный брат нашего Государя! — с горячностью воскликнул князь. — Неужели он не окажет гостеприимства Их Величествам и Их Высочествам?

— Не посмеет, — грустно проронил старый придворный. — Да и не он хозяин в собственном доме. Хозяин в Англии — правительство. И даже не правительство. Массонские ложи.

— Неужели? А я-то думал, что масонство — это всего лишь фигура речи.

— Увы. Фигура довольно зловещая. Его цель — свержение тронов и разрушение алтарей. Что же касается Англии, то там никакие родственные узы не в счет. Мне доводилось общаться с господами из Лондона и я убедился, что у англичан нет ни родственников, ни союзников постоянных. Есть лишь постоянные интересы. Отсюда их политика — сталкивать лбами противников, с тем, чтобы оба обескровили друг друга. Недаром один умница-журналист, кажется, Булацель, заметил однажды: «Англичане готовы сражаться... до последнего русского солдата». Ты думаешь, они обрадовались бы, если бы Россия одержала победу и Проливы оказались в наших руках? Ведь тогда у нас был бы выход в Средиземное, а затем и в Атлантику. Разве они не предали нас в самом начале войны, пропустив в Черное море «Гебен» и «Бреслау»?

— Выходит, единственно, кто мог бы помочь Государю и Августейшей Семье — это Вильгельм? — спросил у графа Долгоруков.

— Одно дело — мочь, а другое хотеть. Хотя Государыня Александра Феодоровна и урожденная немецкая принцесса, но, зная подлый нрав кайзера, я почти уверен, что ничего для спасения «дражайшего Ники» и его семьи он пальцем о палец не ударит. Впрочем, он знает, что из его рук спасения не примут ни Его Величество, ни Государыня. К тому же, у него у

самого забот хоть отбавляй. Хотя его генштабисты и якшаются с большевиками, но держат с ними ухо остро.

— Да уж, пожалуй, так оно и есть, — согласился князь. — Почему же Временное правительство так нерешительно ведет себя с этими молодчиками? Ведь в начале июля они предприняли было переворот. До самого вечера третьего июля на улицах Петрограда было спокойно. В начале девятого с Литейного на Невский неожиданно вылетел открытый автомобиль, в котором были установлены два пулемета. Вслед за ним появились еще три грузовика со множеством солдат и пулеметами. Большевички выкрикивали лозунги: «Долой Временное правительство!» «Смерть буржуям!» А слово у них с делом не расходится. В тот день было убито семьсот человек.

— Валя, ты всего не знаешь, — покачал головой граф. — Один из офицеров рассказал мне, что это восстание должно было сопровождаться диверсиями и убийствами крупных и мелких чинов — как военных, так и гражданских. А в это время на фронте должно было начаться отступление русских войск.

— Как русский народ, его «лучшие умы», дорвавшиеся наконец-то до власти, не понимают, что без решительной борьбы с явными лакеями германцев, повторяю, решительной... без крутых мер по отношению к Ульяновым, Бронштейнам, Нахамкесам, Рошалам и другим пассажирам пломбированного вагона — всех их ждет крах. Неминуемый крах. Они наглы, напористы, беспринципны, — горячился князь Долгоруков.

— Народ, ты говоришь, — невесело усмехнулся Бенкендорф. — Нет теперь никакого народа. Орда. Да, Валя. Орда. А если этой орде нечего бояться, если нет над нею кнута, то она себя покажет. Пугачевщину покажет. Она попыталась показать себя во время революции пятого года, да ее прижали. Потому что армия была за Государя. Один из думцев признался: «В девятьсот пятом мы ставили на солдата и проиграли, а во время нынешней — великой бескровной — мы сделали ставку на генералов и выиграли». А ведь сам пострадал во время революции пятого года. Ему нужно было деланки рубить. Его же собственные, кровные, как он выразился. «И вот здрасте, — рассказывал он. — Приходит толпа этаких зулусов и заявляет: «не моги!» — «Почему? На каком основании? Закон, что ли, какой вышел?» — «Ты, — говорят, — рощу вырубить, а что нам останется? Хитрай!» А тут еще один «грамотей» встрял, стал объяснять барину: «Правов нет у мужика, барин. Ты пообожди, пока обзаконят, куда чье. А то вырубить, закон будет ни к чему».

— Ну, а зачем же этот думец опять заигрывает с мужиками? — пожал плечами Долгоруков.

Граф Бенкендорф хотел было объяснить пасынку, что «прогрессист» давно успел выгодно продать и принадлежавший ему лес, и имение и перевести деньги за границу, но в этот момент постучался слуга:

— Ваше сиятельство, — поклонился он Бенкендорфу, — и вы, ваше сиятельство, — с поклоном обратился он к князю Долгорукову, — Их Величества приглашают к столу-с.

— Спасибо, голубчик, — произнес грузный Бенкендорф, большой любитель покушать.

Уже за трапезой проницательная Государыня по лицам обергофмаршала и его пасынка догадалась, что между ними только что шел оживленный разговор.

— Ну, господа, чьи косточки перемывали? — шутливо спросила Государыня.

— Небось, во всем вините бедный русский народ, простого мужика?

— Был грех, Ваше Императорское Величество, — наклонил голову граф Бенкендорф.

— Я теперь *бывшее* Императорское Величество, — поправила графа Государыня, которая сегодня была в хорошем расположении духа.

— Для меня, как и для многих миллионов подданных Вы — Ваше Императорское Величество, — твердо возразил старик. — Императорский титул дарован Вам и Государю, как Помазаннику Божию, и никакая земная власть не вправе отнять его у Вас.

— Иного мнения придерживается многие, — продолжала Государыня. — Во всяком случае, петроградские журналисты. Один из них написал: «*Бывший* царь вместе со своей *бывшей* супругой и *бывшими* детьми надежно заключен в своем *бывшем* дворце».

— Надо же подобную чушь сморозить! — пожал плечами князь Долгоруков.

— Дети и супруга никак не могут быть бывшими.

— Чего на свете не бывает, — вмешался в разговор супруги и своих приближенных Государь. — Вот, посмотрите, господа. — Он указал на тарелку, на которой лежал ломоть обветрившейся ветчины. — Возможно, когда-то это была ветчина. А теперь — всего лишь *бывшая* ветчина. Все невольно улыбнулись, а графиня Анастасия Васильевна Гендрикова — еще совсем молодая фрейлина, которую Его Величество и Ее Величество звали «Настенькой», так и прыснула со смеху.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — тотчас смутилась она.

— Раз уж на то пошло, я еще посплетничаю, — сделав вид, что ничего не заметил, проговорил князь. — Во время прогулки один солдат из студентов, кстати, родом из Риги, рассказал мне много интересного. Он латыш, но отец его учитель русской гимназии в Риге. И преподает русскую литературу. Кстати, любимый его русский писатель — Лесков.

— Хороший вкус у этого рижанина, — заметила Государыня.

— Видно, и у него самого есть вкус к русскому языку, — продолжал Василий Александрович. — Очень образный у него язык. Он точно подмечает особенности того или иного говора. Подражая волжанам, которых он слышал в своей части, он, нарочито окая, рассказывал: «Хорошо живут в заграницах, и мы так изделаем», — говорит мне один волжанин. А я ему: «Милой, везде хорошо, где нас нет». Моему рижанину довелось побывать у этого волжанина в деревне. Приходят в деревню, а она словно вымерла.

«Где народ весь, бабка?» — спрашивает рижанин у старухи, выглянувшей из калитки.

«Люцинера пошли слушать, — ответила старуха. — Во-он там, на взлобочке. Го-осподи, сколько народу к нам шляются! Все дела! От этих ваших делов работу забросили. Гыр ды гыр, гыр да гыр. Да Царя не надо, да этого не надо, да того не надо, а работать некому. Го-осподи!»

Обедающие внимательно слушали князя. Все знали, что он большой мастер читать и что его любимые писатели — Гоголь, Мельников-Печерский и Лесков. Сегодня «Валя» был в ударе и воспроизводил простонародную речь особенно точно. Но в его воспроизведении этой речи не было ни намека на иронию. Долгоруков часто беседовал с рядовыми солдатами и матросами, умел и любил их слушать и понимал бесхитростную душу простого крестьянина, еще не испорченного чахоточными «люцинерами». Государыня вздохнула. Ей, видно, вспомнился убиенный раб Божий Григорий с его простодушными, но часто точными и верными замечаниями, с его привычкой давать безобидные прозвища министрам и вельможам. Графа Витте он звал «Витей», Протопопова — «Калининым», Анну Вырубову — «Коровой», видно, из-за ее полноты.

* * *

О том, как содержались Царскосельские узники, сообщали «Биржевые Ведомости» от 1 апреля 1917 года:

«...Бывшего царя, очевидно, связывает с князем Долгоруковым особая дружба. С ним он не расстается. Для царскосельских узников прогулки разрешены 2 раза в день: в 11 часов и в 3 часа. Длятся они полчаса, иногда час.

Дети по-прежнему больны; у Ольги Николаевны прошла корь, а теперь она заболела ангиной в острой форме. Мария Николаевна, после кори, заболела воспалением легких. Алексей оправился от кори, стал выходить, но нечаянно поскользнулся, упал и зашиб себе руку и снова слег. Кроме того, он страдал бронхитом. Вчера ему было лучше, и врачи разрешили ему встать с постели. Успела оправиться после кори Анастасия Николаевна, но и она заболела воспалением легких. Кризис теперь уже миновал, и она находится на пути к выздоровлению. И только Татьяна все время чувствует себя хорошо и с отцом ходит на прогулки.

Как-то на днях она обратилась к караульному офицеру:

— Нельзя ли, господин офицер, снять вас с отцом?

Офицер согласился. Получился любопытный снимок: царскосельский узник оказался запечатленным на снимке рядом с караульным офицером, надзирающим, чтобы бывший царь не сбежал».

* * *

«С момента устранения бывшего коменданта дворца ротмистра Коцебу по распоряжению министра юстиции А. Ф. Керенского установлен строгий режим

для всех царскосельских узников, содержащихся в дворце. Прежде всего, Николаю и его супруге предложено при смене караулов показываться начальнику караула. После каждой смены караульный начальник сдает сменяющему караулу бывшего царя и царицу. Это сделано во избежание недоразумений и подозрений. Последнее распоряжение министра юстиции А. Ф. Керенского коснулось Александры Федоровны. Ей запрещено сообщаться с супругом. Николаю Романову разрешается свободно ходить и бывать во всех помещениях, находящихся в верхнем этаже, бывать в комнатах, где помещаются дети, во всякое время дня и ночи, но при условии, чтобы в тот момент, когда он желает бывать в комнатах детей, супруга за это время должна выйти».

* * *

«Охрана Александровского дворца находится в надежных руках. Караульная служба несется непрерывно днем и ночью поочередно всеми воинскими частями, квартирующими в Царском Селе. Каждый караул состоит из 120 солдат и 3 офицеров. Разговоры по телефону разрешаются членам бывшей царской семьи и арестованным членам свиты, но при всех разговорах должен присутствовать дежурный офицер. За все время ареста Николай и его супруга бесед по телефону не вели, прибегает лишь к частым телефонным разговорам князь Долгоруков. Особое внимание в последние дни обращено на поступающую во дворец почту. Все телеграммы и письма проходят через двойной просмотр дежурного караульного офицера, а затем дворцового коменданта.

Газеты Николаю разрешено получать, но каждый раз на собственные деньги. Обычно утром он пишет на клочке бумаги названия газет, которые он хотел бы приобрести. Эта записка через скорохода поступает к дежурному офицеру вместе с деньгами. Во дворец поступают почти все столичные газеты, как утренние, так и вечерние, в том числе одна московская газета.

Для сношений с дворцом оставлен лишь один пропускной пост, ведущий к кухонному зданию. Здесь отведена комната для офицера, который тщательно просматривает вместе с солдатами все поступающие во дворец продукты, предметы, а также все вещи, отправляемые из дворца.

Арестованными во дворце в настоящее время считаются только четыре человека: Николай, Александра Феодоровна, граф Бенкендорф и князь Долгоруков.

Многочисленные же лица свиты и прислуга, живущие во дворце, юридически арестованными не считаются, но, ввиду изъявленного ими желания оставаться во дворце, им запрещено всякое сношение с посторонней публикой, близкими, друзьями и населением Царского Села.

В Александровском дворце появилось еще шесть узников: священник, дьякон, четыре певчих. В течение последней недели в церкви

Александровского дворца происходит два богослужения ежедневно, на которых аккуратно присутствуют Николай, Александра Феодоровна и дети. Приходит на богослужение и вся бывшая придворная челядь. В церкви приняты меры к недопущению общения между членами бывшей царской семьи и многочисленными служащими и прислугой».

* * *

«Бывшая царская семья помещается по-прежнему в покоях верхнего этажа дворца: на левом крыле комната Николая, на правом — комнаты Александры Федоровны и дочерей.

В нижнем этаже помещается кабинет, библиотека и другие комнаты для работы, но в них бывший царь теперь не бывает.

Вход и выход для царской семьи установлен только один по крыльцу, ведущему в покои дворца. Когда Николай Романов выходит на прогулку, часовые берут на караул. На приветствие бывшего царя часовые отвечают: — Здравия желаем, господин полковник.

С такими же ответами обращаются к Николаю Романову и караульные офицеры. Бесед на политические темы во время прогулок он избегает. Говорит о погоде, интересуется судьбой той воинской части, к которой он принадлежит, как офицер.

Князь Долгоруков называет Николая Романова «бывший государь», «бывший царь» и т. д. Только один граф Бенкендорф по-прежнему продолжает называть Николая Романова «государь», «ваше величество».

Граф Бенкендорф ведет себя непринужденно, чувствует себя в роли обер-гофмаршала, делает выговоры служащим дворца за допускаемые ими вольности.

В Александровском дворце продолжает оставаться статс-дама Нарышкина и при ней две фрейлины: баронесса Буксгевден и графиня Гендрикова. Статс-дама Нарышкина из семьи князей Куракиных. Отец ее был послом во Франции. Нарышкина очень тяготится своим пребыванием в Александровском дворце и при приезде А. Ф. Керенского во дворец возбудила ходатайство о разрешении ей оставить Александровский дворец. Ответа пока не последовало.

Нарышкина с Буксгевден и графиней Гендриковой держится уединенно. Сношений с Александрой Федоровной не имеет. Нарышкина пишет мемуары, затрагивающие придворную жизнь, в частности, ее продолжительную жизнь во Франции. Мемуары доведены до кончины Александра III.

Шести дворцовым служащим разрешено оставить дворец. В течение ближайшей недели покидает дворец еще около пятидесяти служащих.

* * *

Бывший комендант Александровского дворца ротмистр Коцебу арестован.

Когда граф Бенкендорф передал объемистый пакет для дворцового коменданта Коцебу, дежурный офицер вскрыл этот пакет. В нем находились два письма от графа Бенкендорфа и князя Долгорукова на имя графини Шуваловой. Тут же находился чек в один из петроградских банков. Бенкендорф и Долгоруков просили графиню Шувалову позаботиться о продаже их имений и переводе денег в американский банк. Они просили сообщить, когда уезжает за границу курьер, который должен будет заехать в Царское Село за получением важных документов от ротмистра Коцебу. Дежурный офицер донес начальнику гарнизона Царского Села, тот — командующему войсками петроградского военного округа. Коцебу был арестован. После этого во дворец приехал А. Ф. Керенский, чтобы на месте ознакомиться с условиями содержания и ужесточения содержания».

Временное правительство бдительно охраняет «бывшего Императора» и Его Семью. Опасается, как бы они не сбежали. И не видит подлинной опасности: в Россию в пломбированном вагоне въезжает целый десант германских агентов во главе с В. И. Ульяновым-Лениным. Текст телеграммы, приводимой на репродукции, гласит:

«Телеграмма

Штаб <Германского> Верховного Командования, 21 апреля 1917 г.

<Отправлена:> 5 час. 35 мин. пополудни

Получена: 6 « 35 « «

От советника Императорского посольства
в Министерство иностранных дел
№ 551

Верховное командование передает следующую информацию политическому отделу Генерального штаба в Берлине:

«Штейнвахс телеграфирует из Стокгольма 17 апреля 1917 г.: «Ленин благополучно прибыл в Россию. Он действует полностью в согласии с нашими пожеланиями. Из-за этого сердитые окрики со стороны Антанты в Стокгольме — социал-демократов. Платтен был возвращен британцами на границе, что вызвало здесь большой переполох».

Платтен является уважаемым швейцарским социалистическим лидером, который сопровождал русских революционеров из Швейцарии через Германию в Стокгольм и хотел сам поехать отсюда в Петроград».

Подпись: Грюнау»

«Биржевые ведомости», конечно, приукрашивали положение Царственных узников. В действительности, охрана дворца, хотя и состояла из «гвардейцев», вела себя вызывающе по отношению к Императору. Когда он приветствовал офицеров, те, как правило, не отвечали. После того, как один из прапорщиков демонстративно отказался пожать своему бывшему Верховному Главнокомандующему руку, Государь перестал здороваться с

охраной за руку.

Но, разумеется, отношение к Царской Семье было еще не тем, каким оно станет в сибирской ссылке, в особенности, в Екатеринбурге, где узникам запрещалось заниматься любым физическим трудом, без которого Государь не мог жить. В Царском Селе Семья имела возможность кататься на байдарке, на велосипедах, заниматься огородом, возделывать который ей помогали не только слуги, но и солдаты охраны. Дворцовый комендант разрешал Семье посещать Феодоровский Государев собор, настоятелем которого был о. Беляев. Государь радовался успехам армии. 30 июня он записал: «Вчера был взят нами Галич и 3000 пленных и около 30 орудий. Слава Богу!» Но радость Государя оказалась преждевременной. «После нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались идти вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника»,— гласит запись в его дневнике 13 июля 1917 года. Куда девался бодрый дух союзной английской прессы. Вот перепечатка из «Тайм уикли»:

«Петроград, 26 июля 1917 г.

Причины русского развала

Утрата армией боевого духа является следствием приказа № 1, опубликованного Петроградским совдепом. Кроме того, что этот приказ указывает на то, что солдат является гражданином, наделенным всеми правами, но не имеющим никаких обязанностей, приказ ударил по принципу единоначалия».

О разложении «свободной и демократической» армии «Петроградская газета» от 16 июня 1917 года (с. 5) сообщала:

«Из Царского Села сообщается о возмутительном преступлении в местном парке. Около дерева были найдены три зверски замученные девушки, судя по одежде — служанки. Две из них, не вынесшие насилия, были найдены мертвыми. Третья оказалась жива, но с явными признаками умопомешательства. В преступлении подозреваются солдаты дезертиры». Не то в шутку, не то всерьез один из журналистов пишет:

«Будущее русской армии, как и будущее русского народа, не может не быть великим». И тут же иллюстрация этого «великого будущего»:

«Одесса. 15 июня. Дезертиры совершили насилие над священником и разгромили его дом, а также ограбили жителей Рыбницкого сахарного завода. Они же изнасиловали там десять девушек. Одна умерла, другая сошла с ума».

* * *

— Вы скажете: на то они и дезертиры. Но вот еще одна иллюстрация развала, коснувшегося армии. Послушайте корреспонденцию, помещенную в том же номере «Петроградской газеты», граф, — сказал князь Долгоруков, обращаясь к обер-гофмейстеру:

«Выборные представители — офицеры и солдаты всех полковых, бригадных и солдатских комитетов № корпуса, рассмотрев преступное деяние группы офицеров и солдат пехотного Нешавского полка, выразившееся в истязании начальника пехотной дивизии генерала N, нашли, что преступление является вполне установленным.

Обсудив повторившийся трижды факт упорного отказа Нешанского полка исполнить приказ, телеграмму и приказ по дивизии о стратегической передвижке полка, которая должна была приведена на следующий день, нашли: приказы эти Нешавский полк не исполнил, причем мотивом неисполнения послужило исключительно нежелание полка идти на неизвестные, может быть, опасные позиции.

Выборные представители просят командира корпуса приказать в четвертый раз Нешавскому полку исполнить означенные приказы и в случае отказа просить командира корпуса и военного министра Керенского немедленно лишить всех чинов этого полка всех видов довольствия и немедленно расформировать его...»

Князь Василий Долгоруков, прочтя это постановление, вспомнил слова, сказанные Императрицей по поводу низложения Государя Юлии Александровне Ден: «С уходом Государя для России теперь все кончено».

Пожалуй, она права. Развал армии, а затем и всей страны неизбежен.

Вправе ли старшие армейские начальники требовать повиновения от своих подчиненных, если они сами изменили присяге Государю Императору. Какая же это армия, когда в ней нет единоначалия, когда решение идти в бой или оставаться на позиции принимает не начальник части, а комитет из нижних чинов и офицеров, выбранных туда солдатами — то есть командиров, наиболее поддающихся воздействию на них солдат.

Вся страна пожинает плоды клеветы, направленной против Государя и, особенно, Императрицы. Какие клеветы допускает молодой князь Юсупов — этот убийца, чьи руки обагрены кровью простого русского мужика!

Действительно, эта светская чернь, стрелявшая в бедного Распутина, целила в Государыню. И не успокоится, пока не добьется своего.

— Что он себе позволяет! — горячился Василий Александрович, обращаясь к графине Анастасии Васильевне Гендриковой и прочитал:

«...Молодой князь Юсупов, участник убийства презренного Распутина, заявляет, что бывшего царя Николая II его жена с ее фаворитами и фаворитками систематически спаивали водкой и шампанским, настоенным на дурманящих мозг тибетских травах. Николая II десятками лет спаивали и дурманили. Удивительно ли, что все 23 года его правления были «режимом безумия», как характеризовали в свое время павший строй левые ораторы Государственной Думы, за что их Ваньки-Каины привлекали к суду по 102 статье.

Удивительно ли, что под эгидою Николая II Россия терпела много горя, много унижений, билась в кошмарных тисках.

Никто не решится поручить запойному пьянице вести простой автомобиль. Править же обширную Россией, надо думать, много труднее, чем управлять мотором. Однако царедворцы всевозможных рангов полагали, что лучше «самодержавца» и быть не может, чем одурманенный человек, готовый подписывать какие угодно указы, выгодные для распутинской шайки. Преступление их, впрочем, гораздо грандиознее...»

Знали бы юсуповы и журналисты, печатающие их клеветы, что не пройдет и восьми месяцев, как Россией станет править «гений», после смерти которого вскрытием будет установлено, что одно полушарие у него величиной всего в грецкий орех, — тот самый «гений», при котором Россия уменьшится до тех размеров, какие у нее были в 16 веке. Как, впрочем, и ее население.

* * *

Нужно сказать, что не все разделяли оптимизм Кирилла Владимировича, восторженно отзывавшегося о «новом правительстве». Об этом свидетельствовали «Биржевые Ведомости» от 1 апреля 1917 года:

«В ночь на 31 марта по распоряжению властей был арестован в своей квартире в доме № 16 по 7-ой Рождественской улице брат депутата Государственной Думы прапорщик артиллерии А. Г. Замысловский. Поводом к аресту послужило уклонение Замысловским от принятия присяги Временному Правительству. После допроса Замысловский был отправлен в главный штаб, где и передан в распоряжение коменданта».

Но не только из печати черпал сведения о происходящем в «свободном» Петрограде мистер Гиббс. Бывал он и на Петроградской стороне возле дворца Матильды Кшесинской. С балкона его выступали спутники «Ильича» по пломбированному вагону. Впечатление от этих речей много лет спустя выразил В. В. Шульгин:

«С этого балкона стремились уничтожить русскую армию. Всеми средствами разлагали дисциплину, натравливали солдат на офицеров. И требовали подписания мира «бз аннексий и контрибуций»... Слово «мир» действовало как атомно-водородная бомба. Слово «мир» сыпало радиоактивные частицы на тысячи километров от особняка Кшесинской и отравляло солдатские души, маня их бросить фронт и вернуться по домам. Никому не хотелось воевать. Армия еще держалась в силу дисциплины и чувства долга. От того и другого освобождали солдатскую совесть ораторы с балкона Кшесинской. Между тем Временное правительство объявило продолжение войны. Но каким образом можно было воевать и одновременно терпеть эту проповедь, проповедь из особняка Кшесинской».

Государя Император «февралисты» обвиняли в безволии, но безвольными можно было назвать их самих. В апреле 1917 года в в Большом зале Таврического

дворца было созвано заседание, в котором участвовали бывшие члены Государственной Думы всех четырех созывов. На заседании выступил, в частности, В. В. Шульгин. Он рассказывал о том, что происходит около особняка Кшесинской и обвинял ленинцев в государственной измене, в измене родине. Но Временное правительство трусливо молчало, отдавая постепенно бразды правления в руки «партии измены».

19 марта 1917 года Яков Шифф прислал министру иностранных дел временного правительства Милюкову телеграмму: «Позвольте мне в качестве непримиримого врага тиранической автократии, которая безжалостно преследовала наших единоверцев, поздравить через ваше посредство русский народ с деянием, только что им так блестяще совершенным, и пожелать вашим товарищам по новому правительству и вам лично полного успеха в великом деле, которое вы начали с таким патриотизмом. Бог да благословит вас». Милюков оказался настолько глуп, что ответил на поздравление *частного лица*, каковым являлся Я. Шифф.

Глава девятнадцатая **«ПОДАРОК КАЙЗЕРА»**

Помимо перечисленных в докладе германского чиновника лиц, сопровождавших Ленина, Кубу Ганецкого, Рошаля и прочих пассажиров запломбированного вагона, направленного в Россию, с ними ехали другие «углубители русской революции», вернее, разрушители страны. В первом вагоне ехал Сафаров (Вольдин), один из будущих организаторов зверского убийства Государя Николая II и Его Семьи, а также Зиновьев-Апфельбаум, постоянно требовавший «каленным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм». Один из денкинских агентов свидетельствовал:

«Еще три месяца тому назад [в июле 1918 г.] жизнь чувствовалась в северной столице, а теперь уже мерзость запустения. За это время Зиновьев превратил его в кладбище, населенное живыми мертвецами. На лице легла какая-то особая тень. Только в Совдепии я видел на лицах эти тени. На войне на лицах обреченных есть что-то спокойное и даже скорее светлое. А здесь заживо погребенные. Какая-то понурость. Из людей выбит человеческий дух».

В это время Зиновьев был председателем так называемой Северной Коммуны, т. е. бывшей Петроградской губернии. Зиновьеву принадлежат слова: «Мы должны увлечь за собой 70 миллионов из 100, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить...» Придет время, и Сталин уничтожит самого уничтожителя. То же произойдет и с Сафаровым. Сокольников-Бриллиант проводил в 1919 году политику

«рассказывания» на Дону и предлагал использовать казаков на каторжных работах. Магаданский историк Сергей Наумов, ссылаясь на газету «Общее дело» от 14.10.1917 г., приводит список пассажиров первого запломбированного вагона:

1. Абрамович Майя Зеликовна.
2. Айзенбунд Меер Кивович.
3. Арманд Инесса Федоровна.
4. Гоберман Михаил Вульфович.
5. Гребельская Фаня.
6. Кон Елена Феликсовна.
7. Крупская Надежда Константиновна.
8. Константин Анна Евгеньевна.
9. Ленин (Ульянов-Бланк) Владимир Ильич.
10. Линде Иоган-Арнольд Иоганович.
11. Мирингоф Мария Ефимовна.
12. Мирингоф Илья Давыдович.
13. Морточкина Валентина Сергеевна.
14. Пейнесон Семен Гершевич.
15. Погосская Буна Хемовна (с сыном Рувимом).
16. Равич Сарра Нахумовна.
17. Радомысльская Злата Эвновна.
18. Радомысльский-Зиновьев (Апфельбаум) Евсей-Гершен Аронович.
19. Радомысльский Стефан Евсеевич.
20. Ривкин Залман-Бэрк Осерович.
21. Розенблюм Давид Мордухович.
22. Сафаров (Вольдин) Георгий Иванович.
23. Сковно Абрам Анчилович.
24. Слюсарева Надежда Михайловна.
25. Сокольников (Бриллиант) Гирш Янкелевич.
26. Сулишвили Давид Сократович.
27. Усиевич Григорий Александрович.
28. Харитонов Моисей Мотькович.
29. Цхакая Михаил Григорьевич.

Некоторое время спустя германское правительство отправило в Россию новый отряд «интернационалистов», иначе говоря, «Пятую колонну». С. Наумов приводит список интернационалистов, сгруппированных согласно их партийной принадлежности:

РСДРП

1. Авдеев Иван Ананьевич (с женой и сыном).
2. Аксельрод Товия Лейзерович (с женой).
3. Аптекман Иосиф Васильевич.
4. Асариани Сосипатр Самсонович.
5. Астров (Повес) Исаак Сергеевич.

6. Баугидзе Самуил Григорьевич.
7. Беленький.
8. Беленький Захарий Давыдович (с женой и ребенком).
9. Богрова Валентина Леонидовна.
10. Бронштейн Роза Абрамовна.
11. Ванадзе Александр Семенович.
12. Войков (Вайнер) Пинхус Лазаревич.
13. Геронимус Иосиф Борисович.
14. Герштен.
15. Гишвалинер Петр Иосифович.
16. Гогиашвили Поликарп Давыдович (с женой и ребенком).
17. Гохблитт Матвей Иосифович.
18. Гудович.
19. Дубровицкий Захарий Лейбович.
20. Доидзе Соломон Ясевич.
21. Жвиф (Макар) Семен Моисеевич.
22. Иоффе Давид Нахумович (с женой).
23. Коган Владимир Абрамович.
24. Коган Израиль Иремиевич (с женой и ребенком).
25. Копельман.
26. Кристи Михаил Петрович.
27. Лебедев (Полянский) Павел Иванович (с женой и ребенком).
28. Левина.
29. Левин Иохим Давыдович.
30. Левитман Либа Берковна.
31. Луначарский (Хаимов) Анатолий Васильевич.
32. Люднинская.
33. Маневич Абрам-Эвель Израилевич (с женой).
34. Мануильский Дмитрий Захарович.
35. Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович.
36. Мартынов (Пикер) Семен Юльевич (с женой и ребенком).
37. Мгеладзе Власа Джарисманович.
38. Мовшович Моисей Соломонович (с женой и ребенком).
39. Мунтян Сергей Федорович (с женой).
40. Назарьев Михаил Федорович.
41. Оржеровский Марк (с женой и ребенком).
42. Орлов (Мендер) Федор Иванович.
43. Осташинская Роза Гирш-Араповна.
44. Певзая Виктор Васильевич.
45. Пшиборовский Стефан Владиславович.
46. Пластилин Никанор Федорович (с женой и ребенком).
47. Позин Владимир Иванович.
48. Рабинович (Скенрер) Пиля Иосифовна.
49. Райтман (С женой и ребенком).

50. Розенблюм Герман Хаскелевич.
51. Рохлин Мордха Вульфович.
52. Рузер Леонид Исаакович (с женой).
53. Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович.
54. Сагрето Николай Петрович (с женой).
55. Садокая Иосиф Бежанович.
56. Семковский (Бронштейн) Семен Юльевич (с женой).
57. Соколинская Гитля Лазаревна (с мужем).
58. Сокольников (с ребенком).
59. Строева.
60. Туркин Михаил Павлович.
61. Финкель Моисей Адольфович.
62. Хаперия Константин Алексеевич.
63. Шейкман Аарон Лейбович.
64. Шифрин Натан Калманович.
65. Эренбург Илья Лазаревич.

БУНД

1. Абрамович (Рейн) Рафаил Абрамович (с женой и двумя детьми).
2. Альтер Эстера Израилевна (с ребенком).
3. Барак.
4. Болтер Лейзер Хаймович.
5. Вейнберг Маркус Аронович.
6. Гальперин.
7. Димент Лейзер Нахумович.
8. Дранкин Вульф Меерович (с женой и ребенком).
9. Драйзеншток Анна Мееровна.
10. Занин Майром Монашеевич.
11. Идельсон Марк Липманович.
12. Иоффе Пинкус Иоселевич.
13. Клавир Лев Соломонович.
14. Конторский Самуил-Сруль Давыдович.
15. Левит (Геллер-Левит) Эдель Мееровна (с ребенком).
16. Лернер Давид.
17. Липнин Иуда Лейбович.
18. Любинский Мечислав-Абрам Осипович (с женой и ребенком).
19. Люксембург Моисей Соломонович.
20. Махлин Тайва-Зелик Зельманович.
21. Меерович Мовша Гилелевич.
22. Нахимзон Меер Ицкович.
23. Пинлис Меер Ицкович.
24. Раков Моисей Ильич.
25. Розен Хаим Иудович (с женой).
26. Светлицкий А. А.
27. Скептор Яков Лейбинович.

28. Слободский Валентин Осипович.
29. Турсенев Исаак Яковлевич.
30. Хефель Абрам Яковлевич.
31. Цукерштейн Соломон Срулевич (с двумя детьми).
32. Шейнберг.
33. Шейнис Исер Хаимович.

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ (ЭСЕРЫ)

1. Безземельный (Устинов) Алексей Михайлович.
2. Беляева (Урес) Мария Александровна (с ребенком).

ПОЛЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

1. Кон Феликс Яковлевич (с дочерью и зятем).
2. Лапинский (Левинсон) Меер Абрамович.
3. Шпаковский Ян-Игнатий Александрович.

ПОАЛЕЙ — ЦИОН (РАБОТНИКИ СИОНА)

1. Воловина Аласса Овсеевна.
2. Кара.

СОЦИАЛИСТЫ-СИОНИСТЫ

1. Динес Ривка Хаимовна.
2. Розенберг Лев Иосифович.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЛИТВЫ

1. Мартна Михаил Юрьевич.

АНАРХОКОММУНСТЫ

1. Буцевич Александр Станиславович.
2. Вьюгин Яков (с женой и двумя детьми).
3. Гитерман Абрам Моисеевич (с женой и ребенком).
4. Гольдшейн Абрам Борисович.
5. Лидциц Ольга (с ребенком).
6. Максимов (Ястржембовский) Тимофей Федорович.
7. Миллер Абрам Липович (с женой и двумя детьми).
8. Ривкин Абрам Яковлевич.
9. Рубинчик Эфраим-Абрам Аронович.
10. Сегалов Абрам Вульфович (с женой).
11. Скутельский Иосиф Исаакович.
12. Тойбисман Ветя Израилевна.
13. Шмулевич Эстер Исааковна.
14. Юстин Давид.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО И ЛИТВЫ

1. Гольдблюм Роза Маврикиевна.
2. Урбан Эрнст Иванович (с женой и ребенком).
3. Шустер Иван Германович.

ПРОЧИЕ

1. Авербух Шмоль-Лейба Иосифович.
2. Балабанова Анжелика Исааковна.
3. Брагинский Монус Осипович.

4. Гониондский Иосиф Абрамович.
5. Зифельд Артур Рудольфович.
6. Караджай Георгий Артемиевич (с женой).
7. Киммель Иоган Вольдемарович.
8. Мкарова Ольга Михайловна.
9. Марарам Эля Эвилечевна.
10. Мейснер Иван (с женой и двумя детьми).
11. Одоевский (Северов) Афанасий Семенович.
12. Окуджава Владимир Степанович.
13. Рашковский Хаим Пинхусович.
14. Слободский Соломон Мордкович.
15. Соколов Павел Яковлевич.
16. Стучевский Павел Владимирович.
17. Трояновский Константин Михайлович.
18. Шапиро Марк Леопольдович.

Во второй группе «запломбированных пассажиров» находился Пинхус Лазаревич Войков, активный участник подготовки к расправе над Царской Семьей. 7 июня 1927 года его убил в Варшаве, где пособник палачей работал советским посланником, 19-летний крестьянский юноша Борис Коверда. Статья, в которой приводятся списки пассажиров пломбированных вагонов, называется «Запломбированный вагон, взорвавший Россию».

Мысль Сергея Наумова ясна, как апельсин. Дескать, инородцы взорвали Россию. Но когда же прибыл в Россию этот вагон? В апреле 1917 года или позднее? Основная работа была уже выполнена, увы, представителями русского народа. Кто убивал офицеров на кораблях и в окопах на фронте? Кто расправлялся с городскими и полицейскими чинами? Кто кричал об измене Императрицы? Кто арестовал Царя?

Вы скажете, произошло это в результате революционной пропаганды. Да, ядовитые плевелы большевизма поразили русскую армию. Но они поразили и немецкую. Однако, когда немцы возвращались в Германию, там наблюдались совсем другие картины. Князь С. Е.Трубецкой видел, как толпа «шпаков», т. е. гражданских лиц набросилась было на своих же офицеров, не сумевших обеспечить этим шпакам непрерывный поток продовольствия из Украины. Но немецкие солдаты разогнали штатских, заступились за офицеров, с которыми вместе проливали кровь на фронте. Германский император благополучно уехал в Голландию и никто из немецких революционеров его не тронул. Судьба же русского Царя и Его Семьи, увы, оказалась совсем иной.

Последние месяцы жизни отравляли жизнь Их Величествам и Их Высочествам «свободные граждане» Российской республики, одетые в военную форму — распевали похабные песни, вырезали площадные слова там, где их могли заметить Великие Княжны и Цесаревич. Слова на «великом и могучем языке».

С приходом советской власти в ее органах, как и в карательных органах, действительно, было множество представителей «малого народа». Но и на стороне белых сражалось много представителей этого народа. И находились они между двух огней.

Были русские, умиравшие за Царя, и такие русские, как зверь в образе человеческого Ермаков, который штыком добивал Великих Княжон. А потом ходил по пионерским слетам и похвалялся своим «подвигом».

Так что и русский народ — он всякий. И не дело мазать его одним миром. (Как, впрочем, и любой другой народ.)

Мы приводим рассказ одной крестьянки, из которого явствует, что и русский русскому рознь.

Сосед у ней повесился. Жена его и прибежала к бабе Саше — героине рассказа. Историю эту поведал нам питерский поэт Алексей Любегин.

— Ой, баба Саша! Помогите обмыть!

Пришла баба Саша к вдове. Спрашивает:

— Иконка-то где? Как вы тут жили-то без иконки?

— Была, была иконка, — отвечает вдова. — Да я убрала: мужик партийной.

— Муж-то твой был крещеной?

— Как не крещеной? Крещеной.

— Дак чего иконку-то убрала? — спрашивает старуха.

— Отсталая ты, бабка! Бога-то нету! Не музей у нас — иконы держать.

Но не все были такого мнения. В этом можно убедиться из следующего эпизода.

Во время войны, вспоминала баба Саша, неподалеку от их деревни рубили лес заключенные. Время было голодное. Несет баба Саша лукошко лебеды. В дверях дома человек стоит. Сразу видно — лагерник.

— Есть хочешь?

— Хотелось бы, мамаша.

— Ну, так пойдем в избу.

Вошли. Старуха виду не подает, а боится: не стукнул бы по затылку.

— Садись, щи хлебай.

Лагерник куртку расстегнул, а под ней ничего нет. Дала ему баба Саша портянки сухие, штаны домотканные. Хлеба пополам с лебедой ломоть отрезала.

Обулся лагерник, надел штаны вместо рвани и заплакал:

— Говорят, Бога-то нету... Век вас, мамаша, помнить буду. Вы мне Бога показали.

А кто он — хохол ли, русский, татарин или еврей, баба Саша и спрашивать не стала. Все, чай, люди.

Однако следует признать: часто там, где начинается революция, появляются евреи. В 1918 году советское правительство издало декрет «О борьбе с антисемитизмом». Декрет предусматривал расстрел за слово «жид».

Еврейский общественный деятель И. Бикерман так характеризовал ситуацию, сложившуюся в России в 1922 году:

«Русский человек никогда не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым работником. Были и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами трудов своих, русский народ рос и богател, имя русское было велко и грозно. Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии — совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь «славное» имя Нахамкеса, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. <До 1925 года Гатчина носила не менее «славное» имя — Троцк.— В. К.>

Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом... распоряжающихся, делающих дело советской власти... а власть эта такова, что поднимись она из последних глубин ада, она не могла бы быть ни более злобной, ни более бесстыдной».

О том, что в «новой России» мало что изменилось, читатель может судить сам. Русскому ежедневно внушают, что он — пьяница, лентяй и бездельник. И русский про себя же говорит: «русский дурак». Вспоминая русскую историю, в особенности, историю последнего столетия, убеждаешься, что это недалеко от истины. Император Николай I, которого либералы называют «Николай Палкин», считал, что образованный еврей не опасен русскому обществу. Однако, студенты евреи «под сению науки» вели самую злобную пропаганду среди молодежи. Роль евреев в революционизировании университетов, как отмечает В. В. Шульгин, была поистине примечательна и не соответствовала их численности в стране. Ограничительные меры следовало направить против тех евреев, которые делали революцию. «Этим делом занимались главным образом евреи образованные, а не местечковые и сельские; эти последние мирно зарабатывали свой «ковалец <кусок> хлеба».

В. А. Солоухин сетует в своей книге «Чаша», вышедшей уже после его смерти на то, что Москву, литературные журналы, издательства и пр. были заняты «периферийной массой» — эвфемизм вместо слова «евреи». Именно они-то и завоевали Россию в 1917 году, и началась вакханалия уничтожения, начался Красный террор, «чтобы ослабить или совсем погасить в нашей бывшей России чувство национального самосознания», — отмечает писатель. Но стало это возможно благодаря тому, что русские убивали своих *родных* отцов и следовали «предначертаниям» «*приемных* отцов» — Ленина, Троцкого и иже с ними.

Без малого сто лет спустя удалось то, к чему в 1825 году стремились декабристы. План их состоял в следующем. Государь Николай I был бы убит кинжалом, который Рылеев подал для этой цели Каховскому. Вся Императорская фамилия была бы истреблена «до корня», на что по предложению Пестеля с превеликой пылкостью соглашался «Голицын»; Петербург был бы реформирован при помощи «красного петуха», чернь

грабила бы и убивала, о чем мечтал Якубович; а Щепин-Ростовский «рзал бы и рзал», согласно своему желанию. В этой катавасии, которую гвардейцы начала XIX века готовили России, конечно, погиб бы цвет нации: Жуковский, Пушкин, Грибоедов и Гоголь покончили бы свои дни на эшафоте, ничего не написав... Государь Николай I 14 декабря 1825 года *спас русских от самих себя*. Это пишет «февралист» В. В. Шульгин. Усилиями таких «монархистов», как он, и подрывался престиж Царской власти, которая пала, раздавив под своими обломками и своих разрушителей.

Когда «верные ленинцы» позволяют себе антисемитские высказывания, им следует вспомнить, кто стоял у истоков «партии нового типа» и государства «рабочих и крестьян», приехав в Россию, успевшую свергнуть своего законного Государя, в plombированных вагонах.

Большой знаток национального вопроса В. В. Шульгин писал: «В России людей легко бросить друг на друга, как это и было сделано во время революции. Но можно бросить и на самого себя... Повернет ветер неожиданно, и огонь бросится на собственное жилище того, кто пустил красного петуха». Еврейские погромы 1905 года спустя 12 лет привели к русским погромам. И если во время «первой русской революции» жертвы погромов насчитывались сотнями, то во время «великой бескровной», а затем «великой социалистической» число русских жертв составляло миллионы. Но тот же Шульгин продолжает: «В России лозунг «смерть буржуям» [т.е. призыв к очередной революции] непременно по истечении положенных сроков превратится в грозное улюлюканье — «бей жидов».

Неужели же так будет продолжаться вечно? Ответ на этот вопрос существует без малого две тысячи лет: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга». Эти слова Иисуса Христа передал нам Апостол Иоанн (13, 34).

В нынешнее время все переменялось. Есть русские генералы (и более высокопоставленные лица) — предатели, и евреи—патриоты России. К примеру, тот же генерал Рохлин, убитый русскими наемниками.

Пришла одна женщина в храм, чтобы исповедаться. Да так и обмерла: стоит некрасивый, чуть обрюзгший священник-еврей. Однако, едва он начал ее исповедывать, как прихожанка почувствовала в нем бесконечную кротость и доброту. Бывает, приходишь на исповедь, а священник только и ждет, когда ты от него отстанешь со своими откровениями. «Каюсь, батюшка, в пост телевизор смотрела». — «Ты что, в геенне огненной гореть захотела?» — «Так ведь православных братьев сербов бомбят! Хотела узнать, что и как,» — стала оправдываться женщина. — «Да что тебе эта Сербия? Других забот, что ли, у тебя, матушка, нет? — отчитал ее исповедник. Совсем больная пришла в тот раз домой бедная.

Этот же священник-еврей внимательно ее слушал, кротко успокаивал: «Хоть по молитве, да каждый день, хоть по шажку, да к Богу. И на детей нельзя давить. Лучше сказать: «Хорошо бы в храм сходить да причаститься». А то, что они музыку свою слушают, так ведь в миру живут, не обособленно».

Окончательно покорил прихожанку этот священник своей проповедью:

— Во многих странах я побывал.. Много там храмов. Все они открыты, но почти пусты: нет у них такой потребности в вере, как в России. Недаром страна наша называется Святая Русь...

"Русское прошлое". Л.: 1991, № 1. С. 144.

В.В.Шульгин. Цитир. пр. С. 150-151.

Там ж. С. 202.

Глава двадцатая **БЕЗ ЦАРЯ...**

Корреспондент лондонской «Таймс» Роберт Вильтон, еще совсем недавно радовавшийся успехам «новой России, освободившейся от уз рабства», стал все чаще задумываться. Нет, то были не «узы рабства», а узда, в которой и следовало держать неуравновешенный, как необъезженный конь, народ. Под словом «свобода» серая масса понимала свободу творить свою волю. Нет, как союзник в войне против «гуннов» русский «освобожденный» солдат стал ненадежен.

На одном из участков фронта солдаты отказались идти в атаку. 78 офицеров полка, взяв винтовки, пошли в наступление. За офицерами пошли только их вестовые. Большинство героев погибло в неравном бою. На другой день немцы с почестями похоронили павших. Все это наблюдали из своих окопов русские. Видна умелая рука большевицких и эсеровских пропагандистов, внушающих солдатам необходимость замирииться с немцами. «Гунны» же и не собираются ни с кем мириться.

А 4-го августа произошло событие, невозможное, пожалуй, ни в одной армии мира. Вильтону довелось ознакомиться с донесением генерала Асташева и полковника Духова. Полк в полном боевом снаряжении, с пулеметами и фуражем, под влиянием агитаторов-большевиков, направился к «братьям-немцам». Офицеры тщетно пытались удержать солдат от предательского шага, но им это не удалось. Тогда офицеры вышли вперед и заявили, что не допустят такого позора, пока они живы.

— Только через наши трупы! — воскликнул командир одного из батальонов.

— Эт-та можна! — осклабился ражий детина с толстыми губами и белесыми бровями и выстрелил. Его примеру последовали и остальные «воины свободной России». Перешагивая через трупы своих офицеров, полк ушел к немцам.

Похожий эпизод произошел и на соседнем участке. Офицеры полка призывали к наступлению: теперь не приказывают, а «призывают».

— В ловушку заманить ахвицеры хотять, — закричал чернявый, похожий на цыгана солдат.— Не было метенга, а без метенга пущай сами воюють.

— Вперед, за мной! — воскликнул командир полка, вставая во весь рост с

наганом в руке. Его примеру последовали остальные офицеры и несколько солдат-старослужащих. Загремели выстрелы. Но не со стороны австрийцев, а со своей. Один за другим попадали офицеры. Бородатый капитан обернулся к окопам:

— Что же вы, подлецы, делаете? Креста на вас нет!

— Говорять тебе, метенга не было! — упрямо твердил чернявый и выстрелил в капитана. На следующий день чернявый исчез: не то к австрийцам убежал, не то его убил кто-то из солдат.

* * *

Августейшие узники никак не хотели верить, что армия без Царя превращается в стадо. Пьер Жильяр, учитель французского языка, оставшийся с Царской Семьей во дворце, записал у себя в дневнике: «Понедельник 2 июля. — Мы узнаем, что в районе Тарнополя началось наступление, которое разворачивается с успехом». «Вторник 3 июля.— Молебен по случаю военных событий, предвещающих, как кажется, большую победу. Государь, сияющий, приносит Алексею Николаевичу вечерние газеты и читает ему официальные сообщения».

Но одно дело — одержать победу, другое — сохранить завоеванный плацдарм. Это азбучная истина. Между тем, как сообщила «Биржевая газета», в Калуше, расположенном западнее Станислава, «после захвата его русскими, началась пьяная оргия. Зная, с кем он имеет дело, противник оставил большие запасы вина и водки. Русские «свободные» солдаты откупоривали бочки и пили. Другие валялись на земле и лакали вино из разлившихся луж. Князь Багратион, начальник «Дикой дивизии», послал 80 кавалеристов, чтобы навести порядок. Но, окруженные четырьмя тысячами солдат, пьяных в дым и освободившихся от уз дисциплины, всадники не смогли ничего поделать с ними. Когда же противник начал контратаку, эскадронам князя Багратиона пришлось защищать город и пьяных российских воинов. Как и следовало ожидать, Калуш был снова взят австрийцами».

Узнав о февральской революции, английский премьер Ллойд Джордж заявил: «Одна из задач этой войны выполнена». Корреспондент еженедельника «Таймс уикли» успел поумнеть и 26 июля 1917 года в статье, озаглавленной «Причины русского развала», писал:

«Утрата «морального духа» русской армией является следствием приказа № 1, изданного советами. Кроме того, что этот приказ давал понять солдату, что он — гражданин, наделенный одними только правами, но не имеющий никаких обязанностей, он еще и ударил по принципу единоначалия».

Зачем и кому понадобился приказ № 1, ясно из интервью Иосифа Гольденберга, члена совета «рабочих и крестьянских» депутатов, французскому писателю Клоду Ане: «Приказ № 1 — не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является единодушным

выражением воли совета. В день, когда мы «сделали революцию», мы поняли, что, если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство».

Развалить армию было необходимо, главным образом, большевикам, работавшим по указке германского генштаба. «Февралисты» еще воевали с немцами, и поэтому был затеян

«Суд над большевиками»

«Первая сессия реформенного суда Н-ской армии, с участием военных присяжных заседателей, разбирала дело о большевицкой пропаганде в *** Клеванском полку. Поручик этого полка Дроник убеждал солдат не наступать на неприятеля, не исполнять боевых приказов и силой оружия заставить артиллерию не открывать огня по врагу. Он же распространял среди солдат заведомо ложные слухи, будто нашей артиллерии приказано обстрелять наши же окопы. Пропаганду поручика Дроника поддерживали рядовые Дегтерев, Никулин и ефрейтор Масленник. Прапорщик того же полка Доброхотов, унтер-офицер Урбанский, рядовой Ассиев и ефрейтор Рабченко, вопреки категорическому приказанию своего ротного командира, пошли за проволочные заграждения и вступили в переговоры с неприятелем. По подговору поручика Дроника они обещали противнику содействовать в том, чтобы заставить угрозой батарею артиллерийской бригады прекратить огонь. Поручик Дроник явился к начальнику дивизии с «раскаянием». Из свидетельских показаний и объяснений самих обвиняемых на суде выяснилось, что идеи большевизма им дороги постольку, поскольку они спасают от опасности наступления. Выяснилось также, что поручик Дроник до поездки был горячим сторонником наступления и лишь вернувшись из отпуска 14 июня, неожиданно превратился в ярого большевика. Решением суда поручику Дроннику дано снисхождение, и он приговорен к отдаче в арестное отделение на 5 лет, с лишением чинов, воинского звания и всех особых прав и преимуществ. Прапорщик Доброхотов приговорен к содержанию на гауптвахте на 2 месяца, Урбанский и Ассиев — к одиночному содержанию в военной тюрьме на 2 месяца, с лишением Урбанского унтер-офицерского звания. Ефрейтор Рабченко, заявивший, что он никогда ранее не видел немца в глаза, и пошел лишь, чтобы «побачить» немцев, приговорен к простому аресту на 15 суток. Дегтерев, Никулин и Масленник оправданы».

(«Петроградский листок», 2 августа 1917 года)

Повинны в разложении армии были не только эсеры и большевики.

«Демократические вожди» ничего не говорили о защите Отечества, зато много талдычили о «правах солдата и гражданина». Особенно выделялся своим краснбайством «Верховный Главноговаривающий» А.Ф.Керенский.

«Революционная» армия, многожды превосходившая численностью противника, прекрасно вооруженная и имеющая в своем распоряжении боевые материалы, заготовленные еще при Государе Императоре для нанесения решительного удара по врагу, предпочитала бесчинствовать и грабить собственное мирное население.

К примеру, 46-я пехотная дивизия отказалась выступить на позицию, зато организовала фронт в собственном тылу. Она грабила обозы, которые подвозили боевым частям провиант и снаряжение. Было решено окружить мятежников и нанести по ним удар, если они не придут в сознание.

В сознание они не пришли, и по ним было выпущено 84 снаряда. Были убитые и раненые. Остальные сдались и выдали зачинщиков, но после военно-полевого суда были расстреляны лишь двое из них. Остальных помиловал А. Ф. Керенский. Смертная казнь была заменена каторгой, причем осужденные до окончания войны... возвращались в строй.

Дивизию следовало расформировать, но это не было сделано. Разложение армии шло полным ходом.

* * *

Царскосельский период заточения Царской Семьи походил к концу. Пьер Жильяр так описывает те дни:

«Воскресение 15 июля [2 июля по старому ст.].— Ничего нового в нашем заключении. Единственное развлечение составляют прогулки. Очень жарко, Алексей Николаевич уже несколько дней купается в пруду, среди которого находится детский островок. Это большая радость для него.

Среда 20 июля. — Неудача на фронте принимает все более и более значительные размеры. Выясняется отступление. Государь очень этим огорчен...

Четверг 9 августа. — Я узнал, что Временное правительство решило перевезти Царскую семью. Место назначения держится в тайне. Мы все надеемся, что это будет Крым.

Суббота 11 августа.— Нам дали знать, что мы должны захватить теплую одежду. Значит, нас отправляют не на юг. Крупное разочарование.

Воскресенье 12 августа (30 июля ст. ст.).— День рождения Алексея Николаевича (тринадцать лет). По просьбе Государыни приносили к обедне из Знаменской церкви чудотворную икону Божьей Матери. Наш отъезд назначен на завтра. Полковник Кобылинский под большим секретом передал мне, что нас переселяют в Тобольск.

Понедельник 13 августа.— Нам пришли сказать, что мы должны быть готовы к полуночи; поезд заказан в час ночи. Последние приготовления.

Прощальное посещение детского острова, огорода и т. д. К часу ночи все собираются в полукруглой зале, заваленной багажом. Великий Князь Михаил Александрович приезжал с Керенским и имел свидание с Государем, который

был счастлив увидеть брата перед отъездом. Поезд, который должен нас увезти, еще не подошел. Оказывается, есть какие-то трения с петроградскими железнодорожниками, которые подозревают, что он предназначен для Царской Семьи...»

* * *

Молебен, о котором писал в дневнике швейцарец, служил священник Царскосельского Екатерининского собора о. Николай Беляев. В 1934 году собор был взорван большевиками. На его месте, на костях погребенных священнослужителей, стоит до сих пор памятник «вождю мирового пролетариата». В своем дневнике о. Николай Беляев вспоминал:

«30 июля <1917 г.>. Воскресенье. День рождения б. Наследника Алексея Николаевича. ...Двери открыли, и мы, с пением тропаря «Необоримую стену и источник чудес» встретили показавшуюся в дверях Св. Икону, сопровождаемую о. протоиереем Сперанским со своим диаконом. Икону торжественно пронесли по коридорам Дворца и поставили, не снимая с носилок, посредине церковного зала. Тотчас же явилась вся Царская Семья, преклонив колена, усердно молилась. Ектении, Апостол и Евангелия и молитва читались по чину напутственного молебна ко Св. Богородице. Молебен кончился многолетием Державе Российской, ее правительству, воинству и всем предстоящим и молящимся в храме. По окончании молебна все приблизились к иконе и, земно кланяясь перед нею, приложились к Лику Богоматери. Я снял лежащие на иконе цветы и подал их б. Императрице, целуя ее руку. После этого б. Государь молча подошел ко мне под благословение, за ним Супруга его, Дочери и б. Наследник. Икону подняли на руки принесшие ее солдаты и понесли через круглое зало в парк. За иконою шло духовенство, певчие, Царская Семья на балкон до спуска в парк, где и остановились. Икону понесли дальше, а мы, возвращаясь в церковь, уже окончательно, в последний раз, поклонились б. Царю и его Семейству. [...] Последние слова б. Государя были: «Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и страдают, жаль Родину и народ».

"Гуннами" англичане называли немцев. – Прим. Авт.

П.Жильяр. Цитир. пр. С. 220.

В.Кобылин. Цитир.пр. С. 349.

Игумен Серафим. Цитир.пр. С. 632-633.

Глава двадцать первая ИЗ РОДНОГО ГНЕЗДА

Царское Село словно оцепенело в ожидании роковых событий. В сквере рядом с церковью Знамения Божией Матери, в просторечии называемой Знаменкой, с печальным видом сидел бронзовый Пушкин. У решетки

Александровского парка не было толпы, глазевшей на Государя, вместе с Великими Княжнами и слугами работавшего в парке, склонясь над грядками и клумбами. Не было слышно ни криков черни, норовившей оскорбить плененного Царя и Его Дочерей, ни возгласов караульных, пытавшихся отогнать от ограды наглецов.

Царскосельский гарнизон, опомнившись от «свободы безобразия», заметно отличался от петроградских солдат, щеголявших расстегнутыми рубашками, шапками на затылок, грязными сапогами — свидетельством их «демократизма».

Совсем недавно в Александровском дворце кипела работа: солдаты выносили и грузили на автомашины вещи Царской Семьи, отправлявшейся в ссылку. Процокали копыта драгунских коней и простучали колеса автомобилей. Вместо того, чтобы повернуть в сторону Императорского павильона, находившегося неподалеку от Феодоровского Государева собора, от которого обычно отходил Императорский поезд, кавалькада всадников и автомобилей двинулась мимо могилы жертв революции к дороге на станцию Александровская, пролегающей через парк. Как напоминание о Царственных Узницах, сквозь зелень деревьев пробивались белые, с черным орнаментом здания, похожие на старорусские терема, где располагался лазарет Ее Императорского Величества, в котором трудилась со старшими дочерьми Государыня. Хотя еще сверкали золотом двуглавые Императорские орлы, как бы пытавшиеся защитить Царскую Семью и все, созданное Ею, от недругов, и Государь, и Его близкие будут забыты, орлы будут сбиты, беда и запустение придут в дома и дворцы.

Из дворцовой прислуги Царских резиденций — в Царском Селе, Гатчине, Красном Селе — некогда насчитывавшей не один десяток тысяч, все окажутся без дела, без жалованья, а то и без угла.

* * *

Многие обитатели Царского Села от прислуги Александровского дворца знали о том, что ночью должен состояться отъезд Царской Семьи в ссылку. Но в городе царил тишина. Лишь кое-где бродили одинокие, точно в воду опущенные фигуры. Дворцовая челядь находилась в растерянности. Некоторые были уверены, что все вернутся к ноябрю. По словам барона Штейнгеля, коменданта Екатерининского дворца, то были слова Керенского, сказанные Императрице Александре Феодоровне. Царская Семья собралась в полукруглом бальном зале, выходящем окнами в парк. Проходит ночь. Слышны приглушенные рыдания. Начало светать. Запели птицы. Вершины деревьев осветились первыми лучами солнца. Но вот подают из бывшего Императорского гаража четыре автомобиля. Первый для Государя, Императрицы и Наследника. Второй — для Великих Княжон. Из дверей полукруглого зала выходит Император, поддерживая под руку Государыню. Покачиваясь от усталости (позади осталась полная ожидания и волнений

ночь), оба спускаются по пологому пандусу в парк. Повернувшись к солдатам — их человек восемь — Государь берет под козырек:

— Здорово, молодцы!

— Здравия желаем, господин полковник! — негромко отвечают солдаты.

Весело, вприпрыжку, следом за родителями выбегает Цесаревич. За ним сестры. Худенькие, бледные, скромно одетые, с грустными лицами. Царская Семья усаживается в автомобили. В заднее стекло первого мотора видно залитое слезами печальное лицо Императрицы. Она крестит оставшихся на балконе. Великие Княжны, сидевшие во втором автомобиле, в последний раз оглянулись на родное гнездо — дворец, где прошли их детство и юность. При виде слез, сверкнувших в глазах Царевен, у пожилого шофера защемило сердце. В остальных автомобилях разместились сопровождающие. Утреннее солнце золотило кровлю дворца. Повернувшись в сторону «Знаменки», Великие Княжны перекрестились.

В стороне остались игрушечные, с изящно загнутыми крышами домики Китайской деревни. Миновали Китайский театр.

Гулко простучали по чугунному настилу мостика через канал колеса автомобилей.

Придя в себя после первых минут растерянности, чуть полноватая, пышущая здоровьем Мария Николаевна пожалала плечами:

— Почему бы не поехать по улице? Дорога здесь узкая. К тому же — парк.

— Ах, Машка! Неужели непонятно? — отозвалась младшая сестра, Анастасия. — Чтoб из казарм не увидели. А то как солдатики выскочат, как освобождать нас вздумают.

— Еще неизвестно, что им взбредет в голову, — рассудительно произнесла Ольга. — Мсье Жильяр говорил: кто-то из газетчиков заявил, что, дескать, Царское Село теперь надо называть Солдатским Селом.

— Точнее, Дезертирским Селом! — язвительно поправила ее Анастасия.

— Перестаньте же пререкаться! — осадила сестер молчавшая все это время Татьяна. — Тем более, что солдаты тут не причем.

— Верно изволили заметить, Ваше Высочество, — произнес пожилой шофер.

— Солдаты они что — что им приказано, то они и выполняют. А приказывает знамо кто. Не дело это — без Государя-то!..

Машины ехали уже по дороге на станцию Александровская, обгоняя молочниц, которые везли на ручных тележках бидоны молока, и мастеровых, направлявшихся на работу. Некоторые из них заглядывали в окна автомобилей и, узнавая Великих Княжен, низко им кланялись.

* * *

Оглянувшись назад, князь Василий Александрович увидел драгун: они появились при выезде моторов из парка.

— Экие молодцы! — едко заметил он.— Как они отважно выполняют свой революционный долг. Как лихо охраняют бывшего Царя, бывшую его супругу,

бывших его дочерей и его бывшего Наследника!

Флегматичный лейб-медик, Евгений Сергеевич Боткин, несмотря на невеселое настроение, улыбнулся:

— Почему «бывшую супругу, бывших дочерей», Василий Александрович?

— Вы меня спрашиваете, любезный Евгений Сергеевич? Спросите ваших «единоверцев» — либералов и революционеров. Ведь вы всегда придерживались их взглядов. Так они пишут в своей «свободной» прессе.

— Когда это было! — добродушно махнул рукой лейб-медик. — Много их нынче развелось — этих партий. Нет одной партии — партии порядочных людей.

— Как нет! — удивился Долгоруков. — А разве вы не принадлежите к этой партии? Разве матрос Гвардейского Экипажа Климентий Григорьевич Нагорный, матрос Иван Седнев, граф Илья Леонидович, графиня Настенька Гендрикова, словом, все, кто остался с Царской Семьей — разве они не принадлежат к упомянутой вами партии?

— Полно вам! — смутился Боткин. — Я врач и не мог оставить своих пациентов. Кроме того, я благодарен Государю Императору и Государыне за то, что они удостоили меня своим вниманием и позволили сопровождать их. Да и моих детей разрешили взять с собой.

— А как обрадовался известию о том, что предстоит путешествие, Алексей Николаевич! — вмешался в разговор Татищев.

— Наследник очень подвижный ребенок, и пребывание в четырех стенах очень угнетало его, — отозвался Боткин. — А путешествие предстоит довольно продолжительное. Сначала поговаривали, будто Семью повезут в Ливадию, но затем выяснилось, что везут в Сибирь.

— Словно каторжников! — вырвалось у князя Долгорукова. — Почему же не в Ливадию?

— Полагаю, потому, что мусульманское население Крыма осталось верным Царю. Для татар Временное правительство в буквальном смысле временное. Законной властью они по-прежнему считают власть Государя Императора.

— Государь Император отрекся от Престола, — вмешался сидевший за рулем прапорщик.

— Ошибаетесь, милейший! — вспыхнул князь Долгоруков. — Не Государь отрекся, а «православный русский народ» отрекся от Государя.

— Мы, офицеры и солдаты, отреклись, что ли? — обиделся прапорщик, без году неделя офицер, недавний студент.

— И то верно, — согласился лейб-медик. — Царя предали его родственники, шесть — Главнокомандующих фронтами и оба Командующих флотами — Непенин и Колчак. Один уже поплатился за свою измену. Поплатятся и остальные, — убежденно проговорил Евгений Сергеевич.

— И я о том же, — обрадовавшись поддержке, произнес прапорщик.

— Следили бы лучше за дорогой, милостивый государь! — произнес князь.

И в самом деле, их мотор едва не врезался в зад впереди идущего автомобиля, притормозившего, чтобы не сбить перебежавшую через дорогу

чухонку-молочницу.

— При Государе Петре Алексеевиче баб и девок, перебегавших дорогу перед Царским возком, били плетьюми, и пребольно, — заметил прапорщик.

— Русский народ еще дождется нового Петра Алексеевича, который рубил головы стрельцам, — изрек князь Долгоруков. — Он пропишет ему la mere de Kouzka!_

— Скорее всего, придет не Романов, пусть и Петр Алексеевич, а Гогенцоллерн, — возразил граф Татищев. — Большевики и их союзники в Совдепе набирают силу и, пожалуй, скинут бесхребетное Временное правительство. А уж те готовы на мировую с немцами. Каждая немецкая победа для них — праздник. После взятия Риги германцами по Невскому проспекту шли толпы матросов с красными флагами и революционными песнями. И эти демагоги, впрочем, как и нынешние «временные» правители, еще смели обвинять Государыню Императрицу и Государя в стремлении заключить сепаратный мир с германцами!

— Так уж у них принято. С больной головы да на здоровую, — невесело усмехнулся князь Долгоруков. — А кончится тем, что они друг друга перегрызут.

— Ну, а пока солдатики грызут офицеров, — неожиданно вмешался прапорщик. — На станции Калинковичи толпа солдат нанесла побои троим офицерам, после чего они скончались.

— Чем же объяснить такую жестокость? — с трудом придя в себя, спросил граф Татищев.

— Солдатики вылезли из окопов, чтобы пойти брататься с германцами, а офицеры попытались их остановить. Вот служивенькие и обрушили свой гнев не на немецких, а на своих офицеров. Мешают, дескать, с немцем замирииться да по домам разойтись. А то без них землю поделят.

* * *

Первый автомобиль остановился у станции Александровская. Первым выпрыгнул Цесаревич и принялся оживленно оглядываться вокруг. Он узнавал и будку стрелочника, куда зааживал с месье Жильяром, и переезд, где, бывало, со своим наставником наблюдал за работой ремонтников. С левой стороны мотора вышел Государь. Обойдя машину, открыл дверцу и помог выйти из автомобиля Императрице.

Стоявшие поодаль молочницы, собиравшиеся ехать в Питер — кто на базар, кто к своим постоянным покупателям — низко поклонилась Царской чете и перекрестились. Пожилая женщина с котомкой упала на колени.

— Ты чего, старая дура? — окликнул ее молодой мастеровой, лускавший семечки.— Жалеешь их, что ли? Ведь Царь-то был дурачок!

— Царь-то был дурачок, да вот ситный стоил пятачок, а теперича рупь двадцать, — заступилась за пожилую румяная молодуха.

— Контрреволюцию вздумала разводять, Манефа? — набросился на

молодую мастеровой. — Вот куда надо сообчу, будешь локоть кусать. — Испугалась тебя, дезентир несчастный! — подбоченилась женщина, которую назвали Манефой. — Вон вас сколько, дезентиров-то! — добавила она, увидев драгун, окружавших станцию. — На фронте прыть свою показывайте.

Спор их прекратился: с запасного пути к платформе станции подали поезд. Железнодорожникам еще накануне было приказано Временным правительством приготовить два поезда по 11 вагонов для «американской миссии». На платформе выстроились две шеренги драгун. Мимо них прошел Государь, поднесший ладонь к козырьку фуражки, Императрица, Цесаревич и Великие Княжны. Комиссар Временного правительства, стоявший возле поезда, указывал Царской Семье, затем свите и прислуге, в какие вагоны те должны садиться. Государь и Его Семья встали у окон. Те, кто знал Царя и Царицу, нашли их значительно изменившимися. В волосах Государыни местами седина. Царь похудел, в бороде — как всегда, аккуратно расчесанной — серебряные нити. Седина и на висках. В глазах Императрицы — слезы. Печальны и Великие Княжны. Лишь Наследник, которому накануне исполнилось тринадцать лет, улыбается, вертит головой во все стороны: впереди долгая дорога, новые люди, новые места, свежие впечатления. Еще свежа в памяти вчерашняя обедня. К молебну из «Знаменки» приносили икону Знаменской Божией Матери. Затем Дети и Наследник ходили прощаться с Детским островом, с парком, с огородом, на разбивку которого было положено столько сил. Государь наказал оставшимся во дворце слугам разделить урожай поровну между собой.

Комиссар Временного правительства разрешил взять с собой детский автомобиль Наследника и его любимого ослика Ваньку — подарок цирка Чинизелли. Глаза Государя и Наследника сухи, Государыня и Великие Княжны вытирают слезы.

Бабы-молочницы, рабочие постарше низко кланяются Государю, Императрице и их Детям. Те приветливо кланяются в ответ. Но и у отъезжающих, и у невольных провожатых на сердце камень.

Суетливый, постоянно принимающий наполеоновскую позу Керенский то и дело посматривает на часы. Паровозные команды все еще возятся с локомотивами. Уже десять минут седьмого утра. Керенский дает знак машинисту. Поезд трогается с места и быстро набирает ход. Государыня крестит оставшихся на платформе. Император прикасается ладонью к козырьку фуражки, прощаясь с солдатами и офицерами, которые отдали честь — не «полковнику Романову», а своему Государю и Верховному Главнокомандующему...

Государыня Императрица и Великие Княжны с грустью смотрят на купола царскосельских храмов, золоченые кресты на маковках Феодоровского Государева собора, двуглавые орлы на теремах подворья. Удастся ли когда-нибудь вернуться в любимое Царское Село, где прошли их лучшие годы? Государыня поднесла к глазам платок.

* * *

Царица не могла забыть сцены, которую ей довелось наблюдать. Выйдя из автомобилей, доставивших их к станции Александровская, Царственные Узники по шпалам направились к поезду. Поддерживаемая Государем, Императрица, с трудом передвигая больные ноги, медленно шла вдоль насыпи. Словно онемев, толпа, не веря собственным глазам, смотрела на Императора, Государыню, Великих Княжон, Наследника Цесаревича, удалявшихся от них. Быть может, навсегда. И рядом — зачем-то броневик. Будто конвоир, сопровождающий преступников на каторгу...

Государь и один из офицеров охраны помогли Императрице забраться в вагон. Сам Государь поднялся легко и быстро. И оба тотчас исчезли. Толпа так и застыла. Казалось, что Царь и Царица растворились во мраке. Неужели никто из них, царскоселов, больше не увидит ни ласковый, добрый взгляд Государя, ни прекрасные, с тенью грусти, глаза Государыни на бледном лице, обрамленном копной золотых, тронутых сединой волос? Почему журналисты называют их «бывшими»? Помазанник Божий, что бы ни говорили эти «временные», остается помазанником Божиим. Неужели не доведется им увидеть и Царских Детей — Великих Княжон, знакомых всем, кому довелось побывать в лазаретах? Наследника Цесаревича, которого совсем недавно называли «нашей надеждой»?

Но вот немного погодя в одном из окон появились лица Государя и Государыни. Государыня стояла слева от супруга, справа — Цесаревич. За Ним — Великая Княжна Татьяна Николаевна. Огромные глаза еще больше расширились, словно пытаюсь запомнить лица оставшихся, зелень деревьев. Пахло травой, цветами, горелым маслом. В соседнем окне показались прелестные лица Великих Княжон Ольги, Марии и Анастасии.

Одним из военных, остававшихся на станции, был полковник Кушелев. Движимый непреодолимым порывом сердца, он взвился вверх по ступенькам. За ним поднялся полковник Артабалевский. По коридору на площадку вагона вышел Царь. Полковник бросился перед Ним на колени, но Государь тотчас поднял его и, обняв, поцеловал. Утешал своих офицеров Царь, уезжавший в ссылку, в неведомое, а не они, остававшиеся здесь, в России. Государь протянул руку Артабалевскому. Тот припал к теплой, сильной руке Императора. Царь привлек к себе полковника, обнял и поцеловал. Словно ребенок, ищущий защиты у отца, полковник приник к плечу Государя. Несколько мгновений спустя тот бережно отстранил офицера от себя.

— Идите, иначе может быть для вас обоих большая неприятность,— проговорил Царь. — Спасибо вам за службу, за преданность... За все. За любовь к нам... От меня, Императрицы, моих Детей... Служите России, как служили мне. Верная служба Родине ценнее в дни ее падения, чем в дни ее величия... Храни вас Бог.

Мастеровые, молочницы, солдаты смотрели на происходящее, как бы

оцепенев. В окне снова показались Государь и Цесаревич. Сквозь слезы улыбалось лицо Государыни Императрицы. Приложив ладонь к козырьку защитной фуражки, Государь отдал честь. С радостным лицом Цесаревич кивал головой. Сгрудившиеся в соседнем окне Великие Княжны приветливо кивали хорошенькими головками.

Оставшиеся на станции офицеры отдали честь. Затем сняли фуражки и поклонились. Поезд тронулся. Простолюдины очнулись, замахали руками, шапками, платками. У многих в глазах стояли слезы. Люди сознавали, что остались без незримого покровительства своего Царя, Государыни и Царских Детей. Остались один на один с огромной бедой. Несмотря на безоблачное небо, им казалось, словно над ними нависла черная туча.

* * *

1 августа 1917 года. Поздние прохожие, поглядывавшие в сторону Александровского дворца, видели одинокий огонек в слуховом окне. Еще вчера дворец жил своей жизнью, слышались голоса. Теперь в парке ни души. На черном фоне неба и деревьев желтеет силуэт великолепного творения Кваренги. Тихо. Жутко, как на кладбище...

Пострадавший во время Великой Отечественной войны, дворец был отреставрирован. Но во время реставрации 1947—1951 гг. были утрачены многие детали внутренней отделки, еще сохранившиеся после войны. Так исчезла уцелевшая часть антресолей, лепной декор на стенах. Двери Кленовой гостиной. В Мавританской уборной, где в пол был вмонтирован бассейн, о котором часто упоминается в письмах Императрицы, был некогда установлен турник, умывальник, стойка с винтовками тульского завода. На стенах были развешаны пистолеты, охотничьи ножи и шашки. Перед окном находилась ценная коллекция портсигаров, которые собирал Николай II. И здесь фрагменты отделки, еще сохранившиеся после войны, были уничтожены советскими реставраторами.

В первоначальном виде сохранились лишь приемная и бильярдная. Слово «первозданный» не вполне точно. После перестройки в 1896—1898 гг., о которой писал матери молодой Император в 1898 году, в этом помещении находилась столовая Императорской Семьи. От ее убранства до 1998 года сохранились дубовые панели, камин и люстра фирмы Ф. Мельцера. В последние годы царствования Николая II здесь была приемная, где ожидали аудиенции лица, приехавшие к Государю на доклад. В центре находился большой стол (прямо под люстрой), рабочий стол, диван. Комната была украшена картинами, фотографиями, статуэтками, серебряными изделиями. Тут же стояли две подставки для ружей и знамен. На стене портрет Государыни Александры Феодоровны. Очевидно, копия. Было много журналов, которые могли почитать те, кто дожидался приема у Государя. Главный хранитель царскосельских музеев Анатолий Кучумов часто работал по ночам в Александровском дворце. По его словам, у него не раз возникало

ощущение, что в пустынном здании он не один. Однажды он заметил силуэт высокой дамы в черном, которая тотчас исчезла, едва ученый повернул голову в ее сторону. Все служащие дворца давно уехали в Питер. Силуэт, по его убеждению, мог принадлежать лишь хозяйке дворца, которая вернулась в тот дом, где была счастлива со своей Семьей. Это ее дух не находил покоя. Возле одной из витрин, где выставлена одежда Царских Детей и их Августейших Родителей, стоит корзиночка с бессмертниками. Это дар двух пожилых дам, приехавших из-за рубежа, чтобы поклониться памяти невинно убиенных. Тут же письмо со следами влаги (слез?):

«Дорогие Николай и Александра и Дети!

Мы знаем, что души Ваши уже давно нашли вечного покоя у Отца.

Благодарим Отца, что в конце концов после 80 лет Ваши прахи <очевидно, души> вернулись в Александровский Дворец, в то место, которое так любила Ваша семья.

Радуемся, что Ваша глубокая вера в Бога все Ваши страдания преодолела. Клара Эттен <дальше неразборчиво> и Ксения Сребрянская (чей отец служил у Вас).

8 марта [19] 98 г.

С. Петербург».

Дамы забыли русский язык, но не забыли любовь и преданность Царской Семье, которую завещал им их родитель.

* * *

Узнав, что им будет позволено заниматься благотворительностью там, куда они едут, Татьяна Николаевна приободрилась. Давно стало ясно, что ни о какой Ливадии не может быть и речи. Везут, похоже, в Сибирь.

— Когда мы приедем, то мы сможем построить на новом месте храм, Мама? — спросила Ольга.

— Ну, конечно, душа моя,— грустно улыбнулась Государыня. — Но, думаю, храм там будет. Лишь бы позволили посещать его.

Посещение церкви всегда было великим утешением для Царской Семьи. Накануне, 30 июля, по просьбе Государя, полковник Кобылинский пригласил во дворец священника, который отслужил благодарственный молебен по случаю дня рождения Цесаревича. Было отслужено и молебствие по случаю предстоящей поездки.

Чтобы попрощаться с Семьей брата и поздравить племянника с днем рождения, во дворец приехал Великий Князь Михаил Александрович, но Цесаревичу не позволили попрощаться с «дядей Мими».

Вскоре после отъезда Царской Семьи из Александровского дворца «революционеры» ограбили его. Многие предметы обстановки, картины и другие вещи оказались в домах сов- и партработников, попали за границу. Прекрасная царская библиотека была раскассирована, ее книги попали в

различные организации и ведомства, а оттуда, благодаря усилиям нечистых на руку сотрудников, — в антикварные лавки и частные коллекции скупщиков краденого. Еще в 1970-х гг. в букинистических магазинах попадались книги из библиотеки Александровского дворца.

Все-таки ряд предметов, принадлежащих Царской Семье, каким-то образом сохранился. Несколько помещений, в свое время занятых Государем и Его Семьей, были приспособлены для выставки, получившей в 1994 г. название «Конец Монархии в России». Устроители выставки постарались создать впечатление, будто Императорская Семья только что покинула дворец и с минуты на минуту вернется. В лиловой гостиной Государыни на столах — фотографии, семейные памятки.

Кабинет Государя остался в том же виде, в каком он был в день отъезда Императорской Семьи в сибирскую ссылку. Дневник был открыт на записи:

«31-го июля. Понедельник. Последний день нашего пребывания в Царском Селе. Погода стояла чудная. Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, кот. все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10 1/2 милый Миша вошел в сопровождении Кер. и караульн[ого] нач[альника]. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно. Когда он уехал, стрелки из состава караула начали таскать наш багаж в круглую залу. Там же сидели Бенкендорфы, фрейлины, девушки и люди. Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать, — он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и, наконец, в 5 1/4 появился Кер[енский] и сказал, что можно ехать. Сели в наши два мотора и поехали к Александ[ровской] станции. Вошли в поезд у переезда. Какая-то кавалер. часть скакала за нами от самого парка. У поезда встретили И. Татищев и двое комиссаров от прав-ва для сопровождения нас до Тобольска. Красив был восход солнца, при кот. мы тронулись в путь на Петроград и по соедин[ительной] ветке вышли на Северн. ж. д. линию. Покинули Ц. С. в 6.10 утра».

Под неубедительным предлогом Царскую Семью повезли не в Ливадию, как обещал Керенский, а в Сибирь. Видно, для того, чтобы усугубить и без того тяжелую участь Царственных Узников.

Зарубежные посетители, побывавшие на выставке и увидевшие детские с игрушками, простыми кроватями, акварелями, развешанными на стенах, которые были нарисованы Великими Княжнами, были растроганы до слез. Впечатление, которое произвел Александровский дворец и Царское Село на

приближенную Императрицы Юлию Александровну Ден летом 1917 года, нынче изменилось лишь в худшую сторону. Ю. А. Ден свидетельствовала: «Царское Село стало мертвым городом... Дворец походил на заброшенную усадьбу. Я ходила взад и вперед перед окнами дворца, но не смогла обнаружить там никаких признаков жизни».

После этой поездки в Царское Село госпожа Ден вернулась в Петроград, где прожила несколько недель. Начиналось голодное время. С разрешения Временного правительства, которое вскоре пало, верная Лили уехала с сыном в Южную Россию, оттуда — в Одессу. После долгих мытарств им удалось добраться до Англии, где, после трех лет разлуки, их ждал муж и отец.

С Августейшими Узниками Лили Ден так и не удалось больше увидеться. Оторванные от родных мест, друзей, близких, и Государь, и Его Семья, конечно же, скучали.

Верный своей привычке вести дневник, Император имел возможность хоть как-то отвлечься от тяжелых раздумий. С тоской Государю помогала справиться твердая вера в Промысел Божий. Он знал правило: «Довлеет дневи злоба его» («Каждому дню хватает своих забот»). Тот, кто страшится завтрашнего дня, несет двойное бремя — и нынешнего дня, и грядущего.

«1-го августа <1917 г.> Поместились всей семьей в хорошем спальном вагоне международного общества. Залег в 7.45 и поспал до 9.15 час. Было очень душно и пыльно — в вагоне 26 ° Р. Гуляли днем с нашими стрелками, собирали цветы и ягоды. Едим в ресторане, кормит очень вкусно кухня Вост.-Китайской ж. д.» — писал Царь.

«2-го августа. Гуляли до Вятки, та же погода и пыль. На всех станциях должны были по просьбе коменданта завешивать окна; глупо и скучно!»

Но уже через день, перевалив через Уральский хребет, пассажиры ощутили прохладу. Могильным холодом пахнуло от Екатеринбургa, который Царственные Узники проехали утром.

Все еще переживая разлуку с Царским Селом, не могли свыкнуться с новой обстановкой. Зато Государь лишний раз убедился в том, что существуют преданные Ему люди. Генерал-адъютант Татищев, не имевший никакой должности при дворе и не пользовавшийся никакими преимуществами, в отличие от многих царедворцев, отвернувшихся от Него в трудную минуту, охотно согласился сопровождать Царскую Семью вместо престарелого графа Бенкендорфа, у которого тяжело заболела жена.

«Все эти дни часто нагонял нас второй эшелон со стрелками — встречались, как со старыми знакомыми», — записал 4-го августа Государь.

Поезд с Государем и Его Семьей прибыл в Тюмень с опозданием. На станции Шалья произошло крушение товарного поезда. Кто-то пустил слух, что товарный поезд должен был столкнуться с Царским, но стрелочник вовремя перевел стрелки. В Тюмень Августейшие пленники приехали в 4 часа ночи.

Их встретили дежурный по станции и представитель от Северо-Западного округа. После двухминутной остановки поезд двинулся по ветке на станцию Кура. На пристани Западно-Сибирского товарищества уже стоял мелкосидящий пароход «Тоболяк». Когда поезд подошел к пристани, его встретил тюменский ударный батальон. Как и полагалось «свободным гражданам России», солдаты были в фуражках, сдвинутых на затылок, в расстегнутых рубашках. У многих винтовки были с веревками вместо ремней. Первым из вагона вышел Император, за ним — Государыня. Командир батальона отдал честь Императору, затем — полковнику Кобылинскому. Молча улыбаясь, последовав примеру отца, отдал честь и Наследник Цесаревич, одетый в солдатскую форму с понами ефрейтора и Георгиевской медалью. Несмотря на ранний час, на берегу реки собралось множество горожан, желавших получше рассмотреть своего бывшего повелителя. Граф Татищев и князь Долгоруков, сопровождавшие Царскую Семью, обратились к Государю и Императрице:

— Ваши Императорские Величества, нижайшая просьба, пройдите в каюту. Измученные дорогой Августейшие Узники и их дети прошли в отведенные им довольно чистые каюты: у Государя, Императрицы и Наследника было по каюте, у Великих Княжон — пятиместная каюта. Несмотря на усталость, уснуть удалось не скоро: мешал шум при погрузке багажа, продолжавшейся всю ночь.

Утром пароход отчалил. После плавания по реке Туре Тобол показался гораздо шире, берега — круче. Накануне, когда пароход проплывал мимо села Покровского, Государыня грустно заметила:

— Здесь жил незабвенной памяти отец Григорий. Здесь он ловил рыбу и присылал ее нам.

Ни Императрица, ни дети не удивились тому, что им довелось увидеть родное село Григория Ефимовича. Дом Г. Е. Распутина просуществовал до 1980 года. Через три года после сноса дома инженера Ипатьева был снесен и дом сибирского старца.

— Как отец Григорий предсказал, так оно и случилось, — проговорила Ольга Николаевна, перекрестившись на храм. Ее примеру последовали и остальные.

Оставшиеся в каюте граф Татищев и князь Долгоруков продолжали разговор, перескакивая с одного предмета на другой.

— Ну, что за страна! Еще год назад на Государя молились, а теперь его везут с Семьей под конвоем. За что? За то, что он любил Россию, желал ей величия и счастья? — произнес граф Илья Леонидович.

— Именно за это, — с горечью ответил Долгоруков. — В большинстве своем народ и солдаты любят Государя. А хулиганье не в счет. Как говорится, в семье не без урода. Беда в том, что мы, дворяне, не были опорой трона. Кто, как не мы, обязаны были стать образцом верности и преданности своему Царю? Кинуть камень, особенно, в Государыню, осудить правительство стало признаком хорошего тона. Нет, мы недостойны иной судьбы,

недостойны такого Государя. Но что мы могли поделать, если члены Императорской фамилии предали Государя, если они плели заговор против главы Дома, а некоторые были прямо или косвенно замешаны в преступлении. Разве не Великий Князь Дмитрий и князь Юсупов — родственник одного из Великих Князей, преступив все законы гостеприимства, подлым образом убили бедного крестьянина? — негодовал князь.

— Отольются кошке мышкены слезки, — кивнул Татищев. — Думаю, причиной многих расправ над офицерами и знатью со стороны солдат было и чувство мести за убийство такого же, как они, простого мужика. А петроградская светская чернь радовалась «акту патриотизма»! Радовалась, не предполагая, что радуется собственной гибели.

— Увы, все это правда, Илья Леонидович, — невесело отозвался Долгоруков. — Попалась мне на глаза газетка с карикатурой. Уж очень злая, но верная картина на ней изображена. И подпись: «Россия похожа на мчащийся паровоз, управляемый толпой безумцев». Спереди — солдат с гармошкой. У трубы — Стеклов-Нахамкес со знаменем «Долой!». За ним матрос в клешах, перепоясанный лентами, держащий винтовку. Слева — Циммерфельд и хулиган с папироской в зубах и бомбой в руке.

— По-моему, вы сгущаете краски, — возразил Татищев. — Временное правительство владеет ситуацией.

— Полноте, граф, — поднял кверху ладонь Долгоруков. — Ничем оно не владеет. В начале июля его едва не сбросили банды распропагандированных солдат и матросов. На этот раз обошлось. Но обойдется ли на следующий — неизвестно. Государя обвиняли в излишней мягкости, но в армии была дисциплина. Ни палками, ни плетью, ни пулеметами солдат не гнали вперед. Существовало глубокое понимание долга, связь между солдатами и офицерами. Конечно, находились и дезертиры, но их были единицы. Был закон, который карал тех, кто не желал выполнять приказы и идти в наступление. А нынешние «временные правители» и правление-то свое начали с того, что принялись ломать устои, допустили образование всякого рода солдатских и матросских комитетов, которые указывают офицерам и генералам, где и когда наступать. С уходом Государя, на котором настаивали Главнокомандующие фронтами, а также Великий Князь Николай Николаевич, армия перестала существовать.

— Как это — перестала существовать? — попытался протестовать граф Татищев. — А наступление в Карпатах, а захват пленных, большого количества вооружения?

— Успехи эти временные и кажущиеся. Все будет отдано назад австрийцам, — продолжал Долгоруков. — Попалась мне как-то на глаза американская книга «Война Севера с Югом». На обложке — солдат армии Конфедератов. Он бежит вперед с винтовкой в руке. А голова оторвана снарядом, из шеи фонтаном бьет кровь. Так и русская армия. Она еще есть, но ее уже нет. — Мрачную же картину вы нарисовали, Василий Александрович, — зябко

поведа плечами, после паузы проговорил Татищев.

— Зато верную, — пожал плечами князь. — Как и нас. Мы еще живы, но нас уже нет.

— Ну, батенька, вы уж совсем того-с... — развел руками граф. — Разве господин Керенский не обещал освободить Государя, как только состоится Учредительное Собрание, которое решит образ правления в России и судьбу Государя и Его Семьи.

— Неужели вы в это верите? — искренне удивился Долгоруков. — Еще до прихода «временщиков» к власти господин Керенский грозился расправиться с Государем как с изменником.

— Но ведь комиссия Временного правительства установила, что никакой измены не было! — возражал Татищев.

— Тем более! Выходит, изменники они сами! Неужели вы думаете, что керенские, гучковы, милюковы и прочие «калифы на час» признаются в этом?

* * *

К приезду Царской Семьи местные власти готовились заранее.

В середине июля 1917 года в Тобольск приехал командующий войсками Омского военного округа, недавно назначенный, полковник М. П. Прединский. Он осмотрел наиболее видные здания города. Его внимание привлекли три дома, находившиеся неподалеку друг от друга.

Бывший дворец генерал-губернатора, после февраля получивший название «дома свободы», занятый местным совдепом, был освобожден по указанию полковника Прединского. Из дома купца Корнилова в другое здание был переведен Тобольский окружной суд. Еще один дом, находившийся ближе к пристани, как и первые два было приказано отремонтировать и привести в должный вид. Как впоследствии выяснилось, распоряжения эти выполнены не были.

1 августа 1917 года полковник Прединский получил телеграмму от А.Ф.

Керенского:

«Омск. Командующему войсками. 31 июля вечером из Царского Села отправляется для следования через Тюмень в Тобольск эшелон особого назначения, чрезвычайной важности. Предлагаю безотлагательно принять все необходимые меры к благополучному следованию эшелона и размещению его на месте. Министр-председатель Керенский».

Полковник поручил своему помощнику, Сергею Михайловичу Немчинову, немедленно выехать в Тюмень, чтобы принять самые действенные меры к охране Царской Семьи (именно о ней шла речь в телеграмме) от покушений и эксцессов.

Вместо казенных пароходов С. М. Немчинов зафрахтовал два частных судна — «Русь» и «Кормилец», принадлежавших Западно-Сибирскому обществу пароходства. Пароходы оказались достаточно просторными и удобными. Была тотчас же произведена тщательная уборка и дезинфекция

судов.

На одном из полустанков в нескольких десятках верстах от Тюмени помощник командующего округом встретил эшелон особого назначения. Сопровождавший Царскую Семью комиссар Временного правительства Павел Михайлович Макаров был высококультурным и гуманным человеком. Со вкусом одетый, с располагающей внешностью, он владел несколькими иностранными языками. Зато вошедший в купе гвардейский капитан, одетый в хорошо сшитый френч с пуговицами, обтянутыми красным сукном, был не таков.

Макаров возмущенно говорил о нем: «Этот господин говорит: «К чему это Временное правительство нянчится со всей этой сволочью — одним бы ударом покончить с ними, и делу конец». Вы сами видите, каким комфортом окружена Царская Семья, как мы их везем. В этом сказалось к ним и отношение Керенского. Все это можно объяснить исключительно их персональной чистотой. Этот офицер — делегат Центрального комитета совета рабочих и солдатских депутатов. Хорошо, что он сопровождает нас только до Тобольска».

Напрасно Немчинов пытается «сохранить хорошую мину при плохой игре». Он старается уверить потомков в благородстве намерений Временного правительства, которое якобы желало спасти Царскую Семью от большевиков, рвущихся к власти, как показали июльские события в Петрограде. Почему же не отвезли ее в Ливадию, как просил это сделать Керенского Государь? И если, по его мнению, Царская Семья находилась «в почетном плену», то, выходит, никакого преступления никто из них не совершал. К чему же было окружать ее такими «офицерами», которые посмели назвать Великих Княжон, Цесаревича и их родителей сволочью? После того, как поезд прибыл в Тюмень, Царскую Семью и ее спутников решили разместить в 1-м классе парохода «Русь».

Первым из вагона вышел Император. На нем было военное пальто с погонами полковника гвардии Императорской фамилии и вензелями Императора Александра III. В петлице — Георгиевская лента. Наследник последовал за матерью, за ним — Великие Княжны. Алексей Николаевич был в военной шинели солдатского сукна, в погонах гвардии ефрейтора и с Георгиевской медалью 4-й степени на груди. На Императрице и Великих Княжнах были надеты дорожные пальто.

При разговоре с помощником Омского военного округа Государь проявил феноменальную память. Он помнил командный состав округа до переворота. Знал, какие полки стояли в мирное время в Омске. Назвал батальоны, из которых были образованы эти полки после русско-японской войны.

Перечислил номера полков и запасных батальонов, которые были сформированы из кадров этих полков.

Во время поездки на станции Екатеринбург к литерному поезду подошел некий тип, назвавшийся «представителем революционной демократии» и потребовал разрешить ему осмотреть поезд, имея основания подозревать,

что в нем находится спасающийся бегством бывший Император Николай II. Собралась толпа. Комиссар Макаров не впустил «революционного демократа», заявив, что в поезде едут члены американской миссии и осматривать поезд в их присутствии будет нарушением дипломатических норм.

После двадцатиминутной задержки поезд двинулся дальше. Случай этот дал Государю повод для шутки. Приоткрыв дверь купе, он спросил у комиссара Макарова:

— Павел Михайлович, а что, сейчас «американцам» уже можно пройти в столовую?

По прибытии поезда в Тюмень на станцию «Тюмень-пристань», после того, как багаж был погружен, а отряд охраны занял свои места на пароходах «Русь» и «Кормилец», суда двинулись в путь. Это произошло в ночь с 3 на 4 августа 1917 года.

Во время плавания на Государе неизменно была суконная рубашка защитного цвета с полковничьими погонами и Георгиевским крестом на груди, зеленые армейские шаровары со следами штопки и поношенные армейские сапоги.

По свидетельству Немчинова, Царь охотно вступал в разговор с находившимися на палубе. Держался просто и естественно.

Князь Василий Александрович Долгоруков спросил у представителя военной власти, что, по его мнению, явилось причиной революции.

— Недовольство широких народных масс затянувшейся и неудачной для нас войной. Дороговизна и недостаток продовольствия. Крайне частая смена правительства, которую г-н Пуришкевич метко назвал «министерской чехардой». Главное же — пренебрежительное отношение к Государственной Думе, сумевшей сосредоточить на себе все надежды страны, — ответил Немчинов.

— Все, что вы говорите, батенька, внушили Вам господа газетчики и прочая шушера. Вы, по-моему, человек умный и должны понять, что все обстоит наоборот.

— Если бы своевременно было удовлетворено требование Государственной Думы об ответственном министерстве, быть может, удалось бы предупредить революцию.

— Полноте, любезный. Революция — это не спасение, а конец России.

Затеяна она была на немецкие и английские денежки. Чтобы внести разлад в армию, а затем и в государство. Не случись революции, война была бы скоро окончена. Причем, в пользу России. А с ее окончанием потеряли бы значение и дороговизна, и недостаток продовольствия. Теперь же ни о каком окончании войны и речи быть не может. Война будет длиться несколько лет и закончится позорным разгромом. Низложив Императора, вы, революционеры, захотели удержать армию на фронте. А армия воевать не желает за «благочестивое Временное правительство», солдатики бегут домой, по пути грабя своих же, русских. И продолжаться так будет долго. Пока Россия не распадется на удельные «княжества» со своим «царьком» во

главе каждого из них.

Немчинов всплеснул руками:

— Да что вы такое говорите?

— Попомните мои слова. В затылок господину Керенскому уже дышат большевички. А уж те церемониться с вами, «временными», не станут. Насидевшись в тюрьмах и ссылках, они всю Россию превратят в тюрьму... Впрочем, я буду счастлив, если ошибусь.

Во время остановок парохода на пристанях Великие Княжны сходили на берег для прогулки в сопровождении офицера и нескольких стрелков. Все собирали полевые цветы, и Царевны возвращались на пароход с огромными букетами, которые они дарили родителям, брату и своим спутникам.

Каюта кочегара парохода «Русь», словно магнит, притягивала Великих Княжон. У кочегара был сын-младенец Гоша. Ольга и Татьяна Николаевна, в которых уже проснулась жажда материнства, нянчили и пеленали кроху. Подолгу развлекали его, словно предчувствуя, что своих детей иметь им не суждено. Однажды в каюту прямо с вахты вошел отец Гоши — весь в саже и копоти, не успев снять рабочую одежду. Остановившись в дверях каюты, глазами полными слез и счастья, кочегар смотрел то на сына, то на Великих Княжон. Растрогалась и мать младенца.

— Вот смотри, — обратилась она к мужу, — вырастет твой сын, плюнет в глаза матери, а не поверит, что ему выпало такое счастье.

Что-то случилось с этим младенцем? Ведь впереди были голод, гражданская война, коллективизация — та же самая война со своим народом, а затем и другие войны...

Посмотреть на Царскую Семью к пристани Тобольска приходили многие. Некоторые низко кланялись, крестили Царственных Узников. Казалось, в Тобольске ничего не изменилось. Правда, существовал «дом свободы», в который превратился бывший особняк генерал-губернатора, был и совдеп, зато не было праздной шатающейся солдатни. Государя по-прежнему почитали, и на его имя поступали разного рода прошения, которые принимал полковник Кобылинский. Однажды при появлении на палубе Императора целая семья татар со старыми и малыми благоговейно опустилась на колени...

Один крестьянин прибыл к пароходу на подводе. Увидев дежурного офицера, он обратился к нему:

— Ваше благородие, горе у меня случилось. Живу я верстах в двенадцати от города. Все было хорошо, да вот в последнее время медведь повадился. Зарезал корову, зарезал теленка, а вчерась и коня зарезал. Прослышал я, что Государь Император с солдатами приехали в Тобольск. Так я и здесь. Ваше благородие, будьте милостивы, попросите Государя Императора дать двух солдатиков медведя убить. Я их сам и отвезу и накормлю, и обратно целенькими привезу, да еще и поблагодарю.

Узнав о просьбе крестьянина, Император заметил:

— В России общества правильной охоты платят большие деньги тем, кто

выследит медведя, и после этого на медвежью охоту мобилизуются все охотничьи силы. А здесь, в Сибири, наоборот, человек приезжает и Христом Богом просит избавить его от непрошенного гостя, обещая за это избавление всевозможные земные блага.

Удовлетворил ли просьбу крестьянина полковник Кобылинский, начальник охраны, неизвестно. Едва ли.

Необходимо отметить, что Государь, видя промахи Временного правительства и хаос, который наступил в стране после его отрешения от власти, не злорадствовал. Узнав из газет, что на фронте спокойно, а кое-где достигнут какой-то успех, Государь сказал:

— Выбор и назначение Временным правительством на пост Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова я считаю очень удачным. Мне кажется, ему, человеку необыкновенной энергии, удастся справиться с положением.

Увы, великодушный Государь ошибался. Иисус Христос сказал: «Без Мене не можете творити ничего соже» («Без Меня не можете ничего делать»).

Отрекшись от Царя, «революционные генералы» наподобие Корнилова, отреклись и от Бога. И были обречены на поражение.

Подобно тому, как Корнилов отступил от Государя, так и от него отступился Керенский, сначала соглашавшийся с тем, что с большевиками необходимо покончить, а затем обвинил Корнилова в желании стать диктатором и взял себе в союзники... большевиков, которые через считанные месяцы, если не недели свергнут его.

Именно с приходом большевиков к власти положение Царской Семьи изменится в худшую сторону (как, впрочем, и всей России). Царственным узникам придется оставить Тобольск, который Царь впервые посетил еще будучи Наследником престола. «У меня сохранились очень приятные воспоминания о необыкновенно теплом и сердечном приеме, который был мне оказан в Тобольске, — вспоминал Государь. — Так отчетливо и живо помню вечер в саду Ермака».

О том, как Царская Семья и ее спутники — прислуга и свита — устроились в Тобольске, Государь сообщал родным. Чаще всего он писал сестре, Великой Княгине Ксении Александровне.

* * *

Комиссар Временного правительства Макаров еще до отъезда в Тобольск посоветовал свитским взять с собой как можно больше книг, вещей, которые создавали бы уют, поскольку город небольшой, и Узникам будет скучно. Именно по настоянию Макарова был приобретен рояль для Великих Княжен. На смену Макарову в Тобольск был направлен комиссар Панкратов и его помощник Никольский. Если о последнем Узники отзывались, как о грубияне и притеснителе, то Панкратов, много лет сидевший в тюрьме, проникся сочувствием к Царской Семье. Много рассказывал о своих странствиях по

Сибири, которую исходил с геологическими партиями. В этом революционере было много ума и такта. Он просматривал почту — не на предмет цензуры, а для того, чтобы изымать анонимные письма с угрозами в адрес Царской Семьи, с оскорблениями; были письма и из действующей армии, авторы которых обещали «прислать дивизию для расправы над комиссаром, отрядом и самой Царской Семейей».

Переписка с родными и знакомыми была единственной ниточкой, связывавшей Царскую Семью с внешним миром. Правда, письма, как и газеты, приходили с большой задержкой в Тобольск.

Мы приводим письмо Государя сестре Ксении Александровне.

«23 сентября 1917 г.

Дорогая моя Ксения.

Недавно получил я твое письмо из города от 23-го марта, ровно (далее неразборчиво). В нем было два образка, один от Тебя, другой от М. Труб. Благодарю за него сердечно и ее тоже. Давно, давно не видались мы с Тобой. Я тоже надеялся, что Тебе удастся заехать к нам из Крыма. А как мы надеялись, что нас отправят туда же и запрут в Ливадии, все-таки ближе к вам. Сколько раз я об этом просил Керенского. Мишу я видел 31-го июля вечером, он выглядел хорошо. А теперь бедный сидит тоже арестованный, надеюсь, не на долго. Мы слышали, что Ты себя неважно чувствовала и еще похудела летом.

Здесь мы устроились вполне удобно в губернаторском доме с нашими людьми и М. Gilliard [Жильяром], а сопровождающие нас в другом доме напротив через улицу. Живем мы тихо и дружно. По вечерам один из нас читает вслух, пока другие играют в домино и безик.

Занятия с детьми налаживаются постепенно, также как в Ц. Селе.

За редкими исключениями осень стоит отличная; навигация обыкновенно кончается в середине октября, тогда мы будем более отрезаны от мира, но почта продолжает ходить на лошадях.

Мы постоянно думаем о вас всех и живем с вами одними чувствами и одними страданиями.

Да хранит вас всех Господь. Крепко обнимаю Тебя, милая Ксения, Сандро и деток.

Твой старый Ники».

Помнил о своих друзьях и Алексей Николаевич, скучавший по милому Царскому Селу, его паркам, озерам. Своему старому учителю Петру Васильевичу мальчик писал:

«Тобольск, 27 ноября 1917 г.

Дорогой Петр Васильевич.

Очень благодарю Вас за письмо, все читали. Я очень извиняюсь, что я Вам не писал раньше, но я в самом деле очень занят. У меня каждый день 5

уроков, кроме приготовлений, и как только я освобожусь, я бегу на улицу. День проходит незаметно. Как Вы знаете, я занимаюсь с Клавдией Михайловной, по русск., по ариф., по ист., по географ. Крепко обнимаю. Поклон всем. Часто вспоминаю вас. Храни Вас Бог. А.»

«Дорогой Петр Васильевич. Поздравляю Вас с наступающим праздником и Новым Годом. Надеюсь, что Вы получили мое первое письмо. Как Ваше здоровье? Пока у нас очень мало снега и поэтому трудно выстроить гору. Дждой толстеет с каждым днем, потому что он ест разные гадости из помойной ямы. Все его гонят палками. У него много знакомых в городе и поэтому он всегда убегает. Я Вам пишу во время французского урока, потому что у меня почти нет свободного времени, но когда будут каникулы, я Вам буду писать чаще. Поклон и поздравления учителям. Храни Вас Господь. Ваш пятый ученик. Алексей».

Студеной зимой 1917—1918 года Великая Княжна Анастасия Николаевна так описывала переезд из Царского Села в Тобольск вместе с родными и сопровождающими их лицами:

«Мой дорогой друг! Я расскажу тебе, как мы ехали. Выехали мы рано утром, а после того, как сели в поезд, я легла спать, как все наши. Мы очень устали, потому что накануне ночью не спали всю ночь. В первый день было очень жарко и пыльно. На станциях приходилось закрывать шторы на окнах, чтобы никто не мог нас увидеть. Однажды вечером я смотрела из окна. Мы остановились возле маленького домика, но никакой станции мы не видели. К моему окну подошел маленький мальчик и спросил: «Дяденька, дай, пожалуйста, газету, если у тебя есть». Я ему ответила: «Во-первых, я не «дяденька», а «тетенька», а во-вторых, газеты у меня нет». Сначала я не поняла, почему он назвал меня «дяденькой», но потом вспомнила, что у меня коротко острижены волосы (после болезни), и мы с солдатами, которые стояли у окна, расхохотались. По пути происходило много забавных случаев, и если будет время, я напишу тебе о дальнейшем нашем путешествии. Прощай. Не забывай меня. Все мы тебя целуем. Твоя А<настасия>«.

Гулять Узники могли лишь на отгороженном от улицы участке. Большим утешением для них была возможность посещать храм. Время коротали в чтении. 6-го октября (1917 г.) по доброй воле в Тобольск приехал мистер Гиббс, учитель английского языка Царских Детей, которому раньше не разрешали присоединиться к Семье.

Мистер Гиббс рассказывал о том, что творится в России, в Петрограде. Новости были не слишком утешительные. Правда, он привез и французскую газету L'Entente, издававшуюся в Петрограде. В ней была помещена статья, в которой автор поражался поразительным равнодушием к судьбе своего Монарха и его Семьи, находившейся в заточении, со стороны русского офицерства, придворных кругов и дворянства, не стесняясь, называя их изменниками. Русской знати и офицерству он противопоставлял своих соотечественников. Автор привел пример из Французской революции, когда за королем Франции и его королевой шли на эшафот с последним предсмертным возгласом Vive le Roi! («Да здравствует король!») его министры, свита и даже прислуга!...

Ощущая себя частным лицом, Государь изменил своей прежней привычке — избегать разговоров, касающихся политических вопросов. Узнав о провале наступления Корнилова на Петроград, он воскликнул:

— Теперь у Керенского нет никакой надежды удержаться у власти. И стоило ли мне отдавать власть этим временщикам?

— Ваше Величество, за Вами нет никакой вины, — проговорил князь Долгоруков. — Напрасно Вы себя казните. Конечно, было преступлением плести нити заговора у Вас за спиной. Я имею в виду генералов Рузского, Алексеева, Вашего начштаба, командующих фронтами... Но в тех условиях, когда присяга требовала отдать жизнь за Царя, а высшие начальники армии были готовы Царя предать, своим отречением от престола Вы, Ваше Величество, сохранили жизнь многим и многим офицерам, которые были готовы погибнуть за Вас в случае возникновения гражданской междоусобицы. — И все-таки междоусобица эта началась, Валя. И жертва моя оказалась напрасной, — возразил Государь. — Но мог ли я и дальше оставаться в Ставке, зная, что в столице бунт, что моя семья осталась без защиты. Ведь Великий Князь Кирилл увел свой Гвардейский экипаж из дворца. Предать Ее Величество, которую открыто обвиняли в измене и называли немкой, предать Детей я не мог. Господа Родзянко, Гучков, Керенский, которые рвались к власти, уверенные, что они смогут привести Россию к победе, а русский народ к процветанию, не сумели удержать переданную им власть.

— Это уж не Ваша вина, Ваше Величество, — пожав плечами, повторил Василий Александрович. — Следовало разогнать все эти советы рабочих и солдатских депутатов, которые то и дело вставляли палки в колеса «благоверному» временному правительству. Своей мягкотелостью Временное правительство развратило и народ, и армию...

— Увы, это правда, — кивнул Император. — Но армию развалило не столько Временное правительство, сколько приказы № 1 и № 2, изданные петроградским совдепом. Говорят, их сочинил какой-то Нахамкес. Когда нужно было отдавать приказ идти в наступление, военные начальники должны были просить об этом комитеты. Отменив смертную казнь, стало невозможно приказывать солдатам идти в бой. Неужели господа Гучков и Керенский этого не понимали?

— Хотели всем угодить, — развел руками князь. — Необходимость смертной казни понимал Корнилов. И армию словно подменили. Но господин Керенский убоился решительных мер, и когда Корнилов двинул войска на обольшевиченный Петроград, «Главноуговаривающий» назвал его мятежником и обратился за поддержкой к советам. А уж те, получив оружие «для обороны Петрограда», вернуть его назад и не подумали. Нужно сказать, что не только большевики и солдатские комитеты разрушали армию. Шло обсуждение об отдании чести. Один подполковник, военный юрист, встает и заявляет: «Давно бросить эту бессмыслицу, этот пережиток крепостного права». Дошло до того, что такие вот подполковники потребовали свободы политической пропаганды в войсках и ношения военными гражданского платья вне службы. Шли разговоры о правах солдата, но ни слова — о его обязанностях.

— Разрешив митинги в окопах, господин Керенский окончательно сдал свои позиции большевикам, — согласился Николай Александрович. — Мне доподлинно известно, что они располагают огромными суммами, предоставленными им германским генштабом для нужд пропаганды и разложения русской армии.

— Не только деньги сыграли тут свою роль, — возразил Долгоруков. — Из разговоров с офицерами и из газетных сообщений я установил, что Керенский вызывал в них большую ненависть, чем Ленин.

— Любопытное наблюдение, — оживился Государь. — И чем же это можно объяснить, скажите на милость, Валя?

— Ленин — явный и открытый враг России. А Керенский ввел всех в заблуждение, убаюкал красотами «великой и бескровной». Хотя известно, что ни великой, ни бескровной она не была, эта февральская революция. Трагедия офицерства состояла в том, что оно, сражаясь за Временное правительство и за Керенского, ненавидело и презирало «Главноуговаривающего». В те самые минуты, когда безусые юнкера и девушки-ударницы защищали Зимний дворец, господин Керенский находился далеко от Петрограда. Подстать ему оказались и его генералы. Неожиданно для всех оказалось, что они всегда были «левее кадетов», чуть ли не «левее левых». Доходило до смешного. Генерал Брусилов, назначенный вместо Алексеева Верховным, принимая на платформе станции Могилев рапорт от начштаба, генерала Деникина, вздумал здороваться за руку с караулом. Поздороваться за руку с офицером несложно, но с солдатом, который обеими руками держит винтовку, — другое дело...

Представив себе, каково пришлось беднякам рядовым, не знающим, как удержать одной рукой винтовку, чтобы пожать генеральскую руку другой, Николай Александрович невольно улыбнулся.

— В уверенности, что состав Ставки настроен монархически, — продолжал князь, — Брусилов, подлаживаясь под модные «демократические» настроения, решил наладить связь с местным совдепом. Председателем могилевского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов сам себя

назначил некто Гольдман, прапорщик военного времени. Ни к крестьянам, ни к рабочим отношения он не имел. Более того, даже к Могилеву не имел никакого отношения.

— То есть как — не имел отношения к Могилеву? — удивился Николай Александрович.

— Военные власти стали разбираться, откуда он тут взялся. Выяснилось, что после окончания школы прапорщиков Гольдман был направлен в войсковую часть, но поехал не на фронт, а в Могилев и занялся политикой. Более того, у него не было никаких полномочий и от совета депутатов, — закурив папиросу, предложенную ему Государем добавил Долгоруков.

— Обыкновенный дезертир, — презрительно бросил Царь.

— Вот именно, — согласился гофмаршал. — И что Вы думаете? Генерал Брусилов пригласил этого Гольдмана к себе на чашку чая и после беседы с ним пришел к выводу, что деятельность его не только безвредна, но даже полезна. Правда, откровенно проповедовать сепаратный мир он опасался: тогда за это можно было и по шапке получить, но призывал к «борьбе с империализмом и капиталом». Иначе говоря, ратовал за разрыв с союзниками. И Вы знаете, Ваше Величество, начштаба, генерал Лукомский заявил, что необходимы определенные компромиссы.

— От него я этого никак не ожидал, — покачал головой Царь. — Компромисс с врагом — это измена.

— Увы, такие воззрения разрушали армию, а с нею и Россию. Пришедший на смену Брусилову генерал Корнилов это понял и повел решительную борьбу с подобными воззрениями. Кстати, этого Гольдмана он велел арестовать. Но увы, было поздно: путь большевикам был расчищен.

— Стоит ли удивляться тому, что в большевицкой армии оказалось столько офицеров? — заметил Император.

— Не только офицеров, но и генералов, — добавил князь Долгоруков.— Большевики их принудили. Не мытьем, так катаньем.

— Каким же образом?

— Только дьявольский ум был способен догадаться до этого. Всем учреждениям и предприятиям, в которых бывшие офицеры работали, было предписано их уволить. У них оставалось два выхода: или идти в Белую армию, оставив своих близких, или же — на службу к большевикам. И в первом, и во втором случае их семьи становились заложниками. В первом — заложников уничтожали вплоть до малых детей, во втором — подобная же участь грозила в том случае, если офицер переходил на сторону белых. Продолжая служить большевикам, большинство офицеров в душе приветствуют каждую удачную операцию противника. Немаловажную роль в переходе кадровых офицеров на сторону большевиков играет и бытовая сторона. В России, отрезанной от Украины и Сибири, где всегда был избыток продовольствия, по существу, свирепствует голод. Офицерский же состав получает казенный паек и громадное жалованье. В одном из номеров «Известий» был помещен список лиц, занимающих высокие должности в

красной армии...— Затянувшись папиросой, князь Долгоруков сделал паузу. Затем продолжал: — В этом списке, содержащем свыше ста фамилий, я нашел много знакомых имен.

— Знаю, — нахмурился Николай Александрович. — Полковник Кобылинский мне об этом докладывал. Он назвал ряд имен бывших начальников дивизий, командиров бригад, офицеров Генерального Штаба. Один из списков возглавлял генерал-майор моей свиты... Что ж, человеку военному должна imponировать дисциплина, введенная в войска большевиками.

— Дисциплина непомерно жестокая, — не удержался от замечания князь Долгоруков. — Разве не было дисциплины в старой армии? Каждый солдат знал, что он воюет за веру, Царя и Отечество. А за что воюют красноармейцы? За мир? Вместо мира их бросили в ад братоубийственной войны. За землю? Землю им дали, но владеют ими новые паны. Своих помещиков перерезали, на их место пришли инородцы. Кстати, и жестокая дисциплина у большевиков объясняется тем, что командуют ими инородцы и евреи. Вот кто держит в страхе тех, кто вздумает не то что сопротивляться, но даже подумать о сопротивлении.

— По-моему, среди комиссаров хватает и русских. Не мадьяры же и не латыши расправились с Виреном, Курошем, Непениным... Да и на сухопутном фронте, увы! офицеры гибли от рук своих же, русских солдат, — возразил Царь.

— Осмелюсь возразить Вам, Ваше Величество. Среди матросов было немало каторжников, участвовавших в восстаниях 1905 и 1907 года. То же обстояло и с солдатами. Как правило, орудовала шпана, городское и деревенское хулиганье. Оно, как зловонная пена, всплывает при всякой смуте. Но шпана эта держится друг за друга и за большевицкую власть. Они заявляют: «Если мы остановимся, нас перевешают свои же красноармейцы». Простые солдаты очень часто переходят на сторону белых. И уж дерутся до последнего, чтобы не попасть в лапы «товарищей». Смелость, доходящая до отчаяния — вот что придает силу большевикам. Отчаяния людей, ждущих неминуемой кары за свои преступления.

* * *

«Перегибы» большевиков вызвали ответную реакцию не только со стороны крестьян, но и *рабочих*. Особенно выделялись враждебным отношением к большевикам ижевские, воткинские и сарапульские рабочие. В отличие от петроградских, московских и других рабочих Центральной России, это были потомственные, высокооплачиваемые рабочие, имевшие свои земельные участки, покосы, живность. Стремление защитить от грабежей и «продразверстки» большевиков свои дома и хозяйства вызвало ряд восстаний по всему Уралу в течение 1918 года. Самое крупное произошло в Ижевске в августе. Восстановив прежний состав совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который большевики до этого

разогнали, повстанцы сохранили и профсоюзы. На страницах печатных органов совета — «Телеграфно-газеты» и «Ижевского защитника» они выступали против зверств красной армии, продотрядов, смертной казни, за запрет торговли спиртным. Многие из рабочих отличились во время Великой войны, были Георгиевскими кавалерами, некоторые дослужились до офицерских чинов. В их числе штабскапитаны, ротмистр, капитан. Они-то и командовали ижевцами. Были и исключения. Командующим ижевской армии был сын потомственного военного полковник Федичкин; воткинцами и сарапульцами командовали дворяне — капитан Юрьев и корнет князь Ухтомский. Народная армия ижевцев и воткинцев в 1918 году разбила войска Антонова-Овсеенко, отбросила карателей Блюхера, которому чудом удалось спрятаться в лесу.

Боеприпасы повстанцы добывали у красных. После могучего рева гудка почти без выстрелов, с винтовками с примкнутыми штыками, но без патронов, с охотничьими ножами, под звуки гармошки, в рабочих куртках, на красноармейцев — «пушечное мясо» интернационала — шли в атаку за родные очаги мастеровые. На сторону восставших переходили целые полки красных, обманутых комиссарами: те говорили, будто в Ижевске восстали буржуи и дворяне.

Повстанцы разбили две армии красных. Троцкий бросил против них полки, состоявшие из китайцев, латышей, венгров и чекистов из Москвы, Тамбова, Смоленска, Рязани, Саратова и Нижнего Новгорода. Кроме того, против восставших рабочих действовала волжская флотилия Федора Раскольниковца и бронепоезда. Но сломить сопротивление ижевцев красным не удавалось. Тогда на них бросили еще три армии. Оказавшись в безвыходном положении, ижевцы с семьями прорвались на восток, к белым. Сначала те отнеслись к повстанцам настороженно: у них было красное знамя, офицеров называли «товарищами». Да они и были товарищами по работе. Однако, узнав от своих эмиссаров, что это превосходные бойцы, которые горят желанием воевать с красными, адмирал Колчак сформировал из ижевских рабочих бригаду. Ижевцы и воткинцы были лучше остальных вооружены и обмундированы, им предоставлялось право вернуться на свой завод после его освобождения. Лишь желающие могли остаться в рядах Ижевской дивизии. Монархистами они не были, по наивности веря в «идеалы революции», но выступали против засилья большевиков. 25 августа 1918 года «Ижевский защитник» писал: «Над рабочим классом и всей демократией большевицкой властью совершается насилие. За то, что мы отказались идти грабить крестьян, на нас, рабочих, шли с пушками и пулеметами те, которые называют себя «защитниками рабочих и крестьян». Не дадим погубить свои семьи, свои жилища и все те завоевания революции, за которые умерли тысячи лучших сынов народа!»

Кинозрители, смотревшие фильм «Чапаев», помнят эпизод психической атаки каппелевцев. Эпизод взят из жизни. Только в роли «каппелевцев» в действительности выступали *рабочие-ижевцы!*

Благодаря численному перевесу чапаевцам удалось разбить Ижевскую бригаду, но ее не расформировали, как это бывает, а отвели на отдых и в начале августа 1919 года превратили в дивизию. В сентябре от Верховного правителя, адмирала Колчака, она вместо ненавистного белым красного знамени получила Георгиевское знамя. Никто, даже белочехи, не вызывали у большевиков такой ненависти, как ижевцы и воткинцы. Троцкий истерически призывал уничтожать их всех подряд. Среди красных была распространена такая фраза: «Когда гражданская война кончится, все разойдутся по домам, а ижевцы и воткинцы — по гробам».

Фраза оказалась пророческой: те повстанцы, которые, поверив объявлению амнистии, вернулись домой, получили по 9 граммов свинца, в лучшем случае — попали в концлагерь. После падения Владивостока большинство ижевцев вместе с генералом Молчановым эмигрировали в Маньчжурию. В 20-е годы там проживало сто тысяч русских. Часть ижевцев уехали в Соединенные Штаты. В православных церквях Азии, Америки, Европы еще долго звучали слова:

«Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, убиенным и погибшим рабам Твоим воинам ижевским и воткинским... и сотвори им вечную память».

За что сражались ижевские и воткинские повстанцы? По их словам — «за свободу и Учредительное собрание». Свобода означала для них панибратское отношение к своим офицерам, а каков был конец Учредительного собрания, заседавшего всего лишь один день, нам уже известно. Между тем «великая и бескровная» февральская революция одной из своих целей имела созыв этого собрания. Вслед за Тарасом Бульбой хочется воскликнуть: «Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?» Что, господа (и товарищи) «февралисты», помогла вам «Учредилка»? И в «новой России» много говорят о зверствах белых. Да, с их стороны были эксцессы, но как ответные меры на жестокости большевиков. А не планомерное, жестокое уничтожение целых «классов». Обратимся к свидетелю событий, А. И. Куприну.

«Красные солдаты сдавались и переходили <к белым> сотнями... Надежные бойцы вливались в состав белых полков и отлично дрались в их рядах... Злобности и мстивости не было у белых... Красные вожди... внедряли в солдат ужас к белым, которые, по их словам, не только не дают пощады ни одному пленному, а, напротив, прежде чем казнить, подвергают лютым мукам. Но и красные солдаты, а впоследствии курсанты и матросы в день плена, ...не слыша брани и насмешек от недавних врагов, быстро оттаивали от всех мерзостей большевицкой пропаганды и привитых рабских чувств... <Генерал> Пермикин говорил нередко стрелкам: «Война не страшна ни мне, ни вам. Ужасно то, что братьям довелось убивать братьев. Чем скорее мы ее покончим, тем меньше жертв... Жителей не обижать. Пленному первый кусок. Для большевиков всякий солдат — свой и чужой — ходячее пушечное мясо.

Для нас он прежде всего человек, брат и русский»._

Иным было отношение большевиков к тем, кого они считали своими противниками. Особенно бесчинствовали чекисты. Задача их состояла в том, чтобы в городах уничтожать представителей образованного класса. В деревнях — истреблять духовенство, помещиков и наиболее зажиточных крестьян.

«1-ую категорию» обреченных чрезвычайками на уничтожение составляли:

1)—лица, занимавшие в до-большевической России хотя бы сколько-нибудь заметное служебное положение — чиновники и военные, независимо от возраста, и их вдовы;

2)—семьи офицеров-добровольцев (были случаи расстрела 5-летних детей, а в Киеве разъяренные большевики гонялись даже за младенцами, прокалывая их насквозь штыками своих ружей);

3)—священнослужители;

4)—рабочие и крестьяне с заводов и деревень, подозреваемых в несочувствии советской власти;

5)—все лица, без различия пола и возраста, имущество коих, движимое или недвижимое, оценивалось свыше 10.000 рублей.

...Как ужасный вампир раскинула чрезвычайка свои сети на пространстве всей России и приступила к уничтожению христианского населения, начиная с богатых и знатных, выдающихся представителей культурного класса и кончая неграмотным крестьянином, которому вменялось в преступление только принадлежность к христианству... Террор был так велик, что ни о каком сопротивлении не могло быть и речи...» Это пишет князь Жевахов._

* * *

Смена либерального временного правительства временным рабоче-крестьянским правительством, которым руководили ставленники германского генштаба — об этом Императору было доподлинно известно — пока в Тобольске ощущалось слабо. Но было ясно, что когтистые лапы совдепов дотянутся и сюда.

Надежда была на монархическую организацию зятя покойного Григория Ефимовича Распутина — Соловьева. Он уверял, что в его руках находятся все нити и финансовые рычаги и что о Царственных Узниках помнят и в Москве, и в Петрограде.

Государя смущало то, что связь с монархистами осуществляется не через Татищева, князя Долгорукова или лейб-медика Е. С. Боткина, который имеет возможность часто выходить в город к больным, а через горничную Романову. Дальнейшие события покажут, что опасения Государя оказались не беспочвенными.

Постепенно жизнь в Тобольске налаживалась. Возобновились занятия с Великими Князнями и Цесаревичем. Уроки начинались в девять утра. В

одиннадцать до часу — перерыв, прогулка. В час завтрак. От двух до четырех прогулка. Затем занятия продолжались до половины седьмого. Когда в доме стало холодно, Царская Семья и свита собирались в гостиной Государыни. Государь страдал от невозможности заняться физическим трудом. Все же Кобылинский приобрел пилы, топоры, привез березовые бревна. И Государь, и Великие княжны занялись заготовкой дров. Когда Царская Семья появлялась на улице, тоболяки низко кланялись ей. Некоторые опускались на колени. «Одним из наибольших наших лишений... было почти полное отсутствие известий», — вспоминал Пьер Жильяр. Однако новости доходили и до Тобольска.

* * *

Германские хозяева недовольны тем, что большевики недостаточно активно помогают германским войскам. Как бы они от рук не отбились!

Документы, приведенные выше, стали доступны лишь после второй мировой войны.

№ 1645

Секретно.

г. Председателю Совета Народных Комиссаров

<В. И. Ульянову-Ленину>

12 февраля 1918 г.

Разведочное Отделение имеет честь сообщить, что найденные у арестованного кап. Коншина два германских документа с пометами и штемпелями Петербургского Охранного Отделения, представляют собою подлинные приказы Имперского Банка за № 7433 от 2 Марта 1917 года об открытии счетов гг. Ленину, Суменсон, Козловскому, Троцкому и другим деятелям за пропаганду мира, по ордеру Имперского Банка за № 2754.

Это открытие доказывает, что не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов.

Начальник Отделения (подпись)

Адъютант (подпись)»

«В. Секретно.

Г. Председателю Совета Народных Комиссаров

25 февраля 1918 г.

По донесениям нашей тайной агентуры, в отрядах, действующих против Германских войск и против Австро-Украинского корпуса, наблюдается пропаганда национального восстания и борьбы с Немцами и их союзниками-Украинцами. Прошу сообщить, что предпринято Правительством для прекращения этой вредной агитации.

*Начальник Отделения (подпись)
Адъютант (подпись)»*

В письме от 7 февраля, адресованному «Господину Народному Комиссару по Иностранным Делах <Троцкому>» тот же окрик со стороны берлинского начальства.

* * *

Нам интересно знать все, что писали о Царской Семье. Бросается в глаза, как меняется язык газетчиков. Если до марта 1917 года он почтительный, подчас подобострастный, то теперь — все вспомнили, что они граждане «самой свободной страны в мире».

«Петроградский листок» наблюдал за каждым шагом Царской Семьи. А также тех, кто остался им верен. О преданном наставнике Царских Детей, швейцарце Пьере Жильяре, гражданине Швейцарской республики, который стал искренним сторонником монархии, корреспондент «Листка» писал, что он якобы не хотел ехать в Тобольск, боясь, что там «очень холодно». Но дело в том, что о пункте назначения стало известно как Царской Семье, так и ее слугам, лишь в последнюю минуту.

«Бывшая Императрица убеждала Жильяра поехать с ними, так как Наследник будет очень скучать. Убеждения бывшей Императрицы подействовали, и Жильяр согласился сопровождать бывшую Императорскую чету в Тобольск. Бывший Наследник — единственный из членов Императорской семьи, сохранивший спокойствие. Алексей Николаевич больше всего интересовался погрузкой своего автомобиля и ослика, на котором он совершал прогулки в Царском Селе. Это желание Наследника было исполнено. В особом специальном вагоне был помещен его детский автомобиль, которым Наследник в былые годы сам правил. В этом же вагоне был помещен ослик и карета двуколка».

«Петроградский листок» продолжает следить за тем, как устроилась Царская Семья в Тобольске. В номере от 19 августа помещена статья

«Романовы в Тобольске»

«...13 августа в 10 1/2 утра Романовы покинули пароход. С пристани они пошли пешком, бывшая Царица с дочерью Ольгой ехала в экипаже. По пути следования стояла цепь солдат. Когда Романовы вошли в дом, собралась толпа.

В 12 часов на улице показалась процессия, состоявшая из священника и четырех монахинь. Это настоятель Благовещенской церкви с монашками шли служить молебен и святить новоселье.

Помещения Романовых состоят из 14 комнат. Режим соблюдается царскосельский. Семья ехала 6 дней, задерживали поезд для прогулок

Романовых.

— На прогулках, — говорили солдаты, — Николай ходит как мотор, за ним не утонишься. В разговорах называет жену «Их Величество».

Жизнь заключенных в «доме свободы» вступает в фазу повседневности, устраиваются надолго. Квартиранты расположились так: одна комната Николаю, одна — Алисе, одна — Алексею и две — дочерям с общей столовой и залой.

Распорядок дня таков: в 10 часов утра кофе, в 1 час завтрак, затем прогулка, в 5—6 вечера — обед. Под арестом находятся только Николай и Алиса, дети находятся под надзором. Романов обратился через начальника охраны, Кобылинского, к директору ветеринарной фельдшерской школы Благоволину с просьбой рекомендовать учителей для Алексея и младших дочерей. Занятия проводятся по программе мужских и женских гимназий, кроме Закона Божьего. Закон Божий Алиса будет преподавать сама. На днях в церкви Благовещения, по желанию Романовых, будет для них отслужена обедня».

Обращает на себя внимание развязный тон корреспондента: «Алиса» вместо «Императрица» или «Александра Феодоровна», «Николай» вместо «Император» или «Николай Александрович». Журналист не замечает иронии в сочетании «заключенные в «доме свободы»».

«На коне» лидер партии измены. Об этом можно судить по опубликованной 20 августа телеграмме Ленина:

«Срочно

Петроград. Тов. Каменеву.

Вчера приехал в Берлин и немедленно был принят Вильгельмом.

Благодарит. Парвус высылает партию карандашей на предъявителя.

Скоро надеюсь вернуться. Жалко, что опоздаю к выборам. Ваш список (№ 6) одобряю. Все наши — большевики. Агитируйте во-всю. Вернусь — похозяйничаем в Петрограде. Обещайте, что каждый, кто будет голосовать за большевиков, получит дачу Дурново, комнату в доме Кшесинской, словом, все, что захотите.

Auf Wiedersehen. Ленин».

Не правда ли, сколько презрения к русскому народу. А манера обещать «все, что захотите» — эта манера жива и поныне!

Газеты доходят и до Тобольска. Государь страдает от того, что происходит в стране. Недаром Керенский еще в Царском Селе, сразу после июльских беспорядков, затеянных большевиками в Петрограде, говорил ему:

«Большевики нападают теперь на меня, потом будет Ваш черед». Неужели князь Долгоруков прав, утверждая, что нынешнее Временное правительство само виновато в собственном шатком положении. «Отменили смертную казнь, а рядом безнаказанно происходили расправы с офицерами, генералами, инженерами, бывшими чиновниками, епископами, помещиками, — возмущался князь. — Отпустили из тюрем осужденных убийц, мошенников, растлителей, святотатцев, в то же время провоцировали слухи

о каких-то заговорах и расправлялись с мнимыми заговорщиками, как в старые времена не расправлялись с действительными преступниками. Многому господа «февралисты» научились у французской революции». «Петроградский листок» от 22 августа 1917 г. с сочувствием писал:

«Романова находят постаревшим. Он кажется старше своих 49 лет; борода поседела. От той выправки, к которой мы привыкли на фотографиях, не осталось и помина. Бывшая царица чувствует себя совершенно здоровой. Николай Романов бессменно с утра до ночи носит военную тужурку. Из драгоценностей взяты с собой те, которые принадлежат лично каждому. Бывший царь носит только золотые часы Эриксона и обручальное кольцо. Бывшая царица привезла с собою свою шкатулку с драгоценностями, подаренными ей отцом Людвигом и матерью, но ничего не надевает на себя. Все драгоценности, имевшиеся в доме Романовых, как у царствующих особ, остались собственностью государства.

На какие же средства живут теперь Романовы? После отречения от престола у Николая Романова оказалось всего только около 470 тысяч рублей. Эти деньги в его распоряжении и положены им в тобольское отделение Государственного банка. Состояние его супруги, имевшееся у нее на руках, небольшое, а общее состояние детей не больше 8--9 миллионов. Бывший царь ведет работу над своими мемуарами, но, как говорят, рвет большую часть написанного. Так как бывшая великая княжна Татьяна недурно владеет «ремингтоном», то иногда отец диктует ей.

Главный царский повар, француз Оливье, отказался ехать в Тобольск. Он мастер своего дела и, помимо того, чуть ли не единственный из штата прислуги, не предъявивший никаких денежных претензий после того, как Романов перестал быть коронованной особой.

На местном рынке предметы продовольствия, хотя и вздорожали, но все же, по сравнению с Петроградом и Москвой, дешевы. Любимый ослик бывшего цесаревича, взятый Романовыми, заболел в дороге, и зимний климат Тобольска он едва ли вынесет. Отец его занят не придумыванием развлечений для сына, а вопросом о его образовании. Французский воспитатель Жильяр лишь выучил его говорить по-французски. Для преподавания решено пригласить двух преподавателей местных гимназий. Мать и дочери, в особенности, Ольга, настроены религиозно. Ольга часто посещает кафедральный собор св. Софии и Знаменский монастырь, где усердно молится.

В переднем углу столовой устроен киот во всю высоту комнаты, лампы горят круглые сутки, смотрят за этим бывшие великие княжны с Ольгой. Дочь Татьяна больше всего интересуется войной; она только потому уехала с родителями в Тобольск, что в желании ее отправиться [на фронт] сестрой милосердия встретились препятствия.

Романовым разрешено получать несколько газет и ежемесячные литературные журналы. Любимыми занятиями Николая Романова, как и в

саду Царского Села, являются занятия во дворе разбивкой малого сада и огорода и распиловка дров. Все время члены царской семьи находятся под надзором караула, сопровождавшего его в пути. Письма от сестер, дядей и теток просматриваются предварительно начальником караула. Чаще всего они написаны на открытках.

Статс-дама Нарышкина и князь Долгоруков живут в Tobольске, имея собственную квартиру. Доступ их к Романовым беспрепятствен. Только Учредительное собрание решит, оставаться ли Романовым в России или покинуть ее».

Хотя у Евгения Сергеевича Боткина, лейб-медика Царской Семьи, лечившего главным образом Государыню, и было не слишком много свободного времени: зная его доступность и бескорыстие, многие жители Tobольска обращались к нему за врачебной помощью, доктор следил за происходящим в России. Так следит врач за состоянием больного. А уж в том, что Россия больна, Евгений Сергеевич нисколько не сомневался. Пресловутая «великая, бескровная» произошла из-за нехватки хлеба, припрятанного булочниками. Ну, а теперь кто его прячет? Судя по сообщениям петроградской печати, с 15 августа хлебный паек уменьшается до половины фунта на человека. Только рабочие и лица, занятые физическим трудом, будут получать по фунту. Нежирно-с. Неменьшую тревогу честного доктора вызвало известие о том, как встретили большевики известие о падении Риги. Когда мальчишки-газетчики стали выкрикивать заголовки: «Рига пала!» «Взятие Риги германскими войсками!», большевики зааплодировали. Затем на Невском они устроили шествие с пением «Интернационала». Мыслимое ли дело! Временное правительство создало комиссию с целью выявить «изменническую» роль Императрицы в войне — комиссию, которая никаких признаков «измены» не обнаружила. А тут явные изменники устраивают побоище на улицах города, разлагают фронт, дефилируют по Невскому... И временному правительству — как с гуся вода!

Многие поняли, что совершена глупость! Сами же «революционеры» пишут о том, что простой народ требует восстановления монархии. Одна дама в очереди за маслом в Гвардейском экономическом обществе возмущенно говорила: «При Царе публика могла есть и не стоять в очереди, а при Керенском нас ожидает голод». Бдительные соседи по очереди (ведь при каждой революции доносы поощряются) возмутились и сдали домохозяйку милиционерам. Ее обвинили в усиленной агитации за восстановление Царской власти. Хотя, как можно догадаться, никакой агитации дама, назвавшаяся Александрой Чистяковой, и не вела. Агитировали сами за себя пустые полки лавок.

* * *

Находившиеся в Tobольске Царственные Узники следили за всем, что

происходит по ту сторону Уральского хребта. Переписывались с друзьями, родными и знакомыми. 5/18 ноября Государь писал сестре Ксении Александровне, жившей в Крыму: «...Все, что ты пишешь о здоровье Мамы, теперь успокоило меня. Дай Бог, чтобы силы ее вполне восстановились... Тут <в Тобольске> мы живем, как в море на корабле, и дни похожи один на другой»._

В числе корреспондентов Царственных узников была и верная Лили Ден. Все время, пока Царская Семья находилась в Тобольске, Лили мечтала приехать туда. Но ей это не удалось. Живя в родовом поместье на Украине, она получала от Императрицы письма, в которых сквозила тревога. «Сердце дочери и жены солдата ужасно болит смотреть на многое — не могу привыкнуть и не хочу, такие чудо-богатыри, которые были — все с ними можно <было> делать — и как их испортили... Он <Император> страдает, — читает (газетные сообщения), а слезы все время на глазах.»

Кузькину мать - (шутл. франц.)

Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 247.

"Русский Рубеж". М.: (б.г.) № 6.

Ксения Александровна (1875-1960). Великая Княгиня, сестра Николая II, жена В.к. Александра Михайловича.

Впервые письмо напечатано в журнале "Православная жизнь" в 1961 г. Петроград.

31 июля 1917 г. В.к. Михаил Александрович приехал в Александровский дворец проститься с братом и его семьей. Свидание, проходившее в присутствии Керенского, длилось не более десяти минут.

В августе В.к. Михаил Александрович был арестован, но вскоре освобожден.

Жильяр Петр Андреевич (1879-1962), швейцарец, наставник Алексея и учитель французского языка.

Петр Васильевич Петров, тайный советник. Учитель русского языка детей Николая II.

А.И.Куприн. В: "Литература Русского Зарубежья". М.: Книга. 1991. Т.2. С. 48-49.

Н.Д.Жевахов. Цитир. пр. Т. 2. С. 131-133.

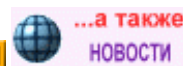
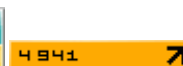
П.Жильяр. Цитир. пр. С. 227.

Е.Heresch. The Empire of the Tsars: The Splendour and the Fall. Pictures and Documents 1896 to 1920. S.Petersburg, Stroitel, 1991, p. 245.

До свидания – (нем.)

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб: Православное общество почитателей прп. Иосифа Волоцкого. 1998. С. 113-114.

Темы: (нет)[[Редактировать](#)]

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Кузнецов В. Русская Голгофа

[ОГЛАВЛЕНИЕ](#)

Глава двадцать вторая **РУХНУВШИЕ НАДЕЖДЫ**

Зачем же Временному правительству понадобилось перевозить Августейших Узников из Царского Села в Сибирь? По словам Керенского, это было сделано для того, чтобы обезопасить Их от большевиков, которые стали набирать силу и заявляли о своем намерении расправиться с Царем и Его Семей. Следователь Н. А. Соколов решил, что был только один мотив перевоза Царской Семьи в Тобольск: «далекая, холодная Сибирь, куда некогда ссылались другие».

В показаниях Соколову Жильяр привел такую причину: «Этот перевод был вызван опасениями <Временного> правительства за благополучие Семьи». Однако в мемуарах тот же Пьер Жильяр, обладавший такой эрудицией и масштабностью видения, какие трудно предполагать в простом учителе французского языка, в свое время писал *другое*: «Можно было полагать это проявлением бессилия перед крайними [т.е. экстремистскими] партиями, которые, будучи обеспокоены обрисовавшимися в армии движением *в пользу Императора* (курсив наш. — В.К.), требовали ссылки Его в Сибирь». Вот в чем дело! Для армии, которая, в отличие от Великих Князей и пяти (по числу лучей в звезде Троцкого-Бронштейна?) генерал-адъютантов Царя не предавала, Государь оставался Державным вождем и духовной скрепой. О движении в рядах крестьянства за возвращение Царя и монархии свидетельствовал и писатель Иван Наживин в своей книге «Записки о революции». Левый анархист, во время кровавых событий и беспредела, усугубившегося после прихода к власти большевиков и левых эсеров, писатель поумнел и пересмотрел свои прежние взгляды:

Web www.gumer.info

- [Евродрова - топливные брикеты.](#)

Удобнее и выгоднее **дров** и угля! Склад в Москве, доставка.

www.e-drova.ru

- [Метод академика Бронникова](#)

Развитие прямого видения мозгом с закрытыми глазами.

www.bronnikov.ru

- [Ясновидящая Юлия Агапова](#)

Снятие порчи. Результат сразу, без греха и вреда здоровью!

www.mag-agapova.ru

- [Приворот любой сложности.](#)

Безвредный, мощный **приворот**, быстро и надежно. 30 лет успешной работы!

«Мы серчали на правительство — оно совсем не было так уж зверски плохо, ...били нашими обличениями по всей России, учились и учили не любить ее, а стыдиться... На первое место в детском и юношеском воспитании выдвинем не тех, кто ловчее освистывал Россию, а тех, кто любовно и бережно описывал ее и учил нас любить ее...»

В беседе с отставным министром Временного правительства Переверзевым писатель рассказал о настроениях в крестьянских массах и отметил, что «уже есть опасность абсолютизма» (Царская Семья была еще жива в это время). — Какая же «опасность» абсолютизма? — удивился экс-министр. — Присягнем нашему Государю Императору и будем верой и правдой служить ему.

Иван Наживин от изумления даже откинулся на спинку стула:

— Но ведь вы были откомандированы в коалиционное министерство одной из социалистических партий? Давно ли вы стали говорить так, как только что говорили со мной?

— А с тех пор, как побывал у власти... — ответил бывший министр юстиции временного правительства.

«Я поклонился, — вспоминает И. Наживин. — Это был умный и мужественно-откровенный человек».

О тяге к царю среди крестьянства свидетельствовал и Иван Бунин. Тот самый, который, узнав в своем орловском поместье об убийстве Столыпина, ...плясал от радости.

А позднее, спустя несколько лет после Екатеринбургского злодеяния, Иван Наживин признавался:

«...И все, и каждый из нас виновны в том, что не сумели сохранить и сберечь Царя своего. И Бог карает за это русский народ. С падением Престола, со смертью Царя всего лишилась Россия. Величие и славу, святыни и богатства... Все... и даже имя свое она потеряла... Все потеряла, и сама отлетела, как сон...»

Иван Наживин отмечал, что вина за гибель Царской России лежит и на писателях:

«С Гоголя и началось это высмеивание России; высмеивали кто во что горазд: один освистывал духовенство..., Островский живописал купца-зверя, Салтыков специализировался на высмеивании чиновничества и т. д. И, наконец, ...явился Горький.. Идеалом человечества... был объявлен пьяный... босяк Ванька-Пляши-Нога и его воняющая сивухой подруга Катька-Заверни-Подол — ...герои, которые идут теперь в авангарде мировой революции...».

Во время своего заточения в Тобольске Государь Император в разговоре с Сиднеем Гиббсом сообщил ему следующее: «Существует легенда, что Царь

• [Ясновидение, сенсорика, магия.](#)

Энергетика, целительство, терапия кармы. 2-недельный экспресс-курс.

www.podgorny-school.ru

• [Поселок "Глаголево-Парк"](#)

Абсолютный лидер продаж. Бизнес-класс. 30-й километр Киевского шоссе.

www.glagopark.ru ☎ Звонить

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

Александр I Благословенный посетил Старца Серафима, и тот сказал ему: «Продлится род твой триста лет и три года. Начался он в доме Ипатьева и кончится в доме Ипатьева. Начался с Михаила и кончится Михаилом»... Он говорил еще много другого, — продолжал Государь. — Что на мощах его будет построена кузница дьявола для уничтожения всего рода человеческого, что Россия будет затоплена кровью за грехи ее. Но Господь милостив, Он даст России восстать из руин и пепла, о чем предупредит всех русских людей чудесными знаменами в святой день Преображения Господня. Старец также говорил о чудесном отроке, который, явившись, избавит Русь от скверны черного язычества. Вы видите, Гиббс, как все это совпадает со словами португальской девочки из Фатимы?» <Речь идет о явлении Божией Матери в Фатиме в 1917 г.>.

«Где-то в середине октября 1917 года, — вспоминал Гиббс, — до Тобольска дошли газеты с описанием так называемого Фатимского чуда. Государь получал в Тобольске много газет, включая и иностранные, но все они приходили по меньшей мере с месячным опозданием. В середине октября пришли некоторые газеты, вышедшие еще в июне и июле. Его Величество дал мне посмотреть несколько газет, где под разными заголовками давалось описание Фатимского чуда. ...После призыва молиться за Россию, которую Господь решил покарать преобразованием, Лючия объявила окончательный приговор Пресвятой Девы. Это произошло 13 июля 1917 года. «Господь твердо решил покарать Россию, и неисчислимы будут ее бедствия и страшны страдания народа. Но милость Господа безгранична, и всем страданиям отпущен срок. Россия узнает о том, что наказание окончено, когда Я пришлю отрока, чтобы тот объявил об этом, появившись в сердце России. Его не надо будет искать. Он сам найдет всех и заявит о себе»... «На месте Вашего Величества, — осторожно заметил я, — я не стал бы придавать особого значения этим газетным сообщениям. Вы же знаете газетчиков и их вечную склонность к преувеличениям. В католических странах случаи, подобные Фатимскому чуду, далеко не редкость. За последние двести лет их произошло не менее дюжины во Франции, Италии, Испании и Португалии. И в Испанской Америке...» — «О нет! — перебил меня Государь. — Ни один португальский газетчик не додумался бы вложить в уста этой девочки пророчества о России. Зачем им Россия? Я тоже знаю о подобных случаях в прошлом. Но все сводилось к тому, если вообще отрицать Божественную сущность происходящего, чтобы привлечь паломников к определенному месту, либо добиться субсидий и пожертвований для какого-нибудь близлежащего монастыря. В Португалии не только эта неграмотная деревенская девочка, но и большинство владельцев газет знают о России столько же, сколько мы о них, даже меньше. Кто же мог вложить в уста девочки, наверняка будущей святой, слова именно о России. Ну, представьте себе, господин Гиббс, чтобы у нас, скажем, Серафим Саровский стал бы пророчествовать о Португалии, Франции или о вашей стране? Кто бы его услышал?»_

Но, как мы полагаем, Государь еще надеялся на то, что Его Семье будет предоставлена возможность выбрать место их дальнейшего пребывания после созыва Учредительного собрания. Даже Государыня, не желавшая расстаться с Россией, где родился Ее Супруг, Ее Дети, Ее Солнечный Луч — Наследник Цесаревич, предчувствуя дальнейшие осложнения в жизни Семьи, попытались связаться со своими королевскими родичами в Англии — королем Георгом и королевой Марией. Если благодарность в наше время стала пустым звуком, то должен же существовать зов крови — ведь королева Виктория была ее родной бабушкой и прабабушкой ее дочерей — Великих Княжон и сына — Наследника Цесаревича. Условия заточения стали невыносимыми. Пришлось рассчитать ряд людей, в том числе и всеми любимую Теглеву. Причина — стесненность в средствах. Царственные Узники ищут какой-то выход.

Свыше тридцати лет назад мисс Маргарет Джексон была учительницей принцессы Алисы Гессенской, впоследствии ставшей Императрицей Всероссийской. Александра Федоровна часто переписывалась со своей старой учительницей. В 1917 году старушка жила в пансионате для гувернанток в Риджентс Парке. К мисс Джексон писал учитель английского языка Сидней Гиббс. В одном из писем он рассказывал о событиях, произошедших в последнее время с Царской Семьей. Он был частным лицом, и писать за границу ему было сподручнее чем самой Императрице.

«Дорогая мисс Джексон,

В газетах вы прочтете о многих изменениях, которые у нас произошли. В августе Временное правительство решило перевезти нас из Царского в Тобольск, небольшой городок в Сибири, расположенный в 300 верстах от железной дороги. Произошла смена резиденции. Мы устроились в новом жилище, доме бывшего губернатора. Город гораздо лучше, чем мы ожидали, но все-таки он крайне примитивен. Он расположен у подножья крутого холма, который завершается высоким плоскогорьем. На нем расположен главный собор, в нем находятся мощи, дворец епископа и большое здание, которое сейчас используется, как судебная палата. Хотя в городе проживает всего 25 тысяч человек, в нем свыше двух десятков церквей, коих колокольни и купола, зачастую необычной формы, придают городу особую прелесть. По обыкновению, церкви окрашены в белый цвет, крыши — в бледно-зеленый. Сверху обычно небольшой купол, увенчанный позолоченным крестом. На фоне светло-голубого неба они являют собой неповторимое зрелище. Наш дом, вернее, дома, поскольку мы занимаем два дома (они расположены через дорогу друг от друга), самые лучшие в городе. Дом, в котором живет Семья, совершенно изолирован, при нем имеется небольшой садик, к которому прирезан участок дороги, тоже обнесенный забором. Второй дом, он почти напротив, занят правительственными чиновниками; в нем также находятся помещения для свиты. Дом губернатора не очень велик, но

комнаты уютно обставленные и светлые. Как в большинстве русских домов, поднявшись по главной лестнице, вы попадаете в залу, по одну сторону которой находится кабинет, а по другую — гостиная. Затем следуют спальня и еще одна комната, в которой спят все четыре дочери. Комната светлая, в ней четыре походные кровати, вокруг них расположены наиболее ценные для Великих Княжон предметы. У самого младшего ребенка имеется отдельная комната, расположенная по другую сторону коридора, служащая ему одновременно спальней и классной комнатой. Внизу столовая, удобно расположенная рядом с кухнями. Дни проходят однообразно, за исключением воскресных и праздничных дней, а также дней, им предшествующих, когда читает молитвы благодушный старый священник, в чьем приходе мы живем. По воскресеньям нам обычно разрешают посещать храм, присутствовать на богослужении и причащаться. Но в остальные дни молитвы читаются дома. Службы очень благолепны и красивы, теперь появился небольшой хор, который прекрасно поет. Младшие члены Семьи занимаются утром до завтрака, после чего мы все работаем и гуляем в загородке. Думать о разнообразии занятий в таком тесном пространстве трудно. Прогулка, пилка дров и подобные занятия помогают провести время и сохранить здоровье. К счастью, все чувствуют себя хорошо и находятся в хорошем настроении несмотря на то, в какое время мы живем. О том, что происходит в мире, узнаем только из газет, которые приходят в эти отдаленные места с опозданием и с большими перерывами.

С тех пор, как Вы писали, прошло очень много времени; возможно, Ваши письма до нас не дошли! Попробуйте написать снова, может быть, следующие дойдут до адресата. Пишите обо всех, как они живут и что поделывают. Мы узнали, что Дэвид вернулся из Франции. Как чувствуют себя его мама и отец? Что кузены? Они тоже на фронте?

У нас похолодало, земля покрыта снегом, но для здешних краев зима пришла удивительно поздно, а осень была просто великолепной. Еще неделю назад утром было темно, особенно, когда мы шли городским садом в храм; но теперь, после того, как время передвинули на час назад, когда выходим из дома, уже светло. В темноте же, когда через каждые несколько ярдов стояли часовые, да еще когда дул ледяной, пронизывающий ветер, нам было жутковато и не по себе. Но радует возможность посещать церковь, потому что служба очень утешает. Служит тот же священник, но ему помогает дьякон, а также певчие, и все получается восхитительно и благолепно. Богослужение продолжается немногим больше часа, затем мы вновь образуем процессию и возвращаемся назад в том же самом порядке, при лучах только что поднявшегося над горизонтом солнца».

Судя по тому, насколько письмо подробно, закрадывается сомнение в том, что письмо писал сам Гиббс, который не был знаком с мисс Джексон. Скорее всего, письмо написано самой Императрицей. Это был своего рода крик о помощи. Ответа на письмо не последовало. Царь и его Семья были нужны

Англии тогда, когда русская армия проливала кровь за своих английских и французских союзников, а ее Верховным Главнокомандующим был Император.

А ведь давно ли писала газета «Дейли Телеграф»:

«Мы должны быть благодарны Великой Северной Империи. Мы постепенно начинаем понимать душу русского народа; та лояльность, за которую Англия так благодарна России, является лишь внешним проявлением величавого темперамента, столь серьезного, скромного, благородного и почти патетически простого... Когда настанет день окончательной победы, мы осуществим наши обязательства по отношению к Северной Империи, которая в течение пятнадцати месяцев вынесла всю тяжесть борьбы».

Статья попала на глаза князю Долгорукову, острому на язык. «После дождичка в четверг осуществите вы ваши обязательства», — заметил он. Особенно его возмутила фраза Конан Дойла, напечатанная в «Дейли Кроникл», которой писатель убеждал русских в отсутствии у англичан «эгоистических целей империалистической политики».

Предположение, что письмо, адресованное мисс Джексон, было продиктовано Гиббсу Императрицей, подтверждается двумя обстоятельствами. Во-первых, вряд ли скромный служащий Царской Семьи, незнакомый с английской королевской семьей, осмелился бы назвать Дэвидом принца Уэльского, родственника Императрицы. Во-вторых, семнадцать месяцев спустя учитель английского языка направил некоему правительственному чиновнику следующий запрос:

«В Верховный комиссариат Великобритании, Владивосток

1 мая 1919 года

Сэр,

Находясь в Тобольске, куда сопровождал покойную Императорскую Семью, по просьбе Императрицы я написал письмо некоей мисс Джексон, которое в действительности предназначалось для Короля и Королевы. В то время ни им, ни мне было невозможно связаться с внешним миром ввиду строгой цензуры; сама же Императрица, по причинам, которые Вы можете понять, писать не могла. При таких обстоятельствах Императрица оказала мне честь воспользоваться моими услугами, и хотя я незнаком лично с мисс Джексон, я послал ей письмо, в котором попытался ознакомить ее с обстоятельствами и условиями нашей жизни, каковое мне было поручено отправить.

Мы были уверены, что письмо, написанное мною соотечественнице в Англии, не привлечет ничьего подозрения. Как я узнал, оно благополучно дошло до Петрограда. Письмо было отправлено из Тобольска 15 декабря 1917 года, а из Петрограда было послано с оказией на имя мисс Джексон в Приют для гувернанток, расположенный в Риджентс Парке в Лондоне. Императрица была уверена, что мисс Джексон доставит письмо королеве, однако я не

имею возможности установить, действительно ли письмо дошло до адресата. Поэтому я прошу вас выяснить, не могло ли оно где-то затеряться».

В Королевском архиве в Виндзоре письма этого нет, однако Тревину, автору книги «Наставник Цесаревича», основанной на дневниках Гиббса, удалось ознакомиться с документами, указывающими на интерес к Гиббсу и всему, что относилось к Августейшим Узникам.

И Георг V, и его супруга Мэри сделали вид, что не услышали этот зов о помощи.

Англичане высадили десант в Архангельске, но весьма немногочисленный. Когда войска Северо-Западной армии наступали на Петроград, англичане, обещавшие ей помощь, практически ничего не сделали, хотя обладали самым мощным в мире флотом. Ружья, которые они поставляли, выдерживали не больше трех выстрелов, танки, которые они присылали, как горько острили русские, были времен «войн Филиппа Македонского» и ломались на каждом шагу. Правда, присылались отменного качества танки французского производства «Бебе», но экипажи их были укомплектованы англичанами. А те заявляли, что роль танков — оказывать на противника устрашающее воздействие, а не участвовать в бою.

Поступали аэропланы, но оснащенные неподходящими пропеллерами; пулеметные ленты не входили в казенники пулеметов, присылаемых англичанами; снаряды не взрывались. Приходит в голову мысль: уж не такой ли тактики придерживались те, кто снаряжал корабли 2-й Тихоокеанской эскадры. Ведь у русских были отменные артиллеристы, но поскольку снаряды, как правило, не взрывались, японцы понесли незначительные потери, в то время как почти вся русская эскадра погибла.

Англичане обещали продовольствие для армии и населения Петрограда, но продукты осели в ревельских складах, где их разворовывали, ими спекулировали, а армия в это время голодала.

Но повинно в предательском отношении к своим союзникам было высшее английское руководство. Боевые же офицеры не разделяли его.

Одним из моряков, питавших симпатии к русским, был адмирал Кемп (скончавшийся 13 января 1928 года).

С 1915 года он командовал английской флотилией, действовавшей против немцев в Баренцевом и Белом морях. Трата времени на перевод при переговорах его раздражала, и адмирал выучил русский язык. В 1917 году он уже принимал участие в переговорах по морским перевозкам и говорил по-русски.

Когда началась гражданская война на Севере, и англичане оккупировали Архангельск и часть губернии, адмирал выступал против оккупации. Он требовал не оккупации, а помощи России. Требовал, чтобы в Россию через Архангельск были направлены 20 пароходов с хлебом и 20 пароходов с войсками. Хлеб следовало отправить в Москву и Петроград. Эти центры русской жизни надо было освободить от германских агентов и

интернационального сброда.

О подрывной работе германской агентуры свидетельствует такой факт. За полчаса до взрыва парохода «Барон Дризен», стоящего в Бакарице, районе Архангельска, капитан и боцман покинули судно.

* * *

До Государя доходили слухи о провале Корниловского наступления на Петроград. Казаки Краснова, которые должны были разогнать большевиков, были остановлены на подступах к столице хорошо организованными отрядами «красной гвардии» — матросами, которые приобрели «опыт» в февральской революции, солдатами-дезертирами и рабочими, которых Керенский до зубов вооружил на свою голову. Большую часть «красной гвардии» составляли немецкие военнопленные, главным образом, офицеры. Генерал Краснов сразу узнал «германский почерк»: снаряды немецко-большевицкой артиллерии шли точно в цель.

С опозданием в месяц пришли и газеты. «Известия» от 29 августа 1917 г. извещали:

«Комитет народной борьбы с контрреволюцией при ЦИК С.Р. и С.Д. постановил: в переживаемые тревожные дни предложить товарищам печатникам к сдаваемым им в набор текстам разных воззваний и в случае, если их содержание покажется им подозрительным, немедленно доводить об этом до сведения по следующим телефонам: № № 180-90 и 80-85».

Позднее об этой практике скажут: «Скорость стука выше скорости звука». «Речь» от 1 сентября:

«...В связи с выступлением генерала Корнилова по приказу полковника Верховского членами штаба произведен обыск в помещении Союза Георгиевских Кавалеров».

«Биржевые ведомости» от 1 сентября:

«Вечером 30-го августа в Петроград прибыл стоявший во главе 3-го кавалерийского корпуса, шедшего, по приказанию ген. Корнилова на Петроград, ген. Крымов. ...Из Зимнего дворца ген. Крымов проехал... на Захарьевскую, 19, где... выстрелил в область сердца».

Государь понял, что победа «защитников Петрограда» означает конец надежде на освобождение страны от засилья немецкой агентуры. Документы, подтверждающие связь большевицкого руководства с немцами, еще в апреле 1917 года попали в разведотдел русской армии. Временному правительству удалось подавить большевицкий мятеж 3 июля 1917 года, потому что войскам были зачитаны документы,

свидетельствующие, что Ленину, Суменсон, Козловскому, Троцкому и другим агентам германского генштаба были заплачены известные суммы за подрывную работу в тылу и на фронте русской армии.

За утечку информации, допущенную большевицким руководством, его хозяева — разведывательное бюро (отдел) германского генштаба — сделал строгое внушение своим ставленникам, когда те захватили власть, отобрав ее у Временного правительства. Налицо была государственная измена, но «временщики», сами возникшие в результате измены, потому и отошли в сторону, когда «кукловоды» — круги, которым было не нужно русское государство, — решили, что наступило время для смены декораций. «Около 15 ноября <1917 г.> мы узнали, что Временное правительство свергнуто и что большевики захватили власть в свои руки. Но... большевики лишь несколько месяцев спустя надумали заняться нами», — вспоминал Пьер Жильяр. Комендантом продолжал оставаться довольно благодушно настроенный к Августейшим Узникам эсер Панкратов. Но после того, как в Рождество дьякон провозгласил во время службы в церкви многая лета Царской Семье, разразился скандал. Солдаты едва не растерзали священника. После этого Царской Семье запретили посещать храм, что было для них тяжелым ударом. В январе солдатский комитет запретил носить погоны, а в феврале, в связи с демобилизацией армии (готовился Брестский сговор) старые солдаты были отпущены домой. Несмотря на «уступчивость» большевиков, немцы продолжали наступать. Были сокращены расходы на содержание Семьи и служащих. По существу, Семья, у которой были конфискованы все средства, стала жить чуть ли не впроголодь. Добросердечные тоболяки, узнав о бедственном положении Августейших Узников, приносили им сласти, печенья, яйца. 19 марта стало известно о том, что подписан Брест-Литовский договор. По сообщениям газет, одним из условий договора было требование немцев передать им целой и невредимой Царскую Семью. Требование оскорбило Государя и Императрицу. В середине апреля в Тобольск прибыл с отрядом красногвардейцев московский комиссар В. В. Яковлев, облеченный ВЦИК'ом неограниченными полномочиями. Он заявил, что должен увезти с собой Императора. Сначала Государь отказался, но Яковлев сказал, что иначе пришлют «менее гуманного, чем он, человека». Поняв, что его хотят заставить подписать позорный Брестский договор, Государь заявил, что скорее даст отрубить себе руку, чем подпишет подобный документ. Заставив себя расстаться с детьми, Государыня поехала с Императором. Перед отъездом дети упали на колени перед родителями, прощаясь с ними.

В. В. Яковлев, учтиво относившийся к Государю, называл его «Ваше Величество» и упорно отказывался назвать место назначения. До Тюмени добирались с трудом. При переезде через реки, которые вот-вот должны были вскрыться, вода доходила до осей тарантасов. Государя и Императрицу сопровождали, кроме Великой Княжны Марии Николаевны, князь Долгоруков, лейб-медик Боткин, камердинер Государя Чемодуров,

бывший матрос Гвардейского Экипажа Седнев и комнатная девушка Императрицы Анна Демидова. Хорошо изучив характер швейцарца Пьера Жильяра, который умел ухаживать за Наследником Цесаревичем, Императрица поручила ему присматривать за ребенком, получившим тяжелую травму при катании на санках с лестницы. Ледяная горка, на которой катались Царские Дети, была разрушена охранниками. При детях также остались граф Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден, Е. А. Шнейдер, А. А. Теглева, камердинер Царицы Волков, дядька Наследника К. Г. Нагорный, лакей А. Е. Трупп и ряд служителей. Общее число их составило 26 человек. 15/28 апреля на имя Кобылинского из Тюмени пришла телеграмма: «Едем в хороших условиях. Как здоровье Маленького? Христос с вами».

Неожиданно обитатели генерал-губернаторского дома в Тобольске получили телеграмму, в которой сообщалось, что вместо Москвы Августейшие путешественники оказались в Екатеринбурге. Как это произошло, до сих пор точно не установлено. Одни полагают, что Яковлев, пытавшийся пробиться в Москву окружным путем, был задержан. Другие — что он был в сговоре с Я. Свердловым и Лениным, которые не хотели, чтобы Государь оказался спасенным немцами. Хотя опасения эти были беспочвенными. В отличие от большевиков, Царь на сговор с оккупантами не пошел бы. Поэтому возмутительно замечание, сделанное следователем Н. А. Соколовым: «Царь Николай II... Да разве мог он сказать такие слова: лучше смерть, чем соглашение с немцами?»_Что это? Преднамеренная клевета? Искреннее заблуждение? Результат обстановки, сложившейся в кругах русской эмиграции, пытавшейся убедить всех, что в их несчастьях повинен преданный ими Государь, а не они сами? Не о них ли говорил М. Арцыбашев в «Записках писателя»:

«Где вы, те, кто в Феврале исходил восторгом от «великой бескровной русской революции», кто ждал от нее великих достижений, кто сыпал громкими словами и пышными лозунгами?.. Как ошпаренные тараканы рассыпались они по всему свету, забились во все заграничные щели и... думают горькую думу: что же это такое? Неужели мы, в самом деле, были только идиотами, ничего не предвидели и не понимали?.. Нет, ошпаренные тараканы, отсидевшись и отдышавшись от этой проклятой революции, в прекрасном далеке, немедленно принялись измышлять себе оправдание. Кое-кто просто пытается снять с себя всякое оправдание, свалив всю вину на большевиков, на немцев, доставивших нам знаменитый запломбированный вагон, на стихийное бездушие, вдруг, неведомо почему охватившее весь русский народ. А кто похитрее, стараются все дело представить в таком виде, чтобы и вины никакой не оказалось, они пытаются «оправдать революцию»»_.

Не от имени ли этих «ошпаренных тараканов» говорил Н. А. Соколов,

называя Царя слабым, безвольным, награждая и другими эпитетами, по примеру юсуповых, шавельских и прочих клеветников. Нельзя перечеркнуть огромный труд, проделанный в 1919 году следователем по особым делам, но нельзя и не усумниться в ряде выводов, к которым приходит этот юрист. По словам одного из свидетелей, Яковлев во время поездки сообщил Государю, что его везут в Ригу. Другие полагали, что Царя везут в Москву. Комиссар Заславский (знакомая фамилия?), получивший от Яковлева щелчок по носу, убедил Уральский совдеп, что Яковлев везет царя не в Москву, а за границу. Екатеринбургские большевики объявили по телеграфу «всем, всем, всем», будто Яковлев — враг народа. Во время остановки поезда для заправки водой он был окружен. Яковлева с его «грузом», как цинично называл Царственных Узников московский ставленник, направили в Екатеринбург. Там пленников обыскали. У князя Долгорукова, на его беду, нашли два револьвера и 80 000 рублей. Князя тотчас же отправили в тюрьму. Остальных повезли в дом инженера Ипатьева, которому в апреле месяце было предписано большевицким совдепом освободить особняк, оставив мебель, а вещи перенести в кладовые. Особняк получил зловещее название «дом особого назначения». Следовательно, все было предусмотрено заранее, и гипотеза о «добром комиссаре» Яковлеве становится неубедительной.

Шая Голощекин, вместе с Дидковским приехавший из Германии, обыскал пленников, словно это уголовники. «Груз» был принят Белобородовым и Дидковским, которые выдали Яковлеву такой документ:

*«Рабочее и Крестьянское
Правительство
Российской Федеративной Республики Советов
Уральский Областной Совет
Рабочих
Крестьянских и Солдатских
Депутатов
Президиум
№ 1
Екатеринбург, 30 апреля, 1918 г.*

Расписка.

1918 года апреля 30 дня я, нижеподписавшийся, Председатель Уральского Областного Совета Раб., Кр. и Солд. Депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от Комиссара Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из г. Тобольска: 1. бывшего царя Николая Александровича Романова, 2. бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3. бывш. вел. княжну Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в г.

*Екатеринбурге.
А. Белобородов
Чл. Обл. Исполн. Комитета
Г. Дидковский»*

Поскольку деньги находились у князя Долгорукова, Царственные Узники оказались без средств. Принадлежавшие им драгоценности, в основном, остались в Тобольске (драгоценности, принадлежавшие державе, были конфискованы еще временным правительством). Чтобы сохранить их, Государыня послала Теглевой от имени горничной Демидовой телеграмму: «Уложи, пожалуйста, хорошенько аптечку с лекарствами, потому что у нас некоторые вещи пострадали». Под словом «лекарства» подразумевались драгоценности.

Царственных Узников повезли в дом Ипатьева. Ошибся солдат, который решил, что Императора повезут в столицу. Во время остановки поезда в одном из сел какой-то крестьянин спросил красноармейца — из тех, кто сопровождали Царя:

— А куда вы, черти, нашего Царя-батюшку везете? В Москву, что ли?

— В Москву, дедушка, в Москву.

— Слава Те, Господи, что в Москву. Теперича снова будет в Расее порядок...

Увы, нет в Москве Царя, нет и порядка в России.

Дом Ипатьева находился на вершине холма напротив Воскресенской площади. Окружен он был высоким забором, так что из окон был виден лишь золотой крест, наблюдать который доставляло удовольствие узникам «дома особого назначения». В одной комнате разместились Их Величества с Великой Княжной Марией Николаевной, в другой — Анна Демидова, в третьей — доктор Боткин и Чемодуров. Охрана дома заметно отличалась от той, что была в Тобольске. Комендантом был бывший слесарь Авдеев, пьяница и хулиган. Он и остальных спаивал. Были и порядочные солдаты из числа охранников. Один из них рассказывал:

«Часовые к б. Государю относились хорошо, жалеючи, некоторые даже говорили, что напрасно человека томят». Но было и немало дурных людей. По словам Чемодурова, «поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные... они возбуждали ужас и отвращение». Обед был общий с прислугой. «Придет какой-нибудь <из красноармейцев> и лезет в миску: «Ну, с вас довольно».

Князь Львов, сидевший в тюрьме вместе с Седневым и Нагорным, передавал их слова о порядках в Екатеринбурге:

«<Охранники> начали воровать первым делом. Сначала воровали золото, серебро. Потом стали таскать белье, обувь... Становилось все хуже и хуже. Сначала на прогулки давали 20 минут, а потом стали все уменьшать это

время и довели до 5 минут. Физическим трудом совсем не позволялось заниматься...»

Государыня, Император и уехавшая вместе с ними Великая Княжна Мария Николаевна скучали по близким, оставшимся в Тобольске. И Тобольское заточение по сравнению с Екатеринбургом казалось светлой порой для Царственных Узников. Мы приводим письма Великой Княжны Марии Николаевны и Государыни, написанные ими по приезду в «столицу Красного Урала».

«27 апреля/10 мая, 1918 г. № 16

Скучаем по тихой и спокойной жизни в Тобольске. Здесь почти ежедневно неприятные сюрпризы. Только что были члены областного комитета и спросили каждого из нас, сколько кто имеет денег. Мы должны были расписаться, т. к. Вы знаете, что у Папы и Мамы с собой нет ни копейки, то они подписали: ничего, а я 16 р. 75 к., которые Анастасия мне дала в дорогу. У остальных все деньги взяли в комитет на хранение, оставили каждому понемногу,— выдали им расписки. Предупреждают, что мы не гарантированы от новых обысков.

Кто бы мог думать, что после 14 месяцев заключения так с нами обращаются. Надеемся, что у Вас лучше, как было при нас».

«28 апреля/11 мая 1918 г.»

С добрым утром, дорогие мои. Только что встали и затопили печь, т. к. в комнатах стало холодно. Дрова уютно трещат, напоминает морозный день в Тобольске. Сегодня отдали наше грязное белье прачке. Нюта тоже сделалась прачкой, выстирала Маше платок, очень даже хорошо, и тряпки для пыли. У нас в карауле уже несколько дней латыши. У Вас, наверное, неуютно, все уложено. Уложили ли мои вещи, если не уложили книжку дня рождения, то попроси Н. Т. написать. Если не выйдет, то ничего. Теперь уже, наверное, скоро приедете. Мы о Вас ничего не знаем, очень ждем письма. Я продолжаю рисовать все из книжки Бем. Может быть, можете купить белой краски? Ее у нас очень мало. Осенью Жилик где-то достал хорошую, плоскую и круглую. Кто знает, может быть, это письмо дойдет к Вам накануне вашего отъезда. Благослови Господь ваш путь и да сохранит Он вас ото всякого зла. Ужасно хочется знать, кто будет вас сопровождать. Нежные мысли и молитвы вас окружают — только чтобы скорее быть опять вместе. Крепко вас целую, милые, дорогие мои, и благословляю.

Сердечный привет всем и остающимся тоже. Надеюсь, что Ал. себя крепче опять чувствует и что дорога не будет его слишком утомлять. Мама.

Пойдем сегодня утром погулять, т. к. тепло. Валю все еще не пускают.

Скажите А. (?) Вас. и др. привет. Очень жалела, что не успела проститься.

Наверное, Вам будет ужасно грустно покинуть Т., уютный дом и т. д.

Вспоминаю все уютные комнаты и сад. Качаетесь ли Вы на качели или доска

уже сломалась?

Папа и я горячо Вас милых целуем. Храни Вас Бог.

Всем в доме шлю привет. Приходит ли Толя_играть? Всего хорошего и счастливого пути, если вы выезжаете.

Ваша М[ария]»

Великая Княжна Мария Николаевна не забывала и друзей, оставшихся в России. Хотя жизнь в Екатеринбурге стала гораздо тяжелее — как в материальном, так и в нравственном отношении, она не жалуется.

От Великой Княжны

Марии Николаевны

к З. С. Толстой_

«Екатеринбург, 4/17 мая 1918 г._

Христос Воскресе!

Дорогая моя З...

Поздравляю Вас с светлым праздником. Извиняюсь, что так поздно, но мы как раз уехали перед праздниками. Это было для нас очень неожиданно. Алексей был как раз болен, так что сестрам пришлось остаться с ним_. Они должны скоро к нам приехать_. Скажите Рите_, что не очень давно мы видели мимолетно маленькую Седюшу_. Сегодня три недели как мы выехали из Т._ Так грустно быть без других_, в особенности теперь, и на праздниках. Устроились мы пока хорошо. Домик маленький, но чистый, жаль, что в городе, потом сад совсем маленький. Когда приедут другие, не знаю, как мы устроимся, комнат не очень много. Я живу с Папой и Мамой в одной_, где и проводим почти целый день. Только выходили в сад, погода серая и идет дождь. А в дороге погода была чудная. До Тюмени 260 верст ехали на лошадях. Дорога была ужасная, трясло ужас как. Бумага, в которой были завернуты вещи, местами протерлась. Табак высыпался из папирос. Но, как ни странно, ничего стеклянного не разбилось. У нас были взяты с собой лекарства_, и это доехало благополучно. Ехали мы два дня, ночевали в деревнях. Через Иртыш проехали на лошадях, а через Туру пешком и несколько сажень до берега на пароме. Мама перенесла эту дорогу удивительно хорошо, но теперь, конечно, чувствует усталость и почти каждый день болит голова. С нами приехал доктор Боткин_, у него бедного в дороге сделались колики в почках, он очень страдал. Мы остановились в деревне, там его положили в избу, он отдохнул два часа и поехал с нами дальше. К счастью, боли не повторились. А как Вы поживаете? Сестры нам писали, что имели от Вас известия. Если хотите мне написать, то адрес мой: Екатеринбург, областной исполнительный комитет, председателю, для передачи мне. Имели ли какие известия о Тили_? Всем Вашим и Ник. Дм. привет. Крепко целую Вас, Риту_и детей_. Желаю Вам всего хорошего. Храни

Вас Господь. Ужасно было грустно, что нам ни разу не удалось быть в соборе и приложиться к мощам Св. Иоанна Тобольского.
М[ария]»

Но и в Тобольске, где оставались Великие Княжны и Наследник, стало хуже, чем прежде. Из Екатеринбурга приехал отряд красногвардейцев во главе с Родионовым и Хохряковым. Хохряков, в прошлом кочегар, был довольно безобидным человеком. Зато Родионов, бывший жандарм, прежде агент охранного Отделения, который, живя в Берлине, выдавал скрывавшихся там революционеров, был жестокий тип. Он злоупотреблял возможностью поиздеваться над беззащитными пленниками. Запрещал Великим Княжнам запираить двери их комнат. Когда Великих Княжен и Наследника повезли в Екатеринбург, то издевательства красногвардейцев над узниками стали вовсе невозможными. Родионов запирает каюту, в которой ехали Цесаревич и Нагорный. Благородный моряк возмутился: «Какое нахальство! Больной мальчик! Нельзя в уборную выйти!» Напротив, Великим Княжнам на пароходе «Русь», который вез детей с их спутниками в Тюмень, каюты запираить изнутри запрещалось. Более того, двери оставались открытыми, а возле них стояли часовые. Добрые тоболяки и монахини Ивановского монастыря снабдили Царских Детей съестными припасами — молоком, квасом, творогом, пирогами, печеньем. Но все это красногвардейцы отобрали. В дороге давали им лишь немного молока.

После того, как поезд из Тюмени доставил Их Высочеств и их слуг в Екатеринбург, Великих Княжен, Наследника в сопровождении Нагорного и Седнева, а также повара и поваренка отвезли в Ипатьевский дом. Юных девушек заставили самих нести свои вещи. Когда Нагорный решил помочь, один из комиссаров нанес ему такой удар, что бедняга отшатнулся. Графиню Анастасию Васильевну Гендрикову, совсем молодую женщину и пожилую гоф-лектрису (чтицу) Екатерину Адольфовну Шнейдер, графа Татищева и камердинера Волкова отправили в тюрьму. Обеих женщин, которые были больны, поместили в тюремную больницу.

Пьера Жильяра, баронессу Буксгевден, несколько человек прислуги отвезли на запасные пути, где скопилось до 35 тысяч беженцев, живших в невероятной грязи. Доктор Деревенко оказывается в привилегированном положении: он нанимает в частном доме комнату, довольно часто посещает заключенных «дома особого назначения» и лечит Цесаревича.

Одновременно занимается частной практикой. Среди его пациентов, главным образом, представители еврейского (довольно многочисленного) населения Екатеринбурга.

Находившаяся в тюрьме графиня Гендрикова, которую все члены Царской Семьи ласково называли Настенькой, не имела при себе никаких вещей, впрочем, как и Екатерина Адольфовна Шнейдер. Имея всего одну смену белья, она надевала рубашку, когда стирала блузу. Когда стирала рубашку, надевала блузу. Однажды комиссары ее спросили, отчего она не попросит

свои вещи. Графиня ответила, что ей ничего не нужно. «Так чего же вы хотите?» — «Служить Их Величествам до конца». В пермской тюрьме, куда ее перевели, она оказалась в одной камере с супругой князя Иоанна Константиновича.

В первые же дни после прибытия в Екатеринбург Седнева и Нагорного увезли на извозчике под конвоем.

Оставшись без верного помощника, Государь сам выносил в сад своего сына. Наследника, но, увы, наследника страданий. Однажды Государь спросил у одного из своих охранников:

— Как дела, как война, куда ведут войско?

— Между собой идет война, русские с русскими дерутся, — ответил охранник.

Война, но война незримая, шла и в «доме особого назначения». Дети и их Августейшие Родители собирались вместе и пели молитвы. Охранники — революционные и непристойные песни; они рисовали мерзкие картинки, даже в туалет молодых девушек не пускали без сопровождения.

Н.А.Соколов. Убийство Царской Семьи. М.: Советский писатель. 1990. С. 39.
Там же. С. 35-36.

П.Жильяр. Цитир. пр. С. 23.

И.Наживин. "Бежин луг". М.: 1995, № 2. С. 183.

"Россия перед Вторым Пришествием". С. 232--235

Начиная с осени 1915 г., трем девочкам из португальского местечка Фатима стал являться Михаил Архангел. Весной 1916 г. Он стал учить их молиться Пресвятой Троице, "причастил детей Телом и Кровию Господа нашего Иисуса Христа, даже младших, которым в католической Церкви причащаться еще не разрешалось". А с мая по октябрь 1917 г. Божия Матерь шесть раз являлась этим девочкам. Это были 10-летняя Лусия, 7-летняя Жансита (сконч. в 1920 г.) и 8-летний Франсиско (сконч. в 1919 г.). Начиная со второго Явления, свидетелями Явлений были 50, 4000, 18 000 и 70 000 верующих, сошедшихся со всей Португалии, где еще в 1910 г. пришло к власти левое правительство безбожников.

13 июля 1917 г. Богородица сказала детям: "Если вы будете поступать, как Я вам говорю, многие души обретут спасение и воцарится мир. Но если люди не перестанут оскорблять Бога, во времена Пия XI начнется новая, более страшная война. Когда вы увидите озаренную невидимым светом ночь, знайте, что это великое Знамение, посылаемое вам Богом, дабы показать, что Он накажет мир за все его преступления посредством войн, голода и гонений на Папу. Чтобы воспрепятствовать этому, Я приду истребовать посвящения России Моему Непорочному Сердцу и искупительного Причащения в каждую первую субботу. Если Мои просьбы будут услышаны, Россия обратится, и воцарится мир. В противном случае Россия распространит свои заблуждения по всему миру, что приведет к войне и гонениям на Церковь. Праведные примут мученический конец, на долю Папы

выпадет много страданий, а целые народы подвергнутся уничтожению. В конце концов восторжествует Мое Непорочное Сердце. Святой Отец посвятит Мне Россию, которая братится, и миру будет на некоторое время ниспослан мир..." ("Россия перед Вторым Пришествием". Изд. второе, испр. и дополн. М.: Родник. 1994. С. 232-233.)

Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 515-516.

J.C.Trewin. Tutor to the Tsarevich, London, Macmillan, 1975, p. 91. Там же. p. 91.

А.Куприн. Собр. соч. в 3-х тт. Минск: Реликт. Т.3. С. 571-572. Цитир. пр. С. 229.

Н.А.Соколов. Цитир. пр. С. 74.

Н.И.Назанский. Крушение Великой России и Дома Романовых. Париж. 1930. С. 60-62.

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 685, оп. 1, д. 276. Нумерация писем, посланных определенному адресату, была обычаем в Царской Семье. Однако в данном случае трудно пока судить, от чего исчисляется это письмо 16-м номером. Сейчас оно хранится в фонде Великой Княжны Анастасии Николаевны, но среди других писем Великой Княжны Марии Николаевны к ней нумерация отсутствует — это случайные записки; дело в том, что эти сестры крайне редко разлучались. Не исключена возможность, что это шестнадцатое письмо Марии, считая со дня отъезда из Тобольска.

Нюта — Анна Степановна Демидова.

В фондах царской семьи часто встречаются открытки, выполненные в народном стиле по мотивам русских пословиц и поговорок художником Елизаветой Бем. Очевидно, имеется в виду книга с иллюстрациями Бем.

Жилик — Пьер Жильяр. Пассаж о красках и книжке, возможно, представляет собой иносказание.

Цесаревич Алексей.

Эти строчки написаны Государыней.

Валя — князь Василий Александрович Долгоруков, гофмаршал.

Толя — шестилетний мальчик, сын одной из служащих царской семьи, который приходил играть к Великим Княжнам.

Зинаида Сергеевна Толстая, рожденная Бехтеева, жена полковника П. С. Толстого, сестра известного поэта С. С. Бехтеева.

Впервые опубликовано: "Русская летопись", кн. 1. С. 146--147.

Николай II, его жена и дочь Мария были увезены из Тобольска Яковлевым 13/26 апреля 1918 г. Алексей ехать не мог, так как в конце марта с ним случился длительный приступ гемофилии, поэтому сестры Ольга, Татьяна и Анастасия остались с больным братом. Они покинули Тобольск лишь 7/20 мая 1918 года, хотя Алексей окончательно и не выздоровел.

Дети прибыли в Екатеринбург 10/23 мая 1918 г.

Маргарита Хитрово.

Штабс-ротмистр Н. Я. Седов, которого Царственные Узники случайно встретили на пути из Тобольска в Тюмень.

Тобольска.

Имеется в виду, как грустно быть без сестер... Заметим, что до этого Царская Семья не расставалась.

По приезде в Екатеринбург Царская Семья была помещена в доме инженера Ипатьева, где из-за тесноты Николай II, Александра Федоровна и Мария разместились в одной комнате, окна которой выходили на Вознесенский проспект, а два других — на Вознесенский переулок.

Лекарства — под этим словом понимались драгоценности.

Боткин Евгений Сергеевич, лейб-медик Его Величества. Сопровождал Царскую Семью в Тобольск и Екатеринбург. Расстрелян вместе с ними.

Отличался большой преданностью Царской Семье.

Тили — Ю. А. Ден и ее сын.

Маргарита Хитрово.

Дети Д. и С. Толстые.

Глава двадцать третья

НАВАЖДЕНИЕ

Война благородства и честности с подлостью и злом шла уже давно.

Лили Ден, приближенная Государыни Александры Феодоровны, вспоминает:

«С обидой Государыня проговорила, обращаясь ко мне: «Лили, наши защитники дезертировали». — «Но почему, Ваше Величество?» — «Так распорядился их командир, Великий Князь Кирилл Владимирович... Мои моряки... Поверить не могу». Увы, действительно, Александровский Дворец покинул батальон Гвардейского экипажа. Но вправе ли мы винить простых моряков, если старший офицер экипажа, личный друг Государя, Его флигель-адъютант капитан 1-го ранга Н. П. Саблин изменил Государю?

Да, были матросы Гвардейского экипажа, которые забыли о том, как они были избалованы и обласканы Царской Семьей, совершавшей плавание на борту «Штандарта», команду которого составляли эти моряки. Уже во время Царскосельского заточения князю Долгорукову удалось добиться от коменданта дворца разрешения Великим Князям и Цесаревичу покататься на лодке по пруду. Давно лишённые такого удовольствия, Дети чрезвычайно обрадовались прогулке. Но уже на следующий день шлюпку нашли испачканной, загаженной, исписанной непотребными надписями.

Зачинщиками такого непотребства были... матросы Императорской яхты «Штандарт»...

Однако, известно, что офицеры Гвардейского экипажа остались во дворце и что лишь *часть экипажа* пошла за «краснознаменным» Великим Князем Кириллом к мятежной Думе. И на русскую Голгофу вместе со своим Государем поднялся и помощник боцмана «Штандарта», моряк Гвардейского экипажа Климентий Григорьевич Нагорный — «дядька» Наследника, а также матрос Гвардейского Экипажа Иван Седнев. Капитан 2-го ранга Российского Императорского флота Я. В. Шрамченко в своих воспоминаниях

рассказывает еще об одном моряке Гвардейского экипажа, проявившем благородство души:

«Боцман... сказал, что мы [арестованные на миноносце офицеры] должны... получать пищу в общей очереди с командой... Я простоял в очереди не более минуты. Ко мне подошел мастерской Николаевского судостроительного завода — высокий статный мужчина с красивым, строгим и немного печальным лицом. Он попросту отобрал у меня бак и сказал: «Пожалуйста, господин командир, идите в кают-компанию. У вас сегодня ушел последний вестовой, и, пока я с мастерами буду на миноносце, я буду вам и офицерам прислуживать за столом как вестовой... Я заводской рулевой старшина Ершов».

Я вернулся в кают-компанию. Стол был накрыт скатертью, положено обычное серебро и тарелки. Хлеб в хлебнице аккуратно нарезан ломтиками. Ершов перелил борщ в суповую миску и встал у дверей кают-компании. Из-за его крупной фигуры выглянул часовой — машинист Левицкий — с винтовкой в руках — маленький, вертлявый, черномазый человек со злыми черными глазами — один из главных «орателей» на баке». Между двумя мужчинами произошел примечательный разговор, к которому внимательно прислушивались сидевшие за столом кают-компании офицеры.

— Вы, товарищ мастер, нанялись прислуживать офицерам? — ехидно спросил Левицкий. На что мастерской спокойно возразил:

— Никуда я не нанимался, а прислуживаю господам офицерам добровольно. А за что вы арестовали офицеров?

— Известно, за что! За контрреволюцию! Матросы решили! — разорвался машинист.

— Кто дал право матросам арестовывать офицеров? — возмутился Ершов.— Офицер на корабле — все, а корабль без офицеров — ничто. Сам был десять лет матросом, знаю, что говорю.

— А на каких кораблях были вы матросом? — спросил Левицкий.

— Я был рулевым боцманматом на Императорской яхте «Штандарт».

— Значит, вы и Государя знали? — допытывался часовой.

— Государя Императора Николая Александровича вся команда «Штандарта» знала и любила. Я имею от Него подарок.— Ершов достал серебряные часы с двуглавым орлом на крышке.— У нас все офицеры были хорошие (он перечислил несколько фамилий, в том числе Саблина, Зеленецкого и других). Но Государь Император — особь статья: праведный человек, другого такого человека на свете не было и не будет!»

Эпизод этот Шрамченко заканчивает так:

«...Теперь эти слова Ершова кажутся простыми и обыкновенными (послушать бы их нынешним «россиянам» — мирянам и иерархам церкви), но в той обстановке (дело происходило осенью 1917 года) они были необычайны!.. В

те дни, когда вся православная, генеральская, адмиральская, дворянская и купеческая Русь потеряла голову и не смела даже произнести вслух имени Государя Императора... В те дни, когда поднимали на штыки, избивали прикладами и расстреливали ни в чем неповинных офицеров... тут рядом... сегодня, вчера и завтра... слова бывшего матроса Гвардейского Экипажа, рулевого боцманмата Ершова: «Государь Император особь статья — другого такого праведного человека не было и не будет!..» — звучали отважно. Это были слова простого русского человека».

Государыня Императрица, которую недруги и недалекие люди, обманутые вражеской пропагандой, называли «немкой», была более русской и более православной, чем многие из нас. И любила Россию вопреки всему, что она с нею и с ее семьей сделала.

«Странность в русском характере — человек скоро делается гадким, плохим, жестоким, безрассудным, но и одинаково быстро он может стать другим; это называется — бесхарактерность. В сущности — большие, темные дети», — писала она Вырубовой из Тобольска. И еще: «Милосердный Господь, сжался над несчастной Родиной, не дай ей погибнуть под гнетом «свободы»».

Сначала я возмущался определением «великая и бескровная», которое дали архитекторы «катастройки» февраля-марта 1917 года этому действию, которое называли «февральской революцией». Но потом мне пришло в голову, что они, эти архитекторы, уже тогда знали, что это еще только цветочки, а ягодки (октябрьский переворот и гражданская война) будут впереди. Однако и эти «цветочки» оказались напоенными смертельным ядом, поразившим и нижних чинов армии, и генералов.

Графиню М. Э. Клейнмихель — семидесятидвухлетнюю старуху, которую обвинили в том, что она якобы стреляла с крыши дома из пулемета по бунтовщикам, доставили в Думу. Впоследствии она вспоминала:

«Первое, что поразило меня в коридоре — это многочисленная группа офицеров Царского конвоя, казаков, чья нерушимая верность и преданность Императору были известны всему миру. Им мало было красных бантов в петлицах, они украсили свою грудь алыми шарфами, прикрепив их от плеча до пояса, как орденские ленты. Депутаты пожимали им руки, благодарили за отвагу и решительность <с которой они предали Царя>. И двор, и улица у входа в Думу заполнились солдатами гарнизона. Родзянко ежеминутно выходил на балкон; каждое его появление встречали неописуемым воодушевлением. Тот же восторженный рев, что две недели назад с таким же энтузиазмом приветствовал Императора, оглашал широкое пространство. В кулуарах Думы, посмеиваясь и смакуя, рассказывали о горькой участи, постигшей нескольких высокопоставленных полицейских чинов, оставшихся верными своему долгу: одного сожгли, другого утопили, третьего подвергли пыткам. Архив Министерства Юстиции спалили, Арсенал разграбили, двух

генералов, находившихся там, убили. Все тюрьмы открыты, политические и уголовные преступники выпущены. Над дворцами и домами подняты красные тряпки».

Убедившись в абсурдности предъявленных старой даме обвинений, ее отпустили домой. И она увидела результаты «революционного творчества масс». Винный погреб разграблен, повсюду беспорядок и разорение. Особенно старались солдаты Волынского полка — того самого, где унтер-офицер Кирпичников выстрелом в спину убил своего начальника. В особняке графини волынцы устроили состязания по стрельбе на парадной лестнице, украшенной портретами Государей из Дома Романовых. В глаза Императрицы Елизаветы Петровны тыкали горящими окурками, у Екатерины II вырезали нос, немыслимо изуродовали портрет Александра I. Разумеется, ревсолдаты не были образцами порядочности, но на эти постыдные деяния подвиг их приказ № 1, подписанный Нахамкесом (Стекловым) и Чхеидзе, а, главным образом, еще более отвратительный документ «Права солдата», составленный и обработанный генералом Поливановым, бывшим военным министром, сводившийся к двум словам: «убивать и грабить». Лозунг этот перекликался с лозунгами большевиков. Проникнув в армию, он разрушил ее, а затем и всю страну. Семена, посеянные декабристами, дали свои кровавые всходы. Главными защитниками Зимнего Дворца — резиденции Временного правительства, возглавлявшегося Ароном Кирбисом, более известным под псевдонимом Александр Керенский — были девушки женского батальона и юнкера. Юнкера быстро сдались большевикам. Зато девушки, слушательницы высших женских курсов, активные борцы с «самодержавием» (их было несколько сотен), почти все погибли или были смертельно ранены, сражаясь за «благоверное» Временное правительство. Знаменосцем батальона была дочь адмирала Скрыдлова, которого в 1918 году большевики утопят в Финском заливе. Она была чрезвычайно хороша собой. В то время, как девушки, как львицы, сражались за «главноуговаривающего», он находился далеко от Петрограда. Оставшихся в живых девушек ворвавшиеся в Зимний Дворец «октябристы» растащили по казармам и экипажам, чтобы их там насиловать и убивать... Вот так отблагодарили представители «простого народа», за чьи права так упорно боролись с Царской властью курсистки, своих прежних заступниц.

Михаил Александрович Романов, отказавшийся в марте от престола, а до этого — от предложения возглавить оборону Зимнего дворца, даже после октябрьского переворота продолжал жить на свободе. Было лишь решено перевезти его в Гатчину под домашний арест. В ноябре 1917 года управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич на официальном бланке разрешил «свободное проживание» Михаила Романова, как рядового гражданина республики.

Возможно, он отстранился от участия во всякой политической и вооруженной борьбе для того, чтобы не усугубить положение своего Августейшего брата и Его Семьи.

Что же касается офицерства, то оно, пожалуй, было обескуражено переходом на сторону «февралистов» руководства армии и флота.

Лишь с приходом к власти большевиков и левых эсеров, узнав, почем фунт лиха, они начали вооруженную борьбу, уехав на Юг России.

Активного противодействия революционерам офицеры не оказывали и пали жертвами своей пассивности.

Жертвой собственной пассивности пал и Великий Князь Михаил Александрович. Князь С. Е. Трубецкой, в отличие от своих предков, ратным трудом служивших Царям, занимавшийся снабжением армии во время первой мировой войны, пишет:

«Когда Государь отрекся от Престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича, отречение это не было еще отказом от монархии. Конечно, отречение Государя не только за себя, но и за своего сына было противозаконно... <Но> дело было в том, чтобы Михаил Александрович немедленно принял передаваемую ему Императорскую Корону. Он этого не сделал. Бог ему судья, но его отречение по своим последствиям было куда более грозно, чем отречение Государя,— это был уже отказ от монархического принципа... В своем акте отречения <Михаил Александрович>, совершенно незаконно, не передал Российской Императорской Короны законному преемнику, а отдал ее... Учредительному Собранию. Это было ужасно. Отречение Государя Императора наша армия пережила сравнительно спокойно, но отречение Михаила Александровича, отказ от монархического принципа вообще — произвел на нее ошеломляющее впечатление: основной стержень был вынут из русской государственной жизни...

С этого времени на пути революции уже не было серьезных преград... Россия погружалась в засасывающее болото грязной и кровавой революции».

По существу, своим отречением Михаил Александрович подписал смертный приговор не только самому себе, но и своему Августейшему брату и его Семье.

С.Е.Трубецкой. Минувшее. М.: ДЭМ. С. 152-153.

Глава двадцать четвертая **«МЫ ИЗ КРОНШТАДТА»**

Кровавые расправы над высшими чинами армии и флота, а затем офицерами, начавшиеся в начале марта 1917 года, в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе и Выборге, перекинулись и на Черноморский флот. Инициаторами этих расправ были «кронштадтские палачи» или же

местные бывшие каторжники, участвовавшие в бунтах 1905 и 1912 года, когда на австрийские деньги, имевшиеся в распоряжении шпионов в большом количестве, был тщательно разработан план заговора с целью помешать кораблям Черноморского флота содействовать Сербии и Болгарии, выступившим в войне против Австрии. Заговор был раскрыт унтер-офицером Жуком. Заговорщики были арестованы офицерами и гардемаринами, плававшими в то лето на кораблях эскадры. Несколько матросов было тогда расстреляны, тридцать приговорены к каторжным работам, остальные посланы в дисциплинарные батальоны. После «великой бескровной» каторжники были освобождены и стали мстить. В арестный дом, где уже три недели содержались без предъявления им обвинения пятнадцать адмиралов и офицеров, 16 декабря 1917 года были доставлены все офицеры Минной дивизии.

Произошло это после того, как офицеры отказались участвовать в карательной экспедиции на Дон. Казаки многих карателей порубили и потопили в Доне. Недобитые матросы вернулись в Севастополь и решили выместить злобу на офицерах.

На митинге, устроенном судовым комитетом эсминца «Гаджибей», которым командовал капитан 2-го ранга В. М. Пышнов, матросские агитаторы пожаловались, что расправившиеся с их однодельцами казаки находились под началом офицеров. «И вы такие же?» — спросил предсудкома. «Мы не хуже славных донских офицеров, мы офицеры флота», — ответил В. М. Пышнов. Команда эсминца постановила отправить своих офицеров в арестный дом. Но группа матросов Балтийского флота — «кронштадтских палачей» — посоветовала отвести офицеров на Малахов курган. Так в числе жертв расправы и оказались офицеры «Гаджибея».

Расстрелом командовал минный унтер-офицер Басов — участник бунта 1912 года — председатель ЧК, бывший осведомитель охраны. После залпа Басов обошел жертвы. Тех, кто шевелился и стонал, он достреливал из револьвера. Для большевиков, ставленников немцев, внешний враг перестал существовать. Их врагом номер один стали офицеры бывшего Императорского Российского флота. В Севастополе шел погром квартир офицеров и интеллигенции.

После расстрела адмиралов и офицеров на Малахове кургане начались массовые убийства офицеров в Севастополе и Феодосии. Подавив восстание крымских татар в начале 1918 года, матросы-каратели сжигали татарские села, а их население поголовно истребляли.

Тюрьмы крымских городов были переполнены. В феврале возобновились массовые казни. Контр-адмирала Львова, по рассказам очевидцев, матросы волокли за бороду. В «Морской газете» (1998 г.) приведен список из 67 расстрелянных на Малахове кургане. Но сколько именно офицеров было расстреляно в ночь на 26 декабря, не знает никто. Трупы убитых привезли в порт, погрузили на баржу, а баржу вывели в открытое море и затопили. Весьма действенной оказалась пропаганда красных агитаторов, среди

которых выделялась своей истеричностью и злобой к офицерам комиссар-еврейка Островская, указывавшая на них: «Вот ваши враги! Почему вы их не уничтожили?».

Жертвами красных матросов пали не только морские, но и сухопутные офицеры. В январе 1918 года матросы эсминца «Керчь» — того самого, который по приказу Ленина потопит остатки Черноморского флота — схватили всех офицеров 491-го десантно-пехотного полка. Связав попарно, они утопили их в море...

Один из врагов монархии и Российского государства, левый анархист писатель И. Ф. Наживин, о котором мы уже упоминали, успевший поправить — если не свидетель, то современник тех страшных событий, вспоминал в своих «Записках о революции» о расправе над флотом:

«...Среди серебряной зыби страшно торчат из моря мачты затопленных пьяными убийцами-матросами военных судов и пароходов. Когда шли они на страшное дело это, тысячи и тысячи людей умоляли их со слезами не губить флота, пощадить прекрасные суда, но негодяи сперва разграбили огромную судовую казну, потом растащили все, что только можно украсть,— отрывали красного дерева двери миноносцев, срывали медные украшения с них, тащили офицерские койки, все,— а потом один за другим выводили суда на рейд и взрывали их на глазах у плачущей толпы... А потом, конечно, эти революционеры, «защитники справедливости» отдали разграбленную судовую казну бедным, детям, старикам? Как бы не так: в тот же вечер начались дикие оргии в притонах с продажными девками, швырянье денег пригоршнями, катанье на автомобилях и дикие расстрелы буржуазов вообще и офицеров в частности. Их ловили везде и всюду, привязывали десятками к железным рельсам и бросали в бухту, других просто расстреливали, третьих прикалывали штыками, ибо они враги народа, а вот они, матросы,— народные благодетели... Теперь все это прошло, и только черные в тихом серебристом сиянии луны мачты потопленных судов свидетельствуют небу о совершенных злодеяниях... и путь бы злодейство простое — его Господь простит! — но тут было злодейство сверхъестественное, прикрывавшееся самыми возвышенными лозунгами братства людей и свободы, злодейство изумительное по лживости своей, злодейство исключительное по дьявольской наглости...»_

Палачи не давали пощады никому. Они забили прикладами и искололи штыками капитана 2-го ранга В. И. Орлова, престарелого настоятеля кладбищенской церкви Корабельной стороны о. Афанасия Чефранова, флагманского врача Минной дивизии доктора Куличенко, лейтенанта Бориса Дубницкого, инж.-механика капитана 2-го ранга Кортиковского, лейтенанта Погорельского. Старшего лейтенанта Д. И. Павловского, старшего артиллерийского офицера крейсера «Память Меркурия», накрыли стальным листом и затоптали насмерть. Ни за что ни про что расстреляли старшего

врача Севастопольского морского госпиталя Кибера. Когда офицер, оказавшийся в рядах карателей, предложил отпустить старика, начальник карательного отряда матрос Драч заявил: «Довольно пожил! Пусть умирает!» Кибер упал в воду раненый. Когда он вышел на берег, его пристрелили.

«Еремеевская ночь» была проведена в ночь с 23 на 24 февраля 1918 г. Ее осуществили полтора-два десятка групп матросов с перевернутыми ленточками (чтобы не узнали, с каких они кораблей). У каждой группы был список офицеров и «господ», которых надлежало уничтожить. В ночь 23 февраля, как сообщалось в прессе, было убито около трехсот морских офицеров и офицеров севастопольской крепостной артиллерии, расквартированных в городе. Были убиты несколько домовладельцев и городской голова Неофит. Патруль пришел с обыском в поисках оружия. Неофит лежал больной. Не найдя никакого оружия, матросы собирались уходить. Но один из них взял золотые часы. В ответ на замечание больного, что это не оружие, вор достал наган и сказал: «А это оружие», и на глазах у жены больного убил его выстрелом в упор. На глазах жены и двоих детей был застрелен и исколот штыками капитан 2-го ранга Розенкамф, начальник пристрелочной минной станции. Революционная шпана хвасталась тем, что выбрасывала во время погромов «буржуйских» детей с третьего этажа. У балтийских матросов, поехавших «углублять революцию» на Черноморском флоте, вид был настоящих разбойников, как вспоминал один из свидетелей. Лохматые, фуражки набекрень, на каждом темные очки (чтобы не узнали?). Еще до прихода «октябристов» к власти они вели пропаганду, направленную против временного правительства: «Товарищи черноморцы! Что вы сделали для революции? У вас всюду старый режим, вами командует командующий флотом, бывший еще при Царе! Вы слушаетесь офицеров! Ваши корабли ходят в море и подходят к неприятельским берегам, чтобы их аннексировать. Народ решил заключить мир без аннексий, а ваш командующий флотом посылает вас завоевывать неприятельские берега! Вот мы, балтийцы, послужили для революции, мы убили своего командующего флотом и многих офицеров!» Красные агитаторы сумели добиться успеха. В июне на митинге, организованном большевицкими провокаторами, толпа матросов потребовала разоружить офицеров и арестовать их. Адмирал Колчак сдал должность контр-адмиралу Лукину. Князь Львов и А. Керенский направили Колчаку телеграмму, в которой обвиняли его в допущении явного бунта. Колчак был возмущен: ведь именно Временное правительство возглавило бунт против Императорской власти, что и привело к анархии и власти толпы. Правда, у самого Колчака «рыльце было в пушку». Хотя он и не посылал Государю депеши с просьбой отречься, как это сделал А. И. Непенин, но «благоверному» временному правительству подчинился беспрекословно. Вице-адмирал П. И. Новицкий, начальник дивизии линейных кораблей,

заявил, что он монархист и служить республике не будет. В декабре 1917 года ему припомнят эти слова.

С приходом к власти большевиков начались особенно жестокие расправы: судебные и бессудные.

Живший в Крыму писатель Иван Шмелев наблюдал нравы новых «хозяев жизни», слушал их речи. На одном из митингов орал матрос:

— Теперь, товарищи и трудящие, всех буржуев прикончили мы. Тех, которые убегали, мы в море потопили! И теперь наша советская власть, которая комунизм называется! Так что дожили до этого до самого комунизма! Таперича у всех будут автонобили, и все будут жить в ваннах! Так что не жисть, а едрена мать. Так что все на пятом на этаже сидеть будем да розы нюхать!

— А почему он так называется — комунизм? — спросил, выплюнув шелуху от семечек, солдат в лихо заломленной шапке.— Кому — низъм, а кому — дырка от бублика, что ли?

— Это кто там над святым словом изгаляется? — разозлился матрос.

— Ну, я! — смело отозвался солдат.

К нему сразу же направились двое матросов и куда-то увели служивого.

Но сначала расправились с «классовым элементом». А какой он — «элемент» этот — старый или молодой — какая разница.

Жил старик с внучкой. Ходил с травяной сумочкой на базар. Старую шинель донашивал. Увидели его они.

— Почему шинель серая, военная? — допытываются.

— Казначеем когда-то был. Теперь на пенсии. Вольный теперь казак.

— С Дону казак? За нами!

И повели в подвал. Сняли потрепанную шинель, бельишко рваное и — в затылок. Не ходи на базар в шинели казачьей!

И старуху древнюю убили в Ялте. За что? Портрет покойного мужа на столике держала. Муж генералом был, русскую крепость защищал от немцев. Идти не могла — посадили на дроги и — к оврагу.

У другой старухи сына убили. И муж, и сын были моряками. Пришли и убили сына. «Не будь лейтенантом!»

Возле телеграфного столба нашли вернувшегося с германского фронта больного юнкера. Мальчишка утомился с дороги да и уснул. Сволокли сонного... поставили как бутылку и расстреляли матросики его — на краги позарились. А потом пили, жрали баранину, по кустам девок тискали, орали «тырнационал».

Верно, с наблюдательного пункта бедного юнкера заметили. Доктора, хозяина дачи, взашей вытолкали, улы разорили, мед съели. Сад весь запакостили.

Доктор этот рассказывал, как в 1881 году вместе с женой путешествовал по Европе. Побывал с нею и в Англии — «стране свободы». В Лондоне посетил лавку антиквара — ирландского революционера, похожего на гориллу.

Горилла поздравил русского путешественника с подвигом: «Способный и

великодушный вы народ! Желая вам такого же прогресса!» Он имел в виду убийство 1/13 марта Царя Освободителя.

Представитель «способного и великодушного», задрожав от чувства народной гордости, начал хвастаться перед ирландцем:

— У нас даже партия такая создается, чтобы царей убивать, такие люди специальные отбираются, террористы, «люди ужаса беспощадного!» Как у себя этот корень-хрен выведем, по чужим краям двинем динамитом! Так что не на пустом месте выросли эти матросики. «Народ отборный: шеи — бычьи, кулаки — свинчатки, зубы — слоновая кость... На пальцах перстни, на руках — часики браслетики, в штанах отборные портсигары — квартирная добыча. Кругом голод, у матросов — бараньи тушки, сала, вина досыта». Один из матросов вошел ночью к работнице фермы. Та не пожелала уступить насильнику, и он ее штыком в сердце. Проснувшиеся с первыми лучами солнца дети нашли свою мать со штыком в груди. Бабы — подруги убитой — голосили по ней, требовали привлечь к суду убийцу. Бабам ответили пулеметом.

После взятия красными Крыма за какие-нибудь три месяца без суда было расстреляно сто двадцать тысяч белых офицеров и солдат, которым Реввоенсовет РСФСР гарантировал жизнь. Под воззванием с призывом сдаваться, кроме подписей Ленина, Калинина, Троцкого и Каменева, стояла и подпись бывшего царского генерал-адъютанта Брусилова... Палачами распоряжались Розалия Землячка и ее венгерский сородич Бела Кун. «Рабоче-крестьянская власть» не давала спуска и простому, «трудящему» люду, не только офицерам и их старикам-родителям.

Жалуется Ивану Шмелеву рыбак Пашка, ругается отборными словами, душу изливает.

— Суки поганые, под зябры взяли, на кукане водят! Придешь с моря — все забирают, на всю артель десять процентов оставляют! Ловко придумали — коммуна называется. Кому — низм, а кому — кукиш. Они правют, своим места пораздавали, пайки гонят, а ты на их работай! Чуть что — подвалом грозят... Пристали за Черновскими Камнями, — жалуется писателю рыбак, — только баркас выпрастывать принялись — и уж он тут как тут!.. Отобрал.

— Власть-то ваша, — заметил писатель.

— Говорю — под зябры ухватили! А вы — ваша!.. Белужку как-то закрючили... — выдали по кусочку мыла, а белужку — в рот им пароход — в Симферополь, главным своим, в подарок! Было когда такое при Царе?! Тогда нам за белужку, бывало, любую цену, как Ливадия <Царская резиденция в Крыму> знак подаст!

— А сам-то, чай, радовался, когда Государя-то свергли.

— Дураки были, вот и радовались. Сва-а-бода! А на кой хрен нам эта свобода, когда жрать нечего. Последний шиш без соли доедаем!

— Но ведь коммунисты райскую жизнь обещают!

— Это раньше была райская-то жизнь! Сладость-то какую проглядели... на что сменяли!.. Жалуйся на их, на куманистов! Волку жалуйся... некому больше.

Нашего же брата дают... Рыбаков намеренно заарестовали... сапоги поотнимали, как у махоньких. Как на море гнать — выдают... как с моря воротился — скидывай! Смеются! Да крепостное право лучше было! Там хоть Царю прошение писали... а тут откуля он произошел?.. Порядку нашего не принимает, церковь грабит...

— Но власть-то ваша, — повторяет писатель.

— Какая тут власть? — кипятится рыбак. — А и власти-то никакой... одно хулюганство. Пожгли заборы — коровы деревья доглядывать стали. Пошли пропадать коровы. «Коровы — народное достояние», — говорят. Попа нашего два раза забирали. Уж мы ручательство подавали! Нам без попа нельзя, в море ходим! Уйду, мочи моей не стало... на Одест подамся, а там — к румынам...

* * *

Государь и Императрица, вместе с Детьми находившиеся в заточении в Тобольске, из писем друзей узнавали обо всем, что происходит в России. И страдали за нее.

«...Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения, — писала Государыня в письме от 20 декабря 1917 года Анне Вырубовой. — Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце, но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь смилуйся и спаси Россию!.. Страданье со всех сторон...»

9-го января 1918 года Государыня писала Вырубовой: «Боюсь, что ужасные дни у вас, слухи долетают и про убийство офицеров в Севастополе».

Те же волнения и боль за невинные жертвы и в письме от 5 февраля: «Какие ужасы в Ялте и Массандре. Боже, куда, куда. Где спасение офицерам и всем?»

И у Государя, обычно сдержанного и ограничивающего дневниковые записи регистрацией повседневных своих занятий, вырывается порой крик душевной тоски.

Унижаемая и оскорбляемая, Государыня душой болела за Россию и за ее народ. «Какие времена? Что дальше? Позорнейший мир... Ведь быть под игом немцев — хуже татарского ига» (6/19 марта 1918 г.) «Надо еще худшего ждать... Трудно это, больно, но Господь поможет. Слышим много страшного. Расстреляли милого знакомого офицера, бывшего нашего раненого. Не могу об этом спокойно думать. Были такие герои на войне. От ран при смерти совсем были — поправились, и вот как кончилось — Святые мученики.

Понимать это не в силах. Но Господь знает, почему нужно, но больно, так больно, больно...» (Письмо к А. Вырубовой от 11/24 марта 1918 г.)

Расправы над офицерами готовились еще до прихода к власти «октябристов». Подстрекатели, прибывшие на Черноморский флот с Балтики, кричали: «Почему вы терпите офицеров, которые стремятся затянуть братоубийственную войну? Они всегда были опорой трона! Посмотрите, чего мы достигли на Балтике, перерезав этих гадов! Хватит войны! Немцы — наши друзья, и мы хотим жить с ними в мире... Мы, большевики, укажем вам верный путь!» Каков был этот путь, теперь известно — путь террора, грабежей, бессудных расправ.

Был ли другой путь? Был. Путь восстановления Царской власти. Но Белое движение, которое возглавили генералы, предавшие Царя — Алексеев, Корнилов, Деникин и другие, — пошло по пути призыва к власти Учредительного собрания и борьбы с монархистами. Изучая причины поражения Белого дела, Лев Троцкий утверждал: «Если бы они [белые генералы] догадались выбросить лозунг — восстановление монархии — то мы [большевики] не продержались бы и двух недель». И на том, что народ тянулся к монархии, сыграли большевики. Так, ими была сочинена фальшивка, подписанная красным партизаном бывшим штабс-капитаном Щетинкиным:

«Пора покончить с разрушителями России Колчаком и Деникиным, продолжающими гнусное дело предателя Керенского. Надо встать на защиту поруганной Святой Руси и за русский народ. Во Владивосток уже приехал Вел. князь Николай Николаевич, который и взял на себя всю власть над русским народом. Я получил от него ПРИКАЗ, присланный с генералом, чтобы поднять народ против Колчака. Ленин и Троцкий в Москве подчинились Великому князю и назначены его министрами. Призываю всех православных людей к оружию за Царя и советскую власть».

Эту провокацию сибиряки приняли за чистую монету и принялись создавать отряды для борьбы за Царя и Россию. Один Минусинский уезд выставил целый корпус, который стал воевать против борцов за прежнюю Россию, но под знаменем «февралистов» и «Учредилки», большинство которой составляли эсеры. Если масса народа была за национальную, православную Россию, то Белое движение шло путем декабризма. Вот почему Государь и Царская Семья оказались в руках екатеринбургских палачей. Вот почему участники Белого движения оказались в изоляции от народа и проиграли борьбу. Но и большевицкая власть не стала властью народа. Это была власть «профессиональных революционеров» — то есть профессиональных преступников и примкнувших к ним подонков общества, — власть, державшаяся на штыках латышей, китайцев и прочего интернационала, жестоко расправлявшегося с представителями всех слоев общества. Недаром с 1917 по 1920 год на территории бывшей Императорской России,

по признанию советских властей, было около трех с половиной сотен крестьянских, казачьих и иных восстаний.

Во время первой мировой войны, несмотря на активную немецкую и большевицкую пораженческую агитацию, солдатская масса оставалась преданной своему Царю и из немецкого плена сбежало около 260 тысяч русских бойцов, которые затем влились в армию (лишь две тысячи украинских «самостийников» дезертировали в немецкую армию). А во время второй мировой войны миллион советских граждан записались в армию противника.

В конечном счете в трагической участи России были повинны «февральские поводыри», вырвавшие власть из рук законного Государя, взяв ее в свои дрожащие руки. По словам Лили Ден, Государь во время своего заточения в Александровском дворце показал ей газету с портретами членов временного правительства. «Взгляните, Лили, — сказал Царь. — Это же лица настоящих преступников. И от меня требовали разрешить создание министерства из таких типов и согласиться ввести конституцию!» Ради того, чтобы в России было, «как на Западе», они низложили Царя и допустили, в конечном счете, царство красного Деспота. И жертвами этого пали многие «февралисты». Архиепископ Иоанн (Максимович) Западно-Европейский и Брюссельский отмечал:

«Великий грех — поднять руку на Помазанника Божия, не остается и малейшая причастность к такому греху неотмщенной. В скорби говорим мы: «Кровь его на нас и детях наших», так как в грехе цареубийства повинны не одни лишь физические исполнители, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший его унижение, арест и ссылку, оставив беззащитным в руках преступников, что уже само предопределяло конец... Глубокое сознание греховности содеянного и покаяние перед памятью Царя-Мученика требуется от нас Божией правдой. Но покаяние наше должно быть без всякого самооправдания, без оговорок, с осуждением себя и всего злого дела от самого начала... Величайшее преступление, совершенное в отношении его, должно быть заглажено горячим почитанием его и прославлением его подвига. Перед униженным, оклеветанным и умученным должна склониться вся Русь, как некогда склонились киевляне перед умученным ими Князем Игорем, как владимирцы и суздальцы пред убитым Великим Князем Андреем Боголюбским».

* * *

День 1 ноября 1981 года выдался холодный и ветреный. Но толпы озябших людей, многие из которых пришли к зданию из красного кирпича на 93-й улице в Нью-Йорке еще шесть часов назад, не расходились. Тем временем Синодальный собор во имя Знамени Божией Матери наполнялся православным духовенством, представителями российской знати,

здравствующими членами Дома Романовых, приехавшими из всех стран русского рассеяния.

При участии 15 архиереев во главе с Митрополитом Филаретом и сослужении многочисленного духовенства Зарубежная Русская Православная Церковь, которая считает себя единственной законной преемницей Российской Православной Поместной Церкви, канонизировала Царскую Семью вместе с сонмом других Новомучеников Российских от безбожной власти убиенных.

Тысячи свечей освещали иконы и алтарь, украшенный белыми, синими и алыми гвоздиками, которые символизировали цвета Государственного флага Российской Империи, ставшего, спустя семьдесят с лишним лет, Государственным флагом Российской Федерации.

Хотя почитание Царственных Мучеников было и прежде, теперь православный люд получил и благословение церковных иерархов молитвенно обращаться к Ним: «Святые Мученики Дома Царского, молитесь Богу о нас!»

Один из соучастников торжества прославления Новомучеников и Исповедников Российских Русской Православной Церковью За Рубежом видел в сновидении Государя Императора Николая II «в великой небесной славе. Ему было сказано, что у Бога на Небе Государь стоит первым после Равноапостольного Князя Владимира — крестителя и просветителя всего русского народа. Было сказано и то, что Государь по-прежнему любит Россию и заботится о ее благе и благе всех тех, кто делает добро для своей Родины, что Государыня и Дочери оказывают помощь нуждающимся, скорбящим и страждущим, точно так же, как и раньше они в миру это делали во время Первой мировой войны».

Помнит ли Россия Царственных Страстотерпцев? Да, помнит.

Свидетельством тому молебны и крестные ходы, проводимые уже много лет в Петербурге в день убиения Царственных Мучеников и в другие памятные дни; гигантские крестные ходы в Екатеринбурге, Москве и других городах. С каким трепетом и радостью исполнял, вслед за хором, руководимым замечательным дирижером С. А. Чернушенко, гимн «Боже, Царя храни» люд, заполнивший зал, галерку и ложи Петербургской Капеллы 7 марта 1994 года. Тогда же отслужил литию по от врагов Христовых убиенным Царственным Мученикам настоятель Крестовоздвиженской церкви о. Владимир (Сергиенко). Сослужили ему о. Игорь (Филин), настоятель храма Св. Серафима Саровского, о. Алексей (Масюк), настоятель церкви Св. Великомученика Пантелеймона, и о. Александр (Чистяков), настоятель церкви Всех Скорбящих. Звучали слова молитвы: «Да отпустит Господь грех народа, не возбранившего убиение Твое, Царя и Помазанника Божия, да избавит Господь страждущую страну Российскую от лютых безбожников, за грехи наша и отступление от Бога попущенных, и возставит Престол Православных Царей...»

В тот же вечер многие присутствующие поставили свои подписи под прошением к Священному Синоду о канонизации в Санкт-Петербургской епархии Государя Императора Николая II и Его Семьи...

Ее начальником был капитан 1 ранга И.С.Кузнецов.

"Бежин луг". 1995. № 5. С. 132-133.

Я.В.Шрамченко. Жуткие дни. Журнал "Согласие". Лос Анджелес". 1970. № 3-6.

"С того берега". М.: Водолей. 1992. Т. 1. С. 47.

Глава двадцать пятая

«НЕЧТО СТРАШНОЕ ГРЯДЕТ...»

Обычно сдержанный, Император, находящийся с Семейей в Тобольске, дает волю эмоциям в дневниковых записях. Одно событие следует за другим, не менее поразительным.

«6-го октября [1917 г.] Пятница. Ясный холодный день. Узнали о приезде вчера М. Gibbs, но его еще не видели, вероятно, потому что привезенные им вещи и письма не подверглись осмотру!..

7-го октября. Суббота. Ночью было 90 мороза. Днем ясно, но довольно холодно, рукам в особенности. Наконец появился М. Gibbs, который рассказывал нам много интересного о жизни в Петрограде.

В 9 час. у нас была отслужена всенощная.

22-го октября. Воскресенье.

В 8 час. пошли к обедне и всей семейей причастились Святых Тайн. Такое душевное утешение в переживаемое время! Погода стояла мягкая, целый день шел снег. Долго пробыли в саду...

17-го ноября. Пятница. Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром.

Тошно читать описание того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и Москве! [Речь идет об октябрьском перевороте 25 октября (7 ноября) — В.К.]

Гораздо хуже и позорней событий Смутного времени.

18-го ноября. Суббота. Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентаров нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительное с ними условие перемирия!

Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнение народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны?»

31-го декабря, в последний день 1917 года Государь записал:

«Нехолодный день с порывистым ветром. К вечеру Алексей встал, т. к. мог надеть сапог. После чаю разошлись до наступления Нового года. Господи, спаси Россию!»

Один из восьми пунктов декларации Временного правительства, принятой 3 марта 1917 года, гласил: «Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны». 10 дней спустя, 13 марта, было создано Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание. Созыв Учредительного собрания был издавна «голубой мечтой» так называемого «освободительного движения». После захвата власти 25 октября 1917 года большевики сначала приветствовали созыв Учредительного собрания. На II съезде Советов Ленин даже заявил, что в случае поражения его партии на выборах в Учредительное собрание они уступят «воле народа». Народ проголосовал *против большевиков*, которые получили лишь 25 % голосов. 20 декабря 1917 года Совнарком принял решение открыть Учредительное собрание 5 января 1918 года. Но у большевиков был готов свой сценарий. 1 января 1918 года машина, в которой ехал Ленин, была якобы обстреляна неизвестными лицами. В действительности же, как утверждают некоторые историки, у автомобиля просто лопнула шина. 3 января «Правда» поместила сообщение о «покушении», пообещав: «За каждую голову наших они будут отвечать сотней голов своих». Большевики не могли простить того, что народ проголосовал против них. И объявили войну этому народу. Утром 5 января 1918 года по направлению к Таврическому дворцу двинулись демонстранты в поддержку Учредительного собрания. Главная колонна составляла тысяч шестьдесят. На углу Невского и Литейного и в районе Кирочной (в советское время ул. Салтыкова-Щедрина) демонстрация была обстреляна. Было много убитых и раненых. А. М. Горький возмущенно писал:

«В манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, ...под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали... Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы».

И все-таки перед Таврическим дворцом собралась огромная толпа с лозунгами «Вся власть Учредительному Собранию!» Начало заседания откладывалось: большевики и их союзники — левые эсеры и анархисты — были заняты разгоном демонстрации. В своем выступлении эсер Чернов заявил:

«Учредительное Собрание представляет собой самое живое единство всех народов России, и потому уже фактом <его> открытия провозглашается конец гражданской войны...» В. И. Ленин, сидевший на ступеньках неподалеку от трибуны, лишь загадочно-зловеще улыбался. Для охраны

овчарни были приглашены волки: Учредительное собрание «охраняли» пьяные матросы с «Авроры» и линкора «Республика», вооруженные до зубов. «Охраной» командовал матрос-анархист Железняков. В третьем часу ночи было принято постановление о том, что верховная власть в стране принадлежит законно выбранному Учредительному Собранию, которому должно подчиниться Временное рабоче-крестьянское правительство. Матросы время от времени клацали затворами, наводя винтовки на «охраняемых». Большевики и левые эсеры успели покинуть зал заседаний. Остались меньшевики, кадеты и представители национальных групп, представлявшие большинство депутатов Учредительного собрания. Они приступили к обсуждению аграрного вопроса и приняли его первую часть. А между тем члены Совета народных комиссаров — депутаты собрания — еще вечером 5 января приняли решение распустить «Учредилку». Около 5 часов утра матрос Железняков заявил председателю: «Караул устал». Несколько минут спустя заседание было объявлено закрытым. Закрытым навсегда. Либерально-демократическая «голубая мечта» не сбылась.

В ночь с 6 на 7 января 1918 года, *задним числом*, ВЦИК принял по докладу Ленина декрет о роспуске Учредительного собрания. В Мариинской больнице этой же ночью пьяные матросы и красногвардейцы зверски убили больных депутатов Учредительного Собрания — А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина. Никто за это, естественно, не понес наказания.

В своем дневнике И. А. Бунин записал:

«1 (по старому стилю) января 1918 года: Кончился этот проклятый <1917> год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное... А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы — кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит». Но когда это «нечто ужасное» началось, писатель, один их тех, кого принято назвать «совестью земли русской», отозвался о расстреле демонстрации в поддержку Учредительного Собрания весьма равнодушно: «7 января: Был на заседании «Книгоиздательства писателей», — огромная новость: «Учредительное Собрание» разогнали». И все, никаких комментариев, на уме лишь писательские дразги: «О Брюсове: все левее, «почти уже форменный большевик». Не удивительно. В 1904 году превозносил самодержавие, требовал (совсем Тютчев!) немедленного взятия Константинополя... С начала войны с немцами стал ура-патриотом. Теперь большевик». Недалеко ушел от Брюсова и Блок: «Блок открыто присоединился к большевикам. Напечатал статью... Я ее еще не читал, но предположительно рассказал ее содержание Эренбургу — и оказалось, очень верно. Песенка-то вообще нехитрая, а Блок человек глупый». «Буревестник революции» Максим Горький оказался порядочнее птенцов из «Дворянского гнезда» и клеймил красных сатрапов:

«...Даже о самой элементарной честности применительно к политике народных комиссаров говорить не приходится. Перед нами компания

авантюристов, которые ради продления... своего гибнущего самодержавия готовы на самое постыдное предательство интересов родины и революции».

Как обошлось «рабоче-крестьянское» правительство с рабочими, мы уже знаем. А вот как оно относилось к крестьянству. Крестьяне, бывшие солдаты русской армии, покинули окопы и принялись отбирать чужую землю, сжигая при этом помещичьи усадьбы, грабя и убивая их хозяев. Сущность «родной» власти мужички поняли на собственной шкуре.

В деревню поехали агитаторы-большевики — отбирать «излишки» хлеба. Крестьяне пишут лидеру левых эсеров М. А. Спиридоновой, в прошлом террористке:

«В комитеты бедноты приказали избирать из большевиков, а у нас все большевики вышли все негодящиеся из солдат, отбившиеся, прямо скажем, хуже дерьма. Мы их выгнали. То-то слез было, как они из уезда красную армию себе в подмогу звали. Кулаки-то откупились, а крестьянам спины все исполосовали и много увезено, в 4-х селах 2—3 человека убито, мужики там взяли большевиков в вилы, их за это постреляли».

Из другого письма:

«Велели нам красноармейцы разойтись. А мы собрались думать, что нам делать, как спастись от разорения. Мы все по закону сполна отвезли на станцию. А они опять приехали. Велели со сходов уйти. Мы их честно стали просить оставить нас. Обед им сготовили, все несем, угощаем, что хотят берут, даем без денег, не жалуемся, а они пообедали и начали нас всячески задирать. Одного красноармейца поколотили. Они нас пулеметом, огнем. Убитые повалились...»_

И снова И. А. Бунин:

«В газетах опять: «...Крестьяне заявляют, что до последней капли будут биться за мировую революцию, но, с другой стороны, стало известно об их нападениях на советские поезда и об убийствах топорами и вилами лучших наших товарищей...» «Напечатан новый список расстрелянных и затем: «Весело и радостно в клубе имени товарища Троцкого... Сначала исполнен был «Интернационал», затем товарищ Кронкарди... подражал лаю собаки, визгу (?) цыпленка, пению соловья и других животных, вплоть до пресловутой свиньи...»

«Как раз читаю Ленотра. Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские. Но и парижские были неплохи»._

Находившийся с Семейей в Тобольском заточении Государь писал:

«11/24 февраля [1918 г.] Воскресенье.

В 11 час. была обедница. После завтрака погулял, потом сидел недолго у Рендель <зубного врача> и опять вышел. Смотрели с горки на отъезд стрелков в санях целым караваном. Вечером было представление «Le fluide de John» [«Состав Джона»] и английская «In and Out Of A Punt» [«С приездом и с отъездом»], в который играли — Татьяна и M-r Gibbs.

Все прошло хорошо и забавно.

18 февраля (3 марта). Воскресенье.

В 11 1/2 была обедница. День стоял чудный, теплый, совсем весенний; днем таяло. Сидел у Рендель. Работали в саду и пилил. После чая репетили.

Вечером состоялся спектакль. Сперва шла англ. пьеса — «The Crystal Gazer» [«Волшебный кристалл»] — Мария и M-r Gibbs, а затем наша — «Медведь», в кот. играли: Ольга, опять Мария и я. Волнений в начале представления было много, но, кажется, хорошо сошло».

Но мысли Императора заняты другим. У него болит душа.

«2/15 марта. Пятница. Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде!

Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто как Бог!

Да будет воля Его Святая!

8/21 марта. Четверг.

Сегодня **год**, что я расстался с дорогой Мама в Могилеве и уехал в Ц. Село. Получил письмо от Ксении. Погода была непостоянная, то солнце, то снег, но, в общем, теплая.

9/22 марта. Пятница.

А сегодня годовщина моего приезда в Царское Село и заключения с семьей в Александровском дворце. Невольно вспоминаешь этот прошедший тяжелый год! А что еще ожидает нас всех впереди? Все в руке Божией! На Него только все упование наше».

Увы, все слои общества ожидала печальная участь.

Под предлогом «борьбы с голодом», который организовали сами же коммунисты, была введена «продовольственная диктатура», иначе говоря, осуществление хлебной монополии. «Вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба», — вещал Ленин. — «Задачей борьбы с голодом является не только выкачивание хлеба из хлебородных местностей, но ссыпка и сбор... всех до конца излишков (?) хлеба, а равно всяких продовольственных продуктов вообще», — продолжал он.

Были люди, которые верили, что Москва и Петроград голодают потому, что крестьяне не дают хлеба. В действительности же голод был «рукотворным».

Ленин использовал его как повод сосредоточить в своих руках весь хлеб

(выращенный той самой «крестьянской и иной буржуазией») и

«господствовать над всеми видами труда».

В то время, когда в Петрограде стояли дикие очереди за ста граммами хлеба, Лариса Рейснер, занимавшая чужой особняк с чужой же прислугой, принимала ванны из шампанского и устраивала званые вечера. Зиновьев, приехавший из-за границы тощим, как пес, разжирел и отъелся так, что его стали звать за глаза «ромовой бабой».

Грабителям, называвшимся продотрядами, отчаявшиеся крестьяне давали ожесточенный отпор. Возникла Народная армия Антонова, воевавшая против большевиков. Вот листовка, подписанная Антоновым:

«ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!!

Красноармейцы!

Пробил час нашего освобождения.

Наступил момент избавления от красных самодержцев, засевших как соловей-разбойник, в Москве белокаменной, опоганивших наши святыни, наши иконы с святыми мощами, пролившими море невинной крови отцов и братьев наших, обративших в непроходимую пустыню наше сильное и богатое государство.

Кто осушит слезы вдов и сирот? Кто накормит и утешит ограбленных, оплеванных, нищих, голодных граждан? Где богатыри русские — Ильи Муромцы, Добрыни Никитичи, Минины и Пожарские!!

Встрепенись же, русский красноармеец, пробудись, русский богатырь!

Отечество зовет тебя на подвиг.

Я бью в набат. Мой клич услышан, и со всех концов земли русской стекаются ко мне все обездоленные, чающие спасения отчизны, все те, кто еще в силах владеть оружием.

Для спасения Отчизны, для выручки Москвы из рук красных палачей, я принял на себя командование всенародным ополчением в г. Тамбове, как некогда Минин и Пожарский...

Отечество в опасности, оно зовет вас на подвиг.

Итак, за мной на выручку Москвы!

С нами Бог и Народ!

Ко мне в Тамбов!

Командующий всенародным ополчением

АНТОНОВ».

Но, подобно тому, как в крови были потоплены восстания рабочих в Колпине, Кронштадте, Астрахани, Ижевске, Перми, Пензе и других городах, были жестоко подавлены войсками интернационала (русские красноармейцы зачастую примыкали к повстанцам) и крестьянские восстания. Было произведено «расказачивание», когда войсками «особого назначения» (ЧОН'а) истреблялись целые станицы с женщинами и детьми. Ограблены храмы и монастыри, 90 процентов которых были разрушены. Уничтожены сотни мечетей и медресе (мусульманских школ), синагог, молитвенных домов. Разорены поместья с их библиотеками и картинными

галереями — эти «дворянские гнезда», служившие очагами культуры и просвещения.

Ленину и К° требовались все новые и новые средства для разжигания пожара «мировой революции», первой вязанкой дров для которого явилась Россия. Деньги были нужны и для того, чтобы рассчитаться с западными кредиторами, финансировавшими развал Российского государства. На продажу шло национальное достояние. Одним из его «покупателей» был Арманд Хаммер, личный друг всех правителей Советской России, начиная с Ленина и кончая Горбачевым.

Владимир Алексеевич Солоухин пишет:

«Из Эрмитажа и других музеев ушло за океан 5000 (пять тысяч!) бесценных картин. Рембрандты, Тицианы, Рафаэли, Веласкесы, Дюреры, Джорджоне, Босхи, Микельанджело... Под Вашингтоном существует музей, где специально выставлены русские дворцовые ценности. В семье Рузвельтов находится алтарь из Храма Христа Спасителя, в Калифорнии в частном собрании хранятся царские врата, которые Екатерина подарила Киевской Софии. Серебряные. Чеканные. Позолоченные. Полторы тонны весом. В кармане не провезешь. Именно вскоре после первого приезда в Москву Хаммера была опустошена Патриаршья Ризница, находившаяся в Кремле. В газетах того времени промелькнуло сообщение, что все ценности из нее были украдены неизвестными, приехавшими на грузовике. В Кремль! Охраняемый Латышскими стрелками!! На грузовике!!! Тогда же были вскрыты все царские гробницы как в Петрограде, так и в Москве. Во время изъятия церковного имущества из Троице-Сергиевой лавры рубины и жемчуг выносили кадками».

Не напоминает ли эта картина татарское нашествие? Впрочем, разграбление нашего национального достояния продолжается и поныне: грабятся музеи и храмы, вывозятся за рубеж иконы, предметы старины, редкие книги и рукописи, истребляются леса. Та же Финляндия, которая некогда была Великим княжеством Финляндским, входившим в состав Российской Империи, сама изобилующая лесами, свои лесные богатства бережет и вывозит в огромных количествах лес из России (чтобы затем ей же и продать пиломатериалы из этого леса, причем, втридорога). Вычерпываются недра... Да всего не перечислить.

И все это не оттого ли, что не стало Хозяина Земли Русской?

М.Горький. Несвоевременные мысли. М.: Интерконтакт. 1990. С. 110-111.

И.А.Бунин. Окаянные дни. Л.: Азъ. 1991. С. 91.

История Отечества в документах. Ч. 1. М.: Илби. С. 139.

И.Бунин. Цитир. пр. С. 61-63.

В.Солоухин. При свете дня. М.: Белка Трейдинг Корпорейшн. 1992. С.134.

Журнал "Родина". 1990. № 10. С. 1.
Цитир. пр. С. 178.

Глава двадцать шестая **VIVE L'EMPEREUR !**

У Государыни Императрицы Александры Феодоровны был особый дар находить *настоящих* людей. Ни происхождение, ни национальность, ни политические взгляды для нее не имели никакого значения. Среди верных слуг Царской Семьи мы находим швейцарца Пьера Жильяра — вначале республиканца по его воззрениям, ставшего затем искренним монархистом. Англичанина Сиднея Гиббса, выходца из буржуазной среды. Глубокая, истинная религиозность Царской Семьи, ее мученическая кончина произвели на него такое впечатление, что он перешел в православие и принял монашеский постриг. Свои дни он окончил на родине в чине архимандрита. Верными Царю до последнего вздоха остались матросы Гвардейского Экипажа Иван Седнев и Климентий Нагорный, выходцы из крестьянских семей.

Точен был и выбор ею, в качестве лейб-медика, доктора Евгения Сергеевича Боткина. Одной из причин такого выбора, возможно, был тот факт, что Е. С. Боткин родился в любимом Императрицей Царском Селе, где выросли и ее дети — Великие Княжны и Цесаревич Алексей Николаевич, родившийся в Петергофе. Знаменитые «Боткинские бараки» были названы так в честь отца лейб-медика, известного врача Сергея Петровича Боткина. Мать Евгения Сергеевича Анастасия Александровна, урожденная Крылова, умерла, когда он был еще ребенком. Евгений получил домашнее образование, позволившее ему поступить в 1878 году сразу в 5-ый класс гимназии. Проучившись два года на математическом отделении физмата Петербургского университета, Евгений Сергеевич перешел в Военно-медицинскую академию. Окончив ее с отличием в 1889 году, в возрасте 21 года он был направлен в Мариинскую больницу для бедных (в советское время называвшуюся Куйбышевской). Год спустя молодой ассистент-интерн откомандирован в Германию. Там он слушал лекции по невропатологии, детским болезням, окончил практический курс по бактериологии, акушерству, клинической химии. В 1892 году получил место врача при Придворной певческой капелле, которой руководил М. А. Балакирев. Не щадивший себя, Милий Алексеевич не щадил и неокрепшие силы детей — воспитанников Капеллы. В конце следующего года, не выдержав подобного отношения к детям и не в силах что-то изменить, Е. С. Боткин написал прошение об увольнении. В 1895 году он снова в Германии. Там он работает над темой «К морфологии крови и лимфы».

Постановлением Главного Управления Российского Красного Креста от 2 февраля 1904 года он назначен на должность главноуполномоченного по медицинской части при действующих армиях. Оставив дома жену с четырьмя

детьми (младшему не было и четырех лет), Евгений Сергеевич отправился на фронт. Смерти он не боялся. «Я был совершенно убежден, — писал он жене, — что как ни велик риск... я не буду убит, если Бог того не пожелает; а если пожелает, — на то Его святая воля». Доктор Боткин жалел не только русских солдат, но и раненых японцев.

6 мая 1905 года Евгения Сергеевича пожаловали в почетные лейб-медики, хотя на фронте он оставался до конца сентября того же года.

По желанию Ее Величества 15 апреля 1908 года его назначили на место скончавшегося лейб-медика Г. И. Гирша. Хотя у Императрицы были и другие кандидаты, свой выбор она остановила именно на Евгении Сергеевиче. Ей было известно высказывание доктора: «В отношении врача к больному никогда не должно быть суровости, он никогда не должен забывать, что перед ним больной человек, нередко страдающий от своей нервной болезни не менее, чем другой от физической, и заслуживающий поэтому сердечного внимания и участия».

Государыня верно угадала в новом лейб-медике именно того специалиста, в котором врачебные познания сочетались с натурой, чуткой к чужим страданиям. Зато дома у доктора назрела драма: отдав всего себя Царской Семье, он остался одинок. Хотя нет, не так. Дети его остались с ним. К тому же, рядом были и Царские дети. Насколько благородны и добры были и Великие Княжны, и Цесаревич, который был лишь немногим старше его младшего сына, Глеба, мы можем судить по рассказам лейб-медика.

В письмах к брату Евгений Сергеевич отмечал:

«17.VII.1908. Как только мы вступили на «Штандарт», Анастасия Николаевна меня спросила: «А вы опять будете играть в булль?» — «Непременно», — говорю... «Вам булль помогает жить?» — тогда серьезно спросила Анастасия Николаевна...

Брат Ее обворожителен, как всегда; вчера я поцеловал Его в шейку сзади, а Он улыбается и говорит: «Какую Вы гадость поцеловали», — и показывает на свою шейку, нежную и белую».

«Штандарт». 6.VI.1911. ... По приглашению очаровательного Алексея Николаевича поиграл в жмурки с ним, двумя юнгами и Деревенько на юте. Ребенок очень веселился, раскраснелся и спрашивал мальчиков-юнгов: «Правда, очень веселая игра?»

«Штандарт». 14.VII.1911. Когда Мария Николаевна играет в четыре руки с Анастасией Николаевной — это трогательная картина. У них так мило это выходит. А как Ольга Николаевна музыкальна, и какие успехи делает. Сколько душевной чуткости в Царских Детях!»

Когда у лейб-медика захворала дочь Татьяна, как трогательно они относились к бедному отцу. Статс-дама княгиня Мария Михайловна Голицына была поработана сердечным отношением к ней, горько оплакивавшей потерю своей прелестной внучки, со стороны Царевны Ольги. Хотя и сама Ольга Николаевна была тогда совсем крошкой, но она проявила

столько такта и сочувствия, что княгиня была растрогана.

«О Родителях (Их Величествах) я не говорю: моя любовь к Ним и преданность безграничны... Своей добротой Они сделали меня рабом Своим до конца дней моих», — писал Е. С. Боткин своим братьям. И это были не пустые слова. Хотя у него была возможность остаться в живых, для чего надо было покинуть Царскую Семью, он отказался это сделать.

Человек либеральных взглядов, лейб-медик Боткин был искренно привязан к Императорской чете. Если бы все тираны были такими, как Государь Император, то он обеими руками проголосовал бы за «тиранию».

Вернувшись как-то с палубы «Штандарта» в столовую, Евгений Сергеевич очень озяб.

— Что это у Вас, Евгений Сергеевич, зазябший какой-то вид? — спросил Государь и взял в обе свои руки его холодные ладони. «Ну, разве не трогательна эта милая, должен сказать, ласка?» — писал своим братьям в 1908 году лейб-медик.

Сколько примеров душевной теплоты видел он со стороны Царской Четы. В начале ноября 1913 года в Ливадии умирал Дворцовый комендант В. А. Дедюлин. Чтобы поддержать больного, его навестили Их Величества. Узнав, что к нему пришли Государь и Императрица, умирающий прослезился: «Ах, Они дорогие, золотые». По совету Ее Величества он соборовался и после соборования перекрестился, лег на правый бок и навеки уснул.

На личные средства Императрица построила в Крыму несколько санаториев, оборудованных по последнему слову медицины. Кроме того, устраивала базары, на которых продавала изготовленные ею вещи в пользу больных туберкулезом. К делу милосердия она приучала и своих Детей. Е. С. Боткин писал брату:

«26.III.1914. (По дороге в Севастополь.) ...Сегодня Алексей Николаевич обходил вагоны с корзиночкой маленьких дутых яиц, которые он продавал в пользу бедных детей по поручению Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, севшей к нам в поезд в Москве... Когда Жильяр ему что-то интересное рассказывал, я, заметив, что он хочет продолжать слушать, поспешил уходить. Когда я в дверях раскланивался, этот ненаглядный мальчик, очаровательно улыбаясь мне, сказал: «Au revoir Monsieur, Je Vous aime de tout mon petit coeur» [«До свидания, месье, я люблю Вас всем своим сердечком» — франц.]. Я в восторге ему ответил: «Vous etez adorable...» [«Вы очаровательны...» — франц.]

Евгений Сергеевич Боткин был цельной натурой. Однажды полюбив Царскую Семью, он не мог ответить предательством на ее любовь к нему.

«Ливадия. 5.IV.1914. ...В четверг мы все приобщались (Святых Тайн Христовых), и я не мог удержать слез умиления, когда Царь и Царица клали земные поклоны, кланялись нам, многогрешным, и вся Царская Семья приобщалась...» — писал он сыновьям.

Когда Временное правительство отправило Царскую Семью в ссылку в

Сибирь, вместе с нею поехал и доктор Е. С. Боткин. Своему младшему брату Александру он писал: «Я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести Ему в жертву своего единственного сына... Так же как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и Сам будет им отцом».

Жизнь в Тобольске, по признанию доктора, была более свободной, чем в Царском Селе во время заточения. Тобольяки ему пришлось по душе, как и сам город — живописно расположенный, богатый храмами, учебными и богоугодными заведениями. Местные жители тоже оценили доброго, великодушного доктора и часто приглашали его к себе, чтобы получить совет или лечение. Следуя старинному своему правилу, вопреки тому, что писал впоследствии Роберт Масси («...Лейб-медику Е. С. Боткину разрешено было открыть небольшую врачебную практику»), доктор ни с кого не брал платы. Благородный лейб-медик вместе с Государем, Императрицей, Великой Княжной Марией Николаевной и сопровождающими их лицами 30 апреля оказались не в Москве и не в Риге, как было обещано Яковлевым, а в Екатеринбурге.

По приезде в Екатеринбург из Тобольска в мае 1918 года, видя тяжелое состояние Наследника, к которому он всем сердцем был привязан, Евгений Сергеевич написал следующее прошение:

«В [Екатеринбургский] Областной Исполнительный комитет
Господину Председателю

Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении областного Исполнительного комитета, вообще и в частности Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, г-н Председатель, со следующей усерднейшей просьбой. Алексей Николаевич подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчика его возраста, сопровождающихся выпотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем его матери, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдержать ухода за ним. Моих угасающих сил тоже не хватает. Состоящий при больном Клим Григорьев Нагорный, после нескольких бессонных и полных мучений ночей сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать вовсе, если на смену и в помощь ему не являлись бы преподаватели Алексея Николаевича г-н Гиббс и, в особенности, воспитатель его г-н Жильяр. Спокойные и уравновешенные, они, сменяя один другого, чтением и переменею впечатлений отвлекают в течение дня больного от его страданий, облегчая ему их и давая тем временем родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами для смены их в свою очередь. Г-н Жильяр, к которому

Алексей Николаевич за семь лет, что он находится при нем неотлучно, особенно привык и привязался, проводит около него во время болезни целые ночи, отпустил измученного Нагорного выспаться. Оба преподавателя, особенно, повторяю, г-н Жильяр, являются для Алексея Николаевича совершенно незаменимыми, и я, как врач, должен признать, что они зачастую приносят более облегчения больному, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к сожалению, крайне ограничен. Ввиду всего изложенного я и решаюсь, в дополнение к просьбе родителей больного, беспокоить Областной Исполнительный Комитет усерднейшим ходатайством допустить г.г. Жильяра и Гиббса к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, а ввиду того, что мальчик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием, не отказать допустить их — в крайности же — хотя бы одного г. Жильяра, к нему завтра же.

Доктор Ев. БОТКИН

24 мая 1918 г.»

На прошении доктора Боткина наложена резолюция коменданта «дома особого назначения» А. Авдеева: «Просмотрев настоящую просьбу доктора Боткина, считаю, что из этих слуг один является лишним, т. е. дети все являются взрослыми и могут следить за больным, а поэтому предлагаю председателю областкома немедленно поставить на вид этим зарвавшимся господам ихнее положение». Белобородов согласился с резолюцией коменданта.

Все вопросы, связанные с хозяйственными и иными делами в доме инженера Ипатьева, решались при посредстве доктора Боткина.

Лейб-медику Царской Семьи раньше, чем остальным обитателям дома, стало известно об их дальнейшей судьбе. В конце июня 1918 года дом Ипатьева посетила комиссия в составе Белобородова, председателя Уральского облсовета, Мебиуса, председателя Военно-революционного комитета, его заместителя и представителя австрийских пленных, выполнявших «задания» Чека, иначе говоря, палачей.

— Мы по поводу Вашего прошения, гражданин Боткин,— обратился к лейб-медику Белобородов.— Хотим посмотреть, так ли обстоят дела, как в нем указано.

— Ребенок должен быть определен в больницу! Я не имею больше лекарств и перевязочного материала. Нынешние господа положения должны быть гуманны хотя бы к детям! — вспылал лейб-медик.

Комиссия в сопровождении лейб-медика вошла в комнату, где лежал Цесаревич. Нога у мальчика была забинтована. После падения с лестницы в губернаторском доме еще в Тобольске он получил тяжелую травму. Колено заживало медленно. Прежде отвлечь Цесаревича от страданий умели его учителя мистер Гиббс и месье Жильяр. Ни того, ни другого в «дом особого

назначения» не впустили. Рядом с сыном сидела похудевшая, поседевшая Государыня. Грустные ее глаза были печальнее обыкновенного.

— Ах, мамочка, — прошептал мальчик, увидев недобрый взгляд одного из вошедших. — Если будут убивать, только бы не мучили.

— На все воля Божия, — проронила Императрица.

Вскоре Боткина привезли в военно-революционный комитет.

— Доктор, — произнес Мебиус, — революционный штаб решил вас выпустить на свободу. Вы врач и желаете помочь страждущим людям. Для этого у нас достаточно возможностей. Вы можете возглавить больницу в Москве или открыть собственную практику. Мы дадим вам рекомендательные письма и охранную грамоту. Вас никто не посмеет тронуть.

— Видите ли, господа, я дал Государю Императору честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить Наследника одного...

— Вы лично не несете никакой ответственности за проигранную войну, доктор! Вас не в чем упрекнуть...

— Прошу прощения, — перебил Боткин Мебиуса. — Разве Государь отдал немцам треть страны? Под его командованием армия не отдала врагу *ни пяди* земли...

— А Польша, а Курляндия... Кто отдал их? — возразил Мебиус, начинавший выходить из себя.

— Все это произошло при Великом князе Николае Николаевиче. Если бы не его предательство и предательство пяти генерал-адъютантов, то война окончилась бы уже в прошлом году. Причем, победой России и ее союзников.

— Не забывайте, доктор Боткин. Вы не судья, мы не подсудимые. Должен Вас предупредить, что Вы можете разделить участь Царской Семьи, если не послушаетесь нашего совета. А участь ее довольно печальная.

Уставившись в пол, доктор некоторое время молчал. О чем именно он думал, мы не знаем. Можем только предполагать. Скорее всего, он все давно решил для себя. Конечно, ему было жаль своих детей. Но ведь они останутся живы. А он — как может он жить дальше, если предаст Царских Детей, Их Родителей, от которых все эти десять лет он не видел ничего, кроме доброты и ласки? Что подумал бы о нем сын Дмитрий, погибший за Веру, Царя и Отечество без малого четыре года назад? Что подумал бы о нем его первенец, Сереженька, умерший в полугодовалом возрасте? Ведь у Господа Бога все живы. Доктору вспоминались трогательные сцены. Один тяжело раненый офицер, когда Государь приколол ему к больничной рубашке Георгиевский крест 1-ой степени, поцеловал Царю руку и со счастливой улыбкой умер. А как безропотно умирали солдатики на японской войне, да и на последней, Великой. Увы, все их жертвы оказались напрасными! И Нагорный, и Седнев — простые крестьяне, по слухам, расстреляны. За отказ предать Царя и Его Семью. Неужели же он, Евгений Боткин, дворянин, кавалер пяти российских и одного болгарского ордена, генерал, лейб-медик

Царской Семьи, изменит своему слову и присяге?

Словно поняв ход мыслей доктора, помощник председателя произнес:

— К чему вам жертвовать собой, доктор? Вы же всегда придерживались либеральных взглядов?

— В молодости я был даже атеистом, — отвечал Евгений Сергеевич, пожимая плечами. — Но Господь наставил меня на путь Свой. Дорогой ценой я заплатил за модный в то время атеизм. А человек верующий не может не быть монархистом. Я благодарен вам за то, что вы озабочены моей судьбой. Но помогите этой несчастной семье, которая не ропщет и несет свой крест. Вы сделаете хорошее дело. Там, в том доме, откуда вы меня привели сюда, живут великие души России, которые облиты грязью политиков!

Собеседники доктора, на которых слова доктора, видно, произвели впечатление, с минуту молчали.

— Благодарю вас, господа, но я остаюсь с Государем Императором.

Коротко кивнув, доктор Боткин повернулся к выходу. Члены революционного штаба поклонились в ответ.

* * *

26 июня (9 июля) 1918 г. Евгений Сергеевич писал своему младшему брату Александру: «Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, — по крайней мере, отсюда, — хотя эта отговорка, по-моему, совершенно излишняя... В сущности, я умер, ...но еще не похоронен, или заживо погребен...»_

Царской Семье и Ее верным слугам жить оставалось неделю. Несомненно, лейб-медик предчувствовал свою гибель, но не изменил своим Августейшим покровителям.

По доброй воле отправились в ссылку с Государем и князь Долгоруков, и граф Татищев, и графиня Гендрикова. Если князь был гофмаршалом, то граф Илья Леонидович не принадлежал к числу придворных. После того, как помощник комиссара Министерства Двора Макаров объявил Татищеву, что он назначен сопровождать Государя в ссылку, граф спросил:

— Что это — распоряжение правительства или приказ Государя?

— Желание Государя, — ответил Макаров.

— Раз Государь желает этого, мой долг исполнить волю Государя, — заявил Татищев и в тот же день присоединился к спутникам Царской Семьи. Глубоко благородный, с кротким характером, граф стал всеобщим любимцем узников. Душевно богатый, с неисчислимым запасом историй, воспоминаний, он вносил разнообразие в монотонную жизнь, полную неизвестности и отсутствия связи с внешним миром. Попав в екатеринбургскую тюрьму, он остался верен себе.

— Вот, Алексей Андреевич, — обратился он к камердинеру Императрицы Волкову, — правду ведь говорят: от сумы да от тюрьмы никто не отказывайся. Офицерам, сидевшим вместе с ним в камере, он был примером верности

Государю. Граф говорил им:

— На такое Монаршее благоволение могла ли у кого-нибудь позволить совесть дерзнуть отказать Государю в такую тяжелую минуту? Было бы не человечески черной неблагодарностью за все благодеяния идеально доброго Государя даже думать над таким предложением, нужно было считать его за счастье».

Со всех, приехавших из Тобольска и допущенных в «дом особого назначения», взяли «расписки». «Расписка» Нагорного гласит:

«Я, нижеподписавшийся, гражданин Нагорный Климентий Григорьев, Киевской губернии, Сквирского уезда, Антоновской волости, село Пустоваровка, даю настоящую расписку, что, желая продолжать служить при бывшем царе Николае Романове, обещаюсь подчиняться и выполнять распоряжения Уральского областного Совета, исходящие от коменданта дома особого назначения, и считать себя на равном состоянии, как и остальная семья Романовых. 24 мая (1918 г.)».

Аналогичную «расписку» дал и Алексей Егорович Трупп, «Витебской губернии, Режицкого уезда, деревни Колногово». Деревня в настоящее время (2000 год) находится на территории Латвии. Район этот был населен белорусами, многие из них были католиками. Католиком был и Алексей (Алоизий) Егорович.

В книге «Гибель императорского дома» авторы приводят телеграмму предисполкома А. Белобородова, в которой указано, что якобы у Долгорукова были обнаружены «планы бегства царской семьи». В действительности никаких планов бегства не было. Было письмо к П. Бенкендорфу и заявления на имя Белобородова. Письмо князя, адресованное бывшему обер-гофмаршала Двора, гласило:

«Дорогой мой Павел! Сегодня приехал в Екатеринбург после ужасной, утомительной дороги в тарантасе. 270 верст ехали 2 дня, и я очень разбит. Нас очень торопили, не знаю — почему. Но это еще ничего. Приехав сюда, меня без всякого допроса и обвинения арестовали и посадили в тюрьму. Сажу и не знаю, за что арестован. Я написал заявление в областной Совет, прося меня освободить и разрешить выехать к больной матери в Петроград. Всею душой надеюсь скоро вас повидать и обнять. Бедную маму не пугай моим арестом, она стара, и надо ее беречь. Скажи ей только, что Бог даст, я скоро ее увижу».

В заявлении Долгоруков писал: «Сего числа, прибыв в Екатеринбург, меня арестовали и посадили в тюрьму № 2. Ввиду того, что мне не предъявлено никакого обвинения, я прошу меня освободить и дать возможность поехать к больной матери в Петроград». 4 мая Белобородов ответил князю, что он арестован «на основании общественной безопасности». В повторном заявлении арестованный указал, что он этого не понимает, т. к. «всегда был далек от политики». Убедившись, что в Петроград его не пустят, князь Василий Александрович попросил своих тюремщиков перевести его в «дом особого назначения», где находились члены Царской Семьи и доктор Боткин:

«Во имя человеколюбия не откажите это исполнить. С совершенным почтением гражданин Долгоруков». Но что такое «человеколюбие», белобородовы не знали. Князя Василия Александровича расстреляли. Как и графа Илью Леонидовича.

— Я знаю, что я не выйду отсюда живым, — говорил Пьеру Жильяру Татищев. — Я желал бы только одного, чтобы меня не разлучали с Государем и чтобы дали мне умереть вместе с ним.

Он не получил и этого последнего утешения.

10 июля (1918 г.) графа Татищева и князя Долгорукова вызвали в тюремную контору. Там им выдали ордера, предписывавшие в 24 часа покинуть пределы Уральской области. Взяв свои вещи, оба вышли из тюрьмы, где их встретили вооруженные чекисты. Они вывели их за Ивановское кладбище и, расстреляв, даже не зарыли.

Подобная судьба постигла Климентия Григорьевича Нагорного и Ивана Дмитриевича Седнева, прежде служивших на Царской яхте «Штандарт». Нагорный был холост, а Седнев, уроженец Ярославской области, женат. У него было трое детей, мать и сестра.

По совету тюремного адвоката узники подали прошения на имя председателя облисполкома Белобородова. Они просили объяснить, по какой причине посажены за решетку, и потребовали выслать их домой. Вместо того, чтобы честных матросов освободить, палачи из Чека их «отправили в расход».

Поэт С. С. Бехтеев, «Царский гусярь», писавший стихи, прославлявшие Императрицу Александру Федоровну еще в те предвоенные годы, когда борзописцы наперебой старались уязвить Государыню, — поэт, дальнейшее творчество которого — это воспевание Царской России и Царской Семьи, одному из верных Царских слуг — Климентию Григорьевичу Нагорному — посвятил следующее стихотворение:

Жизнь за царя

Посвящается памяти доблестного матроса Нагорного

В години ярости кровавой
Преступных слов и гнусных дел,
Когда от нас Орел Двуглавый,
Взмахнув крылами, улетел;
Когда убийцы и бродяги,
Позоря славный ход времен,
Топтали царственные стяги
И Крест Андреевских знамен;
Когда матросы с бандой серой,
Казня страдальцев без вины,
Глумились в бешенстве над верой

Седой священной старины, —
Тогда на вольные страданья,
С ничтожной горстью верных слуг,
С своим Царем пошел в изгнание
Ты, верный раб и честный друг.
И скорбь, и жребий—зло суровый
Ты с Ним в дни горя разделил
И за Него томясь, оковы
В предсмертный час благословил.
И, пулей в грудь навывлет ранен,
Ты умер, верностью горя,
Как умер преданный Сусанин
За Православного Царя...
Пройдет свободы хмель позорный,
Забудет Русь кровавый бой...
Но будет жить матрос Нагорный
В преданьях родины святой.

г. Севастополь. 1920 г.

Иван Михайлович Харитонов имел, на первый взгляд, скромную должность повара. В действительности он заменил знаменитого ресторатора Кюба, метрдотеля Императорской кухни, покинувшего Россию после февральского переворота. По словам его дочери, находясь в тобольском заточении, Государь как-то сказал ему: «Хорошо меня кормишь, Иван». Поварскому искусству он обучался в Париже. В заточении Иван Михайлович давал уроки хлебопечения юным Царевнам. За этими уроками с интересом наблюдала и Государыня Императрица. На Пасху 1918 года, когда Августейшие Дети остались одни (кроме Марии Николаевны, сопровождавшей родителей в Екатеринбург) повар Харитонов сделал все, на что был способен, чтобы порадовать Августейших хозяек. Глядя на богатый праздничный стол, Великая Княжна Ольга Николаевна не выдержала и со слезами на глазах проронила: «Все-то у нас есть, а Родителей нет». Слова эти перевернули доброму повару всю душу. Чтобы отвлечь юных Великих Княжон от грустных мыслей, он говаривал: «Не плачь, переменится доля крутая, придет к нам на помощь Мадонна святая».

Родился Иван Михайлович 2(14) июня 1870 года в семье Михаила Харитоновича (1837-1913), чиновника Министерства Императорского двора, получившего за заслуги орден Св. Владимира и личное дворянство. Старшего сына, Ивана, он определил на кухню, когда мальчику было 12 лет. Его узкой специализацией были первые блюда, и он назывался повар-суповик. За время обучения поварскому искусству в Париже Иван Михайлович научился французскому языку, на котором разговаривал свободно. Один из его внуков — Валентин Михайлович Мультатули (судя по

всему, это псевдоним его отца, театрала, настоящая фамилия которого была Шапошников). Валентин Михайлович (он в добром здравии в настоящее время), как и его семья, прекрасно говорит по-французски и даже преподает этот язык в Академии культуры в Петербурге .

Иван Михайлович сопровождал Государя во всех его поездках за границу. Сохранились фотографии, рассказы о кораблекрушении на Мертвом море, о кафе в Египте, ресторане в Пекине, о японском фанатике, «набросившемся на русских».

Во время тобольского заточения семья Ивана Михайловича жила вместе с ним. Старший сын, Петр, служил у красных, правда, по медицинской части, так что на его руках крови нет. Более того, ему были свойственны доброта и глубокая религиозность. Он мог вернуться с прогулки босиком, отдав ботинки нищему. Не оттого ли он стал восприимчив к революционной пропаганде. Правда, к концу жизни он свои взгляды пересмотрел и многое понял.

По словам Валентина Михайловича, его дед (мать его, Екатерина Михайловна, была одной из дочерей расстрелянного Царского повара) женился по любви в 25 лет на бесприданнице и был любим. По словам Валентина Михайловича, дед его был однолюб. У него была одна мать, одна жена, одна Родина, один Царь, одна Вера. Это и определило его судьбу. Известно, что после казни французского короля Людовика XVI вся свита *добровольно* пошла на эшафот следом за своим монархом. Примеру свитских дворян последовали и простые слуги. Прежде чем лечь под нож гильотины, они восклицали: «Vive le Roi !» («Да здравствует король!») Русский народ упрекают в том, что он оставил своего Царя. Но мы знаем, что были многие, которые сложили свои головы за Государя Императора. Такие люди, как Е. С. Боткин, К. Г. Нагорный, В. А. Долгоруков, И. Л. Татищев, как И. М. Харитонов и другие верные слуги Государя своей смертью — без пафоса и картинных поз — как бы провозгласили: «Vive l'Empereur !» («Да здравствует Император!»)

В числе таких верных слуг Царских мы находим графиню А. В. Гендрикову, гоф-лектрису (чтицу) Е. А. Шнейдер и камердинера Императрицы А. А. Волкова. 20 июля, уже после гибели Царской Семьи, их под конвоем отвезли на вокзал и в арестантском вагоне отправили в Пермь.

Екатерина Адольфовна Шнейдер приходилась племянницей лейб-хирургу Гиршу. После приезда в Россию Великой Княгини Елизаветы Федоровны она состояла у нее учительницей русского языка. Долгое время жила при Высочайшем дворе, не имея никакого официального положения. Затем граф В. Б. Фредерикс создал для нее должность гоф-лектрисы (придворной чтицы), так как считал неудобным то обстоятельство, что ей приходилось повсюду сопровождать Великих Княжон без всякого придворного звания.

Екатерина Адольфовна отличалась удивительной преданностью как Государыне, так и Царским детям. Она добровольно отправилась с Царской Семьей в ссылку и обрекла себя на мученическую смерть. Глубоко образованная и культурная, она отличалась исключительной скромностью и

работоспособностью. Выполняла обязанности как секретаря Государыни, так и ее гофмейстерины. Все вещи заказывались и покупались при ее участии. Государыне Императрице она преподавала русский язык, а Царским детям, когда они были еще маленькими — все предметы. Мадемуазель Шнейдер отличалась очень ровным характером и подлинной добротой. По этой причине именно она сопровождала Великих Княжен, если им нужно было куда-то поехать. «Как эта худенькая, кажущаяся слабенькой барышня могла поспевать делать то, что ей поручали, да еще со всегдашей готовностью, было прямо поразительно», — в свое время признавался генерал А. А. Мосолов.

Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, добровольно поехавшая в ссылку с Августейшей семьей, питала чувство любви и привязанности к Государыне, которая относилась к фрейлине по-матерински и ее горе воспринимала как свое. Утешая молодую женщину после смерти ее отца, Императрица писала ей 5 апреля 1912 года:

«Милая крошка Настенька, мое сердце переполнено состраданием, любовью ко всем Вам. Не могу не написать Вам хотя несколько строк. Не смею беспокоить Вашу бедную Мама; мои молитвы с нею... Я так чувствую Ваше горе, испытал ужас потери возлюбленного отца... Не могу себе представить, как устроится теперь Ваша жизнь без отца, советника и руководителя, но Всемогущий Бог Вас не оставит... Все умирает в этом мире, чтобы проснуться к жизни вечной на том берегу».

Молодая графиня Анастасия Васильевна, несмотря на тюремные условия, помогала сохранять бодрость духа своим сокамерницам. Сама же она смерти не страшилась и была полна смирения перед волей Божией. Оставшись сиротой, она всей душой привязалась к Государыне и Ее Дочерям. Последние три или четыре года жизни графиня Софья Петровна, ее мать, тяжело болела и умирала долго и мучительно. Почти ежедневно Императрица приходила к старой больной фрейлине и молитвами облегчала ее страдания. Горячая любовь к матери была перенесена молодой графиней и на Царскую Семью.

4 сентября, глухой ночью, А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдер, А. А. Волкова вместе с восемью другими арестованными отвели за город к ассенизационным полям под конвоем 33 палачей-австрийцев. Камердинер, догадавшись, чем кончится дело, перепрыгнул через канаву и убежал в лес. Через 43 дня ему удалось добраться до территории, занятой белыми войсками.

Остальных привели к валу и в спину дали по ним залп. Большинство палачей берегли патроны и убивали несчастные жертвы ударами прикладов. Через семь месяцев после убийства тела графини Гендриковой и Шнейдер были откопаны. Пожилая гоф-лестрица была поражена пулей в сердце. Графиня — убита страшным ударом по черепу. Тело графини осталось нетленным, как у древних мучениц. После взятия белыми войсками Перми 7 мая 1919 г. тела гоф-лестрицы и фрейлины были найдены и опознаны. Е. А. Шнейдер и А. В.

Гендрикову похоронили на Ново-Смоленском кладбище напротив тюремной камеры, где обе провели свои последние дни.

31 октября/1 ноября 1981 года Зарубежная Русская Православная Церковь причислила к лику святых этих верных Царских слуг вместе с Царской Семьей и сонмом других Новомучеников Российских от безбожной власти убиенных.

Т.Мельник-Боткина. Цитир. пр. С. 110.

Там же. С. 116.

"24 часа". 24.06.1993. С. 6.

Т.Мельник-Боткина. Цитир. пр. С. 113.

М.К.Дитерихс. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале.

М.: Скифы. 1991. Т. 1. С. 261.

С.С.Бехтеев. Песни русской скорби и слез. М.: Славянская школа. 1997. С. 64.

Глава двадцать седьмая **РУССКАЯ ГОЛГОФА**

В середине июля 1998 года в Музее политической истории России (б. особняк М. Ф. Кшесинской) открылась выставка «Кто убил Царя». Музей, несмотря на смену названия, сохранил все свои кадры и коммунистические воззрения.

Недаром кто-то прозвал его «Музей на крови»: ведь именно с балкона «экспроприированного» особняка Кшесинской «Ильич» выступал со своими людоедскими тезисами. Однако в числе сотрудников есть и честные люди. Одна из сотрудниц (не станем называть ее имени) на вопрос, вынесенный в название выставки, ответила кратко: «Кто любил, тот и убил».

Действительно, те, кто клялся Императору в верности, присягал ему и заявлял о своей любви и преданности, отступились от него.

У о. Г. Шавельского в мае 1914 г. завязалась дружба с князем Орловым, имевшим при дворе влияние. У этого «придворного» однажды вырвалась фраза: «Я много бы дал, если бы имел какое-либо основание сказать, что Императрица живет с Распутиным, но по совести ничего подобного не могу сказать». Следовательно, князь Орлов *знал* о чистоте Императрицы. Это подтверждают слова о. Шавельского: «Князю Орлову, как никому другому, было известно все сокровенное в жизни Царской семьи, (что) служит лучшим опровержением той грязной, к сожалению, весьма распространенной сплетни, будто бы влияние Распутина утверждалось на нечистой связи с молодой Императрицей». В результате усилий окружения Великого Князя в недрах армии, в широких слоях народа — а уж об «образованщине» и говорить нечего — возникло неистребимое чувство ненависти к Императрице и Императору. Именно этого-то и добивались враги русского народа, цель которых состояла в том, чтобы разрушить в сердцах простых людей, испокон века преданных Царю, идеальный образ Царя-батюшки — доброго и милостивого — и Царицы-матушки, заботящейся о нуждах и чаяниях русского

народа.

Приходишь к невольному выводу, что главными убийцами Государя Императора, Императрицы, Царских Детей и слуг были не палачи Юровский и Компания и даже не Ленин со Свердловым, а князи орловы, о. шавельские, николаи николаевичи с их родней и челядью. Такого же мнения придерживается и значительная часть объективно относящихся к себе эмигрантов.

М. Арцыбашев признавал:

«Интеллигенция почти сплошь была проникнута революционными идеями. Бунтарский дух бродил даже по аристократическим салонам, где хорошим тоном считалось быть в оппозиции двору... И в час гибели у несчастного последнего царя не оказалось защитников, но зато в изобилии нашлись тюремщики и палачи. ...Народ остался равнодушен к судьбе империи... Он... грабил, убивал, но все это относилось вовсе не к монархии, а к его собственным счетам и расчетам». Писатель считал себя врагом Императора, тем ценнее его признания. «Много было темного и страшного в истории русских царей. Но все они — и этого никто не посмеет отрицать — чувствовали себя ответственными за судьбы России. Они... могли совершать величайшие ошибки, но ни один из них не мог предать Россию... И последний русский царь, даже уже лишенный престола, даже уже примирившийся со своею участью,.. не мог даже и помыслить о том, чтобы ценою позора России спастись от... гибели. И когда он узнал о большевицком перевороте, когда понял, что близится его собственный конец, он ничего другого не мог записать в свой дневник, кроме краткой и горячей молитвы: Боже, спаси Россию!»

Не следует думать, что мы пытаемся обелить захвативших власть профессиональных убийц. В отличие от французских революционеров, принявших на себя ответственность за казнь короля и королевы, даже тени гражданского мужества не проявили большевики. «Вместо зала народного собрания — высокий забор вокруг места убийства; вместо эшафота на площади Революции — подвал в доме Ипатьева...»

После смены места заключения Царской Семьи — переезда в дом инженера Ипатьева — для нее началась новая жизнь, если можно ее так назвать, эту жизнь.

Даже из дневниковых записей Государя Императора, немногословного и сдержанного в своих оценках, можно понять, что положение узников «мертвого дома» ухудшалось с каждой неделей.

«1 мая. Вторник [1918 г.]. ...Сегодня нам передали через Боткина, что в день разрешается гулять только час; на вопрос: почему? ис. долж. коменданта ответил: «Чтобы было похоже на тюремный режим»...»

«2 мая. Среда. Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр закрасил все наши окна во всех

комнатах известью... Вышли гулять в 3 1/4, а в 4.10 нас погнали домой». 10 мая из Тобольска приехали дети и слуги. 14 мая Седнева и Нагорного вызвали на допрос в облсовет. Больше они не вернулись».

«О Седневе и Нагорном ни слуха, ни духа!» — записал 16 мая Царь.

«9 июня. Суббота. ...Вошло 6 человек, вероятно — областного совета, посмотреть, какие окна открыть...»

«28 июня. Четверг. Утром около 10 1/2 час. к открытому окну подошло трое рабочих, подняли тяжелую решетку и прикрепили ее снаружи рамы».

Ухудшилось и питание Семьи. Государь адресовал письмо Ленину:

«...События имеют свою историческую неизбежность, и с этой стороны я не жалею на то, что произошло в феврале 1917 года. Но против последующего позвольте мне горячо протестовать. Именно против угнетения моей личности, не как бывшего Императора, а как добровольно объявившего себя гражданином Николаем Романовым. Этот гражданин в вашей, господин комиссар, республике угнетается до того, что ему не позволено иметь на руках обычный арестантский порцион 25 коп. в сутки, как равно не позволено пользоваться своим столом...»

Вместо того, чтобы призвать к порядку своих распоясавшихся опричников, «Ильич» наложил резолюцию: «Одерните, в самом деле, этих екатеринбургских саврасов».

Для Их Величеств и Великой Княжны Марии Николаевны восхождение на русскую Голгофу после их приезда в Екатеринбург продолжалось 78 дней, для остальных Мучеников — 55 дней. Дом, по прибытии в него Царской Семьи, находился в полном порядке, но уже спустя несколько дней был превращен охранниками в бедлам — заплеванной, загаженный. Стены в уборной, в соседних комнатах, на балконе были покрыты порнографическими рисунками, оскорбительными надписями.

«Однако вера, — писал П. Жильяр, — очень сильно поддерживала мужество Узников. Они сохранили в Себе ту чудесную веру, которая уже в Тобольске вызывала удивление окружающих и давала Им столько сил и ясности в страданиях».

Государыня и Великие Княжны, не обращая внимания на скверную ругань и неприличные песни, находили утешение в молитвенных песнопениях и к охранникам относились не с презрением, а с сочувствием. И настроение большей части красноармейцев начало меняться. Видя простоту, незлобивость, истинное благочестие Царственных Узников, духовную высоту Государя и Его Семьи, они начинают осознавать недостойность своего поведения. Подобрел даже Авдеев — пьяница и бузотер.

Большевицкое начальство сразу же заметило изменение в настроениях охраны. Охрану сменили. Вместо *охранников* пришли *палачи*. Возглавлял их Янкель Юровский, сын Хаима Юровского, сосланного за кражу в Сибирь. Помощником был Никулин, а Медведев, бывший при Авдееве начальником

караульной команды, сохранил свою должность.

От Юровского веяло таким холодом, напоминавшим могильный, что Государь записал: «Этот тип нам нравится все менее». Остальные были австрийскими военнопленными, выполнявшими при Екатеринбургской ЧК роль палачей. За два дня до убийства Юровский пригласил в «мертвый дом» священника о. Сторожева и дьякона Буймирова. Оба обратили внимание на то, что Царственные Узники подавлены. Отец Сторожев, служивший 1/14 июля, вспоминал:

«По чину обедницы положено прочесть молитву «Со Святыми упокой». Почему-то дьякон запел эту молитву, стал петь и я, но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены семьи Романовых опустили на колени... Алексей Николаевич сидел в кресле-каталке, одетый в куртку с матросским воротником. Татьяна Николаевна подкатила его кресло, когда после богослужения Они прикладывались к Кресту». Выйдя на улицу, дьякон, обращаясь к священнику, сказал: «Знаете, отец протоиерей, у них там что-то случилось».

Не прощались ли Царственные Узники с земной юдолью? Не решили ли они, что Их заранее отпевают? Но неужели же не было попыток спасти Царскую Семью? Несомненно, были. Однако большевики и немецкие агенты внедряли своих людей во все организации. В Тобольске таким провокатором был Б. Соловьев, зять Распутина, который и женился-то на дочери старца, Матрене, чтобы войти в доверие к Императрице. Все люди и средства, направлявшиеся Царской Семье, оказывались у Соловьева. Львиную долю денег он забирал себе. В мае 1918 года в Екатеринбург была переведена бывшая Николаевская Академия Генерального штаба. Ее разместили недалеко от Тихвинского монастыря. Среди слушателей была тайная офицерская организация. Но в нее был внедрен чекист-провокактор. Он-то и подкинул идею спровоцировать Государя на побег.

Царь не поддался на провокацию, заявив, что не желает повредить охранникам, которые будут сурово наказаны большевиками в случае побега Семьи. Войков и Родзинский (знакомая фамилия, не так ли?) сочинили письмо на французском языке, подписав его «Офицер», где излагался план побега. Государь ответил:

«Они [охранники] охраняют наше заключение, как и наши жизни, добросовестно и очень хороши с нами». В начале мая в Екатеринбурге побывала немецкая миссия Красного Креста. Хотя она знала, в каких условиях находится Царская Семья, никакой помощи Семье, как и «немке» Александре Феодоровне, миссия не оказала. Что же касается слушателей Академии, то за несколько дней до прихода Сибирской армии они скрылись из города, опасаясь быть расстрелянными большевиками.

Тучи сгущались над Царской Фамилией. В июне в Перми был расстрелян Великий Князь Михаил Александрович и его секретарь Джонсон. Но

большевики об этом не сообщили, объявив, будто они были кем-то похищены — известный прием с целью замести следы преступления.

* * *

Летом 1914 года Сидней Гиббс уехал в отпуск на родину. После того, как в ночь с 22 на 23 июля германские войска перешли бельгийскую границу, Англия объявила Германии войну.

Недели две спустя Государыня попросила учителя приехать в Царское Село. Англичанин тотчас откликнулся на просьбу и вернулся в Россию через Скандинавию — Норвегию, Швецию и Финляндию. В одном поезде с ним, как оказалось, ехал и тридцатишестилетний Великий Князь Михаил Александрович, младший брат Государя. До самого рождения Цесаревича он считался Наследником престола. Во время кризиса в Спале в 1912 году, узнав из бюллетеней о критическом состоянии Алексея Николаевича, Великий Князь поторопился вступить в Берхтесгадене в мorganатический брак с дважды разведенной дамой — женой своего однополчанина, поручика «Синих кирасир» В. В. Вульфберта. Эта дама, дочь московского присяжного поверенного Шереметевского, до этого побывала замужем за московским музыкантом Сергеем Мамонтовым. В 1910 году она родила Великому Князю сына.

Государь лишил брата регентства и запретил ему возвращаться в Россию. С началом Великой войны запрет был снят. Великий Князь был назначен начальником Дикой Дивизии, сформированной на Северном Кавказе. Через четыре месяца ее отправили на австрийский фронт.

После февральской революции всем членам дома Романовых было запрещено занимать начальственные должности, и Великий Князь стал жить, как частное лицо. С переворотом же в октябре их положение ухудшилось. Уцелели, по существу, лишь те, что оказались в Крыму.

Остальных Великих Князей и князей императорской крови выслали из Петрограда и расстреляли. На смену доброму, великодушному монарху, каким был Николай II, должны были прийти кровавые самодержцы, поэтому любой член дома Романовых был им помехой на пути в Кремль.

Хотя такая «опасность» (занятие им престола) едва ли существовала, Михаил Александрович, обладавший огромным ростом и невероятной силой, питал отвращение к власти. Изгнанный из Большого дворца в Гатчине, Великий Князь снимал в этом городе частную квартиру. Но изгнан был и оттуда.

Высланный в Пермь, первое время Великий Князь пользовался свободой. В начале мая (1918 г.) в Перми побывала его жена — Наталья Сергеевна Брасова. Не желая мириться с ссылкой, она решила поехать в Москву. По некоторым сведениям, она встречалась с Лениным с просьбой разрешить им отъезд за границу. Великий Князь страдал болезнью желудка, и ему нужно было лечение за границей. Но «Ильич» не разрешил отъезд.

В газете «Ишимский край» от 19 июля 1918 года появилась провокационная статья, озаглавленная

«Михаил Романов»

В связи с известием об исчезновении из Перми Михаила Романова и в печати, и в обществе циркулируют самые противоречивые слухи.

«Новая Газета» передает: «Бывший великий князь Михаил Романов передал одному из сенаторов, находящихся в Омске, для распубликования текст манифеста о своем восшествии на престол. Михаил Романов одновременно уведомит о своем восшествии на престол союзников.

С другой стороны, хорошо знающие Михаила Романова лица, как, например, проживавший в доме рядом с ним в Гатчине бывший гласный петроградской городской управы Шлейфер решительно заявляет, что все слухи об исчезновении великого князя, о похищении его чехословаками и о манифесте к народу ему представляются вымыслом.

По словам Шлейфера, графиня Брасова (супруга великого князя), недавно вернувшаяся из Перми, рассказывала о том, что посланные письмо и телеграмму от Михаила Романова она получила в Гатчине 15 июня. Письмо, привезенное с нарочным, было датировано 12 июня. Из этого видно, что еще в четверг Романов был в Перми. В письме и телеграмме он сообщает, что собирается переехать в специально нанятый им дом и просит приехать в Пермь жену. Накануне же, в субботу, Зиновьев в заседании петроградского совета сообщил телефонограмму о бегстве Романова. В воскресенье госпожа Брасова уехала в Петроград, была в понедельник в Смольном, но ничего положительного об исчезновении ее мужа из Перми узнать ей в Петрограде не удалось.

Лица, хорошо знающие Михаила Александровича, тем менее верят в манифест Михаила Романова, что бывший великий князь слишком далек от политики и ни при каких условиях не согласится, по их мнению, играть ответственной роли.

Сын Михаила Александровича, девятилетний мальчик, по слухам, отвезен в Англию».

Великий Князь вместе со своим секретарем Джонсоном свыше полутора месяцев назад был расстрелян, а газета, явно с подачи большевиков, морочила русскому читателю голову. Как будет делать это не раз.

* * *

В апреле 1918 года в Екатеринбурге проходила 4-я Уральская областная конференция РКП(б), на которой присутствовало 102 делегата от 57 местных организаций «партии нового типа». «Конференция одобрила действия партийного комитета и областного совета, и в частном совещании большинство делегатов с мест высказывалось за необходимость скорейшего

расстрела Романовых, чтобы в будущем предупредить все попытки к освобождению бывшего царя и восстановлению в России монархии», — писал П. М. Быков.

Под понятие «Романовы» подпадали, очевидно, все члены Царской Семьи. Даже если допустить, что была какая-то их вина (в чем только?), то причем тут Царские Дети? Нужно сказать, что хотя палачами Царской Семьи стали большевики, «процесс пошел» с подачи «благоверного» Временного правительства. Предатели-февралисты обвинили Императрицу в измене, но после тщательной работы комиссии было установлено, что никакой измены *не было*. Следовало освободить напрасно оклеветанную семью. Хотя Англия, сначала обещавшая убежище своим русским родственникам, и отказала им в нем, как, впрочем, и Франция, спасенная от разгрома русским Императором, возможность найти убежище имела. Так, испанский король, находившийся в отдаленном родстве с русской Императорской Семьей, предлагал ей кров. Что же касается большевиков, то их привычка валить с больной головы на здоровую хорошо известна. Не они ли отдали немцам около трети территории Российского государства, разве не «Ильич» бросил лозунг о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения? (Лозунг, успешно разваливший Советский Союз, а теперь разваливающий на «удельные княжества» и «новую Россию»). Если же говорить о попытках спасти Царскую Семью, то они свелись к провокаторской роли чекистов. Их агент Борис Соловьев играл роль громоотвода, который притягивал к себе всех лиц, пытавшихся спасти Царя и Его Семью, а также денежные средства, которые собирались монархистами с целью помочь Семье в ее бедственном положении. Корнет Крымского полка Марков, связанный с Соловьевым, возможно, и не знал о предательской роли последнего.

* * *

20 мая (2 июня) 1918 г. протоиерей о. Сторожев вместе с диаконом о. Буймировым по просьбе Царской Семьи совершили богослужение в доме Ипатьева. Протоиерей вспоминал:

«Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не заметил».

Полна спокойствия и христианского смирения была и Государыня. Об этом свидетельствуют ее письма.

«Хотя гроза приближается — на душе мирно — все по воле Божией. Он все к лучшему делает,» — писала она 8(21) апреля 1918 г. А. Вырубовой из Тобольска. Два дня спустя она продолжает: «...Ведь скорби для спасения посланы. Здесь оплачиваем наши грехи, и дана нам возможность исправиться; иногда попускается для измерения смирения, веры, иной раз для примера другим».

С переездом Царской Семьи в Екатеринбург как бытовые условия, так и питание резко ухудшились. Правда, и екатеринбуржцы старались разнообразить стол Царственных узников, хотя львиную долю передач охранники забирали себе. Но силы Узникам придавала их горячая вера. «... Ничего, жизнь — суета, все готовимся в Царство Небесное. Тогда ничего страшного нет. Все можно у человека отнять, но душу никто не может...» — Так писала Государыня Императрица из заточения.

* * *

4-го июля (17-го по новому ст.) в екатеринбургских газетах появилось объявление уральского облсовета рабочих и красноармейских депутатов, гласившее, что «президиум совета постановил: расстрелять бывшего Царя Николая Романова... Семья же Николая Романова в ограждение безопасности вывезена в надежное место». Как «ограждалась безопасность» Семьи, мы узнаем дальше.

Об этом сообщает сам Юровский, фактический палач Царской Семьи, хотя обер-палачи находились в Москве: Ленин, Свердлов, Троцкий-Бронштейн. Именно из Москвы пришел приказ о расправе над Государем, Императрицей, Царскими Детьми и Их верными слугами. Ведь палач лишь исполняет приговор судьи.

Самозванные судьи направили приказ палачам поздно вечером, так что екатеринбургская чрезвычайка получила его в половине второго ночи с 16 на 17 июля (3 — 4 по старому стилю). Юровский рассказывал:

«16.7 была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р<оманов>ых. 16-го в шесть часов вечера Филип Г<олощеки>н предписал привести приказ в исполнение. В 12 часов должна была приехать машина для отвоза трупов.

В шесть часов увезли мальчика [Седнева], что очень обеспокоило Р—х и их людей. Приходил д-р Боткин спросить, чем это вызвано? Было объяснено, что дядя мальчика, который был арестован, потом бежал, теперь опять вернулся и хочет увидеть племянника. Мальчик на след. день был отправлен на родину (кажется, в Тульскую губернию). Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в 1/2 второго. Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем были сделаны все приготовления, отобрано 12 человек (в т.ч. семь [исправлено на «шесть»] латышей с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. 2 из латышей отказались стрелять в девиц.

Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: «Ввиду того, что в городе беспокойно, необходимо перевести семью Р—ых из верхнего этажа в нижний». Одевались 1/2 часа. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов), из нее была

вынесена вся мебель. Команда [палачей] была наготове в соседней комнате. Р<омано>вы ни о чем не догадывались. Ком<ендант> отправился за ними лично, один, и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Ник<олай> нес на руках А<лексе>я, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, А<лександра> Ф<еодоровна> спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Ком<ендант> велел внести два стула. Ник<олай> посадил на один А<лексея>, на другой села А<лександра> Ф<еодоровна>. Остальным ком<ендант> велел встать в ряд. Когда встали — позвали команду [палачей]. Когда вошла команда, ком<ендант> сказал Р<омано>вым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: «Что, что?» Ком<ендант> наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтоб избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Ник<олай> был убит самим ком—ом наповал. Затем сразу же умерли А<лександра> Ф<еодоровна> и люди Р<оманов>ых (всего было расстреляно 12 человек): Ник<олай>, А<лександра> Ф<еодоровна>, 4 дочери — Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, д-р Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров <имеется в виду Харитонов>, еще повар и фрейлина, фамилию которой ком. забыл <имеется в виду Демидова, комнатная девушка царицы.— В.К..>. А<лексе>й, три его сестры, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило ком-та, т. к. целили прямо в сердце. Удивительно было и то, что пули от наганов <от>скакивали от чего-то твердого и как град прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж. Благодаря этому, вся процедура, считая «проверку» (щупанье пульса и т. д.), взяла минут 20. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, он был выстлан сукном, чтобы не протекла кровь. Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному). Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.)».

Согласно свидетельствам других участников кровавой драмы, убито было не 12, а 11 человек. Сначала екатеринбургские палачи доложили своим московским начальникам о том, что якобы расстрелян лишь один Император, но после того, как Екатеринбург был взят войсками Сибирской армии, в екатеринбургской телеграфной конторе была обнаружена шифрованная телеграмма, которую расшифровали лишь 3 года спустя. Она гласила:

*«Москва. Секретарю Совнаркома Горбунову.
Обратной проверкой
Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь что и
главу официально семья погибнет при эвакуации»*

Орфография телеграммы сохранена. Указанная телеграмма подтверждает предположение Н. А. Соколова, проводившего судебное расследование, что убита вся Царская Семья.

Обратим внимание на деловитость рапорта Юровского: он похож на производственный отчет. Но даже из него видно, какой ужас творился в подвале Ипатьевского дома. Все дочери Государя умерли в тяжких мучениях, а не сразу. Цесаревич, страдавший много лет от приступов гемофилии, и умер в муках. Дольше всех мучилась комнатная девушка Императрицы, Анна Демидова. Отбиваясь подушкой от кровавого интернационала, в который входили евреи, русские и мадьяры, бедная женщина взмолилась:

— Не убивайте, миленькие! За что? Ведь я же не царевна!

Но «миленькие», опьяневшие от крови, нанесли девушке множество ударов штыком, заставили ее умолкнуть.

Дальше было урочище Четырех братьев в окрестностях Екатеринбурга, расчленение тел, кострища. Незначительные останки Царской Семьи, уцелевшие после «работы адовой», были вывезены и захоронены в болоте. К такому выводу пришел следователь Н. А. Соколов.

Юровский же утверждает, что лишь на третий день, 5(18) июля трупы Царской Семьи были погружены на автомобиль, чтобы отвезти их к шахтам. Машина застряла в лесу, там труп Наследника и Анны Демидовой, приняв ее за Императрицу, сожгли, для остальных вырыли братскую могилу, облили тела серной кислотой. Засыпав их землей и хворостом, «сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли».

Один из злодеев рассказывал, что Семья была спокойна и никакой опасности не ожидала. Вряд ли последнее верно. А покойны они были духом потому что крепка была их вера: «Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя. Душу мою обрати, настави мя на стези правды, имене ради Своего. Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мной еси...» И к встрече с Всевышним были давно готовы.

«Пройдут скорбные дни лихолетья, и русский народ, испив до дна чашу беспримерных бед и скорбей в наказание за невинно пролитую кровь Помазанника Божия и его Семьи, сознает свою вину, как некогда, убив своего короля Карла I, английский народ сознал потом свою кровавую ошибку, — писал игумен Серафим (Кузнецов). — Ежегодно теперь празднует Англия память убитого короля, прося этим у него прощения».

Марина Цветаева отмечала в своих мемуарах:

«Стоим, ждем трамвая. Дождь. И дерзкий мальчишеский петушиный выкрик: «Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!» Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая и тоже (тоже!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отворачивают глаза — куда? Да так, в пустоту...»

Что ж, каждый видит то, что хочет видеть. А что могла увидеть Цветаева, которая в юные годы извлекла из киота икону Спасителя и вставила вместо нее... портрет Наполеона!

Австрийский военнопленный И. Мейер, вступивший в красную гвардию, свидетельствует:

«Вместе с Мебиусом я оставил город [Екатеринбург] с последним бронированным поездом... Когда мы въехали в Алапаевск, там стояло много транспортных вагонов... На некоторых была надпись мелом, которая была видна издали: «Да здравствует Николай Второй, долой царевичей». Я обратил внимание Мебиуса на это. Он только подернул плечами».

Выходит, жалел и любил русский народ своего невинно убиенного Царя. Едва Екатеринбург был освобожден от большевиков частями Сибирской армии и чехословаками, как русские офицеры бросились в дом Ипатьева, чтобы выяснить, судьбу Царственных Узников. Увы, все в доме было разворочено, сломано, разорвано, сожжено. Во всех печах — пепел, обгорелые обрывки и обломки. Никаких следов проживания людей не было обнаружено.

Корнет Крымского полка Марков, находившийся в Питере, вспоминал:

«20 июля [1918 года] я шел по улице. На Невском я увидел большую толпу народа. Взад и вперед бегали мальчишки-газетчики, которые кричали: «Экстренный выпуск! Бывший царь расстрелян в Екатеринбурге! Смерть Николая Романова!»

Газетное сообщение гласило: «В ночь с 16 на 17 июля по постановлению президиума Уральского облсовета бывший царь Николай Романов был расстрелян. Семья Романова перевезена из Екатеринбурга в более безопасное место».

Коротко, цинично и понятно. Ни слова о причинах неслыханного злодеяния, ни малейшей попытки оправдания! Я оглянулся кругом. На всех лицах я увидел горе и отчаяние. Никто не проронил ни слова. Никто не осмелился обсуждать ужасное известие. По собственному горькому опыту люди знали, что советские шпионы рыскают повсюду. Лишь кое-где слышались голоса сомневающихся.

Вся улица была в состоянии нервного напряжения. Небольшая часовня была

наполнена верующими и освещена множеством затепленных свечей. Люди вполголоса молились об упокоении души Царя Мученика, многие женщины рыдали навзрыд. Не помню, как я добрался к себе домой. Упав на кровать, я горько заплакал, как малое дитя».

Нет, не весь русский народ остался равнодушен к судьбе Государя Императора, так что наблюдение Цветаевой, мягко говоря, неточно. Болью отозвалась весть о гибели Государя и в сердцах белого воинства. Свидетельством тому стихотворение поэта Арсения Несмелова:

Пели добровольцы. Пыльные теплушки
Ринулись на запад в стукоке колес.
С бронзовой платформы выглянули пушки,
Натиск и победа или под откос.
Вот и Камышлово. Красных отогнали.
К Екатеринбург у нас помчит заря:
Там наш Император. Мы уже мечтали
Об освобожденьи Русского Царя.
Сократились версты,— меньше перегона
Оставалось мчаться до тебя, Урал.
На его предгорьях, на холмах зеленых,
Молодой, успешный бой отгрохотал.
И опять победа. Загоняем туже
Красные отряды в тесное кольцо.
Почему ж нет песен, братья, почему же
У гонца из штаба мертвое лицо?
Почему рыдает седоусый воин?
В каждом сердце словно — всех пожариц гарь.
В Екатеринбурге, никни головою,
Мучеником умер кроткий Государь.
Замирают речи, замирает слово,
В ужасе бескрайнем поднялись глаза.
Это было, братья, как удар громовый,
Этого удара позабыть нельзя.
Вышел седоусый офицер. Большие
Поднял руки к небу, обратился к нам:
— Да, Царя не стало, но жива Россия,
Родина Россия остается нам.
И к победам новым он призвал солдата,
За хребтом Уральским вздыбилась война,
С каждой годовщиной удаленней дата,
Чем она далече, тем страшней она.

Написавший эти строки Арсений Несмелов, как и Николай Гумилев, у

которого «святой Георгий тронул дважды пулею нетронутую грудь», и Александр Блок, в первые же дни войны ушел на фронт. Кадровый офицер, Арсений Несмелов был призван из запаса. Получил в боях Первой мировой четыре боевых ордена и по ранению в апреле 1917 года завершил службу. Потому-то ему были ведомы чувства русского офицерства.

Что же произошло в доме инженера Ипатьева? Этот вопрос у многих был на устах. «Здесь совершено убийство и ограбление», — определил исполнявший должность прокурора Екатеринбургского окружного суда Кутузов, побывавший в «мертвом доме» 28 июля 1918 года. Прибывшие в дом учителя Царских Детей Пьер Жильяр и Сидней Гиббс, разворошив содержимое печей, обнаружили многие предметы, принадлежавшие Семье. Стало ясно, что с Узниками что-то произошло. Что именно, мы уже знаем. Вот еще одно доказательство, что даже плененный, Государь был опасен для большевицких палачей, потому что вызывал симпатии жителей Екатеринбурга. Зная о настроениях среди горожан, согласно показаниям Медведева, одного из убийц, Юровский приказал ему: «Оставь на месте наружные посты, а то как бы народ не взбунтовался». И в течение нескольких дней после убийства посты эти оставались, чтобы обмануть русских людей. Год с небольшим спустя — 17 сентября 1919 года — в Перми состоялся суд над 28 эсерами с целью свалить на них вину за убийство Императора. Среди обвиняемых были 3 члена Екатеринбургского совдепа и две женщины. Один из них, Яхонтов, был приговорен к смертной казни. Обе женщины и два члена совдепа были признаны виновными в краже царских драгоценностей и приговорены к расстрелу. Приговор привели в исполнение на следующий же день. В состав Следственного комитета об убийстве Императора Николая II вошли... Янкель Свердлов, главный организатор убийства Царской Семьи, шесть его сородичей и трое русских.

Ко лжи прибегали они и после расправы над Великим Князем Михаилом Александровичем. Через несколько месяцев после его расстрела газета «Ишимский край», выходящая на территории, занятой «белыми», сообщала:

«Солдат революции» от 2-го октября (1918 г.) пишет: «После побега бывшего великого князя Михаила Романова мероприятия губернской комиссии дали возможность его задержать. Арест состоялся 12 сентября в 10 верстах от Чусовского завода, где бывший князь и его секретарь Джонсон были найдены переодетыми».

Тот же «Ишимский край» повторил ложь большевиков касательно судьбы Царской Семьи:

«Вторник 30 июля 1918 г. Телеграмма. Захвачен <Сибирской армией> только хвост отступающих эшелонов... Николай II расстрелян, и семья его увезена...»

После того, как генерал Деникин, узнав «о смерти Императора, приказал

Добровольческой армии отслужить панихиды, этот факт вызвал жестокое осуждение в демократических кругах и печати».

Выходит, причастные к насильственному отстранению Государя от власти «демократические круги» как бы признавали себя причастными и к убийству в «мертвом доме». Могло ли Белое движение, в котором участвовали «демократы», участвовавшие в бунте, называемом «февральской революцией», победить? Отвергая Царя, они отвергали и Бога. Нередки случаи, когда крестьян, встречавших белые войска с иконами и портретами Царя, эти «белые большевики» пороли.

И все же не без Высшего Промысла произошло убиение Царя и Его Семьи. «Для русского народа... в насильственной, мученической смерти Николая II свершилось чудо <...> как чудо последнего искушения диаволом уже распятого Христа: «если ты Сын Божий — сойди с креста».

Если бы Он сошел с креста, сохранилась бы Божественность идеи Его призвания на земле?.. Если бы Николай II не погиб насильственно, а спасся, бежал бы после отречения за границу, сохранилась ли бы тогда историческая целостность идеи... русского народа, олицетворяемой в Государе, Помазаннике Божиим?» — вопрошает М. К. Дитерихс. Действительно, как гражданин, Николай Романов не был опасен ни для кого. Но как Помазанник Божий (а Он оставался им и после низложения, поскольку власть Царю дарована свыше), он был опасен как «февралистам», так и изуверам-«октябристам». Они так боялись имени «Романовы», что уничтожили всех членов дома Романовых, которые попали им в лапы. На следующий день после убийства в Екатеринбурге в Алапаевске были зверски убиты многие представители Императорской Фамилии: Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, Великий Князь Сергей Михайлович, сыновья Великого Князя Константина Константиновича — Иоанн, Константин и Игорь, а также князь Палей, сын Великого Князя Павла Александровича. На крестьянских подводах их вывезли за несколько верст за город и живыми сбросили в шахту.

В январе 1919 года в Петропавловской крепости были расстреляны Павел Александрович, Николай и Георгий Михайловичи, а также князь Дмитрий Константинович. Больного Павла Александровича несли к могиле на носилках. Николай Михайлович нес на руках своего персидского кота. Остановившись у ямы, он снял с себя сапоги и швырнул палачам: «Носите, ребята, все-таки сапоги Царские». Известный историк, Николай Михайлович догадывался о своей судьбе давно. В письме датскому посланнику Харальду Скавениусу в октябре 1918 года он отмечал: «... Вы сами прекрасно знаете, что все наши теперешние правители находятся на содержании у Германии, и самые известные из них, такие, как Ленин, Троцкий, Зиновьев, воспользовались очень круглыми суммами. Поэтому одного жеста из Берлина было бы достаточно, чтобы нас освободили. Но такого жеста не делают и не сделают... В Берлине предпочитают, чтобы мы оставались в заточении и никому ничего не смогли поведать...» Один из Великих Князей

молился за своих палачей. После того, как грянули выстрелы, всех четверых Романовых сбросили в братскую могилу, в которой уже лежали окоченевшие трупы невинно убитых за несколько дней до этого русских людей. Но на месте казни нет ни памятного знака, ни креста. Правда, живущая в Канаде Ольга Николаевна Куликовская-Романова, вдова племянника Императора Николая II — Тихона Николаевича Куликовского-Романова, осенью 2000 года выступила с инициативой соорудить такой крест в память о всех убиенных от безбожной власти членах Фамилии Романовых. Инициатива одобрена петербургскими властями. Но и только. Большевики расстреляли даже тех особ, которые, имея отдаленное отношение к Дому Романовых, тем не менее не имели никакого шанса занять престол. К тому же, еще во время правления Временного правительства Великие Князья отказались от всякого права на престолонаследие. Сын В.К. Павла Александровича от мorganатического брака Владимир Палей был талантливым поэтом. Незадолго до перевода в Алапаевск князь Владимир написал в Вятке стихотворение:

Немая ночь жутка. Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далеких, милых, прожитых минут
Нахлынули в нее воспоминанья...
Все время за окном проходит часовой,
Не просто человек, другого стерегущий,
Нет, — кровный враг, латыш угрюмый и тупой,
Холодной злобой к узнику дышущий...
За что? За что? Мысль рвется из души.
Вся эта пытка нравственных страданий.
Тяжелых ежечасных ожиданий
Убийств, грозящих каждый миг в тиши,
Мысль узника в мольбе уносит высоко...
То, что гнетет кругом, так мрачно и так низко...
Родные близкие так жутко далеко,
А недруги так жутко близко.

Какие чувства испытывали Царственные страдальцы, можно понять из этих строк.

Автор книги «Православный Царь-Мученик» игумен Серафим (Кузнецов) во время Первой мировой войны находился на фронте, но изредка приезжал в Пермскую губернию и Москву, где останавливался в Марфо-Мариинской обители и подолгу беседовал с ее настоятельницей, Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной. Последняя их встреча состоялась весной 1917 года. Игумен Серафим, предвидя гонения на Великую Княгиню, которые были ей уготованы «февралистами», уговаривал ее поехать в Алапаевск.

«У меня есть хорошие люди в старообрядческих скитах, и они сумеют сохранить Ваше Высочество», — сказал ей игумен Серафим. Великая Княгиня отказалась это сделать. Елизавета Феодоровна писала своей сестре, принцессе Виктории:

«Господни пути являются тайной, и это поистине великое благо, что мы не можем знать всего будущего, которое уготовано для нас. Вся наша страна раскромсана на маленькие кусочки. Все, что было собрано веками — уничтожено, — и нашим собственным народом, который я люблю всем моим сердцем. Действительно, они морально больны и слепы — чтобы не видеть, куда мы идем. И сердце болит, но я не испытываю горечи. Можешь ли ты критиковать или осудить человека, который находится в бреду, безумного?»

В ответ на предложение игумена Серафима увезти ее в укромное место Великая Княгиня лишь попросила: «Если меня убьют, то, прошу вас, похороните меня по-христиански».

* * *

После того, как 15/28 сентября (1918 г.) Алапаевск был освобожден от большевиков, в шахте Нижне-Селимская были обнаружены трупы Алапаевских мучеников: Ф. М. Ремеза, монахини Варвары, князя В. Палея. Затем — князей Константина и Игоря Константиновичей, а также Великого Князя Сергея Михайловича. Последними были найдены тела Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и князя Иоанна Константиновича. Никто из них не был тронут тлением. Останки мучеников были погребены в склепе Свято-Троицкого собора Алапаевска. Однако в связи с приближением красных тела Алапаевских мучеников при отступлении белых частей были вывезены в Читу. Гробы с прахом Великой Княгини и монахини Варвары были переправлены в Иерусалим и погребены в крипте церкви св. Марии Магдалины.

Эта церковь была построена Императором Александром III в память его родительницы, Императрицы Марии Александровны. В ногах Великой Княгини поставили шкатулку, с которой Елизавета Феодоровна никогда не расставалась. В ней хранились оторванный взрывом палец Великого Князя Сергея Александровича и прядь волос Святого Царственного Мученика Цесаревича Алексея Николаевича.

Останки Великого Князя Сергея Михайловича, князей Иоанна, Игоря, Константина Константиновичей, князя Владимира Палея и их служащего Ф. С. Ремеза были перезахоронены в склепе храма св. Серафима Саровского при русской духовной миссии в Пекине. Во время «культурной революции» в Китае гробы Алапаевских мучеников были извлечены из склепа под храмом св. преподобного Серафима Саровского.

* * *

Чувства русских людей, оказавшихся за пределами Родины, выразил корнет Марков, который в марте 1917 года был готов защитить Царицу:

«В моей душе и в моем сердце память о Царственных Узниках и Святых Страдальцах, брошенных нами в далекой Сибири на произвол судьбы — никогда не умрет!! И скорбные Лики Их, виденные мною в последний раз в Тобольске, будут мне на всю жизнь укором, что мы, считавшие, пытающиеся и ныне считать себя Их Верноподанными, не так должны были отнестись к Ним, не такой помощи ждали Они от нас!.. И мы должны признать, что присяги, данной Им на Кресте и Святом Евангелии, мы не сдержали, и за это преступление Русский Народ сторицей расплачивается, десять лет пребывая во власти большевицкой тирании, а мы, беженцы из родной земли, в голоде, холоде и нищете прозябаем на чужбине!!!..».

* * *

Страшной была судьба Царской Семьи. Но еще страшнее был бы ее конец, если бы основная волна террора, бессудных расправ, которыми была охвачена Россия, достигла к тому времени Урала. Борцы с кровавым самодержавием большевиков пытались им сопротивляться и наиболее ненавистных из них убивали. Но они не понимали, что человеческая жизнь в красной России не ставится ни в грош и любой террористический акт, хотя бы в качестве возмездия за преступления красных сатрапов, повлечет за собой тысячи невинных жертв. Этим красное (по цвету крови) самодержавие отличалось от Царского самодержавия, когда наказывались лишь непосредственные исполнители терактов, а не их близкие. Убивали как при наступлении красных, так и при их отступлении.

«Мы не ведем войны против отдельных лиц, — писал Лацис в «Красном терроре» 1 ноября 1918 г. — Мы истребляем буржуазию, как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии...»_

Напрасно полагать, что красными уничтожались лишь представители имущих классов, офицерства или интеллигенции. Жертвы «эксцессов» гражданской войны — массовых убийств при подавлении крестьянских и иных восстаний — невозможно подсчитать. В Киеве в 1918 году во время «офицерской бойни» погибло 2000 человек. Расстреливали красные палачи и рубили их прямо в театре, куда военных вызвали «для проверки документов». Че-ка (древнееврейское слово, обозначающее «бойня для скота») «работала» с неменьшим размахом и в Харькове, и в Саратове, и в Одессе, и в Астрахани. В марте 1919 г. в Астрахани произошла рабочая

забастовка. Она была потоплена в крови рабочих. Вот вам правда о «рабоче-крестьянской» власти:

«Десятитысячный митинг мирно обсуждавших свое тяжелое материальное положение рабочих был оцеплен пулеметчиками, матросами и гранатчиками. После отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок. Затем затрещали пулеметы, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглушительным треском начали рваться ручные гранаты,— пишет Мельгунов, ссылаясь на книгу «Че-ка. Астраханские расстрелы» (с. 251, 253), — ...Не менее двух тысяч жертв было выхвачено из рабочих рядов. Этим была закончена первая часть ужасной Астраханской трагедии. Вторая — еще более ужасная — началась 12-го марта... В центр полетели телеграммы о «восстании». Председатель Рев. Воен. <Совета> Республики Л.Троцкий дал в ответ лаконичную телеграмму: «расправиться беспощадно». И участь пленных рабочих была решена... 13-го и 14-го марта расстреливали по-прежнему только одних рабочих. Но потом... решили взять первых попавшихся «буржуев» и расправиться с ними... Только к концу апреля расстрелы начали стихать».

С приходом к власти «демократов» было выдвинуто столько обвинений в адрес И. В. Сталина, лишь изредка задевая Ленина. Что же касается Троцкого, «вдохновителя и организатора» террора в России, то его никто не трогает. Как, впрочем и Дзержинского «с сотоварищи». Особенно зверствовали красные палачи после падения Деникина, а затем Врангеля. На Севере действовал палач Кедров (Цедербаум), были случаи расстрела 12—16-летних мальчиков и девушек. Собрав 1200 офицеров в Архангельске, Кедров сажает их на баржу и затем открывает по ним огонь. В Ростове-на-Дону, с приходом красных, расстреливали пачками. При казнях часто присутствовал Петерс, местный «Кедров». Красноармейцы говорили, что за Петерсом всегда бегал его сын, мальчик 8—9 лет. Палачонок приставал к отцу: «Папа, дай я». Деникинская комиссия по расследованию преступлений большевиков в период 1918—1919 гг. насчитала 1.700.000 жертв! Вот несколько примеров их злодеяний.

**«ДЕЛО № 40
АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ
по делу о злодеяниях, учиненных большевиками в городе Таганроге за
время
с 20 января по 17 апреля 1918 года**

В ночь на 18 января 1918 года в городе Таганроге началось выступление большевиков, состоявших из проникших в город частей Красной Армии Сиверса, нескольких тысяч местных рабочих, по преимуществу латышей, и

преступного элемента города, поголовно примкнувшего к большевикам. ...20 января юнкера заключили перемирие и сдались большевикам с условием беспрепятственного выпуска их из города, однако это условие большевиками соблюдено не было, и с этого дня началось проявление «исключительной по своей жестокости» расправы со сдавшимися. Офицеров, юнкеров и вообще всех выступавших с ними и сочувствовавших им большевики ловили по городу или тут же на улицах расстреливали... Целые дни и ночи по городу производились повальные обыски, искали везде, где только могли, так называемых «контрреволюционеров». Не были пощажены раненые и больные. Большевики врывались в лазареты и, найдя там раненого офицера или юнкера, выволакивали его на улицу и тут же расстреливали. Но смерти противника им было мало. Над умирающими и трупами еще всячески глумились. Большинство арестованных «контрреволюционеров» отвозилось на металлургический, кожевенный и главным образом Балтийский завод. Там они убивались, причем «большевиками была проявлена такая жестокость, которая возмущала даже сочувствовавших им рабочих, заявивших им по этому поводу протест». На металлургическом заводе красногвардейцы бросили в доменную печь до 50 человек юнкеров и офицеров, предварительно связав им ноги и руки в полусогнутом положении. Впоследствии останки этих несчастных были найдены в шлаковых отбросах на заводе... ..Главными носителями власти и проводниками большевистской политики явились в г. Таганроге за кратковременное владычество там большевиков, длившееся с 20 января по 17 апреля 1918 года, люди, не только не соответствующие по своему нравственному и умственному уровню занимаемым ими должностям, но зачастую и с уголовным прошлым: так, военным комиссаром города и округа был Иван Родионов, отбывший наказание за грабеж; помощником его — Роман Гончаров, также осужденный за грабеж; комиссаром по морским делам — Канунников, бывший повар-матрос, отбывший каторгу за убийство; начальником контрразведывательного отделения — Иван Верстак, зарегистрированный с 16-летнего возраста вор; начальником всех красноармейцев города, заведующий нарядами на производство обысков и расстрелов — Игнат Сигида, осужденный за грабеж, и, наконец, начальником пулеметной команды бронированного поезда, а затем председателем контрольной комиссии по перевозке ценностей из Ростова-на-Дону в Царицын — мещанин гор. Таганрога Иван Лиходелов, по кличке Пузырь, судившийся и отбывший наказание за грабеж». Кровавая вакханалия продолжалась и в 1919 году. Нужно отметить, что красные конники, в большинстве своем бывшие кавалеристы Царской армии, щадили раненых. Расправами же занимались палачи-чекисты. Об этом свидетельствует приводимый ниже документ.

«ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ, СООБЩАЕТ:

ДЕЛО № 2

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

по делу об избиении большевиками в лазаретах станицы Елизаветинской раненых и больных участников Добровольческой Армии

1 апреля в станицу Елизаветинскую вступили передовые конные большевистские отряды, которые отнеслись терпимо к оставшимся раненым, но затем по мере подхода других частей, особенно пехоты, раненые подверглись глумлению и избиению, и у них были отобраны деньги.

1-го же апреля начались единичные случаи убийства. Так, за несколько минут до прихода большевиков в двухклассное училище, туда прибежал больной мальчик, назвавшийся кадетом 3-го класса Новочеркасского кадетского корпуса, и просил жену заведующего училищем спрятать его, но та не успела этого сделать, и мальчик остался на дворе среди детей казаков. По приходе большевиков кто-то из иногородних сказал им, что среди детей казаков находится кадет. Тогда один большевистский солдат подошел к этому мальчику и спросил, кадет ли он. Мальчик ответил утвердительно, после чего солдат этот тут же, на глазах у всех присутствовавших, заколол мальчика штыком.

2 апреля в станицу Елизаветинскую пришел большевистский карательный отряд, который обошел все училища и школы станицы, приспособленные под лазареты, и во всех них перебил оставленных раненых и больных.

Допрошенный Комиссией один из участников Добровольческой Армии, подпоручик 1-го офицерского полка генерала Маркова, Кром, лежавший в женском училище, будучи тяжело ранен в правую ногу с раздроблением бедра выше колена, показал по поводу избиения раненых в названном училище следующее.

В полдень к училищу подошел карательный отряд, который, выгнав всех посторонних людей, вошел туда. Вместе с этим отрядом в училище вбежал какой-то большевик, бывший там до прихода карательного отряда, и, указав на трех раненых, сказал, что они офицеры.

Большевики, поговорив немного с этими ранеными, начали затем расстреливать и рубить всех подряд с левого фланга, причем один из них достал топор и рубил им.

Некоторые из раненых просили не рубить, а расстреливать их, на что неизменно получали один ответ: «Собаке собачья смерть».

...Лица, входившие в школы, где находились лазареты, после ухода оттуда большевиков показали, что вид лежавших там трупов был нестерпимо ужасен. Тела убитых валялись по всем комнатам в изуродованном виде —

так, один офицер лежал, держа в заокостеневших руках свою же отрубленную ногу, у другого были выколоты оба глаза, у некоторых были отрублены головы и разрублены лица, у других же вся грудь и лицо были исколоты штыковыми ранами и т. д.

Тут же среди трупов лежали стонавшие недобитые раненые.

Пол был залит огромными лужами крови, а солома, служившая подстилкой раненых, была насквозь пропитана кровью. Крови было так много, что ходить по полу, по словам очевидцев, было очень скользко.

Священник, случайно находившийся на кладбище, и казаки, зарывавшие могилу, показали, что большинство тел были настолько изуродованы и изрублены, что представляли собой прямо отдельные куски человеческого мяса.

Выяснить точное число и все имена убитых большевиками в лазаретах станицы Елизаветинской раненых и больных участников Добровольческой Армии не удалось, но, по показанию одного казака, закапывавшего трупы, он насчитал положенных в могилу 69 тел.

Кроме того, тогда же были убиты и две сестры милосердия, из которых одну большевики бросили в Кубань, а другую, совсем молодую девушку, институтку 6 кл., Веру Пархоменко, расстреляли за кладбищем.

Настоящий акт расследования основан на данных, добытых Особой Комиссией с соблюдением правил, установленных в Уставе Уголовного Судопроизводства.

Марта, 20 дня, 1919 года,
г. Екатеринодар».

Отдав немцам треть страны, самозванная власть большевиков стала отрабатывать полученные от Германского генштаба миллионы и превратила русский народ в свое пушечное мясо.

«Гражданская война» подчас становилась жестокой расправой над мирными жителями, о чем свидетельствует

«ДЕЛО № 15 СВЕДЕНИЯ

о злодеяниях большевиков в гор. Екатеринодаре и его окрестностях

В г. Екатеринодар большевики вступили 1 марта 1918 года. В тот же день была арестована группа лиц мирного населения, преимущественно интеллигенции, и все задержанные в числе 83 лиц были убиты, зарублены и расстреляны без всякого суда и следствия. Трупы были зарыты в трех ямах тут же в городе. Ряд свидетелей, а равно врачи, осматривавшие затем убитых, удостоверили случаи зарытия недобитых, недорубленных жертв. В числе убитых опознаны: член городской управы Пушкарев, нотариус Глоба-Михайленко и секретарь Крестьянского Союза Молинов, а также дети 14—16-летнего возраста и старики свыше 65 лет. Над жертвами издевались, отрезая

им пальцы рук и ног, половые органы, обезображивали лица. 4-го того же марта, после ряда издевательств и троекратного ареста, был зарублен в Екатеринодаре, у гостиницы Губкина, полковник Орлов; равным образом уничтожена его семья, состоявшая из жены, двух дочерей и двух сыновей. Изложенные данные основаны на показаниях свидетелей и судебно-медицинских осмотрах».

Волна расправ прокатилась как по Крыму, так и по всей Области Всевеликого Войска Донского. Расправлялись с людьми беззащитными — немощными, больными, старыми, детьми. По свидетельству Комиссии, «суд революционной совести» превратился в сплошной самосуд толпы или отдельных матросских и красноармейских банд. Так, 20 июня 1918 года был арестован и расстрелян отставной генерал П. А. Мачканин, 80 лет, участник Крымской, Турецкой и Кавказской войны. Сначала они «уничтожили своих боевых противников, хотя бы они складывали оружие и беспомощно лежали на больничных койках. Затем истребляли богатых и просто обеспеченных людей, как «буржуев», священников за их несогласие с разбойным большевизмом и за духовный сан, просто интеллигентных людей за их интеллигентность и по доносам как «контрреволюционеров». Иногда казнили за неосторожное слово, за ношение погон, за службу в полиции в дореволюционное время и по другим случайным и порою вздорным поводам. В конце февраля 1918 года в Персияновке, дачной местности близ г. Новочеркасска, было убито 6 мальчиков-партизан в возрасте от 14 до 18 лет, преимущественно учеников средней школы. Большевики-красноармейцы раздели их донага, выстроили в ряд на улице и тут же расстреляли, а их одежды, пререкаясь, поделили между собой. В мае того же года близ станции Каял Владикавказской железной дороги по приказанию комиссара большевистского чрезвычайного штаба красноармейцы арестовали и в тот же день расстреляли у полотна железной дороги семидесятилетнюю помещицу Садомцеву. Ее не спасло ни то обстоятельство, что крестьяне отобрали все ее земли и разграбили ее инвентарь, ни то, что она покинула свой дом и проживала у соседа Занько, ни заступничество за нее ее прислуг, считавших ее за хорошую и добрую женщину и пытавшихся спасти ее через местные земельные комитеты, которые «с сожалением» отказали в этой помощи, как безоружные. На станции Морозовской красноармейцы убили помощника начальника этой станции Константина Чубарина за то, что им были недовольны железнодорожные служащие, а в хуторе Гребцовском Черкасского округа расстреляли в феврале содержателя земской почты казака Федора Васильева только за то, что в домашней беседе он неодобрительно отзывался о красноармейцах. В декабре 1917 года на перегоне Чернышев — Морозовка солдатами-большевиками был выброшен из вагона на ходу поезда за ношение погон военный врач Александр Лапин, душевнобольной, бежавший от лиц,

сопровождаящих его в Новочеркасскую больницу.
Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой Комиссией со строгим соблюдением Устава Уголовного Судопроизводства.

Составлено мая 20 дня 1919 года.
Екатеринодар».

При разговорах с нынешними коммунистами нередко можно слышать от них, что их воззрения, дескать, близки христианским идеалам (!) и что, якобы, первым коммунистом был... Иисус Христос. Что идеи равенства и братства проповедовали ранние христиане. Какие в действительности идеи проповедовали коммунисты, в частности Троцкий-Бронштейн, можно видеть из следующего документа:

**«ДЕЛО № 18
АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ
о социализации девушек и женщин в гор. Екатеринодаре по мандатам
Советской власти**

В г. Екатеринодаре большевики весной 1918 года издали декрет, напечатанный в «Известиях Совета» и расклеенный на столбах, согласно коему девицы в возрасте от 16 до 25 лет подлежали «социализации», причем желающим воспользоваться этим декретом надлежало обращаться в надлежащие революционные учреждения. Инициатором этой «социализации» был комиссар по внутренним делам — еврей Бронштейн. Он же выдавал и «мандаты» на эту «социализацию». Такие же мандаты выдавал подчиненный ему начальник большевистского конного отряда Кобзырев, главнокомандующий Иващев, а равно и другие советские власти, причем на мандатах ставилась печать штаба «революционных войск Северо-Кавказской Советской республики». Мандаты выдавались как на имя красноармейцев, так и на имя советских начальствующих лиц,— напр., на имя Карасеева, коменданта дворца, в коем проживал Бронштейн: по этому мандату предоставлялось право «социализации» 10 девиц. Образец мандата:

МАНДАТ

Предъявителю сего товарищу Карасееву предоставляется право социализировать в городе Екатеринодаре 10 душ девиц возрастом от 16-ти до 20-ти лет на кого укажет товарищ Карасеев.
Главком Иващев.
Место печати.

На основании таких мандатов красноармейцами было схвачено больше 60 девушек — молодых и красивых, главным образом из буржуазии и учениц местных учебных заведений. Некоторые из них были схвачены во время устроенной красноармейцами в Городском Саду облавы, причем четыре из

них подверглись изнасилованию там же, в одном из домиков. Другие были отведены в числе около 25 душ во дворец Войскового Атамана к Бронштейну, а остальные в «Старокоммерческую» гостиницу к Кобзыреву и в гостиницу «Бристоль» к матросам, где они и подверглись изнасилованию. Некоторые из арестованных были засим освобождены — так была освобождена девушка, изнасилованная начальником большевистской уголовно-розыскной милиции Прокофьевым, другие же были уведены уходившими отрядами красноармейцев, и судьба их осталась невыясненной. Наконец, некоторые, после различного рода жестоких истязаний, были убиты и выброшены в реки Кубань и Карасунь. Так, напр., ученица 5-го класса одной из екатеринодарских гимназий подвергалась изнасилованию в течение двенадцати суток целую группу красноармейцев, затем большевики подвязали ее к дереву, жгли огнем и, наконец, расстреляли. Фамилии потерпевших лиц не публикуются по понятным основаниям. Настоящий материал добыт Особой Комиссией с соблюдением требований Устава Уголовного Судопроизводства.

Составлен 25 июня 1919 г. в г. Екатеринодаре.»

По своему обыкновению, большевики подвели теоретическую базу под каждое свое преступление. В том числе и такие, о которых указано в деле № 18 от 25 июня 1919 года.

Одна из пассажирок plombированного вагона, мадам А. Коллонтай, создатель теории «выпитого стакана воды» (дескать, войти в интимную близость так же просто, как выпить стакан воды), вещала:

«Сексуальная мораль, вырастающая из запросов рабочего класса, служит новым орудием социальной борьбы. Не в интересах класса «закреплять» за отдельным членом революционного класса самостоятельного его представителя, долженствующего прежде всего служить интересам класса, а не обособленной его ячейки».

Заумная эта фраза обозначает, что женщина обязана оказывать интимные услуги любому «гегемону». В более доходчивой форме большевицкий поэт Илья Садофьев в «Памятке красноармейцам» призывал:

«А если жгуч избыток
силы
И ждать возлюбленной
невмочь,
То всенародно
изнасилуй
Его изнеженную дочь!

В результате политики обобществления женщин к началу 1920-х годов 30 % населения Советской России было заражено сифилисом. Описанные в акте

расследования о социализации женщин и девушек факты повторялись и в других городах с приходом в них «непобедимой и легендарной».

Банды красноармейцев, занявшие Одессу, хватали женщин и девочек и беспощадно глумились над ними. Страх перед бесчестием заставлял несчастных лишать себя жизни.

Почему же народ мирился с подобным произволом? Такова была система. «Шпионство делает невозможным никакое восстание, потому что там <в Совдепии> никто не может доверять другому». Мы привели лишь толику того, что творилось в разных частях страны, которая некогда называлась Россией, Святой Русью.

Ужас охватывает при мысли, что «социализация женщин» могла бы коснуться Великих Княжон!

«И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь на земле за кровь нашу; И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число».

(Апокалипсис св. апостола Иоанна Богослова (VI, 9—11))

Г.Шавельский. Цитир. пр. Т.1. С. 196.

М.Арцыбашев. Записки писателя. Литература Русского Зарубежья. М.: Книга. 1990. Кн. 2. С. 444.

Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 276.

П.Жильяр. Цитир. пр. С. 222.

Цитир. по Р.Масси. С. 540.

Юдоль – [церк.-слав; букв. Долина]: **земная юдоль, юдоль плача, юдоль печали** и т.п. (стар.) – место, где страдают и мучаются, а также вообще о жизни с ее заботами и печальями.

Ю.Буранов, В.Хрусталева. Гибель императорского дома. М.: Прогресс, 1992. С. 263-264.

Там же. С. 271.

"Господь - Пастырь мой! Я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла..." (Пс. 22).

Игумен Серафим. Цитир. пр. С.283.

"Бежин луг". 1996. № 1. С. 96.

Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 733.

М.К.Дитерихс. Цитир. пр. Т. 1. С. 54.

С.П.Мельгунов. Красный террор в России. М.: Постскриптум. 1990. С. 44.

Журнал "Родина". 1990. № 10. С. 42-57.
Н.Д.Жевахов. Цитир. пр. Т.2 С. 174-176.

Темы: (нет) [\[Редактировать\]](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной Хронологический Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

РЕЙТИНГ 25 08 0237
mail.ru 17943
5478

Allbest.ru
ИЗБРАН *****

4941 ↗

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).

[Библиотека Гумер](#) - [история](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной](#) | [Хронологический](#) | [Авторы](#) | [Рефераты](#) | [Форум](#)
[Ссылки](#) | [Связь](#) | [помощь сайту](#)

Кузнецов В. Русская Голгофа

[ОГЛАВЛЕНИЕ](#)

Глава двадцать восьмая **ПРОРОЧЕСТВА ДОМУ РОМАНОВЫХ**

Утром 12 марта 1901 года Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна были очень оживлены. Им предстояла прогулка из Царского Села в Гатчину. В Гатчинском Большом дворце, излюбленной резиденции Павла Петровича, в бытность его Наследником, в одной из небольших зал на пьедестале стоял ларец. Он был закрыт на ключ и опечатан. На четырех столбиках был протянут толстый красный шнур из шелка. Императрица Мария Феодоровна, вдова Императора Павла I, завещала открыть ларец через сто лет после смерти ее убиенного супруга Императору, который будет царствовать в это время.

Веселые и радостные отправились Государь и Государыня из своего Александровского дворца, но вернулись задумчивые и опечаленные. В присутствии министра Двора и лиц свиты после панихиды по Императору Павлу I Государь Император Николай II вскрыл пакет. На нем была надпись... Обычно принято изображать Императора Павла I как самодура, не терпящего ничьих возражений. Иным предстает он в сочинении П. Н. Шабельского-Борка «Вещий инок». Посвящено оно монаху Авелю, родившемуся в 1755 году. Из 80 лет жизни, по причине своего дара предвидения, он просидел в тюрьме 21 год. В Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздали монах и скончался.

«Императору <Павлу I> сразу полюбился этот... загадочный инок,— писал автор.— О прозорливости его уже давно шла широкая молва. К его келлии в Александро-Невской Лавре шел и простолюдин, и знатный вельможа... Авель

Web www.gumer.info

- [Метод В.М. Бронникова](#)

Развитие памяти, способности управления энергообменом в организме.
www.bronnikov.ru

- [Ясновидящая Юлия Агапова](#)

Снятие порчи. Результат сразу, без греха и вреда здоровью!
www.mag-agapova.ru

- [Приворот любой сложности.](#)

Безвредный, мощный **приворот**, быстро и надежно. 30 лет успешной работы!
vedacentre.com

- [Ясновидение, сенсорика, магия.](#)

Энергетика, целительство, терапия кармы. 2-недельный экспресс-курс.

точно предрек день кончины его Августейшей Родительницы...

— Честной отец! — промолвил Император.— О тебе говорят, да я и сам вижу, что на тебе явно почиет благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о Роде моем во мгле веков и о Державе Российской? Назови поименно преемников моих на Престоле Российском, предреки и их судьбу.

— Эх, Батюшка-Царь! — покачал головой Амель. — Почто себе печаль предречь меня понуждаешь? Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В Страстную Субботу погребут тебя... Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою... Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронтоне твоего замка, в коем воистину обетование и о Царственном Доме твоём: «Дому сему подобает твердыня Господня в долготу дней»...

— О сем ты прав,— изрек Император Павел Петрович.— Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть Собор во имя Святого Архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь...

— Зрю в нем преждевременную гробницу твою, Благоверный Государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет. О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще — жидовском.

— Что? Святая Русь под игом жидовским? Не быть сему во веки! — гневно нахмурился Император Павел Петрович.— Пустое болтаешь, черноризец...

— А где татары, Ваше Императорское Величество? Где поляки? И с игом жидовским то же будет. О том не печалься, батюшка-Царь: христоубийцы понесут свое...

— Что ждет преемника моего, Цесаревича Александра?

— Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы и праведным будет в очах Божиих...

— А кто наследует Императору Александру?

— Сын твой Николай...

— Как? У Александра не будет сына. Тогда Цесаревич Константин...

— Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу твою... Начало же царствования сына твоего Николая бунтом вольтерьянским зачнется, и сие будет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая. Через сто лет после того оскудеет Дом Пресвятыя

[Вам нужна спальня Европа-5?](#)

У нас она есть! А также другие удобные гарнитуры для Вашей спальни.

jet.ru

[Выгодный роуминг в Европе](#)

Выгодная мобильная связь во всех **странах Европы**. Входящие **бесплатно!**

www.sim-travel.ru

[Реклама на Бегуне](#)

[Стать партнером](#)

[LitBN 100x100](#)

Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится.

— После сына моего Николая на Престоле Российском кто будет?

— Внук твой, Александр Второй, Царем-Освободителем предначерченный.

Твой замысел исполнит — крестьян освободит, а потом турок побьет и славянам тоже свободу даст от ига неверного. Не простят ему жиды великих деяний, охоту на него начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной отщепенскими руками. Как и ты, подвиг служения своего запечатлеет он кровью царственной...

— Тогда-то и начнется тобою реченное иго жидовское?

— Нет еще. Царю-Освободителю наследует Царь-Миротворец, сын его, а твой правнук, Александр Третий. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он.

— Кому передаст он наследие царское?

— Николаю Второму — Святому Царю, Иову Многострадальному подобному. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет, великая война, мировая... По воздуху люди, как птицы летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серую зловонной друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет Трон Царский. Кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с топором возьмет в безумии власть, и наступит воистину казнь египетская...

Горько зарыдал вещий Авель и сквозь слезы тихо продолжал:

— А потом будет жид скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить Святыни ее, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попущение Божие, гнев Господень за отречение России от Святого Царя. О Нем свидетельствует писание. Псалмы девятнадцатый, двадцатый и девяностый открыли мне всю судьбу его.

«Ныне познах, яко спасе Господь Христа Своего, услышит Его с небесе Святаго Своего, в силах спасение десницы Его».

«Велия слава его спасением Твоим, славу и велелепие возложиши на него».

«С ним есть в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое» (Пс. 19,7; 20,6; 90,15—16).

Живый в помощи Вышняго, Возсядет Он на Престоле Славы. А брат Его царственный — сей есть тот, о котором открыто Пророку Даниилу: «И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего...» (Дан. 12,1).

Свершатся надежды русские. На Софии, в Царьграде, воссияет Крест Православный, дымом фимиама и молитв наполнится Святая Русь и процветет, аки крин небесный...»

В глазах Авеля Вещего горел пророческий огонь нездешней силы. Вот упал на него один из закатных лучей солнца, и в диске света пророчество его вставало в непреложной истине. Император Павел Петрович глубоко задумался. Неподвижно стоял Авель. Между монархом и иноком протянулись незримые нити.

Император Павел Петрович поднял голову, и в глазах его, устремленных вдаль, отразились глубокие царские переживания.

— Ты говоришь, что иго жидовское нависнет над моей Россией лет через сто. Прадед мой, Петр Великий, о судьбе моей рек то же, что и ты. Почитаю и я за благо о всем, что ныне прорек мне о потомке моем Николае Втором, предварить его, дабы пред ним открылась Книга судеб. Да ведает праправнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпения своего... Запечатлей же, преподобный отец, реченное тобою, изложи все письменно, я же вложу предсказание твое в нарочитый ларец, положу мою печать, и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в кабинете Гатчинского дворца моего. Иди, Авель, и молись неустанно в келлии своей о мне, Роде моем и счастье нашей Державы. И, вложив представленное писание Авелево в конверт, на оном собственноручно начертать соизволил:
«Вскрыть Потомку Нашему в столетний день моей кончины».

В Большой Гатчинский дворец для исполнения воли своего в Бозе почивающего Державного предка Государь Император Николай II приехал после панихиды по Императоре Павле Петровиче. Петропавловский собор был полон молящимися. Не только сановники и знать присутствовали на панихиде, но и множество простого люда в сермягах и платках. Гробница Императора Павла I была вся уставлена свечами и украшена живыми цветами — дарами от верующих в предстательство убиенного Императора за своих потомков и весь народ русский. Сбылось предсказание вещего Авеля, что народ будет особо чтить память страдальца Царя, в конце XVIII века работавшего над программой освобождения крепостных крестьян. Он был намерен сблизиться с Францией, недаром Наполеон называл его своим другом. Но ни крепостники, не желавшие расстаться со своими привилегиями, ни англичане (роль английского посла в подготовке убийства Павла I доказана) не захотели усиления Царской власти и пошли на цареубийство.

Во время встречи старца Серафима (впоследствии причисленного к лику святых) в 1825 году с незнакомцем, к которому старец обратился со словами: «Здравствуй, Великий Государь!» у них состоялась беседа. Продолжалась она 2—3 часа. По словам русского духовного писателя Е. Н. Поселянина, «во время этой встречи преподобный Серафим предрек Императору Александру I: «Будет некогда Царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого Царя и самодержавия, но Бог Царя возвеличит».

Известны свидетельства и о пророчествах, касавшихся других Государей из Дома Романовых. В 1900 году протоиерей Григорий Дьяченко писал: «Когда Александр II родился в Москве в 1818 году, Императрица Александра Феодоровна приказала спросить славившегося в Москве юродивого Федора о том, что ожидает новорожденного? Федор отвечал: «Будет могуч, славен и

силен, будет одним из величайших государей мира, но все-таки (произнес он с ужасом) умрет в красных сапогах». Трудно было предвидеть, что это относится к окровавленным и раздробленным ногам Царя-мученика»._
Святой праведный Иоанн Кронштадский, скончавшийся в 1908 году, в ночь на 1-е января 1908 года записал вещий сон:

«Господи, благослови! Я многогрешный раб Иоанн, иерей Кронштадтский, пишу сие видение. Мною писано и моею рукою то, что я видел, то и передал письменно... Вижу передо мною стоит: дивный чудный старец, бледный, с сединами, в мантии, в левой руке четки...» Это был, как открылся он впоследствии св. Иоанну, преподобный Серафим Саровский. Картины, открывшиеся о. Иоанну Кронштадтскому, были одна страшней другой. Затем, писал он, «я взглянул и вижу: Царский дворец, а кругом бегают разной породы животные и разной величины звери, гады, драконы, шипят, ревут и лезут во дворец, и уже полезли на трон Помазанника Николая II, — лицо бледное, но мужественное, — читает он Иисусову молитву. Вдруг трон пошатнулся, и пала корона, покатилась. Звери ревели, бились, давили Помазанника. Разорвали, и растоптали, как бесы в аду, и все исчезло. Ах, Господи, как страшно, спаси и помилуй от всякого зла, врага и супостата. Я горько заплакал; вдруг старец взял меня за плечо, — не плачь, так Господу угодно, и сказал: «Смотри» — вижу показалось бледное сияние... Предстал Помазанник невольный, на голове у него из зеленых листьев венец. Лицо бледное, окровавленное, с золотым крестиком на шее. Он тихо шептал молитву. Затем сказал мне со слезами: «Помолись обо мне, отец Иван, и скажи всем православным христианам, что я умер, как мученик: твердо и мужественно за Веру Православную и за Святую Соборную и Апостольскую Церковь, и пострадал за всех христиан; и скажи всем православным Апостольским пастырям, чтобы они служили общую братскую панихиду за всех убиенных воинов на поле брани: в огне сгоревших, в море утонувших и за меня, грешного, пострадавших. Могилы моей не ищите, — ее трудно найти. Прошу еще: молись обо мне, отец Иван, и прости меня, добрый пастырь». Я перекрестился: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Божия Николая, вечная ему память». Господи, как страшно. Руки и ноги у меня дрожали, я плакал». Дальше св. Иоанн предрек те ужасы, которые творились с приходом к власти сатанистов.

Предвидя насмешливые улыбки сомневающихся, приведем свидетельство поэтессы Зинаиды Гиппиус, хотя и чуждой нам ее мироощущением, но человека объективного, на собственной шкуре испытавшего прелести и «великой, бескровной», и «великой социалистической».

«...Расстреливают офицеров, сидящих с женами вместе, человек 10—11 в день. Выводят на двор, комендант, с папироской в зубах, считает,— уводят. ... Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и

великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались — дочь 18 лет и сын 17-ти. На-днях сына потребовали во «Всеобуч» (всеобщее военное обучение). Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотком объявил: (шутники эти комиссары!): «А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили!»

Зверей Зоологического сада, еще не подошедших, кормят свежими трупами расстрелянных, благо Петропавловская крепость близко,— это всем известно. Но родственникам, кажется, не объявляли раньше.

Объявление так подействовало на мальчика, что он четвертый день лежит в бреду...

Вчера доктор Х. утешал И. И., что у них теперь хорошо устроилось, несмотря на недостаток мяса: сердце и печень человеческих трупов пропускают через мясорубку и выделяют пептоны, питательную среду, бульон... для культуры бацилл...

С. с женой поехал недавно на Волгу, где у него была своя дачка... С. говорит, что на Волге — непрерывные крестьянские восстания. Карательные отряды поджигают деревни, расстреливают крестьян по 600 человек зараз».

Так расправлялась «рабоче-крестьянская власть» со своими рабами.

Но не станем заканчивать эту главу на мрачной ноте. Снова вернемся к святому праведному Иоанну Кронштадтскому:

«Россия мятется, страдает и мучится от кровавой внутренней борьбы, от страшной во всем дороговизны, от безбожия, безначалия и крайнего упадка нравов. Судьба печальная, наводящая на мрачные думы. Но всеблагое Провидение не оставит России и в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует и ведет к возрождению. Судьбы Божии праведные совершаются над Россией...»

"Россия перед Вторым Пришествием". С. 150-154.

Архиепископ Гермоген (Долганов) говорил, что Ходынка - это Божье наказание русскому народу за убийство Александра II.

Литература Русского Зарубежья. Т. 1. Кн. 2. М.: Книга. 1990. С. 195.

"Россия перед Вторым Пришествием". С. 302-303.

Глава двадцать девятая КТО НА НОВЕНЬКОГО?

Год спустя после Екатеринбургского злодеяния учитель французского языка Царских Детей Пьер Жильяр, находившийся в это время во французской военной миссии в Омске, был приглашен к генералу Дитерихсу. Тот предложил швейцарцу удостовериться, является ли молодой человек, называвший себя Цесаревичем Алексеем Николаевичем, тем, за кого он себя выдает. Зная о слухах о мнимом Цесаревиче, швейцарец пошел навстречу пожеланию генерала, который получил указание от адмирала Колчака,

Верховного правителя, выяснить положение дел. Мнимый Наследник жил в одном из поселков Алтая, где жители восторженно встречали его, школьники сделали сборы в его пользу, а начальник почтового отделения, встав на колени, поднес ему хлеб-соль.

Пьер Жильяр посмотрел через приоткрытую дверь в соседнюю комнату на мнимого Наследника и увидел незнакомого юношу. Он был старше Алексея Николаевича, полнее и выше ростом. Лишь цвет волос, прическа и матросская форменка делали его чуть похожим на Наследника.

Молодого человека подвели к учителю. Тот заговорил с ним по-французски, но мнимый Наследник, очевидно, не понимавший, в отличие от подлинного Цесаревича, этого языка, молчал. Впоследствии юноша признался в своем обмане.

С легкой руки писателей И. Ильфа и Е. Петрова, авторов бессмертных книг «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев», самозванцев, желающих воспользоваться благами от принадлежности к привилегированной семье, называют «детьми лейтенанта Шмидта».

География «детей лейтенанта Шмидта» перешагнула границы России.

Болгарский писатель Б. Дмитриев в книге «Тайна Николая II» заявляет, что якобы Цесаревич Алексей Николаевич и Великая Княжна Анастасия Николаевна 30 лет прожили в болгарском селе Габарево под чужими именами.

Начиная с 1923 года, жители упомянутого села знали их как Георгия Жудина и Элеонору Альбертову. Когда в предполагаемом месте захоронения Царской Семьи в окрестностях Екатеринбурга, опираясь на результаты ДНК-анализа, не были обнаружены останки Цесаревича и одной из Царевен (не то Марии, не то Анастасии), и возникла у автора идея поделиться своими догадками и предположениями.

Начальник следственной службы города Карлово Благой Дмитриев родился в Габарево и помнил русскую дворянку, которую односельчане считали «русской принцессой». Эта женщина, поразившая мальчика своей властной натурой и не вписывавшаяся в деревенскую жизнь, дожила до 1953 года. Молодой же человек, которого звали Георгием Жудиным, считавшийся ее братом, умер еще в 1930 году. По воспоминаниям старожилов, он любил носить полувоенную одежду, был крайне замкнут и имел болезненный вид. Кладбище, на котором захоронены упомянутые лица, было превращено в парк. В сентябре 1996 года бывший следователь произвел эксгумацию останков Элеоноры Альбертовой и Георгия Жудина, которые должны были стать объектом тщательной экспертизы.

Руководитель кафедры судебной медицины Тракийского университета доцент Мария Грозева и профессор антропологии Йордан Йорданов произвели графологическую экспертизу почерков Великой Княжны Анастасии Николаевны и таинственной Элеоноры Альбертовой. По их мнению, речь идет об одном и том же лице.

Автор книги развивает чудовищную мысль. Он утверждает, будто бы

Император Николай II, ради спасения собственного сына, подменил его поваренком Седневым. Великую же Княжну подменили Франциской Шанцковской <она же Анна Андерсон, героиня многих книг, которая выдавала себя за чудом уцелевшую Анастасию Николаевну>.

Предположение, что Государь, благородство и возвышенный характер которого известен, мог решиться на то, чтобы послать на верную смерть невинных чужих людей, не выдерживает никакой критики. Поэтому подобную версию следует отбросить, как ложь и клевету.

Если Георгий Жудин и Элеонора Альбертова жили не очень далеко от пределов России, то другие претенденты на роль Царских Детей обнаружились аж на американском континенте. В городе Скотсдейл, что в штате Аризона (США), долгие годы жил некий господин по имени Алексей Николаевич Романов. Когда у корреспондента местной газеты спросили, неужели это действительно Наследник Цесаревич, тот ответил: «Любям так хотелось верить». Факты самозванства объяснялись тем, что советское правительство первое время убеждало мир, будто расстрелян лишь один Император, а Семья его уцелела. В городе Ульм, в Германии, после второй мировой войны объявился еще один «Цесаревич», бывший майор советских ВВС. В Ванкувере (Британская Колумбия) в 1977 году скончался от лейкемии некто Алексей Таммет-Романов. По словам вдовы, госпожи Сандры Романовой, ее покойный супруг был сыном русского Царя.

Житель Скотсдейла, о котором мы упомянули выше, выдававший себя за Цесаревича, умело использовал свое имя. Он бойко торговал водкой под названием «Алексей», а также парфюмерией и ювелирными изделиями. В конце 1990-х гг. в Вашингтоне объявился очередной «сын лейтенанта Шмидта», заявлявший, что он сын «Цесаревича Алексея», убитого агентами КГБ в Чикаго.

С советской секретной службой были связаны имена еще двоих «детей лейтенанта Шмидта». Один из них, назвавшийся Алексеем, выдал ряд советских агентов, внедренных советскими чекистами в ряд западных правительственных учреждений и секретных служб. В 1960 году он перебрался в Западный Берлин. Самозванец оказался подполковником Голеневским, служившим в польской военной разведке. Родился он 16 августа 1922 года, то есть был на 18 лет моложе действительного Цесаревича. И тем не менее, утверждал, будто бы Юровский, палач Царской Семьи, помог Семье бежать за границу. В 1924 году его мать, мнимая Императрица Александра Феодоровна, скончалась в Варшаве. А в 1952 году скончался и «Император». Четыре же его сестры были якобы живы в 1960 году и поддерживали с ним связь. При получении американского гражданства Голеневский заявил Конгрессу США, что он родился в 1922 году, но при регистрации брака с некоей Ирмагд Кампф, его гражданской женой, в церковной книге записал другой год рождения: 1904, 12 августа. Место рождения — Петергоф, Россия. Объявив себя Наследником Российского престола, он решил претендовать на романовские капиталы, хранящиеся в

западных банках. По словам Голеневского, лишь в Соединенных Штатах на царских вкладах хранится 400 000 долларов. В других странах — вдвое больше. После того, как Зарубежная Русская Православная Церковь в 1981 году присоединила к лику святых всех членов Царской Семьи и Новомучеников Российских, от безбожной власти убиенных, в их числе и Цесаревича Алексея, Голеневский разразился скандалом. Он заявил, что эта акция направлена на то, чтобы лишить его законного наследства. Впрочем, со временем самозванец отказался от своих претензий. В июле 1993 года он скончался в Нью-Йорке.

Еще об одном претенденте на роль Цесаревича рассказала Великая Княгиня Ольга Александровна, младшая сестра Николая II. Однажды вечером, спустя несколько лет после второй мировой войны, когда чета Куликовских жила в канадском городе Куксвилле, послышался стук в дверь. Полковник Куликовский, супруг Великой княгини, открыл дверь. Низенький, с неприятными чертами лица мужчина улыбался. Затем произнес по-французски:

— Прошло столько лет, и вы меня, должно быть, не узнали. Я Алексей. Нельзя ли мне увидеть тетю Ольгу? Я принес ей описание своей жизни. Ольга Александровна едва не упала в обморок. Полковник хотел было выпроводить незваного гостя из дома, но тот успел проскользнуть мимо него и положил на стол пухлую рукопись.

Пришелец принялся рассказывать длинную историю о каких-то солдатах, которые четыре десятка лет тому назад без малого сжалились над ним.

— Я был тяжело ранен, — продолжал гость, — но остался жив. Эти солдаты тайком вытащили меня из подвала. Потом передали французам. Один офицер усыновил меня и увез во Францию. Я всегда помнил о своем происхождении, но не желал делать это достоянием публики. Думаю, настала пора рассказать людям правду. Вот рассказ о моей жизни. К сожалению, я совершенно позабыл русский язык.

Эта встреча была одной из самых кошмарных в жизни Великой Княгини. Она давно смирилась с ужасом Екатеринбургского злодеяния. Верила, что ее Державный брат вместе со своей Семьей почитет о Господе. Горячо молилась и хранила память о них. И вдруг какой-то неопрятный французик заставил ее пережить ужас той июльской ночи 1918 года, когда погибли ее близкие.

Полковник едва не вышвырнул чтеца вон, но Ольга Александровна продолжала его слушать. Она согласилась прочитать рукопись до конца.

Тут неопрятный человек разрыдался и признался в обмане. Выяснилось, что он природный француз, что он плавал на торговых судах, а теперь работает мойщиком посуды в Нью-Йорке.

Много «Анастасий» искали встречи с Великой Княгиней, чтобы та подтвердила их личность. Самой знаменитой была некто Анна Андерсон, которую выловили из канала в Берлине. В больнице, куда ее доставили, она заявила, что является дочерью Царя. Много десятилетий она находилась в центре внимания прессы, особенно, когда переехала в Соединенные Штаты.

Великую Княжну Анастасию в ней признали Глеб и Татьяна Боткины. В действительности она оказалась Франциской Шанцковской, уроженкой местности, граничившей с Польшей. Однако, очевидно, по указке каких-то весьма осведомленных лиц, она долгие годы морочила головы и общественности, и родственникам Царской Семьи. Женщина утверждала, будто некий охранник, Александр Чайковский, поляк по национальности, увидев, что Анастасия жива, но потеряла сознание, с помощью брата отнес ее домой. Вскоре братья Чайковские вместе с Великой Княжной бежали из Екатеринбурга. Спустя четыре с половиной месяца вся компания оказалась в Бухаресте. Выяснилось, что «Анастасия» беременна: воспользовавшись бессознательным состоянием девушки, ее спаситель совершил над ней насилие. Младенца поместили в приют, а Александр Чайковский якобы погиб во время беспорядков. Показания мнимой Анастасии проверили. Среди охранников «мертвого дома» в Екатеринбурге не было обнаружено никакого Александра Чайковского. Ни в Екатеринбурге, ни в его окрестностях семья Чайковских не проживала.

Лишь после того, как был проведен анализ на ДНК тканей мнимой Анастасии, сравнив их с генетическим материалом родственников Романовых, установили, что даже отдаленного родства между ними нет. Так окончилась история с Анной Андерсон — Франциской Шанцковской, тянувшаяся не одно десятилетие.

Великая Княгиня Ольга Александровна лежала тяжело больная в одной из больниц Торонто, когда к ней пришел полицейский в сопровождении очередной самозванки. В конце концов монреальская «Анастасия» смутилась и исчезла из поля зрения и полиции, и самой Великой Княгини. Но после того, как канадский журналист Йен Воррес, обработчик мемуаров Ольги Александровны, напечатал несколько статей о ней, некая дама, жившая в Монтевидео, прислала ему письмо на испанском языке. Дама утверждала, что именно она является Великой Княгиней Ольгой Александровной, а «канадская Ольга» — самозванка. Дама из Монтевидео грозила приехать в Канаду и начать судебный процесс с «целью защитить честь и достоинство Семьи Романовых».

Великой Княгине начали докучать, едва она ступила на канадскую землю. Одна из «Анастасий» жила в Торонто и бомбардировала «тетушку» письмами. Но после встречи с полковником Куликовским она замолчала. Нашлась «Анастасия» и в небольшом городке в штате Иллинойс. Она была владелицей салона красоты «Анастасия» и однажды решила лично повидать «дорогую тетушку». Узнав, что госпожа Андерсон обратилась в ряд германских судов с целью признать ее претензии, «иллинойсская Анастасия» поспешила в германское консульство в Торонто, чтобы заявить, будто бы она — Анастасия. Услышав, как германский консул называет Ольгу Александровну ее Императорским Высочеством, иллинойсская «Великая Княжна» бросилась к ней со словами: «Дорогая тетя Ольга! Наконец-то!» Но та даже не взглянула на очередную «племянницу».

Были претендентки и на имя других Великих Княжон. Некая дама, жившая в роскошной вилле на берегу швейцарского озера Комо, выдавала себя за старшую дочь Императора Николая II Ольгу Николаевну и называла немецкую Анастасию самозванкой, приводя доказательства того, что ее сестры были злодейски убиты в 1918 году.

Очередная Анастасия появилась даже в Японии! Православный епископ из Токио, старинный друг Великой Княгини, писал Ольге Александровне, что лже-Анастасия взбудоражила всю Азию, и умолял сестру Царя положить этому конец.

Нужно сказать, что Великая Княгиня всячески защищала память и своего Державного брата, и отца, Императора Александра III. Она возмущалась несправедливой оценкой политики русских царей, которую давали авторы ряда книг, вышедших на нескольких языках при ее жизни. Особенное негодование вызывал невероятно искаженный портрет ее родителя, Царя-Миротворца.

«Как выпячиваются ошибки допущенные нашей Фамилией! — заявляла она Йену Ворресу. — Сколько несправедливого написано о нашей исправительной системе! Но почему-то никто не вспоминает о том, что в Англии еще во время царствования королевы Виктории человека, который, движимый голодом, украл баранью лопатку или буханку хлеба, вешали или отправляли на каторгу! Сколько писали о наших тюрьмах, но никто не изучал условия содержания заключенных в Испании и Австрии, не говоря уж о Германии... Несмотря на существование тайной полиции, цензуры и прочего, подданные Российской Империи имели гораздо больше свобод, чем население Австрии и Испании, и уж, конечно, были гораздо свободнее, чем теперь, под игом серпа и молота».

Кроме упомянутых выше Анастасий, еще в 1920 году некая Надежда Ивановна Васильева, объявившаяся в Сибири, утверждала, будто бы она Великая Княжна Анастасия Николаевна. Пытаясь добраться до китайской границы, она была арестована. После этого побывала в тюрьмах Нижнего Новгорода, Москвы и Ленинграда, затем оказалась на Соловках. В 1934 году ее отправили в Казань. Из тюремной больницы она писала письма по-английски и по-французски королю Георгу V, называя его «дядюшкой Джорджи», и умоляла того спасти ее. В 1971 году «Анастасия» скончалась в психиатрической больнице.

Писатель Эдвард Радзинский побывал в уральской глубинке, где в глухой деревушке, по словам местных жителей, в 1919 году нашли приют у местного священника две царские дочери — Мария и Анастасия Николаевны. Скончались они в 1964 году. Крестьяне даже показали писателю могилы, где на надгробьях начертаны имена «Мария Николаевна» и «Анастасия Николаевна».

«Великая Княжна Татьяна Николаевна» объявилась примерно в то же время, что и младшие «Великие Княжны». Ее якобы вывезли из Сибири агенты британской разведки во Владивосток. Оттуда на японском корабле доставили

в Канаду. Из Канады через Атлантический океан она попала в Англию месяц спустя после Екатеринбургского злодеяния.

Еще одна «Татьяна», стамбульская танцовщица, вышла замуж за английского офицера, пожалевшего бедную женщину. Эта «Татьяна», которую звали Лариса Федоровна Тюдор, скончалась в 1927 году в графстве Кент.

Согласно еще одной легенде, Мария Николаевна сумела добраться до Румынии, где родила дочь, у которой, в свою очередь родился сын. Со временем тот обосновался в Мадриде, назвав себя князем Алексеем д'Анжу де Бурбон-Конде Романовым-Долгоруким. В 1971 году семейство Долгоруких и Бельгийское собрание потомков дворян обвинили «князя Алексея» в присвоении им чужого имени. На самом деле это был бельгийский подданный Алекс Бримейер. Самозванца приговорили к полутора годам тюрьмы. В 1995 году он скончался в Испании.

Нелепо предположить, чтобы кто-то из Царской Семьи мог быть пощажен палачами. Это в 1918-го году, когда одну петербурженку расстреляли лишь за то, что у нее дома нашли журнал на французском языке периода первой мировой войны с карикатурами на Ленина!

Почему же регулярно появлялись претенденты на роль Великого Князя Наследника Цесаревича Алексея Николаевича или кого-либо из Великих Княжон? Самый очевидный ответ — романовские капиталы за границей. Эдвард Пикок, управляющий Английским банком с 1920 по 1946 год, заявил в 1960 году: «Я уверен, что ни в Английском банке, ни в каком-либо другом банке Великобритании никогда не было денег Императорской Семьи... Во всяком случае, после первой мировой войны, в тот период, когда я был управляющим банком, никаких царских денег там не было». Но существует и иное мнение.

Писатель и финансист Уильям Кларк, много лет изучавший этот вопрос, в своей книге «Утраченное достояние Царей» указывает, что на царских счетах в банках Англии, Америки и Швейцарии находится свыше сотни миллионов долларов. Столь лакомый кусок не может не привлекать как отдельных авантюристов, охотников до чужого добра, так, возможно, и целые организации.

С тех пор, как Пьер Жильяр встретился с первым «Цесаревичем» — самозванцем, прошло три четверти века, 6 мая 1994 года газета «Вечерний Петербург» публикует статью своего корреспондента, Натальи Одинцовой. Заголовок статьи заинтриговывает читателя. Выяснилось, что профессор-психиатр Наталья Николаевна Трауготт услышала историю... о сыне Царя от одной из своих коллег — Далилы Абрамовны Кауфман, работавшей в конце 1940-х годов в психиатрической больнице Петрозаводска. Историю эту подтвердил еще один профессор-психиатр, Самуил Ильич Генделевич. Этот профессор бывал в Петрозаводске в качестве научного консультанта. Суть истории в том, что перечисленные специалисты встречались с больным, Семеновым Филиппом Григорьевичем, который однажды рассказал

врачам, что он — наследник Российской короны. Во время расстрела в подвале Ипатьевского дома отец, Император Николай Александрович, обнял его и защитил от пуль. Получив ранение в ягодицу, он потерял сознание. Спас Семенова какой-то преданный человек. Похоже, монах. Спустя несколько месяцев на поезде его доставили в Петроград (находившийся в руках красных!) и поместили... в Мраморный дворец (занятый под правительственное большевицкое учреждение!). Подслушав, что его намерены использовать, как живое знамя, вокруг которого должны сплотиться монархисты, «Цесаревич» сбежал. И не куда-нибудь, а на сборный пункт, где вербовали добровольцев в Красную армию. Его взяли в кавалерию и отправили на польский фронт, затем в Крым, для борьбы с Врангелем, а потом в Среднюю Азию. Окончил экономический институт имени Плеханова, работал экономистом в Средней Азии. За 7 лет службы в Красной армии дослужился до звания капитана. 29 июля 1941 года попал в лагерь в Медвежьегорске. Освободился через 10 лет. Причина лагерного срока? Растрата по вине некоего Белобородова. Любил ходить по городу, посещать Зимний дворец, читать исторические романы. По его словам, получил домашнее воспитание, был сыном Царя. В чем была уверена и его жена. Много убедительных слов. Но они почему-то не убеждают. Знал детали придворной жизни и этикет? Описывал расположение покоев Зимнего дворца, называл имена и титулы всех членов Императорской фамилии, перечислял придворные должности, рассказывал о принятых при дворе ритуалах и церемониях? Все это можно было при желании почерпнуть в книгах, которые приносили ему, в том числе Ирина Антоновна Мойзе, психиатр, как и уже называвшаяся нами Далила Абрамовна Кауфман. Ни единым словом мнимый Наследник не обмолвился о Янкеле Юровском, который произвел два контрольных выстрела в ухо Алексею Николаевичу, зато твердил, что его преследовал Белобородов.

Умер Семенов в 1979 году, когда под Екатеринбургом были найдены останки, которые почти два десятка лет спустя сумели идентифицировать и захоронить в Петропавловском соборе.

Прошло еще два с половиной года. Знакомый автора данных строк, зная о том, что судьба Царской Семьи давно интересует его, посоветовал ознакомиться со статьей Виктора Тростникова, профессора Российского православного университета имени Иоанна Богослова. Статья называлась «Царевич Алексей жив?» На этот раз в роли уцелевшего Цесаревича выступал Леонид Васильевич Князев. Человек, проживший беспризорником. Статья иллюстрирована фотографиями. На одной — сам Князев, который, как утверждает ее автор, очень похож даже в свои сорок лет на девятнадцатилетнего Цесаревича. Тут же и пожилая дама — дочь Л. В. Князева, дама среднеазиатской внешности, в которой трудно найти какое-то сходство с Императрицей Александрой Федоровной, в чем нас пытается убедить г-н Тростников в статье в «Правде-5» № 98 за 1996 г.

Догадливый читатель уверен, что точку ставить рано. И он прав. Перед нами

ксерокопия страницы из петербургской газеты «Ритмы города» от 28 марта 1997 года. Не менее броский заголовок: «Легенда о спасенном Цесаревиче». Справа две фотографии, на верхней — Наследник. Он в солдатской форме. Снимок относится к периоду Первой мировой войны. Внизу еще один снимок. Типичный зэк (никакого бранного смысла в это слово мы не вкладываем), бывший беспризорник. Но, судя по «информации к размышлению», закончил в Тюмени учительский и педагогический институты. Работал учителем в Исетском районе Тюменской области до 1955 г. С 1970 г. по 1988 года, год своей смерти, жил в Астраханской области. Если первые два «Цесаревича» детей не имели, то у Василия Ксенофонтовича Филатова (кстати, совсем не похожего на Алексея Николаевича, да и ростом гораздо ниже Цесаревича) их четверо. Двое из них живут в Германии, двое — в Питере. Незадолго до смерти поведал детям, что он Цесаревич Алексей, спасшийся после расстрела в Екатеринбургском подвале. (Это после контрольных выстрелов Янкеля Юровского, отца советского контр-адмирала Александра Юровского?). Правда, есть неувязка. По словам автора статьи, Василий Ксенофонтович, помимо английского и французского, которые Цесаревич изучал, знал греческий, латинский и немецкий. Эти предметы ему не преподавали. Месье Жильяр учил его французскому, мистер Гиббс — английскому. На немецком никто в семье не говорил. Что же касается латыни и греческого, то едва ли Василий Ксенофонтович изучил их в стенах Тюменского педвуза.

В Петербурге живет сын В. К. Филатова — Олег Васильевич, в котором кое-кто усматривает какое-то сходство с убиенным Императором Николаем II. Сам О. В. Филатов убежден в том, что он внук Царя. И его убежденность действует и на окружающих его лиц. По-видимому, именно поэтому протоиерей В. Басманов составил следующего содержания письмо:

«Его Высокопреосвященству Иувеналию Митрополиту Крутицкому и Коломенскому, Председателю Комиссии Священного Синода по Канонизации Святых от настоятеля Свято-Успенской церкви г. Балви, Благочинного Мадонского округа, Протоиерея Владимира Басманова
Я, Протоиерей Владимир Басманов, заявляю, что хорошо знакомый мне госп. Филатов Олег Васильевич и все его семейство являются благочестивыми православными христианами, признающими все Таинства нашей Церкви, регулярно исповедующимися и причащающимися. Мне пришлось совершить над ним и всем его семейством, в том числе над его матерью и сестрами, Таинство Святаго елеа и неоднократно их исповедовать.

В мои посещения г. Санкт-Петербурга мы начинали общение с поклонения и молитвы при Святынях города: при раках мощей Бл. кн. Александра Невского, Праведника Иоанна Кронштадтского и Ксении Блаженной. Этому мы посвящали целый день.

В вопросе, по которому они, т. е. семейство Филатовых [обращались] к Вашему Высокопреосвященству, есть много положительных фактов.

Во-первых, зачем их отцу, Филатову Василию Ксенофонтовичу рассказывать перед смертью о своем царственном происхождении, направлять своих детей по заведомо ложному пути.

Во-вторых, существуют положительные ответы по экспертизам и анализам на родство семьи Филатовых с родом Романовых.

В-третьих — многое из рассказов Василия Ксенофонтовича своим детям подтвердила поездка в г. Шадринск группы из пяти человек (в их числе был и я).

Окончательно все может подтвердить эксгумация тела Филатова Василия Ксенофонтовича, но проводить ее надо под началом вверенной Вам Комиссии или других полномочных представителей Московской Патриархии. 9/22 октября пам. Апостола Иакова 1996 г.

Протоиерей В. БАСМАНОВ»

Набожность и посещение святынь — это еще не подтверждение высокого происхождения. Мало ли в России боголюбивых и набожных людей, слава Богу!

Если речь идет о сравнении ДНК В. К. Филатова с ДНК родственников Царской Семьи, то жив сын Василия Ксенофонтовича, так что эксгумация, на наш взгляд, ни к чему. Впрочем, сам Олег Васильевич, ныне живущий в Петербурге, объясняет стоящие перед ним проблемы и историю своего отца более подробно в книге, вышедшей в 2000 г. («История души, или Портрет эпохи». СПб. «Державные традиции»). Нужно сказать, что Олег Васильевич твердо отстаивает свои права и претендует аж... на российский престол. В случае удачи операции «Наследник» Царское золото достанется парню из Сибири, а не претендующему на него принцу Филиппу, представителю английского королевского дома, в свое время отвернувшемуся от своих родственников — русского Царя, Царицу и их Детей.

Думается, что история с претендентами и претендентками на роль Царских Детей и их потомков еще будет иметь продолжение.

Так, некая благообразная дама из благотворительного отдела Московского Дворянского собрания в мае месяце 1998 года заявила с «голубого экрана», что на юге живет молодая женщина — «вылитая Великая Княжна Мария Николаевна». Запущенный еще в июле 1918 года механизм дезинформации продолжает работать...

Если вышеперечисленные мнимые Алексеи Николаевичи и их дети были людьми незаметными, то один из них (его судьба напоминает нам судьбу Григория Отрепьева) добился известного положения в обществе и даже был коронован, правда, не Русской Православной церковью, а катакомбной и украинской автокефальной церковью. А многие из нас даже не догадываются, что в России есть «Император». Это Николай Третий. До этого носивший фамилию Дальский и лишь недавно прибавивший себе второе имя — Романов. Он не только Император, но и Герой Советского Союза! Мало того, он еще и адмирал флота Советского Союза!! На погонах у

него появилась большая звезда, похожая на маршальскую. Оказывается, он еще и маршал. А достичь высот ему помогла, по его словам, некая таинственная организация — Мальтийский орден. Есть у него и дебелая «Императрица». Все, как у людей. Одного только нет. По словам Романова-Дальского, он прошел тест на ДНК, подтвердивший его родство с Императорской Семейей. Но показать соответствующий документ он не желает. Многие относятся к Николаю III на полном серьезе. Один из потомков князей Голицыных, успевший присягнуть Великой Княгине Леониде Георгиевне, присягнул и Николаю III. На всякий случай. Впрочем, объявился еще и Павел Второй...

Летом 1998 г. этот господин появился в Петербурге возле гостиницы «Астория» в белом кителе, увешанном множеством неизвестных орденов. Когда журналисты поинтересовались, кто он такой, господин ответил: — Я Государь Император Павел II, потомок дома Романовых-Рюриковичей. У Императора Павла I был сын от мorganатического брака. Я являюсь его прямым потомком. Ельцин и его клика не могут допустить того, что я здесь первое лицо. Меня держат в железной маске. Им нужно наследство Царя. Наследство в 25 миллиардов долларов должно принадлежать мне. Мне угрожали люди Черномырдина. Требовали подписать доверенность на эти деньги. Но казаки помогли мне. Я ведь Августейший казачий атаман и глава Русской Православной церкви. Ельцин снял Черномырдина с Чубайсом, потому что они не смогли эти деньги достать.

Относительно своих дальнейших планов Павел II заявил, что 17 сентября 1998 года он намерен провести конференцию в Ченстохове (Польша). На нее приглашены все члены дома Романовых. Павел II предполагал объявить о своем намерении въехать в Кремль и выгнать оттуда «всю шайку». Терминологию коммунистической оппозиции мнимый монарх освоил великолепно.

Хотя Павел II и был озабочен Царским наследством в 25 миллиардов, но, по его словам, деньги для него — не главное:

— Мне предлагали царствовать в Гонконге. За это обещали 600 миллиардов. Но Российский престол почетнее, и я отказался.

О широте натуры «Павла II» свидетельствует тот факт, что журналиста, взявшего у него интервью, он мигом возвел в дворянское достоинство.

Обещал ему и заячий тулупчик... Виноват, графский титул. Если статья понравится...

Плотный мужчина, назвавшийся «казачьим полковником», поспешно увел «Августейшего атамана», чтобы тот не сболтнул чего лишнего.

Есть кандидат в Цари, вернее, в Царицы, и у коммунистов. Подобно тому, как во время гражданской войны у Бронштейна-Троцкого появилась мысль объявить себя помазанником (и были белые офицеры, готовые присягнуть «помазаннику»), так и у членов «партии нового типа» возникла идея объявить Императрицей дочь маршала Советского Союза К. Жукова — Марину Константиновну. И смех, и грех.

По словам старшего прокурора-криминалиста Генеральной прокуратуры В. Соловьева, за пять лет он получил сотни писем. Из них следовало, что были живы не только Алексей и Мария Николаевна, но даже сам Николай II и Императрица Александра Феодоровна! Больше всего лжепотомков — около 20 человек — жило почему-то на Украине. Эти люди прекрасно знали друг друга и даже с удовольствием общались.

Причиной появления самозванцев может быть некая целенаправленная политика. Следует притупить впечатление от ужаса Екатеринбургского злодеяния, приписав какие-то гуманные чувства палачам. Может существовать и еще одна причина: дескать, если Романовы уцелели, то к чему их канонизировать. Возможны и другие причины, о существовании которых можно лишь догадываться. Вполне вероятно, что в каждом отдельном случае может существовать не одна причина, а несколько. Как знать, может обнаружиться если не «претендент», то его потомок и темнокожий. Если вы полагаете, что это невозможно, то послушайте историю, которая заставит вас изменить свое мнение.

Один молодой ученый поехал на родину, в глухую белорусскую деревню. Увидев там негритенка, бегущего по улице, он изумился. Выяснилось, что некая выпускница местной школы поехала в Москву поступать в какой-то из вузов (кажется, университет дружбы народов имени Лумумбы). Экзамены не сдала, зато вернулась домой «с залогом дружбы».

Нравственный уровень самозванцев, как нам представляется, настолько невысок, что можно ожидать самого невероятного. А воображение их ничуть не беднее, чем у авторов «Золотого теленка» и «Двенадцати стульев». Но не богаче, чем у писателя И. Бунича, который пишет, что «последний русский Император умер в декабре 1940 года» и «Романовы не расстреляны в Екатеринбурге. Они остались живы».

Между тем существует фотография: во дворе дома Ипатьева лежат *все одиннадцать* жертв преступления — вся Царская Семья и четверо Ее слуг.

* * *

Какова же была судьба подлинных Романовых? Ведь кроме Царской Семьи большевики расправились с восемью из шестнадцати Великих Князей, пятью из семнадцати Великих Княгинь и пятью князьями Императорской крови. В числе уцелевших были участники убийства Распутина Дмитрий Павлович и Феликс Юсупов с женой, дочерью Сандро.

После встречи с сыном в Могилеве в начале марта 1917 года Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна вернулась в Киев. Если ей отдавались все подобающие ее положению почести тогда, когда Мария Феодоровна отправлялась в Ставку, то по возвращении ее в Киев ее никто не встретил. Ехать в свою резиденцию Императрице Матери пришлось на обыкновенном извозчике. Великий Князь Александр Михайлович, сопровождавший тещу, настаивал на том, чтобы Мария Феодоровна и Ольга Александровна, его

свояченица, тотчас уехали в Крым. В сопровождении верных саперов им удалось добраться до Ай-Тодора, имения Сандро. Вскоре туда приехала Великая Княгиня Ксения Александровна с детьми. Следом за ними приехали в Крым и другие беженцы. В Крыму образовался своего рода оазис, тщательно оберегаемый чьей-то могущественной рукой. Все обитатели этого оазиса уцелели. Очевидно, то было платой за участие в свержении монархии. В числе обитателей оазиса были В. К. Николай Николаевич, с женой и челядью, его брат Петр Николаевич, тоже с женой-черногоркой и челядью; один из убийц Распутина — князь Юсупов со своей женой. Разумеется, ни Императрица-Мать, ни ее дочери в измене не были замешаны. Когда в конце июля 1918 года до Крыма докатилось известие о гибели Царской Семьи, Мария Феодоровна ему не поверила. Мария Феодоровна покинула Крым лишь по настоянию своей сестры, английской королевы Александры. 11 апреля 1919 года британский броненосец «Мальборо» увез из Ялты последнюю русскую Императрицу. На мачте был поднят Императорский штандарт. Мимо броненосца в сторону Крыма проходил войсковой транспорт. Солдаты выстроились на палубе по стойке смирно и запели гимн «Боже, Царя храни». Мария Феодоровна стояла на палубе британского корабля и долго махала им вслед рукой. Вместе с ней навсегда оставили Россию Ксения Александровна с детьми и мужем, В. К. Николай и Петр Николаевичи. Младшая дочь, Ольга, и ее второй муж, полковник Куликовский, вместе с малыми детьми — Тихоном и Гурием — после ряда приключений покинули Новороссийск на борту британского корабля «Кардифф». Из Константинополя Великая Княгиня с мужем и детьми отправилась в Белград, где король-рыцарь Александр оказал сестре русского Царя теплый прием. Но семья Куликовских не смогла воспользоваться гостеприимством благородного монарха: через две недели она уехала в Копенгаген, где была вынуждена поселиться у Императрицы Матери. Ольга Александровна оказалась между двух огней: она обожала мать и любила мужа. Мария Феодоровна считала зятя не ровней дочери и всячески его третировала. «Муж мой был золотой человек, — вспоминала Великая Княгиня. — Сердиться он не умел». Оказавшись у племянника, короля Христиана X, на положении бедной родственницы, Мария Феодоровна терпела его придирки и унижения. Особенно его раздражала щедрость тетушки: к ней со всего света обращались русские эмигранты за помощью. Императрица Мать, несмотря на стесненные обстоятельства, в ней не отказывала ни аристократам, ни простолюдинам. Мария Феодоровна едва ли не до последних дней своей жизни не верила, что ни Николая с супругой и детьми, ни Михаила нет на свете. Зная о притязаниях Великих Князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича на пустующий Российский престол, она держалась в стороне от соперничающих партий и не признала «Императора Кирилла I-го», что следует из следующего письма, обращенного к Великому Князю Николаю Николаевичу:

«Ваше Императорское Высочество,

болезненно жгало сердце Мое, когда Я прочитала манифест Великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя Императором Всероссийским.

До сих пор нет точных сведений о судьбе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, а поэтому появление нового Императора Я считаю преждевременным. Нет еще человека, который мог бы погасить во Мне последний луч надежды. Боюсь, что этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а, наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России.

Если же Господу, по Его неисповедимым путям, угодно было призвать к Себе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, то Я, не заглядывая вперед, с твердою надеждою на милость Божию полагаю, что Государь Император будет указан Нашими основными Законами в союзе с Церковью Православною совместно с Русским Народом.

Молю Бога, чтобы Он не прогневался на Нас до конца и скоро послал Нам спасение путями, Ему только известными.

Уверена, что Вы, как старейший Член Дома Романовых, одинаково со мною мыслите.

21 сент. (4 окт.) МАРИЯ. Хвидор».

Ольга Александровна заявляла, что в последнее время Мария Феодоровна смирилась с потерей сыновей, невестки и детей. Какую, должно быть, душевную боль испытывала Императрица Мать, думая о гибели своих близких. Да и у дочерей жизнь была не сладкой. Сандро давно покинул свою семью и многочисленных чад. Младшая ее дочь, Ольга, жила в бедности. В 1928 году в Сандрингеме скончалась сестра Марии Феодоровны, королева Александра. С каждым днем Императрица все больше погружалась в прошлое. «Целыми часами она разглядывала фотографии Ники и детей, развешенные по стенам спальни», — писала Ольга Александровна.

13 октября того же года Вдовствующая Императрица скончалась. После ее смерти осталась шкатулка с драгоценностями — ничтожная доля прежних богатств, которые удалось вывезти из Петрограда верной служанке Императрицы Матери. Сестра Ксения, ни слова не сказав Ольге, отправила шкатулку в Англию, где ее содержимое было за бесценок приобретено местными банкирами. На афере поживились и члены английской королевской семьи, и другие лица, в частности, жена бывшего русского министра финансов Барка.

Ольга Александровна получила права на дворец Видёре. Продав его, она приобрела усадьбу. Отныне семья Куликовских стала фермерами. «Я понимала, что в тысячу раз лучше жить бедными изгнанниками среди бедных крестьян, чем изгоями среди богачей и аристократов», — говорила Великая

Княгиня своему биографу Йену Ворресу. В благородстве простых людей — солдат и моряков — Великая Княгиня убедилась еще во время первого своего замужества. «Они [рядовые] никогда не попрошайничали. За все годы лишь один матрос попросил меня купить ему рыбачью сеть. Я дала ему деньги, которые он вернул мне до копейки», — свидетельствовала Ольга Александровна. Иначе вели себя некоторые офицеры. Некий грузинский князь похитил несколько частных картин и выдал их за «семейные реликвии». Другой аристократ заявил, что ему позарез нужны 350 тысяч (золотых) рублей: долг, дескать, чести. В действительности на эти средства он купил конюшню скаковых лошадей!

Доброта Великой Княгини принесла ей и ее семейству немало неприятностей. Во время Второй мировой войны к ней часто приезжали русские, воевавшие против Сталина. Не отказывала она в помощи им и после окончания военных действий. Великой Княгине стало известно, что ее жизни грозит опасность. Вместе с семьей она уехала в Канаду, где в 1960 году, как и ее сестра Ксения, скончалась. Произошло это в 11 часов 35 минут вечера 24 октября.

Присутствовавший на панихиде Йен Воррес рассказывал:

«На ее лице была такая просветленность, какой я ни у кого не видел. Я вслушивался в слова заупокойной молитвы, в которой звучала пламенная вера в том, что усопшая найдет покой рядом со святыми Господа нашего. Но когда я посмотрел на ее лицо, на простой деревянный крест в высохших пальцах усопшей, то понял, что молитва уже услышана. Последняя русская Великая Княгиня поистине опочила о Господе, и все ее слезы осушил и все ее великие горести утишил Своей любовью Тот, Который все эти тяжкие годы был ее другом и заступником».

В мир иной отошла любимая дочь могучего Царя Александра III, у которого была такая большая и дружная семья.

8 апреля 1993 года скончался и ее сын Тихон Николаевич Куликовский-Романов, последний племянник Императора Николая II (его младший брат, Гурий Николаевич, умер еще в 1984 г.).

Родился Тихон Николаевич 25 августа 1917 в Ай-Тодоре (Крым). Уже в эмиграции он женился на датчанке Агнес Петерсен. После развода с нею в 1955 году спустя 4 года женился на Ливии Себестейн, которая родила ему дочь Ольгу. В 1983 году Ливия скончалась, и Тихон Николаевич женился в третий раз.

С 8 по 13 апреля 1993 года в русском православном храме во имя Святой Троицы в Торонто служились панихиды. Похоронили последнего сына последней Великой Княгини на том же Йоркском кладбище рядом с матерью. До самой своей кончины Тихон Николаевич внимательно следил за тем, что происходит в России, и болел за нее душой. Его вдова — Ольга Александровна Куликовская-Романова, живущая в Канаде — поддерживает

тесные связи со своей исторической родиной (родилась она в Сербии). Она является председателем Благотворительного фонда имени Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны. Первое в России отделение фонда было открыто в Петербурге в 1991 году. К 2000 году отделения фонда открылись в ряде городов России — в Москве, Тобольске, Екатеринбурге, Самарской и Костромской областях, а также на Дону и Кубани. За 9 лет фонд отправил в Россию продуктов, лекарств, медицинской аппаратуры и др. на сумму около 2,8 млн долларов. Думается, будь Ольга Александровна жива, она бы гордилась такой невесткой. После того, как Великая Княгиня Ксения Александровна вместе с семерыми своими детьми и слугами в 1919 году добралась до Англии, произошел памятный эпизод. Слуги Великой Княгини, увидев Георга V, бросились на колени и стали целовать края одежды британского короля. Они решили, что это их Государь, Николай II, который чудом избежал гибели!.. Кроме дочерей Александра III, уцелели их мужья и дети. Потомство Великого Князя Александра Михайловича и Великой Княгини Ксении Александровны дало наибольшее количество ныне живущих потомков фамилии Романовых. В их числе Князь Михаил Федорович, кинорежиссер, который живет во Франции; Ростислав Ростиславович, американский банкир; Андрей Андреевич, художник, живущий в США. Никита Никитич — доктор философии, живет также в США. Николай Николаевич (1856—1929) потомства не оставил. Зато Петр Николаевич, вместе с братом и Императрицей Марией Феодоровной покинувший Россию на борту британского броненосца, имел четверых детей: троих дочерей и сына, Романа (1896—1978). Сын последнего, князь Николай Романович, живущий во Италии, почему-то считается главой объединения Романовых. Мы говорим «почему-то» по той причине, что он себя считает республиканцем, весьма отрицательно относится к личности Императора Николая II и идее монархии. В внешности его дочерей ничего русского не сохранилось. Кроме указанных нами лиц остались в живых Великие Князья Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи, а также их сестра Великая Княгиня Елена. Хотя Кирилл Владимирович изменил Государю, Николаю II, придя со своими моряками к мятежной Думе, украшенный красными лентами, еще до отречения Царя, именно он стал местоблюстителем престола. В 1924 году он объявил себя Императором Кириллом I. Самозваного «Императора» не желали признать не только Императрица Мать Мария Феодоровна и Великий Князь Николай Николаевич. Не признали его и большинство остальных членов Императорской Фамилии, в их числе Королева Эллинов Ольга Константиновна, В. К. Петр Николаевич и принц Александр Петрович Ольденбургский. Не признали запятнавшего себя связями с католиками, масонами и затем большевиками Кирилла Архиерейский Собор и Синод, а также Высший Монархический Совет. Но шла активная агитация за «Кирилла I», которая сеяла раздоры и усугубляла раскол в монархической эмиграции. После смерти Кирилла Владимировича,

в конце 1930-х гг. признававшегося основной массой эмигрантов в качестве Императора, Главой Императорского Дома был признан его сын, Великий Князь Владимир Кириллович, хотя, согласно ст. 146 Основных Законов Российской Империи, он имел право лишь на титул Князя Крови Императорской, так как был правнуком Императора Александра II. Произошло это при поддержке Русской Зарубежной Православной Церкви. Тем не менее, Владимир Кириллович передал титул «местоблюстительницы Российского Престола» своей дочери Марии Владимировне, в 1976 г. вышедшей замуж за принца Франца-Вильгельма Прусского. Ее сын Георгий, которого в российских СМИ называют «Царевичем», фактически является Гогенцоллерном, а не Романовым. Кстати, после развода супруг Марии Владимировны, принявший было православие, снова вернулся в протестанство.

Специалист по вопросам генеалогии (увы, покойный) Р. Г. Краснюков в обширной статье в «Вестнике Санкт-Петербургского Университета» отмечает, что брак Владимира Кирилловича и Леониды Георгиевны был морганатическим, и их дочь Мария Владимировна не имеет прав, принадлежащих членам Императорской фамилии. Таким образом, она не только не имеет никаких прав на наследование Российской короны, но даже не вправе носить титул княгини Императорской крови. Следовательно, Мария Владимировна и ее сын принц Георг Прусский не имеют никаких преимуществ перед остальными членами Дома Романовых, произошедшими от морганатических браков в эмиграции. Более того, отмечает Р. Г. Краснюков, последние даже имеют преимущество перед принцем, потому что по прямым мужским линиям происходят от Императоров Александра II (линия Павловичей) и Николая I (линия Николаевичей и Михайловичей) и по крови являются Романовыми. Объединение членов рода Романовых сообщает: «Княгиня Мария Владимировна... — член Дома Романовых, но не его глава... Ее сын, принц Георг, — член Дома Гогенцоллернов, а не Дома Романовых».

Вдова Владимира Кирилловича Леонида Георгиевна, дочь Мария Владимировна и внук Георгий не поехали в Петербург на похороны «Екатеринбургских Останков», которые, по мнению Государственной Комиссии, являются Останками Царской Семьи и Ее верных слуг, а отправились в Москву, где состоялась панихида по невинно убиенным Царственным Мученикам. Думается, «Владимировичи» сделали это для того, чтобы не портить отношения с Патриархом Алексием II, который, совместно со Священным Синодом Русской Православной Церкви отметив, что «оценка достоверности научных и следственных заключений... не в х о д и т (разрядка наша — В.К.) в компетенцию Церкви», тем не менее, усомнился в «идентификации найденных под Екатеринбургом останков, как принадлежащих Семье Императора Николая II».

54 представителя фамилии Романовых уверены в подлинности Останков и прибыли в Петербург на похороны. Летом 1998 года многие из них побывали

в бывшей резиденции Царской Семьи в Александровском дворце. По словам экскурсовода Розы Федоровны, дамы из Дома Романовых плакали, опускались на колени при виде подлинных вещей, принадлежавших Царственным Мученикам, их портретов, написанных маслом. Молились.

Один высокий господин средних лет, похожий и на Николая II и на Александра III, долго ходил по залам, разглядывал предметы интерьера, выходил на балкон, с которого отправились в заточение члены Царской Семьи 31 июля 1917 года. Долго сидел на ступенях и не скрывал слез. Это был герцог Майкл Кентский, потомок внучки Александра II, Великой Княжны Елены Владимировны — единственной дочери Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны—старшей.

"Смена". 1994, 8 сентября. "Час Пик". 1994, № 19.
Й.Воррес. Цитир. пр. С. 378-379.

Глава тридцатая **ЧУДЕСА ЦАРСТВЕННЫХ МУЧЕНИКОВ**

Несмотря на десятилетия советской пропаганды с целью стереть память об Императоре и его Семье, оказалось, что память эта жива. Началось паломничество к дому Ипатьева. Каждый год в ночь с 16 на 17 июля на замурованном окне дома появлялись цветы. Кремлевские власти решили уничтожить объект паломничества и наводнить книжный рынок — как зарубежный, так и отечественный — клеветническими книгами, как отмечал профессор Пагануцци, «написанными на скорую руку разными партийными прихвостнями. Среди авторов подобной литературы невероятным рвением отличаются И. Василевский, Валентин Пиккуль и особенно Марк Касвинов». Немало вреда принесли эти опусы, однако вера в то, что Царь и Его Семья — святые мученики, возникла задолго до их прославления. Эта вера живет и крепнет. На просьбу протоиерея Александра Шаргунова сообщать о чудесах Николая II откликнулись многие, в том числе Михеева М. В. из Сумской области. «Сообщаю о действенной явленной помощи Николая II длительно болевшему мальчику подростку, — пишет она. — Я, его мать, всегда поминаю о упокоении Царя Николая и в церкви, и дома. О нем мне рассказывала мать, сейчас старушка, она еще жива и повелела всегда поминать Царя. Мой отец был солдатом на войне 1914 года и видел Царя, а отец матери, простой деревенский человек, когда услышал, что расстреляли Царя, то плакал, говоря: «Нет теперь у нас отца». Вышел уже не один выпуск книги «Чудеса Царственных Мучеников», в коих множество примеров заступничества и помощи Царственных Мучеников.

Несколько десятилетий назад архимандрит Константин Зайцев писал: «Сейчас, может быть, наиболее явные признаки расщепления русского общества на два духовно разно окрашенных лагеря — при всех их в иных

отношениях возможностях сближения — это как они относятся к Царской Семье». Мысль эта сейчас ярко подтверждается примерами противостояния как среди священства, так и среди мирян.

Вот почему такое значение имеют свидетельства помощи Царственных Мучеников в ответ на молитвенное к ним обращение. Разве не чудо то, что поднят из руин Феодоровский Государев собор в Царском Селе — любимый храм Царской Семьи. В течение многих десятилетий он представлял собой груды развалин. Рядом с ним ныне возвышается бюст-памятник Императору Николаю II. В памятные дни Царской Семьи здесь служат молебны. Происходят службы и в храме — как нижнем, пещерном, во имя преп. Серафима Саровского, так и в верхнем — во имя Феодоровской Божией Матери.

* * *

Существование православной России и фундамента, на которой она зиждилась, веками было бельмом на глазу у либерального Запада. Фундаментом этим была самодержавная монархия. *За тридцать лет* до цареубийства К. Н. Леонтьев предсказывал: «...республиканская все-Европа придет в Петербург ли, в Киев ли, в Царьград ли и скажет: «Откажитесь от вашей династии или не оставим камня на камне и опустошим всю страну». И тогда наши Романовы, при своей исторической гуманности и честности,— откажутся сами, быть может, от власти, чтобы спасти народ и страну от крови и опустошения».

Вспомним, что сказано это было еще во время царствования Императора Александра III. То, что произошло с Императором Николаем II, могло бы произойти и с его родителем. «Вина» Николая II заключалась в том, что именно при нем Россия достигла непревзойденного в последующие десятилетия ее истории уровня развития. Стерпеть это «все-Европа», разумеется, не могла.

«Когда пробил роковой для России час, — писал владыка Анастасий (Грибановский), — и революционная буря подняла на гребень волны новых, непризванных народных вождей, они приступили к нему <Николаю II> с требованием отречения от прародительского Престола во имя блага Родины. Царь не захотел бороться за власть, которая никогда не ослепляла и не привязывала его к себе и на которую он смотрел, как на тяжелое послушание, возложенное на него свыше для служения родному народу в самую судьбоносную эпоху его многострадальной истории. Он не захотел сделаться причиной нового кровопролития на Русской земле, и без того истерзанной войной и междоусобицей. С истинным христианским самоотречением он, подобно пророку Ионе, решил принести себя в жертву для успокоения поднявшейся бури, которая могла опрокинуть и разбить наш государственный корабль, и, если великое крушение все же свершилось, Государь оказался неповинным в нем. Пожертвовав собою, он не

предотвратил этого великого исторического народного бедствия, но зато спас и сохранил незапятнанной для последующих времен высокую идею Православного Царя, Помазанника Божия, для которого власть есть бескорыстное подвижническое служение Богу и людям для утверждения добра, правды и мира на земле».

Если бы Государь был уверен, что масса народа и армии за него, то не поддался бы нажиму со стороны генерал-адъютантов и, главным образом, В. К. Николая Николаевича, которые требовали от него, «ради удержания армии на фронте и блага Отечества», отречься от Престола.

Увы, оказалось, что с уходом Государя началась агония России. Но как в месяцы заточения, так и после гибели вместе со своей семьей, Царь Мученик помнит о русском народе, несмотря на его отступничество.

11 августа 1927 года сербские газеты сообщили: «Русский художник и академик живописи Колесников был приглашен для росписи нового храма. Четырнадцать ликов [святых] были написаны сразу же, а место пятнадцатого долго оставалось пустым... Однажды в сумерках Колесников вошел в храм... Художник увидел, что оставленный им овал ожил, и из него, как из ризы, глядел скорбный лик Императора Николая II. Пораженный чудесным явлением мученически убиенного русского Государя, художник некоторое время стоял, как вкопанный... Далее... под влиянием молитвенного порыва он приставил к овалу лестницу и, не нанося углем контуры чудного лика, одними кистями начал прокладку... Вскоре в монастырь приехал командующий... округа генерал Ристич... Он долго смотрел на лик покойного Государя, и по щекам его текли слезы. Затем... он тихо промолвил: «Для нас, сербов, это есть и будет самый великий, самый почитаемый из всех святых».

Протоиерей Александр Шаргунов, автор сборников «Чудеса Царственных Мучеников», приводит письмо жительницы Челябинска, слушавшей выступление духовного писателя по радио. В письме много мыслей, созвучных нам: «...Мы рассеяны среди безбожников, мы в рассеянии, как ветхий Израиль, за грехи отцов и наши грехи, но нам даже хуже, чем древним евреям, ибо мы — одиночки. Я не верю в возрождение России. Русский народ исчезает, как исчезли когда-то православные ромеи, Россия умерла, как некогда умерла Византия. Этому моему настроению способствовал также странный, загадочный сон, который я увидела вскоре после страшной октябрьской бойни <1993 г.>... Я мучилась и скорбела в те дни, мне было страшно и стыдно. В воскресенье 10 октября днем я прилегла дома отдохнуть и незаметно уснула. Я увидела во сне наш Свято-Троицкий храм. Как всегда в нем было много людей, но на этот раз народ был все какой-то нецерковный, таких во множестве встречаешь на улицах... Я зашла в храм, ... но странное я услышала пение <хора>... «Ныне упокой, Христе Боже, нас»... И вдруг я вижу образ Царя высоко-высоко над иконостасом... Он смотрит на народ с любовью, лицо его спокойно и излучает мир... Он благословляет народ обеими руками... Это архиерейское благословение. Царь благословил отпевающий себя народ советский, который мы еще по привычке называем

русским...»

Слова читательницы свидетельствуют о том, что она охвачена отчаянием, а отчаяние — тяжкий грех. И на письмо протоиерей отвечает: «...Неужели всему конец? Нет, не должно быть отчаяния. Духовное Царское благословение святого Царя-мученика — на русском народе. Я думаю, что это благословение Божие дается ради новых испытаний, на страдания, на терпение... Страшнее всего..., что не видно в народе покаяния после всего пережитого...»

Обращаясь к протоиерею Александру Шаргунову, одна из его читательниц свидетельствовала: «...Через некоторое время я попала в чудовищную историю — осталась с пятью детьми без крыши над головой. В это время я особенно много молилась св. Царственным Мученикам. И совершенно случайно на меня вышел Зураб Чавчавадзе — потомок князей Чавчавадзе, имеющих родственные связи с Царской Семейей. Он попытался помочь мне в высших судебных инстанциях. В этом я тоже вижу реальную помощь Николая II мне, многогрешной. Все разрешилось наилучшим образом, и я опять оказалась с детьми в своей квартире после двухлетних невероятных мучений».

О помощи Святых Царственных Мучеников в ответ на молитвенное к ним призывание свидетельствуют и иностранные православные. Свидетельства их приводил издающийся на английском языке журнал «Православная жизнь».

В 1971 г. некоему Базилю, духовному сыну блаженной памяти архиепископа Чилийского Леонтия, почившего в Бозе в том же году, в период, когда Церковь обсуждала вопрос о прославлении Новомучеников Российских, привиделся следующий сон:

«В начале этого видения я оказался в огромном нерукотворном храме. На правом клиросе на довольно большом расстоянии стояло множество людей, одетых в белое; лиц их я не мог различить. Кругом себя я слышал тихое, хватающее за душу пение, хотя никого не видел. Затем обе двери алтаря распахнулись, и оттуда стали выходить святые иерархи и монахи в голубых одеждах: среди них я смог различить лишь св. Николая Мир Ликийских Чудотворца. Из двери рядом со мной, откуда выходили епископы, вышел владыка Леонтий и остановился около меня со словами: «Ты, брат Базиль, был зван, и ты пришел. Ты знаешь, у нас здесь большой праздник!» «Какой праздник, владыка?» — спросил я. И он ответил: «Святое прославление Царя-Мученика!» И, слегка поклонившись мне, он направился к кафедре (в центре храма).

Наконец, царские врата алтаря открылись, и оттуда вышел Царь-Мученик — такой, каким его изображали на официальных портретах в первые годы его царствования — то есть, очень молодой. На нем была царская порфира, на голове — царский венец, как во время коронации. В руках он держал большой крест и на бледном лице его я увидел небольшую рану — не то след пули, не то удара. Он прошел мимо меня ровным шагом, спустился вниз

и прошел в центральную часть храма. По мере его приближения к аналою пение усилилось, и когда нога его коснулась ступени аналоя, оно стало таким громким, что, казалось, весь мир людской собрался здесь и пел на одном дыхании».

В 1988 г. произошло еще одно событие, свидетельствующее о святости Царя-Мученика. В Швейцарии православный верующий по имени Клод Лопес писал о памятной медали с изображением Царя. Всей душой почитая Новомучеников, в особенности Царя-Мученика, он положил медаль в угол, где находились иконы, вместе с иконой Царственного Мученика с сиянием вокруг его головы. Однажды он заметил влагу на медали и обнаружил, что она источает благовонное миро, стекающее в футляр, в котором она хранилась. Это чудесное явление продолжалось до октября 1988 г. и возобновилось на краткий промежуток времени осенью 1989 г.

Наконец, мы располагаем следующим свидетельством жителя Испании:

«Мне 48 лет. Я испанец родом из Барселоны. Зовут меня Матео Гратакос Вендрелл. Когда произошли события, о которых я намерен рассказать, я приобщился к православию (август 1989 г.) Четыре года я испытывал боли в паху и в правой части живота. Я обращался к различным докторам и подвергался всевозможным процедурам (рентгенографии, эхографии и т. д., а также прошел анализы.

Все результаты были отрицательными. Был сделан вывод: боли мои психосоматического (психологического) свойства. Пытаясь облегчить свои страдания, я подвергался акупунктуре, лазерной терапии, но тщетно. Боли не проходили. Я был в отчаянии.

Однажды ночью, снова испытывая острую боль, я принялся за чтение. В качестве закладки я использовал портрет Царя Николая II (в сущности, его икону). Я посмотрел на икону, и он (Царь) посмотрел на меня. Я стал просить его помолиться за меня Иисусу Христу, Господу нашему, ибо, страдая последние дни Своей жизни, Он должен был иметь сочувствие ко мне. Я смирился с болью, которую испытывал, но не мог смириться с тем, что я «безумен», поскольку боль была реальной.

На следующий день после той самой ночи, идя на службу, я встретил друга. Тот спросил меня о самочувствии. Узнав, что я по-прежнему страдаю, он стал выяснять, обращался ли я за помощью к доктору П. Я ответил отрицательно. Он посоветовал мне сделать это и сослаться на него. На следующий день я пошел к доктору.

Осмотрев меня, врач сказал, что ничего психосоматического в моих болях нет. У меня в почках был камень (невидимый для рентгеновских лучей). Я подвергся «естественному лечению», и месяц спустя камень вышел сам по себе.

Все это время я молился Богу, чтобы Он помянул меня ради моей любви к Царю-Мученику. Я дал обет Царю Николаю, что стану распространять его икону и проповедовать о нем в благодарность за милость, которую он

проявил к бедняку, который страдал четыре года и получил облегчение меньше чем через месяц благодаря его заступничеству. БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ, СВЯТОЙ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ, ПРЕМНОГО ТЕБЕ БЛАГОДАРЕН.

Матео Гратакос Вендрелл
5 сент. 1989 г.
Барселона, Испания».

3 ноября 1982 года в Монреале начала мироточить Иверская икона Божией Матери. Монреальская Иверская икона была написана на Афоне в 1981 году греческим монахом с оригинала иконы Богоматери Вратарницы (первообраза). Икону эту с Афона привез в Монреаль испанец по происхождению Иосиф Муньос Кортес, принявший православие в 14 лет. В ноябре же 1982 года мироточивая икона была доставлена на подворье Русской Православной Церкви. Икона мироточила постоянно, за исключением Страстных недель. Миро истекает главным образом из рук Богоматери и Спасителя, а также от звезды на правом плече Пречистой Девы. Обратная сторона всегда остается сухой. Чудотворный образ уже побывал в православных приходах Америки, Австралии, Новой Зеландии и Западной Европы. Везде эта икона излучает умиротворение и любовь. А также исцеление от недугов.

Произошло это год спустя после канонизации Царской Семьи и всех Новомучеников Российских Зарубежной Русской Православной Церковью. Многие уверены, что следующее чудо также связано с именем Царя-Мученика Николая II.

В 1998 году о нем сообщила православная печать.

В церкви Богоявления на Гутуевском острове в Санкт-Петербурге сама по себе обновилась икона. Икона, эта, выполненная в XIX веке, была пожертвована храму Художественно-промышленным училищем им. Мухиной. Она была темной и нуждалась в реставрации. Средств же на реставрацию у храма не было. А 14 марта 1998 года она неожиданно просветлела. Нимбы над головами и надпись **IC XC** (Иисус Христос) засияли золотом. Появилось даже явственное изображение ослика и свежего, зеленого, словно только что скошенного сена, чего прежде нельзя было разглядеть. На этом чудо не закончилось. После вечерней службы, когда к иконе Рождества Христова приложились все прихожане, псаломщик оставил лампаду зажженной. Утром он решил долить масла, в уверенности, что масло за ночь выгорело. Хотя лампада горела около 12 часов, лампада была полна! Чудо произошло накануне церковного праздника Святителя Григория (Паламы) и Державной иконы Божией Матери, которая отмечается 15 марта (2 марта по старому стилю). В этот день произошло отречение Царя Николая II. Комиссия, назначенная митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским преосвященнейшим Владимиром, подтвердила чудо обновления иконы. «Император [Николай II] являлся больным в состоянии клинической смерти и

психиатрам из института Сербского. Дежурил с Императрицей-медсестрой в концлагерных тифозных и туберкулезных палатах... Уже известны тысячи случаев его явлений. Его имя звучит, как обличающая совесть», — пишет архиепископ Иоанн из Православной Церкви Божией Матери Державной.

Иван Чиркин, командир экипажа ИЛ-76 (на борту его находились Царские останки), который летел из Екатеринбурга в Петербург, рассказывал, что хотя небо было обложено тучами, но перед самолетом открывался, словно по мановению волшебного жезла, коридор ясной погоды. Царской погоды.

П.Пагануцци. Правда об убийстве Царской Семьи. М.: ТРХ. 1993. С. 90.
А.Шаргунов. Чудеса Царственных Мучеников. М.: Новая книга. 1995 и более поздние издания.
В.Кузнецов. "Белоснежная церковь с золотым куполом..." "Бежин луг". 1995. С. 134-141.
Игумен Серафим. Цитир. пр. С. 671-672.
Иверская Монреальская Чудотворная Мироточивая икона Божьей Матери. М.: Блговест. 1998. С.19.
Архиепископ Иоанн. Православие Святого Духа. М.: Новая Святая Русь. 1999. С. 46-47.

Глава тридцать первая **«НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ К ПОМАЗАННЫМ МОИМ»**

Все, кто имел отношение к расстрелу Царской Семьи, понесли кару. Ибо сказано: «Не прикасайтесь к Помазанным Моим» (Пс., 104. 15). Ненадолго пережил свои жертвы парализованный, утративший человеческий образ Ленин. Был убит рабочими депо организатор убийства Царской Семьи Свердлов, ледорубом смертельно ранен Троцкий, укрывшийся в далекой Мексике. Выстрел крестьянского юноши Коверды в Варшаве сразил Пинхуса Войкова. В 1938 году поставлен к стенке председатель Уралоблсовета А. Белобородов. В общей могиле найдут свой конец Шая Голощекин, Дидковский, Сафаров, Берзин. Живое съеден мучительной болезнью Янкель Юровский. Лишь Никулин и Медведев пережили Сталина, который расправился с «ленинской гвардией».

Отошел в небытие советский строй, который создавали «комиссары в пыльных шлемах». Но и при новом строе, очень напоминающем период правления Керенского (много слов и мало дела) наверху оказались те же комиссары или их потомки и единомышленники. Есть, конечно, и достижения, в том числе, «плюрализм мнений».

Казалось бы, справедливость торжествует, возрождается память о Государе и Его Семье. Их даже канонизировали вместе с сонмом Новомучеников

Российских. Архитекторы перестройки постарались развенчать (материальные, а не духовные) достижения и ценности советского периода, которые, несомненно, были. Однако конец советского общества был предопределен. Нельзя строить счастье на слезах и крови. Тем более, крови Царственных Мучеников. Помнится, на памятнике жертвам гражданской войны, стоявшем в Колпине до Великой Отечественной войны, были начертаны слова И. В. Сталина: «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты». Слова эти звучали кощунственно: ведь кровь приносит другую кровь. Хотя «бескровные» революции оказываются не менее опустошительными, чем кровавые.

К концу 1980-х гг. коммунистическая идеология была в достаточной степени скомпрометирована, и перестройщикам понадобились новые ориентиры и новые символы. Однако, поскольку «прорабами перестройки» стали те же коммунисты, надевшие обличье демократов, цели ее оказались губительными для русского народа и других народов бывшего СССР. Хотя именно русские представляли собой главную созидающую силу государства, стали поощряться сепаратистские движения и центробежные тенденции. Результатом такой политики явилось возникновение ряда «независимых государств», сопровождаемое преследованием и выдавливанием русских. Хотя и в советские времена русские оказывались в положении «крайних». Их обвиняли в «великодержавном шовинизме», угнетении коренного населения. Но было ли таковое? Если взять, скажем, «независимую» (независимую) Украину, то ее территория увеличилась за советский период втрое за счет России. Земли от Днепра до Донбасса, от Харькова до Крыма были отобраны у России и подарены Украине. Была ли она действительно угнетаема «москалями»? Отнюдь. Как в Императорской России, так и в Советском Союзе выходцы с Украины занимали высшие государственные должности. Многие министры, сенаторы, военачальники, лидеры КПСС были родом с Украины. Не говоря о нынешних вице-премьерах.

Во времена Советского Союза Украина была богатейшей республикой. Но и тут не обошлось без помощи «москалей». Из каждых полученных ста рублей украинец зарабатывал лишь тридцать семь. Остальные шестьдесят три рубля отбирались у русских рабочих и колхозников. Однако, стоило Украине, как и другим странам «СНГ», обособиться от России, уровень жизни их граждан резко упал. «Новая Украина» из года в год грабит Россию. Одного газа из газопровода, проходящего через ее территорию, с ведома украинского президента, она откачивает на сотни миллионов долларов ежегодно.

Между тем лидеры «национально-освободительных движений» стали приписывать русским все «плоды» собственного бездарного руководства. В «независимых странах» забыли, что большевицкая идеология и власть в первую голову унижали именно русских, преследовали русских, а уж затем принимались за другие народы. Ничего не изменилось и с появлением

«новой России». Не считая безмерно раздувшегося штата чиновников всех уровней и их appetитов и появления, вместо красного флага, Царского трехцветного знамени. (Да и то красное знамя сохранили для армии.) Кстати, в последние годы существования советской власти «демократы» поднимали триколор на демонстрациях рядом с американским звездно-полосатым флагом. Уж не намекали ли они, что отныне Россия станет колонией США. На смену советской идеологии был вызван давно успевший себя скомпрометировать призрак «феврализма». Хотя именно февраль 1917 года был вехой, обозначившей разгром русской государственности.

Нежизненность идей парламентаризма, искусственным путем сменившего Царский строй, подтверждается жизнью «новой России». Многочисленные (числом свыше 200) партии с лидерами, вызывающими лишь усмешку или гримасу презрения, не ведут никуда. Может быть, вместе с Царским знаменем вернулись старые, испытанные лозунги? Ничего подобного. Вместо триады «Вера, Царь, Отечество» появились иные триады, например: «рынок, «сникерс», МВФ».

У нынешней России нет национальной идеи, которая смогла бы сплотить народ. Хотя «новая Россия» именуется Российской Федерацией, значение русских принижено в ней даже законодательно. Согласно Конституции, это *многонациональное* государство. А ведь русские составляют 85 % его населения. Иначе говоря, русские не являются т у л ь н о й н а ц и е й в собственном государстве. В этом факте скрыта большая опасность.

Бесправие русских, начало которому было положено с возникновением богоборческой власти в октябре (продолжении февраля) 1917 года, продолжается. В паспорте теперь даже не указывается их национальность! Увы, в этом подчас повинны сами русские. Если во вновь образовавшихся государствах СНГ население ищет свои исторические корни, то русские, давно превратившиеся в «русскоязычное население», о собственных исторических корнях и исторической роли помнят лишь с потребительской точки зрения, имея в виду дешевизну колбасы и прочих благ советского периода. Такая «идеология» не устраивает многих. Вот почему оказались востребованными подлинные ценности. Такие ценности существовали в Императорской России, многонациональном государстве, объединенном под скипетром самодержавного Государя, все граждане которого были русскими и подданными. Независимо от национальности и вероисповедания. Нам представляется, что именно с целью предложить русскому народу объединяющую идею была выдвинута идея возрождения национального самосознания. Такой народ, вооруженный национальной идеей, не позволил бы, чтобы его изгоняли из областей, где его предки жили веками. А ведь это происходит в «независимых» странах СНГ — таких, как Казахстан, искусственно созданное государство. С земель, где столетиями жили семиреченские казаки, нынешние казахские власти изгоняют жителей русских. Слава Богу, Ставропольский край и Калининградская область готовы принять десятки тысяч работающих и честных казаков.

Русские подвергаются преследованиям даже на собственной земле (ведь Чечня, по словам российского руководства, является частью РФ). Свыше 350 тысяч русских — ученые, врачи, инженеры, преподаватели, рабочие, крестьяне — были вынуждены покинуть Чечню. Те, кто этого не сделали, оказались жертвами головорезов. Был зверски убит атаман Сунженской линии Подколзин, отрублены головы у всех казачьих старшин в станице Червленой, публично растерзан в Урус-Мартане священник о. Анатолий, настоятель Михайло-Архангельской православной церкви. Особенно пострадали от бандитов казаки районов, которые в свое время «щедрый» Никита Хрущев «подарил» Чечне (как и Крым — Украине). Если равнинные чеченцы не забыли, что в 1957 году казаки помогли возвращенным вайнахам обжиться на пустом месте, то абреки, спустившиеся с бесплодных гор на плодородные предтеречные земли, вели себя по-разбойничьи. Все русские общины Наурского, Шелковского, Надтеречного районов были обязаны отдавать бандитам по две коровы. Против тех, кто противился этому беззаконию, бандиты проводили «чистки». После событий 1995—1996 гг. в Чечне была казнена 21 тысяча русских. У русских, ингушей и дагестанцев чеченские бандиты захватили свыше 100 000 квартир. Более 50 тысяч человек были обращены в рабов.

Ходят упорные слухи, что подпитка этих бандитов и их военных образований, помимо прочего, идет и из России, от криминальных и экономических (что зачастую одно и то же) структур, которым нужны такие «кадры».

Россия переживает небывалый по разрушительной силе и последствиям **демографический кризис**. Смертность населения превысила рождаемость в 1999 году в 1,8 раза. На 40 % чаще стала умирать молодежь 15-19 лет. Население России может сократиться до 100 млн. к 2020 году, а к 2075 году — до 50-55 млн. Причем, вымирает *русское* население.

Готовясь к канонизации Новомучеников и Исповедников Российских, церковные иерархи заявили, что Государь и Царская Семья будут прославлены в лике страстотерпцев, т.е. за мученическую кончину, поскольку жизнь и деятельность Николая II не была, дескать, выдающейся. Насколько несправедлив такой вывод, видно из одного хотя бы факта: за время царствования Николая II население России увеличилось на 40 млн. человек, а не сокращалось почти по миллиону в год, как теперь, в связи с экономической и психической деградацией нации.

* * *

Возникает мысль, что эпопея с Царскими останками возникла не сама по себе, что начало ей положили какие-то высокопоставленные лица. Напомним некоторые вехи этой эпопеи, продолжавшейся свыше двух последних десятилетий.

7 февраля 1919 года Н. А. Соколов, судебный следователь по особо важным делам Омского Окружного суда получил предписание министра юстиции

правительства адмирала Колчака о производстве предварительного следствия по делу об убийстве Царской Семьи. Расследование это, в силу ряда обстоятельств, было предпринято им после неудачных попыток следователей Наметкина и Сергеева через несколько месяцев после екатеринбургского злодеяния.

На основании показаний участников и свидетелей преступления Соколов пришел к выводу, что тела убиенных членов Царской Семьи и Их верных слуг были расчленены и уничтожены огнем и серной кислотой.

Выводы следователя оспаривают известный писатель и тележурналист Г. Рябов, создатель сериала «Рожденная революцией» и других работ, а также А. Авдонин, екатеринбургский ученый геофизик. Им удалось вырваться из «магического треугольника», начерченного Н. А. Соколовым, в пределах которого он искал трупы жертв преступления. Опираясь на воспоминания и письменные свидетельства участников преступления, они пришли к выводу, что трупы захоронены прямо на дороге, где застрял грузовик, везший их вглубь леса, в сторону шахт. Сверху трупы были засыпаны землей и на нее положены шпалы. После того, как в Свердловске (ныне вновь Екатеринбург) был снесен дом инженера Ипатьева, в подвале которого были убиты члены Царской Семьи и Их слуги, Гелий Рябов решил спасти останки, если их удастся найти.

В 1978 году исследователи заметили в районе Поросенкова лога в окрестностях Свердловска странное понижение почвы. С помощью самодельных буров на незначительной глубине они обнаружили деревянный настил. Год спустя они его вскрыли и нашли под ним человеческие останки. Под предлогом изучения истории советской милиции Г. Рябов получил доступ ко всем хранилищам и документам. В этом ему помог бывший министр МВД СССР Н. Щелоков. Эпопея — поиски Царских останков — продолжалась в последующие годы. За это время удалось найти 9 скелетов, по мнению ученых, принадлежащих Царской Семье и Ее слугам. Два скелета не были обнаружены. Ученые пришли к выводу, что отсутствуют скелеты Цесаревича и одной из Великих княжен — Марии или Анастасии. Когда в 1976 году Гелий Рябов был в Екатеринбурге (тогда он еще не вернул себе подлинное имя и назывался Свердловском), он пришел в дом инженера Ипатьева, походил по саду. Ему явственно представилось, как Они здесь гуляют, разговаривают. Тогда-то у кинодраматурга и появилось стремление разыскать место захоронения останков.

По словам Гелия Рябова, убеждение, что он должен написать, какая судьба постигла узников «мертвого дома», сложилось у него после посещения Ипатьевского дома за год до того, как в 1977 году тот был снесен. Уже тогда дом был закрыт для посетителей, и лишь благодаря своей известности кинодраматург смог проникнуть туда. После ознакомления с книгой Соколова, которая в ту пору хранилась лишь в спецхранах, Рябов и Авдонин — местный краевед — осмотрели урочище Четыре Брата.

Затем, изучив фотографии, помещенные в книге Соколова, нашли старую дорогу. Мост давно врос в землю, был покрыт травой, но, приспособив обрезки труб, исследователи — Качуров и Авдонин — обнаружили место захоронения. В это время, по совету знакомого Авдонина, Гелий Рябов съездил в Ленинград, где жил старший сын Якова Юровского. Квартира, в которой жил отставной вице-адмирал, была бедной. Книжные полки — из грубых, необструганных досок, продавленный диван. Отставной моряк проникся доверием к Гелию Рябову и передал ему составленный отцом, Я. Юровским, отчет о расстреле Семьи Романовых и уничтожении их тел. Документ этот восполнил пробелы и исправил неточности в книгах Соколова и Быкова, по существу, совершившего плагиат у Соколова.

«Примерно в половине пятого утра, 19 июля (1918 года), — писал Я. Юровский, — машина (на которой везли трупы к глубоким шахтам) застряла намертво». Палачи решили сжечь трупы Цесаревича и Александры Федоровны, Императрицы, но по ошибке вместо нее сожгли труп комнатной девушки Анны Демидовой. Останки сожгли здесь же, на костре, сверху их завалили глиной. Для остальных вырыли большую могилу два метра в глубину и три в ширину. Трупы свалили в яму, лица и тела облили серной кислотой. Поверх веток набросали извести, на них — доски и несколько раз проехали по ним. Секрет так и не был раскрыт, заключил Я. Юровский, поскольку белые, с их приходом, не обнаружили места захоронения. Два черепа Г. Рябов самочинно увез с собой в Москву, надеясь произвести неофициальную судебно-медицинскую экспертизу силами специалистов Минздрава. Но ничего не смог добиться. Два черепа он привез назад, в Свердловск, и летом 1980 года Рябов и Авдонин, у которого оставался третий череп, по его мнению — Императора, — положили их в деревянный ящик, поместив туда медную икону, и отвезли в лес, откуда их выкопали. На обратной стороне иконы Рябов нацарапал: «Претерпевший до конца спасется». Авдонин и Рябов поклялись, что не обмолвятся о находке, пока в стране не произойдут перемены. Если же этого не произойдет, то передадут информацию детям Авдонина (у Рябова детей не было).

В 1989 году Гелий Рябов обратился к президенту СССР М. С. Горбачеву с просьбой о помощи в его работе, но ответа не получил. Зато еженедельник «Московские новости» заинтересовался историей, и 12 апреля 1989 года опубликовал интервью с Г. Рябовым.

Кинодраматург выступил по телевидению. По словам Г. Рябова, ему хотелось искупить вину отца. Тот был комиссаром Красной Армии и поэтому запятнан кровью русских людей. Мать же — простая крестьянка. Сам Гелий Рябов верующий и монархист. В статье, опубликованной в журнале «Родина», он указал место захоронения, но, по совету Авдонина, как находившееся метрах в восьмистах от действительного. Вскоре в лес прибыла целая группа грузовых машин. Солдаты стали снимать землю вокруг указанного места, после чего землю увезли. Авдонин решил, что это дело рук КГБ — преемника Чека, сотрудники которой и расстреляли Царскую

Семью.

Рябов обратился к английской королеве Елизавете II с просьбой посодействовать, как родственнице Романовых, перезахоронению останков Царской Семьи. Но та не откликнулась на просьбу. Б. Н. Ельцин, сменивший М. С. Горбачева на посту руководителя государства, распорядился произвести необходимые работы и исследования. Президиум Свердловского городского Совета народных депутатов в октябре 1990 года «принял решение передать территорию, где стоял дом Ипатьева, в подвале которого была расстреляна семья последнего русского царя, а также четверо их приближенных и слуг, в бессрочное пользование Свердловскому епархиальному управлению Русской православной церкви. Пока на месте расстрела стоит лишь простой деревянный крест, у подножия которого лежат траурные венки. В ближайшем будущем здесь предполагается воздвигнуть памятную часовню».

Вскоре Свердловску было возвращено его исконное название — Екатеринбург, но название области сохранилось — Свердловская — в память об одном из палачей Царской Семьи. Памятник Свердлову до сих пор возвышается у одного из главных перекрестков города.

После вступления в должность Б. Н. Ельцина из Екатеринбурга в лес направился конвой военных грузовиков. Через полчаса машины добрались до старой Коптяковской дороги. Место работ было обнесено забором, натянута брезент, включены видеокамеры. Вскоре был обнаружен ящик с черепами. Копнули глубже и нашли еще несколько черепов, ребер, костей. Скелеты были навалены вперемешку. Из могилы были извлечены 14 пуль. Некоторые из них застряли в костях. Судя по виду скелетов, как свидетельствовала профессор археологии Уральского Государственного университета Людмила Корякова, было видно, что людей застрелили, когда они находились на полу, их кололи штыками, лица разбивали прикладами. Но и с останками обращались по-варварски. Гидромониторами разрушали остатки тканей, что недопустимо при раскопках.

В Екатеринбург был откомандирован Сергей Абрамов, ведущий специалист Минздрава. В течение 3 месяцев он идентифицировал и составил 700 костей и фрагментов. Многих костей не хватало, и к могиле была направлена группа поисковиков, нашедших еще 250 костей и фрагментов. С помощью математических методов, компьютерной техники и других способов стало ясно, как сказал Абрамов, что перед учеными — «останки Романовых».

Летом 1992 года барон Эдуард фон Фальц-Фейн, внук генерала Н. А. Епанчина, героя боев в Восточной Пруссии, узнав, что Абрамов и его помощники бедствуют, поддержал их личными средствами. К лету 1995 года Сергей Абрамов и его коллеги окончательно убедились, что обнаружены останки Императора, Императрицы, Великих княжен Ольги, Татьяны, Анастасии, доктора Е. С. Боткина, комнатной девушки А. Демидовой, повара Харитоновна и лакея Труппа.

В 1992 году госсекретарь США Дж.А.Бейкер совершил поездку по странам

бывшего Советского Союза и побывал в Екатеринбурге. Его сопровождала пресс-секретарь Маргарет Татуайлер, которая, по ее признанию, с давних пор проявляла интерес к судьбе Царской Семьи. Побывав на том месте, где некогда стоял печально знаменитый «дом особого назначения», г-н Бейкер и его пресс-секретарь побывали в городском морге, где хранились останки семьи Романовых и их слуг. Екатеринбургские ученые были уверены, что останки принадлежат именно Романовым и их домочадцам, но необходимо было получить заключение западных судмедэкспертов, чтобы подтвердить это открытие.

Госсекретарь США обещал помочь. Его помощники связались с двумя ведущими патологоанатомическими лабораториями США. Институт Вооруженных Сил США имеет богатый опыт опознания лиц по костям, пролежавшим в земле много лет. Лаборатория криминалистики ФБР — опознания личности преступников и их жертв, а также пропавших без вести. Команду ученых, к услугам которых обратились екатеринбуржцы, возглавлял доктор Уильям Мейплс, специалист по судебной антропологии из университета штата Флорида. Он руководил лабораторией по идентификации человеческих останков. Доктор Мейплс по костям человеческого скелета может определить пол, рост и вес того или иного лица. Он ведущий специалист, к которому обращаются как федеральные, так и власти штата в случае необходимости опознать жертву какого-то преступления. На его счету ряд важных расследований. Так, в 1991 году ученый доказал, что бывший президент США Захария Тейлор не был отравлен, как полагали прежде, а умер из-за несварения желудка. Для этого ему понадобилось эксгумировать останки экс-президента.

Доктор Мейплс еще в детстве заинтересовался судьбой Царской Семьи. Собрав команду единомышленников, он написал А. Авдонино, что они готовы на собственные средства прибыть в Екатеринбург для работы. Чтобы представить себе уровень и потенциал ученых, нужно отметить, что один из них участвовал в расследовании убийств президента США Джона Кеннеди и негритянского лидера Мартина Лютера Кинга, а также ряде других важных дел.

В июле 1992 года доктор Мейплс и руководимая им группа ученых прибыла в Екатеринбург. В морге этого города они увидели ничем не прикрытые и подвергающиеся воздействию окружающей температуры черепа и кости. В течение 3 часов доктор и его коллеги исследовали костные останки и без труда определили личность каждой из жертв Екатеринбургского злодеяния. Мейплс определил, что пять скелетов были женскими, четыре — принадлежали мужчинам. По зубам, коронкам и пломбам без труда были опознаны останки Императрицы и Императора. Скелет № 1 принадлежал Анне Демидовой, комнатной девушке Императрицы, № 2 — доктору Боткину. В левой части лба виднелось пулевое отверстие. На нижней челюсти сохранилось несколько зубов, на верхней — ни одного. Зная, что Соколов обнаружил вставную челюсть доктора Боткина близ урочища Четырех

Братьев, американский специалист сразу же опознал останки лейб-медика. Скелеты № 8 и № 9 представляли собой останки повара Харитоновна и лакея Труппа. Кости лакея и Императора, лежавших в непосредственной близости, перемешались.

Скелеты № 3, № 5 и № 6 принадлежали Великим княжнам, соответственно, Ольге, Марии и Татьяне. Останков же младшей дочери Царя, Анастасии, доктор не обнаружил. В этом его выводы отличаются от выводов Абрамова, который полагает, что отсутствуют останки Великой княжны Марии Николаевны.

Работа состояла из двух этапов: 1) установление генетического пола; 2) поиск родственных групп. На первом этапе было установлено наличие 5 женских и 4 мужских скелетов. На втором этапе была идентифицирована семейная группа: мать, отец, три дочери.

В начале июля 1992 года было подписано соглашение между Минздравом России и английским МВД. Цель соглашения — производство совместных исследований. Все расходы, кроме оплаты транспортных расходов русской стороны, брали на себя англичане. Для анализа ДНК необходимо было извлечь из останков неповрежденную ДНК и сравнить с материалом ныне здравствующих родственников Царской Семьи. В таком случае можно было бы однозначно определить, принадлежат ли Екатеринбургские останки семье Романовых.

Без использования компьютерных средств анализ был бы неполон. Сергей Абрамов применил метод компьютерного фотосовмещения лица с черепом. Так было установлено, что череп Великой княжны Марии Николаевны отсутствует. Пришлось прибегнуть к способу антропологической реконструкции, поскольку части черепа были утрачены: черепа носили следы ударов и повреждений.

Доктор Павел Иванов в сентябре 1994 года доставил в Англию образцы бедренных костей каждого из девяти скелетов, хранившихся в екатеринбургском морге. Компания «Аплайз Биосистемс», производящая оборудование для анализов ДНК, финансировала работы. В продолжение 10 месяцев П. Иванов вместе с доктором Питером Гиллом, директором Центра молекулярных исследований службы судебно-медицинской экспертизы МВД Великобритании, изобретателем метода «отпечатка ДНК» и целой группой помощников в течение десяти месяцев работали над тем, чтобы сравнить ДНК Екатеринбургских останков с ДНК, взятыми у родственников Царской Семьи. В качестве объектов сравнения использовалась кровь принца Филиппа, герцога Эдинбургского — внучатого племянника Императрицы Александры Феодоровны. Некоторые специалисты обратились к Тихону Николаевичу Куликовскому-Романову, сыну Великой Княгини Ольги Александровны и полковника Куликовского, с просьбой предоставить им образцы его крови и волос для ДНК анализа. Но сделано это было в столь неуважительной форме, что Т. Н. Куликовский-Романов, приходившийся

родным племянником Николаю II, ответил отказом. Правда, ученый-генетик Е. И. Рогаев провел в канадской лаборатории анализ крови Тихона Николаевича и заявил, что готов провести независимое сравнительное исследование останков из Екатеринбурга с останками Великого Князя Георгия Александровича. Но против вскрытия могилы Великого Князя активно выступала супруга, а затем вдова Тихона Николаевича Ольга Николаевна Куликовская-Романова, которая, к тому же, обвиняет официальную экспертизу в «вопиющей безотчетности» и подозревает ее в «злонамеренном подлоге».

По ее мнению, «решение вопросов

- об окончательном признании подлинности Екатеринбургских останков;
- о месте, где будут почивать святые мощи;
- о времени перенесения мощей;

находится в компетенции Церкви и только Церкви».

Не следует думать, что проблема останков заботила лишь зарубежных ученых. С целью выяснения личности погибших, времени и причин их смерти в августе 1993 года Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело. Расследование поручили старшему прокурору-криминалисту В. Н. Соловьеву. В том же году, 23 октября, согласно распоряжению председателя правительства РФ, была создана Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его Семьи. За неполные пять лет состоялось восемь заседаний Комиссии. Не только американскими и английскими учеными, но и их русскими коллегами — по поручению Комиссии — были проведены всесторонние исследования, касающиеся всех вопросов, связанных с идентификацией обнаруженных останков, которые левая и клерикальная пресса называет «Екатеринбургскими останками», а то и «лжемощами». Тем самым перечеркивается огромный труд — труд бескорыстных энтузиастов, начиная с Г. Рябова и А. Авдонина и кончая докторами Мейплсом (США) и Питером Гиллом (Англия) с их единомышленниками и помощниками. Комиссия работала, основываясь на исторических материалах, связанных с обстоятельствами гибели Государя Императора и Его Семьи. Группа специалистов, возглавляемых академиком И. Ковальченко, вела поиск в государственных и ведомственных архивах России, США, Великобритании, ФРГ и Дании. Документы и литературные источники включают: официальные документы, сообщающие об обстоятельствах расстрела Императора Николая II и Его Семьи; дипломатические документы; материалы расследования, проводившегося следственными органами, созданными по указанию Верховного правителя адмирала Колчака, а также воспоминания лиц, участвовавших в расследовании, или участников событий; воспоминания участников

расстрела и захоронения и близких им людей; публикации лиц, непосредственно не принимавших участия в событиях, но передающих их из анонимных источников разной степени достоверности. До 1992 года большая часть этих документов находилась на секретном хранении (в так называемых «спецхранах») и была известна крайне ограниченному кругу лиц. Причем архивные собрания не были связаны между собой, а содержащаяся в них информация не была соотнесена воедино.

Генеральная прокуратура Российской Федерации, Российский центр хранения документации новой и новейшей истории, Государственный архив РФ и Центр документации общественных организаций Свердловской области имеют в своем распоряжении восемь томов «соколовского дела».

Это что касается документальной стороны дела. После этого были предприняты (вернее — продолжены) работы археологов и судмедэкспертов. Еще 29 сентября 1993 года «Медицинская газета» сообщила, что на основании работы российских и британских ученых, в течение года изучавших фрагменты костных останков, установлено, что они принадлежат семье Императора Николая II, ему самому и его слугам.

Место захоронения было определено президентом РФ Б. Н. Ельциным, который затем отказался от первоначального намерения участвовать в церемонии захоронения. Очевидно, под влиянием тех самых кругов, о которых шла речь, воздействовавших на патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Представляется, что определенную роль в создании отрицательного отношения к идентификации «Екатеринбургских останков» сыграло мнение митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского (ныне покойного) Иоанна. 28 мая 1993 года он писал прокурору Санкт-Петербурга В. И. Еременко: «Мы с большим вниманием следим за ходом экспертизы останков из Екатеринбургского могильника. Не скрою, что ее результаты представляются нам весьма противоречивыми... Прошу Вас по возможности не спешить с эксгумацией <останков Великого князя Георгия Александровича>». Однако вопреки протесту Владыки Иоанна, эксгумация была проведена. Против захоронения выступила и Ольга Николаевна Куликовская-Романова: «Не хотелось бы, чтобы были какие-то лжезахоронения, и чтобы выдавали посторонние кости за мощи Святых Царственных Мучеников».

Между тем доктор Иванов и доктор Питер Гилл, благодаря субсидии Службы судмедэкспертизы МВД Великобритании, осуществили анализ и сопоставление костных фрагментов девяти человек, а также анализировали кровь по меньшей мере трех ныне здравствующих родственников Царской Семьи. Расходы, которые составили свыше 100 тысяч долларов, приняло на себя МВД Великобритании. Очевидно, ему были даны такие указания сверху, чтобы в какой-то мере загладить вину английской королевской семьи перед Царской Семьей. Ведь Георг V после февраля 1917 года отказался предоставить убежище своему кузену — Николаю II и Его Семье и оказался повинен в ее гибели. Донорами образцов крови для анализа были правнучка

Великой Княгини Ксении Александровны, сестры Николая II — госпожа Сфирис; предоставил свою кровь для анализа и принц Эндрю, второй сын английской королевы, одоббивший намерение русских властей захоронить прах Царской Семьи в Екатерининском приделе Петропавловского собора. Как и герцог Джеймс. Герцог происходит от общей с Императором Николаем II родственницы, немецкой принцессы, вышедшей замуж за короля Дании Христиана IX, отца будущей императрицы Марии Федоровны, матери Императора. Питер Гилл, работавший вместе с Павлом Ивановым, заявил, что исследованные им кости принадлежат Романовым. Доктор Мейплс, о котором мы уже упоминали, провел исследование останков независимо от англичан и Иванова.

Более того, с разрешения екатеринбуржцев, он извлек зубы (по зубу из каждого черепа, кроме черепов Боткина и Харитонов) и увез их на анализ в США. Между тем доктору Иванову, чтобы отвезти образцы костей в Англию, приходилось получать официальное разрешение от Генерального прокурора России.

С тех пор, как О. Н. Куликовская-Романова заявила, что необходимо независимое исследование останков ученым-генетком Рогаевым, прошло 5 лет. За это время доктор Рогаев успел провести такой анализ, который подтвердил анализ, выполненный доктором Ивановым и его английским коллегой Питером Гиллсом. Казалось бы, следует поставить точку и сказать: «Екатеринбургские останки — это останки Царя, Его Семьи и слуг». Но тут вмешалась Православная Церковь. В ее печатных органах — таких, как «Русь Православная» (С.-Петербург), «Русь Державная» (Москва) стали появляться статьи, осуждающие заключение ученых о подлинности останков и выступающие против захоронения их. Приводились взаимно исключаящие доказательства усекновения глав членов Царской Семьи, которые были не то сожжены, не то замурованы.

Последнее время Церковь не настаивала на том, что допущены ошибки при идентификации останков. Почему же РПЦ опасалась их захоронения? Потому что она против поклонения «лжемошам» и паломничества к ним? Опасения эти напрасны. По свидетельству писателя Валентина Распутина, подавляющее большинство населения страны утратило нравственность. Вспомним октябрь 1993 года, штурм московского Белого Дома, расстреливаемого из тяжелых танковых орудий. При каждом удачном выстреле толпа зевак издавала радостные возгласы. Народ, равнодушный к гибели своих современников, будет равнодушен как к кончине, так и к памяти Государя и Его Семьи. Вряд ли в этом следует винить народ. Пример подобного отношения подает пресловутая интеллигенция, чьего мнения он обычно придерживается. Архивист Буранов, на мнение которого опирались противники захоронения Царских останков, так охарактеризовал решение красных палачей расправиться с Царской четой, ее Детьми и верными слугами : «[Они] никому не нужны!» Создатели опуса под претенциозным названием «Спасение Цесаревича Алексея» (которого по

счету?) гг. Егоров, Лысенко, Петров идут еще дальше. «Нет трупов — нет и преступления, нет и убийства». Так утверждают апологеты палачей. Равнодушное отношение к жертвам богоборческой власти объясняется воспитанием населения в неправославном, враждебном монархическим воззрениям духе, царящем в стране много десятилетий.

Уже после канонизации Государя и Его Семьи в Москве на это событие так отозвались «образованцы». «Это дело сугубо церковное.... Гибель Царской Семьи — трагедия символическая (?!) — заявил «музейный работник». «Нелепость какая-то, — брякнул «социальный работник». — Вспомните поведение нашего царя-главнокомандующего во время войны. Я не понимаю, как он может быть святым».

Читатель убедился, что Государь привел армию к победе, которую вырвали у него из рук изменники.

Еще дальше пошла в своей критике некая «некрещеная верующая»: «О живых надо больше думать... У людей другие заботы. У нас со двора вторую неделю мусор не вывозят» (!?) Из группы (тенденциозно) подобранных опрошенных лишь одна, причем, *мусульманка* заявила: «Царская Семья стала объектом поклонения. Канонизация — явление закономерное».

Проблема захоронения Царских останков была тесно связана с вопросом канонизации Царской Семьи и верных слуг ее, вместе с ней убиенных. Он решен положительно Зарубежной РПЦ. В самой же России вопрос этот решался с трудом. Противились канонизации и потомки дворянских семей, объединившиеся в организацию с неблагозвучным названием ПСОДОР. Эти потомки берут на себя смелость предлагать, по своему усмотрению, Государя. Хотя клятву на верность Дому Романовых в 1613 году давали *все слои* общества России и выбирали Царем Михаила Феодоровича не только бояре, духовенство, малопоместные дворяне, но и купцы, ремесленники и крестьяне. А между тем почти все русское дворянство в феврале-марте 1917 года оказалось не на высоте положения. Недаром приближенная Императрицы А. А. Вырубова писала, что Государь мог скорее полагаться на прибалтийское дворянство, чем на русское.

Во враждебном к Государю Императору отношении «новые дворяне» нашли союзников в лице ряда иерархов русской Православной церкви.

Как сообщила выходящая в Гатчине газета «Дворянское собрание», в октябре 1995 года «представитель ПСОДОР по связям с Церковью Н. Ю. Селищев встретился с Митрополитом... Иоанном в резиденции Владыки на Березовой аллее. В ходе беседы, продолжавшейся более часа, были затронуты вопросы об охране пустующего Российского Престола, о канонизации убиенного Наследника-Цесаревича Алексея и объявлении его Небесным Покровителем Российской Государственности, о возможности восстановления в России монархического правления и участия в нем дворянства и Церкви».

Речи о канонизации Государя Императора, всей Царской Семьи и убиенных

вместе с ними Царских слуг *не шло*.

Священноначалие Православной Церкви — будь то ЗРПЦ или Московская Патриархия — унаследовало прохладное отношение к Государю Императору от своих предшественников.

Во время русско-японской войны, после рождения Наследника, когда Государь и Государыня были в самом расцвете сил и здоровья, как на верхах государственного управления, так и в печати заговорили о восстановлении патриаршества. Заканчивалась зимняя сессия Святейшего Синода, и синодалы во главе в митрополитом Петербургским Антонием (Вадковским) отправились к Государю, чтобы поставить вопрос о патриаршестве. Но Государь, встретивший депутацию чрезвычайно радушно и ласково, опередил их:

— Мне стало известно, что теперь и между вами в Синоде, и в обществе много толкуют о восстановлении патриаршества в России. Вопрос этот нашел отклик и в моем сердце и крайне заинтересовал и меня... Я пришел к заключению, что время назрело и что для России, переживающей новые смутные дни, патриарх и для Церкви, и для государства необходим.

Затем Государь спросил, имеются ли у иерархов намеченный кандидат на патриарший престол. Синодалы замялись и на вопрос Императора не ответили. Не дождавшись от них ни слова, Государь произнес:

— Как вижу, вы кандидата себе еще не успели наметить... Что, если я сам вам его предложу — что вы на это скажете?

— Кто же он?—спросили князя Церкви.

— Кандидат этот — я, — продолжал Император. — По соглашению с Императрицей я оставляю престол моему сыну и учреждаю при нем регентство из Государыни Императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагая себя вам в патриархи. Угоден ли я вам?..

Синодалы ответили гробовым молчанием.

Князь Н.Д.Жевахов так описывал создавшееся положение:

«Государь духовным оком свои прозревал ту политическую подоплеку, какую скрывала за собою идея восстановления патриаршего чина в России, особенно в предреволюционное время, когда среди ее апологетов были и иерархи, неустойчивые в своих политических убеждениях, и враги Церкви, домогавшиеся разорвать и ту ниточку, на которой в последнее время держались отношения между Церковью и государством...

В предреволюционное время натиск на Царскую Россию вели не только пиджаки и мундиры, но и смиренные рясы, а этим последним Патриарх был нужен лишь для опоры их революционных замыслов и вожделений,» — отмечал товарищ обер-прокурора Святейшего Синода.

Газета "Труд" от 15 октября 1990 г.

О.Н.Куликовская-Романова. Неравный поединок. М.: Родник. 1995. С. 4.
Н.Д.Жевахов. Цитир. пр. Т. 2. С. 278.)

Глава тридцать вторая

НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ К ПОМАЗАННЫМ МОИМ (окончание)

Неудивительно, что Царственные Мученики прославлены РПЗЦ лишь в 1981 году, а в России — в 2000 году, почти двадцать лет спустя.

При захоронении Царственных Останков не было объявлено траура в Санкт-Петербурге. Извиняющимся тоном г-н Яковлев уведомил противников захоронения, что хоронить будут не в соборе, а в Екатерининском приделе. Чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Как тут не вспомнить высказывание экс-мэра Санкт-Петербурга А. Собчака:

«Когда останки были обнаружены, органы КГБ и все «люди прошлого» приложили немало усилий, чтобы избежать захоронения. Они понимали, что сам факт захоронения... обязательно вызовет определенный подъем антибольшевистских, антикоммунистических и даже монархических чувств. А то, что некоторые губернаторы и мэры хотели сделать из могилы аттракцион для привлечения туристов или богомольцев — это постыдно и аморально».

Драматург Э. Радзинский:

«...Выводы правительственной комиссии сделаны не на основании этой <Юровского> записки, а на основании четырех экспертиз. Их вывод: найденные в захоронении кости принадлежат членам императорской фамилии... Решение Священного Синода <о неучастии в похоронах> поразительно. Мы будем хранить некие останки. А весь мир будет знать, что это останки царской семьи. Если похороны пройдут под этим знаком, это будет фарс. Это будет стыдно».

Мы приводим обширные выдержки из документов Комиссии, занимавшейся проблемами идентификации «Екатеринбургских останков». В результате ее работы ни у кого не осталось сомнения в подлинности Царских останков. В том, что погребены в Петропавловском соборе не «лжемощи», а честные останки Царской Семьи и Ее слуг.

Из справки о вопросах, связанных с исследованием гибели семьи бывшего российского императора Николая II и лиц из его окружения:

«Сравнение следственных документов Н. А. Соколова с данными, приведенными участниками расстрела и захоронения и материалов настоящего следствия показывает их непротиворечивость. Документы дополняют друг друга, позволяют детально восстановить картину происшедшего.

В протоколе осмотра места обнаружения останков от 11—13 июля 1991 г. указано, что захоронение обнаружено в 15 км от центра Екатеринбурга на месте старой заброшенной лесной поляны размером 30—40 м и представляло собой яму, закрытую сверху (на расстоянии 30--40 см от

поверхности земли) хворостом, палками и полусгнившими остатками шпал. Участок захоронения имел прямоугольную форму размером 1,6 х 2 м, глубина могилы составляла от 0,8 до 1,22 м. Дно ямы образовано твердыми коренными породами. В могильной яме находились беспорядочно положенные один на другой скелеты людей. Остатки одежды и обуви не обнаружены. Кроме того, там находились фрагменты керамики, 11 пуль и механизм от ручной гранаты, обрывки веревки.

Проведенной судебно-баллистической экспертизой установлено, что пули, найденные в захоронении, выпущены из пистолетов системы маузер (калибр 7,63 мм) и браунинг (калибр 7,65 мм) и револьвера системы наган (калибр 7,62 мм). По экспертному заключению следственного дела Соколова Н. А., в ходе осмотра дома Ипатьева были обнаружены пули, выпущенные из аналогичных систем оружия. Представленные на экспертизу пистолеты системы маузер, кольт и браунинг, принадлежавшие участникам расстрела Ермакову П. З. и Медведеву (Кудрину) М. А., схожи с системами оружия, использованного при расстреле...

В ходе работы Комиссией... поставлен ряд вопросов, по которым исследование было проведено недостаточно полно.

...2. Полное антропологическое исследование костных останков.

Останки всех членов царской семьи были перевезены в Москву, где на базе Республиканского Центра судебно-медицинской экспертизы проведено их полное антропологическое описание по нескольким современным методикам. В ходе исследования удалось определить принадлежность конкретным скелетам большого количества мелких фрагментов костной ткани и отдельных костей. Анализ проведенных измерений позволил подтвердить выводы ранее проведенной идентификации.

3. Снятие расхождения результатов отечественной экспертизы и заключения профессора Мэйплза (американский исследователь.— Ред.) по вопросу идентификации скелета № 6 (Анастасия или Мария).

Выводы профессора Мэйплза отличались от полученных в настоящее время несопадением выводов по скелетам № 5 (у Мэйплза — Великая Княжна Мария Николаевна, в российском заключении — Великая Княжна Татьяна Николаевна) и по скелету № 6 (у Мэйплза — Великая Княжна Татьяна Николаевна, в российском заключении — Великая Княжна Анастасия Николаевна)...

В ходе настоящей экспертизы исследование проведено в гораздо большем объеме, чем это было сделано группой профессора Мэйплза и подтвердило выводы о том, что скелет № 5 принадлежит великой княжне Татьяне Николаевне, а скелет № 6 великой княжне Анастасии Николаевне.

4. Анализ выводов следствия правительства Колчака о полном уничтожении всей царской семьи и сопоставление других результатов следствия 1918—1924 гг. и современного следствия.

Для того, чтобы сравнить доводы, приведенные в следственном деле

Наметкина, Сергеева, Соколова, проведена работа по определению объема следственных документов уголовного дела по факту гибели царской семьи, проведенного в период с 1918 до 1924 гг. Этот вопрос особенно актуален, поскольку появлялись неоднократные публикации о том, что Н. А. Соколов, увлекшись одной версией о гибели всех членов царской семьи, сознательно замалчивал другие, где говорилось о «чудесном спасении» и др. Действительно, Н. А. Соколов в своей книге «Убийство царской семьи» не стал подробно описывать многочисленные версии, поскольку считал их «тупиковыми». Основным документом, по которому определялся и объем и характер документов следственного дела Н. А. Соколова, является три тома «Реестров» входящих, исходящих и иных документов, поступившие в Россию в сентябре 1997 г. из архива великого князя Лихтенштейнского Ханса Адама II. В них подробно описываются все документы уголовного дела. В комплексе документов следователя Соколова, находящемся в России (8 томов уголовного дела, комплекс личных бумаг Н. А. Соколова и другие) имеются основные следственные материалы, связанные с убийством и захоронением царской семьи. Сравнительный анализ основных следственных документов... и документов из российских архивов, связанных с участием в расстреле и захоронении большевиков Урала, показывает, что эти документы не противоречивы, дополняют друг друга. На основе материалов, имевшихся в распоряжении Соколова, используя одни и те же посылки, можно было прийти как к выводам о полном уничтожении трупов, так и о их захоронении (обе эти версии рассматривались Соколовым). Соответствующая справка представлена в Комиссию...

7. Выяснение судьбы останков наследника Алексея Николаевича и его сестры.

Анализ материалов, связанных с захоронением и уничтожением трупов царской семьи (воспоминания Юровского, Сухорукова, Родзинского, Медведева и других) говорит о том, что участниками захоронения ночью и утром 19 июля 1918 г. предпринимались попытки сожжения двух трупов царевича Алексея Николаевича и великой княжны Марии Николаевны. Полное сожжение их трупов маловероятно. Однако места захоронения останков, несмотря на проведенные археологические раскопки, установить не представилось возможным.

8. Заключение о возможностях полного уничтожения двух трупов (количество дров, керосина, кислоты, времени и других условиях). Для выяснения условий сожжения двух трупов с использованием дров, керосина и серной кислоты проводились специальные исследования. Установлено, что при использовании имевшихся в распоряжении Я. М. Юровского керосина (120—180 л), серной кислоты (170 л) за период времени, которым он располагал (несколько часов), невозможно было полностью уничтожить два трупа. Соответствующее заключение имеется.

9. Подтверждение или опровержение ритуального характера убийства. Следствие полностью исключает ритуальный характер убийства..._

На основании полученных в ходе следствия данных Генеральная прокуратура Российской Федерации подтверждает факт принадлежности останков, вскрытых в период с 11 по 13 июля 1991 года в окрестностях г. Екатеринбурга, членам семьи бывшего российского императора Николая II и лицам из их окружения, в числе которых:

*Романов Николай Александрович (император Николай II), 19 мая 1868 г.р.,
Романова Александра Федоровна (императрица Александра Федоровна) 7 июня 1872 г.р.,*

их дети:

*Романова Ольга Николаевна, 16 ноября 1895 г.р.,
Романова Татьяна Николаевна, 11 июня 1897 г.р.,
Романова Анастасия Николаевна, 18 июня 1901 г.р.,*

Кроме того, в захоронении обнаружены останки:

*Боткина Евгения Сергеевича, 27 мая 1865 г.р.,
Демидовой Анны Степановны, 14 января 1878 г.р.,
Труппа Алоизия Егоровича, 8 апреля 1856 г.р.,
Харитонов Иван Михайлович, 30 мая 1870 г.р.*

Останки Романовой Марии Николаевны, 27 июня 1899 г.р. и Романова Алексея Николаевича, 12 августа 1904 г. р., среди исследованных костных объектов отсутствуют. На основании материалов следствия можно сделать вывод о том, что их трупы сожжены в окрестностях Екатеринбурга в период с 17 по 19 июля 1918 года. [В июльском номере за 1998 год журнала «Родина» сообщалось, что в следующем номере будут опубликованы сенсационные материалы об обнаружении останков Марии Николаевны и Цесаревича, однако материалы эти так и не появились на страницах журнала.—В.К.]

Наиболее точный ответ на вопрос о принадлежности найденных останков членам царской семьи могли дать лишь доскональные экспертные исследования костного материала. В соответствии с постановлениями, вынесенными прокуратурой Свердловской области и Генеральной прокуратурой, они проводились с 24 августа 1991 года по 24 января 1998 года. Результаты многочисленных судебно-медицинских экспертиз оформлены в виде 17 заключений.»

Из Справки о результатах экспертных исследований костных останков из места захоронения семьи бывшего императора Николая II:

«На основании изучения имеющихся материалов судебно-медицинских остеологических, трассологических, баллистических и молекулярно-генетических исследований, в соответствии с поставленными следствием вопросами, судебно-медицинская экспертная комиссия пришла к следующим выводам:

1. Представленные на экспертизу костные объекты из места группового

захоронения, обнаруженного в районе Мостоотряда № 72 г. Свердловска, являются останками девяти человек (4 мужчин и 5 женщин)...

2. Внешнее состояние костей всех скелетов (буровато-коричневый цвет, полное скелетирование, обезжиривание костной ткани, истончение и хрупкость анатомических образований, выраженные признаки коррозионных разрушений поверхности), их структурные и физико-химические свойства, установленные путем лабораторных исследований, позволяют считать, что все скелеты значительный срок (не менее 50--60 лет) находились в условиях одного захоронения...

3. Судебно-медицинскими и молекулярно-генетическими исследованиями достоверно установлена принадлежность пяти скелетов лицам, составляющим одну конкретную семейную группу, а именно:

скелет № 4 — Романову Николаю Александровичу,

скелет № 7 — Романовой Александре Федоровне,

скелет № 3 — Романовой Ольге Николаевне,

скелет № 5 — Романовой Татьяне Николаевне,

скелет № 6 — Романовой Анастасии Николаевне.

По остальным четырём скелетам установлено, что они являются останками:

скелет № 1 — Демидовой Анны Степановны,

скелет № 2 — Боткина Евгения Сергеевича,

скелет № 8 — Харитонова Ивана Михайловича,

скелет № 9 — Труппа Алоизия Егоровича.

Останки Романовой Марии Николаевны и Романова Алексея Николаевича среди исследованных костных объектов не найдены».

Как проводилась идентификация останков? Этапов было несколько.

Раздельно исследовались признаки пола, возраста и роста по всем костным объектам для определения количества захороненных лиц и их общих признаков.

Одним из новейших методов идентификации личности стало «оптимизированное» фотосовмещение. Был разработан специальный способ и реализующий его программно-аппаратный комплекс, получивший сертификат Минздрава России и патент РФ. С помощью этого комплекса выполнены сравнительные исследования по всем черепам и по сорока прижизненным фотоснимкам членов Царской Семьи. Причем для большей достоверности результатов по трем черепам молодых женщин, мало различающихся по признакам возраста и особенностям форм, был использован прием «перекрестного» сравнения: «совмещение» каждого из черепов с каждым из представленных прижизненных фотоснимков четырех сестер Романовых. Это позволило в категорической форме персонифицировать все останки и твердо заявить: в захоронении нет останков Марии Николаевны Романовой.

С осени 1992 года представилось возможным провести молекулярно-

генетические идентификационные исследования, которые предполагали сравнительное генетическое исследование наследственного материала (ДНК), выделенного из имеющихся фрагментов изучаемых костей. Эта технология, основанная на наиболее современных методах молекулярной биологии, на сегодняшний день не только является одним из самых эффективных методов идентификации личности, но и позволяет с большой точностью определять кровно-родственные связи и устанавливать структуру родословных.

Из Справки о результатах экспертных исследований костных останков:

«...— Полностью расшифрованы мтДНК всех девяти объектов исследования, а также двух объектов сравнения — Принца-консорта Филиппа герцога Эдинбургского, являющегося внучатым племянником царицы Александры Федоровны (генетическая дистанция — 4 поколения) и двух потомков династии Романовых — графини Ксении Шереметьевой-Сфирис и представителя герцогской семьи Файф (пожелавшего остаться инкогнито), отстоящих от Императора Николая II на 4 и 5 поколений соответственно. Указанные лица добровольно предоставили для анализа образцы крови.

— Проведенный сравнительный анализ выявил полное совпадение мтДНК Принца Филиппа герцога Эдинбургского (ветвь императрицы Александры) и объектов, представляющих мать семейства и трех дочерей в составе анализируемой группы останков.

— В то же время при сравнении мтДНК, характеризующей ветвь императора Николая II и объекта, представляющего отца семейства в составе анализируемой группы останков, зафиксировано точковое несовпадение в позиции 16169 (транзиция A/G).

В этой связи, для окончательного решения вопроса об аутентичности предполагаемых останков последнего российского императора Николая II, членов его семьи и окружения проведен углубленный молекулярно-генетический анализ одной из ветвей родословного дерева Романовых.

Это потребовало исследования ряда дополнительных контрольных образцов и использования альтернативных технологий.

Благодаря этому удалось доказать, что у данного объекта выявлен феномен гетероплазмии, что может служить указанием на мутационную природу наблюдаемого точкового отличия мтДНК предполагаемых останков Николая Романова от мтДНК обоих контрольных объектов.

Вероятностный анализ и оценка статистической значимости полученных экспериментальных данных показали с достоверностью не менее 99 процентов, что пять конкретных скелетов из девяти исследуемых являются останками членов семьи Романовых — отца, матери и трех их дочерей...

В 1995 году С. А. Никитиным в Екатеринбурге по отдельному постановлению следователя Соловьева В. Н. выполнены пластические

реконструкции по девяти черепам и дано заключение, подтверждающее результаты предыдущих экспертиз.

Для оценки объективности пластических реконструкций и с целью проверки ранее сделанных выводов о принадлежности черепов 2, 3, 5, 6, 8 и 9, персонификация которых не подтверждена генетически, выполнены дополнительные сравнительные исследования по черепам, скульптурным и фотографическим изображениям. Результаты этих исследований весьма наглядно подтверждают ранее сделанные выводы и дают дополнительные исчерпывающие доказательства наличия в захоронении останков Анастасии...

29 января 1998 года представлено заключение молекулярно-генетической экспертизы, проведенной доктором биологических наук Роговым Е. И., заведующего лабораторией Научного центра психического здоровья РАМН. В ходе экспертизы проведено сравнительное исследование образцов крови родного племянника Николая II (сына его родной сестры Ольги Александровны — Куликовского-Романова Т. Н.) и образцов костной ткани скелета № 4 (императора Николая II). Сравнительный анализ показал полное совпадение последовательностей митохондриальных ДНК образцов крови и костной ткани, направленных на исследование, что говорит о близком родстве Куликовского-Романова с лицом, условно обозначенным среди останков № 4 (Николаем II).

Экспертная комиссия считает, что достоверность результатов идентификационных исследований, выполненных независимо друг от друга разными методами, делает данный вывод неоспоримым...

6. При исследовании костных останков выявлены патологические изменения и особенности анатомического строения, имеющие значение для дальнейших исторических исследований.

Скелет № 2:

— Прижизненная потеря всех зубов верхней челюсти с полной атрофией альвеолярных отростков верхнечелюстных костей.

Скелет № 4:

— Полное костное сращение и гиперостоз левого крестцово-подвздошного сочленения, шиповидные и гребневидные костные разрастания по краям тел многих позвонков. Это могло сопровождаться при жизни погибшего болями в заднем тазовом полукольце и в спине, не исключены нарушения осанки, походки, ограничения объема движений.

— Костные разрастания по краям головок бедренных костей, отмечающиеся в ряде случаев у лиц, занимавшихся верховой ездой.

— Локального гребневидное утолщение наружной компактной пластинки второго правого ребра, которое можно расценивать как след прижизненно сросшегося перелома этого ребра.

Скелет № 5:

— Полное костное сращение поперечного отростка 5-го поясничного позвонка с крылом подвздошной кости (частичная сакрализация 5-го

поясничного позвонка), т. е. аномалия развития, иногда сопровождающаяся болями в пояснице, усиливающимися в вертикальном положении тела.

Скелет № 7:

— Выраженный вертикальный наклон остистых отростков верхнегрудных позвонков, указывающий на отсутствие физиологического кифоза (изгиба кзади) верхнего отдела позвоночника, что при жизни могло проявляться в изменении осанки в виде внешне заметной распрямленности спины.

Скелет № 8:

— Костная мозоль на месте прижизненно сросшегося перелома в нижней трети правой локтевой кости.

Скелет № 9:

— Аномалия развития грудного отдела позвоночника в виде расщепления дуг позвонков и связанная с этим деформация их тел (спондилолистез), а также костные разрастания по краям тел позвонков. При таких изменениях могли отмечаться боли в поясничной области; не исключается возможность трофических язв и нарушений походки...

7. Признаки разрушающего действия агрессивной химической среды с наибольшей деструкцией костей обнаружены на скелете № 8, от которого сохранились три фрагмента черепа и нижней челюсти, несколько фрагментов крупных костей, а также на черепе скелета № 9, на котором отсутствуют основание и задний отдел свода. Аналогичные, менее выраженные признаки найдены на черепах и на других костях скелетов № 2, 3, 4. Это указывает на максимальную концентрацию данного реагента в участках захоронения указанных трупов...

Разнообразие инфракрасных спектров образцов различных костей свидетельствует не о длительно шедших изменениях под влиянием почвенных факторов, а о кратковременном воздействии агрессивного вещества, возможно, серной кислоты...

8. На скелетах, кроме разрушений костей в результате их длительного пребывания в данном захоронении, найдены повреждения огнестрельные, от воздействия острых и тупых предметов...

Изложенные диагностические признаки повреждений не противоречат известным историко-архивным и следственным материалам, содержащим указания на орудия (оружие) и обстоятельства причинения травм предполагаемым лицам, действий, связанных с сокрытием, перемещением и захоронением трупов, а также манипуляций при поиске и извлечении останков из места погребения. Это может иметь определенное идентификационное значение, и косвенно подтверждает тождество останков и предполагаемых лиц...

9. Обнаруженные в захоронении изолированно от скелетов два больших коренных зуба являются правым и левым верхними восьмыми зубами (третьи моляры) человека в возрасте 15—21 года. По размерам и сходству редких морфологических черт эти зубы могут быть отнесены к черепу № 6 (Анастасии Николаевны Романовой). По этим же признакам их

принадлежность подростку, в частности Алексею Николаевичу Романову, исключается...

15. Признаков того, что останки были захоронены в разное время, не имеется. Состояние костей, а также результаты инфракрасной спектрофотометрии и эмиссионного спектрального анализа свидетельствуют о длительном нахождении останков в одних и тех же условиях захоронения.

Отдельно обнаруженные в захоронении упакованными в одном ящике 3 черепа по установленным анатомическим параметрам и половозрастным признакам соответствуют женским скелетам № 1, 5, 6, которые из захоронения изъяты без черепов. Сравнительным исследованием данных черепов с представленными фотоснимками, на которых изображены три черепа, изъятые в 1979 году Авдониным А. Н. и Рябовым Г. Т., установлено их тождество...

16. Вывод американского исследователя В. Мейплза о наличии в захоронении останков Ольги (скелет № 3), Татьяны (№ 6) и Марии (№ 5) Романовых был основан только на признаках длины тела и возраста и по признанию самого исследователя носит сугубо ориентировочный характер и не подменяет собственно идентификационных исследований. Проведенными российскими экспертами специальными идентификационными исследованиями было доказано наличие в захоронении останков Ольги (№ 3), Татьяны (№ 5) и Анастасии (№ 6) Романовых».

Итак, Комиссия, по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов Его Семьи, подвела итоги своей работы. Основные выводы таковы: обнаруженные в 1991 году под Екатеринбургом останки девяти человек принадлежат Императору Николаю Александровичу и Его супруге Императрице Александре Феодоровне, их дочерям Ольге, Татьяне и Анастасии Николаевным, а также лейб-медику Семьи Е. С. Боткину, комнатной девушке А. С. Демидовой, лакею А. Е. Труппу и повару И. М. Харитонову. Идентификация останков завершена.

На итоговом заседании комиссия обсудила все имеющиеся предложения о месте и дате захоронения, включая пожелания родственников и данные социологических опросов.

Из протокола № 9 от 30 января 1998 г.:

Относительно предпочтительной даты захоронения:

захоронение останков в 1998 году поддержали все члены Комиссии (22 человека);

17 июля (день 80-летия расстрела) поддержали 12 членов Комиссии. Один указал срок — 6 месяцев после принятия официального решения о проведении похорон.

1 марта (православный праздник «Прощеное воскресенье») поддержали 9

членов Комиссии.

Относительно места захоронения останков:

за Петропавловский собор г. Санкт-Петербурга высказались 16 человек;

за г. Екатеринбург — 4;

за Новоспасский монастырь г. Москвы — 1;

воздержался — 1.

Большинство членов Комиссии также высказались за захоронение останков Царской Семьи и сопровождавших их лиц в одном месте.

Вы думаете, что результаты работы Комиссии убедили зарубежную экспертную комиссию, в которую входили П. Колтыпин-Валловский, профессор Е. Магеровский и князь А. Щербатов, настаивавшие, как и коммунисты и клерикалы, на том, что «Екатеринбургские останки» — это «лжемощи»? Ничуть. Признаться, недоверие этой комиссии к участию в работе А. Авдонины можно понять: будучи старым партийцем, он убежденный противник Императора.

Объективности ради отметим, что с мнением правительственной Комиссии были согласны не все российские ученые. Некоторые из них входили в Комиссию и оставались в ней до тех пор, пока результаты их самостоятельных исследований не разошлись с официальной точкой зрения. Еще раз о месте захоронения. Екатеринбургские власти сначала решили «присвоить» останки. Но первоначальные их замыслы граничили с кощунством. Предполагалось превратить останки в источник дохода.

Алчность екатеринбуржцев проявилась еще в июле 1992 года, когда с иностранных журналистов и фоторепортеров заламывали бешеные деньги за участие в научной конференции и право взглянуть на останки и сфотографировать их. Э.. Радзинский возмущался:

«В Екатеринбурге появилась сумасшедшая идея создать могилу Романовых, как часть туристского комплекса. ...Романовы, которых казнили сами жители Екатеринбурга, должны будут лежать в той же самой земле и приносить екатеринбуржцам доход».

За Екатеринбург, как место захоронения останков, высказалось большинство родственников Романовых, в том числе и О. Н. Куликовская-Романова.

Часть Романовых выступала за то, чтобы захоронить останки в Федоровском Государеве соборе в Царском Селе, который еще недавно всего несколько лет назад, представлял собой мерзость запустения.

За погребение останков в Москве выступал ее мэр г-н Лужков. Он перешел в «отряд сомневающихся» после того, как было решено захоронить останки в Петербурге, а не в Москве. Если бы ему удалось настоять на захоронении их в Москве, то господин Лужков сумел бы убедить кого нужно, в том числе, и Патриарха, что останки — Царские.

В конечном счете, местом захоронения был выбран Санкт-Петербург, где покоятся Цари Династии Романовых, начиная с Петра I.

Кроме Петра II и Иоанна VI Антоновича.

Несколько десятков потомков фамилии Романовых — приехали в северную столицу для участия в похоронах. Посетив Пискаревское кладбище, они воздали должное памяти ленинградцев, умерших и убитых в блокаду. Но почтить память Царя, погибшего от рук их единомышленников, некоторые потомки и родственники лежащих на Пискаревском кладбище не желают. Будь их воля, они бы и хоронить его в «городе Ленина» не позволили. Обыватели до того растерялись под влиянием контрпропаганды, что некий инвалид въехал на своей коляске в Петропавловский собор, обвешанный взрывпакетами. Он решил помешать похоронам «кровавого» царя. Лишь благодаря красноречию дежурной — сержанта Кузнецовой, которая убедила террориста не губить невинных людей, взрыв удалось предотвратить. Если бы акция подрывника состоялась, то к 17 июля 1998 г. усыпальницу не удалось бы восстановить. И все же дата 17 июля навсегда останется в памяти наших сограждан. Останется днем покаяния и скорби, несмотря на все политические и религиозные игры.

Конечно, процедура и церемония останков Царской Семьи и ее слуг, зверски замученных большевиками в Екатеринбурге, многих не устраивала. Пожелание участвовать в похоронах высказали казаки, решившие приехать в Санкт-Петербург на конях. Им ответили: «В городе не найти места для постоя лошадей». Военно-исторические общества предложили выстроить вдоль маршрута траурного кортежа войска, одетые в ту форму, которую носили русские воины во время первой мировой войны. «Это вам не театральное представление, а государственная церемония», — ответили им «петербургские» власти.

Не устраивало и нежелание Православной Церкви признать останки Царскими. Впрочем, ничего удивительного. Предшественники нынешней подсоветской паствы в свое время прогласовали «не молиться и не ставить свечи Сергию Радонежскому, поскольку он запятнал себя благословением царей на крокопролитные войны». Как и святому Иосафу Белгородскому — «потому что он был помещик, сын полковника». Окончательное постановление гласило: «Исключить из числа святых всех так называемых праведников буржуазного происхождения».

Экс-мэр С.-Петербурга Анатолий Собчак, член Государственной комиссии по захоронению останков Царской Семьи, в заявлении от 20 июня 1998 года отметил:

«В качестве заместителя председателя Правительственной комиссии, созданной по этому вопросу в 1994 году, я был у истоков этого дела и знаю все подробности работы, проведенной Генпрокуратурой России и нашей комиссией по идентификации обнаруженных в 1990 году останков семьи Николая II вблизи Екатеринбурга.

У меня, как и у большинства других членов комиссии, не было и нет никаких

сомнений относительно подлинности останков — в этом убеждают результаты генетических экспертиз, проведенных в важнейших исследовательских центрах России (Центральном НИИ судебной экспертизы), Великобритании (Королевской научной лаборатории), США (Исследовательском центре Министерства обороны), компьютерное восстановление облика по черепам, стоматологическая экспертиза, а также изучение архивных документов (включая записку об убийстве царской семьи ее главного палача — Юровского) и материалы следствия, проведенного Н. Соколовым в 1918 году по поручению А. Колчака, и др.

Противодействие руководства Московской Патриархии этому захоронению, с которым мы столкнулись еще в 1995 году во время работы комиссии, было вызвано, по моему мнению, не действительными сомнениями в подлинности обнаруженных останков, а внутрицерковными соображениями».

Экс-мэр, очевидно, имеет в виду распри между Зарубежной РПЦ и Русской Православной Церковью». Обе Церкви ныне объединяет неприятие подлинности Царских останков.

«Поэтому отказ от участия в церемонии захоронения Патриарха, как и последовавший затем аналогичный отказ Президента России, не могут повлиять на историческое значение этого события. Кто сегодня во Франции, не говоря уже об остальном мире, помнит об участниках церемонии переноса праха Наполеона Бонапарта с острова Св. Елены в Париж или перезахоронении в королевскую усыпальницу праха Людовика XVI, но о самих этих событиях знает любой житель Франции, и все, кто хоть раз побывал в Париже в качестве туриста.

Думаю, излишне напоминать об историческом значении события захоронения зверски и подло, без следствия и суда убитой большевиками семьи последнего российского императора. В других странах во время революций тоже рубили головы королям, но нигде и никогда не было такого зверства — убийства всех детей. Причем тайком, по-воровски, крадучись, скрывая злодеяние. Сам факт достойного захоронения царской семьи станет свидетельством уважения к прошлому России, ее тысячелетней монархической традиции, будет свидетельством покаяния и очищения в высшем смысле этих слов за преступления, совершенные при коммунистическом режиме, вызовет обоснованное осуждение произвола и внесудебной расправы и тех гонений, которые наш народ пережил при большевиках. И для президента Ельцина это тоже послужило бы покаянием за то, что в бытность его первым секретарем Свердловского обкома КПСС был снесен Ипатьевский дом, где произошла кровавая трагедия.

...Мне представляется, что останки царской семьи должны из Екатеринбурга проследовать в Петербург специальным поездом по тому же маршруту, по которому в 1917 году царская семья была отправлена в Сибирь. В пути следования необходимо предусмотреть остановки с молебнами, минутами молчания, звоном колоколов, гудками предприятий и транспортных средств. По прибытии в Петербург гробы с останками должны проследовать по

Невскому и Адмиралтейскому проспектам в Исаакиевский собор — главный собор Российской Империи, где и состоится отпевание. После этого процессия с останками проследует через Дворцовую площадь (мимо Зимнего дворца, в котором жила семья) на Миллионную улицу и Троицкий мост в Петропавловскую крепость, где в Петропавловском соборе состоится церемониал захоронения. Останки каждого члена семьи должны быть захоронены отдельно согласно идентификации.

Церемония отдания последних почестей последнему российскому императору и членам его семьи должна быть показательно разработана в соответствии с законодательством Российской Империи.

Мы не имеем права упустить исторический шанс воздать должное прошлому Великой России и, захоронив с подобающими почестями последнего царя и членов его семьи, сохранить достоинство нашего народа и страны в глазах всего мира», — справедливо заявил экс-мэр.

Отношение к памяти Государя Императора и Царской Семьи — это пробный камень для определения «кто чем дышит». Идет ли речь о духовных авторитетах, светских властях или общественных организациях.

Осенью 1996 г. автору настоящих строк довелось встретиться у Феодоровского Государева собора с двумя шотландскими писательницами, госпожой Дороти-Грейс Элдер и госпожой Грэм Мартин. Обе дамы изучают места и события, связанные с жизнью Царской Семьи. Они были весьма удручены известием, что РПЦ намеревалась прославить Царственных Мучеников, но без Царя! Думается, узнав о канонизации всей Семьи в России, у них отлегло от сердца.

К слову, продолжение беседы с шотландскими писательницами, проявившими завидную эрудицию в вопросах генеалогии, истории, библиографии работ о Царской Семье, состоялось в бывшем Лазарете имени Их Императорских Высочеств Великих Княжен Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. «Новые русские» превратили Лазарет в гостиницу с валютным рестораном. «Новое мышление»!

Тут Комиссия ошибается. Убийство носителя Верховной власти является *ритуальным*. - В.К.

Глава тридцать третья **ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ**

Прежде чем Царские останки покинули Екатеринбург на борту самолета ИЛ-76, город в продолжение двух дней был погружен в траур.

Утром 16 июля 1998 г. гробы были вынесены из здания областного бюро судебно-медицинской экспертизы, где останки пролежали семь лет. В 9 часов отворились двери екатеринбургского храма Воскресения Господня.

Ипатьевский дом, ныне разрушенный, находился в каких-то 300 метрах от

него. Из почти полностью покрашенных окон Августейшие Узники видели лишь крест этого храма. Была отслужена панихида, после чего екатеринбуржцы получили возможность попрощаться с Царскими останками. Гробы были доставлены в собор курсантами Екатеринбургского артиллерийского училища под звуки «Грез» Шумана. Когда вносились покрытые Императорскими штандартами гробы с останками Императора и Императрицы, зазвучал православный гимн «Коль славен». Очередь выстроилась на 300 метров, и не все екатеринбуржцы успели попрощаться со Священными Останками. Один из горожан произнес:
— Я простился с последним порядочным человеком в России.

Как бы оплакивая мучеников, в момент выноса гробов из храма, над Екатеринбургом дождем пролились облака. Из аэропорта «Кольцово» ИЛ-76 с Останками на борту в 14 часов взвился в воздух, держа курс на северную столицу, за ним — второй с сопровождающими их лицами, в числе которых был князь Дмитрий Романович Романов, представитель Дома Романовых, праправнук Николая I. Утром 16 июля президент РФ Б. Н. Ельцин заявил:

— Долго раздумывая, разговаривая со многими нашими гражданами России, особенно, работниками культуры, я пришел к выводу, что мне надо поехать завтра в Санкт-Петербург. Восемьдесят лет эту правду скрывали. О ней ничего не говорили, и надо завтра эту правду сказать, а мне там принять участие. Это будет по-человечески, справедливо.

И сразу же из события губернского масштаба похороны стали государственными. Красные в Думе — Егор Строев, Геннадий Селезнев, Купцов и прочие отнеслись к этому неодобрительно. Лидер ЛДПР поддержал решение президента, а один из депутатов от этой партии предложил в день похорон Царя, Его Семьи и их слуг, в 80-ую годовщину Екатеринбургского злодеяния, приспустить флаг над Государственной Думой. Независимо от решения президента приняли участие в церемонии генерал Лебедь, лидер «Яблока» Явлинский и губернатор Саратовской области Аяцков. Большинство членов Дома Романовых приехали в Петербург. Великая Княгиня Леонида Георгиевна, которую А.Собчак в свое время поддерживал в ее претензиях на русский Престол, участия в похоронах не приняла. Патриарх отслужил панихиду по убиенным в Троице-Сергиевой лавре. Перед приездом колонны к Петропавловской крепости кто-то разлил возле ворот ртуть. ОМОН перегородил все подходы к крепости. Когда мы попросили одного из омоновцев отодвинуть машину, чтобы можно было наблюдать за переносом гробов, дюжий верзила спросил:
— Зачем это вам нужно? Что он вам хорошего сделал?
Залогом того, что не все так думают, была встреча с нашей соотечественницей, приехавшей из Риги ради того, чтобы приложить икону Царя Мученика к его гробу или хотя бы плите склепа.

Вместе с нею прибыли ее земляки, потомки воинов, сражавшихся за Царя, Веру и Отечество.

Из других городов страны ехали люди специально на церемонию погребения Царских останков. Старший лейтенант инженерных войск Александр Шурыгин рассказывал:

— Оба мои деда казаки, служили убиенному Государю. Да и вся Россия в 1613 году целовала крест на верность Дому Романовых. Я понял, что должен проводить Государя в последний путь. Хорошо, что так торжественно совершается сегодняшний ритуал.

Если «шибко грамотные» скептически или неодобрительно отнеслись к идее перезахоронения Царских останков в Петропавловской крепости, то простой люд ее поддержал.

— Надо было побольше рассказывать нам про Царя, — заявила женщина, судя по оранжевой куртке, дорожный рабочий. — И поменьше про Ленина. Перед прилетом авиалайнера в петербургском аэропорту Пулково выстроился почетный караул. Рядом с российскими солдатами стояли офицеры полка шотландских драгун, прилетевшие отдать почести своему бывшему шефу — русскому Императору. Вот самолет на земле. Оркестр заиграл похоронный марш по Строевому уставу 1908 года. Когда из самолета начали выносить гробы с останками Августейшей четы, военные музыканты заиграли гимн «Коль славен». Именно этот гимн был «принят на вооружение» в Белой армии. И должен бы заменить «песню без слов».

(Этого, однако, не произошло, и вновь звучит «Союз нерушимый». С текстом этого гимна у старшего поколения связаны неприятные ассоциации. Еще до того, как в «Правде» и других газетах напечатали текст Михалкова, над окопами — дело было во время войны — немецкие самолеты сбрасывали листовки с вариацией на тему нового гимна : «... Да здравствует ставший тюрьмою народной единый концлагерь — Советский Союз!»)

Сначала гробы ставили на специальный подиум около трапа, затем на второй — у здания аэропорта, а потом — в катафалки. Со скоростью 60 километров в час траурная колонна — траурной процессией ее не назовешь — двинулась по Пулковскому шоссе, Московскому проспекту, по Фонтанке, откуда повернула на Вознесенский проспект.

Мимо памятника державным предкам Императора Николая II — Императоров Николая I и Петра I — траурная колонна направилась по Адмиралтейской набережной. Вдоль всего маршрута цепью стояли милиционеры. Были вывешены трехцветные флаги России с траурными лентами. Перед Зимним дворцом — резиденцией Императоров — машины снизили ход. Тут в строю стояла тысяча курсантов военных и морских училищ — со знаменами и барабанщиками. Едва колонна выехала на Троицкую площадь, на колокольне собора святых Петра и Павла зазвонили колокола. Колокольный звон продолжался до тех пор, пока в собор не внесли останки Императора Николая II. От катафалков к собору сквозь строй почетного караула, состоявшего из курсантов, старшие офицеры — майоры и подполковники —

на руках несли гробы. Их поместили в центре собора. Возле гробов остались воины Почетного караула, сменявшиеся каждый час.

Церемония возложения венков началась в одиннадцать утра 17 июля. Чтобы проститься с останками невинно убиенных Царственных Мучеников и Их слуг приехали свыше пяти десятков представителей династии Романовых. Из США, Великобритании, Дании, Бельгии, Франции, Италии, Уругвая, Австралии, Швейцарии.

Особую важность событию придало прибытие на церемонию президента Российской Федерации и его супруги. Помимо представителей Дома Романовых на церемонии присутствовали вице-премьер Борис Немцов, министр культуры Наталья Дементьева, известный музыкант Мстислав Ростропович с супругой Галиной Вишневской. Все сорок минут, в течение которых продолжалась панихида, оба супруга истово молились, опустившись на колени. «Я произносила имена убиенных вслух», — сказала Галина Вишневская.

Архиепископ Иоанн, глава церкви Божией Матери Державной, так отозвался о тех событиях:

«Церковное правительство умывает руки, преступно, из страха; светское — исполнилось Духом Святым: Ельцин произносит речь при перезахоронении — блистательную, историческую».

Церемонию похорон открыл президент Российской Федерации. Он сказал:

«Сегодня для России исторический день. 80 лет минуло со дня убийства последнего российского императора и членов его семьи. Долгие годы мы замалчивали это чудовищное преступление, но надо сказать правду. Расправа в Екатеринбурге стала одной из самых постыдных страниц в нашей истории.

Предавая земле останки невинно убиенных, мы хотим искупить грехи своих предков. Виновны те, кто совершил это злодеяние, и те, кто его десятилетиями оправдывал. Виновны все. Нельзя лгать себе, объясняя бессмысленную жестокость политическими целями. Расстрел семьи Романовых — результат непримиримого раскола в российском обществе на своих и чужих, его последствия сказываются и поныне.

Захоронение останков жертв екатеринбургской трагедии — прежде всего акт человеческой справедливости. В нем символ единения народа, искупления общей вины. Перед исторической памятью народа в ответе мы все. И потому сегодня я не мог сюда не приехать. Как человек и как президент я должен быть здесь. Я склоняю голову перед жертвами безжалостного смертоубийства.

Строя новую Россию, мы должны опираться на ее исторический опыт. С именем Романовых связаны многие славные страницы истории Отечества. Но с этим именем связан и один из ее самых горьких уроков — любые попытки изменить жизнь путем насилия обречены.

Мы обязаны завершить век, который стал для России веком крови и

беззакония, покаянием и примирением независимо от политических взглядов, религиозной и этнической принадлежности. В этом наш исторический шанс. На пороге третьего тысячелетия мы должны сделать это во имя ныне живущих и грядущих поколений. Давайте помянем тех, кто стал безвинными жертвами ненависти и насилия. Пусть земля будет им пухом».

Сожаление по поводу негативного отношения высших иерархов русской православной церкви относительно истинности останков Императора Николая II и Его Семьи выразил принц Майкл Кентский, член английской королевской семьи. Он прибыл в Петербург для участия в церемонии по поручению и с благословения королевы Елизаветы II. По его словам, у него лично нет никаких сомнений касательно подлинности останков. После окончания панихиды гробы были перенесены в придел Святой Екатерины. Сняв Императорские штандарты с гробов Царя и Царицы, офицеры передали знамена музею истории Санкт-Петербурга. В тот момент, когда гроб с останками Николая II опускался в могилу, прозвучал салют из 19 орудийных залпов. Родственники Царской Семьи и их слуг под пение «Боже Святой, Боже Крепкий, Боже Бессмертный, помилуй нас!» прошли мимо захоронения, бросив в могилу по шепотке земли — белого речного песка. После этого работники траурной службы закрыли склеп бетонными плитами, затем плитами «под мрамор». Впоследствии они (как и надгробие) будут заменены плитами из каррарского мрамора. Во всяком случае, так обещают нынешние обитатели Смольного. Сверху поставлено временное надгробие. Участники печальной церемонии попрощались с прахом невинно убиенных. Особенно трогательно прощались молодые дамы из рода Романовых. Они опустились на колени и сотворили молитву. Низко поклонилась Наина Иосифовна Ельцина, осенив себя православным крестом. Приложив руку к сердцу, поклонился президент. Многие российские политики не то что не перекрестились, но даже не поклонились праху от врагов Христовых умученных Государя, Государыни, Великих Княжон Ольги, Татьяны, Анастасии, лейб-медика Боткина, лакея Труппа, горничной Демидовой и повара Харитоновна. Были возложены венки от представителей Дома Романовых, от президента России. Надгробие утопает в цветах. Панихиду по невинно убиенной Царской Семье и Ее верным слугам патриарх Алексей II отслужил в подмосковной Троице-Сергиевой лавре. На панихиде присутствовала Великая Княгиня Леонида Георгиевна с дочерью, Марией Владимировной, и внуком Георгием. Остальные же члены Дома Романовых, числом 54 человека, присутствовали на церемонии погребения Царских останков в Петропавловском соборе. Великолепно пел хор, отменно велась служба, но многие недоуменно посматривали на священника, который провозглашал: «Имена их Ты, Господи, веси». Ведь они были убеждены, что хоронят останки Государя Императора, Государыни Императрицы, Великих Княжон Ольги, Татьяны и Анастасии Николаевны, вместе с Их верными

слугами, за Царя живот свой положившими.

Церковь, боясь признать их подлинность, хотя и заявляла, что вопрос об определении подлинности Останков *не входит* в ее компетенцию, ушла от прямого ответа на него. Коммунисты же заявили, что это вовсе не останки тех, кого их предшественники убили в 1918 году. Всеобщее внимание привлек к себе один иерарх, по-видимому, какой-то восточной церкви — в белой митре, с тремя панагиями на груди.

Перекрестившись, он снял митру и облобызал надгробие.

Многие политики и журналисты говорили, что завершившаяся церемония похорон Царских останков положила конец противостоянию в обществе. Дай-то Бог!..

18-го июля был разрешен вход в крепость и простому, нетитулованному и «неаккредитованному» люду. Нескончаемой вереницей потянулись к могиле праведников петербуржцы и приезжие. Очень много было иностранцев. Им судьбы России подчас ближе, чем нам, «россиянам».

Вход в придел св. Екатерины был воспрещен, поэтому цветы клали на пол, у входа.

Строгим судьей личности и царствования умученного Государя оказался патриарх Алексей II. Во время посещения им Дивеева и службы в храме погожий летний день 2000 года сменился пасмурным. Началась гроза, и шаровая молния влетела в алтарь. Патриарх был вынужден сократить службу и покинуть храм.

Говорят, что этот эпизод заставил Алексея II выступить за канонизацию Царственных Мучеников. Правда, с оговорками: канонизировать в чине страстотерпцев (за мученическую кончину), поскольку, дескать «государственная деятельность Николая II не была выдающейся». Читатель смог убедиться в ошибочности такого мнения.

Иным было отношение к Государю другого патриарха.

«...Счастье, блаженство наше заключается в соблюдении нами Слова Божия, в воспитании в наших детях заветов Господних. Эту истину твердо помнили наши предки. Правда, и они, как все люди, отступали от учения Его, но умели искренно сознавать, что это грех, и умели в этом каяться. А вот мы, к скорби и стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но оправдывается, как нечто законное. Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный комитет — одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководствуясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над Ним принадлежит истории, а Он теперь предстоит перед нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что Он,

отрекаясь от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти Себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения Своего положения, безропотно покорился судьбе... И вдруг Он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-то вину, а только за то, что Его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние, уже после расстрела, — одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: **«Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие его»!**..»

Патриарх Московский и Всея Руси Святитель Тихон произнес эти смелые слова не в «период гласности», а во время проповеди в Московском Казанском соборе 8/21 июля 1918 года — в праздник Казанской иконы Божией Матери.

Архиепископ Иоанн. Православие Святого Духа. М.: Новая Святая Русь. 1999. С. 47.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

19 мая 1998 года в Санкт-Петербурге состоялся крестный ход. В этот день отмечалась 130 годовщина со дня рождения Царя Мученика Николая II. Крестный ход, возглавляемый духовенством и отцом Алексием (Масюком), последовал от храма Воскресения Христова (Спаса-на-Крови) вдоль Екатерининского канала (в советское время канала Грибоедова) к Казанскому собору. Участники крестного хода, которые несли портреты и иконы Царя и Его Семьи, исполняли духовные песнопения, пели молитвы. Беспрерывно звучало: *«Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав»*. Перед Казанским собором состоялся молебен, окончившийся пением Акафиста святому благоверному Царю и великомученику Николаю Второму. Каждый икос (стих) заканчивался словами:

«Радуйся, Николае, боговенчанный Царю и великий страстотерпче.»

Молебен завершился пением гимна «Боже, Царя храни». После этого крестный ход направился к храму Воскресения Христова. Несмотря на то, что крестный ход и молебен продолжались не один час, в нем участвовали и инвалиды. Так, один мальчик-слепой, узнав накануне о

том, что состоится крестный ход, попросил свою учительницу встретить его у метро и сопровождать во время крестного хода. Мальчик, как и учительница, из интерната для слепых и слабовидящих детей. Большинство этих детей — сироты при живых родителях. Среди крестоходов была и женщина, с трудом передвигавшаяся на костылях.

В числе участников крестного хода были двое высоких молодых людей, весьма скромно одетых, лет по 30. Шли они довольно уверенно, хотя один из них прихрамывал: вместо ноги у него был протез. Ногу он потерял, спасая одноклассницу, упавшую на рельсы в метро. Оба молодых человека — Андрей и Михаил — слепые. Они выпускники интерната, живут в Гатчине в общежитии, хотя, согласно закону (которые у нас не исполняются), им полагается по квартире. Трудятся на одном из предприятий для слепых, месяцами не получая зарплату. Они оказались бывшими учениками той самой учительницы и рассказали много любопытного. Оба молодых человека ежегодно совершают паломничества по святым местам. В 1998 году они совершили паломничество в Дивеево. Шли пешком. Видя слепых странников, одного из них безногого, люди, в основном крестьяне, крестились, низко кланялись, некоторые падали на землю и сами присоединялись к шествию. Совершили паломничество слепые паломники, которые более зрячи, чем многие из нас — зрячи духовным зрением — и летом 1999 года. Вместе с игуменом Агафоном (Чесноковым) и другими крестоходами они пять дней шли к Ипатьевскому монастырю в Костроме. Несли мироточивую икону Царя-Мученика Николая Второго. Это была литографированная копия иконы, написанной русским зарубежным иконописцем Павлом Тихомировым. В верхних углах иконы расположены клейма — св. праведного Иова Многострадального и святителя Николая Чудотворца. Государь изображен в Царском облачении с большим золотым наперсным крестом. На голове шапка Мономаха, увенчанная крестом. В руках — скипетр и держава — символы Царской власти. Внизу в овале надпись: «Сия святая икона написана к прославлению Царя-Мученика в России». Повсюду, куда приходил крестный ход с мироточивой иконой, наблюдалось скопление православного люда. Пели Акафист Святому Благоверному Царю и Великомученику Николаю Второму.

Образ был написан в 1997 году, когда исполнилась 80-я годовщина переворота в России. В том же году одна из цветных литографий попала в Россию. Год спустя — в Рязань, в Свято-Никольскую богадельню, при которой строился храм Царя-Мученика Николая II. С этой литографии, а также с литографии иконы Святых Царственных Мучеников сделали копии и поместили их в рамку.

15 марта (2 марта по ст. ст.) 1998 года обе иконы были доставлены в Москву. В день екатеринбургского злодеяния 17 июля (4 июля по ст. ст.) икона Святых Царственных Мучеников участвовала в покаянном крестном ходе. Она изменилась в цветах и начала издавать тонкое благоухание. А в день Петровской иконы Божией Матери, 6 сентября, начала благоухать икона

Царя-Мученика. 7 ноября 1998 года, в Дмитровскую родительскую субботу — день поминовения всех усопших — икона замироточила. Факт этот был засвидетельствован духовенством. Стало стекаться множество народа, чтобы поклониться святому образу Царя. Был отслужен молебен. Икону перенесли в храм Вознесения Господня на Гороховом поле. Люди приходили толпами, чтобы слезно покаяться перед иконой убиенного Царя-Мученика. Икона побывала во многих московских храмах, продолжая мироточить и благоухать.

По благословению старца о. Николая с острова Залит был предпринят крестный ход вдоль границ России. Не по земле, а по воздуху. Сначала возникла было трудность — отсутствие нужных средств. Но после того, как в списки святынь была включена мироточивая икона Государя — Державного Хозяина Земли Русской — деньги появились. Необходимую сумму пожертвовал русский предприниматель — потомственный донской казак Сергей Дронов. Список святынь был одобрен и Патриархом Алексием II, давшим благословение на воздушный крестный ход.

Перед отлетом были совершены молебны. Из Раменского самолет со святыми иконами и сопровождавшими их пятью священниками и двенадцатью мирянами взял курс на Минск, Киев, Сочи, Севастополь, Минеральные Воды, Грозный. В самолете установили аналой, хоругви, черно-золото-белые Имперские стяги. В числе икон были икона Державной Божией Матери, Песчанской Божией Матери. В воздухе непрерывно служили молебны. Священники, не участвовавшие в них, читали неусыпающее Евангелие, миряне — неусыпающую Псалтирь. Читались акафисты святым, подвизавшимся в тех краях, над которыми пролетал самолет с крестоходами. Первая посадка крестного самолета была в Астрахани. Там произошли благоухание и мироточение иконы. Из Астрахани крестный ход направился на восток. Саратов, Царицын (нынешний Волгоград), Омск остались позади. Следующая посадка в Новониколаевске (в советское время Новосибирск). С пением тропарей Царю-Мученику и Святителю Николаю крестоходы обошли часовню Святителя Николая, построенную в честь Трехсотлетия Царствования Дома Романовых, стоящую в центре города. В Петропавловске-на-Камчатке, на взлетной полосе, был отслужен Акафист иконе Державной Божией Матери.

Отца Петра Влащенко, настоятеля Свято-Казанского храма села Симаково (Ивановская епархия), одного из руководителей воздушного крестного хода, особенно поразила встреча с православными жителями Анадыря. Узнав о мироточивой иконе Царя-Мученика, они приходили в летающую церковь, поражая клириков и мирян, находившихся на борту самолета, трепетным отношением к Царю. Русский народ — простой, не испорченный пресловутой цивилизацией — не переставал чтить Царя-Мученика. Сплошным потоком шли люди к церкви, устроенной в самолете, и на Таймыре, в поселке Хатанга. Увы, им неизвестно, что к северу от полуострова, за проливом Бориса Вилькицкого, находится Земля Императора Николая II, в 1913 году открытая

экспедицией под началом капитана 2-го ранга Российского Императорского флота Б. А. Вилькицкого (в 1926 году переименованная большевиками в Северную Землю, которой необходимо *возвратить* ее подлинное название). «Новые большевики», конечно, не смогли простить славному офицеру его открытие Земли Императора Николая II и, привезя его прах из Брюсселя на Смоленское кладбище в Петербурге в конце 1990-х гг., вырубили на каменном надгробии: «первооткрыватель Новой (!) Земли».

Более всего иконок — сотни и сотни — были розданы верующим именно Государя Императора-Мученика.

Мурманск — бывший порт Романов — отказался принять летающую церковь, хотя самолет должен был сделать там дозаправку. Пришлось лететь в Архангельск. Не принял самолет-церковь и «город трех революций», лишь формально называющийся «градом святого Петра» — Санкт-Петербургом. Недаром область, центром которой он является, носит имя главного разрушителя России.

И все-таки спустя какое-то время мироточивая икона Царя-Мученика промыслительно оказалась и в Петербурге, где простой люд встречал ее особенно тепло. Так слезно, как петербуржцы, не каялись ни в одном из городов, где побывал образ Государя. Ведь именно в Петербурге — Петрограде начинался путь Царственных Страстотерпцев на Уральскую Голгофу.

Крестный ход продолжился на земле. Покаянный крестный ход начался 12 июля 1999 года в Тихоно-Лухском монастыре в Ивановской (бывшей Иваново-Вознесенской) епархии. Возглавил его настоятель монастыря игумен Агафон (Чесноков). Вместе с ним шли тринадцать клириков Ивановской и Костромской епархий. Среди крестоходов были 89-летний схиархимандрит Алексей, насельник Тихоно-Лухского монастыря, приходящийся родным племянником Первоиерарху Русской Зарубежной Православной Церкви Митрополиту Антонию (Храповицкому), и два уже знакомых нам слепых паломника из Гатчины — Андрей и Михаил. Не раз им предлагали сесть в машину, но оба, сбивая в кровь ноги, преодолели пешком путь в полтораста километров. Долго сопровождала крестный ход молодая женщина с грудным младенцем на руках.

После того, как была отслужена Божественная литургия и напутственный молебен, в полдень — был день празднования Святых Апостолов Петра и Павла — крестоходы отправились в путь. Конечным пунктом паломников был Ипатьевский монастырь в Костроме. Во время крестного хода звучали молитвы «Отче наш», «Богородице, Дево, радуйся», «Верую», «Радуйся, Радосте наша», «Царица моя Преплагая», «Господи, помилуй» и величание Богородице и Царю-Мученику. Крестоходы несли хоругви и иконы. Самой большой была икона Божией Матери «Державная». Справа от нее несли чудотворную — явленную икону Божией Матери «Смоленской». Слева — мироточивую икону Царя-Мученика. Несли их на больших тяжелых носилках четыре человека, которые постоянно менялись. Кроме икон, несли

изумительной красоты портрет Государя Императора в военном мундире. Портрет этот вышила благочестивая москвичка, подарившая его храму Царя-Мученика. Крестоходы несли, главным образом, иконы Государя и Его Семьи. Жители деревень, по которым проходил крестный ход, благоговейно прикладывались к мироточивому образу Царя-Мученика. В это время стояла сильная жара, и по просьбам селян священники служили молебны о даровании дождя. Нередко, после чтения Акафиста Царю-Мученику землю освежал не просто дождь, а ливень. Повсюду на последние гроши покупали иконы Царственного Мученика Николая II. В Иваново хотела купить икону нищая, протянув собранные ею, как милостыню, деньги. Разумеется, икону ей подарили. Некоторые участники покаянного крестного хода свидетельствовали, что, по его завершении, они избавились от многолетних болей в ногах.

То и дело на пути паломников попадались вымершие селения и руины храмов. Зато Волгореченск встретил их крестным ходом. Оба крестных хода слились в единый поток. Несмотря на поздний час, этот город встречал крестный ход колокольным звоном при большом стечении народа. В храмах, встречавшихся на пути крестоходов, читались проповеди, священники рассказывали о Царе-Мученике, о чудесах его мироточивой иконы. Слушая эти рассказы, православные плакали. В Волгореченске, так горячо приветствовавшем крестный ход, икона Государя мироточила в несколько струй! В Костроме, в Богоявленском кафедральном соборе, после того, как к Феодоровской иконе Божией Матери — фамильной иконе Дома Романовых — приложили икону Государя, доставленную крестным ходом, по иконе Царя-Мученика стало обильно струиться миро. При этом зрелище потрясенные костромичи опускались на колени, молились. Многие рыдали. 17 июля, в день убийства Государя и всей Его Семьи вместе с Его верными слугами, крестный ход достиг конечной цели — Ипатьевского монастыря. По пути к нему крестоходы пели молитвы, величали Богородицу и Царя-Мученика. Едва икону Государя возложили в соборе на аналой, она снова замироточила. С особым благоговением была совершена служба. Все участники крестного хода исповедовались и причастились в этот день. Так завершился первый после Екатеринбургского злодеяния покаянный крестный ход русского народа в Ипатьевский монастырь. Пусть он был немногочисленным (из Тихоно-Лухского монастыря вышли 67 человек, а в Ипатьевский монастырь пришли 89 паломников), значение его трудно переоценить. Эти православные люди, решившие почтить память Государя и Его Семьи, принесли покаяние за весь русский народ, допустивший низложение и мученическую кончину Царственных Страстотерпцев. По молитвам Августейших Мучеников и ревнителей Их памяти поклониться мироточивой иконе Царя-Мученика, вопреки противодействию митрополита Владимира (Котлярова), сподобились и православные Санкт-Петербурга. Икона была выставлена в целом ряде храмов — в церкви Богоявления на Гутуевском острове, в Казачьей церкви на Лиговском проспекте, в церкви св.

прп. Серафима Саровского в поселке Песочный, в церкви св. Сергия Радонежского, в Свято-Успенском подворьи Оптиной пустыни, в Феодоровском Государеве соборе в Царском Селе. На подворьи Оптиной пустыни прихожане решили жертвовать золотые украшения на оклад для иконы Царя-Мученика. Следом за пожилой женщиной, пожертвовавшей золотой браслет, прихожане стали снимать с себя драгоценности из золота и серебра. Иные отдавали последние, скопленные на лечение деньги. Икона находилась в Петербурге несколько дней — с 3 по 14 сентября 1999 года. Многие тысячи петербуржцев поклонились иконе Царя-Мученика. Был ряд исцелений. Исцеления наступали очень быстро. Так, одна женщина, получив ватку с маслом от лампы иконы Государя, вечером помазала ею больные ноги, а наутро ощутила полное исцеление от болей, долгое время донимавших ее. В церковь Богоявления на Гутуевском острове одна верующая привезла на коляске 15-летнего сына, чтобы поклониться иконе Царя-Мученика. Мальчик страдал детским церебральным параличом и водянкой головного мозга. Многие годы он пребывал в бессознательном состоянии. Но после того, как к его распухшей от недуга голове приложили икону Государя Императора, из глаз больного отрока хлынули слезы. Поистине, тем кто страдает, понятнее муки других страдальцев. В иные дни мироточивая икона бывала в трех-четырех храмах города. Привезли ее и в Кронштадт, где некогда подвизался св. праведный Иоанн Кронштадтский, духовник Царской Семьи. Был совершен крестный ход на вертолете с иконой Царя-Мученика на борту, а также иконами святых, в храмах имени которых служили сопровождавшие вертолет священники. В Феодоровском Государеве соборе в Царском Селе состоялась ночная Пасхальная служба. По словам присутствовавших на этом богослужении, все испытывали чувство единения и удивительного духовного подъема. Особая молитвенная атмосфера возникала и в других храмах, куда приходили поклониться мироточивой иконе тысячи прихожан. Молящиеся свидетельствовали, что у них было такое чувство, будто Государь находится рядом. Это ли не свидетельство того, что Царь-Мученик прощает русскому народу его клятвопреступление, поущение Цареубийству, что Россия будет спасена молитвами Святых Царственных Мучеников. Что из того, что Августейшие Страстотерпцы канонизированы Зарубежной Русской Православной Церковью лишь в 1981 г. Русский народ *давно* прославил Царя-Мученика и Его Семью, прибегая к их молитвенному заступничеству.

14 августа 2000 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, состоявшийся в Москве, принял решение «прославить для ... почитания в лике святых» 860 новомучеников и исповедников Российских XX века. Прославлена и Царская Семья во главе с Государем Императором Николаем II . Решение было принято *единогласно* в результате дискуссии, в которой принимали участие 146 иерархов. Торжество канонизации состоялось 20 августа в храме Христа Спасителя с участием представителей братских

поместных Церквей и других высоких гостей.

Почитание Царственных Мучеников наблюдается не только среди русских православных. 17 июля 1999 года у надгробия в приделе Св. Екатерины в Петропавловском соборе, куда продолжается паломничество русских и зарубежных почитателей Царской Семьи, группа приверженцев Государя и Его близких прочитала Акафист Царю Мученику Николаю Второму и Царственным Мученикам. Весь Акафист с благоговением слушал молодой человек. Выяснилось, что это студент, православный турок, приехавший в Петербург, чтобы поклониться памяти Святых Царственных Мучеников.

В Николо-Тихвинском монастыре, расположенном в Подмосковье (в 1998 году ему исполнилось 500 лет), произошла такая история. Христа ради юродивая подошла к одному молодому человеку, молившемуся в храме, и вылила ему на голову масло из лампады.

— Зачем ты это сделала? — пожурил ее священник.

— Это наш будущий Царь, — ответила юродивая.

Догнав молодого человека, покинувшего храм, священник спросил, кто он.

— Михаил Романов, — ответил прихожанин.

Оказалось, что он приехал из Франции, чтобы поклониться святым местам в России...

Провидец монах Авель предсказал в XVIII веке, что после долгого периода междуцарствия в России появится царь Михаил...

Правда, с XVIII века много воды утекло. И Россия, некогда называвшаяся Святой Русью, стала совсем другой. Наши молитвы о возрождении России исполнятся только тогда, когда будет покаяние народа.

И тогда Господь восставит престол православных царей. В необходимость его восстановления верят и нынешние крупные общественные деятели. О его необходимости говорилось на Земском Соборе, состоявшемся 9 ноября 1998 года в Санкт-Петербурге. Об этом заявляет, и решительно, Валерий Зорькин, член Конституционного Суда РФ: «Или Россия будет Империей, или ее не будет вовсе».

Ныне во всех православных храмах мы можем обращаться к Царю-Мученику и другим Царственным Мученикам:

«Страданиями Вашими Господь Бог да ущедрит и помилует нас».

ЛИТЕРАТУРА

1. Альферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. М.: СП Рюрик Лтд., 1991.
2. Бехтеев С. С. Песни русской скорби и слез. Москва, Подольск: Славянская школа, 1997.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Л.: 1990.
4. Боханов А. Николай II. М.: Молодая Гвардия, 1997.

5. Брешко-Брешковский Н. Н. Дикая дивизия. Екатеринбург: Посылторг, 1994.
6. Бубнов А. Д. В Царской Ставке. СПб.: Облик, 1995.
7. Бунин И. Окаянные дни. Л.: Азъ, 1991.
8. Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель императорского дома. М.: Прогресс, 1992.
9. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991.
10. Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.: Логос, 1995.
11. Вильтон Р. Последние дни Романовых. М.: Книга, 1991.
12. Волошин М. Пути России. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1992.
13. Воррес Й. Последняя Великая Княгиня. Пер. с англ. В. Кузнецова. М.: Терра. 1998.
14. Вырубова А. А. Фрейлина Ее Величества. М.: Советский писатель, 1991.
15. Гиацинтов Э. Н. Записки белого офицера. СПб.: Интерполиграфцентр, 1992.
16. Горький М. Несвоевременные мысли. М.: Интерконтакт, 1990.
17. Ден Л. Подлинная Царица: Пер. с англ. В. В. Кузнецова. СПб.: Царское дело. 1999.
18. Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Скифы, 1991.
19. Дневники Императора Николая II. М.: Орбита, 1991.
20. Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. (В кн. Тайна власти. Харьков: «Фортуна-Пресс», 1997).
21. Епанчин Н. А. На службе трех Императоров. М.: Наше Наследие, 1996.
22. Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода. М.: Родник, 1993.
23. Жильяр П. Император Николай II и Его Семья. М.: МАДА, 1991.
24. Звегинцов В. Н. Кавалеристы в Великую и гражданскую войну 1914 –1920 гг. Париж: Танаис, 1966.
25. Иванов Г. Собр. соч. в 3-х т.т. Т. I. Стихотворения. 1996. С. 372.
26. Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь-мученик. СПб.: Православный паломник, 1997.
27. Кобылин В. Анатомия измены. СПб.: Царское дело, 1998.
28. Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна Романова. 1847—1928 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
29. Кузнецов В. В. Белоснежная церковь с золотым куполом... [Феодоровский Государев собор в Царском Селе]//Бежин луг, 1995. № 4. С. 134 —141.
30. Кузнецов В. В. «Колумб Российский между льдами...» (К 300-летию Российского флота). Север, 1995. № 8. С. 114 —123.
31. Кузнецов В. В. «Не прикасайся к Помазанным Моим»/Бежин луг. 1997, № 2, С. 128 — 147. (О последствиях февральской революции на флоте).
32. Куликовская-Романова О. Н. Неравный поединок. М.: Родник, 1995.
33. Куприн А. И. Эмигрантские произведения. Купол Святого Исаакя Далматского. Извозчик Петр. М.: Раритет, 1992.

34. Литература Русского Зарубежья. Антология. Т. 1, кн. 2. М.: Книга, 1990.
35. Масси Р. Николай и Александра: Пер. с англ. В.Кузнецова. М.: Пресса, 1996.
36. Масси Р. Романовы. Последняя глава. Пер. с англ. Т.С.Бушуевой, И.С. Соколова. Смоленск: Русич, 1997.
37. Мельгунов С. П. Красный террор в России. М.: СП РИСО, 1990.
38. Мельник Т. Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции. М.: Анкор, 1993.
39. Монастырев Н. А. Гибель Царского флота. СПб.: Облик, 1995.
40. Мордвинов А. А. Последние дни Императора. (В кн.: Бремя власти. Харьков: «Фортуна-Пресс», 1997.)
41. Мосолов А. А. При Дворе последнего Императора. СПб.: Наука, 1992.
42. Наживин Н. Записки о революции//Бежин луг, 1995, № 1 — 6.
43. Назанский Н. И. Крушение Великой России и Дома Романовых. Париж, 1930.
44. Николай II. Венец земной и небесный. М.: Форма-пресс, 1997.
45. Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991.
46. Пагануцци П. Правда об убийстве Царской Семьи. М.: ТРХ, 1992.
47. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991.
48. Переписка Императора Николая II и Императрицы Марии Федоровны. М.: ГАРФ. [1894—1918].
49. Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996.
50. Платонов О. А. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996.
51. Плевацкая Н. Дежкин карагод. Воспоминания. СПб.: Logos, 1994.
52. Радзинский Э. Господи... спаси и умири Россию. М.: Вагриус, 1993.
53. Распутин М. Распутин. Воспоминания дочери. М.: Захаров, 2000.
54. Российский архив. IX.М.: Студия ТРИТЭ, 1999.
55. Россия перед Вторым Пришествием. М.: Родник, 1994.
56. Рябов Г. Как это было (Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия). М.: Политбюро, 1998.
57. С того берега. М.: Водолей, 1992.
58. Савченко П. Государыня Императрица Александра Феодоровна. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь. 1983.
59. Светлый Отрок. Сборник статей о Царевиче-Мученике Алексее и других Царственных Мучениках. М.: Диалог, 1990.
60. Скотт С. Романовы. Екатеринбург: Ларин, 1993.
61. Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. М.: Сирин, 1990.
62. Солоухин В. А. При свете дня. М.: Белка Трейдинг Корпорейшн, 1992.
63. Сургучев И. Детство Императора Николая II. М.: «Роман-газета», 1993, № 2.
64. Трубецкой В. С. Записки кирасира. М.: Россия, 1991.
65. Трубецкой С. Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991.

66. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб: Алетейя, 1999.
67. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.
68. Новые чудеса Царственных мучеников. Сост. Шаргунов А. М.: Новая книга, 1996.
69. Чудеса Царственных Мучеников. Сост. Шаргунов А. М.: Новая книга, 1995.
70. Шульгин В. В. Что нам в них не нравится... М.: Русская книга, 1994.
71. Clarke W. M. *The Lost Fortune of the Tsars*. London, Weidenfeld & Nicholson, 1994.
72. Hanbury-Williams, Major General Sir John. *The Emperor Nicholas As I Knew Him*. London, Arthur L. Humphreys, 1922.
73. Dehn, Lili. *The Real Tsaritsa*. London, Thornton Butterworth, 1922.
74. Heresch Elisabeth. *The Empire of the Tsars: The Splendour and the Fall. Pictures and Documents 1896 to 1920*. SPb, Stroitel, 1991.
75. Rambaud A. *Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'a nos jours*. Paris, Librairie Hachette et Co. 1900.
76. Rasputin M. *My Father*. London, Cassel, 1934.
77. Trewin J. C. *Tutor to the Tsarevich*. London, Macmillan, 1975.
78. Vorres I. *The Last Grand Duchess: The Memoirs of Grand Duchess Olga Alexandrovna*. London, Hutchinson, 1964.

Журналы:

1. «Бежин луг». М., 1995, № 1—6.
2. «Военная быль». М., 1993.
3. «Итоги». 1998, № 27.
4. Камер-фурьерские журналы. 1917 г. Гос. исторический архив РФ. СПб.
5. «Огонек». 1998, № 28, с. 23.
6. «Родина». М., 1990, 1998.
7. «Русское прошлое». Л., 1991.
8. «Русская Летопись». Париж, 1921—1923.
9. «Север». Петрозаводск. 1997, № 5—8.
10. «Согласие». Лос Анджелес, 1970, № 4—10.

Газеты:

1. «Андреевский флаг». СПб., 1992, № 23.
2. «Биржевые ведомости». СПб., 1894, X, XI. Петроград, 1915—1917.
3. «Дворянское собрание». Гатчина. 1998, май.
4. «Ишимский край». Тюмень. 1918, V—XI.
5. «Кронштадский Вестник». Кронштадт. 1915—1917.
6. «Крымский Вестник». Севастополь. 1918, I—II.
7. «Морская газета». Кронштадт. 1994, X.
8. «Московские ведомости». М., 1894, X—XI.
9. «Московские новости». 1998, № 8.
10. «Петроградская газета». Пгр. 1915—1917.
11. «Петроградский листок». 1917. VIII.

12. «Радонеж». М., 1996, № 21—24.
13. «Российская газета». М., 1998, 4 апреля.
14. «Русский Инвалид». СПб. 1894, X—XI. Пгр. 1915—1917.
15. «Русский Рубеж». М. б. г. № 6.
16. «Русь Державная». М., 1997, № 2.
17. «Экспресс-газета». СПб, 1998, № 28.
18. «Русь Православная». СПб., 1998, № 4.
19. The St. Petersburg Times. SPb, 1998, June 2.
20. The Times. London. 1917. February to August.

21. The Times Weekly. London. 1917. January to May.

Темы: (нет) [\[Редактировать\]](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной Хронологический Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

4941

[sitemap](#):

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).